

RECON

ПУТЬ КО СПАСЕНІЮ.

(КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ АСКЕТИКИ).

НАЧЕРТАНІЯ ХРИСТІАНСКАГО ПРАВОУЧЕНІЯ.

Сочиненіе Епископа Сеофрана.

ИСТОЛКОВАНІЕ

МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ

СЛОВАМИ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

Фототипное издание 1962 г.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.

1908.

Геофан
..

PUTI KO SPASENIU
ПУТЬ КО СПАСЕНІЮ.

(КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ АСКЕТИКИ).

НАЧЕРТАНІЯ ХРИСТІАНСКАГО ПРАВОУЧЕНІЯ.

Сочиненіе Епископа Геофана.

ИСТОЛКОВАНІЕ

МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ

СЛОВАМИ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

Фототипное издание 1962 г.

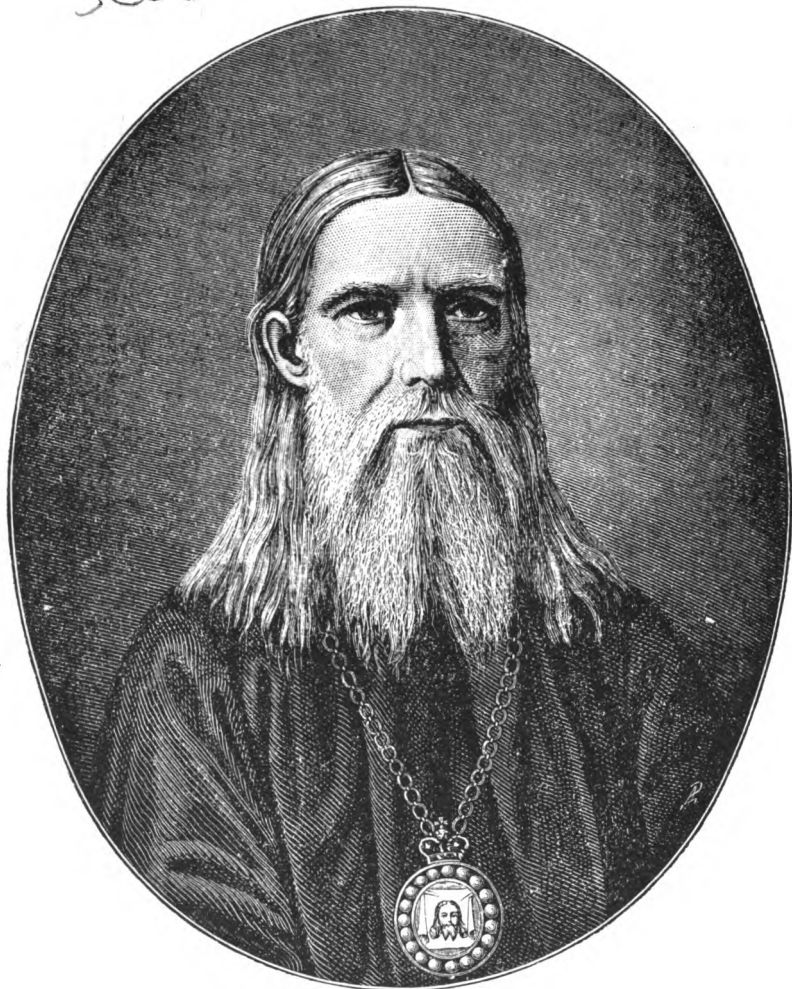

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собственный домъ.

1908.

5255-8368

Преосвященный епископ Теофанъ затворникъ Вышенскій.

Переиздано в Бельгии.

**Издательство « Жизнь с Богом »
Брюссель 1962**

**Éditions « La vie avec Dieu »
206, Avenue de la Couronne,
Bruxelles 5**

С разрешения церковных властей.

BX382

F46

1962

MAIN

ПРЕДИСЛОВИЕ

Епископ Феофан Затворник, в миру Георгий Васильевич Говоров, родился 10 января 1815 г. в селе Чернавске, Орловской губернии; он был сыном местного священника. Говоров учился сперва в Орловской семинарии, а затем в Киевской Духовной Академии (1837-1841) под руководством Иннокентия, будущего знаменитого архиепископа Херсонского. По окончании курса он был пострижен и назначен поочередно ректором киево-софийских духовных училищ, ректором Новгородской духовной семинарии, профессором Петербургской Духовной Академии. Семь лет иеромонах Феофан прожил в Святой Земле, как член русской миссии. Возведенный в сан архимандрита, он стал ректором сначала Олонецкой семинарии, а затем Петербургской Духовной Академии. В 1859 архимандрит Феофан был поставлен епископом в Тамбов, а летом 1863 переведен во Владимир. Но управлять целой епархией, или даже только одним монастырем, и жить среди мирской суеты и ответственных хлопот ему было не по сердцу: он чувствовал призвание к подвижничеству в затворе. Избрав себе, с согласия Синода, Выгенскую пустынь, он поселился в ней и жил настоящим затворником с 1872 до самой смерти, наступившей 6 января 1894. В затворе епископ Феофан молчал устами, но неустанно говорил пером, в частности отвечая на письма, которых он получал по 20-40 ежедневно.

Многочисленные творения епископа Феофана Затворника, к сожалению, перестали быть достоянием широких кругов, не только в СССР, где власти принимают всевозможные меры к уничтожению всех религий, но даже в эмиграции, в свободном мире. Это и побудило нас переиздать по крайней мере одно из лучших творений наиболее плодовитого русского духовного писателя XIX века, всеми любимого подвижника, наставника и молитвенника. Мы остановились на книге *Путь ко спасению, опыт аскетике*; к ней мы присоединили святоотеческие наставления о молитве Господней, собранные и дополненные еп. Феофаном.

Читателя трудов епископа Феофана поражает большое сходство, подчас почти совпадение, существенных элементов его наставлений по духовным вопросам с учением великих католических духовных писателей; расхождения встречаются только в терминологии, в

способе освещать вечные истины, в подходе к проблеме духовной жизни, в психологической установке. Но было бы большой ошибкой полагать, что Затворник заимствовал мысли у Скуполи или у св. Иоанна от Креста, или списывал что-либо из трудов западно-европейских аскетов и мистиков XIII-го и последующих веков. Католичество епископ Феофан знал только по небеспристрастным книгам врагов Рима; огромный мир католического подвижничества и монашества после эпохи св. Венедикта оставался для него неведомою областью; он не замечал, что мировое безбожие всегда направляло, как и теперь направляет, свои главные удары на папство. Все внимание Феофана было обращено на Восток. Он отлично владел греческим языком и, во время своего долгого пребывания в Палестине, изучал аскетику и мистику в творениях восточных Отцов и подвижников-созерцателей, синайских, сирийских, афонских; из западных Отцов ему были известны лишь немногие. Из русских духовных писателей святитель Тихон Задонский был ему, повидимому, особенно дорог.

Наиболее выдающейся чертой духовного облика Феофана Затворника является, как нам кажется, его уравниленность, многогранность, гармоничность, его недоверие ко всяким исключительностям, крайностям, узостям. Он не отрывает ту или иную аскетическую правду от совокупности христианских духовных сокровищ; никакую религиозную ценность он не превозносит в ущерб средствам и видам обожения. Тут, быть может сказалось влияние Василия Великого. Подобно всем восточным и западным здравомыслящим учителям христианского благочестия, Феофан строго осуждает всякое духовное фантазерство, молитвенную мечтательность, всякое отступление от действительности, лишенное религиозно-нравственной основы, всякое духовное усыпление; он требует постоянного « трезвения »; но он не впадает в противоположную крайность, он вовсе не платоник принципиально отвергающий все психо-телесное; он сторонник благоразумного применения воображения в молитве, в размышлении. Феофан, как подобает, придает большое значение сердцу, которое он считает « корнем существа человеческого, фокусом всех его сил духовных, душевных и животно-телесных »¹; но « если что нужно чувствовать сердцу, пусть оно чувствует под влиянием представителей ума, а не само по себе, как бы забегая вперед; иначе оно заставит разум представлять вещи по своему, опять подчинит его себе, опять внесет беспорядок в понятия » (*Путь ко спасению*, стр. 110). Феофан был бесспорно исихастом, в лучшем смысле этого слова; но, как видно из его предисловия к

¹ *Начертание христианского нравоучения*, изд. второе, стр. 306.

пятому тому Добротолубия, им же переведенного и переработанного, он опасался радикализма в рациональных богословских суждениях о зрении Бога. Феофан высоко ценил молитву Иисусову, часто советовал прибегать к ней; но он же предостерегал от «художественного творения» этой молитвы; в одном из его писем о молитве Иисусовой мы читаем: «О плодах молитвы сей так говорят, что уже выше сего и ничего на свете нет. Незаконно. Талисман нашли!»². Аскетика Феофана свободна от крайностей как расслабляющего попустительства, так и от убийственного для духа ригоризма; как все благоразумные христианские подвижники, он словом и примером неустанно проповедует умерщвление плоти, но в то же время предостерегает от всех эксцессов и не забывает, что христианское постничество должно быть подчинено смирению, борьбе с духом горделивого непослушания.

Феофан — психолог, педагог, серьезный теоретик; но он и духовник большого жизненного опыта, понимающий сколь вредны для души опрометчивые крайности и односторонности; он противник сектантского духа.

Вышенский затворник вовсе не был врагом торжественных богослужений, это само собою разумеется; но он устроил собственными руками небольшую церковку, в которой он в последние 11 лет своей жизни ежедневно служил «совсем один, иногда молча, а иногда и пел»³. Он высоко ценил благодатную свободу духа; но он же настаивал на том, чтобы духовная свобода охранялась, а при надобности и сдерживалась, точно определенными правилами поведения, молитвы, назидательного чтения.

Книга епископа Феофана *Путь ко спасению* ценна особенно тем, что в ней может найти весьма полезные указания не только монах, стремящийся к совершенству тихого молитвенного созерцания, но и любой мирянин, просто желающий «жить по христиански». Она духовно окармливает и юношу, и пожилого человека, и дряхлого старика, стоящего у гробовой доски. В книге *Путь ко спасению* найдут хорошие советы подросток и мать семейства, ученый профессор и простолудин, здоровый человек и калека. Насколько *Путь ко спасению* отвечает сложным запросам тайников человеческого сердца, видно хотя бы из того, что эта книга имела в дореволюционной России много изданий. Своеобразный слог Феофана, правда, устарел, но аскетические начала им высказанные вовсе не устарели, наоборот; именно в наши дни, когда безбожники считают религию чем-то «устарелым», непригодным для прогресса, когда

² *Собрание писем святителя Феофана*, выпуск первый, Москва, 1898, стр. 17.

³ *Е. Поселянин, Русские подвижники 19 века*, 1910, стр. 95.

весь мир погружен в моральный хаос, в омут всевозможных столкновений, и находится во власти всеразлагающих страстей, указание христианской дороги к спасению души в высшей степени актуально, желательно, необходимо.

Истолкование молитвы Господней представляет собою ряд святоотеческих размышлений, поясняющих призывание, прошения и славословие молитвы, преподанной нам Самим Господом нашим Иисусом Христом. Эти толкования были собраны неутомимым епископом Феофаном; он же их дополнил выдержками из сочинений святителя Тихона Задонского и собственными мыслями на соответствующие темы. Все знают, как важно для духовной жизни правильно, в духе Предания, понимать все слова молитвы «*Отче наш*», этой главной христианской молитвы.

Вместе с очень многими восточными аскетами Феофан Затворник допускает «*в составе существа человеческого три части: дух, душу и тело*». Но тут же он прибавляет: «*Это предмет спорный, хотя весь только в словах. Тем, кои не хотят различать духа и души, можно предложить, чтобы, под словом — дух они понимали высшую сторону нашей нетелесной стороны, а словом — душа означали низшие ее действия и направления*»⁴.

В конце настоящей книги читатель найдет указание смысла не всем понятных церковно-славянских и некоторых, теперь мало употребляемых, русских «*монашеских*» выражений, распределенных в алфавитном порядке.

Свящ. С. Тышкевич О. И.

⁴ *Начертание христианского нравоучения*, издание второе, стр. 188.

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕ ВСЕМ ПОНЯТНЫХ СЛОВ,
ВСТРЕЧАЕМЫХ В КНИГЕ « ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ »

- Аще — если, когда; так как; хотя.
Благодушествовать — иметь добрую душу.
Благонадежие — радость, бодрость, надежда.
Богозрение — созерцательное общение с Богом в смысле, указанном
Апостолом Павлом (I Коринф. 13, 12).
Болезненный — покаянный, умерщвляющий.
Болезнь — боль; недуг.
Брань — борьба, война.
Брашно — пища.
Бренный — тленный, преходящий.
Велиар — диавол.
Веси — знаешь.
Весь — село, деревня.
Взыгратися — возвеселиться.
Возгнещаю — зажигаю.
Вовреци — вбросить, принести.
Воздух — покров на еще не преложженных Св. Дарах.
Вы — вас.
Выну — всегда.
Выя — шея; гордость.
Глаголати — говорить; обещать.
Глагол — слово; речь; язык.
Дебелый — грубый, нечувствительный.
Делатель — подвижник, аскет.
Доволен — достаточный; подобающий.
Долулегание — лежание на полу.
Егда — когда.
Естество — природа.
Желательно — желанием, волею.
Живот — жизнь.
Животный — подающий жизнь.
Жру — приношу (в) жертву.
Знательный — познавательный.
Инуды — в ином месте.

- Искушаю — испытываю.
Истнение — уничтожение, разрушение.
Истукан — статуя, идол.
Исход — движение; выход, предел.
Исходище — источник; ворота; перекресток.
Камо — куда.
Капище — языческий храм.
Качествовать — быть присущим кому-чему; отличать кого-что.
Клятва — обещание; проклятие.
Купель — сосуд для крещения.
Лестчий — обольстительный.
Лицедей — актер.
Льгота — облегчение, удобство.
Любоимание — корыстолюбие.
Любомудрие — благочестивая жизнь; философия.
Любы — любовь.
Мета — цель, назначение.
Многочастный — сложный; многократный.
Наитие — сошествие.
Непосестность — суетливость; переменчивость.
Непщевание — предлог, прикрытие, вид.
Ниц — лицом вниз.
Ничесоже — ничего.
Обет — обещание; решенне, желание.
Оброчник — раб, должник.
Обыкати — иметь обыкновение.
Одесную — по правую руку.
Озлобити — стеснять, угнетать.
Окаянствовати — уничижать, презирать.
Отщетевати — отнимать, вредить, губить.
Паче — более; выше.
Пиво — питье, напиток.
Победность — преодоление.
Поелику — потому что.
Поне — по крайней мере.
Праздный — пустой, бесполезный.
Предняя — будущее.
Презорство — презирание, строптивость.
Прелесь — прельщение; (прикрытое) искушение.
Прилежати — принадлежать к чему.
Приразитися — столкнуться.
Приставник — управитель.
Разверстие — раскрытие.

Разумично — умно, искусно; хитро.

Распужаю — разгоняю.

Реци — сказать.

Самodelание — делание только собственной силою.

Самопоставление — своеволие.

Самость — эгоизм.

Своеумие — умничание.

Седалище — трон.

Снедь — пища; ядение.

Споспешествую — содействую.

Сретати — идти на встречу.

Стяжание — приобретение.

Таинник — подвижник, которому Бог сообщает тайны веры.

Тецьте — бегите.

Тимение — болотистое место.

Точию — только.

Требующий — пользующийся.

Треплетенный — втрое исплетенный, ухищренный.

Туне — даром.

Убо — итак; поистине.

Углебаю — погрязая, вязну.

Угодие — угождение.

Умет — навоз, помет.

Умиленне — смирение, сокрушение о грехах, покаяние.

Усмотряю — наблюдаю, замечаю.

Хартия — свидетельство, удостоверение.

Храмина — дом; темница.

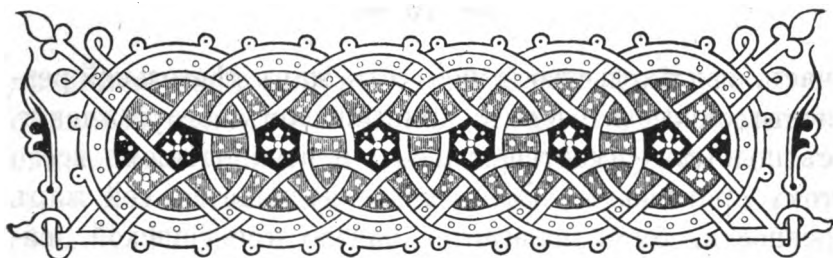
Художество — искусство, умение; хитрость.

Чадо — дитя.

Чувство (религиозное) — глубокое переживание всею душою познаваемого одошенным, умом (не: сентиментальное настроение или непродуманное влечение).

Яко — как; чтобы; так что.

Ярем — иго, бремя.

I.

Какъ начинается въ насъ христіанская жизнь?

Надобно намъ уяснить себѣ, когда и какъ начинается истинно христіанская жизнь для того, чтобы видѣть, положено ли въ насъ начало жизни сей, и, въ случаѣ, если не положено, знать, какъ положить оное, насколько это отъ насъ зависитъ.

То не рѣшительный еще признакъ истинной жизни во Христѣ, если кто-нибудь именуется христіаниномъ и принадлежитъ къ Церкви Христовой. *Не всякъ глаголюй Ми: Господи, Господи, увидеть въ царствіе* (Матѣ. 7, 21). *И не вси, сущіи отъ Израиля, суть Израиль* (Римл. 9, 6). Можно быть въ числѣ христіанъ, и не быть христіаниномъ. Это всякій знаетъ.

Есть моментъ, и моментъ весьма замѣтный, рѣзко обозначающійся въ теченіи жизни нашей,—когда кто начинаетъ жить по-христіански. Это тотъ моментъ, когда въ немъ начинаютъ казаться отличительныя черты жизни христіанской. Христіанская жизнь есть ревность и сила пребывать въ общеніи съ Богомъ дѣятельнымъ, по вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божіей, исполненіемъ святой воли Его, во славу пресвятаго имени Его. Существо жизни христіанской состоитъ въ Богообщеніи, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ,—въ Богообщеніи, въ началѣ обычно сокровенномъ не только отъ другихъ, но и отъ себя. Видимое же, или ощущаемое внутри

нась, свидѣтельство о ней есть жаръ дѣятельной ревности, исключительно о христіанскомъ Богоугожденіи, съ полнымъ самоотверженіемъ и ненавидѣніемъ всего тому противнаго. Такъ, когда начинается сей жаръ ревности, тогда полагается начало христіанской жизни; и въ комъ онъ постоянно дѣйствуетъ, тотъ живетъ по-христіански.

На этойъ отличительной чертѣ надобно остановить немного по-долѣе наше вниманіе.

Огня приидохъ во врещи на землю, говоритъ Спаситель, и какъ желалъ бы Я, чтобы онъ возгорѣлся (Лук. 12, 49). Это говоритъ Онъ о христіанской жизни и говоритъ потому, что видимое ея свидѣтельство составляетъ возжигаемая въ сердцѣ Духомъ Божиимъ ревность о Богоугожденіи, похожая на огонь, ибо какъ огонь снѣдаетъ то вещество, въ которомъ внѣдряется, такъ и ревность о жизни по Христѣ снѣдаетъ душу, которая воспріяла ее. И какъ во время пожара пламя охватываетъ все зданіе, такъ и воспринятый огонь ревности объемлетъ и наполняетъ все существо человѣка.

Въ другомъ мѣстѣ Господь говоритъ: *всякъ огнемъ осолится* (Марк. 9, 49). И это есть указаніе на огонь духа, ревностію проникающаго все существо наше. Какъ соль, проникая удобообразуемое вещество, предохраняетъ его отъ гніенія, такъ и духъ ревности, проникая все наше существо, изгоняетъ грѣхъ, растлѣвающій нашу природу и по душѣ, и по тѣлу, изъ всѣхъ даже малѣйшихъ его вмѣстилищъ и хранилищъ, и тѣмъ спасаетъ насъ отъ нравственной порчи и растлѣнія.

Апостоль Павелъ заповѣдуетъ: *Духа не угашать* (1 Сол. 5, 19), *быть тщаніемъ не лѣнливими, духомъ горѣть* (Римл. 12, 11),—заповѣдуетъ сіе всѣмъ христіанамъ, чтобы помнили, что горѣніе духа, или не-

лѣностное тщаніе, есть неотъемлемое свойство христіанской жизни. Въ другомъ мѣстѣ о себѣ говоритъ онъ: *задняя забывая, въ предняя же простираяся, со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія о Христь Іисусъ* (Фил. 3, 13. 14); и другимъ внушаетъ: *такъ тецъте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24). Значить, въ жизни христіанской, вслѣдствіе жара ревности, есть нѣкоторая быстрота и живость духовная, съ которою берутся за дѣла Богоугодныя, попирая себя и охотно принося въ жертву Богу всякаго рода труды, безъ жалѣнія себя.

Утверждаясь на такомъ понятіи, легко можно заключить, что холодное исполненіе уставовъ Церкви, равно какъ регулярность въ дѣлахъ, устанавливаемая расчетливымъ разсудкомъ, исправность, степенность, и честность въ поведеніи еще не суть рѣшительные указатели, что качественно въ насъ истинно-христіанская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носить въ себѣ духа жизни о Христь Іисусъ, не имѣть никакой предъ Богомъ цѣны. Такого рода дѣла будутъ тогда какъ бы бездушные истуканы. И часы хорошіе идутъ исправно; но кто скажетъ, что въ нихъ есть жизнь?! Такъ и тутъ: часто *имя только имѣютъ, что живы*, будучи на дѣлѣ *мертвы* (Апок. 3, 1). Эта добропорядочность поведенія больше всего можетъ вводить въ обольщеніе. Истинное его значеніе, зависитъ отъ внутреннихъ расположеній, въ которыхъ возможны значительныя уклоненія отъ существенной правды при дѣлахъ правыхъ. Какъ, удерживаясь внѣшно отъ дѣлъ грѣховныхъ, можно питать къ нимъ привязанность или соуслажденіе въ сердцѣ, такъ равно, дѣлая дѣла правыя внѣшно, можно не имѣть къ нимъ расположенія сердечнаго. Только истинная ревность какъ добро хочетъ совершать во всей полнотѣ и чистотѣ, такъ и грѣхъ преслѣдуетъ до ма-

лѣйшихъ его отгѣнковъ. Перваго ищетъ она, какъ насущнаго хлѣба, съ послѣднимъ поступаетъ, какъ съ врагомъ смертельнымъ. Врагъ врага ненавидитъ не только въ лицѣ его собственномъ, но ненавидитъ родныхъ его и знаемыхъ, даже вещи его, цвѣтъ ему любимый, вообще все, что сколько-нибудь напоминаетъ о немъ. Тоже и ревность о Богоугожденіи истинная: преслѣдуетъ грѣхъ въ малѣйшихъ объ немъ напоминаніяхъ или намекахъ; ибо ревнуетъ о рѣшительной чистотѣ. Не будь этого, сколько нечистоты можетъ залечь въ сердцѣ!

И какого успѣха можно ожидать, когда нѣтъ стремительной ревности о христіанскомъ Богоугожденіи? Въ чемъ нѣтъ труда, то будетъ еще исполняться; но коль скоро потребуется въ чемъ-либо усиленный трудъ, или какое-либо самопожертвованіе, — тотчасъ послѣдуетъ отказъ, по невозможности совладѣть съ собою. Ибо тогда не на что будетъ опереться, чтобы подвинуть себя на доброе дѣло: саможалѣніе подорветъ всѣ опоры. Если же примѣшается другое какое побужденіе, кромѣ указаннаго, то оно и доброе дѣло сдѣлаетъ недобрымъ. Соглядатаи при Моисеѣ убоялись оттого, что себя жалѣли. Мученики охотно шли на смерть оттого, что ихъ сожигалъ внутренній огонь. Истинный ревнитель не законное только дѣлаетъ, но и совѣтъ, и всякое благое внушеніе, тайно печатлѣемое въ душѣ; дѣлаетъ не представляющееся только, но бываетъ изобрѣтателемъ на добро, весь въ заботахъ объ одномъ добрѣ прочномъ, истинномъ, вѣчномъ. „Вездѣ потребно намъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ (бесѣд. 31 на Дѣян.), усердіе и многое разженіе души, готовое ополчиться противъ самой смерти; ибо иначе невозможно царствіе получить“.

Дѣло благочестія и Богообщенія есть дѣло много-

трудное и многоболѣзненное, особенно на первыхъ порахъ. Гдѣ взять силу, чтобы подъять всѣ эти труды? При помощи благодати Божіей—въ одушевленной ревности. Купецъ, воинъ, судья, ученый проходятъ службу многозаботливую и многотрудную. Чѣмъ поддерживаютъ они себя въ трудахъ своихъ?—Воодушевленіемъ и любовію къ своему дѣлу. Не инымъ чѣмъ можно поддерживать себя и на пути благочестія. А безъ сего мы будемъ находить въ служеніи Богу томность, тяготу, скуку, вялость. И тихоходъ идетъ, но съ болѣзнію, тогда какъ для быстрой серны или проворной бѣлки движеніе и переходъ составляютъ удовольствие. Богоугожденіе ревностное есть отрадное, окрыляющее духъ, шествіе къ Богу. Безъ него можно испортить все дѣло.—Надо все дѣлать во славу Божію, наперекоръ живущему въ насъ грѣху; а безъ сего мы будемъ все исполнять только по привычкѣ, по требованію приличія, потому что такъ издавна дѣлалось и такъ дѣлаютъ другіе. Надо дѣлать *все*; а въ противномъ случаѣ мы иное сдѣлаемъ, а иное нѣтъ, и притомъ безъ всякаго сокрушенія и даже памяти о пропускахъ. Надо все дѣлать со вниманіемъ и осмотрительностію, какъ *главное дѣло*; а иначе мы будемъ дѣлать, какъ пришлось.

Итакъ, ясно, что безъ ревности христіанинъ—плохой христіанинъ,—вялый, разслабленный, безжизненный, ни тепель, ни кладень,—и жизнь такая не жизнь. Сіе вѣдая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрыхъ дѣлъ, чтобы быть истинно угодными Богу, не имѣя скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ.

Итакъ, вѣрное свидѣтельство о жизни христіанской есть огонь дѣятельной ревности о Богоугожденіи. Спрашивается теперь, какъ возжигается сей огонь? Кто его производители?

Такая ревность производится дѣйствиємъ благодати, однакоже и не безъ участія свободной нашей воли. Жизнь христіанская не есть жизнь естественная. Таково же должно быть и ея начало, или первое ея пробужденіе. Какъ въ сѣмени растительная жизнь пробуждается тогда, какъ къ сокрытому въ немъ росту проникаетъ влага и теплота, и чрезъ нихъ—все-возстановляющая сила жизни, такъ и въ насъ жизнь Божественная пробуждается, когда проникаетъ въ сердце Духъ Божій и полагаетъ тамъ начало жизни по духу, очищаетъ и собираетъ воедино омраченныя и разбитыя черты образа Божія. Пробуждается желаніе и свободное исканіе (дѣйствиємъ извнѣ), потомъ нисходитъ благодать (чрезъ таинства) и, сочетавшись съ свободою, рождаетъ мощную ревность. И никто не думай самъ собою родить такую силу жизни: объ ней должно молиться и быть готовымъ пріять ее. Огнь ревности съ силою—это благодать Господня. Духъ Божій, сходя въ сердце, начинаетъ дѣйствовать въ немъ не снѣдающею только, но и вседѣйствующею ревностію.

Инымъ приходитъ на мысль: зачѣмъ это дѣйствіе благодати? Неужели мы сами не можемъ дѣлать добрыхъ дѣлъ? Вотъ мы сдѣлали то и то доброе дѣло. Поживемъ, и еще что-либо сдѣлаемъ. Рѣдкій, можетъ быть, не останавливался на этомъ вопросѣ. Иные говорятъ, что мы не можемъ сами собою ничего добраго дѣлать. Но здѣсь дѣло не объ отдѣльныхъ добрыхъ дѣлахъ, а о перерожденіи всей жизни, о жизни новой, о жизни въ цѣломъ ея составѣ—такой, которая приводитъ ко спасенію. При случаѣ нетрудно что-нибудь сдѣлать даже очень хорошее, какъ дѣлали и язычники. Но пусть кто намѣренно опредѣлитъ себя на неопустительное добродѣланіе, опредѣ-

лить порядокъ его по указанію слова Божія,—и это не на одинъ мѣсяцъ или годъ, но на всю жизнь,— и положить неуклонно пребывать въ семь порядкѣ, и потомъ, когда пребудетъ вѣренъ тому,—пусть хвалится своею силою; а безъ сего не лучше ли заградить уста свои. Мало ли бывало и бываетъ опытовъ самодѣльнаго начинанія и устроенія христіанскаго житія? И всѣ они оканчивались и оканчиваются ничѣмъ. Постоить немного человекъ въ новоизбранномъ порядкѣ,— и бросаетъ. И какъ иначе? Нѣтъ силъ. Только вѣчной силѣ Божіей свойственно поддерживать насъ неизмѣнными въ расположеніи, среди непрерывныхъ приливовъ измѣненій временныхъ. Потому надобно преисполниться сею силою, испросить ее и принять по чину,—и она приподниметъ насъ и извлечетъ изъ этого тревоженія временнаго.

Обратитесь еще къ опыту и посмотрите, когда приходятъ такія помышленія самодовольства? Когда человекъ бываетъ въ покойномъ состояніи, когда его ничто не смущаетъ, ничто не прельщаетъ и не влечетъ ко грѣху, тогда онъ готовъ на самое святое и чистое житіе. Но чуть движеніе страсти или соблазнъ,—куда всѣ обѣты?! Не говоритъ ли себѣ часто человекъ, ведущій невоздержную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщеніе страсти прошло, новый позывъ возстаетъ, и онъ опять является во грѣхахъ. Хорошо разсуждать о перенесеніи обидъ, когда все идетъ по нашей волѣ, не на переکورъ самолюбію. Тутъ, пожалуй, страннымъ покажется чувство оскорбленія или серчанія, какому предаются другіе. По случись самимъ быть въ подобномъ положеніи, тогда и одинъ взглядъ, не только слово, выведетъ изъ себя. Такъ можно въ самонадѣянности мечтать о возможности самому собою, безъ высшей помощи, вести жизнь

христіанскую, когда покоенъ духъ. Но когда зло, слѣпшея на днѣ сердца, возматется, какъ прахъ вѣтромъ, тогда въ собственномъ опытѣ найдетъ каждый осужденіе своей заносчивости. Когда помысль за помысломъ, желаніе за желаніемъ—одно другого хуже—начинають тревожить душу, тогда забудетъ всякій про себя и невольно воззоветъ съ Пророкомъ: *воды внидоша до души моя: углубохъ въ тмѣнни глубины* (Псал. 68, 2). *О, Господи, спаси же! О, Господи, поспѣши же!* (Псал. 117, 25).

Не бываетъ ли часто такъ: мечтаетъ иной въ самоувѣренности пребывать въ добрѣ. Но вотъ воображено лице или вещь, родилось желаніе, возбудилась страсть; человѣкъ увлеченъ и палъ. Послѣ сего оставалось бы только посмотрѣть на себя и сказать: какъ это худо! Но вотъ представился случай къ развлеченіямъ, и онъ снова готовъ забыться. Далѣе, кто-нибудь оскорбилъ: началась брань, укоры, судъ; представилась не правая, но выгодная сдѣлка,—берется и за то: одного унижилъ, съ другими подѣлился, третьяго столкнулъ съ мѣста,—и все это послѣ того, какъ хвалился возможностью самому, безъ особой помощи свыше, вести себя свято. Гдѣ же сила?—*Духъ бодръ, плоть же немощна* (Матѳ. 26, 41). Видишь добро и творишь зло: *хотящу творити доброе, злое прилежитъ* (Римл. 7, 21). Мы въ плѣну: искупи насъ, Господи!

Одинъ изъ первыхъ вражескихъ навѣтовъ на насъ есть помысль самонадѣянности, т.-е. если не отверженіе, то нечувствованіе нужды въ благодатной помощи. Врагъ какъ бы такъ говоритъ: „не ходи туда — къ свѣту, гдѣ хотять тебѣ дать какія-то новыя силы!—Ты у меня и такъ хорошъ“. Человѣкъ и предается покою. А врагъ между тѣмъ—гдѣ подкинетъ камень (непріятности), гдѣ наведетъ на скользкое мѣсто (пре-

лести страстей), гдѣ усѣтъ цвѣтами закрытыя силки (свѣтлая обстановка). Не оглядываясь, человѣкъ стремится все далѣе и далѣе, и не догадывается, что ниспадаетъ все ниже и ниже, пока, наконецъ, не низойдетъ на самое дно зла—къ предверію ада. Не нужно ли въ такомъ случаѣ крикнуть ему, какъ первому Адаму: „человѣкъ, гдѣ ты? Куда ты зашелъ?“ Вотъ это то воззваніе и есть дѣйствіе благодати, которое заставляетъ грѣшника въ первый разъ осмотрѣться на себя.

Итакъ, желаешь начать жить по-христіански, взыщи благодати. Минута, когда низойдетъ благодать и сочтается съ твоею волею, будетъ минутою рожденія жизни христіанской—сильной, твердой, многоплодной.

Гдѣ обрѣсти и какъ принять благодать, зачинающую жизнь?—Стяжаніе благодати и освященіе ею нашего естества совершается въ таинствахъ. Здѣсь мы предлагаемъ дѣйствию Божию, или приносимъ Богу свою непотребную природу,—и Онъ дѣйствіемъ Своимъ претворяетъ ее. Богу угодно было, для пораженія гордаго ума нашего, въ самомъ началѣ истинной жизни, сокрыть силу Свою подъ сѣнію вещества простого. Какъ это бываетъ, не постигаемъ, но опытъ всего христіанства свидѣтельствуетъ, что иначе не бываетъ.

Таинства, преимущественно относящихся къ началу жизни христіанской, два: *крещеніе* и *покаяніе*. Потому и правила касательно начала жизни истинно-христіанской собираются одни вокругъ крещенія, а другія—вокругъ покаянія.

а) Какъ начинается жизнь христіанская въ таинствѣ крещенія.

Крещеніе есть первое въ христіанствѣ таинство, содѣлывающее человѣка христіанина достойнымъ сподобляться даровъ благодати и чрезъ другія таинства.

Безъ него нельзя войти въ міръ христіанскій—сдѣлаться членомъ Церкви. Предвѣчная премудрость созидала себѣ домъ на землѣ: дверь, вводящая въ сей домъ, есть таинство крещенія. Сею дверью не только входятъ въ домъ Божій, но при ней же облакаются и въ достойную его одежду, получаютъ новое имя и знакъ, отпечатавающійся во всемъ существѣ крещаемаго, посредствомъ коего разузнають и различають его потомъ и небесные, и земные.

Аще кто во Христѣ, нова тварь, учитъ Апостоль (2 Кор. 5, 17). Сею новою тварію христіанинъ становится въ крещеніи. Изъ купели человѣкъ выходитъ совсѣмъ не такимъ, какимъ туда входитъ. Какъ свѣтъ тьмѣ, какъ жизнь смерти, такъ крещенный противоположенъ некрещенному. Зачатый въ беззаконіяхъ и рожденный во грѣхахъ, человѣкъ до крещенія носитъ въ себѣ весь ядъ грѣха, со всею тяготою его послѣдствій. Онъ состоитъ въ немилости Божіей, есть естествомъ чадо гнѣва; поврежденъ, разстроены самъ въ себѣ, въ соотношеніи частей и силъ и въ ихъ направленіи преимущественно на размноженіе грѣха; подчиненъ вліянію сатаны, который дѣйствуетъ въ немъ властно, по причинѣ грѣха, живущаго въ немъ. Вслѣдствіе всего этого, онъ, по смерти, неминуемо есть оброчникъ ада, гдѣ долженъ мучиться вмѣстѣ со своимъ княземъ и его клеветами слугами.

Крещеніе избавляетъ насъ отъ всѣхъ сихъ золъ. Оно снимаетъ клятву силою креста Христова и возвращаетъ благословеніе: крещенные суть чада Божія, какъ именоваться и быть далъ имъ область Самъ Господь. *Аще же чада, то и наследницы*, — *наследницы убо Богу, сонаследницы же Христу* (Римл. 8, 17). Царство небесное принадлежитъ крещаемому уже по самому крещенію. Онъ изъемлетъ изъ-подъ владыче-

ства сатаны, который теперь теряет власть надъ нимъ и силу самовольно дѣйствовать въ немъ. Вступленіемъ въ Церковь,—домъ прибѣжища—сатанѣ заграждаются входы къ новокрещенному. Онъ здѣсь какъ въ безопасной оградѣ.

Все это—духовно-внѣшнія преимущества и дарованія. Что происходитъ внутри?—Исцѣленіе грѣховной болѣзни и поврежденія. Сила благодати проникаетъ внутрь и восстанавливаетъ здѣсь Божественный порядокъ во всей его красотѣ, врачуетъ разстройство, какъ въ составѣ и отношеніи силъ и частей, такъ и въ главномъ направленіи отъ себя къ Богу,—на Богоугожденіе и умноженіе добрыхъ дѣлъ. Почему крещеніе и есть возрожденіе или новое рожденіе, поставляющее человѣка въ обновленное состояніе. Апостоль Павелъ всѣхъ крещенныхъ сравниваетъ съ воскресшимъ Спасителемъ, давая разумѣть, что и у нихъ такое же свѣтлое въ обновленіи существо, какимъ явилось человечество въ Господѣ Иисусѣ, чрезъ воскресеніе Его въ славу (Римл. 6, 4). Что и направленіе дѣятельности въ крещенномъ измѣняется—это видно изъ словъ того же Апостола, который говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что они уже не *тому себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). *Еже бо умре, грѣху умре единою, а еже живетъ, Богови живетъ* (Римл. 6, 10).—*Мы спогребаемся Ему крещеніемъ въ смерть* (Римл. 6, 4), и: *ветхій нашъ человѣкъ съ Нимъ распинается, яко тому не работати намъ грѣху* (Римл. 6, 6). Такъ вся дѣятельность человѣка силою крещенія обращается отъ себя и грѣха къ Богу и правдѣ.

Замѣчательно слово Апостола: *Яко тому не работати намъ грѣху...* и другое: *грѣхъ вами да не обладаетъ* (Римл. 6, 14). Это даетъ намъ разумѣть, что то, что въ разстроенной падшей природѣ составляетъ

силу, влекущую ко грѣху, не истребляется въ конецъ въ крещеніи, а только поставляется въ такое состояніе, въ коемъ не имѣеть надъ нами власти, не обладаетъ нами, и мы не работаемъ ему. Оно въ насъ же находится, живетъ и дѣйствуетъ, только не какъ господинъ. Главенство съ сихъ поръ принадлежитъ уже благодати Божіей и духу, сознательно себя ей предающему. Св. Діодохъ, объясняя силу крещенія, говоритъ, что до крещенія грѣхъ живетъ въ сердцѣ, а благодать извнѣ дѣйствуетъ; послѣ же сего, благодать вселяется въ сердце, а грѣхъ влечетъ извнѣ. Онъ изгоняется изъ сердца, какъ врагъ изъ укрѣпленія, и поселяется внѣ, въ частяхъ тѣла, откуда и дѣйствуетъ раздробленно набѣгами. Почему и есть непрестанный искушитель, соблазнитель, но уже не властелинъ: беспокоитъ и тревожитъ, но не повелѣваетъ (Добротол. ч. 3, гл. 76 и далѣе).

Такъ зарождается новая жизнь въ крещеніи! Что при этомъ требуется со стороны человѣка, или какъ доходитъ онъ до того, что обновляется въ крещеніи, — изображено въ „Начертаніи правоученія христіанскаго,“ особенно въ статьѣ: норма христіанской жизни. Здѣсь этого не повторяется, потому что возрастной, приступающій къ крещенію, есть то же, что грѣшникъ, обратившійся къ Богу въ покаяніи; а о семъ послѣднемъ рѣчь будетъ впереди не краткая, будетъ второй отдѣлъ. Тогда вполне будетъ удовлетворено любовѣдѣніе всякаго о семъ предметѣ.

Здѣсь обращается вниманіе на то, какъ начинается чрезъ крещеніе жизнь христіанская въ тѣхъ, кои крестятся младенцами, какъ это бываетъ преимущественно между нами. Ибо здѣсь начало христіанской жизни устроится съ нѣкоторою характеристическою особенностію, вытекающею изъ отношенія благодати къ свободѣ.

Вы уже знаете, что благодать нисходитъ на свободное желаніе и исканіе, и что только взаимнымъ сочетаніемъ ихъ зачинается сообразная съ благодатію и свойствомъ свободной твари новая благодатная жизнь. Господь подаетъ благодать туне, но требуетъ, чтобы человѣкъ искалъ ее и желательно воспринималъ ее, посвящая себя всецѣло Богу. Исполненіе сего условія въ покаяніи и въ крещеніи возрастныхъ очевидно. Но какъ оно исполняется въ крещеніи младенцевъ? Младенецъ не имѣетъ употребленія разума и свободы, слѣдовательно, не можетъ исполнить условія къ началу христіанской жизни съ своей стороны, т.-е., желанія посвятить себя Богу. Между тѣмъ, сіе условіе непремѣнно должно быть исполнено. Отъ способа исполненія сего условія начало жизни, чрезъ крещеніе младенцевъ, совершается съ нѣкоторою характеристическою особенностію. Именно.

Благодать нисходитъ на младенческую душу и производитъ въ ней все *одна*, такъ, какъ бы при семъ участвовала и свобода, на томъ единственно основаніи, что въ будущемъ сей, не сознающій себя и не дѣйствующій лично, младенецъ, когда придетъ въ сознаніе, самъ охотно посвятить себя Богу, желательно восприметъ благодать, нашедши въ себѣ ея дѣйствія, радъ будетъ, что она есть, возблагодаритъ, что такъ сдѣлано для него, и исповѣдуетъ, что, если бы въ минуту крещенія даны были ему смыслъ и свобода, онъ не иначе поступилъ бы, какъ поступлено, и не захотѣлъ бы иного. Ради такого будущаго свободнаго посвященія себя Богу и сочетанія свободы съ благодатію, Божественная благодать вся подается младенцу и безъ него все въ немъ производитъ, что производитъ ей свойственно, по одному увѣренію, что требуемое желаніе и преданіе себя Богу будетъ не-

сомнѣнно.—увѣренію, какое даютъ воспріемники, поручаясь Богу предъ Церковію, что сей младенецъ, пришедши въ сознаніе, явитъ именно такое употребленіе свободы, какое требуется для благодати, пріемля на себя обязанность самымъ дѣломъ довести до того младенца воспріемлемаго.

Такимъ образомъ, чрезъ крещеніе въ младенцѣ полагается сѣмя жизни о Христѣ и есть въ немъ; но она еще какъ бы не его,—дѣйствуетъ какъ образующая его сила. Жизнь духовная, зарожденная благодатию крещенія въ младенцѣ, станетъ собственною человѣку, явится въ полномъ своемъ видѣ, сообразною не только съ благодатию, но и со свойствомъ разумной твари съ того времени, когда онъ, возникши къ сознанію, свободнымъ произволеніемъ посвятитъ себя Богу и желательнымъ, радостнымъ и благодарнымъ воспріятіемъ усвоитъ себѣ обрѣтенную въ себѣ благодатную силу. И до сего времени въ немъ дѣйствуетъ жизнь истинно-христіанская, но какъ бы безъ его вѣдома, дѣйствуетъ въ немъ, а есть еще какъ бы не его; съ минуты же сознанія и избранія она становится его собственною, не благодатною только, но и свободною.

По причинѣ этого, болѣе или менѣе продолжительнаго, промежутка между крещеніемъ и посвященіемъ себя Богу, начало христіански-нравственной жизни чрезъ благодать крещенія въ младенцахъ расширяется, такъ сказать, на неопредѣленное пространство времени, въ продолженіе коего младенецъ зрѣетъ и образуется въ христіанина въ св. Церкви среди христіанъ, какъ прежде тѣлесно образовался въ утробѣ матери.

Установитесь, читатель, покрѣпче въ сей мысли. Она намъ крайне будетъ нужна при опредѣленіи того,

какъ родители, воспріемники и воспитатели должны обходиться съ крещеннымъ младенцемъ, который ввѣряется имъ отъ св. Церкви и Господа.

Понятно само собою, что послѣ крещенія младенца очень важное дѣло предлежитъ родителямъ и воспріемникамъ: такъ вести крещеннаго, чтобы онъ, пришедши въ сознаніе, созналъ въ себѣ благодатныя силы, съ радостнымъ желаніемъ воспріялъ ихъ, равно какъ и сопряженныя съ ними обязанности и требуемый ими образъ жизни. Это лицомъ къ лицу составляетъ съ вопросомъ о христіанскомъ воспитаніи или о воспитаніи по требованію благодати крещенія, съ цѣлю сохраненія сей благодати.

Чтобы яснѣе было, какъ должно обходиться съ крещеннымъ младенцемъ въ показанныхъ цѣляхъ, надо привести себѣ на память высказанную прежде мысль, что благодать осѣняетъ сердце и обитаетъ въ немъ, когда въ немъ качествуетъ обращеніе отъ грѣха и себя къ Богу. Ради этого настроенія, дѣятельно являемаго, далѣе подаются и всѣ другіе дары благодати и всѣ преимущества облагодатствованныхъ: благоволеніе Божіе, сонаслѣдіе Христу, поставленіе внѣ области сатаны, внѣ опасности быть осуждену въ адъ. Коль же скоро сіе настроеніе ума и сердца умаляется или теряется, тотчасъ грѣхъ снова начинаетъ обладать сердцемъ, а чрезъ грѣхъ налагаются узы сатаны и отъемлются благоволеніе Божіе и сонаслѣдство Христу. Благодать въ младенцѣ укрощаетъ и заглушаетъ грѣхъ; но онъ можетъ снова ожить и возстать, если дать ему пищу и свободу. Итакъ, все вниманіе тѣхъ, на конхъ лежитъ обязанность блюсти въ цѣлости принятое изъ купели дитя-христіанина, должно быть обращено на то, чтобы никакъ не допустить опять возобладать надъ нимъ грѣху, всячески пода-

влять сей послѣдній и обезсилить, а направленіе къ Богу возбуждать и укрѣплять. Должно сдѣлать, чтобы такое настроеніе въ растущемъ христіанинѣ росло хотя по чужому руководству, но самодѣтельно, чтобы онъ болѣе и болѣе привыкалъ преобладать надъ грѣхомъ и одолевать его ради Богоугожденія, привыкалъ такъ употреблять силы духа и тѣла, чтобы это было не работа грѣху, а служеніе Богу. Что это возможно, видно изъ того, что рожденный и крещенный есть весь — сѣмя будущаго, или земля, исполненная сѣмянъ. Влитое благодатію крещенія новое пастроеніе не есть мысленное только или вмѣняемое, а дѣйствительное, т.-е. тоже есть сѣмя жизни. Если вообще всякое сѣмя развивается по роду своему, то можетъ развиваться и сѣмя благодатной жизни въ крещенномъ. Если въ немъ положено сѣмя преобладающаго надъ грѣхомъ обращенія къ Богу, то оно такъ же можетъ быть развито и возвращено, какъ и другія сѣмена. Должно только употребить на сіе дѣйствительныя средства или опредѣлить цѣлесообразный способъ дѣйствовать на крещеннаго младенца.

Цѣль, къ какой все при этомъ должно быть направлено, состоитъ въ томъ, чтобы сей новый человѣкъ, пришедши въ сознание, созналъ себя не человѣкомъ только, существомъ разумно-свободнымъ, но вмѣстѣ лицомъ, вступившимъ въ обязательство съ Господомъ, съ Коимъ соединена неразрывно его вѣчная участь; и не только созналъ себя такимъ, но и находилъ себя способнымъ дѣйствовать по сему обязательству и видѣлъ въ себѣ преимущественное къ тому тяготѣніе. Спрашивается, какъ сего достигнуть? Какъ поступать съ крещеннымъ, чтобы, пришедши въ возрастъ, онъ ничего болѣе не желалъ, какъ быть истиннымъ христіаниномъ. Или — какъ воспитывать по-христіански?

Въ отвѣтъ на это не беремся разсматривать все подробно. Ограничимся однимъ общимъ обозрѣніемъ всего дѣла христіанскаго воспитанія, имѣя въ виду указать, какъ въ какомъ случаѣ поддерживать и укрѣплять добрую въ дѣтяхъ сторону, и какъ обезсилить и подавлять худую.

Здѣсь прежде всего вниманіе останавливается на младенцѣ въ колыбели, до пробужденія въ немъ какихъ-либо способностей. Младенецъ живетъ, слѣдовательно, можно вліять на его жизнь. Здѣсь приложимы св. Тайны, за ними вся церковность; и съ ними вмѣстѣ вѣра и благочестіе родителей.

Все сіе, въ совокупности, составитъ спасительную вокругъ младенца атмосферу. Всѣмъ симъ таинственно наиттуется благодатная жизнь, зачатая въ младенцѣ.

Частое причащеніе св. Христовыхъ Таинъ (можно прибавить: сколько можно частое) живо и дѣйственно соединяетъ съ Господомъ новый членъ Его, чрезъ пречистое Тѣло и Кровь Его, освящаетъ его, умиротворяетъ въ себѣ и дѣлаетъ неприступнымъ для темныхъ силъ. Поступающіе такимъ образомъ замѣчаютъ, что въ тотъ день, когда причащаютъ дитя, оно бываетъ погружено въ глубокій покой, безъ сильныхъ движеній всѣхъ естественныхъ потребностей, даже тѣхъ, кои въ дѣтяхъ сильнѣе дѣйствуютъ. Иногда оно исполняется радостію и играніемъ духа, въ коемъ готово всякаго обнимать, какъ своего. Нерѣдко св. причащеніе сопровождается и чудодѣйствіями. Св. Андрей Критскій въ дѣтствѣ долго не говорилъ. Когда сокрушенные родители обратились къ молитвѣ и благодатнымъ средствамъ, то во время причащенія Господь благодатію Своею разрѣшилъ узы языка, послѣ напоившаго Церковь потоками сладкорѣчія и премудрости. Одинъ докторъ по своимъ наблюденіямъ сви-

дѣтельствовадь, что въ большей части дѣтскихъ болѣзней слѣдуетъ носить дѣтей къ св. причащенію, и очень рѣдко имѣль нужду употреблять потомъ медицинскія пособія.

Большое вліяніе имѣеть на дѣтей частое ношеніе въ церковь, прикладываніе къ св. Кресту, Евангелію, иконамъ, накрываніе воздухами; также и дома—частое поднесеніе подъ иконы, частое осѣненіе крестнымъ знаменіемъ, окропленіе св. водою, куреніе ладаномъ, осѣненіе крестомъ колыбели, пищи и всего прикасающагося къ нимъ, благословеніе священника, приношеніе въ дома иконъ изъ церкви и молебны; вообще—все церковное чуднымъ образомъ възрѣваетъ и питаетъ благодатную жизнь дитяти, и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда отъ покушенія невидимыхъ темныхъ силъ, которыя всюду готовы проникнуть въ развивающуюся только душѣ, чтобы своимъ дыханіемъ заразить ее.

Подъ этимъ видимымъ охраненіемъ есть невидимое: Ангель-Хранитель, Господомъ приставленный къ младенцу съ самой минуты крещенія. Онъ блюдетъ его, своимъ присутствіемъ невидимо вліяеть на него и въ пужныхъ случаяхъ внушаетъ родителямъ, что надо сдѣлать съ находящимся въ крайности дѣтищемъ.

Но все эти столь крѣпкія ограды, эти сильныя и дѣйствительныя паитія можетъ раззорить и лишить плода невѣріе, небрежность, нечестіе и недобрая жизнь родителей. Это уже и потому, что при этомъ средства тѣ или не употребляются, или употребляются не такъ, какъ должно; но особенно по вліянію внутреннему. Правда, Господь милосердь, особенно къ невиннымъ, но есть непостижимая для насъ связь души родителей съ душою дѣтей, и мы не можемъ опредѣлить, до какой степени простирается вліяніе первыхъ на

послѣднихъ; и вмѣстѣ, до какой степени, при заразительномъ вліяніи первыхъ, простирается милосердіе и снисхожденіе Божіе къ послѣднимъ. Бываетъ, что оно прекращается, и тогда заготовленные причины приносятъ свой плодъ. Потому, духъ вѣры и благочестія родителей должно почитать могущественнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію, воспитанію и укрѣпленію благодатной жизни въ дѣтяхъ.

Духъ младенца какъ бы не имѣеть еще движенія въ первые дни, мѣсяцы, даже и годы. Что-нибудь передать ему для усвоенія обычнымъ путемъ нельзя. Но можно дѣйствовать на него посредственно.

Есть нѣкоторый особенный путь общенія душъ чрезъ сердце. Одинъ духъ вліяетъ на другой чувствомъ. Такое вліяніе на душу младенца тѣмъ удобнѣе, чѣмъ полнѣе и глубже родители сердцемъ своимъ обращены въ младенца. Отецъ и мать исчезаютъ въ дитяти и, какъ говорятъ, не чають души. И если ихъ духъ проникнуть благочестіемъ, то быть не можетъ, чтобы оно по своему роду не дѣйствовало на душу дитяти. Лучшій внѣшній проводникъ при этомъ—взоръ. Тогда какъ въ другихъ чувствахъ душа остается сокрытою, глазъ открываетъ ее взору другимъ. Это точка встрѣчи одной души съ другою. Пусть же чрезъ сіе отверстіе проходятъ до души дитяти души матери и отца съ чувствами святыми. Онѣ не могутъ не намазать ея этимъ святымъ елеемъ. Падобно, чтобы во взорѣ ихъ свѣтилась не одна любовь, которая такъ естественна, но и вѣра, что на рукахъ у нихъ болѣе, чѣмъ простое дитя, и надежда, что Тотъ, Кто далъ имъ подъ надзоръ сіе сокровище, какъ нѣкоторый сосудъ благодати, снабдитъ ихъ и достаточными силами къ тому, чтобы сохранять его, и, наконецъ, непрерывно въ духѣ совершаемая молитва, возбуждаемая надеждою по вѣрѣ.

Когда, такимъ образомъ, родители оградятъ колыбель своего дитяти этимъ духомъ искренняго благочестія, когда при семь, съ одной стороны, Ангелъ Хранитель, съ другой—св. Тайны и вся церковность будутъ дѣйствовать на него со внѣ и внутрь, то этимъ составитя вокругъ зачинающейся жизни сродная ей духовная атмосфера, которая перельетъ въ нее и свой характеръ, подобно тому, какъ и кровь, начало жизни животной, въ свойствахъ своихъ много зависитъ отъ окружающаго воздуха. Говорять, что вновь устроенный сосудъ хранить долго, если не всегда, запахъ того вещества, которое вольютъ въ него въ ту пору. Тоже должно сказать и о показанномъ устроеніи около дѣтей. Оно благодатно спасительно проникнетъ въ устанавлиющіяся формы жизни дитяти и будетъ полагать на нихъ печать свою. Здѣсь же и непроходимая преграда вліянію духовъ злобы.

Начавши такое устроеніе отъ колыбели, должно уже продолжать его потомъ и во все время воспитанія: и въ дѣтствѣ, и въ отрочествѣ, и въ юношествѣ. Церковь, церковность и св. Тайны—какъ скинія для дѣтей, подъ коею они должны быть неисходно. Примѣры показываютъ, какъ это спасительно и многоплодно (Самуилъ, Ѳеодоръ Сикеотъ, апрѣля 22 и другіе). Даже однимъ этимъ могутъ быть замѣнены, какъ и замѣняются не безъ успѣха, всѣ средства воспитанія. Древній способъ образованія въ этомъ преимущественно и состоялъ.

Когда у дитяти начинаютъ пробуждаться силы, одна за другою, родителямъ и воспитателямъ должно усугубить вниманіе. Ибо когда, подъ осѣненіемъ показанныхъ средствъ, будетъ возрастать и усиливаться въ нихъ тяготѣніе къ Богу и увлекать вельдѣ за собою силы, въ то же самое время и живущій въ нихъ

грѣхъ не дремлетъ, а усиливается завладѣть тѣми же силами. Неизбѣжное слѣдствіе этого — брань вну-тренняя. Такъ какъ дѣти неспособны ее вести сами, то мѣсто ихъ разумно замѣняютъ родители. Но какъ она должна быть ведена все же силами дѣтей, то родители строго должны блюсти первые начатки ихъ пробужденія, чтобы съ первой минуты дать имъ скло-неніе, сообразное съ главною цѣлю, къ какой они должны быть направляемы.

Такъ начинается брань уродителей съ грѣхомъ, живущимъ въ дитяти. Хотя грѣхъ сей и лишень точки опоры, однакожь дѣйствуетъ и, чтобы остановиться на чемъ-нибудь прочномъ, старается завладѣть силами тѣла и души. Должно не допускать до сего и какъ бы вырывать силы изъ рукъ грѣха и пере-давать Богу. Но чтобы дѣйствовать при этомъ не безъ основанія, а съ разумнымъ вѣдѣніемъ вѣрности из-браннаго способа, надобно хорошо себѣ уяснить, чего ищетъ оставшійся грѣхъ, чѣмъ питается, чрезъ что именно завладѣваетъ нами. Основные возбудители, влекущіе ко грѣху, суть своеуміе (или пытливость) въ умѣ, своеволіе — въ волѣ, самоуслажденіе — въ чув-ствѣ. Поэтому, должно такъ вести и направлять раз-вивающіяся силы души и тѣла; чтобы не отдать ихъ въ плѣнъ плотоугодію, пытливости, своеволію и само-услажденію, — ибо это будетъ плѣнъ грѣховный, — а напротивъ, приучать отрѣшаться отъ нихъ и преобла-дать надъ ними и, такимъ образомъ, сколько можно обезсилывать ихъ и доводить до безвредности. Это главное начало. Съ нимъ должно потомъ сообразовать и все воспитаніе. Пересмотримъ съ этою цѣлю глав-нѣйшія дѣйствія тѣла, души и духа.

Прежде всего пробуждаются и потомъ постоянно состоятъ въ живой дѣятельности, до самой смерти,

потребности тѣла. Тѣмъ необходимѣе поставить ихъ въ должные предѣлы и закрѣпить навыкомъ, чтобы потомъ меньше было отъ нихъ безпокойства. Здѣсь источникъ для тѣлесной жизни отправленіе есть питаніе. Въ нравственномъ отношеніи оно есть сѣдалище страсти къ грѣховному услажденію плоти или поприще его развитія и питанія. Поэтому должно такъ питать дитя, чтобы, развивая жизнь тѣла, доставляя ему крѣпость и здоровье, не разжечь въ душѣ плотоугодія. Не должно смотрѣть, что дитя мало,—надобно съ первыхъ лѣтъ начинать остепенять преклонную къ грубому веществу плоть и приучать дитя къ обладанію надъ нею, чтобы и въ отрочествѣ, и въ юношествѣ, и послѣ нихъ, легко и свободно можно было управляться съ этою потребностію. Первая закваска очень дорога. Отъ дѣтскаго питанія многое зависитъ въ послѣдующемъ. Незамѣтно можно развить сластолюбіе и неумѣренность въ пищѣ—два вида чревоугодія, эти губительныя для тѣла и души склонности, прививающіяся къ питанію.

Потому даже врачи и педагоги совѣтуютъ: 1) избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемаго: ибо одна пища пригодна для младенца, другая для дитяти, отрока и юноши; 2) подчинить употребленіе ея извѣстнымъ правиламъ (опять приспособительно къ возрасту), въ коихъ бы опредѣлялось время, количество и способъ питанія и 3) потомъ отъ установленнаго такимъ образомъ порядка безъ нужды не отступать. Этимъ приучится дитя не всегда требовать пищи, какъ захочется ѣсть, а ждать опредѣленнаго часа; здѣсь же первые опыты упражненія въ отказываніи себѣ въ своихъ желаніяхъ. Гдѣ кормятъ дитя всякій разъ, какъ оно замлachtetъ, и потомъ всякій разъ, какъ запроситъ ѣсть, тамъ дотого

разслабляютъ его, что послѣ уже оно не иначе, какъ съ болѣзнію можетъ отказываться отъ пищи. вмѣстѣ съ симъ оно привыкаетъ къ своенравію оттого, что успѣваетъ выпрашивать или выплакивать все желаемое. Той-же мѣрѣ должно подчинить и сонъ, и теплоту съ холодомъ, и другія удобства, естественно необходимыя въ дѣлѣ питанія, имѣя неопустительно въ виду — не разжечь страсти къ чувственнымъ наслажденіямъ и приучать отказывать себѣ. Это должно строго соблюдать во все время воспитанія, — измѣняя, какъ само собою разумѣется, правила въ примѣненіяхъ, а не въ существѣ, — до тѣхъ поръ, пока воспитываемый, утвердившись въ нихъ, возьметъ самъ себя въ руки.

Второе отправление тѣла есть движеніе; органъ его — мускулы, въ которыхъ лежатъ сила и крѣпость тѣла, — орудія труда. Въ отношеніи къ душѣ оно — сѣдалище воли, и очень способно развивать своеволие. Мѣрное, благоразумное развитіе этого отправления, сообщая тѣлу возбужденность и живость, приучаетъ къ трудамъ и образуетъ степенность. Напротивъ, развитіе превратное, оставленное на произволь, въ однихъ развиваетъ непомѣрную рѣзвость и разсѣянность, въ другихъ — вялость, безжизненность, лѣность. Первое укрѣпляетъ и обращаетъ въ законъ свосправіе и непокорность, въ связи съ коими находятся задорность, гнѣвливость, неудержимость въ желаніяхъ. Последнее погружаетъ въ плоть и предастъ чувственнымъ наслажденіямъ. Итакъ, должно имѣть въ виду, чтобы, укрѣпляя силы тѣла, не раздуть чрезъ то своеволія и ради плоти не погубить духа. Для этого главное — мѣрность, предписаніе, надзоръ. Пусть дитя рѣзвится, но въ то время, въ томъ мѣстѣ и тѣмъ родомъ, какъ ему приказано. Воля родителей должна запечатлѣвать всякій

ихъ шагъ, разумѣется, въ общемъ. Безъ этого, легко можетъ покривиться нравъ дитяти. Своевольно порѣзвившись, дитя всегда возвращается не съ готовностью слушаться даже въ какихъ-нибудь малостяхъ. И это—съ одного раза; что же сказать, гдѣ эта часть совѣмъ въ небреженіи? Какъ трудно послѣ истребить своенравіе, коль скоро оно осядетъ въ тѣлѣ, какъ въ крѣпости. Не гнется шея, не движется рука и нога, и глазъ даже не хочетъ смотрѣть, какъ приказываютъ. Напротивъ, дитя выходитъ преподвижное на всякое приказаніе, гдѣ съ самаго начала не даютъ воли его движеніямъ. Сверхъ того, нельзя лучше привыкнуть владѣть своимъ тѣломъ, какъ заставляя его напругаться по указаніямъ.

Третье отправленіе тѣлесное лежитъ на нервахъ. Изъ нервовъ чувства—орудія наблюденій и пища пытливости. Но о семъ послѣ. Теперь же о другомъ общемъ назначеніи нервовъ, какъ сѣдалищъ чувствительности тѣла, или способности принимать пріятныя и непріятныя для него внѣшнія впечатлѣнія. Въ этомъ отношеніи должно поставить правиломъ пріучить тѣло безболѣзненно переносить всякаго рода вліянія внѣшнія: отъ воздуха, воды, перемѣнъ температуры, сырости, жара, холода, уязвленій, болей и проч. Кто пріобрѣлъ такой навѣкъ, тотъ счастливѣйшій человекъ, способный на самыя трудныя дѣла, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Душа въ такомъ человекѣ является полною владычицею тѣла, не отерочиваетъ, не измѣняетъ, не оставляетъ дѣлъ, боясь непріятностей тѣлесныхъ; напротивъ, съ нѣкоторымъ желаніемъ обращается къ тому, чѣмъ можетъ озлобляться тѣло. А это очень важно. Главное зло въ отношеніи къ тѣлу—тѣлолюбіе и жалніе тѣла. Оно отнимаетъ всякую власть у души надъ тѣломъ и дѣлаетъ первую работу

послѣдняго; напротивъ, не жалѣющей тѣла не будетъ въ своихъ предпріятіяхъ смущаться опасеніями со стороны слѣпago животолубія. Какъ счастливъ пріученый къ сему съ дѣтства! Сюда относятся медицинскіе совѣты касательно купаній, времени и мѣста гуляній, платья; главное—содержать тѣло не такъ, чтобы оно принимало одни только пріятныя впечатлѣнія, а напротивъ, болѣе содержать подъ впечатлѣніями обезпокоивающими. Тѣми разнѣживается тѣло, а этими укрѣпляется; при тѣхъ дитя всего боится, а при этихъ на все готово и способно стоять въ началомъ терпѣливо.

Такого рода обращеніе съ тѣломъ предписывается педагогикою. Здѣсь показывается только, какъ эти совѣты пригодны и къ развитію христіанской жизни, именно тѣмъ, что ревностное ихъ исполненіе заграждаетъ входъ въ душу непотребному зелью чувственныхъ наслажденій, своеволія, тѣлолюбія или саможазненія, образуетъ противоположныя имъ расположенія и вообще пріучаетъ владѣть тѣломъ, какъ органомъ, и не подчиняться ему. А это очень важно въ жизни христіанской, по самому существу своему отрѣшенной отъ чувственности и всякаго угодія плоти. Итакъ, не должно оставлять на производъ развитія тѣла дитяти, а надо держать его подъ строгою дисциплиною съ самаго начала, чтобы потомъ передать его въ руки самого воспитываемаго уже приспособленнымъ къ жизни христіанской, а не враждебнымъ ей. Истинно любящіе дѣтей родители-христіане не должны жалѣть ничего, ни даже своего родительскаго сердца, чтобы доставить сіе благо дѣтямъ. Ибо иначе все послѣдующія дѣла ихъ любви и попеченія будутъ или малоплодны, или даже бесплодны. Тѣло—сѣдалище страстей, и большей частью самыхъ свирѣпыхъ, каковы

похоть и гнѣвъ. Оно же и органъ, чрезъ который демоны проникають въ душу, или приселяются къ ней. Само собою разумѣется, что при этомъ не должно упустать изъ вида церковности, и изъ нея ничего такого, чѣмъ можно прикасаться къ тѣлу, ибо тѣмъ будетъ освящаться тѣло и усмиряться жадная животность.

Все здѣсь не пишется, а только указывается главный тонъ дѣйствованія на тѣло. Подробности укажетъ дѣло, кому нужно. По этому очертанію разумѣется и то, какъ должно обходиться съ тѣломъ и во все прочее время жизни: ибо дѣло у насъ съ нимъ одно.

Вмѣстѣ съ обнаруженіемъ тѣлесныхъ потребностей, и въ душѣ не замедляются высказываться низшія способности, въ естественной ихъ послѣдовательности. Вотъ дитя начинаетъ останавливать взоръ свой на томъ или другомъ предметѣ, и на одномъ больше, на другомъ меньше, какъ будто одинъ ему нравится болѣе, а другой менѣе. Это первые начатки употребленія чувствъ, за коимъ тотчасъ слѣдуетъ пробужденіе дѣятельности воображенія и памяти. Способности эти стоятъ на переходѣ отъ тѣлесной дѣятельности къ душевной и дѣйствуютъ совмѣстно, такъ что сдѣланное одною, тотчасъ передается другой. Судя по важности, какую онѣ имѣютъ въ настоящее время въ нашей жизни, какъ хорошо и спасительно первые начатки ихъ освятить предметами изъ области вѣры. Первые впечатлѣнія глубоко остаются памятными. Помнить надобно, что душа является въ міръ голою силою; возрастаетъ, богатѣетъ во внутреннемъ содержаніи и разнообразится въ дѣятельности она уже послѣ. Первый матеріаль, первую пищу для образованія своего она получаетъ извнѣ, отъ чувствъ, чрезъ воображеніе. Очевидно само собою, какого характера должны быть первые предметы чувствъ и воображенія,

чтобы не только не препятствовать, а еще болѣе способствовать образуемой христіанской жизни. Ибо извѣстно, что какъ первая пища имѣетъ значительное вліяніе на темпераментъ тѣла, такъ и первые предметы, коими занимается душа, имѣютъ сильное вліяніе на характеръ души или тонъ ея жизни.

Развивающіяся чувства доставляютъ матеріальное воображенію; воображенный предметъ хранится въ памяти и составляетъ, такъ сказать, содержаніе души. Пусть чувства получаютъ первые впечатлѣнія отъ предметовъ священныхъ: икона и свѣтъ лампы—для глазъ, священныя пѣсни—для слуха и проч. Дитя не понимаетъ еще ничего изъ того, что у него предъ глазами, но его глазъ и слухъ привыкаютъ къ симъ предметамъ, и они, предзанимая сердце, тѣмъ самымъ ставятъ вдали другіе предметы. За чувствами и первыя упражненія воображенія будутъ священны; ему легче будетъ воображать эти предметы, чѣмъ другіе: таковы его первые сгибы. Затѣмъ, на будущее время, изящное, которое одною стороною существенно связано съ формами чувствъ и воображенія, будетъ привлскать его не иначе, какъ подъ священными формами.

Итакъ, пусть ограждаютъ дитя священными предметами всѣхъ видовъ; все же могущее развратить въ примѣрахъ, изображеніяхъ, вещахъ—удаляютъ. Но потомъ и во все послѣдующее время надо хранить тотъ же порядокъ. Извѣстно, какъ сильно дѣйствуютъ на душу растлѣнные образы, въ какомъ бы видѣ они ни касались ея! Какъ несчастно дитя, которое, закрывъ глаза, или оставшись одно и углубившись въ себя, бываетъ подавляемо множествомъ не-потребныхъ образовъ, суетныхъ, соблазнительныхъ, дышавшихъ страстями. Это то же для души, что чадъ для головы.

Не должно также упускать изъ вида и образа дѣятельности этихъ силъ. Дѣло чувствъ—видѣть, слышать, осязать, вообще испытывать, пытаться. Потому они суть первые возбудители пытливости, которая потомъ ради ихъ переходитъ въ воображеніе и память, и, приобрѣтши въ нихъ осядлость, становится несокрушимымъ тираномъ для души. Не употреблять чувствъ нельзя: ибо не иначе, какъ чрезъ нихъ и познаются вещи, кои знать должно, ради славы Божіей и блага нашего. Но при этомъ неизбежна и пытливость, которая есть неудержимая склонность—безъ цѣли видѣть и слышать, что гдѣ дѣлается и какъ что бываетъ. Какъ же при этомъ поступить? Испытываніе необходимо есть уже пытливость. Пытливость состоитъ въ томъ, гдѣ стараются все разузнать безпорядочно, безцѣльно, не различая нужно ли то, или не нужно. Итакъ, слѣдуетъ только при упражненіи чувствъ соблюдать мѣру и порядокъ и обращать ихъ на одно нужное и по сознанию нужды,—тогда для пытливости не будетъ пищи, т.-е. должно пріучить дитя то испытывать, что считается для него необходимымъ; отъ всего же другого удерживаться и отстраняться. Потомъ въ самомъ дѣйствіи испытыванія соблюдать постепенность,—не перебѣгать съ предмета на предметъ, или отъ одной черты къ другой, а нересматривая одно за другимъ, о томъ заботиться, чтобы вообразить послѣ предметъ, какъ должно. Такой родъ занятія избавить дитя отъ настроенія развлекаться даже среди позволеннаго, пріучить владѣть чувствами, а чрезъ нихъ и воображеніемъ. И оно не будетъ перебѣгать отъ одного къ другому безъ нужды, слѣдовательно, мечтать и развлекаться образами и тѣмъ не давать покоя душѣ, мутя ее приливомъ и отливомъ своихъ безпутныхъ видѣній. Не умѣющій

владѣть чувствами и воображеніемъ необходимо бываетъ разсѣянъ и непостояненъ, будучи томимъ пытливостію, которая будетъ гонять его отъ одного предмета къ другому до расслабленія силъ, и все это безъ плода.

Современно этимъ способностямъ возникаютъ у дитяти страсти и начинаютъ тревожить его съ ранняго времени. Дитя еще не говоритъ, не ходитъ, только что пріучилось сидѣть и брать игрушки, но уже сердчается, завидуетъ, присволяетъ себѣ, особится и проч., вообще являетъ дѣйствіе страстей. Это зло, утверждающееся на животной жизни, тлетворно; потому должно противодѣйствовать ему съ первыхъ его проявленій. Какъ это сдѣлать—опредѣлить трудно. Все дѣло зависитъ отъ благоразумія родителей. Можно, впрочемъ, постановить слѣдующее: 1) предупреждать всячески ихъ возникновеніе; 2) потомъ, если проявилась какая страсть, надобно спѣшить погасить ее придуманными и испытанными средствами. Этимъ предотвратится укорененіе ихъ, или предрасположеніе къ нимъ. Страсть, чаще другихъ обнаруживающуюся, врачевать должно съ особымъ вниманіемъ, потому что она можетъ быть господствующею распорядительницею жизни. Благонадежнѣйшій способъ врачеванія страстей—употребленіе благодатныхъ средствъ. Къ нимъ—съ вѣрою должно обращаться. Страсть—явленіе душевное, между тѣмъ дѣйствовать на душу у родителей сначала нѣтъ способовъ... Потому прежде всего должно молить Господа, да совершитъ Свое дѣло. Дальнѣйшимъ въ этомъ руководителемъ для ревностнаго отца или матери, или няньки будетъ опытъ. Когда дитя будетъ со смысломъ, тогда могутъ быть употребляемы уже и общія противъ страстей средства. Всячески на нихъ должно вооружаться вначалѣ

и преслѣдовать потомъ во все время воспитанія, чтобы дитя умѣло и привыкло владѣть ими; ибо ихъ возмутительные набѣги не прекратятся до конца жизни.

Если будетъ строго соблюдаемъ предписанный порядокъ дѣйствованія на тѣло и низшія способности, то душа получить отъ этого прекрасное подготовленіе къ истинно-доброму настроенію; однакожь только подготовленіе, — самое же настроеніе надобно созидать положительнымъ дѣйствіемъ на всѣ его силы: умъ, волю и сердце.

На умъ. У дѣтей скоро обнаруживается смысленность. Она современна говоренію, и растетъ вмѣстѣ съ усовершеніемъ послѣдняго. Поэтому начать образованіе ума нужно вмѣстѣ съ словомъ. Главное, что должно имѣть въ виду, это здравыя понятія и сужденія по началамъ христіанскимъ о всемъ встрѣчающемся, или подлежащемъ вниманію дитяти: что добро и зло, что хорошо и худо. Это сдѣлать очень легко посредствомъ обыкновенныхъ разговоровъ и вопросовъ. Родители сами говорятъ между собою: дѣти прислушиваются и почти всегда усвояютъ себѣ не только мысли, но даже обороты ихъ рѣчи и манеры. Пусть же родители, когда говорятъ, называютъ вещи всегда собственными ихъ именами. Напр.: что значить настоящая жизнь, чѣмъ она кончится, отъ кого все получается, что такое удовольствія, какое достоинство имѣютъ тѣ или другіе обычаи и проч. Пусть говорятъ съ дѣтьми и толкуютъ имъ или прямо, или, всего лучше, посредствомъ рассказовъ: хорошо ли, на примѣръ, наряжаться, счастье ли это, когда получишь похвалу, и проч. Или пусть спрашиваютъ дѣтей, какъ они думаютъ о томъ и другомъ, и поправляютъ ихъ ошибки. Въ непродолжительномъ времени этимъ простымъ средствомъ можно передать здравыя начала

для сужденій о вещахъ, кои потомъ не изгладятся надолго, если не на всю жизнь. Такимъ способомъ, въ самомъ корнѣ будетъ подавлено мірское мудрованіе и пытливость злая, ненасытимая. Истина связываетъ умъ тѣмъ, что насыщаетъ его. Мірское же мудрованіе не насыщаетъ и тѣмъ разжигаетъ пытливость. Избавивъ отъ него, большое благо доставятъ дѣтямъ. И это еще прежде, чѣмъ они возьмутся за книги: Далѣе, стоитъ только не давать дѣтямъ книгъ съ растлѣнными понятіями, и умъ ихъ сохранится цѣлымъ, во здравости святой и Божественной. Напрасно не заботятся такимъ образомъ упражнять дитя, въ томъ предположеніи, что оно еще мало. Истина доступна всякому. Что малое христіанское дитя премудрѣе философовъ—показалъ опытъ. Онъ и теперь повторяется, но прежде онъ былъ повсюду. Напримеръ, во время мученичества, малыя дѣти разсуждали о Господѣ Спасителѣ, о безуміи идолопоклонства, о будущей жизни и проч.; это оттого, что мать или отецъ натолковали имъ о томъ въ простой бесѣдѣ. Истины эти сроднились съ сердцемъ, которое стало дорожить ими до готовности на смерть за нихъ.

На волю. Дитя многожелательно: все его занимаетъ, все влечетъ къ себѣ и рождаетъ желанія. Не умѣя различать добраго отъ злого, оно всего желаетъ и все, что желаетъ, готово выполнить. Дитя, предоставленное самому себѣ, дѣлается неукротимо своевольнымъ. Потому родителямъ строго должно блюсти эту отрасль душевной дѣятельности. Самое простое средство къ заключенію ея въ должныя предѣлы состоитъ въ томъ, чтобы расположить дѣтей ничего не дѣлать безъ позволенія. Пусть со всякимъ желаніемъ прибѣгають къ родителямъ и спрашиваютъ: можно ли сдѣлать то или другое? Убѣдить ихъ опыта-

ми собственными и чужими въ томъ, что имъ опасно, не спросясь, исполнять свои желанія, настроить ихъ такъ, чтобы они даже боялись своей воли. Это расположеніе будетъ самое счастливое, но вмѣстѣ оно и самое легкое для впечатлѣнія, ибо дѣти и такъ большею частію обращаются съ разспросами къ взрослымъ, сознавая свое невѣдѣніе и слабость; стоитъ только возвысить это дѣло и поставить его имъ въ законъ непремѣнный. Естественнымъ слѣдствіемъ такого настроенія будетъ полное послушаніе и покорность во всемъ волѣ родителей, наперекоръ своей, расположеніе во многомъ отказывать себѣ и навѣкъ къ этому, или умѣнье; а главное, опытное убѣжденіе въ томъ, что не должно слушать во всемъ себя. Это всего понятнѣе для дѣтей изъ ихъ же опытовъ, что они многое желаютъ, а между тѣмъ это желаемое вредно для ихъ тѣла и души. Отучая отъ своей воли, надо приучать дитя дѣлать добро. Для этого пусть родители сами представляютъ истинный примѣръ доброй жизни и знакомятъ дѣтей съ тѣми, у коихъ главныя заботы не о наслажденіяхъ и отличіяхъ, а о спасеніи души. Дѣти любопытны. Какъ рано они умѣютъ копировать мать или отца! Здѣсь происходитъ нѣчто похожее на то, что бываетъ съ одинаково настроенными инструментами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и самихъ дѣтей надо вызывать на добрыя дѣла, и сначала приказывать имъ дѣлать ихъ, а потомъ наводить, чтобы сами дѣлали. Самыя обыкновенныя при этомъ дѣла суть: милостыня, состраданіе, милосердіе, уступчивость и терпѣніе. Всему этому весьма нетрудно приучить. Случаи поминутны, стоитъ взяться. Отсюда выйдетъ воля съ настроеніемъ на разныя добрыя дѣла и вообще съ тягостіемъ къ добру. И добродѣланію надобно научить, какъ и всему другому.

На сердце. Подъ такимъ дѣйствованіемъ ума, воли и низшихъ силъ, само собою и сердце будетъ настроиваться къ тому, чтобы имѣть чувства здравыя, истинныя, прибрѣтать навѣкъ услаждаться тѣмъ, что дѣйствительно истинно услаждаетъ, и нисколько не сочувствовать тому, что, подъ прикрытіемъ сладости, вливаетъ ядъ въ душу и тѣло. Сердце—способность вкушать и чувствовать насыщеніе.

Когда человѣкъ былъ въ союзѣ съ Богомъ,—находилъ вкусъ въ вещахъ Божественныхъ и освященныхъ благодатию Божіею. По паденіи онъ потерялъ этотъ вкусъ и жаждетъ чувственного. Благодать крещенія отрѣшила отъ сего, но чувственность снова готова наполнить сердце. Не должно допустить до этого, должно оградить сердце. Самое дѣйствительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса въ сердцѣ есть церковность, въ которой неисходно должны быть содержимы воспитываемыя дѣти. Сочувствіе ко всему священному, сладость пребыванія среди его, ради тишины и теплоты, отрѣваніе отъ блестящаго и привлекательнаго къ мірской суетѣ, не могутъ лучше впечатлѣваться въ сердцѣ. Церковь, духовное пѣніе, иконы—первые изящнѣйшіе предметы по содержанию и по силѣ. Надобно помнить, что по вкусу сердца будетъ назначаться и будущая вѣчная обитель, а вкусъ у сердца тамъ будетъ такой, какимъ образуютъ его здѣсь. Очевидно, что театры, балаганы и тому подобное негодны для христіанъ.

Умиренная и организованная такимъ образомъ душа не будетъ, свойственною ей беспорядочностію, препятствовать развитію духа. Духъ легче развивается, нежели душа, и прежде ея обнаруживаетъ свою силу и дѣятельность. Къ нему относятся: *страхъ Божій* (въ соотвѣтствіе разуму), *совѣсть* (въ соотвѣтствіе

волѣ) и молитва (въ соотвѣтствіе чувству). *Страхъ Божій* рождаетъ молитву и просвѣщаетъ совѣсть. Нѣтъ нужды, что все это обращается къ иному, невидимому міру. У дѣтей есть къ тому предрасположеніе, и они скоро усвоиваютъ себѣ эти чувства. Особенно молитва прививается очень легко и дѣйствуетъ не языкомъ, а сердцемъ. Оттого они охотно и безъ усталости участвуютъ въ домашнихъ молитвахъ и церковномъ Богослуженіи, и рады этому. Потому не должно лишать ихъ этой части образованія, а мало-по-малу вводить ихъ въ сіе святилище нашего существа. Чѣмъ раньше напечатлѣтся страхъ Божій и возбудится молитва, тѣмъ прочнѣе будетъ благочестіе во все послѣдующее время. Въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ духъ этотъ проявлялся самъ собою, даже среди видимыхъ препятствій къ его обнаруженію. Это очень естественно. Духъ благодати, полученный при крещеніи, если онъ не погашенъ неправымъ развитіемъ тѣла и души, не можетъ не оживлять духа нашего,—а при этомъ—что можетъ препятствовать ему являться въ своей силѣ? Ближайшаго, впрочемъ, руководства требуетъ совѣсть. Здравыя понятія, съ добрымъ примѣромъ родителей и другими способами обученія добру, и молитва освѣтятъ ее и напечатлѣютъ въ ней достаточныя основанія для послѣдующей доброй дѣятельности. Но главное, въ нихъ должно образовать настроеніе къ совѣстливости и сознательности. Сознательность есть дѣло чрезвычайной важности въ жизни; но какъ легко ее образовать, такъ легко и заглушить въ дѣтяхъ. Воля родителей для малыхъ дѣтей есть законъ совѣсти и Божій. Сколько есть у родителей благоразумія, пусть такъ распоряжаются своими повелѣніями, чтобы не поставлять дѣтей въ необходимость быть преступниками ихъ воли; а если уже сдѣлались такими, сколько

можно располагать ихъ къ раскаянію. Что морозъ для цвѣтовъ, то и отступленіе отъ родительской воли для дитяти; оно не смѣетъ смотрѣть въ глаза, не желаетъ пользоваться ласками, хочетъ убѣжать и быть одно, а между тѣмъ душа грубѣетъ, дитя начинаетъ дичать. Какъ хорошо предварительно расположить его къ раскаянію, сдѣлать, чтобы безъ боязни, съ довѣріемъ и со слезами пришло и сказало: „вотъ я то и то сдѣлалъ худо“. Само собою, что все это будетъ касаться однихъ обыкновенныхъ предметовъ; но хорошо и то, что здѣсь положится основаніе будущему постоянному истинно-религіозному характеру—тотчасъ возставать по паденіи, образуется умѣнье скорого покаянія и очищенія себя или обновленія слезами.

Вотъ порядокъ: пусть дитя растетъ въ немъ, и болѣе будетъ развиваться у него духъ благочестія. Родители должны слѣдить за всѣми движеніями раскрывающихся силъ и все направлять къ одному. Это законъ—начать съ самаго перваго дыханія дитяти, начать всѣмъ вдругъ, а не однимъ чѣмъ, вести все это непрерывно, ровно, степенно, безъ порывовъ, съ терпѣніемъ и ожиданіемъ, наблюдая, однакожь, мудрую постепенность, подмѣчая ростки и пользуясь ими, не считая ничего маловажнымъ въ дѣлѣ столь важномъ. Подробности не раскрываются; ибо имѣется въ виду указать только главное направленіе воспитанія.

Нельзя опредѣлить, когда человѣкъ приходитъ къ сознанію себя христіаниномъ и самостоятельной рѣшимости жить по-христіански. На дѣлѣ это бываетъ разновременно: въ 7, 10, 15 лѣтъ и позже. Можетъ быть, прежде этого настанетъ время обученія, какъ и бываетъ большею частію. При этомъ непрѣмное правило—хранить весь прежній порядокъ безъ измѣненія и на все время обученія: ибо онъ существенно

вытекаетъ изъ природы силъ нашихъ и требованій христіанской жизни. Порядокъ обученія никакъ не долженъ быть противоположенъ показанному настроенію, иначе будетъ разорено все, что тамъ создано; т.-е. должно оградить и дѣтей-учениковъ, какъ и младенцевъ, благочестіемъ всѣхъ окружающихъ, церковностію, таинствами, и также должно дѣйствовать на ихъ тѣло, душу и духъ. При этомъ, примѣнительно къ ученію, должно только присовокупить: пусть обученіе будетъ такъ расположено, чтобы видно было, что главное и что подчиненное. Мысль о семъ всего легче напечатлѣть распредѣленіемъ предметовъ обученія и времени. Пусть считается главнымъ—изученіе вѣры, пусть лучшее время назначается на дѣла благочестія и, въ случаѣ столкновенія, преимуществуютъ послѣднія надъ научностью; пусть одобреніе заслуживаетъ не одна успѣшность въ наукахъ, а также вѣра и добронравіе. Вообще, надобно такъ расположить духъ учениковъ, чтобы у нихъ не погасло убѣжденіе, что главное у насъ дѣло есть Богоугожденіе, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никакъ не должно ставить ее такъ высоко, и въ такомъ блестящемъ видѣ, чтобы она занимала все вниманіе и поглощала всю заботу. Нѣтъ ничего ядовитѣе и гибельнѣе для духа жизни христіанской, какъ эта научность и исключительная объ ней забота. Она прямо ввергаетъ въ охлажденіе, и потомъ навсегда можетъ удержать въ немъ, а иногда еще и присовокупить развратъ, если встрѣтятся благопріятныя тому обстоятельства.

Другое, на что должно обращать вниманіе, это духъ преподаванія или воззрѣнія на предметы обученія. Должно быть поставлено непреложнымъ закономъ, что-

бы всякая, преподаваемая христіанину, наука была пропитана началами христіанскими, и притомъ православными. Всякая наука способна къ тому, и даже тогда только и будетъ истинною наукою въ своемъ родѣ, когда исполнить это условіе. Христіанскія начала несомнѣнно истинны. Потому, не сомнѣваясь, поставляй ихъ общею мѣркою истины. У насъ самое опасное заблужденіе то, что преподають науки безъ всякаго вниманія къ истинной вѣрѣ, позволяя себѣ вольность и даже ложь, въ томъ предположеніи, что вѣра и наука—двѣ области, рѣшительно разъединенныя. Духъ у насъ одинъ. Онъ же принимаетъ и науки, и напитывается ихъ началами, какъ принимаетъ вѣру, и проникается ею. Какъ же можно, чтобы онѣ не приходили въ благопріятное или неблагопріятное соприкосновеніе здѣсь? Притомъ же и область истины одна. Зачѣмъ и набивать въ голову то, что не изъ этой области, или съ чѣмъ нельзя показаться во дворѣ ея свѣтломъ.

Если въ такомъ порядкѣ будетъ ведено обученіе, чтобы вѣра и жизнь въ духѣ вѣры высились надъ всѣмъ во вниманіи обучаемыхъ, и по образу занятія, и по духу преподаванія, то нѣтъ сомнѣнія, что положенныя въ дѣтствѣ начала не только будутъ сохранены, но и возвысятся, укрѣплятся и придуть въ соразмѣрную зрѣлость. А какъ это благотельно!

Если вести въ такомъ порядкѣ воспитаніе челоуѣка съ первыхъ лѣтъ, то мало-по-малу будетъ разоблачаться предъ нимъ характеръ, какой должна имѣть его жизнь, больше будетъ привыкать онъ къ мысли о томъ, что на немъ лежитъ обязанность отъ лица Бога и Спасителя нашего—жить и дѣйствовать по Его предписаніямъ; что всѣ другія дѣла и занятія ниже ихъ и умѣстны только въ продолженіе настоя-

щей жизни; и что есть другое мѣстожителство, другое отечество, къ которому и надобно устремлять всѣ свои мысли и всѣ свои желанія. Въ естественномъ ходѣ развитія силъ, каждый естественно доходитъ до сознанія, что онъ человѣкъ. Но если къ естеству его привито новое начало благодатно-христіанское, въ самый первый моментъ пробужденія его силъ и ихъ движенія (въ крещеніи), и если потомъ во всѣхъ точкахъ развитія сихъ силъ это новое начало не только не уступало первенства, а напротивъ, всегда преобладало, давало какъ бы форму всему, то, приходя къ сознанію, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ найдетъ себя дѣйствующимъ по началамъ христіанскимъ, найдетъ себя христіаниномъ. А это и есть главная цѣль христіанскаго воспитанія, чтобы человѣкъ вслѣдствіе этого сказалъ въ себѣ, что онъ христіанинъ. Если же, пришедши въ полное сознаніе себя самого, онъ скажетъ: я христіанинъ, обязанный отъ Спасителя и Бога жить такъ и такъ съ тѣмъ, чтобы удостоиться блаженнаго общенія съ Нимъ и избранными Его въ жизни будущей, то, возникши къ самостоятельности, или къ своеобразному разумному учрежденію жизни, онъ поставитъ для себя первымъ существеннымъ дѣломъ—самостоятельно хранить и възгрѣвать духъ благочестія, въ которомъ ходилъ прежде по чужому руководству.

Прежде было припоминаемо, что долженъ быть особый моментъ, когда надобно намѣренно возобновить въ сознаніи всѣ обязательства христіанства и наложить на себя иго ихъ, какъ непреложный законъ. Въ крещеніи они были приняты несознательно, потому были хранимы болѣе чужимъ умомъ по чужому настроенію, и въ простотѣ. Теперь сознательно должно положить на себя благое иго Христова, избрать христіанское житіе, исключительно посвятить себя Богу,

чтобы потомъ всё дни жизни служить Ему съ одушевленіемъ. Здѣсь только человѣкъ самъ собою собственно начинаеть жизнь христіанскую. Она была въ немъ и прежде, но, можно сказать, исходила не отъ самодѣтельности, какъ бы не отъ лица его. Теперь онъ самъ, отъ своего лица начнеть дѣйствовать въ духѣ христіанина. Тогда свѣтъ Христовъ былъ въ немъ такъ, какъ свѣтъ перваго дня, несцентрированный, разлитый. Но какъ свѣту нужно было дать центры, привлекиши его къ солнцамъ, средоточіямъ планетъ, такъ и этому свѣту надобно какъ бы собраться около исходной точки нашей жизни, нашего сознанія. Человѣкъ становится вполнѣ человѣкомъ, когда приходитъ къ самопознанію и разумной самостоятельности, когда становится полнымъ владыкою и распорядителемъ своихъ мыслей и дѣлъ, держится какихъ-либо мыслей не потому, что другіе ему передали ихъ, а потому, что онъ самъ находитъ ихъ вѣрными. Человѣкъ и въ христіанствѣ остается человѣкомъ. Потому ему и здѣсь должно быть разумнымъ, только сію разумность онъ долженъ обратить въ пользу святой вѣры. Пусть разумно убѣдится, что исповѣдуемая имъ святая вѣра есть единственно вѣрный путь спасенія, и что всё другіе пути, несогласные съ нимъ, ведутъ въ пагубу. Не слѣднымъ исповѣдникомъ быть есть честь человеку, а сознающимъ, что, поступая такъ, онъ дѣйствуетъ, какъ должно. Все это онъ и сдѣлаеть, когда сознательно наложитъ на себя благое иго Христова.

Только здѣсь его личная вѣра, или добрая по вѣрѣ жизнь, получаетъ твердость и непоколебимость. Онъ не соблазнится примѣромъ, не увлечется пустыми мыслями, потому что ясно сознаеть обязательство мыслить и дѣйствовать уже опредѣлительнымъ образомъ.

Но если онъ этого не созналъ, то какъ прежде добрый примѣръ настроилъ его дѣлать такъ, какъ онъ дѣлаетъ, такъ теперь недобрый примѣръ можетъ расположить его къ недоброму, увлечь ко грѣху; и какъ добрыя мысли другихъ прежде владѣли его умомъ легко и безъ прекословія, такъ теперь завладѣютъ имъ злыя мысли. И на опытѣ видно, какъ шатки неповѣданіе вѣры и доброта жизни у того, кто раньше не созналъ себя христіаниномъ. Кто мало встрѣтитъ соблазновъ, тотъ и дольше будетъ продолжать зрѣть въ простотѣ сердца. Но кому нельзя миновать ихъ, тотъ стоитъ предъ лицомъ большой опасности. Мы видимъ въ житіи всѣхъ, сохранившихъ благодать крещенія, что у нихъ была минута, когда они рѣшительно посвящали себя Богу. Это обозначается словами: возгорѣлся духомъ. Божественнымъ желаніемъ воспламенился.

Сознавшій себя христіаниномъ, или сознательно рѣшившійся жить по-христіански, пусть теперь самъ хранитъ, со всѣмъ тщаніемъ, принятое отъ прежняго возраста совершенство и чистоту жизни, какъ прежде хранили ее другіе. Особенныхъ правилъ въ руководство ему предлагать нѣтъ нужды. На сей точкѣ онъ сходитъ съ покаявшимся, который, оставъ отъ грѣха, пріемлетъ воодушевленную рѣшимость жить по-христіански. Потому, отсель онъ долженъ руководиться одними съ нимъ правилами, о коихъ сказано будетъ въ 3-мъ отдѣлѣ.

Какое отличіе есть у него съ покаявшимся въ воходѣ къ совершенству, это выяснится само собою.

Теперь нужно сдѣлать только нѣкоторыя, весьма, впрочемъ важныя, предостереженія для возраста юношескаго, исключительно къ нему относящіяся. Какъ хорошо и спасительно не только быть настроену въ

воспитаніи по-христіански, но и потомъ сознать себя и рѣшиться быть христіаниномъ.—прежде вступленія въ юношескія лѣта. Это необходимо, въ виду великихъ опасностей, какимъ неизбѣжно подвергается юноша 1) по свойству своего возраста и 2) по великимъ въ продолженіе его соблазнамъ.

1) Рѣка жизни нашей пресѣкается волнистою полосою юности. Это время воскипѣнія тѣлесно-духовной жизни. Тихо живетъ дитя и отрокъ, мало быстрыхъ порывовъ у мужа, почтенныя сѣдины склоняются къ покою; одна юность кипитъ жизнію. Надобно имѣть очень твердую опору, чтобы устоять въ это время отъ напора волнъ. Самая безпорядочность и порывистость движеній опасна. Начинаются первыя его собственныя движенія—начатки пробужденія его силъ, и имѣютъ для него всю прелесть: силою своего вліянія они вытѣсняють все, что прежде было положено на мысль и сердце. Препрежее для него станеть мечтой, предразсудкомъ. Только настоящія чувства истинны, только они имѣютъ дѣйствительность и значеніе. Но если онъ, прежде пробужденія сихъ силъ, связалъ себя обязательствомъ исповѣданія и жизни христіанской, тогда всѣ возбужденія, какъ уже вторичныя, будутъ слабѣе и легче уступятъ требованію первыхъ, уже потому, что тѣ старѣе, прежде испытаны и избраны сердцемъ, а главное — скрѣплены обѣтомъ. Юноша рѣшительно хочетъ держать всегда свое слово. Что сказать о томъ, кто не только не любитъ христіанской жизни и истины, но даже никогда не слышалъ о нихъ?

Въ этомъ случаѣ онъ—домъ безъ ограды, преданный разграбленію, или сухой хворостъ, преданный горѣнію въ огнѣ. Когда своеволю юношеской мысли на все кидаетъ тѣнь сомнѣнія, когда сильно трево-

жать его возбужденія страстей, когда вся душа наполняется искусительными помыслами и движеніями, — юноша въ огнѣ. Кто дастъ ему каплю росы для прохлады, или подастъ руку помощи, если изъ сердца не выйдетъ голосъ за истину, за добро и чистоту? А онъ не выйдетъ, если любовь къ нимъ не поселена прежде. Даже совѣты въ этомъ случаѣ не помогутъ. Ихъ тогда не къ чему привить. Силенъ совѣтъ и убѣжденіе, если, сходя чрезъ слухъ въ сердце, они пробудятъ тамъ чувства, кои есть и имѣютъ для насъ цѣну, но только въ настоящій моментъ отстранены другими, а сами мы не найдемся, какъ ихъ высвободить и сообщить имъ свойственную силу. Въ этомъ случаѣ совѣтъ — драгоцѣнный даръ юношѣ отъ совѣтника. Но если въ сердцѣ нѣтъ начатковъ чистой жизни, онъ бесполезенъ.

Юноша живетъ самъ по себѣ, и кто изслѣдуетъ всѣ движенія и уклоненія его сердца? Это то же, что изслѣдовать путь птицы въ воздухѣ или бѣгъ корабля въ водѣ!! Что броженіе вѣкисающей жидкости, что движеніе стихій при разнородной ихъ смѣси, то сердце юноши. Всѣ потребности такъ называемой природы въ живомъ возбужденіи, каждая подастъ голосъ, ищетъ удовлетворенія. Какъ въ природѣ нашей качествуетъ разстройство, такъ и совокупность этихъ голосовъ то же, что беспорядочные крики шумной толпы. Что-жъ будетъ съ юношею, если онъ напередъ не приученъ влагать въ нѣкоторый строй свои движенія и не наложилъ на себя обязательства хранить ихъ въ строгомъ подчиненіи нѣкоторымъ высшимъ требованіямъ. Если сіи начала глубоко напечатлѣны въ сердцѣ въ первоначальномъ воспитаніи и потомъ сознательно приняты въ правило, то всѣ волненія будутъ про-

исходить какъ бы на поверхности, переходно, не сдвигая основанія, не колебля души.

Какими мы выходимъ изъ лѣтъ юношескихъ, очень много зависитъ оттого, какими вступаемъ въ нихъ. Вода, падающая съ утеса, кипитъ внизу и клубится, а потомъ идетъ уже тихо разными протоками. Это—образъ юности, въ которую каждый ввергается, какъ вода въ водопадъ. Изъ нея выходятъ два порядка людей: одни сияютъ добротою и благородствомъ, другіе омрачены нечестіемъ и развратомъ; а третій—средній классъ, смѣсь добра со зломъ, коимъ подобіе—головня изъ огня, кои склоняются то на добро, то на зло, какъ испорченные часы то идутъ вѣрно, то бѣгутъ или отстаютъ.

Кто заранѣе скрѣпилъ себя обязательствомъ, тотъ какъ бы укрылся въ крѣпкомъ, не пропускающемъ въ себя воды, корабликѣ, или провель по водовороту покойный желобъ. Безъ этого же и доброе воспитаніе не всегда спасетъ. Пусть иной и не впадетъ въ грубые пороки, но все же, если онъ не сомкнутъ въ себѣ, то сердце его, не отрѣшенное отъ всего обътомъ, будетъ изорвано увлеченіями, и онъ неминуемо выйдетъ изъ лѣтъ юности охлажденнымъ, не приставшимъ ни туда, ни сюда.

Такъ спасительно прежде лѣтъ юности не только получить доброе настроеніе, но и скрѣпить себя обътомъ — быть истиннымъ христіаниномъ. Рѣшившійся пусть боится самой юности, какъ огня, и потому бѣгаетъ всѣхъ случаевъ, въ коихъ юность легко развязывается и дѣлается неукротимою.

2) И сама по себѣ юность опасна; но къ этому присоединяются еще два, свойственныя этому возрасту, влеченія, отъ которыхъ юношескія возбужденія сильнѣе разгораются и приобрѣтаютъ большую силу и

опасность. Это: а) жажда впечатлѣній и б) склонность къ общенію. Поэтому, какъ средство къ избѣжанію опасности юношескаго возраста, можно совѣтовать—подчинить правиламъ эти влеченія, чтобы, вмѣсто добра, они не принесли зла. Добрая расположенія, возбужденныя прежде, останутся во всей силѣ, если ихъ не погашать и не утѣснять.

а) *Жажда впечатлѣній* сообщаетъ нѣкоторую стремительность, непрерывность и разнообразіе дѣйствіямъ юноши. Ему хочется все испытать самому, все видѣть, все слышать, вездѣ побывать. Ищите его тамъ, гдѣ есть блескъ для очей, гармонія для слуха, просторъ для движенія. Онъ хочетъ быть подъ непрерывнымъ потокомъ впечатлѣній, всегда новыхъ и потому разнообразныхъ. Ему не сидится дома, не стоитъ на одномъ мѣстѣ, не внимается одному предмету. Его стихія—развлеченія. Но этого для него мало: онъ не довольствуется дѣйствительнымъ, личнымъ испытаніемъ, а хочетъ усвоить и какъ бы перенести на себя впечатлѣнія другихъ, извѣдать, что чувствовали, какъ дѣйствовали другіе сами по себѣ, или въ подобныхъ ему обстоятельствахъ. Затѣмъ онъ кидается на книги и начинаетъ читать; перебираетъ одну книгу за другою, часто не разбирая содержанія ихъ; у него главное—найти такъ называемый эффектъ, изъ какого бы рода вещей онъ ни былъ и чего бы ни касался. Ново, изобразительно, остро—самая лучшая для него рекомендація книгъ. Здѣсь обнаруживается и образуется склонность къ легкому чтенію — та же жажда впечатлѣній, только въ другомъ видѣ. Но и здѣсь еще не все. Юноша часто наскучиваетъ дѣйствительнымъ тѣмъ, что какъ бы навязываютъ ему со стороны: это связываетъ его и заключаетъ слишкомъ въ опредѣленныхъ границахъ, а онъ ищетъ нѣкоторой

свободы. Затѣмъ онъ часто отрывается отъ дѣйствительнаго, уходитъ въ свой созданный міръ и тамъ начинаетъ дѣйствовать на славу. Фантазія строить ему цѣлыя исторіи, гдѣ большею частію герой — его собственное лицо. Юноша только вступаетъ въ жизнь. Предъ нимъ обольстительное, заманчивое будущее. Со временемъ и ему тамъ надобно быть: что же онъ будетъ? Нельзя ли какъ приподнять эту завѣсу и посмотреть? Фантазія, очень подвижная въ эти лѣта, не медлитъ удовлетвореніемъ. Здѣсь обнаруживается и въ такомъ родѣ дѣйствій воспитывается мечтательность.

Мечты, легкое чтеніе, развлеченія, все это одно почти по духу — дѣти жажды впечатлѣній, жажды новаго, разнообразнаго. И вредъ отъ нихъ одинаковъ. Ничѣмъ нельзя лучше заморить добрыхъ сѣмянъ, положенныхъ прежде на сердцѣ юноши, какъ ими. Молодой цвѣтъ, посаженный на такомъ мѣстѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ дуютъ на него вѣтры, немного потерпитъ и засохнетъ; трава, по которой часто ходятъ, не растетъ; часть тѣла, которую подвергаютъ долгому тренію, нѣмѣетъ. Тоже бываетъ и съ сердцемъ и съ добрыми въ немъ расположеніями, если предаться мечтамъ, или пустому чтенію, или развлеченіямъ. Кто долго стоялъ на вѣтрѣ, особенно сыромъ, тотъ, зашедши въ затишье, чувствуетъ, что все въ немъ будто какъ не на своемъ мѣстѣ, тоже бываетъ и въ душѣ, развлекшейся какимъ бы ни было образомъ. Возвратившись изъ разсѣянія въ себя, юноша находитъ въ душѣ своей все въ извращенномъ порядкѣ; а главное — нѣкоторымъ покрываломъ забвенія задерживается все доброе, и на первомъ планѣ стоятъ одни прелести, оставленныя впечатлѣніемъ; слѣдовательно, уже не то, что было и чему всегда слѣдуетъ быть:

расположенія помѣнялись главенствомъ. Отчего, возвратившись въ себя послѣ какого-нибудь разсѣянія, душа начинаетъ тосковать? Оттого, что находитъ себя окраденною. Разсѣянный сдѣлалъ душу свою большою дорогою, по которой, чрезъ воображеніе, какъ тѣни проходятъ соблазнительные предметы и манятъ за собою душу. Но тогда, какъ она такимъ образомъ оторвется какъ бы отъ себя, тайно подходитъ діаволь, уноситъ доброе сѣмя и полагаетъ злое. Такъ учитъ Спаситель, когда объясняетъ, кто похищаетъ посѣянное при пути, и кто есть всѣявый плевелы. То и другое врагъ человѣчь творить.

Итакъ, юноша! Желательно тебѣ сохранить чистоту и невинность дѣтства, или объѣтъ христіанскаго житія безъ укоровъ? Сколько есть силъ и благоразумія, удерживайся отъ развлеченій, безпорядочнаго чтенія соблазнительныхъ книгъ и мечтаній! Какъ хорошо подчинить себя въ этомъ случаѣ строгой и престогаой дисциплинѣ и быть во все время юношества подъ руководствомъ. Тѣхъ юношей, коимъ не позволяютъ распоряжаться самимъ своимъ поведеніемъ до возмужалости, можно назвать счастливыми. И всякому юношѣ надобно радоваться, если онъ поставленъ въ такихъ обстоятельствахъ. Самъ юноша, очевидно, дойти до этого едва ли можетъ; но онъ покажетъ много ума, если повѣритъ совѣту быть больше дома за дѣломъ, не мечтать и не читать пустого. Развлеченіе пусть отклонитъ трудолюбіемъ, мечтательность — серьезными занятіями подъ руководствомъ, которому особенно должно быть подчинено чтеніе, и въ выборѣ книгъ, и въ образѣ чтенія. Какъ бы, впрочемъ, это кто ни сдѣлалъ, пусть только сдѣлаетъ. Страсти, сомнѣнія, увлеченія разгорятся именно въ этомъ, такъ сказать, шаткомъ броженіи ума юноши.

б) Вторая, столь же опасная, склонность у юноши есть *склонность къ общенію*. Она обнаруживается въ потребности товарищества, дружбы и любви. Всѣ они въ истинномъ порядкѣ хороши, но вставить ихъ въ этотъ порядокъ должно не юношѣ.

Юношескій возрастъ есть время живыхъ чувствъ. Они у его сердца—какъ приливъ и отливъ у береговъ моря. Его все занимаетъ, все удивляетъ. Природа и общество открыли предъ нимъ свои сокровища. Но чувства не любятъ быть скрытыми въ себѣ, и юноша хочетъ дѣлиться ими. Затѣмъ имѣетъ нужду въ лицѣ, которое бы могло раздѣлять его чувства, т.-е. въ товарищѣ и другѣ. Потребность благородная, но она можетъ быть и опасною! Кому ввѣряешь свои чувства, тому даешь нѣкоторымъ образомъ власть надъ собою. Какъ же надобно быть осторожнымъ въ выборѣ близкаго лица! Встрѣтишь такого, который далеко—далеко можетъ завести отъ прямого пути. Само собою разумѣется, что добрый естественно стремится къ добруму, а отклоняется отъ недобраго. Есть на это нѣкоторый вкусъ у сердца. Но, опять, какъ часто случается простосердечію быть завлеченнымъ хитростію? Затѣмъ, справедливо всякому юношѣ совѣтуютъ быть осторожнымъ въ выборѣ друга. Хорошо не заключать дружбы, пока не испытаешь друга. Еще лучше имѣть первымъ другомъ отца или того, кто во многомъ замѣняетъ отца, или кого изъ родныхъ—опытнаго и добраго. Для положившаго жить по-христіански первый Богомъ данный другъ—это духовный отецъ; съ нимъ бесѣдуй, ему повѣрай тайны, взвѣшивай и поучайся. Подъ его руководствомъ, при молитвѣ, Богъ пошлетъ, если нужно, и другого друга. Не столько, впрочемъ, опасности въ дружбѣ, сколько въ товариществѣ. Рѣдко видимъ друзей, но больше

знакомыхъ и пріятелей. А здѣсь сколько возможно и сколько бываетъ зла! Есть кружки пріятельскіе съ очень недобрыми правилами. Склонившись къ нимъ, не замѣтишь, какъ объединишься съ ними въ духѣ, подобно тому, какъ незамѣтно наполнишься смрадомъ въ смрадномъ мѣстѣ. Они сами часто теряютъ сознаніе непотребства своего поведенія, и спокойно грубѣютъ въ немъ. Если и пробуждается въ комъ это сознаніе, онъ не имѣетъ силъ отстать. Каждый опасается объявить о томъ, ожидая, что его послѣ всюду будутъ преслѣдовать колкостями, и говорить: „такъ и быть, можетъ быть пройдетъ“. *Тлятъ обычаи благи бестды злы.* Избави, Господи, всякаго отъ этихъ глубинъ сатаниныхъ. Для рѣшившагося работать Господу одно товарищество съ благочестивыми, ищущими Господа; отъ другихъ же надо удаляться и искренно съ ними не обращаться, послѣдуя примѣру святыхъ Божіихъ.

Самый верхъ опасностей для юноши—отъ обращенія съ другимъ поломъ. Тогда какъ въ первыхъ соблазнахъ юноша только сбивается съ прямого пути, здѣсь онъ, кромѣ того, теряетъ себя. Въ первомъ своемъ пробужденіи дѣло это смѣшивается съ потребностію прекраснаго, которая со времени пробужденія своего заставляеть юношу искать себѣ удовлетворенія. Между тѣмъ прекрасное мало-по-малу начинаетъ въ душѣ его принимать образъ, и обыкновенно человѣческой, потому что мы не находимъ ничего краше его... Созданный образъ носится въ головѣ юноши. Съ этого времени онъ ищетъ будто прекраснаго, т.-е. идеальнаго, неземнаго, а между тѣмъ встрѣчается съ дочерью человѣческою и ею уязвляется. Этого-то уязвленія больше всего надлежитъ избѣгать юношѣ, потому что это есть болѣзнь, и болѣзнь тѣмъ опаснѣйшая, что больному хочется болѣть до безумія.

Какъ отвратить эту язву? Не ходи тѣмъ путемъ, которымъ доходятъ до уязвленія.

Этотъ путь вотъ какъ изображенъ въ одной психологіи. Онъ имѣетъ три поворота.

1) Сначала пробуждается у юноши какое-то горестное чувство неизвѣстно о чемъ и отчего, отзывающееся, однакожь, тѣмъ особенно, что онъ будто одинъ. Это—чувство одиночества. Изъ этого чувства тотчасъ отрождается другое—нѣкоторая жалость, нѣжность и вниманіе къ себѣ. Прежде онъ жилъ, какъ бы не замѣчая самъ себя. Теперь онъ обращается къ себѣ, осматриваетъ себя и всегда находитъ, что онъ не худъ, не изъ послѣднихъ, есть лице стоящее: начинаетъ чувствовать свою красоту, пріятность формъ своего тѣла, или—нравиться себѣ. Этимъ оканчивается первое движеніе соблазна къ себѣ. Съ сихъ поръ юноша обращается къ внѣшнему міру.

2) Это вступленіе въ внѣшній міръ воодушевляется увѣренностію, что онъ долженъ нравиться другимъ. Въ сей увѣренности онъ смѣло и какъ бы побѣдительно выходитъ на поприще дѣйствія, и, можетъ быть, впервые поставляетъ себѣ закономъ опрятность, чистоту, нарядность до щегольства; начинаетъ бродить или искать знакомствъ, какъ будто безъ определенной цѣли, по тайному, однакожь, влеченію чего-то ищущаго сердца, и при этомъ старается блистать умомъ, пріятностію въ обращеніи, предупредительнымъ вниманіемъ, вообще всѣмъ, чѣмъ надѣется нравиться. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ всю волю преимущественному органу душеобщенія—глазу.

3) Въ этомъ настроеніи онъ похожъ на порохъ, подставленный подъ искры, и скоро встрѣчается съ своею болѣзнию. Взоромъ очей или голосомъ особенно пріятнымъ, какъ стрѣлою пораженный или подстрѣ-

ленный, стоит онъ сначала нѣсколько въ изступленіи и остолбененіи, отъ котораго пришедши въ себя и опомнившись, находитъ, что его вниманіе и сердце обращены къ одному предмету и влекутся къ нему съ неодолимою силою. Съ сей поры сердце начинаетъ спѣдаться тоскою; юноша унылъ, погруженъ въ себя, занятъ чѣмъ-то важнымъ, ищетъ, какъ будто что потерялъ и что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ для одного лица, и какъ бы въ присутствіи его. Онъ точно потерянный, сонъ и ѣда нейдутъ ему на умъ, обычныя дѣла забыты и приходятъ въ разстройство; ему ничто не дорого. Онъ боленъ лютою болѣзнію, которая щемитъ сердце, стѣсняетъ дыханіе, сушитъ самыя источники жизни. Вотъ постепенный ходъ уязвленій! И само собою видно, чего должно опасаться юношѣ, чтобы не впасть въ эту бѣду. Не ходи этою дорогою! Прогоняй предвѣстниковъ—неопредѣленную грусть и чувство одиночества. Дѣлай имъ наперекоръ: стало грустно—не мечтай, а начни дѣлать что-нибудь серьезное со вниманіемъ—и пройдетъ. Стала зарождаться жалость къ себѣ или чувство своего хорошества, — поспѣши отрезвить себя и отогнать эту блажь какою-нибудь суровостію и жестокостію къ себѣ, особенно выясненіемъ здраваго понятія о ничтожности того, что лѣзетъ въ голову. Случайное или намѣренное униженіе въ этомъ случаѣ было бы какъ вода на огонь... Подавить и прогнать это чувство надобно озаботиться особенно потому, что тутъ начало движенія. Остановись тутъ—дальше не пойдешь: не родится ни желаніе нравиться, ни исканіе нарядовъ и щегольства, ни охоты на посѣщенія. Прорвутся эти—и съ ними борись. Какая надежная въ семъ случаѣ ограда—строгая дисциплина во всемъ, трудъ тѣлесный и еще болѣе головной! Усиль занятія, сиди дома, не

развлекайся. Нужно выйти,—храни чувства, бѣгай другого пола, главное же—молись.

Кромѣ этихъ опасностей, вытекающихъ изъ свойствъ юношескаго возраста, есть еще двѣ: во-1-хъ—настрое-
ніе, по которому до небесъ возносится знаніе рассу-
дочное, или своеобразное постиженіе. Юноша считаетъ
преимуществомъ—на все налагать тѣнь сомнѣнія, и
все то ставитъ въ сторонѣ, что не совпадаетъ съ мѣр-
кою его пониманія. Этимъ однимъ онъ отеѣкаетъ отъ
сердца все настроеніе вѣры и Церкви, слѣдовательно,
отпадаетъ изъ нея и остается одинъ. Ища замѣны
оставленному, кидается на теоріи, построенныя безъ
соображенія съ Откровенною истинною, опутываетъ се-
бя ими, и изгоняетъ изъ своего ума всѣ истины вѣ-
ры. Еще больше бѣды, если поводъ къ тому подастъ
преподаваніе наукъ въ училищахъ и если подобный
духъ становится тамъ преобладающимъ. Думаютъ обла-
дать истинною, а набираются туманныхъ идей, пустыхъ,
мечтательныхъ, большію частію противныхъ даже здра-
вому смыслу, которыя, однакоже, увлекаютъ неопыт-
ныхъ и становятся идоломъ для юноши любознатель-
наго. Во-2-хъ—свѣтскость. Пусть она можетъ пред-
ставлять нѣчто полезное, но преобладаніе ея въ юно-
шѣ пагубно. Она знаменуется жизнію по впечатлѣніямъ
чувствъ, такимъ состояніемъ, въ коемъ человекъ мало
бываетъ въ себѣ, а все почти во внѣ, или дѣломъ,
или мечтою. Съ такимъ настроеніемъ ненавидятъ вну-
треннюю жизнь и тѣхъ, кои говорятъ о ней и живутъ
ею. Истинные христіане для нихъ мистики, запутав-
шіеся въ понятіяхъ, или лицемѣры и проч. Разумѣтъ
истину мѣшаетъ имъ духъ міра, качествующій въ
кругу свѣтской жизни, соприкасаться которой невоз-
бранно позволяютъ и даже совѣтуютъ юношамъ. Этимъ
соприкосновеніемъ міръ, со всѣми своими растлѣн-

ными понятіями и обычаями, набивается въ воспримчивую душу юноши, не предвареннаго, не настроеннаго противно тому, а еще только принимающаго настроеніе, и отпечатлѣвается на ней, какъ на воскѣ,—и онъ невольно становится чадомъ его. А это частво противно частву Божію во Христѣ Исусѣ.

Вотъ опасности для юношей отъ юности! И какъ трудно устоять! Но хорошо воспитанному и рѣшившемуся посвятить себя Богу прежде лѣтъ юности, она не такъ опасна; немного потерпѣть, а тамъ настанетъ покой чистѣйшій и блаженнѣйшій. Сохрани только объѣтъ христіанской чистой жизни и въ это время; а послѣ будешь жить съ нѣкоторою святою непоколебимостію. Кто прошелъ безопасно юношескія лѣта, тотъ какъ будто переплылъ бурную рѣку и, оглянувшись назадъ, благословляетъ Бога. А иной со слезами на глазахъ, въ раскаяніи, обращается назадъ и окаяваетъ себя. Того никогда не воротить, что потеряешь въ юности. Кто падалъ, тотъ достигнетъ ли еще того, чѣмъ обладаетъ не падавшій?

Изъ сказаннаго доселѣ легко дойти до уразумѣнія того, гдѣ причина того, что такъ рѣдки хранящіе благодать крещенія? Воспитаніе всему причиною: и доброму, и злему.

Оттого не сохраняется благодать крещенія, что не соблюдается порядокъ, правила и законы примѣннаго къ тому воспитанія. Главнѣйшія причины суть: а) отдаленіе отъ Церкви и благодатныхъ ея средствъ: Это заморятъ ростокъ христіанской жизни, разобщая ее съ источниками, и она увядастъ, какъ увядастъ цвѣтъ, поставленный въ темномъ мѣстѣ. б) Невниманіе къ отправленіямъ тѣлеснымъ. Думаютъ, что тѣло можетъ всячески развиваться безъ вреда для души: между тѣмъ, въ его отправленіяхъ сѣдалища

страстей, кои вмѣстѣ съ его развитіемъ развиваются, коренятся и овладѣваютъ душою. Проникая тѣлесныя отправленія, страсти получаютъ въ нихъ себѣ ослѣдность, или устрояютъ изъ нихъ неприступную нѣкоторую крѣпость и тѣмъ упрочиваютъ за собою власть на все послѣдующее время. в) Безразборное, ненаправленное къ одной цѣли развитіе силъ души. Не видятъ цѣли спереди,—не видятъ пути къ ней. Отсюда, при всей заботѣ о современнѣйшемъ образованіи, ничего болѣе не дѣлаютъ, какъ только раздуваютъ пытливость, своеволие и жажду наслажденій. г) Совершенное забвеніе о духѣ. Молитва, страхъ Божій, совѣсть рѣдко берутся во вниманіе. Была бы исправность видимая, а тѣ внутреннѣйшія состоянія всегда предполагаются и всегда потому оставляются себѣ. д) Во время обученія—закрытіе главнѣйшаго дѣла побочными, заслоненіе его *единого*—множествомъ другихъ. е) Паконецъ, вступленіе въ юность безъ предварительнаго положенія добрыхъ началъ и рѣшимости жить по-христіански, и далѣе,—неудерживаніе влеченій юношеской жизни въ должномъ порядкѣ, преданіе себя всей жаждѣ впечатлѣній, чрезъ развлеченіе, легкое чтеніе, разгоряченіе воображенія мечтами, неразборчивое общеніе съ подобными себѣ и особенно съ другимъ поломъ, исключительная научность и преданность духу міра, ходячимъ мыслямъ, правиламъ и обычаямъ, кои никогда не бываютъ благоприятны благодатной жизни, но всегда враждебно вооружаются противъ нея и стремятся подавить ее.

Каждой изъ этихъ причинъ и одной достаточно къ тому, чтобы погасить въ человѣкѣ благодатную жизнь. Но бываетъ большею частію, что онѣ дѣйствуютъ совмѣстно, и одна неминуемо привлекаетъ другую; всѣ же въ совокупности онѣ такъ забиваютъ духовную

жизнь, что и малѣйшихъ слѣдовъ ся не бываетъ иногда замѣтно,—какъ будто человекъ и не имѣеть духа, созданъ не для общенія съ Богомъ, не имѣеть къ тому предназначенныхъ силъ и не получаль благодати, оживляющей ихъ.

Почему не соблюдается цѣлесообразный порядокъ воспитанія,—причина этому или въ невѣдѣннн такого порядка, или въ небреженн о немъ. Воспитанн, оставленное безъ вниманн самому себѣ, по необходимости принимаетъ направленн превратныя, ложныя и вредныя, сначала въ домашнемъ быту, а потомъ во время обученн. Но тамъ, гдѣ, повидимому, воспитанн совершается не безъ вниманн и подчиняется извѣстнымъ правиламъ, оно оказывается перѣдко бесплоднымъ и уклоняющимъ отъ цѣли, по причинѣ ложныхъ идей и началъ, на которыхъ строится порядокъ его. Не то имѣется въ виду, не то поставляется главнымъ, что должно; именно не Богоугожденн, не спасенн души, а совсѣмъ другое,—или усовершенствованн силъ только естественныхъ, или приспособленн къ должностямъ, или годность къ жизни въ свѣтѣ и проч. Но когда нечисто и ложно начало, по необходимости и утверждающесея на немъ не можетъ вести къ добру.

Какъ на главныя уклоненн, можно указать: 1) на отстраненн благодатныхъ средствъ. Оно есть естественное слѣдствн забвенн того, что воспитываемый есть христнанинъ и обладаетъ не естественными только, но и благодатными силами. А безъ этихъ средствъ христнанинъ есть разгороженный садъ, который топчуть рыщущн бѣсы, ломаетъ буря грѣха и мнра, которыхъ некому и нечѣмъ остепенять и прогонять. 2) На преимущественное приготовленн къ счастью въ жизни временной, съ заглушеннмъ памяти о вѣчной.

Объ этомъ говорить дома, объ этомъ толкуютъ въ классахъ, это главнымъ выставляется въ простыхъ бесѣдахъ. 3) На преобладаніе внѣшности во всемъ, не исключая даже священнослуженія.

Не подготовленный дома, прошедши такъ воспитаніе,—неизбѣжно отуманенъ въ головѣ, на все смотритъ не тѣми глазами, какими должно; все представляетъ въ извращенномъ видѣ, какъ сквозь разбитые или ложные очки. Поэтому и слушать не хочетъ ни о послѣдней истинной своей цѣли, ни о средствахъ къ тому. Все это у него дѣло стороннее, какъ бы шуточное.

Послѣ этого нетрудно опредѣлить,—что же именно нужно, чтобы исправить такой худой порядокъ вещей? Нужно: 1) хорошо понять и усвоить начала истиннаго христіанскаго воспитанія и дѣйствовать по нимъ прежде всего дома. Домашнее воспитаніе есть корень и основаніе всему послѣдующему. Хорошо воспитаннаго и заправленнаго дома, превратное школьное воспитаніе не такъ легко собьетъ съ прямого пути.

2) Вслѣдъ затѣмъ, перестроить по новымъ, истиннымъ началамъ школьное воспитаніе, внести въ него христіанскіе элементы, неисправное исправить; главное—держатъ во все время воспитанія воспитываемаго подъ обильнѣйшимъ вліяніемъ св. Церкви, которая всѣмъ своимъ устроеніемъ спасительно дѣйствуетъ на созиданіе духа. Это не давало бы разгораться грѣховнымъ возбудителямъ, отвѣвало бы духъ міра и отгоняло духъ изъ бездны. вмѣстѣ съ этимъ надо направлять все отъ временнаго къ вѣчному, отъ внѣшняго къ внутреннему, воспитывать чадъ Церкви, членовъ царствія небеснаго.

Нужнѣе всего 3) воспитывать *воспитателей* подъ руководствомъ такихъ лицъ, кои знаютъ истинное

воспитаніе не по теоріи, а по опыту. Образуясь подъ надзоромъ опытнѣйшихъ воспитателей, они оиять передадутъ свое искусство другимъ, послѣдующимъ и т. д. Воспитатель долженъ пройти всѣ степени христіанскаго совершенства, чтобы впослѣдствіи въ дѣятельности умѣть держать себя, быть способнымъ замѣчать направленія воспитываемыхъ, и потомъ дѣйствовать на нихъ съ терпѣніемъ, успѣшно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословіе лицъ чистѣйшихъ, Богоизбранныхъ и святыхъ. Воспитаніе изъ всѣхъ святыхъ дѣлъ самое святое.

Плодъ добраго воспитанія есть сохраненіе благодати святаго крещенія. Послѣднее вознаграждаетъ съ избыткомъ всѣ труды по первому. Ибо нѣкоторыя высокія преимущества принадлежать тому, кто сохранилъ благодать крещенія и съ первыхъ лѣтъ посвятилъ себя Богу.

1) Первое преимущество, какъ бы основаніе всѣхъ другихъ преимуществъ, есть цѣлостъ естественно благодатнаго состава. Человѣкъ назначенъ быть вмѣстительствомъ необыкновенно высокихъ силъ, готовыхъ излиться на него изъ источника всѣхъ благъ, только пусть не разстроиваетъ себя. И кающійся можетъ быть исцѣленъ совершенно; но ему, кажется, не дается то знать и чувствовать, что не падавшему, или онъ не можетъ услаждаться тою цѣлостью и обладать тѣмъ дерзновеніемъ, которое бываетъ ея слѣдствіемъ.

2) Отсюда сами собою вытекаютъ живость, легкость, неприужденность добродѣланія. Онъ ходитъ въ добръ, какъ въ единственно сродномъ себѣ мірѣ. Кающемуся надобно долго напрягать и приучать себя къ этому добру, чтобы совершать его легко, но и достигши этого, постоянно держать себя въ напряженіи и страхѣ. Напротивъ, тотъ живетъ въ простотѣ сердца,

въ нѣкоторой ублажающей его увѣренности спасенія, и увѣренности необманчивой.

3) Затѣмъ, въ его жизни устрояется нѣкоторая ровность и безостановочность. Въ немъ нѣтъ ни порывовъ, ни ослабленія; и какъ дыханіе у насъ совершается большею частью ровно, такъ и у него хожденіе въ добръ. Бываетъ тоже и у покаившагося, но не скоро пріобрѣтается и не въ такомъ совершенствѣ является. Колесо починенное нерѣдко даетъ знать о своемъ порокѣ; и часы починенные уже не такъ исправны, какъ нечиненные и новые.

4) Не падавшій всегда юнъ. Въ чертахъ нравственнаго его характера отражаются чувства дитяти, пока оно еще не сдѣлалось виноватымъ предъ отцемъ. Здѣсь первое чувство невинности,—дѣтство во Христѣ, какъ бы невѣдѣніе зла. Сколько оно отсѣкаетъ у него помысловъ и томительныхъ волненій сердца! Затѣмъ необыкновенное радушіе, искренняя доброта, тихость нрава. Въ немъ во всей силѣ обнаруживаются указанная Апостоломъ плоды Духа: любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе (Гал. 5, 22). Онъ какъ будто облеченъ въ утробы щедротъ, благодать, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе (Кол. 3, 12). Затѣмъ онъ сохраняетъ непритворное веселонравіе, или радость духовную; ибо въ немъ царствіе Божіе, которое есть миръ и радость о Духѣ Святѣ. Затѣмъ, ему свойственна нѣкоторая прозорливость и мудрость, видящая все въ себѣ и около себя и умѣющая распорядиться собою и дѣлами своими. Сердце его принимаетъ такое настроеніе, что тотчасъ говоритъ ему, что и какъ надо сдѣлать. Наконецъ, можно сказать, ему свойственна небоязнь паденій, чувство безопасности въ Богѣ. *Кто ны разлучитъ отъ любви Божія?* (Римл. 8, 35). Все это въ

совокупности дѣлаетъ его и достоуважаемымъ, и достолюбезнымъ. Онъ невольно влечетъ къ себѣ. Существованіе въ мірѣ подобныхъ лицъ есть великая благодать Божія. Они замѣняютъ Апостольскія мрежи, Какъ около сильнаго магнита собирается множество опилокъ или какъ сильный характеръ увлекаетъ слабыхъ, такъ обитающая въ нихъ сила Духа влечетъ къ себѣ всѣхъ, особенно же тѣхъ, у коихъ есть начатки Духа.

5) Главнѣйшее же нравственное совершенство, принадлежащее сохранившемуся цѣлымъ въ лѣта юности, есть нѣкоторая непоколебимость добродѣтели во всю жизнь. Самуилъ остается твердымъ при всѣхъ искушеніяхъ соблазна въ домѣ Ілія и среди волненій народныхъ въ обществѣ. Іосифъ, среди недобрыхъ братьевъ, въ домѣ Пентефрія, въ темницѣ и въ славѣ, равно сохранилъ свою душу непорочною. Поистинѣ, *благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей* (Плач. Іер. 3, 27). *Чадо, отъ юности твоя избери наказаніе и тогда до съднъ обрящещи премудрость. Въ дѣланіи ея мало потрудишися, и скоро ясти будещи плоды ея* (Сирах. 6, 18. 20). Правое настроеніе обращается какъ бы въ природу, и если иногда нѣсколько нарушается, скоро приходитъ въ первый строй. Поэтому въ Четвѣхъ-Миняхъ святыми находимъ большею частію тѣхъ, кои сохранили нравственную чистоту и благодать крещенія въ юности.

Сверхъ того, кто, сохранивъ чистоту, посвящаетъ себя Богу съ раннихъ лѣтъ, тотъ:

Во-первыхъ, дѣлаетъ дѣло самое угодное Богу, приноситъ Ему жертву самую пріятную: а) потому что Богу вообще, по закону оправданій, угодное всего *первое*: начатки плодовъ, первенцы людей, животныхъ, и слѣдовательно, первая лѣта юности; б) потому что при-

носится жертва чистая,—непорочная юность, что главнымъ образомъ и требовалось отъ всякой жертвы; в) потому что совершаютъ это съ преодоленіемъ немалыхъ препятствій и въ себѣ и извпѣ,—съ отреченіемъ отъ удовольствій, къ какимъ, особенно въ это время, чувствуютъ позывъ.

Во-вторыхъ, совершаетъ дѣло самое благоразумное. Надобно же посвятить себя Богу, ибо въ этомъ одномъ спасеніе. Развѣ только кто предался отчаянію. Но нѣтъ лучше и надежнѣе для сего времени, какъ первое, въ какое мы сознали себя,—ибо кто знаетъ, что будетъ на завтрашній день? Но если бы и надѣялся кто прожить долѣе, все не посвящая сего времени Богу, онъ будетъ только затруднять себя, привыкая къ противоположной жизни, и Богъ знаетъ, одолѣетъ ли себя послѣ. Пусть даже и одолѣетъ: что то за жертва Богу,—больная, истощенная, поврежденная въ членахъ, нецѣлая? Впрочемъ, хотя все это бываетъ, но какъ рѣдко! Какъ рѣдко потерявшій невинность успѣваетъ возвратить ее! Какъ трудно обратиться не познавшему доброй жизни съ дѣтства, живо изображаетъ, по собственному опыту, блаженный Августинъ, въ своемъ исповѣданіи. „Лѣта отрочества, говоритъ онъ, провелъ я въ рѣзвости и шалостяхъ, даже непозволительныхъ, въ непослушаніи и невниманіи къ родителямъ. Со вступленіемъ въ юность началось распутство, и въ три года я дотого развратился, что послѣ, въ продолженіе 12 лѣтъ, все полагалъ намѣреніе исправиться и—не находилъ силъ этого выполнить. Даже послѣ того, какъ сдѣлалъ я поворотъ къ рѣшительному перелому воли, еще медлилъ два года, отлагая обращеніе со дня на день. Такъ разслабла воля отъ первыхъ страстей! Но, по рѣшительномъ обращеніи и принятіи благодати въ св. крещеніи, что я долженъ былъ претерпѣть,

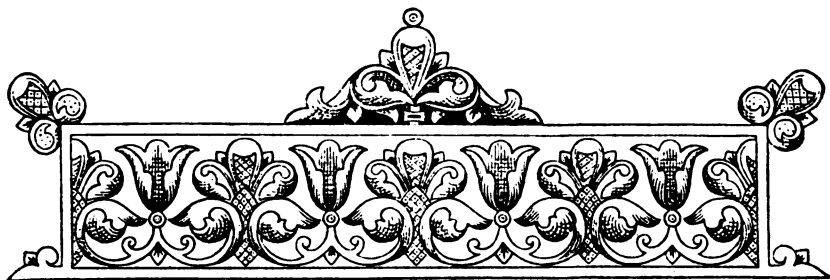
борясь съ своими страстями, сильно влекшими меня на прежній путь?

Удивительно ли, что такъ мало спасающихся изъ неисправно проведенныхъ юность?! Этотъ примѣръ явѣе всего показываесть, въ какой великой опасности находится лице, не получившее добрыхъ правилъ въ юности и Богу себя заранѣе не посвятившее. Какое поэтому счастье получить доброе истинно-христіанское воспитаніе, вступить съ нимъ въ лѣта юности, и потомъ въ томъ же духѣ вступить въ лѣта мужества.

ОТДѢЛЪ II.

О началѣ христіанской жизни чрезъ покаяніе, или о покаяніи и обращеніи грѣшника къ Богу.

II.

Какъ начинается христіанская жизнь въ таинствѣ покаянія?

Начало благодатной христіанской жизни полагается въ крещеніи. Но рѣдкіе сохраняютъ благодать сію; большая часть христіанъ теряетъ ее. Видимъ, что одни являются въ дѣйствительной жизни больше или меньше развращенными, съ недобрыми началами, которымъ попущено развиться въ нихъ и укорениться. Въ иныхъ, можетъ быть, и положены добрыя начала, но въ раннія лѣта юноши, по собственному ли влеченію, или по соблазну отъ другихъ, забываютъ ихъ, начинаютъ привыкать къ худому и привыкаютъ. Всѣ таковыя не имѣютъ уже въ себѣ жизни истинно-христіанской; имъ снова надобно начинать ее. Святая вѣра наша предлагаетъ для сего таинство покаянія. *Аще кто согрѣшитъ, Ходатая имамы ко Отцу, Исуса Христа Праведника* (1 Іоан. 2, 1). Согрешилъ ли, познай грѣхъ и покайся. Богъ проститъ грѣхъ и опять дастъ тебѣ *сердце новое и духъ новый* (Іезек. 36, 26). Другого пути уже нѣтъ: или не грѣши, или кайся. Даже, судя по многочисленности падающихъ по крещеніи, надобно сказать, покаяніе стало для насъ единственнымъ источникомъ истинно-христіанской жизни.

Надобно знать, что въ таинствѣ покаянія у однихъ возочищается только и възгрѣвается даръ благодатной жизни, уже воспринятой и дѣйствующей въ нихъ;

у другихъ полагается только начало сей жизни, или жизнь сія снова даруется и пріемлется. Мы будемъ разсматривать его съ сей послѣдней стороны.

Въ сказанномъ второмъ отношеніи, оно есть рѣшительное измѣненіе на лучшее, переломъ воли, отвращеніе отъ грѣха и обращеніе къ Богу, или возгнетеніе огня ревности объ исключительномъ Богоугожденіи съ отверженіемъ себя и всего другого. Больше всего характеризуетъ его болѣзненный переломъ воли. Человѣкъ привыкъ къ худому; надобно теперь какъ бы раздирать себя. Онъ оскорблялъ Бога; надобно теперь горѣть въ огнѣ суда неумытнаго. Кающійся испытываетъ болѣзни рождающихъ, и въ чувствахъ сердца нѣкоторымъ образомъ прикасается мученіямъ ада. Плачущему Іереміи заповѣдалъ Господь *разорять, и паки созидать и насаждать* (Іер. 1, 10). И плачевный духъ покаянія посланъ Господомъ на землю, чтобы, проходя, въ пріемлющихъ его, до раздѣленія *души и духа, членовъ же и мозговъ* (Евр. 4, 12), разорялъ ветхаго человѣка и полагалъ основы для созиданія новаго. Въ кающемся—то страхъ, то легкая надежда, то болѣзнованіе, то легкое утѣшеніе, то ужасы почти отчаянія, то вѣяніе отрады милосердія смѣняются одни другими, и поставляютъ или держатъ его въ состояніи разлагающагося, или разстающагося съ жизнью, въ чаяніи, однакожь, воспріятія новой.

Это болѣзненно, но спасительно, и такъ неизбѣжно, что кто не ощущалъ такого болѣзненнаго перелома, тотъ не начиналъ еще жить чрезъ покаяніе. И нѣтъ надежды, чтобы человѣкъ возмогъ и сталъ очищать себя во всемъ, не прошедши чрезъ это горнило. Рѣшительное и живое противленіе грѣху бываетъ только отъ ненависти къ нему; ненависть къ нему—отъ чувства зла отъ него; чувство же зла отъ него испыты-

вается въ всей силѣ въ этомъ болѣзненномъ переломѣ въ покаяніи. Тутъ только всеѣмъ сердцемъ ощущаетъ человѣкъ, сколь великое зло есть грѣхъ; зато послѣ и будетъ бѣжать отъ него, какъ отъ огня гееннскаго. Безъ этого же болѣзненнаго испытанія, хоть и станетъ себя очищать иной, но будетъ очищать только слегка, больше внѣшно, чѣмъ внутренно, больше въ дѣлахъ, чѣмъ въ расположеніяхъ; а потому и сердце его будетъ все оставаться нечистымъ, какъ непереплавленная руда.

Такое измѣненіе производится въ человѣческомъ сердцѣ Божественною благодатію. Только одна оне можетъ воодушевить человѣка поднять руку на себя, чтобы заклатъ себя и принести Богу въ жертву. *Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя, привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). Сердце новое и духъ новыйъ даетъ Самъ Богъ (Іезек. 36, 26). Человѣку самому жаль себя. Слившись съ плотію и грѣхомъ, онъ сталъ одно съ ними. Раздвоить его и вооружить противъ себя можетъ только сторонняя, высшая сила.

Такъ, измѣненіе грѣшника производитъ благодать, однакожь не безъ свободнаго желанія. Въ крещеніи благодать дается намъ въ моментъ совершенія надъ нами сего таинства; а свободное произволеніе приходитъ послѣ и усвояетъ себѣ данное. Въ покаяніи же свободное желаніе должно участвовать въ самомъ актѣ измѣненія.

Измѣненіе на лучшѣе, обращеніе къ Богу, какъ будто должно быть мгновеннымъ или минутнымъ, какъ это и бываетъ. Но, приготовительно, оно проходитъ нѣсколько оборотовъ, означающихъ сочетаніе свободы съ благодатію, гдѣ благодать овладѣваетъ свободою, и свобода подчиняется благодати,—оборотовъ необходимыхъ у всякаго. Одни проходятъ ихъ скоро, у дру-

гихъ же это продолжается цѣлые годы. Все, что здѣсь происходитъ, кто можетъ изслѣдить, особенно когда очень разнообразны способы благодатнаго дѣйствованія на насъ, и безчисленны состоянія людей, на коихъ она начинается дѣйствовать? Должно, однакожь, ожидать, что, при всемъ разнообразіи, есть здѣсь одинъ общій порядокъ измѣненія, котораго никто миновать не можетъ. Всякій кающійся есть живущій во грѣхѣ, — и всякаго изъ таковыхъ перетворяетъ благодать. Посему, на основаніи понятія о состояніи грѣшника вообще, и отношенія свободы къ благодати, и можно теперь изобразить сей порядокъ и опредѣлить правилами.

Состояніе грѣшника.

Грѣшника, косму предлежитъ необходимость обновляться въ покаяніи, слово Божіе большею частію изображаетъ погруженнымъ въ глубокой сонъ. Отличительная черта такихъ лицъ не всегда явная порочность, но собственно отсутствіе этой воодушевленной, самоотверженной ревности о Богоугожденіи, съ рѣшительнымъ отвращеніемъ ко всему грѣховному, — то, что у нихъ благочестіе не составляетъ главнаго предмета заботъ и трудовъ, что они, заботливые о многомъ другомъ, совершенно равнодушны къ своему спасенію, не чувствуютъ, въ какой опасности находятся, нерадятъ о доброй жизни и проводятъ жизнь, холодную къ вѣрѣ, хоть иногда исправную и безукоризненную со-внѣ.

Это общая черта. Въ частностяхъ безблагодатный вотъ какимъ является:

Отвратившись отъ Бога, человѣкъ останавливается на себѣ и себя поставляетъ главною цѣлію всей своей жизни и дѣятельности. Это уже и потому, послѣ Бога нѣтъ для него ничего выше себя самого;

особенно же потому, что, получивъ прежде отъ Бога всякую полноту, а теперь опустѣвши отъ Него, спѣшить онъ и заботится, какъ бы и чѣмъ бы себя наполнить. Образовавшаяся въ немъ пустота, чрезъ отпаденіе отъ Бога, непрестанно возжигаетъ въ немъ ничѣмъ неудовлетворимую жажду,—неопредѣленную, но непрестанную. Человѣкъ сталъ бездонною пропастью; всеусиленно заботится онъ наполнить сію бездну,—но не видитъ и не чувствуетъ наполненія. Оттого весь свой вѣкъ онъ въ потѣ, трудѣ и великихъ хлопотахъ: занять разнообразными предметами, въ коихъ чаешь найти утоленіе снѣдающей его жажды. Предметы сіи поглощаютъ все вниманіе, все время и всю дѣятельность его. Они—первое благо, въ коихъ живетъ онъ сердцемъ. Отсюда понятно, почему человекъ, поставляя себя исключительною цѣлію, никогда не бываетъ въ себѣ, а все—внѣ себя, въ вещахъ сотворенныхъ или изобрѣтенныхъ суетою. Отъ Бога, Который есть полнота всего, отпалъ; самъ пустъ; осталось какъ бы разлиться по безконечно-разнообразнымъ вещамъ и жить въ нихъ. Такъ грѣшникъ жаждетъ, заботится, суетится о предметахъ внѣ себя и Бога, о вещахъ многихъ и разнообразныхъ. Почему характеристическая черта грѣховной жизни есть, при безпечности о спасеніи, забота о многомъ, *многопопечительность* (Лук. 10, 41).

Оттѣнки и отличія сей многопопечительности зависятъ отъ свойства образовавшихся въ душѣ пустотъ. Пустота ума, забывшаго о Единомъ, Который есть все, рождаетъ заботу о многознаніи, развѣдываніе, пытаніе, пытливость. Пустота воли, лишившейся обладанія Единымъ, Который есть все, производитъ многожеланіе, стремленіе къ многообладанію или всеобладанію, чтобы все было въ нашей волѣ, въ нашихъ рукахъ:

это любоиманіе. Пустота сердца, лишившагося наслажденія Единымъ, Который есть все, образуетъ жажду удовольствій многихъ и разнообразныхъ, или исканіе тѣхъ безчисленныхъ предметовъ, въ коихъ чаемъ найѣти услажденіе своихъ чувствъ, внутреннихъ и внѣшнихъ. Такъ грѣшникъ непрестанно въ заботахъ о многознаніи, многообладаніи, многонаслажденіи, услаждается, овладѣваетъ, пытается. Это—круговращеніе, въ коемъ кружится онъ весь свой вѣкъ. Пытливость манитъ, сердце чаесть вкусить сласти и увлекаетъ волю. Что это такъ,—всякій можетъ повѣрить самъ, устроивъ наблюденіе надъ движеніями души своей въ продолженіе хоть одного дня.

Въ круговращеніи этомъ и пребывалъ бы грѣшникъ, если бы его оставить одного: такова ужъ природа наша, когда состоитъ въ рабствѣ грѣху. Но это круговращеніе въ тысячу разъ увеличивается и усложняется оттого, что грѣшникъ не одинъ. Есть цѣлый міръ лицъ, кои то и дѣлаютъ, что пытаются, услаждаются, стяжываютъ, кои всѣ, въ сихъ видахъ, приемы привели въ порядокъ, подчинили законамъ, поставили въ необходимость всѣмъ, принадлежащимъ къ ихъ области, кои при взаимномъ союзѣ, приходя неизбѣжно въ соприкосновеніе, трутъ другъ друга, и въ семь треніи только возвышаютъ въ десятыя, сотыя и тысячныя степени пытливость, любоиманіе и самоуслажденіе, въ ихъ распаленіи поставляя все счастье, блаженство и жизнь. Это *міръ суетный*, коего занятія, обычаи, правила, связи, языкъ, увеселенія, развлеченія, понятія,— все, отъ малаго до великаго, пропитано духомъ тѣхъ трехъ исчадій многопопечительности, о которыхъ сказано выше, и составляетъ безотрадное крушеніе духа міролюбцевъ. Состоя въ живомъ союзѣ со всѣмъ этимъ міромъ, всякій грѣшникъ опутывается тысячесплетен-

ною его сѣтію, закутывается въ нее глубоко, глубоко, такъ что его самого и не видно. Тяжелое бремя лежитъ на всемъ лицѣ грѣшника-міролюбца и на каждой его части, такъ что и малымъ чѣмъ пошевельнуться не по-мірски не имѣетъ онъ силъ, потому что тогда необходимо бываетъ ему поднять, какъ бы, тысячепудовую тяжесть. Потому за такое неосиливаемое дѣло и не берется никто, и не думаетъ никто браться, но всѣ живутъ, движась по той колеѣ, въ какую попали.

Къ большей еще бѣдѣ, въ мірѣ семь есть свой князь, единственный по лукавству, злобѣ и опытности въ обольщеніяхъ. Черезъ плоть и вещественность, съ коими смѣсилась душа по паденіи, имѣетъ онъ къ ней свободный доступъ и, подступая, разносторонно разжигаетъ въ ней пытливость, любоиманіе, сластолюбивую самоутѣшность; разными своими прельщеніями держитъ въ нихъ безвыходно, разными подущеніями наводитъ на планы къ удовлетворенію ихъ и потомъ или помогаетъ выполнить ихъ, или разоряетъ указаніемъ другихъ сильнѣйшихъ плановъ, все съ одною цѣлью—продлить и углубить пребываніе въ нихъ. Это и составляетъ смѣну мірскихъ неудачъ и удачъ, Богомъ неблагословенныхъ. Князь сей имѣетъ цѣлое полчище слугъ, подчиненныхъ себѣ духовъ злобы. Въ каждое мгновеніе быстро носятся они по всѣмъ предѣламъ обитаемаго міра, чтобы тамъ засѣмнять одно, въ другомъ мѣстѣ другое, углублять запутанныхъ въ сѣти грѣха, подновлять путы, ослабѣвшіе и порвавшіеся,—особенно же блюсти, чтобы никто не вздумалъ разрѣшиться отъ ихъ узъ и выйти на свободу. Въ семь послѣднемъ случаѣ, они поспѣшно стекаются вокругъ своевольника, сначала по одному, потомъ отрядами и легіонами, а наконецъ, всѣмъ

полчищемъ,—и это въ разныхъ видахъ и приемахъ, чтобы заградить всѣ исходы, починивать нити и сѣти, и, по другому сравненію, опять столкнуть въ бездну начавшаго выбираться изъ нея по крутизнѣ. Есть у этого невидимаго царства духовъ особыя мѣста—тронныя, гдѣ составляются планы, получаютъ распоряженія, принимаются отчеты съ одобреніемъ или укоромъ дѣятелей. Это глубины сатанины, по выраженію св. Іоанна Богослова. На землѣ, въ средѣ царства ихъ изъ людей, мѣста сія суть союзы злодѣевъ, развратниковъ, особенно невѣровъ-кошунниковъ, кои дѣломъ, словомъ и писаніемъ всюду разливаютъ мракъ грѣховный и заслоняютъ свѣтъ Божій. Органъ, коимъ выражаютъ они здѣсь свою волю и власть, есть совокупность обычаевъ мірскихъ, пропитанныхъ грѣховными стихіями, всегда одуряющихъ и отвлекающихъ отъ Бога.

Вотъ строй грѣховной области! Всякій грѣшникъ—весь въ ней, но держится преимущественно чѣмъ-либо однимъ. И это одно, можетъ быть, на видъ иногда очень сносно, и даже одобрительно. У сатаны одна забота, чтобы то, чѣмъ человекъ весь занятъ, гдѣ его сознаніе, вниманіе, сердце,—было не Богъ единственно и исключительно, а что-нибудь внѣ Его, чтобы, прилѣпившись къ сему уму, волею и сердцемъ, онъ имѣлъ то вмѣсто Бога, и о томъ только заботился, о томъ развѣдывалъ, тѣмъ услаждался и обладалъ. Здѣсь не только страсти плотскія и душевныя, но и вещи благовидныя, какъ, на примѣръ, ученость, художественность, житейскость—могутъ служить узами, коими держитъ сатана ослѣпленныхъ грѣшниковъ въ своей власти, не давая имъ опомниться.

Если посмотрѣть на грѣшника, въ его внутреннемъ настроеніи и состояніи, то окажется, что онъ иногда

и много знаетъ, но слѣпъ въ отношеніи къ дѣламъ Божиимъ и къ дѣлу своего спасенія; что онъ хоть непрестанно въ хлопотахъ и заботахъ, но бездѣйственъ и безпечень въ отношеніи къ устроенію своего спасенія, — что онъ хоть непрестанно испытываетъ тревоги или услады сердца, но совершенно нечувствителень ко всему духовному. Въ отношеніи къ сему, грѣхомъ поражены всѣ силы существа, и въ грѣшникѣ качества существуютъ ослѣпленіе, нерадѣніе и нечувствіе. Не видитъ онъ своего состоянія, а потому не чувствуетъ и опасности своего положенія; не чувствуетъ опасности своей, а потому и не заботится и избавиться отъ нея. Ему и на мысль не приходитъ, что нужно измѣняться и спасаться. Онъ въ полной, ничѣмъ не колеблемой увѣренности, что состоитъ въ своемъ должномъ чинѣ, что ему нечего желать, что такъ всему и должно оставаться, какъ оно есть. А потому всякое напоминаніе о другомъ родѣ жизни считаетъ лишнимъ для себя, не внимаетъ ему, даже понять не можетъ, къ чему оно, — чуждается его и бѣгаетъ.

Дѣйствіе Божіей благодати.

Мы сказали, что грѣшникъ есть то же, что человѣкъ, погруженный въ глубокой сонъ. Какъ крѣпко спящій, какая бы ни приблизилась опасность, не проснется самъ и не встанетъ, если не подойдетъ кто сторонній и не разбудитъ его, — такъ и тотъ, кто погруженъ въ грѣховный сонъ, не опомнится и не встанетъ, если не придетъ къ нему на помощь Божественная благодать. По безпредѣльному милосердію Божію, она и готова для всѣхъ, всѣхъ обходитъ и всякому внятно зываетъ: *востани, спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ* (Ефес. 5, 14).

Такое сравненіе грѣшниковъ съ спящими даетъ точки

для всесторонняго разсмотрѣнія обращенія ихъ къ Богу. Именно: спящій пробуждается, встаетъ, собирается идти на дѣло. И грѣшникъ, обращающійся и кающійся, *возбуждается* отъ грѣховнаго усыпленія; доходитъ до *рѣшимости* измѣниться (встаетъ), и, наконецъ, *облекается силою* на новую жизнь въ таинствахъ покаянія и причащенія (готовъ на дѣло). Въ притчѣ о блудномъ сынѣ эти моменты указаны такъ: въ *себе пришелъ*—опомнился; *воставъ иду*—рѣшился оставить прежнюю жизнь; и *воставъ иде*; при чемъ онъ говоритъ отцу: *согрѣшихъ*—покаяніе, а отецъ облекаетъ его въ одежды (оправданіе и разрѣшеніе отъ грѣховъ) и уготовляетъ ему трапезу (св. причащеніе).

Такимъ образомъ, въ обращеніи грѣшниковъ къ Богу есть три момента: 1) возбужденіе отъ грѣховнаго сна; 2) восходъ до рѣшимости оставить грѣхъ и посвятить себя Богоугожденію; 3) облеченіе силою свыше на дѣло сіе въ таинствахъ покаянія и причащенія.

Пробужденіе грѣшника отъ грѣховнаго сна.

Пробужденіе грѣшника есть такое дѣйствіе благодати Божіей въ сердцѣ его, вслѣдствіе котораго онъ, какъ отъ сна пробужденный, *видитъ* свою грѣховность, *чувствуетъ* опасность своего положенія, начинаетъ страшиться за себя и *заботится* о томъ, какъ бы избавиться отъ своей бѣды и спастись. Прежде онъ былъ въ отношеніи къ спасенію слѣпъ, нечувственъ и безпечень; теперь и видитъ, и чувствуетъ, и заботится. Но это еще не измѣненіе, а только возможность измѣненія и призваніе къ тому. Благодать только говоритъ здѣсь грѣшнику: „видишь, куда зашелъ; смотри же, возьми мѣры ко спасенію“. Она только изъемяетъ его изъ всегдашнихъ его узъ, ставитъ и держитъ внѣ ихъ, давая ему, такимъ образомъ, возможность избрать

совсѣмъ новую жизнь и опредѣлить себя на нее. Воспользуется симъ,—благо ему; не воспользуется, опять будетъ брошень, опять погрузится въ тотъ же сонъ и ту же бездну пагубы.

Достигаетъ сего Божія благодать тѣмъ, что раскрываетъ предъ сознаниемъ и чувствомъ человѣка ничтожность и срамоту того, чему онъ преданъ и что такъ цѣнить. Какъ слово Божіе проходитъ до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ (Евр. 4, 12), такъ и благодать проходитъ до раздѣленія сердца и грѣха, и разлагаетъ незаконный ихъ союзъ и сочетаніе. Видѣли мы, что грѣшникъ всѣмъ своимъ существомъ ниспадаетъ въ такую область, гдѣ начала, понятія, сужденія, правила, обычаи, наслажденія, порядки,—и все совершенно противоположно истинной жизни духовной, къ коей предназначенъ человѣкъ. Ниспадши же сюда, не пребываетъ здѣсь особнымъ, отрѣзаннымъ, но проникается всѣмъ, срастворяется со всѣмъ: есть весь во всемъ. Отсюда естественно ему не знать и не помышлять о томъ, что противно сему порядку и не имѣть къ тому никакого сочувствія. Область духовная совсѣмъ закрыта отъ него. Очевидно, послѣ сего, что дверь къ обращенію открыться можетъ только подъ тѣмъ условіемъ, если предъ сознаниемъ грѣшника во всей свѣтлости раскрыть будетъ порядокъ духовной жизни, и не только раскрыть, но и прикоснуть къ сердцу; порядокъ же грѣховной жизни осрамленъ, отверженъ и разоренъ—тоже предъ его сознаниемъ и чувствомъ. Только тогда и можетъ родиться забота—покинуть сей и вступить въ тотъ. Все это и совершается въ одномъ актѣ благодатнаго возбужденія грѣшника.

Въ образѣ своего дѣйствія возбуждательная Божія благодать всегда соображается не только съ узами, въ

коихъ держится грѣшникъ, но и съ особымъ состояніемъ грѣшника. Въ семъ послѣднемъ отношеніи паче всего надо взять во вниманіе ту разность въ дѣйствіи благодати, какую являетъ она, дѣйствуя на тѣхъ, кои никогда не были возбуждаемы, и на тѣхъ, кои испытывали уже сіе возбужденіе. Тому, кто ни однажды не имѣлъ возбужденія, оно дается какъ бы туне, какъ всеобщая предваряющая или зовущая благодать. Отъ него самого предварительно нечего и требовать, потому что онъ весь направленъ не туда. По тому, кто уже былъ возбуждаемъ, зналъ и ощущалъ, что такое жизнь во Христѣ, и опять предался грѣху, возбужденіе не дается даромъ. Нѣчто требуется и отъ него самого предварительно. Онъ какъ бы долженъ еще заслужить и вымолить; не только желать, но и дѣлать нѣчто надъ собою, чтобы привлечь благодатное возбужденіе. Такой, воспоминавая прежнее пребываніе въ добромъ порядкѣ христіанскомъ, по часту желаетъ снова его, но не получаетъ власти надъ собою; хотѣлъ бы исправиться, но не можетъ совладать съ собою и одолѣть себя. Онъ въ безенліи безнадежномъ, оставленъ самому себѣ за то, что прежде самъ оставилъ даръ, укорилъ *Духа благодати и смерть Сына Божія попралъ* (Евр. 10, 29). Теперь дается ему ощутить, какъ велика благодатная сила эта тѣмъ уже, что она не скоро подается. Поищи и потрудись, и трудностію пріобрѣтенія научись цѣнить се. Такой человѣкъ бываетъ въ томительномъ нѣкоторомъ состояніи: жаждетъ и не напаяется, алчетъ и не питается, ищетъ и не обрѣтаетъ, напрягается и не пріемлетъ. Иной оставляется въ семъ состояніи очень-очень долго, дотого, что чувствуетъ какъ бы отверженіе Божіе, будто Богъ забылъ и отвергъ его, предалъ клятвѣ, какъ землю, которая напаялась многократно сходящимъ на нее дождемъ

и осталась безплодною (Евр. 6, 7. 8). Но это медленіе прикосновенія благодати къ сердцу ищущаго есть только испытательное. Проходить срокъ испытанія, нисходитъ и на него снова возбудительный духъ, труда ради его и потоваго исканія, какъ на иныхъ сходитъ онъ туне. Такой образъ дѣйствія спасительной благодати указываетъ намъ: а) на чрезвычайныя дѣйствія благодати Божіей въ возбужденіи грѣшника и б) на обыкновенный порядокъ стяжанія дара возбудительной благодати.

Чрезвычайныя дѣйствія благодати Божіей въ возбужденіи грѣшниковъ отъ сна грѣховнаго.

Живущимъ благодатною жизнію душеспасительно знать сіи дѣйствія, чтобы, видя многопечительность Божію о грѣшникахъ, прославлять неизреченную благодать Божію и воодушевляться благонадежіемъ помощи свыше на всякое благое дѣло. Ищущимъ же Божественной благости того ради особенно нужно знать ихъ, что въ нихъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, выражаются свойства благодатнаго возбужденія, которыя намъ надо хорошо сознавать и уяснить, чтобы опредѣлить—благодатное ли возбужденіе есть то, что испытываемъ мы, — и если уже дѣйствуетъ кто, то по благодатному ли возбужденію дѣйствуетъ, или по самодѣльному воодушевленію. Истинно-христіанская жизнь есть жизнь благодатная. Самодѣльная жизнь, какъ бы она ни была красна на видъ и какъ бы ни держалась формъ христіанской жизни, никогда не будетъ христіанскою. Начало ея полагается въ благодатномъ возбужденіи, которому внявшій не лишается потомъ благодатнаго руководства и общенія во все время, какъ пребываетъ вѣрнымъ ея внушеніямъ. Вотъ почему надо хорошо себѣ уяснить, есть

ли или было ли въ насъ благодатное возбужденіе. Можно въ удовлетвореніе сего требованія сказать: суди себя по свойствамъ благодатнаго возбужденія, открывающимся въ чрезвычайныхъ случаяхъ, ибо они одинаковы какъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, такъ и въ обыкновенномъ порядкѣ, — только въ первыхъ открываются ярче, опредѣленнѣе и различительнѣе.

При благодатномъ возбужденіи, какъ было уже указано, совершается мгновенно разореніе въ сознаниіи всего установившагося тамъ порядка самоугодливой грѣховной жизни, и раскрытіе предъ нимъ иного лучшаго, Божественнаго порядка, единаго истиннаго и ублажающаго. Сокращенно сей порядокъ можно изобразить такъ: Богъ, во Св. Троицѣ покланяемый, міръ сотворившій и о немъ промысляющій, спасаетъ насъ, падшихъ, въ Господѣ Иисусѣ Христѣ, благодатию Святаго Духа, подъ руководствомъ и блюстительствомъ св. Церкви, чрезъ крестную, испытательную здѣсь жизнь, преводя къ вѣчному, нескончаемому блаженству въ будущей жизни. Онъ совмѣщаетъ и лица, и событія, и учрежденія, и самыя начала, по которымъ все движется. Весь сей порядокъ дѣйствіемъ благодати живо печатлѣется въ духѣ человѣка-грѣшника и, разительно представляя противоположность ему и самого человѣка съ его настроеніями, и всего, чѣмъ онъ прежде жилъ и услаждался, тогда какъ обязанъ быть въ совершенномъ съ нимъ согласіи и подобо-настроеніи, — поражаетъ его. Всякая черта его издастъ обличеніе и укоръ человѣку въ неразуміи и недобросовѣстности прежней, которыя тѣмъ бываютъ впечатлительнѣе, что въ то же время въ духѣ видится вся достойная презрѣнія ничтожность прежняго грѣшнаго порядка. Подъ симъ дѣйствіемъ, сердце разрѣшается отъ прежнихъ узъ и стоитъ свободно, и по-

тому свободно избрать новый родъ жизни. Это предѣлъ дѣйствія благодатнаго возбужденія. Оно разоряетъ въ сознаниі и чувствѣ все прежнее — худшее, и живо представляетъ лишь новое—лучшее, оставляя въ семъ положеніи человѣка, пораженнаго, свободнымъ избрать новое или обратиться опять на старое. Замѣчательно, что благодатное возбужденіе всегда сопровождается поражениемъ и нѣкотораго рода испугомъ; потому ли, что оно вдругъ, какъ бы врасплохъ, схватываетъ грѣшника на распутіяхъ жизни, какъ преступника, и представляетъ неотклонимому судилищу Божію, или потому, что новый порядокъ, раскрываемый въ сознаниі совершенно новъ для него и разительно противоположенъ прежнему,—и не новъ только, но и совершенъ во всѣхъ частяхъ, и блаженствоводателенъ, тогда какъ въ первомъ, ничтожномъ, одна туга сердца и крушеніе духа.

Все же исходная точка всѣхъ благихъ дѣйствій благодатнаго возбужденія есть это живое сознаніе новаго Божественнаго порядка. Исходя изъ сего понятія, приведемъ на память всѣ бывшіе опыты благодатнаго сего дѣйствія. Сознаніе новаго порядка бытія и жизни производится двоякимъ образомъ: аа) иногда тотъ самый порядокъ, весь или въ частяхъ, видимо, ощутительно, самымъ дѣломъ представляется взыскиваемому грѣшнику; бб) *иногда* же духъ человѣка вводится въ него и ощущаетъ его внутренно.

аа) Милосердый Господь различнымъ образомъ раскрываетъ предъ сознаниемъ обращаемаго Свой Божественный міръ, въ которомъ опредѣлено жить духу нашему. 1) *Нертѣдко* для сего Онъ является Самъ, видимо, подъ какимъ-либо образомъ, при бодрственномъ состояніи человѣка, или во снѣ. Такъ явился Онъ апостолу Павлу на пути его въ Дамаскъ, Константину

Великому, Евстафію Плакидѣ (20 сентября), Пса-
нію, шедшему мучить христіанъ (это Прокопій, муч.
юля 8), Патермуфію (во снѣ, 9 іюля), и многимъ дру-
гимъ. 2) *Иногда* благоволилъ посылать изъ того міра
разныя лица, тоже въ явѣ, или въ сновидѣніяхъ, въ
своемъ видѣ, или подъ какимъ-либо другимъ обра-
зомъ. Такъ многократно являлась *Матерь Божія*, одна,
или съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, или въ сопрово-
женіи святыхъ — одного, двухъ и многихъ. Велико-
мученица Екатерина, напимѣръ, обращена явле-
ніемъ ей Божіей Матери во снѣ съ Предвѣчнымъ
Младенцемъ, обручившимъ ее Себѣ въ невѣсту (24 но-
ября). Многократно являлись *Ангелы*, по одному и
цѣлыми сонмами: напимѣръ, св. Андрею юродивому
во снѣ представился весь міръ св. Ангеловъ, въ про-
тивоположность полчищу темныхъ силъ (2 октября);
многократно являлись *святые*: напимѣръ, святитель
Митрофанъ — врачу-лютеранину, дѣвицѣ больной и
многимъ другимъ. 3) *Иногда* самый міръ тотъ и осо-
бенно его чинъ и какъ бы основныя начала живо-
писуются предъ невѣдущимъ сознаниемъ въ поразит-
ельномъ какомъ-либо образѣ, какъ это видно изъ
приведеннаго уже случая со св. Андреемъ юродивымъ,
и изъ многихъ другихъ примѣровъ, въ которыхъ лицамъ
обращаемымъ были представлены *или* блаженныя се-
ленія праведныхъ, какъ царю индійскому и брату
его, послѣ того, какъ св. апостоль Тѹма раздалъ
бѣднымъ данныя ему на построеніе дома деньги (6
октября), — *или* страшныя мученія грѣшниковъ, какъ
Психію Хоревиту (3 октября, Прол.), — *или* производ-
ство посмертнаго суда, какъ Петру булочнику, бро-
сившему булку въ лицо нищему, — *или* была напечат-
лѣваема глубокая мысль о смерти и участи послѣ нея,
какъ Іоасафу царевичу (19 ноября), св. Клименту

(25 ноября) и одному юношѣ развратному, которому умирающей отецъ завѣщаль непременно каждый вечеръ заходить въ комнату, гдѣ онъ умираетъ. 4) Иногда дается осязательно ощутить невидимую нѣкоторую силу, среди видимыхъ силъ и явленій дѣйствующую, но разительно отличную отъ нихъ, и исходящую изъ иного міра. Сюда относится все вообще чудеса, помощію которыхъ бывшія обращенія исчислить и возможности нѣтъ. И Спаситель сказалъ, что невѣрующіе и не увѣруютъ, если не увидятъ знаменій. Большая часть ихъ явлена послѣ Христа Спасителя, въ первыя времена христіанства Апостолами, а за ними св. мучениками. Разительность присутствія здѣсь силы невидимой Божіей часто обращала цѣлыя села и города, но никогда не оставалась совсѣмъ бесплодною. Кровь мучениковъ дѣйствительно лежитъ въ основаніи Церкви... *Были и такіе случаи*, что сила Божія являлась сама, безъ посредства лица человѣческаго, какъ при обращеніи Маріи Египетской, или при посредствѣ свитыхъ вещей, иконъ, мощей и др. Такъ обращеніе евреевъ въ Виритѣ совершилось отъ чудныхъ явленій на иконѣ Распятія Господня. При всѣхъ такихъ явленіяхъ, сознаніе, запутанное разными предметами и обольщеніями міра и держимое безвыходно въ порядкѣ видимомъ, чувственномъ, вѣшнемъ, — разительнымъ, печальнымъ и мгновеннымъ представленіемъ ему высшихъ лицъ и силъ, изъ невидимой нѣкоторой области, мгновенно исторгается изъ своихъ узъ и втѣняется въ иной чинъ бытія и жизни, и, пораженное, стоитъ въ немъ. Здѣсь пронесодитъ то же, что при возбужденіи электричества въ какомъ-либо тѣлѣ электричествомъ другого тѣла. Это послѣднее исторгаетъ то изъ узъ вещества и, привлекая къ поверхности, держитъ предъ собою.

бб) Духъ нашъ, какъ мы видѣли, закрытъ и заглушенъ многими покровами. Но по природѣ своей онъ есть зритель Божественнаго порядка. Способность къ тому тотчасъ бываетъ готова явить и дѣйствительно являетъ силу свою, коль скоро устраняются вяжущія ее препятствія. Посему, для возбужденія дремлющаго въ челоуѣкъ духа и введенія его въ созерцаніе Божественнаго порядка, благодать Божія или а) *непосредственно* дѣйствуетъ на него и, исполняя его силу, даетъ возможность разорвать обдергающія его узы, или б) *посредственно*, стрясая съ него покровы и сѣти и давая чрезъ то свободу быть въ своемъ чинѣ.

а) *Непосредственно* наитствуетъ духъ челоуѣка Божественная, вездѣсушая и всепроникающая благодать, напечатлѣвая въ немъ мысли и чувства, отрѣвляющія отъ всѣхъ вещей конечныхъ и обращающія къ другому лучшему, хотя незримоу и невѣдомому, міру. Общая черта сихъ возбужденій есть *недовольство* собою и всѣмъ своимъ и *туга* о чемъ-то. Становится челоуѣкъ неудовлетворяющимся ничѣмъ, что окружаетъ его—ни своими совершенствами, ни тѣмъ, что имѣетъ, хотя бы то были несмѣтные сокровища, и ходитъ, какъ будто горемъ убитый. Не находя отрады ни въ чемъ видимомъ, обращается онъ къ невидимому, и пріемлетъ его съ готовностію и искренно присволяетъ его себѣ, и себя—ему. Многіе съ вопросомъ: чѣмъ все это кончится и къ чему приведетъ,—оставляли все и измѣняли не только чувства и поведеніе, но и родъ жизни. Бывали случаи, что такое недовольство выражалось преимущественно въ части *знательной*, какъ у Іустина философа, который преимущественно искалъ свѣта вѣдѣнія Божественнаго Существа; иногда въ части *сердечной*, какъ у Августина, который преимущественно искалъ покоя своему мятущемуся сердцу; а иногда, боль-

шею, впрочемъ, частію,—въ части *дѣятельной*, въ *совѣсти*, какъ у разбойниковъ Моисея и Давида. Множество бывало случаевъ, что вдругъ озарялась внутренняя храмина духа, засѣменялось влеченіе и устремляло духъ инуды. *Не вѣси, откуда приходитъ, и камо идетъ*, сказалъ о семъ Господь (Іоан. 3, 8). Часто духъ пробуждается напоминаніемъ прошедшаго. Такъ обращена Марія, племянница Авраамія затворника, погибавшій въ разбойничествѣ ученикъ св. Іоанна Богослова, — Теофиль, экономя церковный. Откуда-то входитъ внутрь и внятно совѣсти произносится рѣчь: „помяни, откуда ниспалъ еси“—и сильно поражаетъ забывшагося. Сюда можно отнести все обращенія послѣ юношескихъ паденій. Нѣтъ сомнѣнія, что и такія измѣненія промысленіемъ Божиимъ издали подготавливаются разными случаями, располагающими къ воспріятію благодатнаго воздѣйствія; потому и здѣсь непосредственность только относительная. Но, съ другой стороны, и то надо вѣдать, что и всякое благодатное возбужденіе обнаруживается въ подобныхъ симъ влеченіяхъ и пробужденіяхъ духа нашего. Благодать, хотя чрезъ видимое посредство, всегда однакожь невидимо и непосредственно прикасается къ духу и извлекаетъ его изъ томящихъ его узъ во свѣтъ Божій, въ область жизни Божественной.

б) *Вся посредства*, относящіяся сюда, направлены на разореніе узъ духа. Разрѣши духъ, дай ему свободу, и онъ самъ собою потечетъ туда, откуда взять—къ Богу. Узы духа, какъ мы видѣли, треплетены, составляемы будучи: аа) *самоугодіемъ*, bb) *міромъ*, cc) *діаволомъ*. Противъ нихъ и направляются разрушительныя дѣйствія возбуждающей духъ благодати.

аа) Ближайшія на духъ узы суть узы *самоугодія* всесторонняго, качествующаго въ нашей животно-

душевности. Они—точка соприкосновения и другихъ узъ, тѣхъ кои идутъ отъ міра и діавола. Потому разорваніе ихъ очень важно, хотя очень трудно и многосложно. Ибо, такъ какъ необращенный весь живетъ животнодушевностію, то узы съ сей стороны расширяются, много и разно сплетаются на такое пространство, какъ далеко расходится жизнь животно-душевная. Чтобы понять, какъ разоряются эти узы, надо взять во вниманіе, что здѣсь *то*, къ чему примыкаетъ сія жизнь, чѣмъ питается, въ чемъ преимущественно выражается. составляетъ твердую для нея опору, на которой утверждаясь, она стоитъ и не боится пораженія, не думаетъ о немъ и не чааетъ его. Когда кто, напримѣръ, пристрастился къ художественности, или житейскости, или даже учености, и весь живетъ въ какой-нибудь изъ нихъ, то на нее онъ опирается и въ нейъ почиваетъ всѣми силами, помышленіями и надеждами. Такъ какъ отсюда исходитъ вся затѣмъ самоугодная жизнь, вяжущая духъ, то сія опора самоугодія естественно становится основаніемъ твердости и крѣпости узъ, отъ него налагаемыхъ на духъ, какъ бы точкою, къ коей прикрѣпляются сіи узы. Посему обратно, чтобы освободить духъ отъ узъ самоугодія, Божественная возбуждающая благодать обыкновенно разоряетъ опоры, на коихъ почиваетъ самоугодливая самость. Поколебавъ сіи опоры въ основаніи, она ослабляетъ узы и даетъ возможность приподнять главу умученному и истомленному духу.

Опоръ у нашего самоугодія много; онѣ есть и въ нашемъ существѣ, то-есть, въ тѣлѣ и душѣ, и во внѣшней жизни нашей и вообще во всемъ порядкѣ быта нашего. Таково плотоугодіе въ разныхъ видахъ, то-есть, сластолюбіе, роскошь, похотность, празднолюбіе, страсть къ развлеченіямъ, житейская многопопечи-

тельность, честолюбіе, властолюбіе, видимая въ дѣлахъ успѣшность, зажиточность, лестный внѣшній бытъ, цѣнность связей, мирность внѣшнихъ отношеній, пристрастіе къ художественности, учености, предпріятіямъ. Все это, въ многообразнѣйшихъ видахъ, составляетъ твердую опору нашей самости, которая, съ увѣренностію въ ея надежности и прочности, спокойно поживаетъ на томъ и, пространно питаюсь, возрастаетъ день ото дня, у одного преимущественно въ одномъ родѣ, у другого—въ другомъ.

Спасительная божественная благодать, для пробужденія грѣшника отъ усыпленія, направляя свою силу на разореніе той опоры, на которой кто утверждаетъ и поживаетъ своею самостію,—вотъ что дѣлаетъ:

Кто связанъ плотоугодіемъ, того ввергаетъ въ болѣзни, и, ослабляя плоть, даетъ духу свободу и силу принти въ себя и отрезвиться. Кто прельщенъ своею красотою и силою, того лишаетъ красоты и держитъ въ постоянномъ изнеможеніи. Кто упокуевается на своей власти и силѣ, того подвергаетъ рабству и униженію. Кто много полагается на богатство, у того отнимается оно. Кто высокоумничаетъ, тотъ посрамляется, какъ маловѣдущій. Кто опирается на прочность связей, у того онѣ разрываются. Кто положился на вѣчность установившагося вокругъ него порядка, у того онъ разоряется смертію лицъ или потерею вещей нужныхъ. Держимыхъ въ узахъ безопасности внѣшнимъ счастіемъ, чѣмъ инымъ отрезвить, какъ не скорбями и несчастіями? И не для сего ли вся жизнь наша преисполнена бѣдствій, чтобы она споспѣшествовала намѣренію Божію держать насъ въ трезвенности?...

Всѣ такого рода разоренія опоръ безпечнаго самоудодія составляютъ повороты жизни, кои дѣйствуютъ паразитительно и спасительно, потому что они бывають

всегда нечаянны. Сильнѣе всего въ семь отношеніи дѣйствуетъ чувство опасности за жизнь. Это чувство разслабляетъ всѣ узы и убиваетъ самоть въ самомъ корнѣ; человекъ не знаетъ, куда дѣваться. Такого же свойства и тѣснота обстоятельствъ, или чувство всеобщаго оставленія. То и другое оставляетъ человека одного съ самимъ собою, и отъ себя, ничтожнѣйшаго, тотчасъ препосылаетъ къ Богу, или обращаетъ,

bb) Вторыя узы духа налагаются отъ *міра* и лежатъ поверхностнѣе тѣхъ. Міръ съ своими понятіями, началами, правилами, вообще со всѣмъ своимъ порядкомъ, возведеннымъ въ неизмѣнный законъ, налагаетъ тяжелую, владычественную руку на всѣхъ своихъ чадъ; вслѣдствіе чего никто изъ нихъ не смѣетъ и подумать о возстаніи противъ него, или отверженіи его власти. Передъ нимъ всѣ благоговѣютъ, съ какою-то робостію держатся его правилъ и нарушеніе ихъ считаютъ какъ бы уголовнымъ преступленіемъ. Міра нѣтъ, какъ лица, но духъ его какимъ-то образомъ держится въ свѣтѣ, вліяетъ на насъ и связываетъ, какъ узами. Очевидно, что власть его мысленная, воображаемая, а не дѣйствительная, не физическая. Слѣдовательно, стоитъ только развѣять сію воображаемую силу міра,—и къ намъ близка будетъ возможность отрезвленія отъ его обаяній. Такъ и дѣйствуетъ Божіе спасительное промышленіе о насъ. Съ сею цѣлію, оно

а) Постоянно предъ лицомъ міра и нами держитъ два другихъ міра, святыхъ, Божественныхъ, и въ нихъ и чрезъ нихъ представляя вниманію даже и давая ощутить лучшее, непрестанно твердитъ о пустотѣ мірской жизни и мірскихъ надеждъ. Эти Божіи міры суть: видимая природа и Церковь Божія. Опытъ показываетъ, какъ нерѣдко умъ, отуманенный чадомъ мірскимъ, отрезвлялся созерцавіемъ твореній Божіихъ, или всту-

плениемъ въ Церковь. Одинъ зимою смотрѣлъ на дерево, стоявшее предъ окномъ, и очнулся; другой, послѣ шумной бесѣды, ощутивъ сладость душевнаго покоя въ храмѣ, оставилъ прежніе обычаи и посвятилъ себя служенію Богу. Природа видимая и храмъ Божій не только вразумляли и отрезвляли часто христіанъ, безпечныхъ и грѣшныхъ, но обращали даже язычниковъ къ истинному Боговѣдѣнію и Богоугожденію. Одной женщинѣ пало на сердце слово: *осанна*, и сдѣлало ее христіанкою. Обращеніе нашихъ предковъ окончательно утвердилось воздѣйствіемъ на нихъ храма. Великомученицу Варвару обратило отъ идоловъ къ Богу созерцаніе красотъ видимыхъ твореній Божіихъ. Сила ихъ и вліятельность зависятъ оттого, что они, утомленному, изможденному, обезсиленному, умученному суетою міра духу, живо и ощутительно представляютъ лучшій, блаженнѣйшій порядокъ жизни, и, мгновенно изливая въ него отраду сей жизни, вразумляютъ человѣка тѣмъ, что, предаваясь владычеству міра, онъ только терзаетъ и мучитъ себя, что счастье сокрыто совсѣмъ въ другомъ мірѣ и что если теперь такъ мучительно содружество съ міромъ, то чего должно ожидать послѣ? Этимъ зарождается призывъ къ міру Божію и отрываніе отъ міра суетнаго, кои, иногда въ видѣ сильнаго порыва, а иногда постепенно, и совсѣмъ, наконецъ, исторгаютъ духъ человѣка изъ узъ міра. Такимъ образомъ, природа и Церковь суть отгнатели, развѣватели, оттиратели обаяній суетнаго и многопрелестнаго міра. Они того ради Господомъ и поставлены въ такой съ нами связи, чтобы тѣмъ чаще и непрерывнѣе дѣйствовать на насъ, разительнѣйше представляя противоположность одной жизни съ другою.

3) Второй способъ благодатнаго исторженія изъ узъ міра состоитъ въ томъ, что благодатію Бога-вседро-

мыслителя иному предъ очи представляется на дѣлѣ жизнь, совершенно противоположная той, въ которой онъ движется. Сюда относятся особенно всѣ обращенія посредствомъ *мученичества*, и примѣровъ тому было безчисленное множество. Иногда мученической подвигъ одного обращалъ цѣлыя веси и города. Тутъ, очевидно, присутствіе нравственной силы изъ другого, не нашего міра. Иногда, кажется, надлежало бы быть вѣрному пораженію, а нѣтъ его; мучимый остается непобѣжденнымъ, благодуществующимъ, не зная отчего и какъ. Мгновенное соображеніе сего и ударяетъ въ умъ, и разгоняетъ въ немъ обаяніе прежнихъ порядковъ жизни. Сюда же относится обращеніе разбойника царемъ Маврикіемъ, который, вмѣсто казни ему, обошелся съ нимъ милостиво, какъ съ заслуженнымъ человѣкомъ;—обращеніе блудницы, которую одна мать просила помолиться и возвратитъ къ жизни умершаго единственнаго сына ея, и еще другой блудницы, пришедшей въ раскаяніе отъ одного воззрѣнія на иноковъ, смиренно занявшихъ молитвою и Богомысліемъ, когда она въ томъ же домѣ предавалась роскоши и разврату. И всѣ обращенія *примѣрами жизни* принадлежатъ сюда же. Сила дѣйствія ихъ въ томъ, что лицомъ къ лицу видятся лица довольныя и покойныя, безъ удовольствій и успокоительныхъ предметовъ, коими обильно обладая другою, не находятъ однакожъ ни довольства, ни покоя. Отсюда разочарованіе и измѣненіе жизни.

γ) Третій способъ отвлеченія отъ міра есть посрамленіе его въ лицѣ чадъ своихъ. Іуліанъ превозносится надъ всѣмъ, свирѣпо возстаетъ противъ христіанъ и грозитъ подавить ихъ своею силою,—но потомъ неожиданно падаетъ. Это не только утвердило вѣровавшихъ, но много и невѣровавшихъ обратило къ Богу истинному. На св. Макарія, по лжесвидѣтельству, воз-

стаетъ цѣлое селеніе, бьетъ, терзаетъ, налагаетъ наказаніе: міръ восторжествовалъ; но потомъ истина открывается, посрамляетъ всѣхъ и всѣхъ возвращаетъ къ благоговѣнству и страху Божию. Сюда относятся всѣ вразумленія паденіями и нечаемою смертію сильныхъ и великихъ міра. Посрамленіе міра здѣсь унижаетъ его предъ лицомъ своихъ приверженцевъ, обличаетъ его безсиліе, и тѣмъ, съ одной стороны, отвращаетъ отъ него, съ другой—даетъ смѣлость противостать ему.

б) Нерѣдко, наконецъ, міръ самъ тѣснитъ и гонитъ изъ себя какъ бы самимъ собою, именно тѣмъ, что не удовлетворяетъ или постыждаетъ ожиданіе. Ищемъ счастья: въ мірѣ и есть только слава, честь, власть, богатство, утѣхи,—но ничто такое не удовлетворяетъ искателя. Разсудительный скоро замѣчаетъ обманъ и берется за умъ. Въ святыхъ Божіихъ видимъ, что многіе изъ нихъ, разсмотрѣвъ суету и мятежность міра, удалялись отъ него и рѣшительно посвящали себя Богу. Блудный сынъ, въ притчѣ, говорилъ: *азъ же гладомъ гиблю* (Лук. 15, 17).

вв) Третьи узы духа идутъ отъ сатаны и духовъ его. Они невидимы и большею частію совпадаютъ съ узами самоугодія и міра, которые сатана своимъ вліяніемъ укрѣпляетъ и чрезъ нихъ держитъ умъ въ омраченіи. Но есть нѣчто и непосредственно исходящее отъ сатаны. Отъ него нѣкоторая неопредѣленная робость и боязнь, мятущая душу грѣшника во всякое время, а тѣмъ болѣе тогда, когда задумаетъ онъ о добрѣ. Это почти то же, что господинъ грозитъ слугѣ, когда тотъ начинаетъ что-либо дѣлать не по его волѣ и планамъ. Отъ него разныя лести духовныя, какъ-то: у однихъ чрезмѣрная, безъ вѣрныхъ основаній, надежда на милосердіе Божіе, не отрезвляющая, а все болѣе и болѣе

углубляющая въ грѣхолюбіе; у другихъ, напротивъ того, отчаяніе; у этого—сомнѣніе и невѣріе; у того—самовѣренность и самооправданіе, заглушающее всякое чувство раскаянія. Да, многое, многое прямо зависитъ отъ сатаны, хотя опредѣлить это трудно. Но и всё грѣховное надо относить къ нему, какъ къ источнику, ибо онъ царь грѣшнаго міра. Одна изъ хитрыхъ его уловокъ—скрывать себя, то есть наводить на грѣшниковъ увѣренность, что его нѣтъ, вслѣдствіе чего онъ и самовольничаетъ съ свирѣпостію въ грѣшной душѣ, слагая грѣховныя стремленія, имъ внушаемая, на природу, и располагая къ ропоту на Бога, запрещающаго будто бы естественное и повелѣвающаго то, что выносить у нихъ силъ недостаетъ. Вразумляющая Божественная благодать перѣдко исхищала грѣшниковъ изъ челюстей ада посрамленіемъ сатаны. Она выводила его на позоръ и предавала посмѣянію, обнажая его безсиліе и глупость, и разоблачая хитрости. Такъ постыжденъ онъ въ лицѣ Симона волхва, въ лицѣ Кипріана антiохійскаго и многихъ другихъ. Всѣ такіе случаи сопровождались обращеніемъ и вразумленіемъ немалаго числа ослѣпленныхъ. Во дни Господа на земли, бѣсы, источникъ невѣрія и сомнѣній, становились проповѣдниками вѣры. И св. мученики, силою всемогущаго Бога, часто заставляли и отца и дѣтей лжи говорить истину чрезъ кумиры въ капищахъ. Такое раскрытіе козней лукаваго приводитъ грѣшника къ увѣренности, что онъ въ злыхъ и вражескихъ рукахъ, что его дурачатъ на зло ему самому, что обманно ведутъ какимъ-то мрачнымъ путемъ къ гибели и хотятъ порадоваться ею. Это неминуемо рождаетъ чувство опасенія за свое собственное благо, осторожность, подозрѣніе, отвращеніе и къ хитрецу, и къ его изобрѣтеніямъ—порокамъ и страстямъ, и ко всей прежней

жизни. Отсюда уже недалекъ переходъ къ источнику истины, добра и блаженства—Богу.

Вотъ пути и способы, коими воздѣйствуетъ Божія благодать на духъ человѣка, исторгаетъ его изъ узъ несвойственной ему жизни и лицомъ къ лицу показываетъ другую, лучшую, ту, въ которой его радость и покой. Но, очевидно, что всѣ они, сами по себѣ, неполны, будто не договариваютъ всего. Напримѣръ, родилась жажда лучшаго: но гдѣ же это лучшее, и какъ его достигнуть? Или потрясъ страхъ смерти и суда,—что же дѣлать, чтобы избыть отъ бѣды? Такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Они нѣмы: ко всѣмъ имъ долженъ быть приложенъ еще способъ дополнительный и совершительный. Это—слово, или проповѣдь. Слово Божіе, въ разныхъ его видахъ, дѣйствительно и сопровождаетъ всѣ показанные способы, поясняя ихъ и указывая послѣднюю ихъ цѣль. Безъ него они оставляютъ еще человѣка въ неопредѣленномъ нѣкоторомъ состояніи и, слѣдовательно, не производятъ всего, что должно. Такъ апостоль Павелъ вразумленъ небеснымъ явленіемъ. Но Господь не все совершилъ въ немъ здѣсь, а сказалъ: „поди къ Ананіи, и онъ скажетъ, что дѣлать“. Иустинъ философъ, Варвара великомученица, Иоасафъ царевичъ увидѣли ложь, но, чтобы познать истину, имѣли нужду въ особыхъ руководителяхъ и истолкователяхъ. Потому и поставлено у Господа Промыслителя закономъ: *встѣмъ всюду проповѣдывать*, да покаются (Дѣян. 17, 30). Вѣра отъ слуха, слѣдовательно, глаголомъ Божіимъ (Рим. 10, 17). И сей глаголь, отъ Апостоловъ, чрезъ ихъ преемниковъ возглашается теперь во всѣхъ концахъ земли. И вотъ существенная нужда оглашенія,—сказанія общаго, спасительнаго порядка Божія, необходимость общеизвѣстности лицъ и мѣста, куда долженъ обратиться за

истолкованіемъ возбужденный, чтобы не потерять напрасно возбужденія, или чтобы не блуждать съ нимъ по распутіямъ, истощая бесплодно силы и время. Кати-хизическое ученіе непрестанно должно быть слышимо (и, дѣйствительно, слышится) въ Церкви. Вѣрные — стоящіе будутъ чрезъ то болѣе и болѣе созидаться; падшіе же и возбужденные тотчасъ будутъ имѣть не-лестнаго путеуказателя. Какъ многоцѣненъ долгъ священниковъ благовременно и безвременно возвѣщать спасительные пути Божіи, не полагаясь на общеиз-вѣстность, большею частію, предполагаемую!...

Но слово Божіе не только восполняетъ всѣ показанные способы, но и замѣняетъ ихъ. Оно возбу-ждаетъ полнѣе и внятнѣе. По сродству его съ духомъ нашимъ, также исходящимъ отъ Бога, оно прохо-дитъ внутрь, до раздѣленія души и духа, оживляетъ послѣдній и осѣменяетъ его къ плодоношенію дѣлъ жизни духовной (отчего слово и называется *сѣме-немъ*). Возбудительная сила его тѣмъ значительнѣе, что оно дѣйствуетъ разомъ на всего человѣка, на весь его составъ: тѣло, душу и духъ. Звукъ, или члено-составъ слова, поражаетъ слухъ, мысль занимаетъ душу, а невидимая, сокровенная въ немъ энергія ка-сается духа, который, если вонметъ, послѣ того, какъ слово благополучно пройдетъ и тѣло и душу, — эти грубыя заставы, — возбуждается, и, приходя въ напря-женіе, разрываетъ держащія его узы.

Слово Божіе показанными же способами и возбу-ждаетъ; именно, — или живѣйшимъ представленіемъ со-знанію Божественнаго порядка, или введеніемъ въ него нашего духа, чрезъ разореніе держащихъ его преградъ. Напримѣръ, одинъ старый слуга сказалъ въ простотѣ больному своему господину: „сколько ни бейся, батюш-ка, а придется умереть“, — и тѣмъ возбудилъ его къ

покаянію. Другой прочиталъ подь изображеніемъ распятаго Господа: „вотъ что Я для тебя сдѣлалъ; ты же что для Меня?“—и пробудился отъ усыпленія. Св. Пелагія слышала о смерти, судѣ и горькой участи грѣшныхъ, и отстала отъ грѣшной жизни. Равноапостольный князь Владиміръ обращенъ описаніемъ всего Божественнаго порядка, начиная съ сотворенія міра до конца всѣхъ вещей, страшнаго суда и вѣчной участи добрыхъ и злыхъ. Да и вообще проповѣдь св. Апостоловъ, а по ихъ слѣдамъ и всѣхъ проповѣдниковъ Евангелія, состояла въ простомъ, безъ умствованій, представленіи истины. Св. апостоль Павелъ говоритъ о себѣ, что его слово и проповѣдь были не въ убѣдительныхъ человѣческой мудрости словахъ, а въ простомъ сказаніи о дѣлѣ спасенія чрезъ Господа нашего Иисуса Христа, на крестѣ распятаго (1 Кор. 2, 2—4). И это, можно сказать, естественнѣйшій способъ дѣйствованія чрезъ слово — изображать истину, какъ она есть, не заграждая ее умственными соображеніями и особенно предположеніями о вѣроятностяхъ. Истина сродна духу. Просто и искренно высказанная, она найдетъ его; обставленная же образами, офигуренная и разукрашенная, останется въ фантази, — загроможденная соображеніями и доказательствами, задержится въ разсудкѣ или душѣ, не достигая духа и оставляя его празднымъ. Можно сказать, что вся неплодность проповѣданія зависитъ отъ умствованій, которыми набиваютъ его. Но разъясни истину просто, раскрой, въ чемъ она, — и духъ будетъ побѣжденъ. Еврей читалъ Евангеліе — и обратился, ибо узрѣлъ истину въ простомъ Евангельскомъ сказаніи. Вообще, множество вольнодумцевъ обратилось живымъ сознаниемъ божественныхъ вещей, по указанію слова Божія—живого или писаннаго. Истина разсѣваетъ мракъ

суетныхъ помышленій, освѣжаетъ душу, освѣщаетъ духъ. Можно бы съ великою пользою употреблять по часту, въ общихъ разговорахъ, краткій пересмотръ того, какъ все началось, чѣмъ кончится и почему.

Съ другой стороны, силою слова нерѣдко разоряются преграды духа и дается ему свобода. Такъ св. Антоній Великій услышалъ слово о ничтожности благъ земныхъ,—и все оставилъ. Одинъ юноша прослушалъ проповѣдь о блудномъ сынѣ,—и покаялся. Изображеніемъ суетности житейской и мірской многіе святые, уже на брачномъ ложѣ, склоняли своихъ супруговъ къ безпорочной, чистой жизни. Вообще, представленіе божественнаго порядка—съ одной стороны, и раскрытіе разныхъ очарованій—съ другой, исполняютъ душу полнотою *спасительнаго вѣдѣнія*, или яснымъ и убѣдительнымъ знаніемъ спасительнаго пути, противъ котораго рѣдко можетъ устоять упорство сердца. Очень многіе, если не дѣйствуютъ, какъ должно, съ напряженіемъ, а остаются въ усыпленіи и безпечности, то потому, что не знаютъ спасительныхъ истинъ, или неполно знаютъ. Полнота знанія побѣдительна, ибо тогда некуда укрыться лукавому сердцу.

Въ силу сей всеобъемлющей общегодности къ пробужденію грѣшниковъ, слово Божіе на землѣ ходитъ и до слуха нашего доходитъ многообразно. Оно немолчно слышится въ храмахъ, на всякомъ Богослуженіи, и внѣ храмовъ, во всякомъ чинѣ церковномъ; оно въ пѣніяхъ и пѣсняхъ церковныхъ; оно въ проповѣдяхъ отеческихъ и во всякой душеполезной книгѣ; оно въ душеспасительныхъ бесѣдахъ и ходячихъ изреченіяхъ назидательныхъ; оно въ школахъ, картинахъ и всякомъ видимомъ предметѣ, представляющемъ духовныя истины. Судя по сему, мы объаты словомъ Божіимъ, оглашаемся имъ со всѣхъ сторонъ.

Отовсюду идутъ къ намъ гласы трубныя, на разореніе твердынь грѣха, какъ стѣны іерихонскихъ. Во всѣхъ сихъ видахъ своихъ слово Божіе уже показало и постоянно показываетъ свою побѣдоносную надъ сердцемъ человѣческимъ силу. Надлежитъ только заботиться, чтобъ пути, коими расходится Слово Божіе, были хранимы и непресѣкаемы,—чтобы не умолкала проповѣдь искренняя, чтобы Богослуженіе совершалось по чину и въ назиданіе, чтобы иконописаніе было здраво и свято, пѣніе трезвенно, просто и благоговѣйно. Исполненіе сего дежитъ на служителяхъ алтарей. Они потому суть въ рукахъ Промысла Божія самыя необходимыя и самыя могущественныя орудія къ обращенію грѣшниковъ. Надобно имъ сознать сіе и не молчать не только въ храмахъ, но и въ домахъ, всякимъ случаемъ пользуясь—то изобразить въ словѣ мѣръ Божіихъ, то раскрыть оболъщенія нашего духа призраками душевно-тѣлесности *).

Обыкновенный порядокъ стяжанія дара возбудительной благодати.

Замѣчено уже было, что, въ разнообразіи дѣйствій благодатныхъ возбужденій, особеннаго достоинъ замѣчанія тотъ образъ дѣйствія ея, какой употребляетъ она въ отношеніи къ грѣшнику, уже испытавшему сіи возбужденія и опять отпавшему въ грѣхъ, рѣшительнымъ паденіемъ въ обычныя свои смертныя грѣхи. Чѣмъ чаще повторяются сіи отпаденія, тѣмъ слабѣе становится возбужденіе, потому что къ нему сердце

*) Прекраснѣйшіе образцы въ семъ родѣ—у святителя Тихона. Онъ глубже всѣхъ, кажется, уразумѣлъ, что лучшее употребленіе дара писать и говорить есть обращеніе его на вразумленіе и пробужденіе грѣшниковъ отъ усыпленія. Къ тому и ведетъ почти всякая статья его. Такою же должна быть и всякая церковная проповѣдь, и всякая бесѣда.

какъ бы привыкаетъ, и оно переходитъ въ рядъ обычныхъ явленій душевной жизни. Въмѣстѣ съ такимъ умаленіемъ, оно изъ чувства энергическаго, какимъ характеризуется въ настоящемъ своемъ видѣ, все болѣе и болѣе приближается къ мысли, и, наконецъ, переходитъ въ одно простое помышленіе и воспоминаніе. Это помышленіе до поры до времени принимается съ согласіемъ, потомъ только терпится, хоть безъ неудовольствія, но холодно, безъ особаго вниманія; а затѣмъ уже становится докучливымъ, его спѣшать поскорѣе сбыть, и, наконецъ, отъ него чувствуютъ непріятность и отвращеніе; его уже не любятъ, а ненавидятъ, преслѣдуютъ, гонятъ. Соотвѣтственно сему, падаетъ убѣжденіе въ необходимости лучшей духовной жизни; сначала необходимость сія представляется только вѣроятною, — далѣе закрывается сомнѣніями, въ видѣ вопросовъ о разныхъ сторонахъ своихъ, — еще далѣе ненужность и излишность ея становится болѣе чѣмъ вѣроятною; наконецъ, внутри полагается рѣшеніе: „живи, какъ живется, и такъ можно прожить: все другое — излишнія хлопоты“. Здѣсь человекъ приходитъ въ глубину золь и нерадить, — состояніе, сходное съ состояніемъ и того, кто ни однажды не принималъ возбужденія.

Очевидно, что спасеніе послѣдняго въ крайней опасности. Велико Божіе милосердіе, но и оно, можетъ быть, не возможетъ уже сдѣлать съ нимъ ничего, какъ съ землею, многократно пившею сходящій на нее дождь и неплодоносною, которая стала *клятвы близъ* (Евр. 6, 8). И вотъ это-то послѣдствіе, отъ неустоянія въ порядкѣ жизни, требуемомъ благодатными возбужденіями, особенно надобно напечатлѣть въ памяти тѣмъ, кои нуждаются въ немъ. Правда, Божественная благодать не связывается въ своихъ дѣйствіяхъ подоб-

ными измѣреніями и опредѣленіями, но бываетъ, что и согласуется съ ними. Потому, хотя не должно отчаяваться въ возможности обращенія и спасенія, сколько бы слабо ни было призываніе на возвратъ къ доброй жизни; однакоже всегда съ робостію и боязнію должно помышлять о своемъ положеніи при такой слабости. Не ниспали-ль мы до послѣдней возможности принимать благодатныя возбужденія? Не преградили-ль всѣ пути всежелательной нашего спасенія Божественной благодати дѣйствовать на насъ? Не послѣднія ли это приближенія ея къ намъ съ цѣлю образумить насъ и положить конецъ безобразію жизни нашей? Посему, коль скоро подобныя призыванія слабы, надобно снѣшить воспользоваться ими со всею твердостію намѣренія, хотя болѣе разсудочнаго, и усилить ихъ, сколько это дано свободѣ человѣка. Очевидно, такое усиліе будетъ не что иное, какъ разверстіе себя для призываемой и искомой благодати,—разверстіе, ибо въ прежнія паденія болѣе и болѣе ожестѣвали мы и закрывались для благодати, то въ той, то въ другой части. Оно будетъ совершаться преданіемъ себя благодати тѣмъ путемъ, какой будетъ сейчасъ указанъ къ восхожденію до энергіи первовозбужденнаго, ибо должно думать, что послѣдняя будетъ расти вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будетъ приниматься тотъ или другой пріемъ къ раздраженію усыпленныхъ духовныхъ движеній. Такимъ образомъ, тогда, какъ у первовозбужденнаго все совершается ретиво, быстро, огненно, — у послѣдняго дѣло идетъ холодно, неспѣшно, многотрудно. Его будто оставляетъ благодать себѣ самому, чтобы дать почувствовать, какъ драгоцѣнно неизмѣнное послушаніе Богу зовущему, и поселить расположеніе дорожить Божіими пособіями. Желаніе при семъ хранить Господь, отрѣшеніе же

не вдругъ подаетъ,—а держитъ человѣка посредѣ, въ томленіи, не склоняя будто ни туда, ни сюда, чтобы испытать усердіе и образовать желаніе и обѣщаніе постоянства. Затѣмъ испытаннаго уже и отрѣшаетъ.

Этими немногими чертами имѣли мы въ мысли различить два образа дѣйствій Божіей благодати, изъ которыхъ объ одномъ Господь говоритъ: *се стою при дверехъ и толку* (Апок. 3, 20), а о другомъ: *ищите и обрящете; толцуйте и отверзется вамъ* (Лук. 11, 9). Первый образъ нами описанъ; относительно второго предлежитъ вопросъ: какъ искать и во что *толкать*?

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ благодать Божія оказываетъ свое дѣйствіе быстро и рѣшительно, какъ видимъ, на примѣръ, на апостолѣ Павлѣ, Маріи Египетской и прочихъ,—но въ обыкновенномъ порядкѣ обращеній большею частью бываетъ такъ, что приходитъ человѣку только мысль — перемѣнить жизнь и стать лучше въ своихъ дѣлахъ и внутреннихъ расположеніяхъ. Приходитъ мысль,—но какъ много надо придать ей, чтобы она возобладала надъ душою! Большею частію такого рода благія помышленія остаются безплодными, не по своей, однакожъ, винѣ, а по недолжному отношенію къ нимъ тѣхъ, чью душу посѣщаютъ они.

Первая и главная въ отношеніи къ нимъ погрѣшность та, что ихъ оставляютъ неисполненными, отлагаютъ день ото дня. Отлагательство—общій недугъ и первая причина неисправимости. Всякій говоритъ: еще успѣю,—и остается въ старыхъ порядкахъ привычной недоброй жизни. Итакъ, пришла благая мысль исправиться, — ухватись за нее, займись тѣмъ, чего ради она послана къ тебѣ; и съ сею цѣлію прежде всего гони отлагательство.

Гони отлагательство. Не позволяй себѣ сказать: завтра, или когда-нибудь послѣ, займусь этимъ, а сей-

часть же приступи къ дѣлу. Возьми въ орудіе себѣ здоровое разсужденіе, и помощію его:

а) Живѣе вообрази неразуміе, безобразіе и опасность отлагательства. Говоришь: послѣ,—но послѣ будетъ труднѣе это сдѣлать, потому что самъ больше при-выкнешь къ грѣху, и больше сдѣлаются запутанными обстоятельства и связи твои грѣховныя. Но какой смысл опутанному больше и больше себя опутывать, и держать на умѣ, что, и при этомъ, послѣ распу-таться ему будетъ такъ же легко, какъ и теперь? Ужъ если сознаешь, что такимъ оставаться тебѣ нельзя, каковъ ты теперь, что мѣшкать? Вѣдь, наконецъ, и Богъ можетъ сказать: „былъ ты мнѣ въ сытость“— (Ис. 1, 14), и самъ можешь зайти за черту, изъ-за которой нѣтъ возврата. А это такого рода бѣда, для избѣжанія которой нѣтъ труда, который основательно можно было бы пожалѣть. Если добросовѣстная мысль озаботится представить все это отчетливо и живо, то всѣ главные дѣятели души отвратятся отъ отла-гательства, внутри не будетъ за него заступника. Уви-дишь, что оно вражески относится къ тебѣ, и самъ взглянешь на него непріязненно.

б) Отлагаемъ оттого, что благая мысль, посѣтив-шая насъ, стоитъ въ насъ еще только какъ мысль, еще не привлекла сочувствіе, не движетъ желанія. Она, среди другихъ нашихъ интересовъ, явилась, какъ чуждая гостья, манитъ издали, дѣйствуетъ не впе-чатлительно. Провести се дальше въ глубь души и указать ея цѣну и привлекательность,—твое уже дѣло. Итакъ, поставь ее на первомъ планѣ, вообрази ея пра-воту, покажи радость и высоту, какія она обѣщаетъ, увѣрь себя въ легкости ея исполненія. Благая мысль дѣйствуетъ слабо и не привлекаетъ сердца оттого, что есть другіе планы въ головѣ, есть предметы

интереснѣе, по указанію предзанявшихъ тебя влеченій. Такъ вызови же все на среду и слнчн безпристрастно. Въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ благая мысль, ничто устоять не можетъ; все отодвинется на задній далекій-далекій планъ. Указуемое благою мыслию останется одно и, какъ единственноцѣнное и прекрасное, привлечеть.

в) Недугуемъ отлагательствомъ наиболѣе оттого, что въ эту пору позволяемъ ослабѣть въ себѣ энергін, поблажаемъ лѣности, вялости, сонливости, нерѣшительности и въ мысли и въ дѣятельныхъ силахъ; такъ можно взять себя и съ этой стороны, поживѣе представивъ себѣ, какъ унижительно попускать это въ обыкновенныхъ дѣлахъ, тѣмъ паче въ самонужнѣйшемъ дѣлѣ спасенія,—что во всемъ должно оказывать себя живымъ и быстродѣятельнымъ, что стыдно допускать противное, стыдно отлагать до завтра то, что можно и должно сдѣлать сегодня.

Таковыми и подобными приѣмами гони отлагательство. Какъ кто сумѣеть это сдѣлать, только сдѣлай. Пришла благая мысль,—уговори себя не отлагать исполненіе ея, расположи и заставь себя сейчасъ же начать дѣйствовать по указанію ея. Кто отложилъ дѣло до слѣдующихъ дней, тому сегодня нечего предлагать дальнѣйшихъ совѣтовъ.

Но полагаемъ, что благая мысль принята и заняла вниманіе. Теперь надобно поспѣшить довести ее до такой мѣры возбужденности, на которой она сильна будетъ стать рычагомъ, легко и сильно приводящимъ въ движеніе все внутреннее наше. Для сего надо дать ей просторъ пройти внутрь,—а для этого надлежитъ дѣлать надъ собою, скажемъ такъ, нѣкоторыя операціи, какъ самое нужное и самое дѣйственное приготовленіе къ возбужденію.

Операціи сіи должны быть противоположны тѣмъ тонкимъ сѣтямъ, или тому порядку расположеній, которыми задерживается человѣкъ въ грѣхѣ. Грѣхъ опутываетъ душу многими сѣтями, или скрываетъ себя отъ нея многими покровами, потому что самъ по себѣ онъ безобразенъ и съ перваго раза могъ бы оттолкнуть отъ себя. Самый глубокой и ближайшій къ сердцу покровъ составленъ изъ *самообольщенія, нечувствія и безпечности*; выше надъ нимъ, ближе къ поверхности, лежатъ *разстѣянность и многозаботливость*, главнѣйшіе дѣятели, скрывающіе и питающіе грѣхъ и грѣховные обычаи и порядки; самый верхній покровъ— это *преобладаніе плоти*,—покровъ, болѣе другихъ видный, не менѣе однакожь ихъ сильный и значительный.

Первый покровъ есть существенный покровъ. Онъ производитъ то, что человѣкъ не видитъ опасности своего положенія и не желаетъ перемѣнить его. Последніе два суть только орудія; ими лишь обнаруживается и поддерживается то грѣховное состояніе. Когда приходитъ Божественная благодать, она, проходя до раздѣленія *души и духа*, прямо ударяетъ на первый покровъ и разрываетъ его. Подъ ея дѣйствіемъ человѣкъ грѣшный тотчасъ становится обнаженнымъ и стоитъ предъ своимъ сознаніемъ во всемъ безобразіи. Но когда человѣкъ только еще самъ ищетъ благодатнаго возбужденія, ему надобно начать дѣйствовать совнѣ, и простираться внутрь.

Итакъ, хочешь ли, какъ слѣдуетъ, заняться объявившимъ тебя помышленіемъ о перемѣнѣ недоброй жизни,—начинай снимать съ себя грѣховные покровы, какъ снимаютъ слои земли, чтобы открыть сокрытое тамъ.

а) Прежде всего возмись за *тѣло*. Откажи ему въ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, стѣсни удовле-

ніе самыхъ естественныхъ потребностей; продли часъ бдѣнія, умаль обычную мѣру пищи, приложи къ трудамъ новый трудъ. Главное, какъ хочешь и какъ можешь, облегчи плоть, утончи ея дебелисть. Этимъ душа высвободится изъ связности веществомъ, станетъ подвижнѣе, легче, примчивѣе для впечатлѣній добрыхъ. Вещественное тѣло, преобладая надъ душою, сообщаетъ ей свою неподвижность и холодность. Подвиги тѣлесные ослабляютъ эти узы и устраняютъ слѣдствія ихъ. Правда, не всякій грѣшникъ живетъ неводержно и поблажаетъ тѣлу,—но едва ли найдется лицо, изъ обычно живущихъ, которое не имѣло бы въ чемъ отказать тѣлу, когда на сердце западетъ желаніе спасенія. А цѣль много значить: она совсѣмъ измѣняетъ дѣйствія. Что прежде дѣлалъ ты по обычаю или въ пользу своихъ занятій,—начни то дѣлать теперь съ нѣкоторыми, конечно, перемѣнами и прибавками строгости, спасенія ради,—и осязательно ощутишь разность.

б) Тѣло обременяетъ душу совнѣ, *заботы и расхищеніе мыслей* томятъ ее внутри. Допустимъ, что смирена уже плоть,—этимъ сдѣланъ первый шагъ; но двѣ заставы отдѣляютъ душу отъ себя самой.

Заботы не оставляютъ времени заняться собою. При нихъ одно дѣло въ рукахъ, а десятки въ головѣ. Оттого онѣ гонять человѣка все впередъ и впередъ, не давая ему возможности осмотрѣться и взглянуть на себя. Итакъ, отложи на время заботы, всѣ безъ исключенія, отложи только на время; послѣ опять возмешь за обычныя дѣла, только теперь прекрати ихъ, выкинь ихъ изъ рукъ, выбрось ихъ и изъ мысли.

Но и тогда, какъ заботливыя дѣла прекращены, смятеніе еще надолго остается въ головѣ: мысль за мыслію, то въ согласіи, то одна другой наперекоръ;

душа разсѣяна, умъ шатается въ разныя стороны и тѣмъ самымъ не даетъ установиться въ себѣ чему-либо постоянному и твердому. Собери же разсѣянныхъ чадъ своихъ воедино,—какъ пастырь собираетъ стадо, или какъ стекло разсѣянные лучи, и обрати ихъ на себя.

Желаніе углубиться въ себя и заняться собою, пресѣченіемъ разсѣянія мыслей и заботливости, потребуетъ, конечно, какъ неизбѣжнаго средства, съ одной стороны, уединенія, съ другой—прекращенія обычныхъ занятій и житейскихъ, и должностныхъ; прежде же указанное смиреніе плоти потребуетъ измѣненія въ порядкѣ удовлетворенія естественныхъ потребностей. Судя по сему, самымъ удобнымъ временемъ къ тому, чтобы устроить перемѣну своей жизни, должно счесть время поста какого-нибудь, особенно же Великаго. Тутъ все къ тому преднастроено: и дома, и въ церкви, и даже въ обществѣ. На это время всё и смотрятъ, какъ на приготовленіе къ покаянію. Однакожь, изъ этого не слѣдуетъ, что, когда пришла благая мысль о перемѣнѣ жизни, исполненіе ея надо отлагать до наступленія поста. Все, требуемое при семъ, можетъ быть исполнено и во всякое другое время, кромѣ поста. Но ужъ, конечно, когда пришелъ святыи постъ,—грѣхъ пропустить его, не позаботясь о спасеніи души, какъ пропускается другое время. Кому придетъ спасительное помышленіе о перемѣнѣ жизни не во время поста, и кто находитъ къ приведенію его въ исполненіе какія-либо помѣхи въ своемъ быту,—тому лучше всего удалиться на время въ какую-либо обитель. Тамъ удобнѣе совладѣть съ собою.

в) Вотъ ты стоишь теперь у своего сердца. Предъ тобой твой внутренній человѣкъ, погруженный въ глубокой сонъ безпечности, нечувствія и ослѣпленія.

Начинай будить его. Пришедшая благая мысль уже потревожила его немного. Приступи же тѣмъ съ большею благонадежностью, и сильнѣйшимъ напряженіемъ мысли, собравъ все свое вниманіе, начинай наводить на себя разнаго рода представленія, болѣе или менѣе сильныя и поразительныя, примѣняя однакожь ихъ къ внутреннему своему состоянію.

Прежде всего снимай съ очей ума твоего покровы, содержащія его *въ ослѣпленіи*. Если человѣкъ не отстаетъ отъ грѣха и не бѣжитъ отъ него, то это наиболѣе оттого, что не знаетъ себя и той опасности, въ какой находится ради грѣха. Если бы ему открылись очи, то онъ побѣждалъ бы отъ грѣха, какъ бѣжитъ изъ дома, объятаго огнемъ. Такое ослѣпленіе происходитъ и отъ невниманія къ себѣ: человѣкъ не знаетъ себя потому, что никогда не входилъ въ себя, и не думалъ о себѣ и своемъ нравственномъ состояніи; но большею частью ослѣпленіе поддерживается нѣкоторыми опредѣленными предубѣжденіями относительно себя. Человѣкъ самъ по себѣ составляетъ нѣкоторую сѣть помышленій, систематически закрывающихъ его отъ себя самого. Пусть сѣнь помышленія—сѣть паутиная, только самая легкія вѣроятности,—но уму некогда съ отчетливостью разобрать ихъ,—а тутъ за ихъ дѣйствительность и истину такъ громко говоритъ сердце. Это собственно наши нравственные заблужденія или предразсудки, происходящія отъ вмѣшательства сердца въ дѣла разума. Вотъ почему къ глубокому вниманію надобно присоединить съ сей минуты еще нѣкоторую трезвенность, отстраняющую всякую лесть сердца лукаваго. Пусть съ этой минуты, если что нужно чувствовать сердцу, оно чувствуетъ подъ вліяніемъ представленій ума, а не само по себѣ, какъ бы забѣгая впередъ; иначе оно опять

заставить разумъ представлять вещи по своему, опять подчинить его себѣ, опять внесеть беспорядокъ въ понятія, и, вмѣсто просвѣтленія, еще въ большее повергнуть ослѣпленіе.

Поставивъ теперь себя въ такое положеніе, начинай изводить на средину разныя помышленія, держащія тебя въ ослѣпленіи, и подвергай ихъ строгому и нелицемѣрному суду.

а) *Я христіанинъ*, — говоришь ты и успокоиваешься на этомъ. Вотъ первая лесть—перенесеніе на себя преимуществъ и обѣтованій христіанскихъ, безъ заботы объ укорененіи себѣ истиннаго христіанства, или усвоеніе имени того, что можетъ лежать и держаться только на силѣ и внутреннемъ достоинствѣ. Объясни же себѣ, что обманчива надежда на имя, что Богъ можетъ и изъ каменій воздвигнуть чадъ Аврааму и во всякое время отмѣнить Свои обѣтованія, коль скоро не исполняются условія къ участию въ нихъ. Главное, уясни себѣ, что значить быть христіаниномъ, сличи себя съ симъ идеаломъ, — увидишь — насколько основательна эта опора твоего ослѣпленія.

б) *Да вѣдь мы не изъ послѣднихъ*; знаемъ кое-что, и если обсудить что возьмемъ, сумѣемъ обсудить, и дѣла свои ведемъ не наобумъ и не безъ такта, какъ другіе. Такъ иные прельщаются душевными своими совершенствами. Другимъ, напротивъ, лѣзутъ въ глаза тѣлесныя совершенства: сила, красота, родъ. Тѣ и другіе тѣмъ рѣзче ослѣпляются, чѣмъ выше мы стоимъ надъ всѣми въ окружающей насъ средѣ. Увѣрь же себя:

а) что естественныя совершенства и вообще не имѣютъ цѣны нравственной, потому что они не наше приобрѣтеніе, а дарованы намъ Богомъ; тѣмъ паче въ

христіанствѣ все естественное нецѣнно, по причинѣ порчи естества въ паденіи. Освяти свое добро вѣрою во Христа Спасителя и жизнью по сей вѣрѣ, тогда и посмотри на него, какъ на добро.

б) Опять—все ли сдѣлано тобою, что можешь и долженъ ты сдѣлать по твоимъ дарованіямъ? Ты большому подлежишь отвѣту, потому что тебѣ больше дано. Не о способностяхъ дѣло, а объ ихъ употребленіи. Укажи, что приобрѣлъ ты ими? Соотвѣтствуетъ ли прибытокъ употребленному расходу?

с) Про тѣлесныя или какія-либо случайныя преимущества нечего и говорить. Св. Златоустъ въ одномъ мѣстѣ выставляетъ человѣка, который хвалитъ другого за то, что онъ хорошъ собою, статенъ, богатъ, имѣетъ хорошій домъ, ѣздитъ на отлично убранныхъ лошадяхъ, и проч.,—и потомъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „что-жъ ты мнѣ ничего не сказалъ про него самого? Все, что ты говорилъ, не есть онъ“.

д) А на другихъ смотрѣть нечего; пусть они сами по себѣ. Всякій за себя будетъ давать отчетъ. Ты на себя смотри и, отрѣзавъ себя отъ другихъ, себя только одного суди безъ сравненія съ другими. Или если ужъ сравниться хочешь съ кѣмъ-нибудь, то сравни себѣ со святыми угодниками. Они суть живой законъ христіанскій, или живой образецъ спасающихся. По нимъ, если станешь судить себя, не ошибешься.

в) *Мы не такъ еще худы*: кажется, не безобразничаемъ, и другіе смотрятъ на насъ не какъ на худыхъ, не лишаютъ своего уваженія и вниманія, — и притомъ не простые только, но и изъ важныхъ особъ.—Самаго густого мрака покровъ ослѣпленія благовидностію внѣшняго поведенія и внѣшнихъ отношеній! Уясни себѣ повпечатлительнѣе, что внѣшнее нецѣнно безъ внутренняго. Внѣшняя исправность поведенія—листья;

внутреннія добрыя расположенія—плодъ. Смоковница листьями обѣщала плоды, но Спаситель, не нашедши ихъ на ней, проклялъ ее. Таковъ же предъ лицомъ Его и всякій внѣшне-исправный, безъ искренне-добраго и Богобоязненнаго сердца. *Сыне, даждь ми сердце*, говоритъ Господь у Премудраго. Изъ сердца какъ все доброе, такъ и все злое. Каковъ ты въ сердцѣ, таковъ ты предъ лицомъ Господа. Если ты гордъ въ сердцѣ, то какъ ни смиренничай наружно, все Господь видитъ тебя гордымъ. Такъ и во всемъ прочемъ. А судъ другихъ—обманчивая лесть. Другіе не знаютъ насъ, а относятся къ намъ хорошо, или предполагая насъ добрыми, или подчиняясь закону приличія. Не бываетъ ли такъ, что тѣ, кои около насъ и видятъ худо еъ насъ, но не намекаютъ намъ о томъ по своимъ причинамъ? Не бываетъ ли и такихъ опытовъ, что иные, видя худо въ другихъ, похваляютъ ихъ за то и тѣмъ возбуждаютъ нѣкоторый духъ молодечества въ худодѣланіи; и неразумный вниматель ихъ пошелъ, безъ остановки, все глубже и глубже во зло и худобу; ибо когда видитъ человѣкъ въ окружающихъ улыбку удовольствія отъ дѣлъ своихъ, то остается во злѣ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ. Не потерпѣть бы и намъ чего подобнаго, если такъ чутко будемъ прилагать ухо только къ сужденіямъ о насъ другихъ!..

г) Но пусть и худо есть во мнѣ; *будто я одинъ таковъ?* Таковъ же и тотъ-то, и тотъ-то, даже и вотъ кто. И мало ли можно найти такихъ, которые худы, еще хуже меня...—Ослѣпляемъ себя обычностью грѣха вокругъ насъ. Уяени же себѣ, что множество грѣшащихъ не измѣняетъ закона правды и не избавляетъ никого отъ отвѣтственности. Богъ не смотритъ на число. Хоть все согрѣши, всехъ и накажетъ. Сколько

народилось людей до потопа, а всё погибли, кроме осьми душъ, а съ Содомомъ и Гоморрой пять городовъ пожралъ огонь съ неба,—и никто не спасся, кроме Лота съ дочерьми. И въ адѣ мученія не легче будутъ оттого, что много тамъ окажется мучимыхъ; напротивъ даже, не усилятся ли тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ страданія каждаго?

Такими и подобными разсужденіями спѣши разогнать мракъ предразсудочныхъ помышленій, держащихъ тебя въ ослѣпленіи и не дающихъ тебѣ взглянуть на себя, какъ слѣдуетъ. Цѣлю сей первой работы надъ собою поставь—привести себя въ сомнѣніе и колебаніе относительно безопасности своего стоянія. Ты дойдешь до сего естественно, когда одну за другою начнешь отнимать опоры, на которыхъ ложно утверждается наше ослѣпленіе, мало-по-малу начнешь разрушать пустыя надежды на себя и что-либо свое, мало-по-малу станешь разбивать *непщеванія вины о грѣсахъ*, т.-е. склонность всегда и во всемъ себя оправдывать. Увѣрь себя, что христіанство твое ни во что, если ты худъ, что совершенства твои больше обличаютъ, чѣмъ оправдываютъ тебя, что неправность твоя виѣшняя есть лицедѣйство Богоненавистное, при неисправности сердца, что ни похвалы другихъ, ни широкость товарищества въ художествѣ не укроютъ тебя отъ Божія суда и гнѣва. Мало по-малу будешь обособляться въ мысли и становиться однимъ—одинъ предъ взоромъ ума и совѣсти, которая подастъ сильный голосъ противъ тебя, особенно послѣ того, какъ, сличивъ себя съ тѣмъ, какимъ тебѣ подобаешь быть во Христѣ, найдешь, что ты далеко отсталъ отъ своего первообраза. Велѣдствіе сего, если сознание твое не будетъ лукавить предъ собою, естественно тебѣ оробѣтъ за себя. Отрѣзанный какъ бы

отъ всѣхъ и всѣхъ опоръ лишенный, ты долженъ будешь поразиться чувствомъ безнадежности и опасенія за себя. Всячески до сего именно предѣла долженъ ты доводить помянутую работу надъ своимъ ослѣпленіемъ. Возрожденіе сего чувства есть всегда преддверіе бѣгства грѣховнаго, какъ на войнѣ колебаніе рядовъ вражескихъ есть знакъ скорого ихъ обращенія въ бѣгство.

2) Коль скоро произойдетъ такимъ образомъ хоть легкое движеніе чувства своей грѣховности и опасности оставаться въ ней, углубись еще больше въ себя, и еще съ большимъ напряженіемъ мысли поражай себя какими-либо грозными и отрезвляющими представленіями; потрясай и умягчай ими *нечувственное сердце* свое, какъ тяжелый молотъ умягчаетъ жесткій камень.

а) Помяни послѣдняя твоя. Говори себѣ: „увы, скоро смерть“. Одинъ, другой умираютъ около тебя; вотъ-вотъ ударить и твой часъ. Не отдаляя отъ себя часа смертнаго, внуши себѣ, что уже посланъ ангелъ смерти, идетъ, приблизился. Или вообрази себя человѣкомъ, надъ головою котораго мечъ, готовый поразить его. Затѣмъ живѣе представь, что будетъ съ тобою въ смерти и послѣ смерти. *Судъ при дверехъ*. Тайная твоя обличается предъ Ангелами и всѣми святыми. Тамъ, предъ лицомъ всѣхъ, будешь стоять ты одинъ съ дѣлами твоими. Отъ нихъ или осудишься, или оправдишься.—А что—*рай*, и что—*адъ*?... Въ раю—блаженство, котораго описать нельзя; въ адѣ—мука безъ отрады и конца; на немъ печать рѣшительнаго отверженія Божія. Восприми все это въ чувство и понудь себя побыть въ немъ, пока не исполнитъ тебя *страхъ и ужасъ*.

б) Обратись потомъ къ Богу и поставь себя, осквер-

неннаго и обремененнаго многими грѣхами, предъ лицомъ Его, вездѣсущаго, всевѣдушаго, всещедраго, долготерпѣливаго!.. Еще ли будешь оскорблять око Божіе мерзкимъ видомъ своимъ грѣховнымъ? Еще ли будешь обращать неблагородно хребетъ къ ущедряющему тебя всесторонне? Еще ли будешь затыкать уши предъ отеческимъ гласомъ, милостиво призывающимъ тебя? Еще ли будешь отвращать руку, простираемую къ пріятію тебя?.. Воспріими въ чувство эту несообразность и посѣвши возбудить и укрѣпить въ себѣ жалость и печаль по Богъ.

в) Помяни притомъ, что ты христіанинъ, искупленъ кровію Христовою, омытъ водою крещенія, пріялъ даръ Духа Святаго, бываешь на трапезѣ у Господа и питаешься плотію и кровію Его. И все сіе попроано тобою грѣха ради, разрушающаго тебя!.. Взойди мысленно на Голгоѳу, и пойми, чего стоятъ грѣхи твои... Ужели и еще будешь уязвлять главу Господа терніями грѣховъ твоихъ? Еще ли будешь пригвождать Его ко кресту, прободать ребра Его и издѣваться надъ долготерпѣніемъ Его? Или ты не вѣдаешь, что, грѣша, участвуешь въ мученіи Спасителя и раздѣлишь за то участь мучителей; а если бросишь грѣхъ и покаешься, то причастишься силы смерти Его? Избирай одно изъ двухъ: или распинать, и вѣчно гибнуть, — или ераспинаться, и животъ съ Нимъ вѣчный наслѣдовать.

г) Разсуди далѣе, что такое грѣхъ, къ которому ты такъ льнешь. Это зло, бѣдственнѣйшее изъ всѣхъ золъ: оно отдаляетъ насъ отъ Бога, разстроиваетъ душу и тѣло, предаетъ мученіямъ совѣсти, подвергаетъ казнямъ Божіимъ въ жизни, въ смерти, и по смерти ввергаетъ въ адъ, заключая рай навѣки. Какое чудовище любимъ!.. Воспріими въ чувство все зло отъ грѣха, и напрягись *возгнушаться имъ и отвернуться отъ него.*

д) Посмотри, наконецъ, на грѣхъ, со стороны діавола, перваго его производителя и размножителя, и размотри, кому работаешь ты грѣхомъ. Богъ все для тебя и дѣлалъ, и дѣлаеть, а ты не хочешь угождать Ему; діаволь ничего для тебя не дѣлаеть, и только тиранить тебя грѣхомъ, а ты охотно и неумоимо работаешь ему. Ты друествуешь съ нимъ чрезъ грѣхъ, а онъ злобствуетъ къ тебѣ чрезъ него. Манить къ грѣху обѣщаніемъ сласти отъ него; впадающихъ же въ грѣхъ мучить и терзаетъ имъ. Здѣсь внушаетъ, что грѣхи—ничего, а тамъ будетъ выставлять ихъ въ наше обличеніе, какъ важные пункты. Онъ трясется отъ злобной радости, когда кто попадетъ въ сѣти грѣха и остается въ нихъ. Сообрази все сіе, и возбуди въ себѣ непріязнь къ этому челоѣконенавистнику и дѣламъ его.

Когда, такимъ образомъ, будешь втѣснять въ сердце одно за другимъ сокрушающія и умягчающія чувства—то ужасъ и страхъ, то печаль и жалость, то отвращеніе и ненависть,—оно будетъ мало-по-малу согрѣвать и приходитъ въ движеніе; а за нимъ начесть приходитъ въ движеніе и напрягаться разслабленная воля. Какъ струи электричества сообщаютъ тѣлу нѣкоторую напряженность и возбужденность, или какъ утренній, чистый и прохладительный воздухъ сообщаетъ нѣкоторую свѣжесть и подвижность, такъ и чувства сіи, исполнивъ душу, возбуждаютъ уснувшую ея эпергію, возрождаютъ позывъ и готовность дѣйствовать для выхода изъ опаснаго своего положенія. Это будутъ первые начатки дѣятельнаго попеченія о спасеніи своемъ. Спѣши же съ сей минуты еще рѣшительнѣе.

3) Гнать *сонъ безопасности*. Разслабла воля на добро долгимъ пребываніемъ въ грѣхъ,—собирай теперь во-

кругъ нея такія помышленія, которыми обыкновенно возбуждается энергія: представь на сторонѣ добра спасительность, высоту, общегодность, легкость исполненія и удаленія препятствій, отраду, сейчасъ готовую, и главное—необходимость; на сторонѣ же грѣха— все противоположное сему; подольше и поискреннѣе потолкуй это себѣ, пока расшевелишь себя, и приведешь въ бодренное напряженіе, готовое тотчасъ приступить къ дѣлу. Говори душѣ своей:

а) Вѣдь одно изъ двухъ,—или вѣчно погибать, если такъ останешься, или, если не хочешь этого, то покайся и обратись ко Господу и заповѣдямъ Его. А медлить чего ради? Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Блюдиись притомъ, вѣдь смерть при дверяхъ.

б) Много ли труда? Только начни, только подвигнись. Господь близъ, и всякая помощь отъ Него готова тебѣ.

в) А благо какое!.. Сбросишь это бремя и эти узы, вступишь въ свободу чадъ Божіихъ.

г) Что мучишь ты себя, какъ врагъ какой? Ни днемъ, ни ночью не видишь покоя. Всюду смятеніе и тревога. Только одинъ сдѣлай поворотъ внутри, и все это исчезнетъ, увидишь отраду жизни.

д) Посмотри, всѣ уже пошли ко Господу... и тотъ обратился, и другой, и третій. Ты что стоишь? Иди! Развѣ ты хуже другихъ?

е) Все вокругъ тебя живетъ и все призываетъ тебя къ жизни. Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. Приобщись и ты къ живущимъ Его жизнию. Иди, пей изъ источниковъ воды живой.

Энергія разслабѣвшей воли всегда возбуждается, когда поставитъ себя человѣкъ между крайностями,— или гибнуть, или измѣнить жизнь. Чувство самосохраненія тотчасъ начнетъ возбуждать на дѣло. Укажи

послѣ сего, сколь великое благо ожидается отъ перемѣны жизни на лучшее, какъ легко это сдѣлать, и какъ ты способенъ къ тому, и призванъ, и всѣ средства имѣешь подъ руками,—какъ всѣ добрые, и на землѣ и на небѣ, будутъ обрадованы, вступятъ въ общеніе съ тобою, на руки тебя возьмутъ, и пойдетъ радость въ общей жизни со всѣми живущими о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ,— укажи все это, и воспрянетъ ослабшая воля, исправятся разслабленные колѣна твои.

Такъ трудяся надъ собою, больше и больше будешь прогонять свое ослѣпленіе, нечувствіе и беспечность. Но трудись, и трудись, не ослабѣвая. Есть лукавство въ грѣшной душѣ, что она всячески уклоняется отъ труда по дѣлу спасенія. Приди, возьми и понеси ее; поперечить не станетъ,—ей лишь самой потрудиться не хочется. Въ твоёмъ внутреннемъ никто господиномъ быть не можетъ, кромѣ тебя самого. Самъ войди въ себя и самъ себя ломай, поражай, вразумляй; самъ съ собою веди дѣло предъ лицомъ Бога; самъ себя уговаривай и убѣждай. Посему-то, въ дѣлѣ обращенія, разсужденіе съ самимъ собою, можно сказать, единственная къ тому дверь. Ужъ если самъ собою не разсудишь и не обдумаешь, какъ быть,—кто за тебя это сдѣлаетъ? Оттого и говорится тебѣ: „о томъ разсуди, то представь, въ то и то вникни“.

Судить посему можно, какое великое благо для грѣшника, если развращеніе его не успѣло еще погасить въ немъ совсѣмъ свѣта вѣдѣнія истины. Пусть нравъ испортился, пусть чувства нечисты; но если держатся въ душѣ здравыя понятія,—все еще есть за что взяться тому, кто сталъ думать о спасеніи. Когда же и ихъ не станетъ, когда развратится и умъ—или падетъ въ сомнѣніе, потерявъ убѣжденіе, или приметъ совсѣмъ превратныя ученія—тогда нечѣмъ уже дѣй-

ствовать человѣку на себя, тогда надо уже признать, что отъ ногъ до главы нѣтъ въ немъ цѣлости. До такого, впрочемъ, состоянія рѣдкіе доходятъ. И тѣ, кои доходятъ, если есть для нихъ возможность обращенія, обращаемы бывають чрезвычайными и поразительными дѣйствіями благодати Божіей. Большая же часть грѣшниковъ не теряють вѣры, или образа здравыхъ, по Апостолу, словесъ, а только нравственно развращаются. Таковымъ достаточно возочистить забвеніемъ потемнѣнныя понятія и возставить ослабѣвшее убѣжденіе въ нихъ—отъ невниманія и небреженія о всякомъ вообще добрѣ. Сядь и самъ все просмотри, чему долженъ ты вѣровать, какъ жить и чего надѣяться, по символу вѣры и заповѣдямъ Господнимъ. Если затрудняешься, просмотри въ катихизисѣ; если и этого не можешь, переговоры съ кѣмъ-либо, ближе же всего съ духовнымъ отцомъ твоимъ. Когда это сдѣлаешь, побѣдоносно возстанетъ въ тебѣ царственная истина—и начнетъ со властію тѣснить овладѣвшую тобою неправоту дѣлъ, расположеній и чувствъ. Легко тогда будетъ твоему разсужденію—и ослѣпленіе свое разоблачать, и нечувствіе поражать, и безпечность прогонять.

Когда столько указывается предметовъ, о коихъ надо разсудить съ самимъ собою, то не слѣдуетъ думать, будто это могутъ выполнить только ученые. Разсужденіе съ самимъ собою о спасеніи всякій можетъ вести, даже дитя. Это не то, что ученое разсужденіе. Всякая приведенная на мысль истина сама тотчасъ внушаетъ, чего она требуетъ. Будь только добросовѣстенъ и возроди искреннее желаніе добра себѣ, съ готовностію послѣдовать указаніямъ истины *)).

*) При всемъ томъ, никакъ не излишне имѣть подъ руками душеспасительныя книги, въ которыхъ ясно и съ силою были бы раскрыты всѣ

Но всячески разсужденіе свое надо такъ вести, чтобы оно было приспособлено къ цѣли—дѣйствовать на душу и возбуждать. Для сего:

а) Когда разсуждаешь, то не умствуй, задаваясь разными вопросами, но, уяснивъ себѣ предметъ, поставь его къ сердцу тою стороною, какая, чаешь, будетъ впечатлительнѣе, и созерцай его такъ.

б) Не перебѣгай скоро отъ одной мысли къ другой,—это скорѣе разсѣетъ, чѣмъ соберетъ и окажетъ какое-либо дѣйствіе на душу. И солнце не согрѣло бы ни одной твари на землѣ, если бы пробѣгало по лицу ея мгновенно. Мѣрою разсужденія о томъ или другомъ да будетъ сочувствіе. Всякую мысль доводи до чувства и до тѣхъ поръ не отступай отъ нея, пока не проникнетъ она сердце.

в) Если можно, не оставляй мысль голою, въ одной, такъ сказать, рассуточной формѣ, а облеки ее въ какой-либо образъ и носи его потомъ въ головѣ, какъ постояннаго возбуждителя. Всего лучше, если можно въ одномъ образѣ сосредоточить нѣсколько поразительныхъ представлений. Такъ, св. Тихонъ, чтобы напечатлѣть въ умѣ грѣшника мысль объ опасности его положенія, вотъ что говоритъ: „надъ тобою—мечъ правды, подъ тобою—адъ, готовый пожрать тебя, впереди—смерть, сзади—множество грѣховъ, по правую и лѣвую стороны — толпы злобныхъ враговъ: тебѣ ли быть въ безпечности?“. ... Образъ легче вспоминается и держится въ умѣ, дѣйствуетъ сильнѣе и впечатлительнѣе.

предметы, о которыхъ слѣдуетъ разсуждать съ собою. Неоцѣненны въ сѣмъ отношеніи въ писаніяхъ святителя Тихона статьи о грѣхѣ, объ ослѣпленіи, о прощеніи, некающемся, келейныя письма. Въ пособіе къ сему именно разсужденію съ собою издается *сборникъ свято-отеческихъ писаній*, подъ заглавіемъ:— „*Востани сляй*“...

г) Прибери краткія, но сильныя изреченія, примѣнительно къ твоему состоянію, и потомъ чаще повтoряй ихъ въ себѣ умственно, или внѣшнимъ словомъ. Напримѣръ: „Позна волю стяжавшаго, и осель ясли господина, а ты? Или о богатствѣ благодати и долготерпѣнія нерадиши?.. По жестокости твоей и нераскаянному сердцу собираешь себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и праведнаго суда Божія. — Бди, не вѣси бо, когда Господь придетъ. — Се, ми гробъ предлежитъ, се, ми смерть предстоитъ. — Камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣгу? — Оброцы грѣха смерть. — Врагъ, яко левъ, рыкая, ходитъ. — Дай отчетъ о представленіи домовнѣ; емуже дано много, много взыщется отъ него: рабъ, вѣдѣвый волю господина, бѣнь будетъ много; помяни, откуда ниспалъ еси“, и проч. — Собери и запомни такія изреченія, и бей ими твое сердце. Можетъ быть, какая-либо изъ нихъ станетъ огненною стрѣлою, которая поразитъ и разжеть.

Съ однимъ разсужденіемъ, однакожь, не оставайся, а перемежай его молитвою. Вѣдь мы то же теперь дѣлаемъ, какъ и тогда, когда хотимъ вырвать дерево, вросшее въ землю. Подходимъ и колышемъ, напрягая силу разсужденія съ самимъ собою, себя-уговариванія, себя-убѣжденія. Колышемъ, а вытащить не можемъ, — глубоко вросли корни. Нѣтъ въ насъ потому силы, нѣтъ силы и подрѣзать эти корни. Вотъ и ищи помощи!

а) Во время ли разсужденія падеть какое чувство на сердце, или такъ возбудится какое умиленіе, — встань и молись. Молись, чтобы Богъ освятилъ твой трудъ надъ своимъ окаменѣлымъ сердцемъ, чтобы какой-нибудь твоей мысли далъ силу, разрушающую и созидающую, или Самъ пришелъ бы и умягчилъ, пробудилъ, уязвилъ.

б) Въ молитвѣ сей самъ молись; изреки то, что на душѣ, и свою кровную нужду открой благонадежно, словомъ простымъ, дѣтскимъ, краткимъ, а лучше и безъ словъ, такъ, припадай къ Богу въ болѣзненномъ къ Нему обращеніи.

в) Не умствуй, не сочиняй молитвъ. Приступи въ простотѣ, съ одною нуждою своею, какъ больной къ врачу, какъ связанный къ освободителю, разслабленный къ возстановителю, съ искреннею исповѣдію немощи своей и безсилія одолѣть себя и съ преданіемъ себя Божію вседѣйствію.

г) Падай ницъ, клади поклоны,—многіе, многіе, бей въ перси. И не отходи отъ молитвы, пока движется молитва. Охлаждетъ молитва, берись опять за размышленіе, а отъ сего опять переходи къ молитвѣ.

д) И для молитвы, какъ для разсужденія, прибери краткія къ Богу воззванія и повторяй ихъ чаще: „Пошледи Твое созданіе, Владыко! —Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!—О, Господи, спаси же! О, Господи, благопоспѣши же!“ Припоминай церковныя возбуждательныя пѣсни и пой ихъ: „Се, женихъ грядетъ... Множество содѣянныхъ мною лютыхъ, помышляя, окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго.—Душе моя, душе моя, востани, что спиши!“ —и подобныя...

Такъ трудя себя, бей непрерывно въ двери милосердія Божія.

Чего ищемъ трудясь?—Благодати Божіей возбуждающей. Благодать Божія обыкла, для воздѣйствія на насъ, избирать извѣстныя средства, какъ сказано въ описаніи чрезвычайныхъ дѣйствій благодати. Итакъ, приложи къ себѣ сіи средства и ходи подъ ихъ освѣщеніемъ и вліяніемъ. Не надеть ли и на тебя изъ какого-нибудь лучъ благодати, какъ падалъ на другихъ, подобныхъ тебѣ, грѣшниковъ.

а) Избирала Божія благодать для дѣйствія своего храма Божіи и церковный чинъ. Ходи и ты въ церковь и терпѣливо, внимательно и благоговѣнно выстаивай священнодѣйствія. И видъ церкви съ устройствомъ ея, и чинъ послѣдованія службъ, и пѣніе съ чтеніемъ, — все можетъ подѣйствовать. И не дивно, что, вошедши въ церковь празднымъ, выйдешь оттуда зачавшимъ духъ спасенія.

б) Дѣйствовала благодать чрезъ слово Божіе. И себѣ возьми его и читай. Можетъ быть, встрѣтишь такое мѣсто, которое поразитъ и тебя, какъ поразило Августина мѣсто, на которое пали глаза его, по раскрытіи Новаго Завѣта.

в) Умягчалось сердце иныхъ грѣшниковъ отъ бесѣдъ съ людьми благочестивыми. Поди и ты побесѣдуй. Слово за слово въ бесѣдѣ — не выпадетъ ли и такое, которое и у тебя пройдетъ до раздѣленія души и духа, *судительно помысленіямъ и мыслямъ сердечнымъ?* Можетъ быть, живое слово, согрѣтое любовію, пройдетъ до глубины сердца твоего и потрясетъ составившія тамъ твердыни грѣха.

г) Сильною являлась молитва бѣдныхъ. Поди и ты умножь милостыню, отри слезы несчастныхъ, устрой, если можешь, разорившихся. Молитвенный вопль нишаго доходитъ до неба и проходитъ небеса небесъ. Не изведетъ ли онъ и къ тебѣ Ангела-руководителя, какъ къ Корнилію сотнику?

Ходя среди сихъ и подобныхъ дѣлъ, будешь касаться сосудовъ и носителей благодати. Уканетъ, можетъ быть, и на тебя откуда-нибудь живительная роса ея и оживотворитъ замерзшіе въ тебѣ ростки духовной жизни.

Итакъ, — пришла мысль объ исправленіи своей жизни и своего нрава, — отгнавши отлагательство, утѣсни

и облегчи плоть свою подвигами тѣлесными, отстрани заботы и развлеченія прекращеніемъ на время обычныхъ дѣлъ и уединеніемъ, и затѣмъ, сосредоточившись въ себѣ вниманіемъ, разными спасительными помышленіями напрягайся разогнать ослѣпленіе, нечувствіе и безпечность, посредствомъ разсужденія съ самимъ собою или разглагольствія съ душею своею, перемежая ея молитвою и постановленіемъ себя подь вліяніе такихъ случаевъ, кои Божественная благодать избирала уже въ посредство къ своему воздѣйствію на души грѣшниковъ.

Трудись, напрягайся, ищи — и обрящешь; толцы — и отверзется тебѣ. Не ослабѣвай и не отчаявайся. Но при всемъ томъ помни, что труды сіи составляютъ только опыты усилій съ нашей стороны къ привлеченію благодати, а не самое дѣло, котораго еще мы ищемъ. Недостааетъ главнаго — благодатнаго возбужденія. Очень замѣтно, что, разсуждаемъ ли, молимся ли, или другое что дѣлаемъ, — втѣсняемъ какъ бы нѣчто чуждое въ свое сердце, совнѣ. Бываетъ, что соотвѣтственно силѣ напряженія, нѣкое воздѣйствіе отъ сихъ трудовъ низойдетъ до извѣстной глубины въ сердце, но потомъ опять оттуда извергается, по какой-то упругости непокориваго и непривычнаго къ тому сердца, подобно тому, какъ извергается изъ воды палка, вертикально погруженная въ воду. Тотчасъ же послѣ сего, опять начинается холодность и дебелость на душѣ — явный знакъ, что тутъ не было благодатнаго воздѣйствія, а одинъ нашъ трудъ и наше усиліе. Потому не успокоивайся на однихъ этихъ дѣлахъ и не почивай на нихъ, какъ будто они-то и были то, что тебѣ слѣдуетъ сыскать. Опасное заблужденіе! Равно опасно думать, что въ этихъ трудахъ заключается заслуга, за которую необходимо

должна быть ниспослана благодать. Совсѣмъ нѣтъ! Это только приготовленіе къ принятію, самое же дарованіе совершенно зависитъ отъ воли Раздаятеля. Итакъ, при рачительномъ употребленіи всѣхъ предъказанныхъ средствъ, ищущему слѣдуетъ еще ходить, ожидая посѣщенія Божія, которое, впрочемъ, не приходитъ съ усмотрѣніемъ, и никто не знаетъ, откуда оно приходитъ.

Когда придетъ сія возбуждающая благодать, только тогда начнется настоящее внутри дѣло перемѣны жизни и нрава. Безъ того успѣха и ожидать нельзя,—будутъ однѣ попытки неудачныя. Свидѣтель тому блаженный Августинъ, который долго маялся самъ надъ собою, а одолѣлъ себя уже тогда, когда осѣнила его благодать. Трудись, ожидая, въ вѣрной надеждѣ. Придетъ—и все устроитъ.

Естественъ послѣ этого вопросъ: что же такое благодатное возбужденіе? Въ какое состояніе оно составляетъ человѣка-грѣшника? И какъ состояніе это разнится отъ другихъ подобныхъ состояній? Надо знать характеристическія черты возбужденія, чтобы не пропустить его бесплодно и чтобы, вмѣсто его, не принять какого-либо естественнаго состоянія.

Состояніе души, возбужденной благодатію, определяется по противоположности состоянію души, усыпленной грѣхомъ.

1) Грѣхъ разлучаетъ между Богомъ и человѣкомъ. Человѣкъ, отходя отъ Бога ко грѣху, не ощущаетъ своей зависимости отъ Него, живетъ себѣ, какъ будто онъ не Божій и Богъ не его, какъ своевольный рабъ, бѣжавшій отъ своего господина. Теперь это средостѣніе разоряется. *Чувство зависимости отъ Бога* возвращается. Человѣкъ живо сознаетъ свою всецѣлую подчиненность Богу и полную предъ Нимъ отвѣтствен-

ность. Прежде небо было для него мѣдяно и словно густымъ покровомъ простиралось надъ его главою, а теперь нѣкоторый лучъ проходитъ сквозь сей мрачный покровъ и указываетъ ему Бога, Владыку и вмѣстѣ Судію. Въ немъ возбуждается съ силою *чувство Божества*, со всѣми Его совершенствами, и неотразимо стоитъ въ душѣ, исполняя ее всю. Тутъ основаніе и возможность будущей благодатной духовной жизни.

2) Грѣхъ окутывалъ прежде человѣка слѣпотою, нечувствіемъ, безпечностію. Въ моментъ воздѣйствія благодати спадаетъ эта трехслойная окаменѣлая чешуя съ окованной ею души. Человѣкъ теперь хорошо *видитъ все безобразіе* свое внутри и не только видитъ, но и *чувствуетъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ опасность своего положенія, начинаетъ робѣть за себя и *заботиться* о своей участи. И не только западаетъ въ душу робость, но, при чувствѣ отвѣтственности своей предъ Богомъ, страхъ, томленіе, досада, стыдъ начинаютъ сильно поражать его сердце. Его *грызетъ совесть*.

3) Но тутъ же дается ему нѣкоторое ощущеніе и сладости жизни по Богѣ. Чувствуя всю непотребность грѣховной жизни, питая отвращеніе къ ней, какъ морю зла, онъ вмѣстѣ предошущаетъ, что въ открывшейся теперь для его душевнаго ока области добра сокрыты отрада и утѣшеніе. Она созерцается имъ, какъ земля обѣтованная, какъ мѣсто блаженнѣйшее и безопаснѣйшее отъ всѣхъ тревоженій. Сіе-то предошущеніе и есть преимущественно такое явленіе въ душѣ грѣшной, котораго человѣкъ самъ собою произвести никакъ не можетъ. То—блага Божіи и состоятъ въ его власти. Думать о нихъ — не значить ощущать ихъ. Богъ Самъ вводитъ духъ человѣка въ Свою сокровищницу и даетъ вкусить отъ благъ ея.

4) Замѣть, сколь необходимо сіе дѣйствіе благодати

Божіей на пути освобожденія души изъ области грѣха.— Цѣль возбужденія благодатнаго и сила его—въ томъ, что оно извлекаетъ человѣка изъ устъ грѣха и составляетъ на точкѣ безразличія между добромъ и зломъ. Вѣсы воли нашей, въ которыхъ она склоняется то на ту, то на другую сторону, должны теперь стоять въ уровень. Но этого не будетъ, если не дать грѣшнику вкусить хоть въ предощуеніи сладость добра. Если не дать сего, то сладость грѣха, какъ уже извѣданная, сильнѣе влекла бы его къ себѣ, нежели добро, и выборъ все падалъ бы на сторону сего послѣдняго, какъ и бываетъ въ задумываніяхъ перемѣнить жизнь безъ благодатнаго возбужденія. Ибо то общій законъ; *ignoti nulla cupido*, то-есть, чего не знаешь, того не желаешь. Но когда, въ благодатномъ возбужденіи, дается ему вкусить сладость добра, то и оно начинаетъ привлекать его къ себѣ, какъ уже извѣданное, вѣдомое и ощущаемое. Вѣсы равны. Въ рукахъ человѣка полная свобода дѣйствія.

5) Такимъ образомъ, какъ блескомъ молніи, освѣщается все и въ человѣкѣ, и вокругъ его, при благодатномъ возбужденіи. Онъ вводится теперь сердцемъ, на одно мгновеніе, въ тотъ порядокъ, изъ котораго изгнанъ грѣхомъ, вставляется въ цѣпи творенія въ ту связь, изъ которой самовольно исторгся грѣхомъ. Оттого это дѣйствіе благодати всегда почти обозначается испугомъ и мгновеннымъ потрясеніемъ, какъ спѣшно идущаго въ задумчивости потрясаетъ внезапно услышанное „стой!“ Если смотрѣть на это состояніе по понятіямъ психологическимъ, то оно есть не что иное, какъ пробужденіе духа. Собственно духу нашему свойственно сознать Божество и высшій нѣкоторый міръ, или порядокъ вещей, возвышать человѣка надъ всѣмъ чувственнымъ и уносить въ чисто-духовную

область. Но въ грѣховномъ состояніи духъ нашъ теряетъ свою силу и сорастворяется съ душевностію, а черезъ нее съ чувственностію дотого, что будто исчезаетъ въ нихъ. Вотъ теперь благодатію онъ извлекается оттуда, поставляется, какъ на свѣщницѣ, во внутренней нашей храминѣ, и свѣтитъ всему тамъ существу и оттуда зримому.

То состояніе, въ какое поставляется душа въ благодатномъ возбужденіи, сходно со многими естественными состояніями, съ которыми его, однакожь, смѣшивать не должно.

1) При благодатномъ состояніи человѣкъ находится въ нѣкоторомъ томительномъ, скорбномъ состояніи недовольства собою и своимъ положеніемъ: однакожь, это не то, что *скука*. Въ скукѣ нѣтъ опредѣленнаго предмета: тутъ человѣкъ крушится и груститъ, не зная самъ, отчего и о чемъ; напротивъ, въ благодатномъ возбужденіи есть опредѣлительный предметъ скорби, именно оскорбленіе Бога и оскверненіе себя. Та душевна, а это духовно; та мучительна, мрачна, убивающа, отчего и говорятъ: „душить тоска“, а это оживляетъ и возбуждаетъ. Въ обыкновенномъ нашемъ быту этихъ неопредѣленныхъ тоскованій бываетъ не мало, и каждое съ своими оттѣнками. Между ними достойно особеннаго замѣчанія—тоскованіе о родинѣ небесной, чувство недовольства ничѣмъ тварнымъ, чувство глада духовнаго. И это одно изъ естественныхъ движеній нашего духа. Когда мало-по-малу умолкнуть страсти, онъ поднимаетъ свой, внятно отзывающійся въ сердцѣ, вопль о стѣснительномъ и униженномъ состояніи, въ которомъ его держать, почему его не питаютъ тѣмъ, чѣмъ должно, а томятъ голодомъ. Это — тоска по отчизнѣ, воздыханіе, которое Апостоль слышалъ и во всей твари. Однакожь, и это не то, что благо-

датное возбужденіе. Оно есть одно изъ естественныхъ движеній или отправленій нашего духа, и одно само по себѣ нѣмо и бесплодно. Благодатное возбужденіе на него нисходитъ и сообщаетъ ему свѣтлость и оживленность.

2) При благодатномъ возбужденіи есть крушеніе духа, пробужденіе тревогъ совѣсти; однакожъ, это совѣзмъ не то, что обыкновенное досадованіе на себя за промахи въ нашемъ быту, болѣе или менѣе значительные. Мы терзаемся, когда не то скажемъ, не такъ что сдѣлаемъ, и вообще во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ говорится, пришлось осрамить себя, говоримъ даже при этомъ: „ахъ, какъ совѣстно?“ Но это совѣзмъ не то, что голосъ совѣсти въ духѣ, теперь слышимый. Тамъ человѣкъ имѣетъ въ виду только себя и свои временныя отношенія, а здѣсь, напротивъ, себя и все временное совѣзмъ забываетъ и видитъ только одного Бога оскорбленнаго и свои вѣчныя отношенія разстроенными. Тамъ онъ стоитъ за себя и человѣческія правила, а здѣсь—за волю Божию и славу Его. Тамъ скорбитъ о томъ, что осрамился предъ людьми, а здѣсь о томъ, что постыдилъ себя предъ Богомъ, до людей же и даже до цѣлаго свѣта ему и дѣла нѣтъ. Затѣмъ—тамъ скорбь безотрадная, а здѣсь она растворяется нѣкоторою отрадою. Ибо тамъ вся опора его на себѣ и другихъ, и когда эта основа разстроилась, то ему некуда уже обратиться, а здѣсь все отъ Бога, Которымъ онъ не чааетъ быть отверженнымъ, но уповаешь на Него. И обыкновенныя наши совѣстности подражаютъ дѣйствіямъ совѣсти истинной; можно сказать, что онѣ суть тоже дѣйствія совѣсти, только искаженной, низведенной изъ своего чина. Вмѣстѣ съ духомъ и она ниспала съ свойственной ей высоты, изъ области духовной, и впала въ руки и власть душевно-тѣлесности,

стала служить однѣмъ земнымъ цѣлямъ,—стала, такъ сказать, свѣтскою совѣстію, которая сильнѣе чувствуетъ оскорбленія человѣка, нежели Бога.

3) При возбужденіи благодатномъ дается сердцу ощутить иную нѣкую лучшую, совершеннѣйшую, отраднѣйшую жизнь; однакожь, это совсѣмъ не то, что бываетъ у тѣхъ, кои чувствуютъ пробужденіе свѣтлыхъ порывовъ и благороднѣйшихъ стремленій (назвать бы—движеніе идей). Эти явленія сходны тѣмъ, что возвышаются надъ обыкновеннымъ порядкомъ вещей и стремятъ къ осуществленію внушаемаго; но они далеко расходятся въ направленіяхъ и цѣляхъ. Послѣднія упираютъ въ какую то туманную область, а первое обращаетъ къ Богу, въ Немъ указываетъ успокоеніе и даетъ предвкусить его. Цѣль перваго—жизнь въ Богѣ съ вѣчнымъ блаженствомъ, а у послѣднихъ имѣется въ виду нѣчто, конечно, всегда великое, особенное, но о чемъ ничего болѣе нельзя сказать, кромѣ „нѣчто“. Разительнѣйшая же разность ихъ въ томъ, что послѣднія прерываются и дѣйствуютъ поодионокѣ: духъ пробуждается здѣсь у одного—одною, у другого—другою стороною; первое же обнимаетъ весь духъ всесторонне и, ставя его у цѣли, удовлетворяетъ его, или даетъ предвкусить полное въ семь порядкѣ удовлетвореніе. Порывы высшихъ стремленій духа суть остатки образа Божія въ человѣкѣ—образа разбитаго, посему и обнаруживаются подобно тому, какъ лучи раздробленные и разсѣянные. Надобно собрать эти лучи въ одно, какъ бы сконцентрировать, и тогда въ фокусѣ образуется лучъ зажигающій. Сіе-то, такъ сказать, сконцентрированіе лучей духа, единичнаго въ себѣ, но раздробившагося въ многочастной душѣ, и производитъ возбуждающая его благодать и возжигаетъ огонь жизни духовной, не въ холодное созерцаніе

поставляя челоѡѡка, а въ нѣкое горѣніе живительное. Такое собраніе духа воедино сходится въ чувствѣ Божества: тутъ и зародышъ жизни. Такъ и въ природѣ: до тѣхъ поръ не является жизнь, пока силы ея дѣйствуютъ раздробленно; но какъ скоро высшая сила собираетъ ихъ воедино, тотчасъ является живое существо, на-примѣръ, растеніе. Такъ и въ духѣ. Пока стремленія его прорываются раздробленно, то одно, то другое, и одно въ одну сторону, а другое въ другую,—нѣтъ въ немъ жизни. Когда же высшая, Божественная сила благодати, одновременно наитествуя духъ, сводитъ всѣ его стремленія воедино и держитъ ихъ въ семъ единомъ, тогда—и огонь жизни духовной.

По такимъ признакамъ легко отличить благодатное возбужденіе отъ обыкновенныхъ явленій духовной жизни въ челоѡѡкѣ, чтобы не смѣшать и главное—не пропустить воспользоваться имъ къ своему спасенію. Это особенно надобно знать тѣмъ, на коихъ благодать Божія воздѣйствуетъ безъ предварительныхъ собственныхъ трудовъ ихъ и не съ особенною силою. Возбужденнаго состоянія пропустить безъ вниманія нельзя, но можно не обратить на него вниманія должнаго и, побывши въ немъ, опять низойти въ обычное круговращеніе движеній души и тѣла. Возбужденіе не завершаетъ дѣла обращенія грѣшника, а только зачинаетъ и послѣ него предлежитъ трудъ надъ собою, и трудъ очень сложный. Все, впрочемъ, относящееся сюда совершается въ двухъ поворотахъ свободы: сначала въ движеніи къ себѣ, а потомъ отъ себя къ Богу. Въ первомъ челоѡѡкѣ возвращаетъ себѣ потерянную надъ собою власть, а во второмъ себя приносить въ жертву Богу—жертву всесожженія свободы. Въ первомъ доходитъ онъ до рѣшимости оставить грѣхъ, а во второмъ, приближаясь къ Богу,

даетъ обѣтъ принадлежать Ему Единому во всѣ дни жизни своей.

Восходъ до рѣшимости оставить грѣхъ и посвятить себя Богоугожденію.

а) *Восходъ до рѣшимости оставить грѣхъ.*

Сама ли собою посѣтитъ кого благодать, или взыщетъ кто ее и обрящетъ—состояніе, въ которое представляетъ она человѣка, въ первомъ своемъ дѣйствіи на него, въ томъ и другомъ случаѣ одинаково. Возбужденный поставляется благодатию въ среднее между грѣхомъ и добродѣтелию состояніе. Она извлекаетъ его изъ узъ грѣха, лишивъ сей послѣдній власти опредѣлять его къ дѣйствованію, какъ бы противъ воли, но не переводитъ его на сторону добра, а только даетъ ощутить его превосходство и отрадность съ чувствомъ обязательства быть на его сторонѣ. Человѣкъ стоитъ теперь точно между двумя распутіями, и ему предлежитъ рѣшительный выборъ. Св. Макарій Египетскій говоритъ (сл. 1 О храненіи сердца, гл. 12, стр. 451), что и приходящая къ нему (человѣку) благодать нисколько „не связываетъ его воли-принуждающею силою и не дѣлаетъ его неизмѣннымъ въ добрѣ, хотя бы онъ хотѣлъ, или не хотѣлъ сего. Напротивъ того, и присущая въ человѣкѣ Божія сила даетъ мѣсто свободѣ, чтобы обнаружилась воля человѣка, согласуется ли, или не согласуется она съ благодатию“. Съ сей минуты начинается сочетаніе свободы съ благодатию. Совнѣ воздѣйствовала благодать—и состоитъ совнѣ. Входитъ она внутрь и начинаетъ обладать частями духа не иначе, какъ когда желаніемъ своимъ открываетъ ей человѣкъ входъ въ

себя, или отверзаетъ уста къ принятію ея. Возжелаетъ человекъ,—и она готова съ помощью. Сдѣлать или утвердить въ себѣ доброе самъ человекъ не можетъ, но желаетъ его и напрягается; ради же сего желанія благодать укрѣпляетъ за человекомъ желаемое добро. Все такъ и будетъ идти до окончательнаго возобладанія человека надъ собою въ видахъ добра и Богоугожденія.

Все, что долженъ сдѣлать человекъ въ семь трудѣ надъ собою, или какъ дойти до рѣшимости, есть то же, что обыкновенно бываетъ, когда рѣшаемся на какое-либо дѣло, или предпріятіе. Обыкновенно послѣ того, какъ родится мысль что-либо сдѣлать, мы склоняемся на эту мысль желаніемъ, удаляемъ препятствія и рѣшаемся. То же и въ рѣшимости на христіанскую жизнь, надо: а) склониться желаніемъ на нее, б) удалить препятствіе внутри образованію рѣшимости и в) рѣшиться. Хотя дѣйствіе благодати поставляетъ духъ въ возбужденное состояніе, но все же внушеніе ея переměнитъ жизнь есть только помышленіе, хотя болѣе или менѣе живое: „не оставитъ ли грѣхъ“, или: „надо оставить“. Пробудившійся отъ сна видитъ, что пора и надо встать, но, чтобы встать, долженъ употреблять особыя усилія, дѣлать особыя движенія разными частями тѣла. Онъ напрягаетъ мышцы, сбрасываетъ то, чѣмъ прикрытъ, и встаетъ.

Итакъ, восчувствовавъ въ себѣ благодатное возбужденіе, спѣши склонить на его требованія свою волю, согласишься на его внушеніе, что тебѣ, безотвѣтному предъ Богомъ и нечистому, необходимо надо исправиться и приступить къ этому *сейчасъ же*.

У того, кто искалъ благодатной помощи и теперь чувствуетъ посѣщеніе ея, такое желаніе должно быть присуще, оно уже и руководило его во всѣхъ ука-

занныхъ трудахъ; но въ составъ его, или къ его совершенству и здѣсь прибавляется нѣчто. Есть желаніе мысленное: умъ требуетъ, и человѣкъ себя нудить; такое желаніе направляетъ приготовительными трудами. Есть желаніе сочувственное; оно зарождается подъ дѣйствіемъ благодатнаго возбужденія. Есть, наконецъ, желаніе дѣятельное — согласіе воли сейчасъ приступить къ дѣлу востанія отъ паденій; ему должно образоваться теперь, по благодатномъ возбужденіи. И вотъ первое дѣло возбужденнаго по возбужденіи.

Что не всякій возбужденный приступаетъ къ дѣлу перемѣны жизни на лучшее, это всякому извѣстно, какъ и не всякій проснувшійся тотчасъ встаетъ, а бываетъ, что нѣсколько разъ снова засыпаетъ.

Благодатное возбужденіе, съ одной стороны, составляетъ человѣка въ льготное и живое состояніе, а съ другой — предъявляетъ требованія довольно стѣснительныя. Кто теперь болѣе приляжетъ къ первой сторонѣ, тотъ можетъ позволить себѣ пареніе мыслей и преждевременно предаться радости жизни, какъ будто уже все имѣется, что слѣдуетъ имѣть. Эта льготность, себѣ данная, не дастъ обратить должнаго вниманія на происшедшее, а сопряженное съ тѣмъ разсѣяніе внутреннее скоро охладить, — и благоприятное время и состояніе пропущено. Опять настанетъ обычная дребельность, при которой не совладаешь съ собою. Кто, напротивъ, прилегается болѣе ко второй сторонѣ, тотъ можетъ позволить себѣ — нѣсколько поосвободить себя изъ этого стѣсненія, какъ дитя сбрасываетъ повязку съ раны съ цѣлительнымъ пластыремъ потому только, что она тѣснитъ. При этомъ иной, чтобы развѣять мрачныя, какъ ему кажется, мысли, берется за невинныя будто бы развлеченія — бесѣды, чтенія; а иной подвергаетъ изслѣдованію родившееся томительное

чувство, чтобы доискаться, отчего и какъ могло оно образоваться. Тамъ—стороннія впечатлѣнія, а здѣсь—разлагающее дѣйствіе изслѣдованія изглаждаютъ спасительное измѣненіе происшедшее внутри. Отъ сего и этотъ ниспадаетъ, наконецъ, въ обычную, неподвижную дебелисть.

Кажется, и не слѣдовало бы этому быть, а бываетъ, потому что благодатныя возбужденія находятся въ разныхъ степеняхъ, и обстоятельства, въ которыхъ они приходятъ, могутъ быть таковы, что заслоняютъ важность и цѣну явленія ихъ внутри. Премудрая благодать попускаетъ это, искушая свободное произволеніе человѣка. Вотъ почему и говоримъ: коль скоро восчувствовалъ ты благодать возбужденія,—созналъ, что это—оно, а не другое что, то спѣши склонить на его внушенія волю твою. А для сего:

а) Повѣрь въ простотѣ сердца, что это отъ Бога, что Самъ Богъ зоветъ тебя къ Себѣ, Самъ приблизился къ тебѣ, чтобы произвести въ тебѣ спасительное измѣненіе.

б) Повѣривъ, не позволяй себѣ пропустить и это дѣйствіе милости Божіей бесплодно. Только возбужденіе сіе даетъ силу преодолѣть себя. Отойдетъ,—самъ себя не одолѣешь. А придетъ ли еще,—сказать не можешь. Можетъ быть, въ послѣдній разъ является тебѣ это снисхожденіе. Послѣ него впадешь въ состояніе ожесточенія, а изъ него—въ нечаяніе и отчаяніе.

с) Употреби стараніе и усиліе, сколько можно, удерживать себя въ томъ спасительномъ состояніи, въ которомъ ты поставленъ. Какъ горючее вещество, если его долго держать предъ огнемъ, не только согрѣвается, но и загорѣться можетъ; такъ естественно можетъ возгорѣться желаніе благодатной жизни, если подольше продержатъ себя подъ дѣйствіемъ благодати.

d) Посему отстрани все, могущее погасить этотъ зачинающійся огонекъ, и окружи себя всёмъ, что можетъ питать его и довести до пламени. Уединись, молись и съ самимъ собою поразмысли, какъ быть. Тотъ порядокъ жизни, занятій и трудовъ, какой указанъ уже и который проходить принуждалъ ты себя, ища благодати, есть самый благопріятный и для продоленія въ себѣ ея начавшагося дѣйствія. Лучшіе же изъ нихъ въ этомъ случаѣ: уединеніе, молитва и размышленіе. Уединеніе будетъ собраннѣе, молитва глубже и размышленіе дѣйственнѣе. Разсуждай съ собою, проходи всё мысли, какія и прежде собиралъ ты, пытаясь прогнать ослѣпленіе, нечувствіе и нерадѣніе. Пусть теперь этихъ трехъ нѣтъ уже, но тебѣ предлежитъ разжечь желаніе, начать дѣло сейчасъ. На это и обрати все дѣйствіе. Теперь разсужденіе твое съ собою будетъ не то, что было прежде. Безъ возбужденія оно обычно уклоняется въ общность; теперь, напротивъ, подражая благодати и подъ руководствомъ ея, оно все будетъ относить прямо къ тебѣ самому, безъ всякихъ извиненій и уклоненій, будетъ обращать къ тебѣ предметы сторонами, наиболѣе могущими дѣйствовать на тебя. Потому собственно ты въ семъ случаѣ не только размышлять будешь, сколько переходить отъ ощущенія въ ощущенію.

Вотъ въ этомъ-то трудѣ твоёмъ надъ собою, при помощи благодати, и произнесется, наконецъ, въ сердцѣ, Единому Богу и тебѣ слышное слово: „надобно же, наконецъ; итакъ, сейчасъ начну“. Видимо, что это есть заключеніе; но по какимъ законамъ и изъ какихъ положеній оно выводится, никакая наука опредѣлить не можетъ. Всѣ предметы разсужденій предыдущихъ могутъ быть вѣдомы ясно, а заключенія того можетъ и не быть. Бываетъ даже такъ, что иной всё тѣ пред-

меты такъ сильно излагаетъ въ словѣ, что отъ дѣйствія ихъ десятки и сотни доходятъ до того заключенія, а у него самого оно не произносится въ сердцѣ. И того никто не можетъ сказать, кто тутъ дѣйствующій: благодать или свобода, ибо бываетъ, что благодатное дѣйствіе туне проходитъ, и всѣ усилія свободы остаются безплодными. И та и другая сочетаются непостижимымъ для насъ образомъ, сохраняя, однакожь, каждая свою природу. Можно такъ сказать: свобода предаетъ себя, благодать пріемлетъ и проникаетъ ее. Отсюда—сила желанія: „итакъ, сейчасъ за дѣло“.

Вотъ, наконецъ, склонился человѣкъ на сторону добра, готовъ вступить на этотъ святой путь, готовъ ходить въ добрыхъ дѣлахъ Богоугожденія; но въ это мгновеніе вся бездна зла, крившаяся въ сердцѣ, возмечается, какъ прахъ, и стремится опять покрыть всю душу. Въ минуту возбужденія и склоненія грѣхъ молчитъ, какъ будто не до него касается то, что происходитъ у человѣка; но теперь, когда хотятъ его попрасть, онъ, тысячеглавый, какъ называетъ его св. Лѣствичникъ, тысячи воплей испускаетъ на человѣка, замышляющаго сіе. Подобно тому, какъ пробудившійся, пока думаетъ еще только встать,—все въ тѣлѣ у него покойно. Но лишь только положить онъ встать самымъ дѣломъ и мало напряжетъ мышцы,—всѣ боли въ тѣлѣ, которыя дотолѣ не беспокоили, теперь даютъ о себѣ знать и поднимаютъ жалобы. Такъ и у склонившагося на благодатный зовъ грѣховныя боли молчатъ, пока онъ доходитъ до сего склоненія; но какъ только положить онъ приступить къ дѣлу, всѣ эти немощи поднимаютъ тревогу—сильную и смутительную. Помысль за помысломъ, движеніе за движеніемъ поражаютъ бѣднаго человѣка и влекутъ назадъ; нападая безъ всякаго порядка со всѣхъ сторонъ

охватываютъ душу и погружаютъ ее въ волненіи своемъ. Все доброе у человѣка держится какъ бы на волоскѣ, и самъ онъ поминутно готовъ оторваться отъ того, чѣмъ держится, и снова погрузиться въ ту же среду, изъ которой восхотѣлъ выйти. Одно спасаетъ его—та сладость, льгота и отрада, которыя вкусить удостоился онъ въ моментъ возбужденія, и та крѣпость, которую ощутилъ онъ, когда изрекъ въ сердцѣ: „итакъ, сейчасъ начну“. Кто видѣлъ, какъ малая искра туда и сюда носится въ дымѣ, но все еще какъ бы стоитъ за себя, или какъ малая частица дерева бросается волнующеюся струею то вверхъ, тѣ внизъ, то вправо, то влево,—тотъ имѣетъ въ этомъ образѣ того, что бываетъ въ сію минуту съ благимъ желаніемъ человѣка. Не въ душѣ только смятенія, но и кровь вся волнуется, бываетъ даже шумъ въ ушахъ и туманъ въ глазахъ. Нетрудно понять, что такое востаніе не отъ грѣха только живущаго въ сердцѣ, но паче отъ родителя всѣхъ грѣховъ,—діавола, который не можетъ оставаться покойнымъ, когда появляется такой возмутитель въ его царствѣ. Святитель Тихонъ говоритъ: „когда грѣшникъ, благодатию Божіею подвижнись, начинаетъ каяться, то срѣтаетъ его различное искушеніе. Начнетъ человѣкъ ко Христу приступать, а сатана вслѣдъ его женетъ и отвлекаетъ отъ Христа, запинаетъ и различныя простиратъ сѣти“. У насъ рассказываютъ о привидѣніяхъ—и страшныхъ, и прелестныхъ, какія встрѣчаютъ добыватели какого-то цвѣтка для отыскиванія кладовъ; этотъ психологическій миѳъ лучше всего изображаетъ всѣ хлопоты діавола, чтобы отвлечь человѣка отъ добраго намѣренія купить бисеръ многоцѣнный, или достать сокровище, сокрытое на селѣ.

Здѣсь-то предлежитъ человѣку сильная борьба съ

собою, какъ бы генеральная битва съ грѣхомъ. Здѣсь онъ долженъ рѣшительно плѣнить и поразить врага своего, наступить на сего змія, связать и всю его силу истошить. На успѣшномъ одолѣніи грѣха здѣсь основывается надежда и дѣйствительность всѣхъ послѣдующихъ его одолѣній въ его возстаніяхъ частныхъ. Все, что здѣсь происходитъ, опредѣлить нѣтъ возможности, по разнообразію дѣйствующихъ лицъ. Главные, впрочемъ, пункты, или обороты сей брани, указать нетрудно, больше, однакожь, въ пособіе борющимся, нежели въ интересахъ знанія.

Видимо, что въ душѣ нѣтъ точки опоры: она влается, хотя еще цѣла, не разбита въ своемъ добромъ намѣреніи, вспомошествоваемая благодатію Божіею. И кто другой поддержитъ, кто установитъ ее? Вотъ почему теперь наипаче предлежитъ ей вопіять къ Богу усиленно, какъ вопіеть утопающій. Врагъ схватилъ и поглотить хочетъ,—вопій, какъ Іона во чревѣ китовѣ или утопающій Петръ. Видитъ Господь нужду твою и трудъ—и подастъ руку помощи, поддержитъ и установитъ тебя такъ, какъ слѣдуетъ быть воину, выступающему на брань.

Вотъ гдѣ опора! Всего опаснѣе, если душа вздумаетъ обрѣсть ее въ себѣ самой; тогда она все потеряетъ. Зло опять одолѣетъ ее, затмитъ этотъ слабый еще въ ней свѣтъ, погаситъ сей, едва зажегшійся огонекъ. Душа знаетъ, сколько она безсильна одна; потому, ничего не ожидая отъ себя, пусть падаетъ въ униженіи предъ Богомъ, пусть въ сердцѣ своемъ обратитъ себя въ *ничто*. Тогда вседѣйственная благодать изъ сего *ничто* сотворитъ въ ней все. Кто, въ конечномъ самоуниженіи, полагаетъ себя въ руку Божію, тотъ привлекаетъ къ себѣ Его, сердобольнаго, и сильнымъ становится Его силою.

При всемъ томъ, однакожь, отъ самоуничиженія не должно ниспадать до расслабленія душевнаго и, предавъ себя Богу, вмѣстѣ съ тѣмъ предаваться бездѣйствію. Нѣтъ, всего ожидая отъ Бога и ничего отъ себя, должно и самому напрягаться къ дѣйствованію и по силѣ дѣйствовать, чтобы было къ чему прійти божественной помощи, было что осѣнить Божественной силѣ. Благодать уже присуща, но она будетъ дѣйствовать вслѣдъ за своеличными движеніями, восполняя безсиліе ихъ своею силою. Итакъ, ставъ твердою ногою въ самоуничиженномъ молитвенномъ преданіи себя въ волю Божию, и самъ дѣйствуй, не расслабляясь.

Дѣйствуй противъ грѣха вообще, но особенно противъ коренныхъ его возбудителей. Когда все мятется въ душѣ, и помыслы, какъ привидѣнія какія, стоятъ и объемяютъ ее, со всѣхъ сторонъ устремляя стрѣлы въ самое сердце,—нетрудно замѣтить главныхъ, такъ сказать, поджигателей зла. За множествомъ частныхъ воителей стоятъ тамъ, на самомъ задѣ, воители главные, отдающіе приказанія, завѣдывающіе всѣми распоряженіями, всѣмъ ходомъ войны. Это и суть коренные возбудители грѣха. На нихъ и надо устремить все вниманіе, противъ нихъ прямо вооружиться, ихъ побороть и уничтожить. Когда они будутъ побѣждены, мелкіе воители разсѣются сами собою.

Какіе это главные возбудители грѣха и главные воители въ защиту его, это указалъ Спаситель, когда призывалъ идти вслѣдъ Себя (Марк. 8, 34 — 38). Кто хочетъ идти вслѣдъ Меня, говорилъ Онъ *да отвержется себѣ*,—отворотится отъ себя, сочтетъ себя будто чужимъ для себя, не стоящимъ вниманія и сочувствія, за котораго стоять не стоитъ. Это предполагаетъ, что въ сердцѣ грѣхолюбивомъ постоянно живетъ и качественно противоположное сему распо-

ложеііе—саможалтніе, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ-грѣшникъ обходится съ собою—какъ мать съ нѣжнолюбимымъ дѣтищемъ: жаль въ чемъ-нибудь отказать себѣ, въ чемъ-нибудь поперечить; не можетъ одолѣть себя, чтобы въ чемъ-нибудь поднять на себя руку.—Далѣе Спаситель обязуетъ отказаться отъ всего, что въ мірѣ, для спасенія души: *какая бо польза человеку, аще пріобрѣщетъ міръ весь и отщепитъ душу свою?* Міръ есть совокупность вещей внѣ насъ, видимое, осязаемое, чувственное. Слѣдовательно, приведенное обязательство предполагаетъ въ сердцѣ человѣка склонность къ вещественному, падкость на осязаемое, нѣкоторую страсть питать себя и услаждать только видимымъ, чувственнымъ. И дѣйствительно, въ грѣхолюбцѣ качествуетъ *чувственность*: не имѣетъ онъ вкуса къ невидимому и духовному, а все чувственное такъ извѣстно и такъ переиспытано. Потомъ внушаетъ Господь, чтобы не стыдились Его въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ. Это заставляетъ предполагать въ грѣхолюбивомъ сердцѣ стыдѣніе людей, въ ущербъ добру и правдѣ. Такъ оно и есть. Живетъ обычно человѣкъ эту ненарушимостію заведеннаго вокругъ порядка, или установившихся отношеній, оттого робѣетъ поколебать ихъ и для поддержанія ихъ готовъ бываетъ скорѣе покривить душою, нежели сдѣлать кому-либо что наперекоръ, не уважить, войти въ непріятности. Это—*человѣкоугодіе*: „что скажутъ и какъ быть, если придется разорвать связи?“ Должно быть это самая чувствительная уза грѣха, если для того, чтобы разорвать ее, онъ угрожается за сей стыдъ пристыжденіемъ на всеобщемъ судѣ: *Иже аще постыдится Мене и словеса Мои въ родѣ семъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ, и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда при-*

идеть во славу Отца своего со Ангелы святыми. Это заключительное обращеніе къ вѣку грядущему указываетъ въ грѣхолобивомъ сердцѣ отсутствіе чувства будущей жизни, заставляетъ предполагать, что той жизни для него будто нѣтъ, а оно все погружено въ жизнь настоящую. Такъ это и есть. Живетъ обычно человѣкъ на землѣ, будто тутъ вѣчно жить, а о будущемъ забываетъ; знаетъ счастье только земное, и всѣ цѣли сходятся у него въ одно, какъ бы здѣсь хорошо прожить, а что дальше будетъ, о томъ и думки нѣтъ. Итакъ, *саможалѣніе, чувственность, челоукоугодіе и земность* (что только и жизни, что на землѣ) суть характеристическія черты грѣхолобиваго сердца, — слѣдовательно, и коренные возбудители грѣха и главные за него воители. Самимъ намъ грѣшнымъ и не открыть бы ихъ, и если бы не указалъ ихъ Спаситель, конечно, мы и не знали бы ихъ. Теперь же, когда они открыты, видно, что такъ, кажется, и быть должно. Человѣкъ, падшій отъ Бога, обратился къ себѣ—и наказанъ самсжалѣніемъ: это выходитъ изъ главнаго свойства грѣхопаденія. Падшій разстроился въ себѣ, изъ духа ниспалъ въ плоть—и томится въ чувственности. Главное поприще, на которомъ раскрывается и свирѣпствуетъ грѣхъ—это общество человѣковъ грѣшащихъ, съ такими порядками и соотношеніями между ними, кои питаютъ и поддерживаютъ грѣхъ. Когда во всѣхъ сихъ оброкахъ грѣха все идетъ благополучно—вотъ и счастье. Но какъ такого рода теченіе дѣлъ можетъ быть только въ семь вѣкѣ, будущій же вѣкъ требуетъ совсѣмъ иного, то о немъ и помышленія нѣтъ, — оно не вмѣщается въ головѣ, и тѣмъ болѣе не находитъ сочувствія въ сердцѣ.

Такъ вотъ эти-то корни грѣховъ и являются возбудителями всѣхъ помысловъ, возстающихъ на чело-

вѣка, когда онъ готовъ сдѣлать движеніе изъ области грѣха на сторону добра,—поднимаютъ весь рой искусительныхъ помышлений, смущающихъ, ужасающихъ, пресѣкающихъ. *Саможальніе* вопить: „что это за жизнь? Впереди видится одинъ трудъ, тяготы, скорби, лишения, которымъ конца не видно; иди, какъ среди терній и по колючкамъ голыми ногами,—поминутныя увлеченія!“ *Чувственность* подаетъ голосъ: „и ту вещь оставь и другую, и то перестань дѣлать и другое,—словомъ, все, въ чемъ я находила вкусъ,—а занимайся только духовнымъ! Это отвлеченно, сухо, непитательно, безжизненно.“—„*Что скажутъ?*—Сочтутъ страннымъ и чуждаться станутъ; между тѣмъ, надо порвать и ту, и ту связь,—какъ же быть послѣ? А вотъ съ этой стороны и вражды еще жди.“ Это вопль *человѣкоугодія*. А вотъ вопль *земляности*: „будущее, конечно, будетъ,—кто противъ этого спорить,—но вѣдь далеко еще, а тутъ-то какъ прожить? Живали же другіе... Земное мы знаемъ, а тамъ что? Это—въ рукахъ, а то—гдѣ оно?“

Да, приступить человѣкъ работать Господу, все это и завопить на него. И добро бы это были легкія какія-нибудь помышленія, а то нѣтъ: они проходятъ до глубины души, поражаютъ и влекутъ на свою сторону такъ, какъ если бы кто зацѣпилъ удою за живое тѣло и тянулъ къ себѣ. Что тутъ дѣлать человѣку?

Помощь близъ... Ты только усилія употребляй—и одолѣешь, но употребляй усилія цѣлесообразно. Молитвенно утвердившись, какъ сказано, въ самоуничженномъ преданіи себя волѣ Божіей и вседѣйствію благодати,—

а) Спѣши прогнать всѣ эти помыслы изъ души, вытѣсни ихъ изъ сознанія особымъ напряженіемъ самодѣятельности, втѣсни ихъ опять въ то сокровен-

ное мѣсто, изъ котораго они вышли и возврати покой сердцу, потому что, пока не успокоится сердце, ничего нельзя будетъ дѣлать дальше. Для сего, на первый разъ, не занимайся съ ними нисколько и не вступай въ бесѣду, хоть бы и немирную. Толпа необразованныхъ скоро разбѣгается, если поступить съ ними сурово съ перваго раза; если же скажешь снисходительное слово одному, другому, третьему,—они набираются смѣлости и дѣлаются настойчивѣе въ своихъ требованіяхъ. Такъ и толпа искусовыхъ помысловъ становится безотвязнѣе, если позволить имъ сколько-нибудь замедлить въ душѣ, а тѣмъ болѣе, если войти съ ними еще и въ переговоры. Но если ихъ съ перваго раза оттолкнуть сильнымъ напряженіемъ воли, отверженіемъ и обращеніемъ къ Богу, то они тотчасъ удалятся и оставятъ атмосферу души чистою.

б) Но пусть прогнано это мрачное полчище злыхъ помысловъ, пусть сердце опять спокойно, и стало на душѣ свѣтло,—помнить надобно, что тутъ для дѣла своего собственно ничего еще не сдѣлано. Эти враги все еще живы. Они только вытѣснены изъ вниманія и, можетъ-быть, намѣренно скрылись, чтобы въ нечаянномъ нападеніи въ благопріятное время тѣмъ вѣрнѣе возвратить себѣ побѣду. Нѣтъ, на этомъ никакъ не слѣдуетъ останавливаться, иначе ни покоя, ни успѣха не будетъ. Ихъ надо умертвить, выманить и закатать на жертвенникѣ самоотверженія.

Итакъ, снова утвердившись въ молитвенномъ преданіи себя Богу и благодати Его, вызывай каждого изъ возбудителей грѣха и старайся отвратить отъ нихъ сердце и обратитъ его на противоположное,—этимъ они будутъ отрѣзаны отъ сердца и должны будутъ замереть. Для сего дай свободу здравому раз-

сужденію, а по слѣдамъ его веди и сердце. Просвѣтленное истиною и вспомошествоваемое сокровенно дѣйствующею благодатию, разсужденіе твое а) пусть сначала представитъ все безобразіе сихъ, можно сказать, исчадіи ада; ты же понудь сердце свое восчувствовать *отвращеніе* къ нимъ; б) потомъ пусть живѣе изобразитъ опасность, въ какую они ввергають, пусть укажетъ въ нихъ самыхъ злыхъ враговъ; ты же подвигни сердце свое возымѣть къ нимъ *ненависть*; в) затѣмъ пусть полнѣе изобразитъ передъ тобою всю красоту и сладость жизни, въ которую вступить они мѣшаютъ, всю прелесть свободы отъ сихъ тирановъ; ты же сердце свое, уже возымѣвшее отвращеніе и ненависть къ нимъ, напруги *устремитъ* отъ сихъ къ тѣмъ, какъ елень на источники водные. Этимъ будетъ достигнуто требуемое. Коротка программа, но дѣло совершится, можетъ быть, и не такъ скоро. Тутъ означены только стороны, на какія должно обратиться разсужденіе, нить же самаго разсужденія—вести и довести до цѣли надо всякому самому; своеобразному разсужденію видна дѣйственная и сильная мысль въ томъ или другомъ отношеніи. Вѣдать, впрочемъ, надо, что разсужденіе — рычагъ, все же дѣло — въ поворотахъ сердца. Можно сказать, что коль скоро произойдутъ въ сердцѣ указанные повороты, то мы—у цѣли.

Этотъ трудъ есть самый существенный въ дѣлѣ перелома воли. Надо и энергично производить его, и не отступать, пока сердце не дойдетъ, въ сихъ поворотахъ своихъ, до послѣднихъ предѣловъ; послѣдніе же предѣлы суть *противочувствія* грѣховнымъ возбужденіямъ, — расположенія, противоположныя кореннымъ требованіямъ грѣха. Такимъ образомъ, все надо трудиться надъ собою, пока, вмѣсто *саможалтнія*, не возродится *безжалостность* къ себѣ и непощаденіе, не

восчувствуется жажда страданій, желаніе умучить себя, истомить и тѣло свое и душу; пока, вмѣсто *человѣкоугодія* не образуется, съ одной стороны, *отвращеніе* отъ всѣхъ недобрыхъ обычаевъ и связей, нѣкоторое враждебное, съ раздраженіемъ, противленіе имъ, а съ другой—*обреченіе себя* на всѣ неправды и всѣ поношенія людскія; пока, вмѣсто *вкуса*, только въ одномъ вещественномъ, чувственномъ, видимомъ, придетъ *безвкусіе* къ нимъ и омерзеніе и зачнется исканіе и жажданіе одного духовнаго, чистаго, Божественнаго; пока, вмѣсто *земности*, ограниченія и счастья только землю, не исполнить сердца чувство *странничества на землѣ*, съ единственнымъ стремленіемъ къ отечеству небесному.

Когда образуются такія расположенія, тогда всѣ опоры грѣха будутъ подорваны. Онъ потеряетъ стойкость и власть опредѣляющую, которая переходитъ теперь къ самому человѣку. Грѣхъ извергнуть вонъ, стать внѣ. Съ сей минуты онъ уже будетъ искушающимъ, а не опредѣляющимъ. И всякій разъ стоитъ только привести въ движеніе стяжанныя теперь противочувствія ему, чтобы прогнать его. Изъ сего видно, какой великой важности есть описываемый теперь трудъ: имъ образуется внутри насъ изъ насъ новое лицо, съ рѣшительнымъ отвращеніемъ отъ зла и направленіемъ къ добру,—совершается переломъ воли, вслѣдствіе котораго все въ насъ должно принять новый порядокъ.

Вотъ человѣкъ стоитъ уже на самомъ краю области грѣховной,—ничто не отдѣляетъ его отъ страны свѣта, свободы и блаженства. Узы спали, легко и отрадно на душѣ; она готова воспарить къ Богу. Но коварство врага еще не истощилось. Еще есть у него стрѣла, которую приберегъ онъ къ послѣдней ми-

нутѣ. Только что душа напряжетъ свои силы, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ изъ области самоугодливаго грѣха, какъ поражаетъ ея вниманіе жалобный вопль: „еще денекъ, и довольно,—завтра переступишь сію границу“. Потому ли, что въ предыдущей борьбѣ душа утомляется и требуетъ отдохновенія, или потому, что ужъ таковъ законъ у грѣха, только голосъ сей слышится. Тутъ нѣтъ противленія добру, а только прошеніе—нѣсколько поослабить пріобрѣтенное напряженіе. Это вопль самый обольстительный: врагъ стоитъ будто за насъ, умоляетъ, чтобы мы сжалились надъ собою; но склонись только мало на сей вопль, на это внушеніе, и все потеряешь, что пріобрѣлъ. Тайными какими-то путями тѣ прогнанные возбудители грѣха прокрадутся къ сердцу, безъ нашего вѣдома совершатъ съ нимъ прелюбодѣйство—и все расслабятъ и разстроятъ, что было задумано, такъ что, пришедъ въ себя, человекъ видитъ себя на старой линіи, какъ будто ничего и не предпринималъ дѣлать надъ собою. Холодность, дебелость и неподвижность опять одолѣваютъ его,—хоть начинай сначала все, что, казалось, уже было пройдено. Поэтому, не презирай сего малаго будто бы требованія: оно мало и ничтожно на видъ, но на дѣлѣ есть сокращеніе всего зла, есть прелестное представленіе рабства въ видѣ свободы, льстивое дружество, скрывающее непримиримаго врага. Возненавидь его всею ненавистью и, какъ только замѣтишь,—а онъ пролетаетъ быстро, какъ молнія,—спѣши изгладить слѣдъ его такъ, чтобы и знака его не оставалось. Поставь себя опять въ то же состояніе, въ какомъ былъ предъ симъ, и въ томъ же напряженіи внутреннемъ и внѣшнемъ рѣшишь держать себя навсегда. Поразивъ и сего врага, ты останешься рѣшительнымъ побѣдителемъ, взявшимъ

себя въ свои руки, станешь самъ себѣ полнымъ владыкою.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за возбужденіемъ благодати, *первое* предлежитъ свободѣ человѣка—*движеніе къ себѣ*, которое она совершаетъ тремя актами: а) склоняется на сторону добра—избираетъ его; б) устраняетъ препятствія, разрываетъ узы, державшія человѣка въ грѣхѣ, изгоняя изъ сердца *саможалтніе, челоуѣкоугодіе, склонность къ чувственному и земности* и, на мѣсто ихъ, возбуждая безжалостность къ себѣ, безвкусіе къ чувственному, преданіе себя позору всякому и переселеніе сердцемъ въ будущій вѣкъ съ чувствомъ странничества здѣсь; в) наконецъ, воодушевляется сейчасъ же вступить на добрый путь, нисколько не послабляя себѣ, а содержа себя въ постоянномъ нѣкоторомъ напряженіи.

Такимъ образомъ все стихаетъ въ душѣ. Возбужденный, освободившись отъ всѣхъ узъ, съ полною готовностію говоритъ себѣ: *встань, иду*.

Съ этой минуты начинается *другое движеніе* души—*къ Богу*. Одолѣвъ себя, овладѣвъ всѣми исходами своихъ движеній, возвративъ себѣ свободу, онъ долженъ теперь всего себя принести въ жертву Богу. Значить, дѣло сдѣлано еще только на половину.

б) *Восходъ до объѣта посвятить себя Богу*.

Казалось бы, что все уже сдѣлано, если принята рѣшимость оставить грѣхъ и остается только дѣйствовать. И точно, можно дѣйствовать; но что это будетъ за дѣятельность и что за духъ въ ней? Человѣкъ остановился только еще на себѣ. Если онъ станетъ дѣйствовать, отправляясь отъ сей точки, то будетъ дѣйствовать отъ себя и для себя, хотъ и въ нравственномъ порядкѣ. Это будетъ нравственность эгоистиче-

ская, языческая. Есть люди, которые говорятъ, что дѣлаютъ добро, какъ добро, — дѣлаютъ это потому, что достоинство человѣка того требуетъ, или потому, что дѣйствовать иначе было бы неблагородно, неблаго-разумно. Всѣ такіе дѣлатели обличаютъ, что образо-ваніе въ нихъ внутренняго, нравственнаго человѣка не доведено до конца: они возвратились къ себѣ, но отъ себя къ Богу не подвиглись и себя Ему въ жертву не принесли, — остановились, значить, на полдорогѣ. Цѣль свободы человѣка, — не въ ней самой и не въ человѣкѣ, а въ Богѣ. Въ свободѣ Богъ уступилъ че-ловѣку какъ нѣкую часть Своей божественной вла-сти, но съ тѣмъ, чтобы онъ самъ произвольно при-несъ ее въ жертву Богу, какъ совершеннѣйшее при-ношеніе. И потому, если возобладаль ты собою, иди, отдай теперь себя Богу. Когда грѣшилъ ты, то не себя только терялъ, но, теряя себя, отдалялся и отъ Бога. Теперь, возвращаясь изъ грѣховнаго плѣна, послѣ того какъ возобладаль ты собою, возврати себя и Богу.

Казалось бы также, что и обращеніе отъ себя къ Богу должно быть дѣломъ и нетруднымъ, и немно-госложнымъ, какъ, на примѣръ, обращеніе съ запада на востокъ. Но, вѣдь, грѣшникъ, приступающій къ Богу, не есть лицо отъ Него независимое и прибли-жается къ Нему не такъ, чтобы за нимъ ничего не было. Нѣтъ, онъ то же, что бѣглый рабъ, возвращаю-щійся къ своему господину, что виновный, являю-щійся предъ лицо царя-судіи. Надо посему присту-пить такъ, чтобы быть принятъ. Въ человѣческихъ порядкахъ господинъ принимаетъ раба, и царь воз-вращаетъ милость виновному, когда, приступая къ нимъ, каждый изъ нихъ сознаетъ вину свою, рас-кается въ ней и дастъ искреннее обѣщаніе быть впе-редъ совершенно исправнымъ.

То же—и въ возвращеніи грѣшника къ Богу. Онъ будетъ принять Богомъ, если а) сознаетъ свои грѣхи, б) раскается въ нихъ и в) положить обѣтъ не грѣшить. Это—необходимые акты въ сердечномъ воссоединеніи съ Богомъ, отъ которыхъ зависятъ твердость въ новой жизни, совершенство въ ней и благонадежность неизмѣннаго дѣйствованія по ея требованіямъ. Блудный сынъ, возвращаясь къ отцу, говорилъ: *реку: согрѣшихъ*—сознаніе грѣха; *нѣсмь достоинъ*—окаяваніе себя; *прими, яко единаго отъ наемникъ*—обѣтъ работать. Итакъ, возвращаясь къ Богу,—

а) *Познай свои грѣхи*. И въ возбужденіи рѣшимости оставить грѣхъ зналъ ты, что грѣшенъ, ибо иначе какая нужда замышлять перемѣну жизни? Но эта грѣшность представлялась тогда въ смутномъ видѣ. Теперь надобно опредѣлительно разузнать, что именно грѣшно и въ какой степени.—ясно, раздѣльно, какъ бы численно узнать свои грѣхи, со всѣми обстоятельствами, умаляющими или увеличивающими грѣховность дѣйствій,—критически пересмотрѣть всю свою жизнь, съ судомъ строгимъ и нелицепріятнымъ.

Для сего поставь, съ одной стороны—законъ Божій, а съ другой—собственную жизнь, и смотри, въ чемъ они сходны и въ чемъ несходны. Бери ты свое дѣло и подводи его подъ законъ, чтобы видѣть, законно ли оно: или бери законъ и смотри, осуществленъ ли онъ въ твоей жизни. Чтобы ничего не опустить въ семь важномъ дѣлѣ, держись въ немъ какого-либо порядка. Сядь и припомни всѣ обязанности твои въ отношеніи къ Богу, ближнему и къ самому себѣ и потомъ просмотри свою жизнь по всѣмъ симъ отношеніямъ. Или—разбирай заповѣди десятословія и заповѣди о блаженствахъ, одну за другою, со всѣми ихъ приложеніями, и смотри—такова ли твоя жизнь. Или—

читай главы св. Евангелія отъ Матѳея, гдѣ Спаситель излагаетъ законъ собственно христіанскій, также посланіе св. апостола Іакова, послѣднія главы посланій св. апостола Павла, въ которыхъ сокращенно излагаются обязательныя для христіанина дѣла, напримѣръ—съ 12 главы посланія къ Римлянамъ, съ 4 главы посланія къ Ефесеямъ, и проч. Послѣднія особенно важны тѣмъ, что изъясняютъ духъ христіанскаго житія. Сей духъ ясно и сильно выражается и въ 1-мъ посланіи св. Іоанна Богослова. Читай все это и повѣрай жизнь свою, такова ли она. Или, наконецъ, возьми чинъ послѣдованія исповѣди и по нему обсуди свое поведеніе. Жизнь свою и дѣла разсматривай не какъ только дѣла человѣка, какъ человѣка, но какъ дѣла человѣка-христіанина, и притомъ въ опредѣленномъ званіи и состояніи.

Вслѣдствіе такого пересмотра своей жизни, откроется безчисленное множество дѣлъ, словъ, помысленій, чувствованій, желаній беззаконныхъ, коимъ не слѣдовало быть, а они допущены,—множество такихъ, кои слѣдовало сдѣлать, а они не сдѣлавы, да не малое число и изъ дѣланныхъ по закону окажутся оскверненными, по нечистотѣ побужденій. Соберется всего этого безчисленное множество, а можетъ быть и вся жизнь окажется составленною изъ однихъ дѣлъ недобрыхъ. Главное, что надобно имѣть въ виду на сей первой степени познанія своей грѣховности,—это есть точная опредѣленность дѣлъ. Какъ послужной списокъ пишется съ численною опредѣлительностію, такъ и списокъ дѣлъ своихъ каждый въ умѣ своемъ долженъ вообразить съ такою же опредѣленностію—со всеми обстоятельствами времени, мѣста, лицъ, препятствій и проч. Если самоиспытаніе у насъ остается безплоднымъ, то это потому, что мы дѣлаемъ только общіе обзоры.

При всемъ томъ, однакожь, на сихъ дробностяхъ останавливаться не должно, а надобно проходить да-
лѣе по пути грѣха, или глубже входить въ грѣхов-
ное сердце. Подъ дѣлами, словами, частными помы-
шленіями, пожеланіями и чувствами лежатъ постоян-
ныя расположенія сердца, составляющія характери-
стическія черты наши. Иныя дѣла наши случайно
прорывались, иныя же исходили изъ сердца, и съ та-
кою силою, что ихъ остановить не было силъ, — а
иныя дѣлались непрестанно, обратились какъ бы въ
законъ. Такое разсмотрѣніе дастъ намъ знать, какихъ
дѣлъ производители скрываются въ сердцѣ и рожда-
ютъ постоянный, оттуда возникающій, позывъ на нихъ.
Это и суть склонности грѣховныя. Раскрывая ихъ,
мы разоблачимъ строй нашего сердца, число и вза-
имное сочетаніе склонностей его.

Когда это будетъ сдѣлано, не можетъ укрыться и
главная, всеѣмъ завѣдывающая, страсть. Извѣстно, что
корень всѣхъ грѣховъ есть самолюбіе. Изъ самолюбія
выходятъ гордость, корыстность, сластолюбіе, а отъ
этихъ—всѣ другія страсти, между которыми главныхъ
считаютъ восемь, а прочимъ, производнымъ, и числа
нѣтъ. У всякаго грѣшника есть всѣ страсти, — иныя
на дѣлѣ, другія въ зародышахъ, — потому что у вся-
каго, кто грѣшитъ, заправляетъ дѣлами самолюбіе, сѣмя
всѣхъ страстей или склонностей грѣховныхъ. Но не у
всякаго всѣ онѣ раскрываются въ равной степени: у
одного преобладаетъ гордость, у другого—сластолюбіе,
третьяго—корыстность. И гордый не чуждъ чувстви-
тельныхъ удовольствій, — но ничего, если и не придется
имѣть ихъ. И своекорыстный думаетъ о себѣ высоко,—
по ничего, если иногда изъ выгодъ придется поступить
и низко. И сластолюбецъ любоимателенъ,—но ничего
и ущербъ, если имъ покупаются утѣхи. Такъ у вся-

каго одна главная страсть. Всѣ другія стоятъ въ тѣни, въ подчиненіи ей и ею управляются, не смѣя властно дѣйствовать наперекоръ главной страсти. Всѣ склонности и порочныя привычки, открытыя уже чело-вѣкомъ въ себѣ, оттѣняются одною какою-либо стра-стію и ею воодушевляются. Она есть то, въ чемъ наиболѣе качествуеть и воплощается въ его лицѣ корень всѣхъ золъ — самолюбіе. Познаніемъ ея и должно завершится сознаніе своей грѣховности.

Такъ, наконецъ, познаешь и корень своей грѣхов-ности, и ближайшія его порожденія — склонности, и порожденія дальнѣйшія, многочисленныя дѣла, — во-образишь всю исторію своей грѣшности и напишешь ее, какъ на картинѣ.

б) Познавъ свою грѣшность, не будь холоднымъ ея зрителемъ, но старайся возбудить и соотвѣтственныя ей спасительныя *чувства сердечнаго раскаянія*. Каза-лось бы, что чувства эти тутъ въ тебѣ и родятся, какъ только познаешь грѣхъ, а на дѣлѣ не всегда такъ бываетъ. Сердце грубѣетъ отъ грѣха. Какъ чер-норабочій грубѣетъ отъ своей работы, такъ грубѣетъ и чело-вѣкъ-грѣшникъ, самъ себя продающій въ чер-ную работу грѣху — копать рожцы и питаться ими. Потому и здѣсь надо работать надъ собою, чтобы раз-дражить чувства раскаянія.

Къ симъ чувствамъ переходятъ чрезъ чувство *ви-новности* въ грѣхахъ и безотвѣтности въ нихъ. Чув-ство виновности стоитъ на срединѣ между познаніемъ грѣховъ и покаянными чувствами и само посред-ствуется *обличеніемъ себя*.

Начни же прежде *обличать себя*—и обличи. Устрани все изъ вниманія и оставь себя одного съ своею со-вѣстью предъ лицомъ Бога-Судіи всевидящаго. Рас-крой, что ты зналъ, что не должно,—и однакожь по-

хотѣлъ; могъ и похотѣвши отстать—и не употребилъ въ свое благо своего самовластія: и разумъ, и совѣсть были противъ, и совнѣ препятствія были, но всѣ эти вразумленія презрѣны тобою. Такъ сдѣлай въ отношеніи къ каждому грѣху. Увидишь, что всякій грѣхъ дѣланъ самоохотно, съ сознаниемъ его грѣшности и еще съ усиленіемъ въ преодоленіи препятствій, — и совѣсть заставитъ тебя непрекословно сознаться въ виновности. Лукавство грѣшнаго сердца начнетъ, можетъ быть, изобрѣтать извиненія—то въ немощи естества, то въ силѣ темперамента, то въ стеченіи обстоятельствъ, то въ напорѣ житейскихъ отношеній,— не слушай. Все это могло усиливать влеченіе ко грѣху, но согласія на грѣхъ никто никогда вынудить не можетъ. — оно всегда есть дѣло произволенія. Сказалъ бы: „не хочу“,—и всѣмъ искушеніямъ конецъ! Наперекоръ этимъ непщеваніямъ *вими о грѣсахъ*, раскрой пополнѣ твои личныя отношенія: кто ты, гдѣ, когда и какъ грѣшилъ, чтобы открыть, сколько грѣшенъ грѣхъ именно твой, въ твоемъ лицѣ и въ твоихъ обстоятельствахъ, — и во всемъ увидишь не поводы къ извиненіямъ, а моменты, увеличивающіе твою виновность. Предѣлъ, до котораго должно доводить дѣло самообличенія, есть чувство безотвѣтной виновности,— состояніе,—въ которомъ скажется въ сердцѣ: „ничего не имѣю въ оправданіе—виновать“.

Въ этомъ дѣйствии обличенія совѣстію человѣкъ утвердитъ за собою одинъ грѣхъ за другимъ, и скажетъ: „и въ томъ виновать, и въ другомъ, и въ третьемъ, во всемъ, во всемъ виновать“, — облечется въ свои грѣхи и станетъ чувствовать, что они лежатъ на немъ всей своею тяжестью. Въ познаніи грѣховъ можно еще представлять ихъ внѣ сущими; въ обличеніи же они зрятя внутрь именно насъ самихъ

и тяготять, и тѣмъ больше тяготять, что мы безотвѣтны въ нихъ. Дошедши до сего пункта, что остается сказать грѣшнику, кромѣ: *окаяненъ азъ!* И то нехорошо, и это худо, я самъ виноватъ въ томъ, что это нехорошо, и что оно во мнѣ есть.

Какъ только произнесетъ человѣкъ въ сердцѣ своемъ: *окаяненъ азъ;*—тотчасъ начнутъ возрождаться въ немъ, одно за другимъ, болѣзненные чувства раскаянія въ грѣхахъ. Ему и *стыдно*, что вдался въ такія низкія дѣла, и *досадно*, что поблажилъ себѣ и подался своему злomu произволу, и *болѣзненно*, что довелъ себя до такого нравственнаго разстройства, и *страшно*, что оскорбилъ Бога и поставилъ себя въ такое опасное положеніе и во времени, и въ вѣчности. Чувства сіи смѣняются одно другимъ, и человѣкъ горитъ въ нихъ, какъ въ огнѣ. Онъ зреть себя висящимъ надъ бездною и въ чувствѣ нисходитъ до состоянія отверженныхъ. Безотрадное томленіе даетъ проходъ и чувству безнадежности. И вотъ точка, на которой схватываетъ иногда человѣка-грѣшника бѣсъ отчаянія, внушая: *взявшая вина твоя, еже оставитися тебѣ.*

Въ большей или меньшей степени испытываетъ эти чувства всякій грѣшникъ. Нечего жалѣть, что они есть, а надобно желать, чтобы они были и были по-сильнѣе. Чѣмъ больше горитъ въ нихъ человѣкъ и чѣмъ сильнѣе горѣнія, тѣмъ спасительнѣе. Въ силѣ сего горѣнія — основаніе будущей исправности. Тутъ узнаетъ сердце, сколь сладокъ плодъ грѣха и въ этомъ почерпаетъ крѣпость отвращаться отъ обаяній его.

в) Чувства раскаянія, очевидно, имѣютъ разлагающее дѣйствіе. Слово нѣкое проходитъ до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судитъ помышленія и мысли сердечныя. Но цѣль, для чего

производится сіе въ чловѣкѣхъ благодатию Божіею, не та, чтобы только разорить, но чтобы, чрезъ разореніе стараго, создать новое. Это новое засѣменяется вѣяніемъ надежды на возможность все поправить. Есть возможность исправить неисправное и возратить потерянное, только возьмись за дѣло. Казалось бы, что отъ чувствъ раскаянія — прямой переходъ къ обѣту: „Итакъ, отвергаю грѣхъ и даю обѣщаніе работать Единому Богу въ исполненіи Его заповѣдей“. Но дающему такой обѣтъ надо быть увѣрену, что, съ одной стороны, прежняя его неисправность прощена можетъ быть, а съ другой, что онъ можетъ получить силы въ помощь къ устоянію въ обѣтѣ. Вотъ почему положеніе обѣта работать Господу посредствуетъ благонадежностію на помилованіе и на получение помощи свыше; а сія благонадежность производится вѣрою въ Господа Спасителя, Коимъ на крестѣ рукописаніе грѣховъ нашихъ разодрано и, по вознесеніи, поданы намъ всѣ *божественныя силы, яже къ животу и благодѣянію*. Безъ сей вѣры и пораждаемаго ею благонадеянія, томимый сокрушительными чувствами раскаянія идетъ путемъ іудинымъ. Вотъ когда для чловѣка крестъ Спасителя, дѣйствительно, есть якорь! Влаясь, какъ надъ бездною, въ болѣзненномъ сокрушеніи о грѣхахъ, зреть опъ его единственнымъ спасителемъ, за него емлется всею силою вѣры и упованія и изъ него черпаетъ силу воодушевленія на положеніе обѣта. Какъ утопающій крѣпко берется за дерево, такъ кающійся—за крестъ Христовъ, и чувствуетъ, что уже не погибнетъ. Обыкновенно мы знаемъ силу крестной смерти Господа, а прошедшій это болѣзненное раскаяніе во грѣхахъ чувствуетъ ее, потому что она становится элементомъ жизни его.

Итакъ, томимый чувствами раскаянія и уже ко-

леблемый безнадежностію, подвигаясь къ желанному объѣту, —

а) Прежде поспѣши воскресить живую вѣру въ силу крестной смерти Христа Спасителя. Всѣ грѣхи всѣхъ людей пригвождены ко кресту, а, слѣдовательно, и твои. Оживи сію увѣренность, и на сердце твое повѣетъ отрадою, и возникнетъ оно къ благонадежію тотчасъ, какъ согрѣется сею вѣрою.

б) Къ сему приложи крѣпкую увѣренность и въ томъ, что тебѣ даны будутъ силы къ исполненію объѣта, какъ только приступишь къ таинствамъ. Въ нихъ никому нѣтъ отказа. Затѣмъ онѣ и стяжены Господомъ, чтобы ихъ раздавать. Эта увѣренность приведетъ въ напряженіе и твои собственныя силы, и родитъ готовность усердно работать при такой помощи. Родится ли объѣтъ безъ увѣренности въ помощи свыше? Но, съ другой стороны, придетъ ли и увѣренность эта, если не помышляется объ объѣтѣ? Тутъ — взаимодѣйствіе.

γ) И вотъ, когда произойдетъ у тебя внутри это сочетаніе увѣренности и готовности, давай объѣтъ — *прочее* Единому Богу работать всѣ дни живота твоего. Сей сердечный объѣтъ, по вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа, искренно произнесенный, развѣетъ весь мракъ, облежавшій душу, и освѣтитъ всѣ нити внутренней и всѣ порядки внѣшней жизни твоей. Здѣсь заключается завѣтъ сердца съ Богомъ во Христѣ Иисусѣ. Посему въ семъ дѣйствиіи прежняя рѣшимость получаетъ истинно-христіанскій характеръ.

Облеченіе силою свыше на дѣло Богоугожденія въ таинствахъ покаянія и причащенія.

Восходомъ до объѣта завершается движеніе кающагося грѣшника къ Господу. Теперь онъ дѣлать бу-

детъ только нѣкоторые шаги къ принятію исходящаго въ срѣтеніе Его Господа. Блуднаго сына срѣтилъ отецъ припадениемъ на выю его и облобызаниемъ, въ знакъ всепрощенія, затѣмъ одѣлъ его, какъ слѣдуетъ, и учредилъ для него трапезу. а) Всепрощеніе кающагося Богъ изрекаетъ въ таинствѣ покаянія; б) облачаетъ же его силою и предлагаетъ вечерю—въ таинствѣ причащенія.

А) Кающагося изрекается всепрощеніе въ таинствѣ покаянія.

Послѣ того, какъ человѣкъ-грѣшникъ дошелъ до объѣта—работать отселѣ Единому Богу, онъ долженъ спѣшить къ таинству покаянія. Необходимость сего такъ велика, что все, сдѣланное доселѣ, безъ него не только останется недовершеннымъ, но и должно пропасть безъ цѣны. Весь свой вѣсъ, все значеніе и силу оно получаетъ только въ семь таинствѣ. Потому-то тамъ, гдѣ нѣтъ таинства покаянія, нѣтъ и живущихъ истинно по-христіански.

а) Первое, что дѣлаетъ необходимымъ это таинство, есть нѣкоторая нетвердость внутренняго дѣланія вообще, нѣкоторая его неопредѣленность и шаткость. Мысли наши, пока еще онѣ въ головѣ, бываютъ въ ходѣ своемъ измѣнчивы, въ порядкѣ нестройны, въ движеніи не установлены, — и это не только тогда, когда предметъ еще не уясненъ, но и тогда, когда мы обсудили его хорошо. Но какъ скоро изложимъ ихъ на бумагѣ, то онѣ не только устанавливаются въ порядкѣ, но и окончательно уясняются и утверждаются. Точно такимъ же образомъ и перемѣна жизни, внутри только задуманная, одна бываетъ нерѣшительна и нетверда, и формы жизни, предначертанныя въ это время, шатки и неопредѣленны. Прочную установленность онѣ получаютъ въ таинствѣ

покаянія, когда грѣшникъ въ церкви откроетъ свои несправности и утвердитъ объѣтъ быть исправнымъ. Растопленный воскъ разливается неопредѣленно; но когда его вливаютъ въ форму, или налагаютъ печать, изъ него выходитъ нѣчто. И на внутренняго нашего человѣка надо положить свою печать, чтобы онъ принялъ опредѣленный образъ. Это дѣлается надъ нимъ въ таинствѣ покаянія: тутъ запечатлѣваетъ его Божественная благодать Духа.

б) Духовную жизнь получаетъ человѣкъ отъ Духа Божія. Благодать Духа сорастворяется съ нами, начинается жить и дѣйствовать въ насъ, и происходитъ жизнь по Духу. Въ кающемся доселѣ она дѣйствовала совнѣ: совнѣ возбудила его, совнѣ назирала всѣ исправительныя движенія внутри и содѣйствовала имъ; но еще не проникла внутрь, не вселилась. Это совершается ею въ таинствѣ покаянія (а у обратившагося въ первый разъ къ Господу—въ крещеніи). Какъ томимый жаждою отъ принятія прохладной воды чувствуетъ прохладу и подкрѣпленіе, такъ и горящій въ огнѣ раскаянія получаетъ въ таинствѣ покаянія окончательно улаждающую его горести и вмѣстѣ укрѣпляющую силу.

в) Что особенно дѣлаетъ необходимымъ таинство покаянія, такъ это, съ одной стороны, свойство грѣха, а съ другой,—свойство нашей совѣсти. Когда мы грѣшимъ, то думаемъ, что не только внѣ насъ, но и въ насъ самихъ не остается слѣдовъ грѣха. Между тѣмъ онъ оставляетъ глубокіе слѣды и въ насъ, и внѣ насъ,—на всемъ, что насъ окружаетъ, и особенно на небѣ, въ опредѣленіяхъ Божественнаго правосудія. Въ часъ грѣха рѣшается тамъ, чѣмъ сталъ согрѣшившій: въ книгѣ живота онъ внесенъ въ списокъ осужденныхъ—и сталъ связанъ на небѣ. Божествен-

ная благодать не низойдетъ въ него, пока на небѣ не изгладится онъ изъ списка осужденныхъ, пока тамъ не получить онъ разрѣшенія. Но Богу угодно было небесное разрѣшеніе—небесное изглаженіе изъ списка осужденныхъ поставить въ зависимость отъ разрѣшенія связанныхъ грѣхами на землѣ. Итакъ, прими таинство покаянія, чтобы сподобиться всесторонняго разрѣшенія и открыть въ себя входъ Духу благодати. Совѣсть, теперь возочищенная, возвратившая нѣжность и чутье къ нравственному порядку, не дастъ покоя, пока рѣшительно не увѣримся въ прощеніи. Такова она въ обыкновенномъ порядкѣ нашей жизни; не дастъ она намъ и на глаза показаться къ тому, кого оскорбили, пока не увѣримся, что онъ простилъ насъ. Въ отношеніи же къ Богу она еще разборчивѣе. Хотя въ то время, когда человѣкъ возвышается до рѣшительнаго обѣта, сходитъ на него нѣкоторое увѣреніе, что онъ теперь не противенъ Богу, но эта увѣренность—своя и прочна быть не можетъ,—ее скоро поколеблетъ сомнѣніе: „да такъ ли, да не самообольщеніе ли это?“ а сомнѣніе внесетъ тревогу внутрь, отъ тревоги же — расслабленіе. При этомъ жизнь не будетъ имѣть ни твердости, ни стройности. Итакъ, надобно человѣку услышать всепрощеніе отъ лица Божія, чтобы, окончательно успокоившись увѣренностію въ милости Божіей, дѣйствовать потомъ рѣшительнѣе и тверже въ этой увѣренности. Поди же исповѣдуйся—и получишь отъ Бога объявленіе о прощеніи.

Къ спасительной исповѣди надо достоительно приготовить. Кто прошелъ все сказанное доселѣ, тотъ готовъ. Приступи же съ благоговѣйною вѣрою!

а) Твердо убѣдившись въ необходимости сего таинства, иди къ нему—не какъ къ какому-либо придатку

въ перемѣнѣ жизни твоей или простому обычаю, а съ полною вѣрою, что для тебя, какъ грѣшника, это—единственно возможный путь спасенія; что, минуя его, ты пребудешь въ числѣ осужденныхъ и, слѣдовательно, внѣ всякихъ милостей; что, не вошедши въ сію лечебницу, не возвратишь здравія духу своему и останешься, какъ былъ, больнымъ и разстроеннымъ: что не увидишь царствія, если не войдешь въ него дверью покаянія.

б) Такими убѣжденіями возроди въ себѣ желаніе сего таинства. Приступай къ нему не какъ къ мѣсту закланія, а какъ къ источнику благъ. Кто живо вообразитъ себѣ тотъ плодъ, который раждается въ насъ отъ исповѣди, тотъ не можетъ не стремиться къ ней. Идетъ туда человѣкъ весь въ ранахъ, отъ главы до ногъ нѣтъ цѣлости,—а оттуда возвращается здоровымъ во всѣхъ частяхъ, живымъ, крѣпкимъ, съ чувствомъ безопасности отъ будущихъ заразъ. Идетъ туда подъ тяжелымъ бременемъ,—вся сумма прошедшихъ грѣховъ на немъ, она мучитъ и отнимаетъ всякій покой у него,—а оттуда возвращается облегченный, обрадованный, въ отрадномъ расположеніи духа, что получилъ хартію всепрощенія.

в) Будутъ приражаться стыдъ и страхъ, — пусть! Тѣмъ и вождедѣнно должно быть сіе таинство, что наводитъ стыдъ и страхъ; и чѣмъ больше будетъ стыда и страха, тѣмъ спасительнѣе. Желая сего таинства, желай большаго устыденія и большаго трепета. Кто рѣшается лѣчиться, развѣ не знаетъ о болѣзненности лѣченія? Знаетъ; но, рѣшаясь на лѣченіе, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляетъ себя и на сопряженные съ нимъ страданія, въ надеждѣ выздоровленія. И ты, когда томился въ нашедшихъ на тебя чувствахъ раскаянія и порывался приблизиться къ

Богу, не говорилъ ли: „все готовъ перенести, только помилуй и прости!“ Вотъ и случилось по твоему желанію. Да не смущаютъ же тебя находящіе стыдъ и страхъ,—они твоего ради блага сопряжены съ этимъ таинствомъ. Перегорѣвши въ нихъ, больше окрѣпнешь нравственно. Горѣлъ уже ты не разъ въ огнѣ раскаянія,—погори и еще. Тогда одинъ горѣлъ ты предъ Богомъ и совѣстію, а теперь погори при свидѣтелѣ, отъ Бога поставленномъ, во свидѣтельство искренности того уединеннаго горѣнія, а можетъ быть въ восполненіе неполноты его. Будетъ судъ и на немъ стыдъ и страхъ отчаянные. Стыдъ и страхъ на исповѣди искупаютъ стыдъ и страхъ *тогдашніе*. Не хочешь тѣхъ,—перейди эти. Притомъ всегда такъ бываетъ, что, по мѣрѣ тревоги, какую проходитъ исповѣдающійся, избыточествуютъ въ немъ и утѣшенія по исповѣди. Вотъ гдѣ Спаситель воистину являетъ Себя успокоителемъ труждающихся и обремененныхъ! Искренно покаявшійся и исповѣдавшійся опытно сердцемъ вѣдаетъ сію истину, а не вѣрою одною приеѣмлетъ.

г) Затѣмъ, припомнивъ снова всѣ содѣянные тобою грѣхи и возобновивъ созрѣвшій уже въ тебѣ обѣтъ не повторять ихъ болѣе, возставъ живую вѣру, что стоишь предъ Самимъ Господомъ, приѣмлющимъ исповѣданіе твое, и рассказывай все, ничего не утаивъ изъ того, чѣмъ тяготится совѣсть твоя. Если ты приступилъ съ желаніемъ устыдить себя, то не будешь укрывать себя, а изобразишь сколько можно полнѣе твою срамоту въ падкостяхъ на грѣхи. Это будетъ служить къ насыщенію твоего сокрушеннаго сердца. Надобно быть увѣреннымъ, что всякій сказанный грѣхъ извергается изъ сердца, всякій же грѣхъ утаенный остается въ немъ тѣмъ въ большее осужденіе, что съ этою раною грѣшникъ былъ близъ Врача всеисцѣ-

ляющаго. Утаивъ грѣхъ, онъ прикрылъ рану, не жалѣя, что онъ мучить и разстраиваетъ его душу. Въ повѣсти о блаженной Теодорѣ, проходившей мытарства, говорится, что злые обвинители ея не находили въ хартіяхъ своихъ записанными тѣ грѣхи, въ которыхъ она исповѣдывалась. Ангелы потомъ объяснили ей, что исповѣдь изглаждаетъ грѣхъ изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ обозначается. Ни въ книгѣ совѣстной, ни въ книгѣ животной, ни у этихъ злыхъ губителей не числится уже онъ за тѣмъ человѣкомъ, — исповѣдь изгладила эти записи. Извергни же безъ утайки все, тяготящее тебя. Предѣль, до котораго надо довести открываніе своихъ грѣховъ, тотъ, чтобы духовный отецъ возымѣлъ о тебѣ точное понятіе, чтобы онъ представлялъ тебя такимъ, каковъ ты есть, и, разрѣшая, разрѣшалъ именно тебя, а не другого, — чтобы, когда скажетъ онъ: „прости и разрѣши кающагося, о нихже содѣла согрѣшеніяхъ“, — въ тебѣ не оставалось ничего, что не подходило бы подъ эти слова. Хорошо дѣлають тѣ, кои, готовясь къ исповѣди въ первый разъ послѣ долгаго пребыванія во грѣхахъ, находятъ случай предварительно переговорить съ духовнымъ отцомъ и рассказать ему всю исторію жизни своей грѣховной. Такимъ нѣтъ опасности забыть или пропустить что-либо въ смятеніи во время исповѣди. Всячески стоитъ позаботиться о полномъ открытіи грѣховъ своихъ. Господь далъ власть разрѣшать не безусловно, а подъ условіемъ раскаянія и исповѣди. Если это не выполнено, то можетъ случиться, что тогда, когда духовный отецъ будетъ произносить: „прощаю и разрѣшаю“, — Господь скажетъ: „а Я осуждаю“.

д) Вотъ исповѣдь кончена. Духовный отецъ поднимаетъ епитрахиль, покрываетъ ею голову кающагося

и, держа на ней руку, произносить разрѣшеніе во всѣхъ грѣхахъ, запечатлѣвая его крестнымъ по главѣ знаменіемъ. Что происходитъ въ это мгновеніе въ душѣ, извѣстно всякому, искренно каившемуся. Потоки благодати отъ главы разливаются въ сердце и преисполняютъ его отрадою. Это—не отъ человѣковъ, ни отъ кающагося, ни отъ разрѣшающаго: это тайна Господа Цѣлителя и Успокоителя душъ... Бываетъ при этомъ, что у иныхъ въ сердцѣ внятно слышится какое-либо Божественное слово въ укрѣпленіе и воодушевленіе на будущее дѣланіе. Это какъ бы духовное оружіе, вручаемое отъ Христа Спасителя человѣку, который теперь вступаетъ въ число воинствующихъ подъ Его знаменіемъ. Кто сподобился услышать такое слово,—пусть хранитъ его потомъ, какъ успокоительное и воодушевительное; успокоительное, ибо явно, что исповѣдь принята, когда Господу угодно было вступить какъ бы въ бесѣду съ кающимся,—воодушевительное, потому что въ часъ искушенія стоитъ только припомнить его, и откуда сила возьмется!... Воины на брани чѣмъ воодушевляютъ себя?—Тѣмъ словомъ изъ рѣчи полководца, которое сильнѣе подѣйствовало. Такъ и тутъ.

е) Тѣмъ все завершается... Остается припасть къ Богу въ чувствахъ благодаренія за неизреченныя Его милости и поцѣловать Крестъ и Евангеліе въ знакъ обѣта—идти неуклонно путемъ, указуемымъ въ Евангеліи, съ самораспинаніемъ, идти вслѣдъ Христа Спасителя, какъ описано въ Евангеліи, подъ благимъ игомъ Его, теперь только взятымъ на себя. Совершивъ это, иди съ миромъ, въ намѣреніи непременно дѣйствовать по тому, какъ обѣщалъ, памятуя, что судъ съ этихъ поръ надъ тобою будетъ уже отъ словъ твоихъ. Положилъ обѣтъ,—держи его; запечатлѣлъ

его таинствомъ,—тѣмъ болѣе будь вѣренъ ему, чтобы не попасть опять въ разрядъ попирающихъ благодать.

ж) Духовный отецъ наложить на тебя епитимію, прими ее съ радостью. А если бы духовный отецъ не наложилъ, то проси наложить. Это будетъ не только напутствіемъ тебѣ въ добрый путь, на который вступаешь, но и защитою и прикрытіемъ отъ стороннихъ враждебныхъ дѣйствій на тебя въ новомъ порядкѣ жизни твоей. Вотъ что пишетъ объ этомъ святѣйшій патріархъ Константинопольскій въ отвѣтъ лютеранамъ: „отпущеніе грѣховъ мы сопровождаемъ епитиміями по многимъ уважительнымъ причинамъ. Во 1-хъ, для того, чтобы чрезъ добровольное злостраданіе *здѣсь* грѣшнику освободиться отъ тяжкаго невольнаго наказанія *тамъ*, въ другой жизни, ибо Господь ничѣмъ столько не умилоствуется, какъ страданіемъ, и тѣмъ болѣе страданіемъ добровольнымъ. Потому и св. Григорій говоритъ, что за слезы воздается челоуѣколюбіемъ, Во 2-хъ, для того, чтобы истребить въ грѣшникѣ тѣ страстныя вожделѣнія плоти, которыя пораждаютъ грѣхъ, ибо мы знаемъ, что противное врачуется противнымъ. Въ 3-хъ, чтобы епитимія служила какъ бы узами, или уздою для души и не давала ей снова приниматься за тѣ же порочныя дѣла, отъ которыхъ она еще только очищается. Въ 4-хъ, для того, чтобы приучить къ трудамъ и терпѣнію, ибо добродѣтель есть дѣло трудовъ. Въ 5-хъ, для того, чтобы намъ видѣть и знать, совершенно ли кающійся возненавидѣлъ грѣхъ“ *)

Кто проходитъ весь этотъ курсъ врачеванія духовнаго, какъ должно и, главное, безъ утайки исповѣдуетъ свои грѣхи, тотъ возвращается изъ дома Бо-

*) „Христ. Чт.“ 1842 г. т. 1, стр. 244.

жия, какъ возвращаются изъ судебного мѣста виновные, кои, вмѣсто приговора на смерть, услышали тамъ объявленіе помилованія и забвеніе ихъ преступленій,—возвращаются съ глубочайшимъ чувствомъ благодаренія къ Спасителю душъ нашихъ, съ твердою рѣшимостію посвятить Ему и исполненію заповѣдей Его всю остальную жизнь, съ крайнимъ отвращеніемъ отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ и неудержимымъ желаніемъ изгладить всѣ слѣды прежней недоброй жизни. Получившій разрѣшеніе чувствуетъ въ себѣ, что онъ непразденъ, что его посѣтила особая нѣкая сила. Божественная благодать; которая доселѣ только совнѣ дѣйствовала на него въ помощь ему въ побѣдѣ надъ собою, теперь съ словами: „прощаю и разрѣшаю“—вошла внутрь, срастворилась съ его духомъ и исполнила его огненностію и стремительностію, съ коими и исходитъ онъ теперь на дѣло и на дѣланіе свое до вечера жизни своей.

Б) Кающійся приступаетъ къ таинству святаго причащенія.

Въ притчѣ о блудномъ сынѣ, отецъ, принявъ возвращающагося къ нему съ раскаяніемъ сына, послѣ того, какъ падши на выю его, облобызалъ его въ знакъ всепрощенія,—повелѣлъ одѣть его и готовить вечерю свѣтлую и отрадную. Родительское сердце не довольно было прощеніемъ,—оно рѣшительнѣе хочетъ увѣрить сына въ своемъ съ нимъ примиреніи и сильнѣе выразить радость свиданія съ нимъ по разставаніи столь горестномъ. Отеческая любовь даетъ то, чего и не ожидала сыновняя надежда. Какой грѣшникъ могъ ожидать большаго чего-нибудь послѣ того, какъ получилъ всепрощеніе? И вотъ, однакожь, онъ приглашается еще и на вечерю Господню, гдѣ Господь Самъ даетъ ему Плоть Свою ясти и Кровь Свою

пити. Это—вѣнецъ щедродательности къ обращающемуся грѣшнику, и однакожь не избытокъ, а существенная необходимость въ воссоединеніи съ Господомъ.

Жизнь христіанская есть жизнь въ Господѣ Иисусѣ Христѣ. Увѣровавшій облачается во Христа и живетъ Имъ. Падшій по крещеніи теряетъ эту благодать; возставая отъ паденія и возвращаясь къ Господу, ему опять надо сподобиться ея,—и онъ сподобляется въ св. причащеніи. *Ядый Мою Плоть и пійяй Мою Кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ*, говоритъ Господь (Іоан. 6, 56). Тутъ, въ кающемся, и начало жизни о Христѣ Иисусѣ. Господь сказалъ, что Онъ есть лоза, а вѣрующіе въ Него—вѣтви (Іоан. 15, 4—6). Вѣтвь не живетъ, если она не на лозѣ; такъ и вѣрующіе не живутъ, если не въ Господѣ. Нигдѣ нѣтъ жизни истинной, какъ только въ этой лозѣ. Что не на ней, то мертво. Посему, кто хочетъ жить истинно, тотъ долженъ привиться къ ней, принимать отъ нея соки жизненные и жить, питаясь ими. Привитіе и совершается во св. причащеніи,—здѣсь христіанинъ становится едино съ Господомъ. Когда Господь руководилъ только грѣшника къ полному поканію, то толкалъ лишь въ двери сердца; когда же отверзаются онѣ сокрушеніемъ и поканіемъ,—Онъ входитъ внутрь и вечеряетъ съ причастникомъ.

Теперь человѣкъ рождается вновь. Пачинается у него жизнь совершенно въ новомъ родѣ. Жизнь не можетъ продолжаться безъ пищи, и притомъ пищи сродной себѣ. А такого-то рода пища и есть Тѣло и Кровь Господа. Самъ Онъ сказалъ: *Плоть Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво* (Іоан. 6, 55). Ими и должно начавшему новую жизнь питать сію жизнь. Тѣмъ паче необходимо вкусить сей пищи на

первыхъ порахъ, при первыхъ, такъ сказать, движеніяхъ новой своей жизни. Говорять, что первая пища имѣетъ вліяніе на характеръ тѣлесной жизни и послѣ составляетъ постоянную потребность тѣла. Какой же долженъ быть характеръ жизни у покаявшагося?— Жизнь о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ. Что должно составлять постоянную потребность его?— Потребность общенія съ Господомъ. Пусть же спѣшитъ на первыхъ движеніяхъ сей жизни вкусить Тѣла и Крови Христовыхъ, чтобы положить, такъ сказать, основу жизни сообразной съ Христомъ и зародить живую потребность постояннаго съ Нимъ общенія посредствомъ сего вкушенія. Вкушающій, ощутивъ сладость сей манны небесной, уже не можетъ потомъ не алкать и не жаждасть больше и больше сего вкушенія.

Итакъ, получивъ помилованіе и всепрощеніе въ покаяніи, приступи къ св. причащенію, для полноты оживленія внутренняго твоего человѣка.

Нѣтъ нужды прописывать особыя правила приготовленія къ сему. У покаявшагося есть уже все къ тому потребное, и онъ естественно переходитъ къ причащенію. Кто оплакалъ свои грѣхи и исповѣдался, тотъ готовъ приступить къ сему великому таинству. И Апостоль ничего болѣе не предписываетъ; онъ говоритъ только: *да искушаетъ себя, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да пьетъ*. Можно сказать: имѣй то, что есть, или не потеряй того, что имѣешь,—и довольно.

По заведенному у насъ порядку, послѣ исповѣди до причащенія немного проходитъ времени: большею частью только вечеръ, утро и литургія. Въ эти моменты и позаботиться надобно сохранить благонастроеніе, принесенное изъ храма послѣ исповѣди, и примѣнить къ общенію съ Господомъ во св. причащеніи.

а) Храни неразвлеченнымъ вниманіе и сердце безмятежнымъ. Блюдись разсѣянія и смятенныхъ заботъ и, отъ всего отстраняясь, войди въ себя и пребудь самъ съ единою мыслию о Господѣ, имѣющемъ пріити къ тебѣ. Устрани всякое движеніе мысли и, созерцая Единаго Господа, молись Ему неразвлеченною сердечною молитвою.

б) Если мысль не можетъ пребыть въ семь единомъ,—дай ей въ занятіе размышленіе о самомъ причащеніи; а чтобы она не блуждала много, связывай ее словами Господа и св. Апостоловъ о семь таинствѣ.

в) Размышляя о какомъ-либо изреченіи Господа или св. Апостоловъ, извлекай изъ нихъ назиданіе и располагай себя къ сокрушенной молитвѣ. Когда придетъ молитва, падай предъ Господомъ и не отступай отъ молитвы, пока есть молитва.

г) Въ этихъ занятіяхъ проводи вечеръ, пока сонъ смежитъ очи. Настанетъ утро. Какъ только придешь въ себя, проснувшись, прежде всего воскреси сознаніе о величій наступившаго для тебя дня. Но не суетись, не развлекайся многимъ, имѣя во вниманіи только то, что имѣетъ быть съ тобою и въ тебѣ. Блюдись! Врагъ всячески искушать будетъ, чтобы поставить душу въ недоброе состояніе, стараясь или мысли разсѣять, или заботу о чемъ породить, или недовольство чѣмъ, или неудовольствіе на кого возбудить. Внимай себѣ, молясь ко Господу, и избѣжишь сихъ преткновеній.

д) Вошедши въ храмъ, чувствуй себя такъ, какъ если бы ты былъ въ Сіонской горницѣ, гдѣ Господь причащаль св. Апостоловъ, и внимай болѣе, чѣмъ когда, поемому и читаемому, направляя все къ тому помышленію, что это для тебя Самъ Господь готовитъ спасительную вечерю.

е) При семь възгрѣвай *въру* въ дѣйствительное присутствіе Самого Господа и Спасителя въ св. Тайнахъ. Исходя отъ сей вѣры и созерцая Самого Господа, уже какъ бы грядущаго къ тебѣ, *самоуничженно* взывай: *нѣсмь достоинъ, да подѣ кровь мой внидеши*. Отъ самоуничженія переходи къ сыновнему *страху*, не отрѣвающему, но приносящему благоговѣйную трезвость. Поелику же Самъ Господь и приглашаетъ, и повелѣваетъ приступить, — будь готовъ приступить *благонадежно*, съ *желаніемъ* и *жажданіемъ*, какъ елень на источники водные, и чая съ увѣренностію принять Самого Господа, а съ Нимъ и все сокровища жизни, въ Немъ сокровенныя. Отъ сего чаянія, которое не посрамить, опять обращаясь на себя, въ готовности срѣтить Господа, сильнѣе възгрѣй сердечное *сокрушеніе* и повтори *обѣщаніе* отвращаться отъ грѣха, хотъ бы для сего и умереть пришлось.

ж) Потрудись всю литургію простоять, переходя отъ одного изъ сихъ чувствъ къ другому, и въ семь благонастроеніи приступи, наконецъ, къ чашѣ Господней, узрѣвъ которую, воздай поклоненіе грядущему къ тебѣ Господу и, отверзши уста и сердце, приими Его, смиренно и благоговѣйно воззавъ съ апостоломъ *Тимою*: *Господь мой и Богъ мой!*

Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!

Приступивъ съ такимъ расположеніемъ къ чашѣ Господней и отходя отъ нея, ты будешь чувствовать въ сердцѣ своемъ: *истинно слово, Божественныхъ причащяся благодатей, не убо есмь единъ, но съ Тобою, Христе мой, свѣтомъ трисолнечнымъ, просвѣщающимъ мръ*. Отселѣ ты начинаешь носить въ себѣ Христа. Попекись же усердно успокоить Его всячески и удержать въ себѣ. Если Христосъ въ тебѣ, кто противъ?.. И все прочее можешь о укрѣпляющемъ тебя Господѣ.

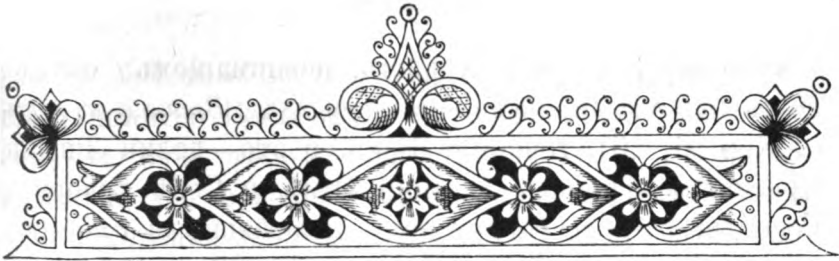
Этимъ завершается образованіе духовной жизни въ человѣкѣ-христіанинѣ, послѣ грѣхопаденія снова обращающемся къ Богоугожденію.

Вотъ весь порядокъ обращенія! Онъ представленъ здѣсь въ видѣ долгой исторіи для того, чтобы яснѣе видѣть всѣ обороты, какіе долженъ дѣлать обращающійся, при взаимодействіи свободы и благодати. Все сказанное бываетъ у всякаго обращающагося; но какъ и въ какой мѣрѣ—это зависитъ отъ личностей и обстоятельствъ каждаго. У инога все обращеніе совершается въ нѣсколько минутъ, а между тѣмъ онъ и возбужденъ бываетъ, раскаивается и восходитъ до рѣшимости. Духовныя явленія мгновенны. Впрочемъ, такого рода примѣры обращенія очень рѣдки; большею же частію все обращеніе совершается не вдругъ, а постепенно. Самыя измѣненія внутреннія хотя мгновенны, но доходятъ до нихъ не всегда вдругъ, а иногда послѣ довольно долгаго труда надъ собою. У инога потому обращеніе полное продолжается годы. Главныя точки, на которыхъ дѣлается застой, суть тѣ, гдѣ должно страдать самолюбіе, при одолѣніи, на примѣръ, препятствій или возбудителей грѣха, при исповѣди и проч. Последнее состояніе, до котораго должно дойти, есть совершенное отрѣшеніе отъ всего и преданіе себя Господу. Съ этой минуты и начинается полная истинно-христіанская жизнь, потому что тогда человѣкъ бываетъ у цѣли—сокровень въ Богѣ. Все зависитъ отъ ретивости, съ какою кто возьмется за себя, и убѣжденія, что ужъ что необходимо, то надобно сдѣлать—теперь ли, послѣ ли, а надобно: лучше же теперь,—и начинаетъ работать, и скоро устанавливается. А установиться и есть главное дѣло обращенія.

Отдѣлъ III.

О томъ, какъ совершается, зрѣеть и крѣпнеть въ насъ христiанская жизнь или, то же, о порядкѣ Богоугодной жизни.

III.

Нань совершается, зрѣеть и крѣпнеть въ насъ христіанская жизнь.

Утвердимъ вниманіе паше на томъ, что человѣкъ только-что обратился отъ тьмы къ свѣту, изъ области сатанины къ Богу, только-что вступилъ въ новый путь, на которомъ не сдѣлалъ еще ни одного шага, но горитъ ревностію все сдѣлать, что окажется нужнымъ для того, чтобы устоять въ начатомъ дѣлѣ и не поддаться опять прежнимъ своимъ властителямъ, отдалявшимъ его отъ Бога и Спасителя и увлекавшимъ въ погибель.

Спрашивается теперь: куда ему идти, и что долженъ онъ дѣлать, дабы прійти, куда должно, и прійти вѣрно, прямо, скоро, успѣшно?

Цѣль, къ которой долженъ все свое вниманіе и всѣ труды направлять обратившійся, и есть послѣдняя цѣль человѣка и домостроительства спасенія, именно—Богообщеніе, живой союзъ съ Богомъ, удостоеніе вселенія Его. Тогда только успокоится ищущій и ревнующій духъ, когда стяжетъ Бога, вкусить Его и насытится. Потому для него первый законъ: *ищи Бога, възми лица Его выну*. Въ чемъ состоитъ сіе благо—для человѣка непостижимо. Самъ онъ даже и не подумалъ бы о такой высотѣ. Но когда Богу угодно было назначить ему сей чинъ, дерзко было бы чело-

вѣку отвергать его невѣріемъ, невниманіемъ, опущеніемъ изъ мысли, даже при трудахъ. *Вселюся въ нихъ* (2 Кор. 6, 16), говоритъ Богъ, и это—всеми Лицами Пресвятыя Троицы. О Богѣ Отцѣ и Себѣ говоритъ Господь: *къ нему* (вѣрующему и любящему) *придемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). О Себѣ Единомъ: *вниду къ нему и вечераю съ нимъ* (Апок. 3, 20); и еще яснѣе: *Азъ во Отца Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 20). О Духѣ же Святомъ говоритъ Апостоль: *Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16), или: *обитованіе Духа примемъ върою* (Галат. 3, 14).

Должно замѣтить, что это вселеніе Бога не есть только мысленное, какое бываетъ въ Богомыслии отъ лица человѣка и въ благоволеніи со стороны Бога, а есть живое, жизненное, къ коему тѣ должны быть почитаемы только средствомъ. Умное и сердечное устремленіе къ Богу, подъ благоволеніемъ Божиимъ, приготовляетъ человѣка къ принятію Бога истинно; это такое единеніе, въ коемъ, не поглащая силъ и лица человѣческаго, Богъ является *дѣйствующимъ* въ немъ *и еже хотѣти и еже дѣяти* (Филпп. 2, 13); и человѣкъ по Апостолу, *не ктому себѣ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ* (Галат. 2, 20). Это цѣль не только человѣка, но и Самого Бога. Все сотворенное въ Богѣ и Богомъ стоитъ. Свободныя твари уступлены себѣ самимъ, но не окончательно и не въ конецъ, а съ тѣмъ, чтобы и онѣ себя отдали Богу вседѣйствующему, не составляя изъ себя особаго, въ царствѣ Божиемъ, царства, независимаго отъ Бога.

Можетъ казаться страннымъ, что общенія съ Богомъ достигать еще должно, когда уже оно есть, или дается въ таинствѣ крещенія или покаянія, ибо говорится: *елицы во Христа креститесь во Христа облекостесь* (Галат. 3, 27); или: *умросте и животъ вашъ сокровенъ*

есть со Христомъ въ Богъ (Колос. 3, 3). Да и по простому понятію Богъ вездѣ есть, не *далече отъ коггождо насъ, да поне осяжемъ Его* (Дѣян. 17, 27), и готовъ вселиться во всякаго, готоваго принять Его. Только одно нехотѣніе, небреженіе, грѣшность отдѣляютъ насъ отъ Него. Теперь, когда покаявшійся отвергъ все и себя предаеть Богу, — что препятствуетъ вселенію Бога въ него?

Въ устраненіе такого недоумѣнія, надобно отличать разные виды Богообщенія. Оно начинается съ минуты возбужденія и обнаруживается, со стороны человѣка, исканіемъ, стремленіемъ къ Богу, со стороны же Бога — благоволеніемъ, содѣйствіемъ, покровомъ. Но Богъ еще внѣ человѣка и человѣкъ внѣ Бога, не соперничаютъ, не взаимно-входны. Въ таинствѣ крещенія или покаянія Господь благодатію Своею входитъ внутрь человѣка, живо сообщается съ нимъ и даетъ ему вкусить всю сладость Божества, такъ обильно и ощутительно, какъ свойственно совершеннымъ, но потомъ опять сокрываетъ сіе явленіе Своего общенія, только по временамъ возобновляя его — и то легко, какъ въ отраженіи только, а не въ подлинникѣ, оставляя человѣка въ невѣдѣніи о Себѣ и Своемъ въ немъ пребываніи до опредѣленной мѣры возраста, или воспитанія по мудрому Своему руководству. Послѣ же сего Господь осязательно являетъ Свое вселеніе въ духъ человѣка, который тогда становится храмомъ преисполняющаго его Трїипостаснаго Божества.

Итакъ, есть три вида Богообщенія: одно — мысленное, бывающее въ періодъ обращенія, а другія два — дѣйствительныя, но одно изъ нихъ — сокрытое, невидимое для другихъ и незнаемое самимъ, другое же — и для себя, и для другихъ явное.

Первый видъ общенія, самый понятный и общій,

не перестаетъ и во второй степени и даже въ третьей, потому что жизнь духовная есть жизнь умная; однакожь, въ сихъ степеняхъ отличается отъ перваго своего свойства характеристически, чего, впрочемъ, изъяснить словомъ нѣтъ никакой возможности. Вся жизнь духовная состоитъ въ переходѣ отъ мысленнаго Богообщенія къ дѣйствительному, живому, ощущаемому, являемому.

Мы смотримъ на человѣка покаявшагося, — слѣдовательно, на такого, который дѣйствительно вступилъ въ общеніе съ Богомъ, но еще скрытное, тайное, не являемое, и имѣетъ цѣлю достигнуть общенія полнаго, ощущаемаго, осязаемаго. Надобно точнѣе опредѣлить себѣ все это и увѣриться, потому что на сихъ понятіяхъ должна строиться вся дѣятельность покаявшагося во спасеніе; именно: что въ таинствѣ покаянія (или крещенія) нисходитъ благодать ощутительно для духа, но потомъ скрывается отъ сознанія, хотя не отходитъ дѣломъ, — и это до очищенія сердца, когда она вселяется видимо и окончательно. Очевидно, что наставниками намъ въ семъ дѣлѣ могутъ быть только св. отцы. Изъ нихъ никто такъ хорошо не изобразилъ сего, какъ св. Діодохъ, епископъ Фотики, и св. Макарій Египетскій. Приведемъ ихъ свидѣтельства на наши положенія.

1) *Благодать вселяется въ человѣка и бываетъ при немъ съ минуты принятія таинства.* „Благодать, говоритъ св. Діодохъ, съ самаго того мгновенія, въ которое получаемъ крещеніе (или покаяніе), поселяется въ самой глубинѣ ума...“ (§ 77). Еще: „Божественная благодать чрезъ св. крещеніе сочетаваетъ себя съ непостижимою нѣкою любовію, чертами изображенія по образу Божію, въ залогъ подобія (§ 78). Св. Макарій: „Благодать непрестанно присутствуетъ съ

человѣкомъ, еще съ младыхъ лѣтъ соединившись и укоренясь, какъ бы нѣчто природное и неотдѣленное въ сердцѣ его, содѣлавшись съ нимъ какъ бы одно существо“ (бес. 8, § 2).

2) При первомъ вселеніи своемъ чрезъ таинства, благодать сія сподобляетъ человека полного вкушенія блаженства отъ Богообщенія. „Всесвятый Духъ, говоритъ св. Діодохъ, въ началѣ усовершенія, если ревностно возлюбимъ добродѣтель Божію, даетъ душѣ вкусить сладости Божіей всѣмъ чувствомъ и удовлетворительно, для того, чтобы умъ имѣлъ точное познаніе о конечной наградѣ Богоугодныхъ трудовъ“ (§ 90). Еще: „благодать сначала обыкновенно озаряетъ душу своимъ свѣтомъ такъ, что она можетъ обильно ощущать его“ (§ 69). Сіе ошутительнѣйшее осѣненіе благодати вначалѣ изображается бѣлою одеждою, въ какую на семь дней одѣваются крещаемые. Что это не одинъ обрядъ, видно изъ примѣровъ святыхъ обращенныхъ, ибо иныхъ видимо одѣвалъ свѣтъ, на другихъ нисходилъ голубь, у иныхъ просвѣтлялось лицо. Вообще же, всѣ, истинно приступавшіе ко Господу, ощущали сіе нѣкоторымъ взыграніемъ духа своего, подобнымъ тому, какимъ взыгрался Предтеча Господень во чревѣ Елисаветы, при приближеніи Матери Божіей и въ Ней Господа. Въ житіи Симеона и Іоанна (іюля 21) говорится, что они видѣли свѣтъ около брата, окрещеннаго и пріявшаго образъ монашескій, — и это семь дней. Ошутивъ, по принятіи образа, и въ себѣ дѣйствіе Божіе особенное, они взыскали сохранить его навсегда, для чего тотчасъ же и удалились на уединеніе—способнѣйшій къ тому образъ подвижничества.

3) Потомъ благодать скрываетъ себя отъ спасаемаго, и хотя пребываетъ въ немъ и дѣйствуетъ, но такъ, что тотъ не замѣчаетъ сего, и дотога не замѣчаетъ,

что нерѣдко считаетъ себя оставленнымъ отъ Бога и гибнущимъ, отчего впадаетъ въ тугу, сѣтованіе и даже легкое нечаяніе. Такъ св. Діодохъ, послѣ приведенныхъ предъ симъ мѣстъ, продолжаетъ (§ 90): „впрочемъ, долго потомъ скрываетъ драгоцѣнность сего животворнаго дара, чтобы мы, хотя исполнимъ всѣ добродѣтели, считали себя совершенно ничѣмъ, потому что не обратили еще святой любви какъ бы въ навъкъ себѣ“ ..., (§ 69) „но, въ продолженіе подвиговъ, производитъ въ богословствующей душѣ свои тайныя дѣйствія неизвѣстнымъ для нея образомъ, дабы въ первомъ случаѣ склонить насъ призываемыхъ отъ невѣдѣнія къ вѣдѣнію, съ радостію вступить на стезю Божественныхъ созерцаній, а во второмъ, среди подвиговъ, охранить наше знаніе отъ тщеславія.“ Въ другомъ мѣстѣ (§ 85) онъ объясняетъ, какъ вообще дѣйствуетъ благодать: „Благодать сперва утаеваетъ свое присутствіе, выжидая произвола души, и какъ скоро человѣкъ совершенно обратится ко Господу, тогда неизъяснимымъ какимъ-то ощущеніемъ открываетъ сердцу свое присутствіе и опять ожидаетъ движенія души, попуская между тѣмъ діавольскимъ стрѣламъ достигать до глубокаго чувства ея, дабы она съ ревностнѣйшимъ произволеніемъ и со смиреннѣйшимъ расположеніемъ взыскала Бога... Впрочемъ, надлежитъ знать, что хотя благодать и утаеваетъ отъ души свое присутствіе, однакоже, подаетъ ей помощь скрытнымъ образомъ, дабы показати врагамъ, что побѣда принадлежитъ единственно душѣ. Посему-то душа бываетъ тогда въ уныніи, скорби, униженіи и даже умѣренномъ отчаяніи (§ 87)“. И св. Макарій Египетскій говоритъ (бес. 9, § 7): „сила благодати Божіей, бываемая въ человѣкѣ (которая уже есть, дарована), и даръ Св. Духа, коего вѣрная душа пріяти сподо-

блается великимъ трудомъ, — многимъ ожиданіемъ, долго-терпѣніемъ, искушеніями и испытаніями пріобрѣтается“,—разумѣя не первое ея полученіе, а ея полное вселеніе и дѣйствіе, какъ видно изъ его словъ, гдѣ говоритъ онъ, что „благодать, съ великимъ долготерпѣніемъ, премудростію и таинственнымъ ума испытаніемъ въ человѣкѣ, уже долгое время въ разныхъ случаяхъ подвизавшемся, дѣйствовать начинаетъ.“ Онъ же объясняетъ это примѣрами Авраама, Іакова, Іосифа и Давида, кои, получивъ великія обѣтованія, потомъ долгое время должны были страдать въ безвѣстности, пока, наконецъ, увидѣли исполненіе обѣтованій (бес. 9, §§ 1—6). Надобно замѣтить, что эта сокровенность и неощутимость бываетъ не сплошная, а по временамъ растворяется утѣшеніями, хотя утѣшенія сіи—совсѣмъ другое, нежели тѣ, которыя бываютъ по вселеніи Духа.

4) *Наконецъ, когда кончится сей періодъ сокровеннаго Богообщенія и Божія въ души дѣйствованія, продолженіе котораго не въ рукахъ человѣка, а въ руководительной премудрости спасающей человѣка благодати,—Богъ особеннымъ образомъ вселяется въ человѣка, видимо преисполняетъ его, соединяется и общается съ нимъ, что и составляетъ цѣль всего подвижничества и всѣхъ трудовъ со стороны человѣка, и всего домостроительства спасенія отъ лица Божія, и всего, что бываетъ съ каждымъ человѣкомъ въ жизни настоящей отъ рожденія до гроба. У св. Макарія говорится, что дѣло благодати, послѣ долгихъ испытаній, наконецъ, совершенно показывается, и душа пріемлетъ полное вселеніе Духа. Богъ Самъ Себя ввѣряетъ сердцу, и человѣкъ удостоивается быть единъ духъ съ Господомъ. Испытанный, по Діодоху (§ 82), дѣлается уже вполне жилищемъ Св. Духа. Благодать озаряетъ все*

его существо въ глубочайшемъ какомъ-то чувствѣ (§ 85). Дѣйствіе это открывається или сопровождается разнымъ у разныхъ людей образомъ.

Эти два способа дѣйствительнаго Богообщенія прекрасно изобразилъ и описалъ премудрый Сирахъ (Сирах. 4, 18—21), говоря о премудрости, которая и есть спасающая насъ Божія благодать: *яко стропотно ходитъ съ нимъ въ первыхъ, боязнь же и страхъ наведетъ на нь, и помучитъ его въ наказаніи своемъ, дондеже въру иметъ души его, и искуситъ его во оправданіихъ своихъ: и пакы возвратитя прямо къ нему, и возвеселитъ его: и откроетъ ему тайны своя.*

Яко стропотно ходитъ съ нимъ въ первыхъ,—то-есть сурово, строго, немилостиво, съ нѣкоторою какъ бы нелюбовію;

боязнь же и страхъ наведетъ на нь,—страхъ оставленія Божія и готоваго всегда нападенія лютыхъ враговъ; при чемъ по Діодоху (§ 89), благодать дѣйствуетъ подобно матери, скрывающейся отъ дитяти, которое потому, изъ боязни, и начинаетъ кричать и искать матери, особенно когда увидитъ при себѣ чужія лица;

и помучитъ его въ наказаніи своемъ,—долго продержитъ его въ семь сокровенномъ и строгомъ своемъ обученіи. По св. Макарію (бес. 8, § 2), „благодать многоразличными образами, по своему произволенію и сообразуясь съ пользою челоуѣка, все располагаетъ, держитъ его во многихъ искушеніяхъ и таинственномъ ума испытаніи“ и проч.;

дондеже въру иметъ души его и искуситъ его въ оправданіихъ своихъ,—то-есть доведетъ его дотого, что на него можно будетъ положиться вполне, какъ на испытаннаго и вѣрнаго. У св. Макарія сказано: „когда воля, по многомъ искушеніи, Святому Духу благоуго-

жающею является и чрезъ долгое время показываетъ себя въ томъ терпѣливою и непоколебимою; когда душа ни въ чемъ не оскорбляетъ Духа, но съ благодатию во всѣхъ заповѣдяхъ согласна,“ тогда

и паки возвратится прямо къ нему,—то-есть открыто, лицомъ къ лицу, явится къ нему какъ бы снова послѣ разлуки и несвиданія. Тогда, по св. Макарію (бес. 9, § 1), дѣло благодати въ немъ совершенно является,—онъ пріемлетъ полное усыновленіе; или, по Діодоху, благодать озаряетъ все существо его въ глубокомъ какомъ-то чувствѣ, и онъ дѣлается вполнѣ жилищемъ Святаго Духа: знаменается на немъ свѣтъ лица Божія (Псал. 4, 7); Господь и Богъ приходитъ и обитель въ немъ сотворяетъ (Іоан. 14, 23);

и возвеселитъ его. Возрадуется сердце ваше, говоритъ Господь, *и радости вашей никтоже возьметъ отъ васъ* (Іоан. 16, 21). Царство Божіе—*радость о Дусъ Святъ* (Рим. 14, 17). Свѣтъ, сіяющій въ человѣкѣ, говоритъ св. Макарій, такъ всю внутренность пронзаетъ, что онъ весь, погружаясь въ сей сладости и пріятномъ чувствіи, находится внѣ себя ради преизобилующей любви и сокровенныхъ таинствъ, собою созерцаемыхъ. „Душа пламенѣетъ тогда, говоритъ св. Діодохъ (§ 13), и съ неизъяснимою какою-то радостію и любовію стремится тогда выйти изъ тѣла и отойти ко Господу и какъ бы не знать временной сей жизни.“

И откроетъ ему тайны своя—тайны божественной премудрости, достопокланяемая Троицы, домостроительства спасенія, усвоенія его, тайны грѣха и добродѣтели, промышленія о тваряхъ умныхъ и вещественныхъ и, вообще, всего Божественнаго порядка вещей, какъ это подробно изображается у св. Исаака Сиріанна въ посланіи къ Симеону. „Когда умъ обновится и освятится сердце.., тогда ощущается духовное по-

знаніе твореній, возсіяваетъ въ немъ созерцаніе тайнъ Святыя Троицы съ тайнами достопоклоняемаго оной смотрѣнія о насъ, и тогда онъ получаетъ всесовершенное познаніе надежды будущаго. Такой не учится, не изслѣдываетъ, но созерцаетъ славу Христову, наслаждается удовольствіемъ созерцанія тайнъ новаго міра. Такое совершенство познанія приходитъ съ пріятіемъ Духа, Который вводитъ духъ нашъ въ тотъ міръ, порядокъ или область созерцаній (сл. 55). Духъ Святыи отъемлетъ отъ души покрывало, восхищаетъ ее въ оный вѣкъ и вся чудная ей показываетъ (Мак. Вел. сл. о возвыш. ума § 13, о свободѣ 24, 20 и 21, бес. 17, § 4).

Итакъ, теперь очевидно, что къ обращенному чрезъ таинства приходящая благодать единится съ нимъ и сначала даетъ ему вкусить всю сладость жизни по Богу, а потомъ скрываетъ отъ него свое присутствіе, оставляя его дѣйствовать какъ бы одного, среди трудовъ, потовъ, недоумѣнія и даже паденія; наконецъ, по прошествіи сего періода испытанія, вселяется въ него явно, дѣйственно, сильно, ощутимо.

Спрашивается: что за причина, что благодать Божія вселяется не вдругъ вполнѣ, или, что то же, что не вдругъ открывается торжество полного общенія души съ Богомъ? Надобно знать эту причину, чтобы дѣйствовать противъ нея, и дѣйствовать успѣшнѣе, потому что только устраненіемъ ея и можно достигнуть полного вселенія благодати.

Чтобы понять, почему это такъ бываетъ, обратимся къ внутреннему строенію обратившагося. Грѣхъ овладѣваетъ человѣкомъ и увлекаетъ къ себѣ его вниманіе, и всѣ стремленія, и всѣ силы его. Дѣйствуя подъ вліяніемъ грѣха, человѣкъ всего себя пропитываетъ имъ и всѣ части своего существа и всѣ силы приуча-

еть къ дѣятельности по его внушенію. Эта пришлая, отвиѣ навязанная дѣятельность, отъ долгаго пребыванія, дотого сродняется съ нами, что обращается уже въ природную, принимаетъ видъ естественной, а потому неизмѣнной и необходимой. Такъ срастаются, напри- мѣръ, киченіе съ умомъ, своекорыстіе—съ пожеланіями, похотливость—съ сердцемъ, со всѣми начинаніями—самость и нѣкоторая непріязненность къ другимъ. Такимъ образомъ, въ своемъ сознаніи и произволеніи, въ силахъ души—умѣ, волѣ и чувствѣ, во всѣхъ от- правленіяхъ тѣла, во всѣхъ своихъ дѣлахъ внѣшнихъ, въ поведеніи, въ сношеніяхъ, правилахъ и обычаяхъ,—человѣкъ весь проникнуть грѣхомъ, то-есть самостию, страстностію, самоугодіемъ. У св. Макарія это изобра- жается такъ, что грѣхъ, по паденіи вошедшій въ насъ, имѣеть будто весь образъ человѣка, почему и назы- вается онъ человѣкомъ плотскимъ, душевнымъ, внѣ- шнимъ, и потому облекъ своими частями соотвѣтствен- ные части нашей природы: умъ умомъ, волю волею и проч., и, подавивъ собою естественную дѣятельность силъ нашихъ, издавалъ за нихъ дѣятельность свою неестественную, содержа между тѣмъ человѣка въ той увѣренности, что она-то и естественна. Въ семъ мра- кѣ, подъ гнетомъ грѣха, въ области сатанинской пре- бываетъ всякій человѣкъ не обращенный, не покаив- шійся, не пришедшій до рѣшимости служить Богу въ духѣ и истинѣ (Бес. 2 гл. 1, 2, 4, 12).

Пришедшая Божія благодать—сначала чрезъ возбу- жденіе, а потомъ чрезъ весь періодъ обращенія—раз- сѣкаетъ человѣка на человѣка, вводитъ его въ созна- ніе сей двойственности, въ видѣніе неестественнаго и того, что должно быть естественно, и доводитъ до рѣшимости отрѣять, или отчистить все неестественное, чтобъ явилось въ полномъ свѣтѣ естество Богоподоб-

ное. Но очевидно, что такая рѣшимость есть только начало дѣла. Въ ней человѣкъ только еще сознаниемъ и произволеніемъ вышелъ изъ области пришлой, качественно въ немъ неестественности, отказался отъ нея и приложился къ естественности ожидаемой и желаемой; но на самомъ дѣлѣ, во всемъ своемъ составѣ, остается еще такимъ, какимъ былъ, то-есть пропитаннымъ грѣхомъ, и въ душѣ по всѣмъ силамъ, и въ тѣлѣ по всѣмъ отправлениямъ качественно страстность, какъ и прежде, съ тѣмъ только различіемъ, что прежде все это желалось, избиралось и дѣйствовало отъ лица человѣка, съ желаніемъ и услажденіемъ, теперь же оно не желается, не избирается, а ненавидится, попирается, гонится. Человѣкъ, при этомъ, вышелъ изъ себя, какъ бы изъ смердящаго трупа, и зреть, какую какая часть его источаетъ страстную вонь, и противъ воли обоняетъ иногда, до омраченія ума, весь смрадъ, издаваемый собою.

Такимъ образомъ, истинная благодатная жизнь въ человѣкѣ вначалѣ есть только сѣмя, искра; но сѣмя, всѣянное среди тернія,—искра, отвсюду закрываемая пепломъ... Это еще свѣча слабая, свѣтящая въ самомъ густомъ туманѣ. Сознаниемъ и произволеніемъ человѣкъ прилѣпился къ Богу, и Богъ воспріялъ его, соединился съ нимъ въ сей самосознающей и произволяющей силѣ, или умѣ и духѣ, какъ говорится объ этомъ у св. Антонія и Макарія Великаго. И добраго, спасеннаго, Богоугоднаго въ человѣкѣ только и есть. Всѣ другія части находятся еще въ плѣну и не хотятъ и не могутъ еще покорствоваться требованіямъ новой жизни: умъ не умѣетъ мыслить по-новому, а мыслить по-старому; воля не умѣетъ хотѣть по-новому, а хотѣть по-старому; сердце не умѣетъ чувствовать по-новому, а чувствуетъ по-старому. То же

и въ тѣлѣ, во всѣхъ его отправленіяхъ. Слѣдовательно, онъ весь еще нечистъ, кромѣ единой точки, которую составляетъ сознающая и свободная сила—умъ или духъ. Богъ чистѣйшій и соединяется съ сею единою частію, всѣ же другія части, какъ нечистыя, остаются внѣ Его, чужды Его, хотя Онъ готовъ преисполнить всего человѣка, но не дѣлаетъ сего потому, что человѣкъ нечистъ... Затѣмъ, коль скоро онъ очистится, Богъ тотчасъ являетъ полное Свое вселеніе. Св. Григорій Синаитъ пишетъ: „если естество наше посредствомъ Духа не сохранится отъ скверны и не сдѣлается такъ, какъ было, чистымъ, то ни въ нынѣшней, ни въ будущей жизни не возможетъ соединиться со Христомъ въ одно тѣло и духъ, ибо всеобъемлющая и соединительная сила Духа не обыкла къ новой ризѣ благодати въ восполненіе пришивать рубище ветхихъ страстей“ (Доброт. гл. 41). Нельзя Господу вселиться вполнѣ,—жилище еще не приготовлено; нельзя излиться въ него благодати вполнѣ,—сосудъ еще худъ. Сдѣлать это, значило бы напрасно иждивать и губить сокровища духовныя. *Кое общеніе свѣту ко тмѣ, или Христу съ велиаромъ* (2 Кор. 6, 14—15)? И Господь, обѣтовавъ прійти со Отцемъ и обитель сотворить, поставяетъ непремѣннымъ къ тому условіемъ исполненіе заповѣдей,—разумѣется, заповѣдей всѣхъ, иначе—правую во всемъ дѣятельность, которая невозможна безъ правоты силъ, а правота силъ безъ отторженія отъ нихъ прившедшей неправоты, или отрѣбленія грѣховности и страстности. Сюда можно отнести, нѣкоторымъ образомъ, слѣдующее мѣсто: *Аще речемъ, яко общеніе имамы съ Нимъ, и во тмѣ ходимъ, лжемъ и не творимъ истины; аще же во свѣтѣ ходимъ, якоже Самъ Той есть во свѣтѣ, общеніе имамы другъ ко другу* (1 Іоан. 1, 6—7). Тьма эта есть

тъма страстей, потому что послѣ св. Іоаннъ въ такихъ же мѣстахъ употребляетъ вмѣсто нея нелюбовь и троякую похоть (1 Іоан. 2, 10. 11. 15). Свѣтъ же, по противоположности, есть свѣтъ добродѣтелей, и опять потому же, что послѣ свѣтъ у него замѣняется добродѣтелями. Отсюда видно, что тогда только и можно истинно стоять въ совершенствѣ Богообщенія, когда прогнанъ мракъ страстей и возсіялъ свѣтъ добродѣтелей, когда онѣ напечатлѣлись, срослись какъ бы съ существомъ нашимъ, облекли и проникли собою силы наши, изгнавъ, вытѣснивъ изъ нихъ страсти такъ, чтобы быть уже не отсвѣчиваемыми, а самосвѣтящими. До того же времени Богообщеніе такъ сокровенно, такъ безвѣстно, что можетъ казаться не сущимъ и въ нѣкоторой степени должно быть почитаемо ненадежнымъ, нерѣшительнымъ, неполнымъ, или несоотвѣтствующимъ себѣ.

Итакъ, что Господь, пришедши въ союзъ съ духомъ человѣка не вдругъ вполнѣ преисполняетъ или вселяется въ него, это зависитъ не отъ Него, готоваго все преисполнить, а отъ насъ, именно отъ страстей, растворившихся съ силами нашей природы, еще не отторженныхъ отъ нихъ и не замѣненныхъ противоположными добродѣтелями. „Грѣховныя страсти, говоритъ св. Антоній Великій, не позволяютъ Богу сіять въ насъ (Доброт. ч. 1, гл. 150). Если же главная цѣль, къ которой долженъ стремиться покаянникъ, есть полное Богообщеніе, свѣтоносное, блаженное, главнѣйшее же препятствіе къ сему составляетъ бытіе въ немъ качествующихъ и дѣйствующихъ еще страстей, ненапечатлѣніе добродѣтелей и неправота силъ,— то, очевидно, что главнѣйшимъ дѣломъ своимъ, тотчасъ по обращеніи и покаяніи, онъ долженъ поставить искорененіе страстей и напечатлѣніе добродѣте-

лей,—однимъ словомъ, исправленіе себя... Удаленіе всего неправаго и пріятіе или помѣщеніе праваго, прогнаніе грѣховныхъ страстей, привычекъ, недостатковъ, даже какъ будто естественныхъ, и другихъ неправостей, будто извинительныхъ, и пріусвоеніе добродѣтелей, добрыхъ нравовъ, правилъ и вообще всесторонней исправности, не упуская, однакожь, изъ вниманія послѣдней своей цѣли, но дѣйствуя со всѣмъ рвеніемъ противъ страстей, очи ума между тѣмъ имѣть обращенными къ Богу,—въ этомъ состоитъ исходное начало, котораго должно держаться въ построеніи всего порядка Богоугодной жизни, которымъ должно измѣрять прямоту и кривость изобрѣтаемыхъ правилъ и предпринимаемыхъ подвиговъ. Въ этомъ должно убѣдиться, какъ можно полнѣе, потому что всѣ, кажется, заблужденія дѣятельныя происходятъ отъ незнанія сего начала *). Не разумѣя всей силы сего, иные останавливаются на одной внѣшности упражненія и подвизанія, другіе—на однихъ дѣлахъ добрыхъ и навѣкъ въ нихъ, не простираясь выше, а третьи прямо идутъ въ созерцаніе. Все сіе нужно, но всему своя чреда. Сначала все—въ сѣмени, потомъ развивается не исключительно, но преимущественно въ той или другой части, однакожь неизбѣжна постепенность—восходъ отъ внѣшнихъ подвиговъ къ внутреннимъ, а отъ тѣхъ и другихъ—къ созерцанію, а не наоборотъ **).

Увѣрившись въ этомъ, мы теперь легко можемъ извлечь руководительныя правила для Богоугодной жизни, или духъ и строй подвижничества.

*) Оно намѣренно и со всею широтою изображено св. Исаакомъ Сиріанномъ въ его посланіи къ св. Симеону Столпнику. Тоже смотри въ 1 и 2 бесѣдахъ св. Макарія Великаго.

**) Діодохъ 82 конецъ. Бес. 9, 13, 10, 11. Ст. 2, 3 и 4.

Воротимся нѣсколько назадъ и станемъ опять вниманіемъ своимъ предъ человѣкомъ, посвятившимъ себя Богу и давшимъ обѣтъ дѣйствовать всегда и во всемъ по волѣ Его, во славу Его, богатѣть истинно-добрыми дѣлами. Рѣшившись на это, чѣмъ другимъ можетъ онъ дѣйствовать въ семь родѣ, когда, какъ мы видѣли, ни та, ни другая наша часть неспособна къ тому? Грѣхъ возненавидѣнъ въ духѣ, но тѣло и душа сочувствуютъ ему, льнутъ къ нему, потому что облечены страстями. Добро или воля Божія возлюблены въ духѣ, но тѣло и душа не сочувствуютъ ему, отвращаются отъ него, или, если нѣтъ сего, не умѣютъ дѣлать его. Потому рѣшившійся, по ревности своей, пребыть вѣрнымъ обѣту данному и, по сознанной необходимости, пребывать въ добрѣ, неизбѣжно въ каждомъ добромъ дѣлѣ (а недобрыхъ у него и не должно быть), долженъ противиться требованіямъ своего тѣла и души и, отказывая имъ, въ этомъ понуждать ихъ на противное. А такъ какъ тѣло и душа не отходятъ отъ его лица, а составляютъ его же, то это—то же самое, что противиться себѣ въ худомъ и принуждать себя на добро. *Самопротивленіе и самопринужденіе*—это два оборота возрожденной въ духѣ ревности, форменныя какъ бы начала подвижничества. То и другое составляетъ бореніе человѣка съ собою, или, иначе, подвигъ.

Отсюда обратившійся покаянникъ, съ первыхъ минутъ новой жизни, неизбѣжно вступаетъ въ подвигъ, въ бореніе, въ трудъ, и начинаетъ несть тяготу, иго. И это дотога существенно, что единственно-вѣрнымъ путемъ добродѣтели всѣми святыми признается его болѣзненность и притрудность, а противная тому льгота есть признакъ пути ложнаго: *царствіе Божіе нудится, и нуждницы восхищаютъ е* (Матѣ. 11, 12). Кто не въ

бореніи, не въ подвигѣ, тотъ—въ прелести... У Апостола сказано: кто не терпѣть, тотъ не сынъ (Евр. 12, 8).

Итакъ, ревнующій ревнуетъ о подвигахъ самопринужденія и самопротивленія съ цѣлью самоисправленія, или возведенія себя въ чистоту первозданную, чтобы тѣмъ скорѣе удостоиться Богообщенія. Очевидно, что чѣмъ онъ ретивѣе, тщательнѣе, стремительнѣе дѣлаетъ это, тѣмъ успѣшнѣе достигаетъ своей цѣли. Это то же, что—кто ненавистнѣе и непріязненнѣе идетъ противъ себя, круче и рѣшительнѣе дѣйствуетъ, тотъ скорѣе вступаетъ въ чистоту. Оттого видимъ, что всѣ святые, востекшіе на высоту христіанскаго совершенства, вслѣдъ за обращеніемъ начинали самые строгіе подвиги самоумерщвленія—посты, бдѣнія, долуганія, уединенія и проч. Это была сознательно избранная, благодатію внушенная мѣра, принятая къ скорѣйшему созрѣнію, и оно дѣйствительно скоро подавалось. Напротивъ, облегченія, остановки, жалѣнія себя, хоть не постоянныя, замедляли и замедляютъ всегда ходъ духовнаго спѣянія.

Итакъ, дѣло рѣшившагося: ревнуй, рѣшительнѣе берись за подвиги, тоже рѣшительнѣйшіе и приспособленнѣйшіе,—вѣдь и между ними одни болѣе, а другіе менѣе способствуютъ къ умерщвленію страстей и впечатлѣнію добродѣтелей. Ужь если это страдательное состояніе неизбежно, хоть и переходно, то что за смыслъ растягивать это дѣло по одной оплошности? Нерѣшительность, оплошность, вялость—великая препона.

Рѣшился, такъ не стой, а ратуй; это—отъ лица человѣка. Но надобно при этомъ постоянно содержать въ мысли, что хотя безжалостное къ себѣ ревнованіе спасительно для обратившагося, однакоже, успѣхъ и

плоды его трудовъ и подвиговъ, то-есть воздѣйствіе и вліяніе ихъ на очищеніе страстей и образованіе истиннаго добронравія,—не отъ него. Плодъ подвиговъ засѣменяется и зрѣеть подъ ними, но не ими и не чрезъ нихъ единственно, а отъ благодати. *Азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (1 Кор. 3, 6). Какъ жизнь духовная началась Божіею благодатію, такъ ею же можетъ только и храниться, и зрѣть. *Силенъ есть*, говоритъ Апостоль, *начный въ васъ дѣло и до конца совершитъ его* (Филип. 1, 6). Первое сѣмя новой жизни состоитъ изъ сочетанія свободы и благодати, и спѣяніемъ ея будетъ развитіе сихъ же однихъ элементовъ. Какъ тамъ, полагая обѣтъ жить по волѣ Бога, во славу Его, говорилъ кающійся: „только Ты укрѣпи и утверди“,—такъ и во все послѣдующее время онъ поминутно долженъ полагать, такъ сказать, себя въ руку Божію съ молитвою: „Ты Самъ соверши, что волѣ Твоей угодно“,—чтобы такимъ образомъ, какъ въ сознаниіи и произволеніи, такъ и на самомъ дѣлѣ Богъ былъ *дѣйствующій въ насъ, и еже хотѣти, и еже дѣяти о благоволеніи*. Минута, въ которую человѣкъ самъ чаеетъ что-нибудь произвести надъ собою и въ себѣ самомъ, есть минута погашенія жизни истинной, духовной, благодатной. Въ семъ состояніи, несмотря на непомѣрные труды, истиннаго плода не бываетъ. Бываютъ слѣдствія, которыхъ нельзя назвать худыми, если смотрѣть на нихъ отдѣльно; но въ ходѣ дѣла они—остановка и уклоненіе, а нерѣдко и зло, ибо ведутъ къ киченію, самомнѣнію, кои суть сѣмя дѣвольское, имъ всѣваемое и съ нимъ сродняющее. При этомъ къ дѣлу Божію въ насъ примѣшивается не Божіе и портитъ его, такъ что, вмѣсто того, чтобы возводить опомнившагося человѣка, благодать предварительно будетъ еще очищать и от-

реблять попорченное самодѣльностію. Или не въстаете, что Христосъ въ васъ, учить Апостоль, развѣ точію чимъ неискусни есте (2 Кор. 13 5), Соединившись съ Господомъ въ таинствѣ покаянія или крещенія, Ему себя и предать должны, да вошедши въ насъ Самъ, какъ Господь всяческихъ, Онъ, *имже въсть судьбами*, устроить наше спасеніе. Сказалъ Господь: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5),—надобно повѣрить и просить, чтобы Онъ дѣлалъ въ насъ, чтобы насъ очищалъ отъ страстей, напечатлѣвалъ въ насъ добродѣтели и творилъ все то, что цѣлительно. Это существенное настроеніе покаянника: *„имже въсь судьбами*, спаси мя, Господи, а я буду трудиться и нелицемѣрно, безъ уклоненій, перетолковъ, но чистой совѣсти творить все, что уразумѣю и смогу!“

Кто такъ настроить себя внутри, того дѣйствительно воспринимаетъ Господь и дѣйствуетъ въ немъ, какъ царь. У него учитель—Богъ, молитвенникъ—Богъ, хотѣтель и дѣятель—Богъ, плодоносець—Богъ, властитель—Богъ. Это—сѣмя и сердце небснаго въ немъ древа жизни. Но для него непременно должна быть вещественно-духовная ограда. Эту ограду составляютъ руководитель и правила.

Покаявшійся, предавъ себя Богу, тотчасъ поступаетъ подъ Его непосредственное руководство и пріемлется Имъ. Кто успѣетъ сдѣлать это, какъ должно, вначалѣ, тотъ спѣшно, ровно и благонадежно ведется Божіею благодатію къ свершенству. Но на самомъ дѣлѣ такихъ очень мало. Это—избранники Божіи, кои, неимовѣрно-быстрымъ порывомъ отъ себя, положили себя Богу въ руки, были Имъ принимаемы и водимы. Таковы, на примѣръ, Марія Египетская, Павелъ Фивейскій, Марко Фраческій и другіе. Ихъ спасло одно рѣшительное преданіе себя Богу. У Ма-

ріи Египетскої, во всѣхъ ея жестокихъ браняхъ со страстями, было правиломъ—повергать себя въ руку Божію, и страсти отходили. извѣстно, по подвигѣ. То же, безъ сомнѣнія, дѣлала она и въ другихъ случаяхъ: обращалась, на примѣръ, за вразумленіемъ и получала его.

Но такой путь не былъ и не могъ быть всеобщимъ. Онъ принадлежалъ и принадлежитъ особннымъ избранникамъ Божіимъ. Другіе всѣ зрѣютъ подъ видимымъ руководствомъ опытныхъ мужей. Стоя въ той вѣрѣ, что только Богъ возвращаетъ, покаянникъ, чтобъ успѣть, непременно долженъ предаться отцу-руководителю. Необходимость этого представляется потому, что нѣтъ полного преданія себя Богу,—недостатокъ, принадлежащій большинству. До него должно зрѣть и зрѣть многими опытами, а до образованія его нѣтъ точки, къ коей прикасалась бы руководящая рука Господня,—нѣтъ какъ бы повода, за который вестъ должно. Слѣдовательно, безъ этого условія, начинающій самъ дѣлать дѣло спасенія неизбежно будетъ идти путемъ, о коемъ нельзя рѣшительно сказать, что онъ есть путь вѣрный, а это и опасно, и томительно для духа. Св. Антоній Великій, когда пришелъ къ мысли, вѣрны ли его правила, тотчасъ началъ воиять: „скажи мнѣ, Господи, путь,“—и, получивъ увѣреніе, успокоился. Вступающій въ духовную жизнь—то же, что вступившій въ обыкновенный путь. Такъ какъ путь этотъ намъ неизвѣстенъ, то и надобно, чтобы кто-нибудь проводилъ насъ. Самонадѣянно было бы остановиться на мысли, что я и самъ могу... Нѣтъ, тутъ ни санъ, ни ученость,—ничто не помогаетъ. Не менѣе самонадѣянно и то, если кто, безъ крайней нужды, имѣя возможность снискать руководителя, не избираетъ его, въ той мысли, что Богъ непосредствен-

но будетъ руководить его. Дѣйствительно, веденіе къ совершенству принадлежитъ Богу; пріившему насъ, но подѣ руководствомъ отца. Отецъ не возноситъ на степени, а способствуетъ быть возводимыми отъ Бога. Однакожъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, Богъ ведетъ насъ чрезъ другихъ, вразумляетъ, очищаетъ, сказываетъ волю Свою. Оставшійся одинъ, самъ съ собою, находится въ крайней опасности, уже не говоря о томъ, что онъ будетъ биться и толочься на одномъ мѣстѣ почти безъ всякаго плода. Не зная ни подвиговъ и упражненій духовныхъ, ни порядка въ нихъ, онъ будетъ дѣлать только и передѣлывать, какъ взявшійся за дѣло не умѣючи. Нерѣдко по сей причинѣ многіе застаиваются, хладѣютъ и теряютъ ревность. Но главная опасность оному—отъ внутренней нестройности и лести сатанинской. У начавшаго внутри—туманъ, какъ отъ испареній смрадныхъ, отъ страстей и неправыхъ изданій изъ себя, изъ испорченныхъ силъ. Онъ есть у всякаго, болѣе или менѣе густой, судя по предшествовавшей испорченности. Въ туманѣ же этомъ какъ хорошо и вѣрно различать предметы? Блуждающему въ туманѣ, нерѣдко и малый рядъ травяниковъ кажется лѣсомъ или деревнею,—такъ и начавшему въ духовной дѣятельности неизбѣжно видится многое тамъ, гдѣ ничего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Вразумить и разяснить, въ чемъ дѣло, можетъ уже только глазъ опытный. Опять же онъ—больной: какъ же онъ будетъ врачомъ себѣ? Уморить и задушить онъ себя изъ одной любви къ себѣ: вѣдь, и тѣла не врачуютъ сами врачи. Но главнѣйшая при этомъ опасность—отъ сатаны. Такъ какъ онъ самъ преимущественно своеумникъ, то и между людьми больше любитъ тѣхъ, кто руководится своимъ умомъ, — на этомъ онъ преимущественно запутываетъ и губить.

И можно сказать, что одно это и даетъ ему доступъ до насъ, или возможность ввергать въ пагубу. Кто не вѣритъ своему разуму и сердцу и, напротивъ, все, что есть въ чувствѣ и мысли, предлагаетъ на судъ другого, тотъ, хотя бы и всѣялъ дѣволъ что-либо опасное и пагубное, не постраждетъ, потому что опытность и разумъ другого разгадаютъ прелесть и предостерегутъ. Потому-то говорятъ: кто имѣетъ руководителя и ввѣрится ему, къ тому не приступаетъ сатана, чтобы не быть постоянно посрамляемымъ и не вынаружить всѣхъ своихъ козней. Напротивъ, онъ неотходно при томъ, кто вѣритъ одному себѣ или слагаетъ свой разумъ и на него полагается. Такого, разными благовидностями напечатлѣваемыми чрезъ воображеніе, или силу мечтающую, онъ водить по разнымъ распутіямъ, пока, наконецъ, погубить совершенно.

Судя по симъ причинамъ, сильно уважительнымъ, начинающій долженъ согласиться на то, чтобы имѣть руководителя, избрать его и предаться ему. Подъ нимъ онъ безопасенъ, какъ подъ кровомъ и оградой,—тотъ уже будетъ отвѣтчикъ и предъ Богомъ, и предъ людьми за невѣрности. Но то дивно, что ищущему искренно всегда подается истинный руководитель. И руководитель, кто бы онъ ни былъ, всегда даетъ точное и вѣрное руководство, какъ скоро руководимый предается ему всею душою и вѣрою.—Самъ Господь уже блюдетъ такого преданника... Молись,—и Господь укажетъ руководителя; предайся руководителю,—и Господь научитъ его, какъ руководить тебя *).

Другое, что неизбѣжно нужно для рѣшившагося покаянника, это—правила. Правило есть опредѣленіе

*) Подробнѣе о руководителѣ—въ особой брошюркѣ подъ заглавіемъ: „Что потребно покаявшемуся“ и проч.

или способъ, образъ и учрежденіе какой-нибудь дѣятельности, — внутренняя ли то, или внѣшняя. Имъ дается направленіе и опредѣляется весь ходъ—начало, время, мѣсто, обороты, конецъ дѣйствованія. Такъ, напримѣръ, надобно читать,—это есть одно изъ подвижническихъ дѣланій. Правилomъ должно быть опредѣлено: какія читать книги, въ какое время, сколько, какъ приготовиться, какъ начать, продолжать и кончить, что дѣлать съ прочитаннымъ. То же—для молитвы, разсужденія и другихъ дѣланій. Очевидно, что правила охватываютъ собою всякое дѣланіе, составляютъ его внѣшнюю оболочку, какъ бы тѣло. Ихъ надобно наложить на всѣ наши силы, на всѣ исходы нашей дѣятельности такъ, чтобы никакого движенія не было совершаемо безъ того, чтобы къ нему не было приложено свое правило.

Необходимость этого очевидна сама собою. Начинается совершенно новая, необычная жизнь, въ коей мы не упражнялись еще, къ коей непривычны наши силы. Для пріученія себя къ тому или другому дѣланію и укрѣпленія въ немъ, и должно назначить опредѣленные правила, какъ и что дѣлать, подобно тому, какъ новобранному воину показываютъ, какъ стать, взять ружье и проч. Безъ нихъ не образуются силы, не будетъ и дѣятельности исправной. Тотъ не будетъ умѣть молиться, кто не имѣетъ правила для молитвы, или поститься—безъ правила поста; вообще безправильный ничего не будетъ умѣть дѣлать, какъ должно, а, слѣдовательно, и жизнь его будетъ не жизнь, несмотря на труды и посты, ибо жизнь слагается изъ нашихъ дѣятельностей. Сверхъ того жизнь безъ правилъ не можетъ быть ровною, степенно и стройно развивающеюся. Дитя пеленають, чтобъ оно не стало уродомъ, или съ горбомъ; такъ и духовная

дѣятельность вся должна быть повита правилами, цѣлесообразно, чтобы вся жизнь развивалась подъ ними ровно и стройно, ни одна дѣятельность не приняла, по невѣдѣнію, направленія, выдающагося изъ другихъ и вредящаго цѣлому строю, или сама по себѣ не попала бы на ложный путь, какъ, на примѣръ, постъ. Молодое растеніе подпираютъ, или привязываютъ къ крѣпкому, чтобы стояло и росло прямо. Развивающійся безъ правилъ, самъ собою, есть необученный, неискусный, иное не умѣющій сдѣлать, иное не такъ дѣлающій, а иное и такъ, но то—не къ мѣсту, то—не къ лицу. Наконецъ, и опасность немалая: безъ правилъ, какъ безъ опоры, неизбежно падать и ошибаться. У такого вся дѣятельность будетъ висѣть на присутствіи духа, соображеніи и желаніи. Но можно ли положиться на такія начала? Присутствіе духа не всегда сохранишь; соображеніе должно быть обучено и, кромѣ того, оно не всегда бываетъ подвижно, остро и тупится; желаніемъ же кто сумѣетъ владѣть постоянно? Потому, когда нѣтъ правилъ, неизбежны пропуски, ошибки, остановки. Съ правилами же одно: хочется, или не хочется, а дѣлай, какъ положено, и сдѣлается; остановки не будутъ, и пойдетъ впередъ. И еще: какъ иначе обуздать своеправіе и своемысліе—это опаснѣйшее расположеніе *)?

Такимъ образомъ, съ правилами, подъ руководствомъ отца, ревнующій, подвизаясь въ самопринужденіи и самопротівленіи, или пребывая въ неопустительномъ бореніи, будетъ день ото дня преуспѣвать въ совершенствѣ, приближаться къ чистотѣ, чрезъ искорененіе своихъ страстей и стяжаніе добродѣтелей. Но надо знать, что этотъ восходъ къ совершенству не-

*) Подробнѣе о правилахъ—въ указанной выше брошюрѣ.

видимъ для него: трудится въ потѣ лица, но будто безъ плода,—благодать строить дѣло свое подъ прикрытіемъ. Видѣніе человѣческое, глазъ, съѣдаетъ доброе. Человѣку самому остается на долю одно—видѣніе своего непотребства. Путь къ совершенству есть путь къ сознанию, что я и слѣпъ, и нищъ, и нагъ, въ непрерывной связи съ которымъ стоитъ сокрушеніе духа, или болѣзнь и печаль о нечистотѣ своей, изливаемая предъ Богомъ, или что то же—непрестанное покаяніе. Покаянныя чувства суть отличительные признаки истиннаго подвижничества. Кто уклоняется отъ нихъ и избѣгаетъ, тотъ уклонился отъ пути. Въ положеніи начала новой жизни было покаяніе; оно же и въ возрастаніи должно быть и зрѣть вмѣстѣ съ нимъ. Зрѣющій созрѣваетъ въ познаніи своей порчи и грѣховности и углубляется въ сокрушенныя чувства покаянія. Слезы—мѣра приспѣянія, а непрестанныя слезы—признакъ скорого очищенія. Что это такъ и должно быть, видно изъ того, что мы—въ паденіи, въ изгнаніи, внѣ отчаго дома, и притомъ за собственную вину. Плачетъ и жалѣетъ изгнанникъ о родинѣ; такъ и начавшимъ идти къ очищенію себя должно печаловать и сѣтовать и въ слезахъ искать возвращенія въ рай чистоты. Притомъ подвизающійся—поминутно въ бореніи то съ нехотѣніемъ, то съ противохотѣніемъ; то помысль, то пожеланіе, то страсть, то грѣхъ, хотя ненамѣренный, поминутно мутятъ чистоту его ума и напоминаютъ ему, что онъ содержитъ въ себѣ одну нечистоту, грѣховное, Богу противное. Онъ зреть себя подобнымъ смердящему трупу, лежащему предъ лицомъ и терзающему обоняніе до омраченія головы. „Положи грѣхи твои предъ тобою, говоритъ Антоній Великій, и зри чрезъ нихъ къ Богу“ *). Наконецъ, частыя паденія и оступ-

*) Патерикъ скитскій.

ки въ новоначальныхъ по неопытности, невѣдѣнію, не-искусству, а иногда и по слабости, тяжкимъ бременемъ ложатся на его совѣсть и можетъ быть тяжелѣе, чѣмъ прежде,—въ безопасности,—грѣхи большіе. Онъ походитъ на дитя, учащееся ходить и падающее. А паденія требуютъ очищенія, слѣдовательно—сокрушенія, покаянія, слезъ; потому-то всѣмъ и заповѣдуются каждодневное и даже ежеминутное покаяніе. *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному!*—это должно быть непрестанною молитвою подвижника.

Такимъ образомъ, начинающій съ пламенною и быстрою ревностію предаеть себя всего самымъ рѣшительнымъ подвигамъ, всего ожидая однакожь отъ силы и помощи Божіей и предавая себя Ему, въ чаяніи успѣха, но не видѣнія его, а потому въ непрестанномъ начинаніи, подъ руководствомъ отца, среди правилъ, держась всегда смиреннѣйшей части.

Въ такомъ духѣ и строѣ подвижникъ благонадежно можетъ начинать свое дѣло—дѣло искорененія страстей, или очищенія своей природы отъ примѣси неестественной страстности. Въ духѣ его есть крѣпкая, какъ смерть, *ретивость*; но и самая сильная ретивость имѣеть нужду въ планѣ, чтобы вѣрно идти къ предположенной цѣли. Въ объясненіи его будутъ состоять всѣ правила для вступающаго въ подвигъ. Это будетъ не что иное, какъ изложеніе тѣхъ правилъ, необходимость которыхъ показана предъ симъ. Знать это болѣе всего долженъ руководитель, хоть по общей теоріи, и, примѣняясь къ лицу руководимому, можетъ и измѣнить ихъ въ терпящихъ измѣненіе случайностяхъ.

Для построенія такихъ правилъ, утвердимъ опять мысль на состояніи покаянника-подвижника. Духъ въ немъ воскрешень и оживленъ дѣйствіемъ благодати,

принятой въ таинствахъ. Но онъ одинъ только и есть исцѣленная часть, сокрытая въ самой глубинѣ нашего существа. Это то же, что цѣлительное лѣкарство, принятое частію тѣла, всецѣло истлѣвающаго. Затѣмъ, внѣ, его душа, во всѣхъ своихъ силахъ, и тѣло, во всѣхъ отправленияхъ, и лично самъ человѣкъ, во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ, переполнены и пропитаны страстностію не мертвою, а дѣйствующею въ нихъ, живою. Главная задача трудовъ—умертвить страстность во всѣхъ ея отгѣнкахъ и возставить естество въ свойственной ему чистотѣ, чтобы, такимъ образомъ, благодать изнутри, по мѣрѣ очищенія, выступала, какъ бы проникая въ человѣкъ одну часть за другою, съ мудрою постепенностію и цѣлесообразностію.

Отсюда тотчасъ виденъ весь порядокъ имѣющихъ строиться привилъ, или видна нить размѣстительная для провода и черченія ихъ. Такимъ образомъ:

1) Посѣяно сѣмя жизни: храни его всемъ храненіемъ; иначе не къ чему прилагать и трудовъ и нечѣмъ нести ихъ. Принялъ Духа,—не угашай Духа; ревнуй,—ревнуй большаго. Блюда то, что дано, что стяжано,—это стяжанное есть монета для покупки сокровищъ. Оно пропадетъ,—и все дѣло пропадетъ. Какъ во время войны сильно заботятся удерживать всячески свою позицію, такъ и здѣсь.

2) Нужно отрывать страстность, сросшуюся и срастворившуюся съ силами нашего естества. Такъ какъ это сращеніе подобно сращенію химическихъ составовъ, то и способы отрѣшенія ея нужно примѣнить къ способамъ химическаго разложенія. Именно, для высвобожденія стихіи изъ ея принужденнаго состоянія въ связи съ другою, приводятъ ее въ соприкосновеніе съ третьею стороннею, внѣшнею, съ коею она находилась бы въ сильнѣйшемъ сродствѣ, нежели съ

прежнюю. Когда это будетъ дѣйствительно, то связывавшая ее стихія отпадаетъ, а съ этою новою она соединяется и получаетъ вмѣстѣ съ нею новый видъ. Примѣняясь къ сему, надлежитъ ко всѣмъ силамъ души и тѣла и всей дѣятельности нашей, плѣненнымъ страстностію и держимымъ въ принужденномъ, неестественномъ состояніи, приложить что-нибудь такое, съ чѣмъ бы онѣ состояли въ ближайшемъ средствѣ и соестественности, чтобы, такимъ образомъ, прилагаясь и какъ бы приростая къ тому, соразмѣрно съ тѣмъ высвободиться изъ страстныхъ узъ и принимать новый естественный видъ бытія. Это будетъ правило дѣланій или занятій, налагаемыхъ на силы. Ходя въ нихъ, при храненіи того внутренняго стяжанія Духа благодати, сроднаго съ ними и съ силами нашей природы, человѣкъ болѣе и болѣе будетъ исполняться симъ Духомъ, огонь Котораго, получая, такимъ образомъ, болѣе свободы проходить внутрь, тѣмъ быстрѣе будетъ попялять нечистоту, чѣмъ большее встрѣтитъ расширеніе естественности.

3) Два эти пункта исчерпываютъ строй положительныхъ дѣланій подвижника, или, что то же, упражненія самопринужденія. Ими одними можно было бы ограничиться, если бы презираемая и оставляемая страсть въ пользу добра оставалась въ покоѣ, или мирно испарялась изъ нашего естества; но такъ какъ она, частію по природному упорству грѣха, частію по его сильному подкрѣпленію или со стороны источнаго начала своего—дѣвола, или со стороны вмѣстелища сродныхъ ему стихій міра, не терпитъ мирной, уступчивой покорности, даже и отпадши и какъ бы отдѣлившись, снова возстаетъ и ищетъ занять первое свое мѣсто, властное, вяжущее, то тою одною дѣятельностію довольствоваться никакъ нельзя, а необходимо при ней и прямо дѣйствовать противъ страстей, въ

лицо имъ противопоставать, бороть ихъ и побѣждать и въ самихъ себѣ, и въ ихъ источникахъ и подкрѣпителяхъ. Опредѣленіе правилъ, относящихся сюда, составитъ изображеніе брани внутренней или духовной какъ въ общемъ ея очеркѣ, такъ и по частямъ. Это—подвиги самопротивленія.

Такимъ образомъ, всѣ правила должны быть сведены къ одному слѣдующему, начальному: храни внутренней духъ жизни, усердіе и ревность, ходи въ дѣланіяхъ или упражненіяхъ, съ одной стороны способствующихъ къ оживленію уморенныхъ силъ, а съ другой—умерщвляющихъ или заглушающихъ страсти. Слѣдовательно, все сюда относящееся должно заключить въ сихъ трехъ пунктахъ:

- 1) правилахъ храненія внутренняго духа ревности.
- 2) правилахъ упражненія силъ въ добръ, или самопринужденіи и
- 3) правилахъ брани со страстьми, или упражненія въ самопротивленіи.

1. О храненіи духа ревности по Богу.

Надобно исполнять заповѣди, и исполнять всѣ; но естественнаго у насъ нѣтъ желанія, усердія и ревности на то. Въ покаяніи, ради духа сокрушеннаго и и обѣта творить волю Божию, Божіею благодатію возженъ сей огонь въ духѣ нашемъ; онъ-то и есть сила на твореніе заповѣдей и только онъ одинъ и способенъ подъять все это бремя. Если въ исполненіи заповѣдей—основаніе спасенія, то духъ ревности есть единственная для насъ спасительная сила. Гдѣ онъ, тамъ тщаніе, заботы, усердіе, готовность, живость на дѣла, угодныя Богу. Гдѣ нѣтъ его, тамъ все прекращается и падаетъ: нѣтъ жизни духа,—онъ охладѣетъ, замираетъ. Тамъ пусть будетъ и твореніе дѣлъ до-

брыхъ, — они добры будутъ только по формѣ, а не по силѣ и духу. Это тотъ огонь, который пришелъ возжечь на землю Господь нашъ Иисусъ Христосъ, и который возжигается Духомъ Святымъ въ сердцахъ вѣрующихъ, нисшедшимъ въ видѣ огненныхъ языковъ.

О семь духѣ ревности Господь говоритъ: *огнь приидохъ воврещи* (Лук. 12, 49). Апостоль заповѣдуетъ *духа не угашать* и о себѣ свидѣтельствуеть: *со усердіемъ гоню* (Филип. 3, 14). И у св. отцевъ онъ именуется разнo: исканіемъ, предложеніемъ, усердіемъ, тщаніемъ, теплотою духа и горѣніемъ и просто ревностію.

Судя по сей великой важности и великому значенію ревности, первымъ дѣломъ христіанина-подвижника должно быть храненіе сей ревности и усердія, какъ источной силы Богоугодной жизни. Хранить, слѣдовательно, — употреблять особаго рода приемы и упражненія, способствующія къ сему. Какія же именно? Ревность должно сохранять такимъ же путемъ, какимъ она родилась; а родилась она внутреннимъ измѣненіемъ сердца, подъ невидимымъ дѣйствіемъ благодати Божіей.

Внутреннее, невидимое восхожденіе нашего духа до ревности началось *пробужденіемъ* благодатнымъ и окончилось рѣшительнымъ обѣтомъ ходить неуклонно въ волѣ Божіей. Въ этомъ восхожденіи соблюдалась постепенность самая строгая. Человѣкъ-грѣшникъ, живущій весь внѣ и потому называющійся *внѣшнимъ*, пришедшею благодатию втѣсняется *внутрь* себя, и здѣсь, какъ отъ сна пробужденный, узрѣваетъ совѣтъ *новый міръ*, дотолѣ ему безвѣстный. Это — первый толчокъ, послѣ котораго, при помощи Божіей, чрезъ разныя *помышленія и чувства*, онъ мало-по-малу высвобождается

изъ перваго міра, переходить въ другой и повергается предъ Царя его и Господа, предлагая Ему клятвенный завѣтъ навсегда быть Его рабомъ. Итакъ, желающему сохранить неугасаемую ревность должно: а) пребывать внутрь, б) зрѣть новый міръ и в) стоять въ тѣхъ чувствахъ и помышленіяхъ, чрезъ кои онъ, какъ бы по ступенямъ лѣстницы, восшелъ къ подножію престола Господа.

Вотъ что должно быть непрестаннымъ упражненіемъ, подвигомъ и дѣланіемъ христіанина-подвижника!

а) Внутри пребываніе.

Когда насѣдка, нашедши зерно, даетъ знать объ этомъ своимъ дѣтенышамъ, тогда они всѣ, гдѣ бы ни были, летомъ летятъ къ ней и собираются своими клювами къ той точкѣ, гдѣ и ея клювъ. Точно такъ же, когда Божественная благодать воздѣйствуетъ на человека въ сердцѣ его, тогда духъ его проникаетъ туда своимъ сознаниемъ, а за нимъ и всѣ силы души и тѣла. Отсюда—законъ для внутри-пребыванія: держи сознание свое въ сердцѣ и собирай туда напряженіемъ всѣ силы души и тѣла. Внутри-пребываніе собственно есть заключеніе сознанія въ сердцѣ, напряженное же собраніе туда силъ и души и тѣла есть существенное средство, или дѣланіе, подвигъ. Впрочемъ, онѣ взаимно другъ друга рождаютъ и предполагаютъ, такъ что одно безъ другого не бываетъ. Кто заключенъ въ сердцѣ, тотъ собранъ; а кто собранъ, тотъ—въ сердцѣ.

Около сознанія въ сердцѣ должно собираться всѣми силами: и умомъ, и волею, и чувствомъ. Собраніе ума въ сердцѣ есть *вниманіе*, собраніе воли—*бодренность*, собраніе чувства—*трезвеніе*. Вниманіе, бодренность, трезвеніе—три внутреннижъ дѣланія, коими совер-

шается самособраніе и дѣйствуетъ внутрь-пребываніе. У кого есть они, и притомъ всѣ, тотъ—внутри; у кого нѣтъ, и притомъ хоть одного, тотъ—внѣ. Вслѣдъ за такими дѣланіями душевными, туда же должны направляться и тѣлесныя, имъ соотвѣтствующіе, органы: такъ за вниманіемъ—обращеніе *внутрь очей*, за бодренностью—напряженіе мускуловъ во все тѣлѣ, въ направленіяхъ къ *персямъ*, за трезвенностью—оттѣсненіе мокротныхъ, какъ выражается Никифоръ, какихъ-то расслабляющихъ, движеній, подходящихъ къ сердцу изъ нижнихъ частей тѣла, подавленіе услажденія и покоя плоти. Такія тѣлесныя дѣланія, дѣйствуя неразлучно съ душевными, суть самыя сильныя, помогающія тѣмъ душевнымъ средствамъ, безъ коихъ имъ и быть нельзя.

Итакъ, все дѣланіе внутрь-пребыванія чрезъ самособраніе состоитъ въ слѣдующемъ. Въ первую минуту, по пробужденіи отъ сна, какъ только сознаешь себя, *низойди* внутрь къ сердцу, въ эти перси тѣлесныя; вслѣдъ затѣмъ созывай, привлекай, напрягай туда и всѣ душевныя и тѣлесныя силы, вниманіемъ ума, обращеніемъ туда очей, бодренностью воли, съ напряженіемъ мускуловъ и трезвеніемъ чувства, съ подавленіемъ услажденія и покоя плоти, и *дѣлай* это до тѣхъ поръ, пока сознаніе не установится тамъ, какъ на своемъ мѣстѣ—сѣдалищѣ, не прилѣпится, не привяжется, какъ липкое что-либо къ крѣпкой стѣнѣ; и потомъ пребывай тамъ неисходно, пока пользуешься сознаніемъ, часто повторяя то же дѣланіе самособранія и для возобновленія его, и для укрѣпленія, потому что оно поминутно то расслабляется, то нарушается.

Надобно знать, что это внутрь-пребываніе и собраніе не то же, что углубленіе при размышленіи, или

дума (отъ слова—задумываться), хотя много походить на него. Последнее стоитъ только въ исходищѣ ума, оставляя другія силы незанятыми, и держится въ головѣ; а то стоитъ въ сердцѣ, въ исходищѣ всѣхъ движеній, ниже и глубже всего, что въ насъ есть и бываетъ, или происходитъ такъ, что все это совершается уже поверхъ его, предъ его глазами, и то позволяется, то запрещается. Отсюда само собою очевидно, что внутри-пробываніе есть, въ истинномъ своемъ видѣ, условіе истиннаго господства человѣка надъ собою, слѣдовательно, истинной свободности и разумности, а потому и истинно-духовной жизни. Это подобно тому, какъ, во внѣшнемъ мірѣ, владѣтелемъ города считается тотъ, кто занимаетъ крѣпость. Потому всякое духовное дѣланіе и всякій вообще подвигъ долженъ быть совершаемъ отсюда, иначе онъ—не духовенъ, ниже подвижничества и долженъ быть отменяемъ. *Царствіе Божіе внутри васъ есть*, говоритъ Господь, и потомъ для одного духовнаго дѣланія заповѣдалъ: *звиди въ клятвѣ твоей и затвори двери...* Это—клятвѣ сердца, по разумѣнію всѣхъ св. отцевъ. По сей-то причинѣ человѣкъ духовный, спасающійся, подвижающійся, и называется *внутреннимъ*.

Что собраніе внутри есть приспособленнѣйшее средство къ храненію ревности, это сейчасъ видно: 1) Собранный долженъ горѣть, ибо собираетъ всѣ силы воедино, подобно какъ лучи разсѣянные, будучи собраны въ одну точку, обнаруживаютъ сильный жаръ и зажигаютъ. И дѣйствительно, съ собраніемъ всегда соединена теплота: духъ здѣсь видится самъ съ собою, какъ говоритъ Пикифоръ, и играетъ отъ радости. 2) Собранный силенъ, подобно войску устроенному, или пучку слабыхъ тростей связанныхъ. Оно, подобно препоясанію чреслъ, означаетъ готовность и

силу дѣйствовать. Несобранный всегда слабъ и или падаетъ, или не дѣлаетъ. 3) Собранный зреть все въ себѣ. Кто въ центрѣ, зреть по всеѣмъ радіусамъ, все видитъ въ кругѣ ровно и какъ бы въ одинъ разъ, а выступившій изъ центра видитъ по направленію одного только радіуса; точно такъ и тотъ, кто собранъ внутрь, видитъ все движенія своихъ силъ, — видитъ и управитъ можетъ. Горѣніе же духа, — сила и зрячесть и составляютъ истинный духъ ревности, который изъ нихъ слагается. Потому слѣдуетъ сказать: только будь внутрь, и не престанешь ревновать.

Такъ-то значительно внутрь-пребываніе! Значитъ, должно потрудиться, чтобы стяжать его, ибо и оно не вдругъ оказывается, а по времени и многомъ исканіи. На первомъ мѣстѣ оно поставляется потому, что есть условіе духовной жизни. Его совершенство зависитъ отъ совершенства трехъ производящихъ его душевныхъ и трехъ тѣлесныхъ дѣланій, именно — вниманія ума съ обращеніемъ внутрь очей, бодренности воли съ напряженіемъ тѣла и трезвенія сердца съ отбиваніемъ услажденія и покоя плоти. Въ полномъ же свѣтѣ явится тогда, когда будетъ стяжена чистота ума отъ помысловъ, чистота воли отъ пожеланій, чистота сердца отъ пристрастій и страстей. Но и до того времени все же оно есть внутрь-пребываніе, хотя несовершенное, незрѣлое, не непрерывное.

Отсюда само собою очевидно, какія средства къ неисходному внутрь-пребыванію, или, лучше, средство одно: удаляй все, что можетъ нарушать показанныя три дѣланія, въ ихъ двойномъ сочетаніи, или все, что можетъ отвлекать во внѣ силы души, съ соответственными имъ отправлениями тѣла: умъ и чувства, волю и мускулы, сердце и плоть. Чувства развле-

каются внѣшними впечатлѣніями, умъ — помыслами, мускулы расслабляются распущенностію членовъ, воля — пожеланіями, плоть — покоемъ, сердце — плѣномъ или прилѣпленіемъ къ чему-нибудь. Слѣдовательно, держи умъ безъ помысловъ, чувства — безъ развлеченій, — волю безъ пожеланій, мускулы — безъ ослабы, сердце — безъ плѣна, плоть — безъ угодія и покоя. Итакъ, условіе и вмѣстѣ средство къ внутрь-пробыванію: въ душѣ — бореніе съ помыслами, пожеланіями и плѣнами сердца, въ тѣлѣ — связаніе его, а за ними — измѣненіе внѣшняго порядка. Судя по сему, и всѣ послѣдующіе подвиги, кои будутъ направляться къ умерщвленію самости, суть вмѣстѣ средства и къ внутрь-пробыванію.

Вотъ почему, въ наставленіяхъ св. отцевъ (ученіе о трезвеніи, блюденіи ума), внутренняя жизнь всегда поставляется въ неразрывной связи съ подвижническою бранію. Однакоже, собраніе не то же, что брань. Это — особое дѣланіе духовное, начальнѣйшее. Оно есть мѣсто, гдѣ все духовное дѣлается: и брань, и чтеніе, и Богомысліе, и молитва. Что ни дѣлалъ бы подвижающійся, прежде всегда войди внутрь и оттуда дѣйствуй.

б) Зрѣніе другого міра.

„Старайся войти въ храмину, находящуюся внутри тебя, и увидишь храмину небесную“, говоритъ святой Исаакъ Сиріанинъ. И дѣйствительно, вступившій внутрь себя видитъ иной нѣкоторый міръ, подобный необъятной храминѣ, не видимый и не воображаемый, но печатлѣющійся въ сознаніи, въ коемъ однакожъ не себя зрять человѣкъ, и не то, что происходитъ въ немъ, ибо все это должно замолчать — и молчить. Въ первый ударъ благодати зовущей, вмѣстѣ съ вступле-

ніемъ внутрь, открывается и сей міръ, независимо отъ человѣка, хочеть ли онъ того или не хочеть. Послѣ же зрѣніе его, равно какъ и внутрь-пребываніе, предается свободѣ человѣка и должно быть *дѣлаемо*. Такое дѣланіе, какъ воспроизведеніе второго измѣненія, при восхожденіи человѣка до рѣшимости и ревности, есть второе средство къ сохраненію и възгрѣванію ревности.

Оно состоитъ въ томъ, чтобы содержать въ сознаніи и чувствѣ все строеніе духовнаго міра. Подобно тому, какъ вступившій въ комнату называется зрящимъ ее, когда держитъ въ сознаніи всю ее, со всѣмъ ея расположеніемъ, такъ и вступившій внутрь себя, какъ на порогъ, будетъ зрѣть иной міръ, когда напечатлѣвается въ сознаніи своемъ все его строеніе. Все, слѣдовательно, сюда относящееся, исполнится, когда умъ пойметъ, что такое строеніе духовнаго міра, когда напечатлѣетъ его въ сознаніи, или затворится въ немъ сознаніемъ и будетъ стоять въ немъ неисходно.

Все строеніе духовнаго, невидимаго, мысленнаго, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго міра кратко можетъ быть выражено такъ: „Богъ единый, въ Троицѣ поклоняемый, вся сотворившій и вся содержащій, возставляетъ, или, по Апостолу, возглавляетъ (Ефес. 1, 10) всяческая въ Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, чрезъ Духа Святаго, въ св. Церкви дѣйствующаго, Который, по усовершеніи вѣрующихъ, переводитъ ихъ въ другой міръ, что и будетъ продолжаться до времени исполненія всѣхъ, или кончины вѣка, когда, по воскресеніи и судѣ, воздастся комуждо по дѣломъ: одни ниспадутъ въ адъ, другіе вселятся въ рай, и *Богъ будетъ всяческая во вѣкъ*.“

Это—всеобъемлющая рама всего истинно-сущаго,

бывающаго и имѣющаго быть. Здѣсь сокращенно все содержаніе Божественнаго откровенія. Все возможное и дѣйствительное входитъ сюда и есть здѣсь. Это также содержаніе Символа Вѣры. Главнѣйшіе предметы здѣсь: вседержительство Божіе, домостроительство спасенія и четыре *послѣднихъ*—смерть, судъ, рай и адъ. Эти именно предметы святитель Христовъ Тихонъ заповѣдуетъ всѣмъ христіанамъ непрестанно помнить, отъ младенчества до гроба.

Это строеніе долженъ напечатлѣть подвизающійся христіанинъ въ умѣ своемъ, довести, то-есть, до свѣтлой ясности сознанія, или такъ глубоко войти въ него, или его воспріять въ себя, чтобъ оно было какъ бы навязаннымъ на него,—такъ сраствориться съ нимъ, чтобы сознаніе и въ движеніе не могло приходить безъ ощущенія его въ себѣ или на себѣ, подобно тому, какъ нельзя сдѣлать движенія руки безъ того, чтобы не сотрясать воздуха, или открыть глаза безъ того, чтобы не подлежать впечатлѣнію ударовъ свѣта. Лучшее средство къ тому: установленіе себя въ этомъ строеніи, подобно тому, какъ окинувшій себя взоромъ зрить себя установленнымъ въ извѣстномъ мѣрномъ соотношеніи со всѣми вещами, окружающими его,—установленіе, слѣдовательно, во вседержительствѣ Божіемъ, въ Его десницѣ, ощущеніе себя держимымъ отъ Него, Имъ проницаемымъ и зримымъ, или, какъ говоритъ Василій Великій, памятованіе, что ты еси назираемъ; установленіе въ участіи въ домостроительствѣ спасенія, въ качествѣ члена Церкви,—чувствованія, по Златоусту, что ты воинъ Христовъ и записанъ въ ономъ градѣ; установленіе въ смерти и судѣ, съ обращеніемъ ока то въ рай, то въ адъ.

Установленіе это дается не вдругъ... Оно—цѣль. Исканіе его, дѣланіе съ цѣлью пріобрѣсть, есть по-

дви́гъ мысленный, многотрудный и продолжительный, но нельзя сказать, чтобы многосложный. Весь о́пъ состоитъ въ простомъ напряженномъ зрѣніи умомъ на сіи предметы. Зри себя содержимымъ десницею Божіею и зримымъ окомъ Божиимъ, спасаемымъ въ Господѣ, стоящимъ въ смерти, подъ судомъ, чтобы, вслѣдствіе того, или рай пріять, или быть поглощену адомъ. Весь трудъ сначала обращается на то лишь, чтобы узрѣть все это. Когда кто разъ добьется зрѣнія, тотъ послѣ начнетъ узрѣвать легче и чаще; и чѣмъ кто непрерывнѣе, напряженнѣе и усерднѣе будетъ совершать это, тотъ тѣмъ скорѣе достигнетъ непрекращаемаго зрѣнія, или, что то же, стоянія въ духовномъ мірѣ, предъ Богомъ, въ Церкви, въ часъ смерти и суда, въ преддверіи ада или рая.

Послѣдній предѣлъ сего дѣланія есть стояніе въ мірѣ духовномъ, или какъ бы ощущеніе себя въ немъ. Именно: въ отношеніи къ *вседержительству* Божію бытіе въ такомъ ощущеніи, въ какомъ дитя на рукахъ матери; ко *всезрительству* Божію, въ какомъ подданный предъ царемъ; къ *домостроительству* спасенія, въ какомъ воинъ въ строю, или сынъ въ домѣ отца, или искусникъ за дѣломъ, или какъ товарищъ въ кругу друзей, или какъ свой въ своемъ семействѣ; къ *смерти и суду*, какъ преступникъ, ждущій ежеминутнаго приговора; къ *раю и аду*, какъ стоящій на самой узкой дощечкѣ, съ одной стороны коей—бездна, kloкочущая огнемъ, а съ другой—прекраснѣйшій садъ. Кого сподобитъ Господь все это воспріять въ чувство, о томъ надобно сказать, что онъ исшелъ изъ сего міра и пребываетъ въ другомъ своимъ сознаниемъ и сердцемъ, что онъ вошелъ въ Царствіе Божіе или воспріялъ его въ себя. *Царствіе Божіе внутри васъ есть*. Это выступленіе изъ настоящаго міра и вступленіе въ

другой должно быть поставлено цѣлю и составлять предметъ напряженнаго исканія.

Условіе къ тому есть, само собою, внутри-пребываніе, въ неразрывной связи съ которымъ и начинается, и зрѣть, и совершается, такъ что когда образуется неисходное внутри-пребываніе, тогда образуется и стояніе въ мірѣ Божіемъ; и обратно: тогда только и благонадежно внутри-пребываніе, когда укрѣпится стояніе въ иномъ мірѣ.

Самое дѣланіе состоитъ, какъ сказано, въ понужденіи воззрѣвать на сіи предметы сколько можно чаще: съ желаніемъ непрерывнаго зрѣнія ихъ. Съ первой минуты пробужденія къ сознанію, войди внутрь и со всевозможнымъ напряженіемъ вставляй себя въ этотъ строй и порядокъ. Сначала лучше устанавливать взоръ на одномъ какомъ-либо предметѣ и зрѣть его, пока напечатлѣтся онъ, а потомъ переходить къ другимъ. Когда переберутся все, тогда и весь строй можетъ быть сознаваемъ въ одинъ мигъ. Иные распредѣляютъ это дѣланіе по днямъ, иные — по частямъ дня; на примѣръ: о смерти—послѣ обѣда,—какъ кто найдетъ удобнымъ, или къ чему сознаетъ подвижнѣйшимъ духъ свой. Только одного закона должно держаться — не перемѣнять часто, ибо это отнимаетъ у дѣланія весь плодъ. Не должно также упускать изъ виду, что это перемѣняемое зрѣніе есть только средство, цѣль же есть неисходное стояніе во всемъ томъ строѣ. Кто, навывкнувъ зрѣть одно, не переходитъ къ другому, тотъ остановился на пути и обманываетъ себя, воображая, что ужъ имѣетъ то, къ чему только лишь подвигся или къ чему началъ стремиться. Навывкнувъ въ одномъ, всегда чрезъ него переходи къ другому, какъ для того, чтобы не губить стяжаннаго трудомъ, такъ и для того, чтобы тѣмъ подготовиться къ скорѣй-

шему напечатлѣнію другого. Должно помнить, что это — не размышленіе, а недвижимое зрѣніе ума, или вѣра въ тотъ предметъ; движеніе же ума къ мышленію, какъ случайность невольная, бываетъ, но не совѣтуется, не благоволится, а должно быть пресѣ- каемо тотчасъ по сознаніи того.

Въ пособіе къ успѣшнѣйшему прохожденію сего дѣланія и совершенству въ немъ можно взять мѣсто Св. Писанія, относящееся къ тому или другому предмету, и повторять его непрестанно въ продолженіе дня или болѣе, напримѣръ: *камо пойду?—предлежитъ единою умерети, потомъ же судъ... Собираеши себѣ гнѣвъ ни день гнѣва... Нѣсть много имени, о немъже подобаетъ намъ спастися*, и проч.; имѣть картину смерти, креста или суда страшнаго и поставить въ такомъ мѣстѣ, чтобы она какъ можно чаще и невольно ударяла въ глаза; избирать книги и статьи, рѣзко изображающія сіи предметы, и бесѣды, если случатся съ единомысленнымъ, вести болѣе о томъ же; чаще поминать суды Божіи невидимые и неожиданные, случаи смертные, умершихъ родныхъ и ихъ состояніе, видѣть себя на одрѣ смертномъ, смотрѣть на похороны. Все это рѣзче дѣйствуетъ на духъ человѣка, если онъ стоитъ въ этихъ предметахъ во время молитвы. При помощи Божіей, такимъ порядкомъ напечатлѣніе совершается очень быстро. Надобно только напечатлѣнный въ молитвѣ предметъ не кидать потомъ, а ходить съ нимъ, пока можно, хотя бы и нѣсколько дней, стараясь поддерживать впечатлѣніе то писаніемъ, то чтеніемъ, то бесѣдою, то другими способами. Хорошо для совмѣстнаго всѣхъ ихъ напечатлѣнія мысленно напрягаться, зрѣть ихъ въ одинъ мигъ, или, по крайней мѣрѣ, въ одно время хоть одинъ послѣ другого. Лучше всего, впрочемъ, сколько можно чаще прочи-

тывать Символь Вѣры, напрягаясь тоже все истины его озирать въ одинъ мигъ. Трудъ, напряженіе, усиліе скоро приведутъ къ желанной цѣли; только не ослабѣвай, не прерывай, а все дѣлай и дѣлай, хоть плода и умѣнья не видно. Годы пройдутъ безъ плода, а одна минута все дастъ неутомимому дѣлателью въ вертоградъ царства Христова, ради постоянства его въ трудъ и усердія терпѣливаго.

Такое зрѣніе другого міра способно содержать и възгрѣвать духъ ревности тѣмъ, что доставляетъ истинное поприще для дѣйствованія ревнующему духу. „Ты—не здѣшній, говоритъ Златоустъ, а изъ другого міра; слѣдовательно, и дѣйствовать долженъ какъ бы въ томъ мірѣ, а для того и зрѣть его. Съ другой стороны, кто зрѣть его, тотъ постоянно будетъ имѣть предъ глазами какъ бы норму какую и образчикъ, напоминающій, чтобы не уклониться, не сдѣлать чего-нибудь криво. Это хорошо и тогда, когда бы кто умомъ только зрѣлъ эти предметы. Если же кто дойдетъ до блага воспріять ихъ въ чувство хоть чуть-чуть, у того они возводятъ мгновенно ревность до великаго напряженія. Все св. отцы называютъ ихъ „остнами будущими.“ И что изъ этого ни было бы принято чувствомъ, оно того, кто принялъ, не допустить до грѣха. *Помни, учить Сирахъ: послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши. Предзрѣхъ,* свидѣтельствуется пророкъ Давидъ: *Господа, да не подвижуся.* Макарій Великій былъ изсушенъ, какъ самъ онъ говоритъ, памятію огня геенскаго, другіе же плакали непрестанно отъ памяти смертной. И множество есть изреченій у св. отцевъ относительно сихъ предметовъ и относительно того, какъ сильно они напрягаютъ духъ человѣка и възгрѣваютъ ревность. Пришедшій въ чувство ихъ

зрить себя въ великой тѣснотѣ, а въ крайностяхъ, извѣстно, какъ бываетъ сильно напряженіе.

в) Стояніе въ чувствахъ, доведшихъ до рѣшимости.

Но все это есть только приготовленіе, условіе и средства къ възгрѣванію ревности. Возстановленіе ревнованія самаго рѣшительнаго и усердія крѣпкаго совершается чрезъ воспроизведеніе тѣхъ чувствъ и мысленій, чрезъ кои первоначально, вслѣдъ за пробужденіемъ отъ грѣховнаго усыпленія, взойдено до него.

По пробужденіи, видѣлъ ты себя въ крайней опасности, гибнущимъ, былъ въ великой нуждѣ и тугѣ, и теперь возставляй это же чувство опасности и крайности, ибо они есть на самомъ дѣлѣ. Бывай въ боязни и не допускай думать и успокоиваться тѣмъ, что все будто миновалось.

Тогда ты, отрѣшаясь отъ всего, все оплевалъ и презрѣлъ, избравъ инья блага—нечувственные, невидимыя, духовныя: отрѣшайся и теперь, все отрѣвай и склоняйся къ невидимому, духовному; его зри и на-прягайся возлюбить.

Отрѣшался ты тогда отъ человѣкоугодія: почитай и теперь себя ниже всѣхъ; имѣй готовность на презрѣніе и поношеніе всякое.

Все вмѣнилъ ты тогда ни во что: не дорожи и теперь ничѣмъ; носи готовность, повергну все, остаться голому.

Попрано было тобою тогда саможалѣніе: возвышайся и теперь до готовности къ самымъ крутымъ крестамъ и продолжай самоозлобленіе.

Тогда разбиралъ свою жизнь: продолжай и теперь возрастать въ самопознаніи; вникай въ заповѣди Евангельскія и смотри, чего нѣтъ въ тебѣ; тамъ положи сѣмя,—теперь расти его.

Тогда, по познаніи грѣховнаго житія, видѣлъ ты себя безотвѣтнымъ и сокрушался: не переставай и теперь стоять безотвѣтнымъ предъ лицомъ правды Божіей; осуждай себя всегда и во всемъ безъ всякаго оправданія и уклоненія лстиваго, ненавидь свою волю и хотѣніе, и разумѣніе; поражай себя стыдомъ и страхомъ безнадежности; зри себя висящимъ надъ бездною и недостойнымъ пощадѣнія.

Тогда возникъ ты духовно и, по вѣрѣ въ Господа и въ надеждѣ на помощь Его, далъ обѣтъ усердно работать Ему во всѣ дни жизни, до умученія себя самага безжалостнаго: и теперь взывай: „достоинъ я всякаго осужденія и муки, но, ради безпредѣльнаго желанія Божія нашего спасенія, по коему и Единородный Сынъ не пощадѣнъ, не отчаяваюсь въ своемъ спасеніи. Не знаю, когда и какъ, но вѣрую, что буду спасенъ. Только, Самъ Господи, дай Ты мнѣ биться все время жизни, ища спасенія у Тебя—въ надеждѣ, что не оставишь помощію, ради милости Твоей и ходатайства угодниковъ Твоихъ. Имиже вѣси судьбами, спаси мя!“

Вотъ чувства! Всѣ ихъ прилично назвать *жизнедѣятельностію духовною*. И дѣйствительно, когда они есть, значить—духовная жизнь въ дѣйствиіи; и когда нужно возжечь ослабѣвающую жизнь, надобно стать въ какое-либо изъ этихъ чувствъ. Св. отцы всѣ говорятъ о нихъ,—то о всѣхъ въ совокупности, то по частямъ. И это общій совѣтъ и заповѣдь—непремѣнно стоять въ какомъ-нибудь чувствѣ. Кто выступилъ изъ нихъ, не ищетъ ихъ, не жалѣетъ объ отсутствіи ихъ, тотъ есть охладѣлый и потому состоитъ въ опасности,—замеръ, можетъ быть, и навсегда останется такимъ, то есть въ смерти.

Итакъ, вошедши внутрь, утвердись въ зрѣніи ду-

ховнаго міра и начинай възгрѣвать дѣятельность жизни духовной, или переходи сначала къ помышленію, чтобы потомъ возымѣть и въ чувствѣ показанныя состоянія,—все это есть спасенное устроеніе ума и сердца. Существенное и неизбѣжное приготовленіе къ сему суть внутрь-пребываніе и зрѣніе духовнаго міра. Первое вводитъ, а послѣднее поставляетъ человѣка въ нѣкоторой духовной атмосферѣ, благопріятствующей горѣнію жизни. Потому, можно сказать, только производи эти два приготовительныя дѣланія,—и послѣднее пойдетъ само собою. Жалуются часто: ожестѣло сердце... Не дивно. Не собирается внутрь и не навѣкъ тому, не устанавливается, гдѣ должно, и не знаетъ сердечнаго мѣста,—какъ же быть исправной жизнедѣятельности? Это—то же, что сдвинуть сердце съ мѣста и требовать жизни. Кто воздвигнетъ вѣру, зрящую міръ духовный, и себя въ немъ, тотъ не можетъ не прійти въ тревожное состояніе, не размягчиться; а когда это есть, то послѣ не такъ трудно печатлѣть и другія чувства.

Въ пособіе для сего такъ же, какъ и въ зрѣніи духовнаго міра, берутъ мѣста Писанія, кратко и сильно выражающія то или другое состояніе,—напримѣръ: *пощади Твое созданіе, Владыко; возсмердѣша и согниша раны моя... Аще Сына Своего не пощадѣ... Имиже вѣси судьбами, спаси мя...* и проч.,—и дѣйствуютъ ими, часто повторяя одно и то же до напечатлѣнія.

Не всякое всегда легко чувство, но иногда одно, а иногда другое, и пользоваться должно такими предрасположеніями для скорѣйшаго стяжанія сихъ чувствъ. Оно легко открывается во время утреннее, или должно такъ дѣлать, чтобы въ это время открылось, дабы потомъ цѣлый день быть съ нимъ. Разверзи сердце и совершай молитваніе, и что подвигнется въ сер-

дѣ, при томъ неотступно и будь вниманіемъ. Облеки это чувство Писаніемъ и повторяй его. Дѣйствуя такъ, будешь все въ чувствахъ и скоро навыкнешь дѣланію духовному. Должно, впрочемъ, помнить, что не всегда полезно ожидать предрасположенія: иногда должно дѣйствовать, хотя ничего нѣтъ на душѣ, а иногда, когда есть одно, надобно вытѣснить его другими; ибо, судя по состоянію духа, иногда надобно склониться на одно, а иногда преимущественно на другое чувство. Само собою, что это будетъ самое счастливое строеніе духа, если кто можетъ всѣ ихъ проходить разомъ. Такое совершенство духовной жизнедѣятельности должно поставить цѣлю и искать его. Для того всякій разъ, когда становится кто на молитву, по собраніи внутрь и вступленіи въ міръ духовный, начинать воспроизводить ихъ по порядку, одно за другимъ, сначала хоть въ помышленіяхъ, пока дастъ Господь—и въ чувствахъ. Хорошо для этого избрать какую-либо молитву, въ которой были бы они всѣ, затвердить и перечитывать часто со вниманіемъ. Молитвъ множество въ Псалтири, и всякій можетъ найти по себѣ, ибо не для всякаго одна молитва. Онѣ кратко содержатся въ двѣнадцати дневныхъ и двѣнадцати ночныхъ прошеніяхъ св. Златоуста. Но то несомнѣнно, что нѣтъ надежнѣйшаго средства къ ихъ напечатлѣнію, какъ пребываніе въ церкви на Богослуженіи.

Какъ эти чувства способствуютъ горѣнію духа ревности, очевидно само собою: будь хоть одно, и онъ уже теплится, потому что каждое изъ нихъ входитъ въ его составъ и имѣетъ въ немъ свою частичку. Духъ ревности простъ и единиченъ, но всеобъемлющъ. Начальнымъ чувствомъ всегда долженъ быть страхъ Божій, а заключительнымъ—самоуничи-

женное преданіе себя въ волю Божію, благую, насъ спасающую. Первое выносится изъ зрѣнія духовнаго міра, послѣднее же рождается изъ всѣхъ послѣдующихъ по вѣрѣ. Впрочемъ, какія чувства изъ какихъ и какъ выражаются, опредѣлить нѣтъ возможности,—у всякаго это бываетъ своимъ образомъ. Оттого у святыхъ отцевъ и разныя на то указанія, или разныя объясненія. Большею же частію они предлагаются въ раздробленныхъ наставленіяхъ: имѣй страхъ Божій, вся вмѣни уметы, не люби міра, имѣй себя подъ всѣми и во всемъ себя осуждай, зри грѣхи свои, къ Богу Единому прибѣгай. Совокупность всѣхъ—въ болѣзненномъ, со страхомъ Божіимъ, припаданіи къ Богу со словами: „Господи, имиже вѣси судьбами, спаси мя, я же буду трудиться по силѣ.“ Тутъ—все. Кто навикнетъ поставлять себя въ духъ въ такое чувство, тотъ имѣетъ готовое и безопасное пристанище.

Быть въ какомъ-нибудь чувствѣ очень многозначительно въ духовной жизни. Въ комъ есть оно, тотъ уже—внутри себя, у сердца, ибо мы всегда вниманіемъ въ дѣйствующей части, и если это сердце, то—въ сердцѣ.

Кто внутри себя, тому и міръ духовный открыть. Отсюда видно, что какъ внутри-пребываніе, съ зрѣніемъ иного міра, есть условіе къ възгрѣванію духовныхъ чувствъ, такъ и обратно—послѣднія предполагаютъ первыя и своимъ рожденіемъ вызываютъ ихъ. Совокупнымъ же взаимодѣйствіемъ тѣхъ и другихъ спѣется духовная жизнь. Кто въ чувствѣ, того духъ связанъ и привязанъ, а у кого нѣтъ его, тотъ парить. Потому, чтобы успѣшнѣе пребывать внутри, спѣши до чувства, хотя тоже чрезъ напряженное самовнѣдреніе. Оттого, кто хочетъ остаться съ однимъ собираніемъ

умовымъ, тотъ трудится напрасно: одна минута — и все разлетается. Не дивно послѣ сего, что ученые, при всемъ образованіи, непрестанно мечтаютъ: это — оттого, что работаютъ одною головою.

Нѣтъ нужды въ частности излагать правила и свойства каждаго чувства, — это должно быть предметомъ частныхъ наставленій, размышленій, чтеній. У св. отцевъ они большею частію излагаются отрывочно, въ видѣ изреченій. Главное, чего они искали и что совѣтовали, это понять духовное строеніе и умѣть держать его. Кто достигнетъ сего, тому остается одно правило: будь внутри, имѣй тайное поученіе въ сердцѣ. Тайнымъ поученіемъ они называли зрѣніе какого-нибудь предмета изъ духовнаго міра, или возбужденіе духовнаго чувства посредствомъ какого-либо слова Св. Писанія, или слова отеческаго или молитвеннаго. Такъ у нихъ: поучайся въ памяти Божіей, въ памяти смертной, въ памяти грѣховъ, самоукореніи, то-есть сознай сей предметъ и говори о немъ внутри безпрестанно, — на примѣръ: *камо пойду*, или: *червь, а не человекъ*. Это и подобное, во вниманіи и чувствѣ творимое, есть тайное поученіе.

Отсюда слѣдуетъ, что сокращенно всѣ способы или приемы къ възгрѣванію и содержанію духа ревности можно сократить такъ: вслѣдъ за пробужденіемъ, войди въ себя, стань въ мѣсто свое у сердца, пройди всю жизненную дѣятельность духовную и, остановившись на одномъ чемъ-нибудь, будь въ немъ неисходно. Или еще короче: соберись и твори въ сердцѣ тайное поученіе.

Этимъ средствомъ, при помощи благодати Господней, духъ ревности, въ истинномъ его строеніи, будетъ поддерживаться — и то теплится, то пламенѣть. И это — внутреннимъ путемъ. Надобно знать, что это

есть самый прямой путь къ устроению спасительному. Можно все оставить и заняться только этимъ дѣланіемъ,—и все будетъ идти успѣшно. Напротивъ того, хоть и все будемъ дѣлать, но безъ вниманія къ сему, не будемъ видѣть плода.

Тотъ, кто обращается не внутрь и не къ сему духовному дѣланію, только проволакиваетъ дѣло. Правда, дѣланіе это чрезвычайно трудно, особенно вначалѣ, но зато прямо и плодно. Потому священнику руководствующему надлежитъ какъ можно скорѣе вводить своихъ питомцевъ въ это дѣланіе и утверждать въ немъ. Можно даже вводить въ него прежде всего внѣшняго, но всячески совмѣстно съ нимъ,—и не можно только, но и должно. Это потому, что сѣмя этому дѣланію положено въ обращеніи, въ коемъ все оно проходитъ. Слѣдуетъ только разъяснить его, на толковать, какъ важно, и руководствовать. Тогда и внѣшнее все пойдетъ охотно, спѣшно и зрѣло. Напротивъ, безъ сего оно одно, какъ гнилыя нитки, все будетъ рваться. Замѣть то правило, что надо не вдругъ, а исподоволь; оно должно имѣть великія ограниченія; ибо оно вести можетъ не къ сему внутреннему дѣланію, въ коемъ существо дѣла, а ко внѣшнимъ правиламъ. Потому, несмотря даже на то, что есть люди и такіе, кои восходятъ отвпѣ внутрь, должно остаться неизмѣннымъ правиломъ—входить скорѣе внутрь и здѣсь разогрѣвать духъ ревности.

Кажется, простая вещь; но, не узнавъ о ней, можно долго пропотѣть — и все малоплодно. И это по свойству тѣлесной дѣлательности. Она легче, потому и привлекаетъ; внутренняя же трудна, потому и отталкиваетъ. Но привязавшійся къ первому, какъ вещественному, и самъ въ духѣ постепенно овеществляется, потому хладѣетъ, становится неподвижнѣе и, слѣ-

довательно, все болѣе и болѣе удаляется отъ внутренняго. И выходитъ, что сначала оставить иной внутреннее, будто до времени созрѣнія,—придетъ-де срокъ,—но послѣ, оглянувшись, находить, что срокъ пропущенъ и, вмѣсто подготовленія, онъ вовсе сталъ къ нему неспособнымъ. Опять и внѣшнее не должно оставлять: оно — опора внутренняго, а то и другое должно идти совмѣстно. Очевидно только, что преимущество—за первымъ, ибо служить Богу должно духомъ и кланяться Ему въ духѣ и истинѣ достойно. То и другое должно быть во взаимномъ подчиненіи, по достоинству ихъ удѣльному, безъ насилій другъ другу и насильственнаго раздѣленія.

2. Указаніе упражненій, способствующихъ къ утвержденію въ добръ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣка.

Такимъ образомъ, благодатная внутри, въ духѣ, жизнь будетъ горѣть и разгораться. Ради ревности и усердія человѣка, предающаго себя Богу, благодать будетъ наитствовать его и проникать своею освящающею силою и все болѣе и болѣе, или усвоятъ себѣ. Впрочемъ, на этомъ не можно и не должно останавливаться. Это еще сѣмя, точка опоры. Надлежитъ сдѣлать, чтобы сей свѣтъ жизни проходилъ далѣе и, проникая собою естество души и тѣла и такимъ образомъ освящая ихъ, присвоя себѣ, отрѣвалъ прившедшую неестественную страстность и возводилъ ихъ въ чистый и естественный ихъ видъ,—не оставался въ себѣ, а разливался по всему нашему существу, по всемъ силамъ. Но послѣ силу эти, какъ выше сказано, веѣ пропитаны неестественнымъ, то духъ благодати, чистѣйшій, пришедшій въ сердце, не можетъ прямо и непосредственно входить въ нихъ, будучи преграждаемъ ихъ нечистотою. Посему надлежитъ

утвердить нѣкоторыя средства между духомъ благодати, живущимъ въ насъ, и силами, чрезъ кои онъ переливался бы въ нихъ и цѣлилъ ихъ чрезъ нихъ, какъ чрезъ приложенные къ больнымъ мѣстамъ пластыри. Очевидно, что всѣ эти средства, съ одной стороны, должны носить характеръ и свойства Божественнаго или небеснаго происхожденія, а съ другой—стоять въ совершенномъ согласіи съ нашими силами въ ихъ естественномъ устроеніи и назначеніи, иначе благодать не пройдетъ чрезъ нихъ и силы не извлекутъ себѣ цѣлительности изъ нихъ. Таковы средства должны быть по своему происхожденію и внутреннему свойству. Сами же въ себѣ они не могутъ быть инымъ чѣмъ, развѣ дѣйствіями, упражненіями, трудами, поелику прилагаются къ силамъ, коихъ отличное свойство—дѣйствовать. Итакъ, надобно теперь искать, какія Самъ Богъ, въ Писаніи Своемъ, или чрезъ наученіе святыхъ послѣ него, избралъ и указалъ дѣла и упражненія, какъ средства къ уврачеванію силъ нашихъ и возвращенію имъ потерянной чистоты и цѣлости.

Открыть такого рода упражненія и дѣланія нетрудно, — стоитъ только пересмотрѣть нѣсколько житій мужей подвижавшихся, и они окажутся сами собою. Постъ, трудъ, бдѣніе, уединеніе, удаленіе отъ міра, храненіе чувствъ, чтеніе Писанія и св. отцевъ, хожденіе въ церковь, частая исповѣдь и причащеніе, обѣты и другія дѣла благочестія и добродѣланія,—все это въ совокупности, а иногда преимущественно въ какихъ-нибудь однихъ частяхъ, можно встрѣчать въ каждомъ почти житіи святыхъ отцевъ. Всѣмъ имъ общее имя—подвигъ—какъ бы устрашаетъ, но должно привлекать показанное значеніе, то-есть ихъ цѣлительность. Укажемъ только каждому изъ сихъ подви-

говъ и упражненій свое мѣсто, въ какой силѣ и къ чему какой подвигъ приложить должно.

Чтобъ успѣшнѣе сдѣлать это, покажемъ ходъ всякаго нашего дѣйствія и, слѣдовательно, всей дѣятельности. Всякое дѣйствіе свободное, зарождаясь въ сознаниіи и свободѣ, слѣдовательно, въ духѣ, ниспадаетъ въ душу и силами ея: разсудкомъ, волею и чувствомъ — заготавливается къ исполненію и потомъ исполняется силами тѣла, въ извѣстномъ времени, мѣстѣ и другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Внѣшнее дѣло, большею частію, проходитъ безслѣдно, когда оно не повторено, не замѣчено и не перенято другими. Когда же бываетъ это, то оно переходитъ въ постоянное правило, нравъ, обычай, словно — законъ. Совокупность этихъ обычаевъ составляетъ духъ того общества или круга людей, въ коемъ утверждаются такіе обычаи. Если исходище ихъ хорошо, то и обычаи хороши, и общество хорошо. Если исходище худо, то и обычаи худы, и общество худо. Но въ послѣднемъ случаѣ кто вступилъ въ сіе коловращеніе обычаевъ и нравовъ, тотъ неизбежно рабъ ихъ и, несмотря на трудъ рабства, раболѣпствуетъ безпрекословно. Кто живетъ по-мірски, тотъ раболѣпствуетъ обычаямъ и духу міра. Но и тотъ, кто входитъ свѣжимъ въ сей міръ, неизбежно проникается духомъ его и скоро уравнивается съ другими, ибо эти обычаи суть стіхиі для образованія въ насъ духа грѣховнаго, страстнаго, богоборнаго, потому что сами суть не что иное, какъ ходячія страсти.

Имѣя цѣлю очистити и исправить человѣка, Божественная благодать прежде всего врачуетъ исходище всей его дѣятельности, именно: обращаетъ сознание и свободу къ Богу, чтобъ отсюда потомъ проводить цѣленіе и по всѣмъ силамъ, чрезъ ихъ дѣятельность

собственную, назначаемую имъ, или возбуждаемую въ нихъ изъ исходяща уже исцѣленнаго и освященнаго. Какъ уврачевывается и какъ хранится это исходяще, мы видѣли предъ симъ. Теперь надлежитъ опредѣлить, какія должны исходить изъ него дѣйствія, съ цѣлительною силою, въ томъ значеніи, какое указано предъ симъ. Этимъ, однакожъ, не позволяется самовольное назначеніе сихъ дѣланій, а только то, что они должны быть приняты непринужденнымъ сознаниемъ и свободою, ибо иначе не будетъ отъ нихъ и ожидаемаго плода.

Итакъ, вслѣдъ за образованіемъ и храненіемъ ревности со всѣмъ внутреннимъ устроеніемъ, должно опредѣлить упражненія, указанные въ словѣ Божіемъ и писаніяхъ св. отцевъ, сначала для силъ души, какъ ближайшихъ пріемниковъ всего зачинаемаго въ святилищѣ духа, потомъ для силъ и отправленій тѣла, какъ пріемниковъ созрѣвающаго въ душѣ; наконецъ, и для внѣшняго поведенія, какъ общаго стока всей внутренней дѣятельности или ея поприща и вмѣстѣ образователя. Всѣ сіи упражненія должны быть направляемы такъ, чтобы не погашали, а възрѣвали болѣе духъ ревности, со всѣмъ внутреннимъ устроеніемъ.

Въ душѣ встрѣчаемъ три силы: умъ, волю, сердце или, какъ у св. отцевъ: силу разсудительную, вождительную и раздражительную. Къ каждой изъ нихъ св. подвижниками прилагались особыя врачевательныя упражненія, сродныя съ ними, и пріемательныя и проводительныя, въ отношеніи къ благодати. Ихъ не нужно строить по теоріи, а только выбрать изъ испытанныхъ уже подвиговъ, какія идутъ къ какой силѣ. Такъ:

А. Къ уму: а) чтеніе и слышаніе слова Божія, писаній св. отцевъ и житій угодниковъ Божіихъ.

б) Изученіе и напечатлѣніе всѣхъ истинъ Богоданныхъ въ краткихъ изложеніяхъ (катихизисъ).

в) Вопросеніе опытнѣйшихъ и старѣйшихъ.

г) Взаимное собесѣдованіе и совѣщаніе дружеское.

Б. Къ волѣ: а) строгое соблюденіе всѣхъ подвижническихъ, преднаписываемыхъ теперь, правилъ.

б) Подчиненіе всему уставу церковному.

в) Подчиненіе порядку гражданскому, или должностному и семейному, ибо въ немъ посредствуется воля Божія.

г) Покорность волѣ Божіей въ судьбѣ своей жизни.

д) Вниманіе къ совѣсти въ дѣланіи добрыхъ дѣлъ.

е) Повиновеніе духу, ревнующему объ исполненіи обѣтовъ.

В. Къ сердцу: а) бываніе на св. церковныхъ службахъ.

б) Молитва, Церковію опредѣленная,—правило домашнее.

в) Употребленіе св. креста, иконъ и другихъ священныхъ веществъ и вещей.

г) Соблюденіе священныхъ обычаевъ, учрежденныхъ Церковію и всегда ею предлагаемыхъ.

Тѣло, по естеству, чисто. Потому надлежитъ только устранить отъ его потребностей неестественное и укрѣпиться въ естественномъ для него, или, что тоже, возвратить его къ природѣ. Кромѣ сего, оно должно быть помощникомъ душѣ, какъ всегдашній ея другъ, а потому, кромѣ возвращенія къ предѣламъ естества, удовлетвореніе его потребностей должно быть примѣнено еще къ пользамъ души и духа. Въ удовлетвореніе сихъ требованій, назначается на каждое отправленіе тѣла своего рода упражненіе, какъ средство и для врачеванія тѣлесности нашей, и для пользы духовныхъ.

Сюда относятся правила, коими предписывается:

а) Въ отношеніи къ чувствамъ: храненіе чувствъ вообще, особенно же слуха и глазъ (нервное отправление).

б) Храненіе устъ и языка (мускульное).

в) Бодрость тѣлесная, съ трудомъ и рукодѣліемъ (мускульное).

г) Воздержаніе и постъ (брюшное).

д) Мѣра сна и бдѣнія (брюшное).

е) Тѣлесная чистота (брюшное).

Вообще въ отношеніи къ тѣлу: *утружденіе* (мускульное), *озлобленіе* (нервное) и *изможденіе* (брюшное).

Само собою очевидно, какъ чрезъ такіе подвиги мало-по-малу тѣло возвратится къ своему естеству, станетъ живо и крѣпко (мускульное), свѣтло и чисто (нервное), легко и свободно, и явится приспособленнѣйшимъ орудіемъ для духа нашего и достойнымъ храмомъ Духа Святаго.

Виѣшнее наше—стокъ нашихъ дѣлъ, ихъ поприще, и вмѣстѣ поводъ и поддержка—зарожденіе и окончаніе. Его можно бы оставить въ покоѣ, если бъ оно не воздѣйствовало на насъ обратно. Но, на дѣлѣ, оно сильно властвуетъ и даже править нами. Потому, какъ выраженіе образа дѣятельности силъ или характера внутренняго, при измѣненіи ихъ, и оно должно быть непремѣнно измѣнено. Его поприще—семейство, должность, связи. Итакъ, сюда должно отнести всѣ правила, обязывающія:

а) Оставить злые обычан, всѣ безъ исключенія; затѣмъ—

б) Очистить связи и сношенія, оставляя спасительное и устраниая вредное, и опредѣлить поведеніе или обращеніе съ людьми.

в) По новому порядку распределить или вновь учредить занятія по должности, если они есть.

г) Учредить порядокъ семейныхъ дѣлъ, или вообще приспособленіе дома къ духовной жизни.

Необходимо такъ сдѣлать, чтобы все внѣшнее, съ вещами, лицами, дѣлами, составляло около какъ бы какую духовную атмосферу, питающую и создающую, а не разоряющую.

Вотъ упражненія и подвиги! Употребленіе ихъ должно быть непрерывное; они должны быть при насъ, какъ повязка съ пластыремъ на разныхъ частяхъ нашего состава. Но приспособленнѣйшее мѣсто для нихъ, гдѣ они являться должны въ чистѣйшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ, строжайшемъ, это есть *говѣніе*—спасительнѣйшее учрежденіе св. Церкви, назначенное къ нашему очищенію и освященію чрезъ таинства. Симъ именемъ означается:

1) Прохожденіе всѣхъ подвиговъ, въ совершенномъ видѣ, какъ приготовленіе къ принятію таинствъ.

2) Самое принятіе таинствъ исповѣди и причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ.

Это—упраженія, обнимающія всего человѣка, питающія и духъ, и душу, и тѣло. Ихъ назовемъ *благодатными средствами воспитанія и укрѣпленія духовной жизни*.

Вотъ нѣсколько *общихъ замѣчаній* о всѣхъ сихъ подвигахъ и упражненіяхъ. Всѣ такіе подвиги и упражненія должно проходить каждому подвижнику въ особенномъ, къ нему примѣненномъ, видѣ, потому что сами по себѣ они суть еще какъ бы матеріалы и рамки для правилъ. Правила строятся изъ нихъ—чрезъ приложеніе ихъ ко времени, мѣсту, лицу, обстоятельствамъ и проч. Это и должно быть сдѣлано каждымъ подвизающимся или самимъ, или по руководству сво-

его руководителя и духовнаго отца,—сдѣлано надъ всякимъ упражненіемъ, и потомъ изъ всей совокупности ихъ построены одинъ всеобъемлющій *порядокъ духовныхъ упражненій* или *подвиговъ*, гдѣ всему мѣсто и время, большому и малому. Этотъ порядокъ, равно какъ и правила—не могутъ быть достаточно указаны въ писанномъ руководствѣ, развѣ только въ началахъ. Здѣсь можно только описать каждое упражненіе и показать его цѣлительность и общія начала употребленія.

Нетрудно замѣтить, какъ всѣ такіе подвиги и упражненія соотвѣтственны внутреннему дѣланію. Именно правила внѣшняго поведенія, съ устроеніемъ тѣла, существенно необходимы для сохраненія внутрь-пробыванія и духовнаго сознанія, упражненія же благочестивыя—для духовной жизнедѣятельности. Потому въ жизни духовной сколько существенно внутреннее, столько же существенны и они. У св. отцевъ они называются тѣлеснымъ, вещественнымъ дѣланіемъ, или жизнью дѣятельною, внутреннее же—жизнью созерцательною, а также духовнымъ и умнымъ дѣланіемъ. Это—заблужденіе, будто внутреннее можетъ стоять, хотя и неприиспособлено къ нему внѣшнее; равно какъ и то неправо, если кто останавливается на одномъ внѣшнемъ, забывая внутреннее, какъ оно у насъ указано, или не заботясь о немъ. То и другое должно идти совмѣстно, такъ что все дѣло кратко можно выразить такъ: вошедши въ себя и ставъ въ духовное сознаніе, возбуди жизнедѣятельность, или строй духовный, и потомъ ходи въ построенномъ тобою порядкѣ подвижничества.

Должно при этомъ твердо содержать въ мысли, что упражненія, подвиги, поведеніе, при всей своей существенной необходимости и полной годности, для хра-

ненія и образованія духовной жизни и возстановленія естества, силу къ тому имѣють не сами отъ себя, — не они созидаютъ духъ и очищаютъ природу, а благодать Божія, проходящая чрезъ нихъ и получающая какъ бы доступъ, протокъ къ нашимъ силамъ. Потому ходи въ нихъ со всеѣмъ тщаніемъ, ревностію, постоянствомъ; но самое свое преспѣваніе предавай Господу, чтобы, подъ прикрытіемъ ихъ, Онъ Самъ созидаль насъ, какъ хочетъ и вѣдаетъ. Вступая въ подвигъ, не на немъ останавливай вниманіе и сердце, но минуй его, какъ нѣчто стороннее, — разверзай себя для благодати, какъ готовый сосудъ, полнымъ себя Богу преданіемъ. Кто находитъ благодать, тотъ находитъ ее посредствомъ вѣры и рачительности, говоритъ св. Григорій Синаитъ, а не посредствомъ одной рачительности. Какъ ни исправно будетъ наше дѣланіе, но коль скоро не предаемся при немъ Богу, не привлекаемъ благодати, оно созидаетъ не духъ въ насъ истинный, а духъ лестчій, производитъ фарисея. Благодать — душа ихъ. Они потолику истинны, поколику питаютъ и хранятъ самоуничженіе, сокрушеніе, страхъ Божій, нужду въ помощи Божіей и преданность Богу. Сытость и довольство отъ нихъ — знакъ неистиннаго ихъ употребленія, или неразумія.

Вотъ весь порядокъ названнаго нами положительнаго дѣланія, или начала самопринужденія. Слѣдуетъ теперь раскрыть каждое изъ нихъ въ отдѣльности, хотя въ общихъ чертахъ.

1) Упражненія, способствующія къ образованію душевныхъ силъ по духу христіанской жизни.

Силъ три: умъ, воля и чувство. Соотвѣтственно имъ распредѣляются и упражненія. Прямо они обращаются на образованіе силъ, но такъ, чтобы не погашался

тѣмъ духъ, но, напротивъ, возгарался болѣе и болѣе. Послѣднее служить мѣрою и остепененіемъ перваго, которое подчиняется ему до безмолвной покорности или совершеннаго прекращенія.

А) Упражнения, образующія умъ, съ возгрѣваніемъ и жизни духовной.

Христіанское образованіе ума есть напечатлѣніе въ немъ всѣхъ истинъ вѣры столь глубоко, чтобъ онѣ составляли его существо, или чтобъ онъ состоялъ изъ нихъ однѣхъ, такъ чтобы, когда онъ станетъ разсуждать о чемъ, разсуждалъ или повѣрялъ все познаваемое по нимъ и, вообще, безъ нихъ не могъ бы и движенія малаго сдѣлать. У Апостола названо это содержаніемъ *образа здравыхъ словесъ*.

Упражнения или дѣланія, сюда относящіяся, суть: чтеніе и слышаніе слова Божія, отеческихъ писаній, житій св. отцевъ, взаимное собесѣдованіе и вопрошеніе опытнѣйшихъ.

Хорошо—читать или слушать, лучше—взаимное собесѣдованіе, а еще лучше—слово опытнѣйшаго.

Плодоносѣе—слово Божіе, а за нимъ—отеческія писанія и житія святыхъ. Впрочемъ, нужно знать, что житія лучше для начинающихъ, писанія отеческія—для среднихъ, Божіе же слово—для совершенныхъ.

Всѣ эти—и источники истинъ, и способы почерпать ихъ, очевидно, способствуютъ и напечатлѣнію ихъ въ умѣ, и, вмѣстѣ, поддержанію духа ревности.

Часто одинъ текстъ возгрѣваетъ духъ не на одинъ день; есть житія, о коихъ одно воспоминаніе возставляетъ жаръ ревности; есть мѣста у св. отцевъ всевозбудительныя. Посему есть доброе правило: выписыв-

вать такія мѣста и хранить, на случай нужды, для возбужденія духа.

Часто ни внутреннее, ни ви́шнее дѣланіе не помогаетъ — духъ остается въ усыпленіи. Спѣши читать что-нибудь изъ чего-нибудь. Это не поможетъ,—бѣги къ кому-нибудь на бесѣду. Послѣдняя съ вѣрою рѣдко остается безъ плода.

Есть два рода чтенія: одно—рядовое, почти механическое, а другое—избирательное, по требованію духовныхъ нуждъ, съ совѣта. Но и первое бесполезно. Оно, впрочемъ, приличнѣе утвердившимся уже, которые какъ бы только повторяютъ, а не изучаютъ.

Всенеобходимо имѣть всякому человѣка для бесѣды о вещахъ духовныхъ, который уже зналъ бы все наше и которому можно бы смѣло открывать все, что бываетъ на душѣ. Лучше, если такой одинъ, много—два. Бесѣдъ же праздныхъ, для одного препровожденія времени, всячески должно избѣгать.

Вотъ правила чтенія:

Предъ чтеніемъ должно упразднить душу отъ всего.

Возбудить потребность знать то, о чемъ читается.

Обратиться молитвенно къ Богу.

Читаемое слѣдить вниманіемъ и все слагать въ отверстое сердце.

Что не дошло до сердца, на томъ стой, пока дойдетъ.

Очевидно, что читать должно весьма медленно.

Прекратить чтеніе, когда душа не хочетъ уже чтаніемъ питаться, — сыта, значить. Если, впрочемъ, поразить душу какое мѣсто, стой на немъ и не читай болѣе.

Лучшее время для чтенія слова Божія—утро, житій—послѣ обѣда, св. отцевъ—незадолго предъ сномъ.

Можно, слѣдовательно, касаться всего понемногу каждый день.

При такихъ занятіяхъ, постоянно должно содержать въ мысли главную цѣль—напечатлѣніе истинъ и возбужденіе духа. Если это не приносится чтеніемъ или бесѣдою, то они—праздное чесаніе вкуса и слуха, пустое совопросничество. Если совершается это съ умомъ, то истины и напечатлѣваются, и возбуждаютъ, и одно помогаетъ другому; а если отступается отъ праваго образа, то нѣтъ ни того, ни другого: истины набиваются въ голову, какъ песокъ, и духъ хладѣетъ и черствѣетъ, надымается и кичитъ.

Напечатлѣніе истинъ—не то же, что ихъ изслѣдованіе. Здѣсь требуется только: уясни истину и держи въ умѣ, пока срастворится съ нимъ, безъ доводовъ, ограниченій, одинъ ликъ истины.

Потому, легчайшимъ способомъ къ сему законно можно почестъ слѣдующее: истины всѣ—въ катихизисѣ. Каждое утро бери оттуда истину и уясни ея, носи въ умѣ и питайся ею, сколько будетъ питаться душа, девъ, два и болѣе; то же сдѣлай съ другою и такъ—до конца. Способъ легкій и общеприложимый. Не умѣющій читать, спроси одну истину и ходи съ нею.

Видимо, что законъ для всѣхъ: напечатлѣвай истины такъ, чтобъ онѣ возбуждали. Способы же выполненія его разнообразны, и одного для всѣхъ указать никакъ нельзя.

Слѣдовательно, чтеніе, слушаніе, бесѣда, не напечатлѣвающія истинъ и не возбуждающія духа, должны быть почитаемы неправыми, уклонившимися отъ истины. Это—болѣзнь многочтенія по одной пытливости, когда однимъ умомъ слѣдятъ за читаемымъ, не доводя до сердца, не улаждая его вкуса.

Это есть наука мечтать, не созидающая, не учащая, а разоряющая, всегда ведущая къ кипченію. Все дѣло, какъ сказано, ограничить должно слѣдующимъ: уясни

истину и содержи въ умѣ, пока вкусить сердце. У св. отцевъ говорится просто: помни, содержи въ умѣ, имѣй предъ глазами.

Б) Упражненія для образованія воли съ обращеніемъ и на возбужденіе духа.

Образовать волю, значитъ напечатлѣть въ ней добрыя расположенія или добродѣтели: смиреніе, кротость, терпѣніе, воздержаніе, уступчивость, услужливость и проч.—такъ, чтобъ они, сорастворившись или сросшись съ нею, составили какъ бы ея природу и чтобы, когда предпринимается что волею, предпринималось по возбужденію ихъ и въ ихъ духѣ, чтобы, то-есть, они стали правителями и царствовали надъ дѣлами нашими.

Такое настроеніе воли есть самое безопасное, прочное; но поелику оно противоположно настроенію грѣховному, то стяжаніе его составляетъ трудъ и потъ. Потому и дѣланія, относящіяся сюда, преимущественно направляются противъ главной немощи воли, то-есть своеволія, непокорности, нетерпѣнія ига.

Недугъ этотъ врачуется покореніемъ волѣ Божіей, съ отверженіемъ своей и всякой другой. Воля же Божія открывается въ разныхъ видахъ послушанія, лежащихъ на каждомъ. Первое и главнѣйшее требованіе ея есть храненіе законовъ или заповѣдей, по своей, каждаго, должности или званію; затѣмъ — храненіе устава Церкви, требованій порядка гражданственнаго и семейнаго, требованія обстоятельствъ, кои отъ воли промыслительной, требованія духа ревнующаго, все съ разсужденіемъ и совѣтомъ.

Все это — поприща для дѣлъ правыхъ, кои открыты для всякаго, и притомъ все. Потому умѣй только рас-

поряжаться, и не восчувствуешь скудости средствъ къ образованію воли.

Для сего уясни себѣ всю сумму дѣлъ правыхъ, возможныхъ для тебя, въ твоёмъ мѣстѣ, званіи, обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ и того, когда, какъ, въ какой мѣрѣ и что можно и должно исполнить.

Уяснивши все, опредѣли общій очеркъ дѣлъ и ихъ порядокъ, чтобы все творимое не было нечаянно, памятуя притомъ, что этотъ порядокъ умѣстенъ только вообще, въ частности же онъ можетъ быть измѣняемъ по требованію хода дѣлъ. Все съ разсужденіемъ твори.

Потому лучше каждодневно перечислять возможные случаи и возможные дѣла.

Павыкшіе въ дѣланіи правомъ никогда ничего не опредѣляютъ, а дѣлаютъ всегда то, что Богъ пошлетъ, ибо все отъ Бога; случаями Онъ открываетъ намъ Свои опредѣленія.

Все это, впрочемъ, только дѣла. Хожденіе въ нихъ дѣласть только исправнымъ. Чтобы чрезъ нихъ востечь и къ добродѣтелямъ, надлежитъ напряженно держать духъ истиннаго добродѣланія: именно—со смиреніемъ и страхомъ Божиимъ все твори по волѣ Божіей и во славу Божию. Кто творитъ по самонадѣянности, со смѣлостію до дерзости, въ самоугодіе или челоуѣкоугодіе, тотъ хотя и въ правыхъ дѣлахъ, образуетъ въ себѣ злой духъ самоправедности, киченія и фарисейства.

Содержа правый духъ, должно памятовать и законы, преимущественно законъ постепенности и непрерывности: то-есть, всегда начинай съ меньшаго и восходи къ высшему и потомъ, начавши дѣлать, не останавливайся.

Этимъ избѣжать можно:

Смущенія, что несовершенно, ибо не вдругъ; придетъ еще время.

Мысли, что все уже сдѣлалъ, ибо степенямъ конца нѣтъ. *Заносчивой* предприимчивости, подвиговъ выше силъ.

Послѣдній предѣлъ — естественность добродѣланія, когда уже *законъ не лежитъ* бременемъ.

Успѣшнѣе всѣхъ достигаетъ сего тотъ, кто сподобится благодати жить вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ и дѣющимъ, а еще успѣшнѣе, если онъ у него подь наукою. Не нужно будетъ дѣлать снова и передѣлывать допущенное отъ неумѣнья и ненавыкновенія. Не читай, не размышляй, какъ говорится, а найди благоговѣйнаго, и тотчасъ научишься страху Божию. То же можно приложить и ко всякой другой добродѣтели.

Хорошо впрочемъ, судя по себѣ, своему характеру и мѣсту, избрать преимущественно одно добродѣланіе и держаться его неуклонно, — оно будетъ грунтовое, какъ канва, — по нему и на другія переходить. Это спасительно при расслабленіи, — сильно напоминаетъ и скоро возбуждаетъ. Надежнѣе всѣхъ подаваніе мпlostыни, которая до Царя ведетъ.

Впрочемъ, это касается только дѣлъ, а не расположеній, у которыхъ долженъ быть свой внутренній строй, зиждущійся въ духѣ, нѣкоторымъ образомъ независимо отъ сознанія и свободы, какъ Господь дастъ. Началомъ его всѣми святыми признается страхъ Божій, а концомъ — любовь; въ срединѣ строятся всѣ добродѣтели одна изъ другой, хоть и не у всѣхъ одинаково, но непремѣнно на смиренномъ и сокрушенномъ покаяніи и болѣзнованіи о грѣхахъ. — Это соки добродѣтелей. Изображеніе каждой добродѣтели, ея свойства, дѣланія, совершенства степени, уклоненія — есть предметъ особыхъ книгъ и отеческихъ наставленій. Все это познавай посредствомъ чтенія.

Такого рода добродѣланіе прямо образуетъ волю и напечатлѣваетъ въ ней добродѣтели; но въ то же время оно держитъ и духъ въ постоянномъ напряженіи. Какъ треніемъ возбуждается теплота, такъ и дѣлами добрыми възгрѣвается усердіе. Безъ нихъ и добрый духъ хладѣетъ и испаряется. Этому обыкновенно подвергаются недѣлатели, или люди, ограничивающіеся недѣланіемъ зла и неправды. Нѣтъ, надобно назначать и избирать и дѣла добрыя. Есть, впрочемъ, и слишкомъ хлопотливые дѣлатели, которые потому такъ скоро истощаются и разсѣиваютъ духъ. Всему мѣра.

В) Образованіе сердца.

Образовать сердце значитъ воспитать въ немъ вкусъ къ вещамъ святымъ, Божественнымъ, духовнымъ, чтобы, обращаясь среди нихъ, оно чувствовало себя какъ бы въ своей стихіи, находило въ томъ сладость, блаженство, ко всему же другому было равнодушно, не имѣло вкуса и даже болѣе—имѣло къ тому отвращеніе. Къ сердцу сходится вся духовная дѣятельность человѣка: въ немъ отпечатлѣваются истины, въ него вѣдряются и добрыя расположенія; но главное собственное его дѣло—это показанный нами вкусъ. Когда умъ зреть все строеніе міра духовнаго и разные его предметы, или въ волѣ спѣются разныя благія начинанія, — сердце подъ ними должно во всемъ этомъ ощущать сладость и издавать теплоту. Это соуслажденіе духовному есть первый признакъ оживленія умершей души отъ грѣха. Потому образованіе его—очень важный моментъ даже въ начаткахъ.

Дѣланіе, направленное къ нему, есть все вообще наше священнослуженіе во всѣхъ его видахъ—и общее и частное, и домашнее и церковное, а главнымъ образомъ -- движущійся въ немъ духъ молитвенный.

Священнослуженіе, т. е. всѣ дневныя службы, со всѣмъ устроеніемъ храма, иконами, свѣчами, кажде-ніемъ, пѣніемъ, чтеніемъ, дѣйствованіемъ, а также службы на разные потребности, потомъ служеніе домашнее, тоже съ вещами церковными—освященными иконами, елеемъ, свѣчами, водою святою, крестомъ, ладаномъ—вся эта совокупность вещей священныхъ, дѣйствующая на всѣ чувства—зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе, вкусъ—суть *оттиратели* чувствъ у омертвѣлой души, сильные и единственно-вѣрные. Душа омертвѣла отъ духа міра, обладающаго ее чрезъ живущій въ ней грѣхъ. Все строеніе церковнослуженія нашего и своимъ строеніемъ, и значеніемъ, и силою вѣры, и особенно сокрытою въ немъ благодатию—имѣетъ непреодолимую силу отвѣвать духъ міра и, освобождая душу отъ его тяготящаго вліянія, даетъ возможность вздохнуть какъ бы свободно и вкусить сладость этой духовной свободы. Вступившій въ храмъ вступаетъ совсѣмъ въ другой міръ, вліяется отъ него, и соотвѣтственно тому измѣняется. То же бываетъ и съ тѣмъ, кто окружаетъ себя священными вещами. Частость впечатлѣнія духовнаго спѣшнѣе проникаетъ внутрь и скорѣе оканчивается преобразованиемъ сердца. Итакъ:

1) Слѣдуетъ учредить возможно частое пребываніе въ храмахъ на церковныхъ службахъ и обыкновенно на утрени, литургіи, вечерни. Имѣть стремленія къ тому и, при первой-возможности, быть тамъ каждоедневно и хоть однажды, а если можно даже безвыходно. Нашъ храмъ есть рай на землѣ или небо. Спѣши въ храмъ по вѣрѣ, что онъ — мѣсто селенія Божія, гдѣ Онъ Самъ обѣщаль скорѣе услышать; пребывая въ храмѣ, будь, какъ предъ Богомъ, въ страхѣ и благоговѣніи, которыя вырази терпѣливымъ стоя-

ніемъ, поклопами, вниманіемъ къ служенію вообще, безъ расхищенія мыслей, ослабленія и небрежности.

2) Слѣдуетъ не забывать и другихъ священнослуженій, частныхъ, въ храмѣ ли то, или въ домѣ совершаемыхъ, а равно и своего домашняго молитвованія со всѣмъ церковнымъ устроеніемъ. Должно помнить, что это есть только дополненіе нѣкое служенія церковнаго, а не замѣна его. Апостоль, заповѣдуя не лишать себя собраній, давалъ знать, что вся сила служенія принадлежитъ служенію общему.

3) Слѣдуетъ совершать всѣ церковныя торжества, обряды и обычаи, вообще весь уставъ, и обложить себя имъ во всѣхъ исходницахъ, такъ чтобы постоянно пребывать какъ бы въ нѣкоторой особой атмосферѣ. Это сдѣлать легко. Таково устроеніе нашей Церкви. Прими только съ вѣрою.

Но главнымъ образомъ, что даетъ силу церковному служенію, это—молитвенный духъ. Молитва—это есть какъ обязанность всеобъемлющая, такъ и средство вседѣйственное. Ею и истины вѣры напечатлѣваются въ умѣ, и добрые нравы—въ волѣ; но преимущественно оживляется сердце въ чувствахъ своихъ. Тогда только снѣжно идутъ и первые два, когда есть это одно. Потому образованіе молитвы должно быть начато прежде всего и продолжаемо постоянно, неутомимо, пока не дастъ Господь молитву молящемуся.

Начатки молитвы полагаются въ самомъ обращеніи, ибо молитва есть устремленіе ума и сердца къ Богу, что и есть въ обращеніи. По невниманіемъ или неумѣніемъ можно погасить въ себѣ эту искру. Затѣмъ, тотчасъ и должно начать извѣстнаго рода дѣланія, съ цѣлію възрѣвать духъ молитвенный. Кромѣ отправленія служеній и участія въ нихъ, о коихъ было сказано, ближе прямо сюда относится молитвованіе свос-

личное, гдѣ бы и какъ бы оно ни совершалось. Тутъ правило одно: навькни молиться. Для сего:

1) Избери правило молитвословія —вечерняго, утренняго и дневного.

2) Правило небольшое сначала, чтобы не отвратить непривыкшаго духа къ сему дѣланію и труду.

3) По совершать его должно всегда со страхомъ, тщаніемъ и всѣмъ вниманіемъ.

4) Здѣсь требуется: стояніе, поклоны, колѣнопреклоненіе, крестное знаменіе, чтеніе, иногда пѣніе.

5) Чѣмъ чаще становится на такую молитву, тѣмъ лучше. Иные дѣлаютъ это на каждый часъ: не много, но чаще.

6) Какія читать молитвы, это положено въ молитвенникахъ. Но хорошо навькнуть къ одной какой-либо, чтобы, начавъ ее, тотчасъ загорался духъ.

7) Правило молитвословія просто: ставъ на молитву, со страхомъ и трепетомъ говори ее какъ въ уши Божіи, сопровождая крестомъ, поклонами и паденіемъ ницъ, соотвѣтственно движенію духа.

8) Правило принятое непремѣнно всегда исполнять должно, но это не препятствуетъ, по требованію сердца, и прибавлять.

9) Чтеніе и пѣніе вслухъ, или шепотомъ, или молча—все одно, ибо Господь близъ. Но иногда лучше тѣмъ, иногда другимъ способомъ совершать все молитвословіе.

10). Твердо должно содержать въ мысли предѣлъ молитвы. Та молитва хороша, которая оканчивается припаденіемъ къ Богу съ чувствомъ: *илиже вси судьбыми, спаси мя.*

11) Есть степени молитвы. Первая степень—молитва тѣлесная, болѣе въ читаніи, стояніи, поклонахъ. Выпмавіе отбѣгаетъ, сердце не чувствуетъ, охоты нѣтъ:

туть—терпѣніе, трудъ, потъ. Несмотря, однакожь, на то, положи предѣлы и дѣлай молитву. Это—дѣлательная молитва. Вторая степень—молитва внимательная: умъ привыкаетъ собираться въ часъ молитвы и всю ее проговорить съ сознаниемъ, безъ расхищенія. Вниманіе срастворяется съ словомъ писаннымъ и говорить какъ свое. Третья степень—молитва чувства: отъ вниманія согрѣвается сердце, и что тамъ въ мысли, то здѣсь становится чувствомъ. Тамъ—слово сокрушительное, а здѣсь—сокрушеніе; тамъ—прошеніе, а здѣсь—чувство нужды и потребность. Кто перешелъ къ чувству, тотъ безъ слова молится, ибо Богъ есть Богъ сердца. Потому это и есть предѣлъ молитвеннаго воспитанія—ставъ на молитву, переходить отъ чувства къ чувству. При семъ чтаніе можетъ прекращаться, равно какъ и мышленіе, а пусть будетъ только пребываніе въ чувствѣ съ извѣстными молитвенными знаками. Такая молитва сначала приходитъ помалу. Въ церкви или дома нападаетъ чувство молитвенное... И вотъ общій святыхъ совѣтъ—не пропускать этого безъ вниманія: то-есть, когда чувство есть, прекрати всякое другое дѣланіе и стой въ немъ. Св. Лѣстничникъ говоритъ: „Ангель молится съ тобою“. Вниманіемъ къ этимъ проявленіямъ молитвы спѣется воспитаніе молитвы, а невниманіемъ разоряется: въ воспитаніи же и дѣло.

12) Какъ бы, впрочемъ, ни полагалъ себя кто усовершенствовавшимся въ молитвѣ, правила молитвеннаго оставлять никогда не должно, а творить его, какъ указано, и всегда начинать съ молитвы дѣлательной. Съ нею должна быть умная, а за ними придетъ и сердечная. Безъ этого растеряются сін послѣднія, и человѣкъ будетъ думать, что молится, а на дѣлѣ этого не будетъ.

13) Когда молитвенное чувство взойдетъ до непрерывности, тогда начинается молитва духовная, которая есть даръ Духа Божія, молящагося за насъ,—последняя степень молитвы постигаемой. Но есть, говорить, еще и непостигаемая умомъ молитва, или заходящая за предѣлы сознанія (такъ у св. Исаака Сиріаннина).

14) Легчайшее средство восхожденія къ непрерывности въ молитвѣ есть навывковеніе молитвѣ Иисусовой и вкорененіе ея въ себѣ. Опытнѣйшіе мужи въ духовной жизни, Богомъ вразумленные, нашли это одно простое и вмѣстѣ вседѣйственное средство къ утвержденію духа во всѣхъ духовныхъ дѣланіяхъ, равно какъ и во всей духовной подвижнической жизни, и въ наставленіяхъ своихъ оставили подробныя о ней правила.

Трудясь и подвижничествуя, ищемъ очищенія сердца и возстановленія духа. Къ этому два пути: дѣятельный, то-есть хожденіе въ тѣхъ подвигахъ, кои указаны предъ симъ, и умозрительный — обращеніе ума къ Богу. Тамъ душа очищается и приемлетъ Бога; здѣсь Богъ зримый сожигаетъ всякую нечистоту и приходитъ вселиться въ очищенную душу. Заключая последнее въ одной молитвѣ Иисусовой, Григорій Синаитъ говорить: „Бога стяжаваемъ или дѣланіемъ и трудомъ, или художнымъ призываніемъ имени Иисусова“, и потомъ прилагаетъ, что первый путь длительнонѣе послѣдняго, — послѣдній скорѣе и дѣйственнѣе. Вслѣдствіе сего, иные первое между подвигами мѣсто давали молитвѣ Иисусовой. Она просвѣщаетъ, укрѣпляетъ, оживляетъ, всѣхъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ, побѣждаетъ и къ Богу возводитъ. Такая всемогущая и вседѣйственная! Имя Господа Иисуса — сокровище благъ, силъ и жизни въ духѣ.

Отсюда само собою слѣдуетъ, что всякому покаяв-

шешуся, или начавшему искать Господа, можно и должно на первый же разъ и преподавать полное наставленіе въ дѣланіи молитвы Исусовой, а съ нею уже вводить и во все другія, потому что этимъ путемъ скорѣе укрѣпиться можно, скорѣе прозрѣть духовно и войти до мира внутренняго. Не зная сего, иные, или большая часть — останавливаются на тѣлесныхъ и душевныхъ дѣланіяхъ и почти праздно иждиваютъ труды и время.

Дѣланіе это названо „художествомъ.“ И оно очень просто. Стоя сознаниемъ и вниманіемъ въ сердцѣ, произноси непрестанно: *Господи Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя*, безъ всякаго образа и лика, повѣрь, что Господь зрѣтъ тебя и внимаетъ тебѣ.

Чтобы утвердиться въ этомъ, должно назначать извѣстное время утромъ или вечеромъ, четверть, полчаса и болѣе, кто сколько можетъ, на то, чтобы только творить эту молитву. Это послѣ утренней и вечерней молитвы, стоя или сидя. Этимъ положатся начатки навыкновенію.

Потомъ днемъ поминутно напрягаться творить се, кто что бы ни дѣлалъ.

Больше и больше будетъ стяжательство навыкъ, и ова станетъ твориться какъ бы сама, при всякомъ дѣлѣ и занятіи человѣка. Чѣмъ кто рѣшительнѣе возьмется, тѣмъ скорѣе успѣваетъ.

Непремѣнно должно держать сознание у сердца и во время дѣланія стѣснять мало дыханіе, въ изъявленіе напряженія, съ коимъ творится.

Но условіе высшее — вѣра, что Богъ близъ и слышитъ насъ. Говори молитву въ слухъ уха Божія.

Навыкновеніе это низводитъ теплоту въ духъ, а далѣе просвѣтленіе, потомъ и восхищеніе. Но все это достигается иногда годами.

Сначала молитва эта долго есть только дѣлательная, какъ и всякое дѣланіе, потомъ переходитъ въ умность и, наконецъ, виѣдряется въ сердце.

Бываютъ уклоненія отъ праваго пути этой молитвы. Потому надо поучиться ей у того, кто знаетъ ее. Заблужденія больше оттого, кто гдѣ вниманіемъ — въ головѣ или въ груди.

Кто въ сердцѣ, тотъ безопасенъ. Еще безопаснѣе, кто болѣзненно припадаетъ къ Богу на всякъ часъ въ сокрушеніи, съ молитвою объ избавленіи отъ прелестей.

Святые отцы подробно изложили ученіе о семъ дѣланіи. Посему, принявшемуся за это дѣло и должно ихъ прочитывать, все же другое кинуть. Лучшія наставленія: у Исихія, въ предисловіяхъ старца Василия, въ жизни Паисія; у Григорія Синаита, Филовея Синайскаго, Θεоплпта, Симеона новаго Богослова, у Нила Сорскаго, у священно-инока Дорофея (русскаго).

Кто навькнетъ сему, проходя и все прежде показанное, тотъ есть мужъ-дѣлатель христіанской жизни. Быстро онъ будетъ зрѣть въ очищеніи себя и христіанскомъ совершенствѣ и достигнетъ желаннаго мира въ Богообщеніи.

Вотъ дѣланія для силъ души, съ приспособленіемъ ихъ вмѣстѣ и къ движеніямъ духа. Здѣсь видимъ, какъ каждое изъ нихъ приспособлено къ жизни духа, или чувствамъ духовнымъ. Но они же ведутъ и къ укрѣпленію начальныхъ условій внутри-пребыванія, а именно: дѣланія умовыя — къ собранію вниманія, дѣланія воли — къ бодренности, а дѣланія сердца — къ трезвенію. Молитвованіе же или молитва покрываетъ всѣ ихъ и всѣ совмѣщаетъ; даже въ производствѣ своемъ она есть не что иное, какъ внутренняя, прежде изъясненная дѣятельность.

Всѣ эти дѣланія назначены къ образованію силъ души, по духу новой жизни. Это то же, что одуховленіе души, или возвышеніе ея въ духъ и сораствореніе съ нимъ. Въ паденіи они соединены на противное. Въ обращеніи возстановленъ духъ; но душа осталась съ жестокою выею непокоривости и нехотѣнія духа и духовнаго. Эти дѣланія, проникнутыя духовными стихіями, сродняютъ ея съ духомъ и срастворяютъ. Отсюда очевидно, какъ существенно они необходимы и какъ худо дѣлаютъ увольняющіе себя отъ нихъ. Они сами причиною того, что у нихъ трудъ идетъ безъ плода, — потѣютъ, но не видятъ плода, затѣмъ скоро остываютъ и всему конецъ.

По тутъ же должно помнить, что весь плодъ ихъ отъ духа ревности и исканія. Онъ проводитъ возстановительную силу благодати чрезъ тѣ дѣланія и низводитъ въ душу оживленіе. Безъ него всѣ эти дѣланія пусты, хладны, безжизненны, сухи. Малоплодны чтенія, поклоны, службы и все другое, когда нѣтъ внутренняго духа. Это дѣланіе можетъ научить тщеславію и фарисейству и имъ однимъ поддерживаться. Посему все опадаетъ, когда встрѣтятся противности у того, кто духа не имѣетъ. Да и сами по себѣ онѣ утомительны. Духъ же передаетъ душѣ силу, по коей она сытости въ сихъ дѣланіяхъ не находитъ и желала бы въ нихъ однихъ и обращаться всегда.

Такъ-то крайне нужно, при сихъ дѣланіяхъ, всегда имѣть въ виду, чтобы горѣлъ духъ жизни, со смиреннымъ и болѣзненнымъ припадениемъ къ Богу, Спасителю нашему; а это лучше всего питается и хранится молитвою и дѣланіями молитвенными. Смотрѣть надо и блюстись, чтобы на нихъ однихъ не остановиться, потому что они и для души питательны. Можно, потому, остаться душевнымъ при нихъ, съ

ущербомъ для духа. Болѣе всего это случиться можетъ съ чтеніемъ и, вообще, познаниемъ и усвоеніемъ истины.

2) Держаніе тѣла по духу новой жизни.

Отличительная черта здѣсь есть стѣсненіе плоти. Стѣснить плоть значить не творить ей никакого угодія въ похоти, или не творить ничего съ услажденіемъ. Ни пищи, ни питія, ни сна, ни движенія, ни смотрѣнія, ни слышанія, ни другихъ чувствъ впечатлѣній не принимать такъ, какъ бы это было благо, а принимать, какъ будто мимоходомъ, нѣчто стороннее, безъ вниманія къ тому, и прежде и послѣ, и даже болѣе — съ нѣкоторымъ лишеніемъ, не по мѣрѣ желанія плоти, а по мѣрѣ разума и благого предложенія. Дай тѣлу потребное съ малымъ лишеніемъ и, оставя его, весь обратись къ душѣ. У св. отцевъ это называется бѣганіемъ покоя плоти — недуга самаго опаснаго и Богу противнаго. Кто жалѣетъ плоть, въ томъ не можетъ пребывать Духъ Божій. И частное, урывками, отъ невниманія и разлѣненія происходящее угодіе плоти охлаждаетъ. Что же сказать о тѣхъ, у коихъ плотское услажденіе стало закономъ? Упокоеніе плоти для духа есть то же, что вода для огня. Плоть — сѣдалище всѣхъ страстей, какъ учить Кассіанъ и какъ можно повѣрить всякому опытомъ, потому и стѣсненіе ея есть изсушеніе страстей. Кто даже въ маломъ чемъ угождаетъ плоти, тому нельзя быть внутри; онъ — въ томъ, чѣмъ угождается плоть, потому не собранъ и, слѣдовательно, хладенъ. Душа, приникшая къ плотскому, срастворяется съ нимъ; отъ того бременѣетъ, тяготѣетъ къ землѣ, неспособна свободно зрѣть умомъ духовное. Напротивъ, какъ чисто зрѣніе у стѣснившаго плоть, какъ легко онъ тяготѣ-

еть внутрь, какъ безпріютны у него страсти, вообще— какъ оживаетъ ощутительно духовная въ цемь жизнь! *Толко внѣшній сей тлѣетъ, толко внутренній обневляется по вся дни.* Плоть, если крѣпнетъ, крѣпнетъ на счетъ духа; и духъ, если зрѣетъ, то зрѣетъ не иначе, какъ на счетъ упокоенія плоти. Ни у одного святаго не находимъ льготной жизни: все жили сурово, въ стѣсненіи, ослабленіи, изсушеніи, озлобленіи плоти. Затѣмъ у св. Исаака Сиріаина стѣсненіе плоти почитается условіемъ спасенія. Жалѣющій плотъ стоитъ на пути прелестномъ, скользкомъ, обманчивомъ, мнительномъ.

Стѣснить плотъ должно во всехъ ея частяхъ, членахъ и отправленіяхъ, чтобы представить все члены ея орудіями правды.

Изъ членовъ тѣлесной нашей жизни одни—животно-душевные, ближайшія орудія душевной дѣятельности, а другіе—чисто-животные, орудія животной экономіи, питанія и ращенія. Первые болѣе имѣють свободы, менѣе связаны; послѣдніе связаны, плотяныѣ, грубыѣ.

Къ первымъ относятся: чувства, языкъ, движеніе; къ послѣднимъ: питаніе, сонъ, половое отправленіе и разныя накомжныя впечатлѣнія—теплоты, холода, мягкости и проч.

Отсюда слѣдующія правила плоти-стѣсненія:

1) Владѣй чувствами, особенно зрѣніемъ и слухомъ, связи подвижность, держи языкъ. Кто не обуздываетъ спѣхъ трехъ, того внутреннее—въ расхищеніи, въ расслабленіи и плѣнѣ; того даже иѣтъ внутри; ибо это суть проходы души изнутри вовнѣ, или окна, выступающія внутреннюю теплоту.

2) Власть свою надъ ними выражай насильнымъ влеченіемъ ихъ къ предметамъ благопотребнымъ телерь. Прежде они неудержимо стремились туда, гдѣ

могла питаться самость и болѣе главная страсть. Теперь надобно обращать ихъ туда, что созидаетъ духъ.

3) Измѣрь потребную плоти пищу, простую, здоровую, взвѣсь ее мѣрою и вѣсомъ, опредѣли качествомъ и часомъ, и будь въ томъ покоснѣ. То же дѣлай со сномъ. Умертви половое отправление изсушеніемъ плоти. Совнѣ же держи плоть въ нѣкоемъ озлобленіи, въ холодномъ, жестокомъ и проч., чтобы не было нѣжности.

4) Установивъ все, борись съ плотію, пока умирится, и, навывкнувъ въ семь скромномъ и озлобительномъ состояніи, станеть безгласною работою. Смиреніе плоти подается наконецъ. Его имѣть должно въ виду и стремиться къ нему, какъ къ награждѣ за труды. Подвигами тѣлесными вырабатываются тѣлесныя добродѣтели: уединеніе, молчаніе, пощеніе, бдѣніе, трудъ, терпѣливость въ лишеніяхъ, чистота, дѣвственность.

5) Должно, впрочемъ, помнить, что эта содружница приедитъ намъ по гробъ. Говорятъ: не вѣрь плоти, — она лукавитъ. И лишь только, по надеждѣ на ея смиреніе, послабишь, тотчасъ схватитъ тебя и одолѣеть. Борьба съ нею погробная, но все-таки сначала труднѣйшая, а послѣ легче и легче, пока, наконецъ, останется одно вниманіе къ порядку, съ легкими ощущеніями порывовъ плоти.

6) Для прочнѣйшаго успѣха, если гдѣ, то преимущественно въ тѣлесныхъ подвигахъ необходимо соблюдать законъ постепенности. Вотъ общій совѣтъ: сначала держи плоть въ законѣ воздержанія по всемъ частямъ, обративъ все вниманіе на внутреннее дѣланіе. Когда начнутъ умиряться страсти, зачнется теплота въ сердцѣ, тогда, по мѣрѣ возвышенія внутренняго жара, потребности тѣла сами ослабнутъ и какъ бы естественно начнутся великіе тѣлесные подвиги.

7) Главнѣйшіе тѣлесные подвиги, стѣсняющіе плоть:

пощеніе, бдѣніе, трудъ, чистота. Послѣднее дѣйственнѣе всѣхъ, нужнѣе и потребнѣе. Потому дѣвство есть скорѣйшій путь къ христіанскому совершенству. Безъ него ни такой крѣпости, ни такихъ даровъ нельзя стяжать человѣку. Должно только помнить, что, кромѣ тѣлесной, есть душевная чистота, которой можетъ и не быть въ сохранившемъ по гробъ тѣлесную. Она значительнѣе тѣлесной. Посему и супружники, до извѣстной мѣры, могутъ приближаться къ дѣвственникамъ чрезъ чистоту душевную. Труднику, Богу преданному, благодать помогаетъ. Посему-то и супружниковъ видимъ обладающихъ совершенствами духа.

3) Порядокъ внѣшней жизни по духу жизни новой.

Все относящееся къ порядку внѣшней жизни, по духу жизни новой, можно назвать удаленіемъ отъ міра, или изгнаніемъ духа мірскаго изъ всего теченія нашей внѣшней жизни. *Азъ избрахъ вы отъ міра*, то есть изъялъ: это сказалъ Господь Апостоламъ. То же творить Онъ Божественною благодатію и со всякимъ вѣрующимъ: изъемлетъ духъ его изъ міра. Да и самое обращеніе состоитъ въ отвращеніи сознанія отъ суетнаго міра и разверстіи предъ нимъ міра иного—духовнаго. Но что вначалѣ совершилось въ духѣ невидимо, то потомъ, въ жизни, должно быть исполняемо дѣломъ, стать постояннымъ правиломъ. Ищущему Господа надобно удалиться отъ міра.

Подъ міромъ разумѣется все страстное, суетное, грѣховное, вошедшее въ жизнь частную, семейную и общественную и ставшее тамъ обычаемъ и правиломъ. Потому удалиться отъ міра не то значить, чтобы бѣжать отъ семейства или отъ общества, а оставить нравы, обычаи, правила, привычки, требованія, совершенно противоположныя духу Христову, принятому и

зрѣющему въ насъ. Гражданство и семейство—благословенны у Бога; потому не должно отрѣшаться отъ нихъ, или презирать, равно какъ и все, принадлежащее къ ихъ существенному благоустроению. Но все пришлое къ нимъ похотное и страстное, какъ наростъ вредящій и искажающій ихъ, должно презрѣть и отвергнуть. Убѣжать отъ міра, значитъ установить себя въ истинной семейственности и гражданственности; все же другое сдѣлать такъ, чтобъ оно было какъ бы не наше, не насъ касалось. *Требующіе міра сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 31).

Почему такъ должно сдѣлать, очевидно само собою. Суетное, страстями пропитанное, неминуемо передать въ душу нашу то же, возбуждаетъ, или прививаетъ страсть. Какъ ходящій около сажки очерняется, или касающійся огня опалается, такъ участвующій въ мірскомъ пропитывается страстнымъ, Богопротивнымъ. Потому, попавшись въ міръ, покаявшійся снова падаетъ, а невинный развращается. Это почти неизбежно. Тотчасъ омрачается умъ, рождается забвеніе, ослаба, плѣнь и расхищеніе, а тамъ и уязвленіе сердца, за нимъ страсть и дѣло, — и человекъ палъ. Свидѣтели тому всѣ исторіи развращеній; равно какъ и свидѣтели того, сколь неизбежно и необходимо все то оставить, суть всѣ обратившіеся, которые бѣгутъ всѣхъ этихъ обычаевъ, какъ огня.

А что именно оставить и какъ, тому учить болѣе опытъ, нежели наше писаніе.

Законъ такой: оставить должно все, что опасно для новой жизни, что возгрѣваетъ страсть, наноситъ суету и погашаетъ духъ; а во всемъ этомъ сколько разнообразія!... Мѣрою тому пусть будетъ собственное сердце каждаго, искренно ищущаго спасенія безъ лукавства, не напоказъ только. Въ настоящее время театры,

балы, танцы, музыка, пѣніе, разъѣзды, прогулки, знакомства, шутки, остроты, смѣхи, праздное проведенеіе времени и даже время вставанія, сна, вкушенія пищи и проч.,—все надо отмѣнить и измѣнить. Въ другія времена и въ другихъ мѣстахъ можетъ быть и другое. Но мѣра всегда одна: оставь, что вредно и опасно для жизни, что погашаетъ духъ. Но что же именно? У иного можетъ быть самое мелочное, можетъ быть даже прогулка по извѣстному мѣсту, съ извѣстнымъ лицомъ... *Вся ми лѣтъ суть, но не вся на пользу* (1 Кор. 6, 12).

Отсюда слѣдуетъ, что оставить міръ есть не что иное, какъ перечистить всю свою внѣшнюю жизнь, устранить изъ нея все страстное, замѣнить чистымъ, не мѣшающимъ духовной жизни, а помогающимъ ей—въ жизни семейной, частной, общественной: установить вообще образъ внѣшняго своего поведенія дома и внѣ, съ другими и по должности, по требованію духа новой жизни, опредѣлить все правилами, установить порядокъ въ домѣ по всѣмъ частямъ, порядокъ по должности, порядокъ знакомства и сношеній съ кѣмъ, когда и какъ.

Какъ это сдѣлать?—Какъ кто можетъ, только сдѣлай, съ совѣта и разсужденія, по руководству отца духовнаго, или того, къ кому есть довѣріе. Иные дѣлаютъ это вдругъ и, кажется, лучше, а иные исподоволь. Должно только съ первой же минуты все мірское и грѣховное возненавидѣть сердцемъ и быть для него чуждымъ, не хотѣть того и не услаждаться тѣмъ. *Не любите міра, ни яже въ мірѣ.* За этимъ внутреннимъ оставленіемъ міра оставленіе видимое можетъ послѣдовать и вдругъ, и исподоволь. Человѣкъ слабый въ духѣ не снесетъ продолжительнаго, не устоитъ, разслабѣетъ и падетъ. Таковы особенно обладаемые

страстьми плотскими, кон получаютъ силу второй природы. Посему такимъ людямъ неизбѣжно вдругъ отстать отъ всего, удалиться отъ того мѣста, гдѣ валялись въ грѣхѣхъ. Человѣкъ съ сильнымъ духомъ ревности снесетъ, если и исподоволь: но все же и для того и для другого, съ первой минуты обращенія, совершенно необходимо прекращеніе всякаго сношенія съ грѣховнымъ міромъ и всѣмъ мірскимъ, пока установятся формы новой жизни. Это будетъ то же, что пересаженное дерево отгородить отъ вѣтра, который, и неслышный, можетъ повалить его, по причинѣ слабого еще укорененія.

Мысль, будто можно и жить по-христіански и держаться міра и свѣткости, есть мысль пустая, прелестная. Кто живетъ по ней, тотъ ничему болѣе не научится, какъ фарисейству и жизни мпительной, то-есть только во мнѣніи своемъ будетъ христіанинъ, на дѣлѣ же нѣтъ. Сначала онъ будетъ разорять одною рукою, что созидаль другою, то-есть, что собрано въ удаленіи отъ міра, то опять расхитится при первомъ въ него вступленіи; а отъ этого—прямой переходъ къ мнѣнію. Потерянное изъ сердца можетъ еще оставаться въ памяти и воображеніи. Теперь, припоминая и воображая, какъ оно было прежде, человѣкъ можетъ думать, что и на самомъ дѣлѣ оно есть, между тѣмъ какъ оно испарилось, и остался одинъ слѣдъ его въ памяти. И будетъ мнить, что имѣетъ то, чего на дѣлѣ нѣтъ. Вотъ ему судъ: *еже мнится и.т.я, взято будетъ отъ него* (Матѳ. 25, 29). Отъ мнѣнія же одинъ шагъ къ фарисейству. Закаленное же фарисейство есть ужасное состояніе.

Страшно, однакоже; какъ же быть, оставя міръ? Это страшно только снаружи, внутри же оставленіе міра есть вступленіе въ рай. Словѣ—тотчасъ озлобле-

нія, скорби, потери: что же?—скрѣпи себя терпѣніемъ. Что дороже: міръ или душа, время или вѣчность? Отдай малое—и возьми неизмѣримое по всѣмъ измѣреніямъ. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что сильный натискъ отъ міра бываетъ только вначалѣ, потомъ стихаетъ, стихаетъ, и оставившій міръ оставляется въ покоѣ, ибо въ мірѣ рѣдко кѣмъ дорожатъ, — поговаряютъ, поговаряютъ, а тамъ и забудутъ. Съ оставляющими міръ—то же, что и съ мертвыми. Потому можно и не такъ страшиться непріязни міра, ради его суетливости и гордости,—ради того, что онъ любитъ наличное, а другое забываетъ. Онъ—зрѣлице: занятъ только или держитъ въ себѣ тѣхъ, кои въ немъ. до другихъ же ему мало дѣла.

Такимъ образомъ, то занятіями, обращенными на созиданіе силъ души, то стѣсненіемъ плоти, во всѣхъ ея частяхъ, особенно тѣхъ, кои суть ближайшіе органы души, то перечищеніемъ внѣшняго порядка, чело-вѣкъ ищущій хорошимъ и прочнымъ оплотомъ обезопасить свое внутреннее. Укрѣпившись внутрь первыми духовными и душевными занятіями въ усидненіи, при стѣсненіи плоти, исходитъ онъ къ дѣламъ семейнымъ или гражданскимъ, или общежительнымъ, къ дѣламъ чистымъ и спасительнымъ, по волѣ Божіей, и всѣмъ тѣмъ созидается въ духѣ, или, по крайней мѣрѣ, не расхищается.

Одно еще можетъ его развлекать—это непрестанное видѣніе и слышаніе вещей—то мірскихъ, то простыхъ, кои потому только, что дѣйствуютъ на душу, извлекаютъ ее черезъ вниманіе къ себѣ вонъ и расхищаютъ. Если бы заградить и эти отверстія, то покой внутри былъ бы ненарушимъ. Очевидно, надежнѣйшее и рѣшительнѣйшее къ тому средство есть загражденіе чувствъ; но это не всякому можно и должно. По-

тому св. отцами изобрѣтено спасительное средство: и подлежать впечатлѣнію внѣшнихъ вещей, и не развлекать, а созидать духъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы всякой вещи, всему видимому и слышимому дать духовное знаменованіе и дотого укрѣпиться въ помышленіи о семъ духовномъ знаменованіи, чтобы, при взглядѣ на вещь, не она касалась сознанія, а ея знаменованіе. Кто сдѣлаетъ это для всего встрѣчаемаго, тотъ постоянно будетъ ходить какъ въ училищѣ... И свѣтъ и тьма, и человѣкъ и звѣрь, и камень и растеніе, и домъ и поле, и все—все до малѣйшаго будетъ урокомъ ему; надлежитъ только истолковать себѣ и укрѣпиться въ томъ. И какъ это спасительно!... „Что ты плачешь?“ спрашивали ученики у старца, увидѣвшаго красивую, разряженную женщину. — „Плачу, отвѣчалъ онъ, о погибели твари Божіей разумной и о томъ, что не имѣю такого радѣнія о душѣ во спасеніе, какъ она о тѣлѣ на пагубу“... Другой, услышавъ плачь жены на могилѣ, сказалъ: „такъ христіанинъ долженъ плакать о грѣхахъ своихъ.“

4) Благодатныя средства воспитанія и укрѣпленія духовной жизни.

Таковы подвиги, коими душа, и тѣло и наше внѣшнее поведеніе образуются по духу новой жизни, послѣ того, какъ духъ, благодатію Божією, оживотворяется въ обращеніи, восходя до рѣшимости и обѣта и запечатлѣнія ихъ св. таинствами. Но какъ вначалѣ ненадежно бываетъ обращеніе къ Богу, если его не запечатлѣютъ благодатію чрезъ таинства, то и во все послѣдующее время непечно бываетъ ревнованіе, безсилію усердіе, слаба воля, жизнь тоща, если кто не обновляется чрезъ Божественныя таинства исповѣди и св. причащенія. Жизнь христіанская, свидѣтельствуо-

мая усердіемъ, есть жизнь благодатная; слѣдовательно, къ храненію, питанію и възгрѣванію ея самымъ могущественнымъ средствомъ должно быть привлеченіе и пріятіе Божественной благодати. Есть особыя стихіи, питающія животную нашу жизнь; есть также стихіи, питающія и жизнь духовную. Это—таинства.

Собственно къ питанію и възвышенію духовной нашей жизни дано Господомъ таинство Тѣла и Крови. *Азъ есмь хлѣбъ животный*, сказалъ Господь: *плоть Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть пиѣво*: посему, *ядый хлѣбъ сей живъ будетъ во вѣки*. Жизнь духовная есть слѣдствіе общенія съ Господомъ: внѣ Его и безъ Него нѣтъ у насъ жизни истинной. Но Онъ говоритъ: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ...* *Азъ живу Отца ради, и ядый Мя живъ будетъ Мене ради*: то-есть общеніе съ Господомъ дѣйствуется чрезъ причастіе Тѣла и Крови. Жизнь духовная истинная — сильна, многодѣльна и многоплодна. Но *безъ Мене*, говоритъ Господь: *не можете творити ничегоже*. *Кто во Мнѣ, плодъ много сотворитъ. Во Мнѣ же пребываетъ ядый Мя*. Изъ всего сего слѣдуетъ, что *еще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имаете въ себѣ...* *Ядый хлѣбъ сей, живъ будетъ во вѣки* (Іоан. 6, 35. 53—57; 15, 5).

Вотъ благодатный источникъ сохраненія и укрѣпленія нашей духовной жизни! Посему, съ самаго начала христіанства, истинные ревнители благочестія поставляли первымъ благомъ частое пріобщеніе. При Апостолахъ оно всюду: христіане всѣ пребываютъ въ молитвахъ и ломленіи хлѣба, то-есть причащаются. Василій Великій, въ посланіи своемъ къ Кесарію, говоритъ, что спасительно причащаться Тѣла и Крови на всякъ день, а о своемъ житіи пишетъ: „мы при-

чащаемся четыре раза въ недѣлю.“ И это общее мнѣніе всѣхъ святыхъ, что нѣтъ спасенія безъ причащенія и нѣтъ преуспѣянія въ жизни безъ частаго причащенія *).

Но Господь — источникъ жизни, оживляющій причащающихся Его, есть вмѣстѣ и огонь поядающій. Достоинно причащающійся вкушаетъ жизнь, а причащающійся недостойно вкушаетъ смерть. Хотя смерть эта не послѣдуетъ видимо, но невидимо всегда совершается въ духѣ и сердцѣ человѣка. Недостойно причащающійся отходить — какъ головня изъ огня, или желѣзныя выгорки. Въ самомъ тѣлѣ или полагается сѣмя смерти, или она тутъ же случается, какъ это было въ церкви Коринской, по замѣчанію Апостола. Посему, причащаясь, должно приступать къ тому со страхомъ и трепетомъ и довольнымъ приготовленіемъ.

Приготовление сіе состоитъ въ очищеніи совѣсти своей отъ мертвыхъ дѣлъ. *Да искушаетъ себе, учить Апостоль: всякъ, и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да пьетъ.* Исповѣдь, съ возненавидѣніемъ грѣха и обѣтомъ всячески удалаться отъ него, дѣлаетъ духъ человѣка сосудомъ, способнымъ вмѣстить невмѣстимаго Бога, по Его благодати. Рѣшительность и обѣтъ суть мѣсто, въ коемъ Господь общится съ нами въ приобщеніи, ибо оно только одно и бываетъ чисто, все же прочее въ насъ нечисто. Посему никто достойно не приходитъ, а только Господомъ, по благодати, считаются достойными, ради исповѣди съ сокрушеніемъ и обѣтомъ.

Этимъ все можно было бы и ограничить: исповѣдайся достойно — и будешь достойный причастникъ. Но исповѣдь и сама есть таинство, требующее достой-

*) Мнѣніе ихъ смотр. Славянское Доброт. ч. 2. Кал. и Нги., гл. 92.

наго приготовленія, и, сверхъ того, къ совершенству своему требуетъ особенныхъ дѣйствій, чувствъ и расположеній, которыя не могутъ быть совершены и явлены вдругъ, а требуютъ времени и нѣкоторымъ образомъ исключительнаго ими занятія. Посему оно всегда было совершаемо по извѣстному чину, съ предварительными дѣлами и упражненіями, къ нему приготовляющими, кои способствуютъ то къ лучшему познанію грѣховъ, то къ возбужденію и явленію сокрушенія о нихъ, то къ огражденію крѣпости обѣта. Всѣ они въ совокупности составляютъ *говѣніе*.

Отсюда слѣдуетъ, что для возвышенія и укрѣпленія благодатной жизни чрезъ таинства нужно учреждать говѣніе со всѣми его принадлежностями, — исповѣдаться и, приготовившись такимъ образомъ, достойно причаститься св. Таинъ. Надлежитъ, то-есть, учреждать говѣніе, или, лучше, принимать на себя говѣніе, потому что оно учреждено уже у насъ св. Церковію. Четыре поста съ тою цѣлію и установлены, чтобы въ нихъ ревнующіе о благочестіи говѣли, исповѣдались и причащались. Потому и должно положить правиломъ—ищущему совершенства четыре раза въ годъ говѣть, во всѣ большіе посты. Такъ и написано въ „Православномъ Исповѣданіи.“ Впрочемъ, этимъ не стѣсняется усердіе говѣть чаще и даже непрестанно; равно какъ не налагается, какъ иго, на немогущихъ, по обстоятельствамъ своимъ, исполнить этого. Только надобно такъ: все употреби отъ тебя зависящее, чтобы поговѣть четыре раза въ годъ. Для мірянъ четыре раза—мѣра скромная, средняя и, какъ испытано, очень спасительная. Дѣлающій такъ не выдѣется изъ круга другихъ, потому и кичить не будетъ, какъ превысившій ихъ. Можно, впрочемъ, въ постъ Великій и Рождественскій говѣть по дважды—

въ началѣ и въ концѣ. Вотъ и составитя всѣхъ шесть говѣній.

Говѣніе должно отличать отъ пощенія, или достойнаго, по уставу Церкви, провoжденія постовъ. Оно есть часть поста, но отличается отъ него большею строгостію касательно пищи и сна и тѣмъ, что всегда соединяется съ другими благочестивыми занятіями. каковы: прекращеніе житейскихъ заботъ, и дѣль, сколько можно, чтеніе, кто можетъ, св. книгъ, неопустительное хожденіе въ церковь на положенныя службы и проч. Вообще, это время исключительно посвящается благочестивымъ занятіямъ, кои всѣ направляются къ тому, чтобы достодолжно принести покаяніе и исповѣдь и потомъ причаститься.

Такимъ образомъ очевидно, что во всемъ составѣ говѣнія есть перечистка всей жизни, возстановленіе всего ея строя, возочищеніе цѣлей, возобновеніе съ Господомъ, обновленіе духа и всего нашего существа. Это—то же, что измoвеніе зачернѣвшаго платья, или омытіе въ банѣ послѣ дороги. Христіанинъ—въ пути и при всей осторожности не укроется отъ пыли—помысловъ страстныхъ и пятенъ грѣхопаденій. Какъ бы ни была мала нечистота, но она то же, что порoшинка въ глазу, или песчинка въ часахъ.—глазь не смотритъ, часы не идутъ. Потому неизбѣжно, отъ времени до времени, перечищать себя. Какъ мудро потому у насъ устроено въ Церкви и какъ спасительно повинoваться со смиреніемъ такому учрежденію!

Вотъ значеніе говѣнія! Оно—средство къ питанію, възгрѣванію и храненію въ насъ жизни; но, главное, оно — тщательный пересмотръ жизни, паденій, ихъ причинъ, и установленіе средствъ избѣгать ихъ. Когда грѣхи познаны, сокрушеніемъ и непріязнію извержены изъ сердца, исповѣдію съ обѣтомъ омыты. то-

гда сосудъ готовъ. Въ причащеніи приходитъ Господь и общится съ духомъ достойнаго, который чувствовать долженъ: *не убо есмь единъ, но съ Тобою.*

Приближеніе къ непрерывному говѣнію.

Говѣніе однократно, но духъ говѣтельный должно возвести до непрерывно дѣйствующаго; а для сего нужно употреблять своего рода упражненія, способствующія къ укорененію его.

Такъ какъ въ говѣніи содержатся три дѣла освящающихъ: пощеніе, исповѣдь и причащеніе, то сіи три и должно возводить къ непрерывности возможной или возможному учащенію. Для сего должно:

а) Касательно говѣнія.

1) Соблюдать всѣ посты великіе, или время постовъ проводить въ пощеніи, то-есть болѣе чѣмъ въ воздержаніи, чтобы сама плоть чувствовала ущербъ, недостатокъ, приболѣзненность. На говѣніе назначается извѣстное число дней поста, когда оставляются дѣла, и все обращается исключительно на очищеніе совѣсти; въ пощеніи дѣла идутъ тѣмъ же порядкомъ, постъ умалается и другія занятія опредѣляются возможно-стію. Одно удрученіе плоти съ прекращеніемъ всѣхъ утѣхъ, какъ прилично времени сѣтованія, то облегчаетъ духъ, то привлекаетъ милость Божію. Какое по-сему въ этомъ сильное средство къ одуховленію!

2) Соблюденіе поста въ среды и пятницы. Это отъ времени до времени сильно напоминаетъ челобѣту, что онъ не на свободѣ, а въ рабствѣ, подъ тяготою, укрощаетъ разливъ чувственности, отрезвляетъ и по-даетъ бодрость; это есть какъ бы прерывающееся на малое время обузданіе коня яраго уздою и браздами.

3) И, кромѣ того, произвольное назначеніе пощенія

и въ другіе дни, особенно въ понедѣльникъ, какъ это въ обычаѣ. Иные отказываютъ себѣ въ извѣстнаго рода пищѣ и постоянно вкушаютъ постную, иные черезъ день, и проч. Есть разные виды пощенія и всѣ полезны и совѣтуются по мѣрѣ силъ и усердія.

б) Касательно исповѣди.

1) Всякій грѣхъ, тяготящій совѣсть, надо спѣшить очистить покаяніемъ, не ожидая опредѣленнаго времени говѣнія. Хорошо и дня одного не держать его на душѣ, а еще лучше ни часа, ибо грѣхъ отгоняетъ благодать, лишаетъ дерзновенія и молитвы, черствитъ и охлаждаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе держится. Изверженный же черезъ покаяніе оставляетъ умиляющую росу слезъ.

2) Всякій день, отходя ко сну, творитъ частную исповѣдь ко Господу, въ коей все грѣховное—въ помыслахъ, пожеланіяхъ, чувствахъ и движеніяхъ страстныхъ, равно все нечистое въ дѣлахъ правыхъ открывается Богу, въ чувствѣ покаянія, какъ такое, что хоть и противъ будто бы воли творится, однакоже есть въ насъ и дѣлаетъ насъ нечистыми и непотребными передъ Богомъ и собственнымъ чувствомъ чистоты и совершенства. Ложась спать, отходить какъ бы на тотъ свѣтъ; исповѣдь приготовляетъ къ тому. Во время сна стяжанное днемъ обращается въ природу нашу,—должно перечистить его и непотребное отвергнуть съ сокрушеніемъ; чисто все затѣмъ бываетъ.

3) Творитъ ежеминутно исповѣдь, то-есть всякій помысль, всякое пожеланіе, чувство и движеніе порочное и нечистое, тотчасъ, по сознаниіи исповѣдать Богу всевидящему, съ сокрушеніемъ духа, и просить

въ томъ прошенія и силы избѣжать впредь; равно какъ и очиститься въ эту минуту отъ скверны. Это дѣланіе весьма спасительно. Оно то же, что протирать глаза, идя противъ пыли; оно требуетъ строгаго вниманія сердца. Собранный же уже всегда усердень и ревностень. Напротивъ, оставляя помыслы и пожеланія неизверженными сокрушеніемъ и покаяніемъ, рану оставляютъ въ сердцѣ. А сколько бываетъ незамѣченныхъ ранъ, сколько прираженій! Не диво, послѣ сего, охлажденіе и паденіе. Помысль къ помыслу легче родить пожеланіе, пожеланіе къ пожеланію — согласіе, а тамъ ужъ и прелюбодѣйство внутреннее и паденіе. Непрестанно же кающійся все возмочищаетъ себя и расчищаетъ себѣ дорогу.

4) Имѣть откровеніе, то-есть всякое недоумѣніе, смущеніе или новое разумѣніе свое открывать другому единомысленному, или отцу своему духовному съ тѣмъ, чтобы тотъ рѣшалъ и опредѣлялъ достоинство и произносилъ судъ. Этимъ избѣгаются застои и уклоненія, приобрѣтается навѣкъ самолично рѣшать и, слѣдовательно, сохраняется время, истрачиваемое иногда на пустое мечтаніе. А главное есть непрекращаемая безопасность, твердость убѣжденія непоколебимая, съ которою въ связи и твердость воли, и прочность дѣйствования.

Всѣми сими дѣяніями исповѣдь дѣйствительно становится непрерывною. Духъ держится въ сокрушеніи, въ умиленіи, самоуниженіи, молебномъ припаданіи,—стало-быть живетъ. Это изъ всѣхъ дѣланій самое пригожее къ храненію духа ревности, жара усердія, такъ что у иныхъ все дѣланіе ограничивалось, какъ для себя, такъ и для другихъ, однимъ: кайся поминутно и плачь о грѣхахъ.

в) Насательно причащенія.

1) Бываютъ, сколько возможно чаще, на литургіи и, во время ея совершенія, стоятъ въ крѣпкой и свѣтлой вѣрѣ въ совершаемую тогда жертву Божію. Таинство Тѣла и Крови есть Божественная для христіанъ пища и есть жертва. Причащаются на литургіи не всѣ и не всегда, но жертва приносится отъ всѣхъ и за всѣхъ. Всѣ потому и должны участвовать въ ней. Участвуютъ же вѣроу, болѣзненнымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ, самоуничиженнымъ припаданіемъ ко Господу, жрущему Себя, какъ агнца, за животъ міра. Одно живое созерцаніе сего таинства сильно оживляетъ и возбуждаетъ духъ. Вѣра же и сокрушеніе всегда приносятъ очищеніе грѣховъ, а нерѣдко и сокровенное прикосновеніе Господа къ сердцу христіанина, улаждающее его и оживляющее, какъ бы причащеніе въ духъ.

Подобное прикосновеніе слаще меда и сота и крѣпительнѣе всѣхъ крѣпительныхъ средствъ духовныхъ. Но должно помнить, что оно вполнѣ есть даръ Божій. Когда, кому и какъ даровать его — это зависить отъ Самого Господа. Христіанину должно принимать его съ благоговѣніемъ и радостію и торжествовать, если подается; но не напрягаться на него, не изобрѣтать способовъ къ тому, даже лучше не довѣрять, бываетъ ли оно, или то ли оно, что бываетъ. Это — для избѣжанія киченія и предотвращенія прелести.

2) Если нельзя быть въ храмѣ, то не пропусти часа священной и Божественной жертвы безъ воздыханія и обращенія къ Богу; если можно, стань на молитву и сотвори нѣсколько поклоновъ. Что-либо страшное въ природѣ заставляетъ содрогаться всю тварь: громъ, напимѣръ, сотрясеніе земли, буря. Въ минуту Боже-

ственной жертвы въ храмѣ совершается дѣло страшнѣйшее, величайшее на землѣ и на небѣ: но совершается невидимо, духовно, предъ лицомъ безпредѣльнаго Бога Трїединого, св. Ангеловъ, всего сонма небесной Церкви, предъ окомъ вѣры всѣхъ подвижащихся и живущихъ на землѣ, — невидимо, тѣмъ не менѣе, однакоже, дѣйствительно. Потому-то вѣрующему не должно пропускать этихъ минутъ безъ вниманія. Но когда онѣ помнятся, то самымъ этимъ памятованіемъ разогрѣвается духъ и восхищается къ Богу, чѣмъ и привлекается благодать.

Вотъ какъ дѣланія говѣнія могутъ приближаться къ непрерывности, чтобы, вмѣстѣ съ дѣланіемъ внутреннимъ, въ постоянномъ напряженіи и силѣ содержать жаръ ревности и духъ искательный, а помощію его и всѣ подвиги душевно-тѣлесные претворяютъ въ спасительныя средства къ возвращенію и укрѣпленію внутренняго нашего человѣка.

Таковъ общій порядокъ правилъ руководительныхъ. Будучи основанъ на существѣ жизни, онъ существенно необходимъ для всякаго, кто ищетъ Господа. Но здѣсь указаны только начала, духъ и сила правилъ: на примѣръ, въ отношеніи къ тѣлу — неугодіе плоти, во всѣхъ отправленияхъ тѣла; или въ отношеніи ко внѣшнему быту — удаленіе отъ всего, духомъ страстей напитаваемаго, обязаніе души по всѣмъ силамъ и хожденіе подъ вліяніемъ благодатныхъ средствъ. Это суть существенныя точки подвижнической дѣятельности. Что же касается до приложенія сихъ началъ, то, по многообразному состоянію лицъ, оно должно быть многообразно и одного въ этомъ случаѣ правила положить никакъ нельзя. На примѣръ, для уврачеванія ума надлежитъ напечатлѣть въ немъ Божественныя истины, по разумѣнію св. Церкви. Это можетъ быть

сдѣлано чтеніемъ, слушаніемъ и собесѣдованіемъ и заимствуемо изъ слова Божія, ученія отеческаго, житій святыхъ и проповѣдей. Духовный отецъ уже долженъ смотрѣть, какой кому приличнѣе способъ и какъ его можно исполнить. Какъ кто это можетъ сдѣлать, только сдѣлай. Потому, единичное само по себѣ, подвижничество вонѣ является въ безконечно-разнообразныхъ формахъ. Только содержать должно, что тотъ духовный отецъ есть губитель души и убійца, который гаситъ духъ ревности различными послабленіями и индульгенціями, или упокоиваетъ и усыпляетъ стоящихъ въ охлажденіи, ибо одинъ есть путь — тѣсный и прискорбный.

Полнѣйшее всего этого и успѣшнѣйшее исполненіе принадлежитъ монашеству. Это образъ жизни, въ лучшемъ, чистѣйшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ осуществляющій требованія подвижничества, именно по духу. Онъ есть трудный и покаянный; всегда состоитъ изъ руководящихъ и руководимыхъ; самымъ дѣломъ удаленъ отъ вѣ, самымъ дѣломъ связанъ въ потребностяхъ тѣла; представляетъ самое большое пространство приложенія упражненій, чтеній, богослуженія, молитвованія, послушанія; особенно приспособленъ къ дѣятельному искорененію страстей и въ общемъ порядкѣ — чрезъ нестяжательность, строгость, непокой, себя-невидѣніе, — и въ частномъ подѣ руководителемъ. Затѣмъ у внимательнаго монаха скоро зрѣетъ внутреннее тяготѣніе къ Богу, ради рѣшительнѣйшаго самопожертвованія и отрѣшенія отъ всего, ради большей возможности пребывать въ себѣ и ради многопитанія духомъ молитвы. Посему внимательный скоро восходитъ здѣсь къ безмолвію, уединенію ума и отходить на покой, — пустынь, или затворъ.

3) Правила брани со страстями, или начало самопротивленія.

Пребываніе въ показанномъ порядкѣ есть сильное и могучее средство къ истребленію страстности, очищенію и исправленію нашему. Пребывая въ немъ со знаніемъ и свободою, человѣкъ тѣмъ самымъ, что оставляетъ какъ бы въ сторонѣ страстность, губить ее, не давая ей пищи, или покрывая ее какъ гнетомъ, показанными правилами на всемъ протяженіи своихъ силъ и своей дѣятельности. Заглушаемая такимъ образомъ страсти тухнуть, какъ свѣча подъ сосудомъ. Однакоже этою одною положительною дѣятельностію ограничиваться нѣтъ никакой возможности. Устанавливаются правила, какъ цѣленія для силъ попорченныхъ и пропитанныхъ страстностію. Тою же силою, которая во *злѣ*, надлежитъ теперь дѣйствовать въ *добрѣ*. Потому нельзя не встрѣчаться со зломъ въ самомъ первомъ началѣ и зарожденіи дѣятельности, въ первомъ движеніи силъ. Если нельзя быть вмѣстѣ добру и злу и отъ насъ требуется чистое добро, безъ всякой примѣси зла, то слѣдуетъ во всякомъ дѣлѣ прогнать зло, чтобы начать и свершать чистое добро. Такимъ образомъ, въ непрерывной связи съ прямымъ положительнымъ занятіемъ силъ всегда стоитъ не прямое, направленное къ прогнанію зла и страстности, возстающей въ нихъ, иначе *борьба со страстями и похотьми*. Самое установленіе себя въ показанныхъ подвигахъ и приученіе къ нимъ достигается чрезъ борьбу и брань, чрезъ побѣду искушеній и соблазновъ. Кто былъ постникъ безъ борьбы съ чревомъ, или истинно дѣтски вѣрующимъ безъ одолѣнія своеумія и самопостиженія? И это не въ чемъ-либо одномъ, но на всемъ протяженіи положительной дѣятельности, начиная отъ исходища внутреннѣйшаго до послѣдняго

края ея въ удаленіи отъ міра. Всюду брань, такъ что показанный порядокъ, будучи возстановителемъ силъ и естества, есть вмѣстѣ и поприще духовной брани непрерывной. Побѣди неестественное въ силѣ, тогда она поступитъ въ естественное; отжени, отрѣй зло,—увидишь добро. Подвижничество есть непрестанная побѣдность.

Возможность, основаніе, условіе всѣхъ внутреннихъ побѣдъ, есть первая побѣда надъ собою—въ переломѣ воли и въ преданіи себя Богу, съ непріязненнымъ отверженіемъ всего грѣховнаго. Тутъ зародилась не-любовь къ страстности, ненависти, непріязнь, которая и есть военная духовная сила и одна замѣняетъ со-бою всю рать. Гдѣ нѣтъ ея, тамъ безъ брани побѣда уже въ рукахъ врага; напротивъ того, гдѣ есть, тамъ побѣда уступается намъ нерѣдко безъ брани. Отсюда видно, что какъ исходная точка положительной дѣя-тельности есть наше внутреннѣйшее, такъ оно же есть исходная точка и брани, только другою стороною. Со-знаніе и произволеніе, переходя на сторону добра, съ возлюбленіемъ его, поражаетъ ненавистію всякое зло и всю страстность, и притомъ именно свою. Въ этомъ собственно и состоитъ переходъ, переломъ. Потому сила, борющаяся со страстями, есть также умъ или духъ, въ коемъ сознаніе и свобода,—духъ, держимый и укрѣпляемый благодатію. Черезъ него, какъ мы видѣли, цѣлительная сила проходитъ къ силамъ сквозь подвиги; чрезъ него же сила, поражающая, разруши-тельная, проходитъ къ страстямъ въ бореніи. И обрат-но: когда страсти возстаютъ, то мѣтятъ прямо на умъ, или духъ, то-есть на покореніе сознанія и свободы. Онѣ—во святилищѣ нашего внутренняго, куда врагъ чрезъ страсти пускаетъ свои разженные стрѣлы изъ душевно-тѣлесности, какъ изъ засадъ. И пока цѣлы

сознаніе и свобода, то-есть стоять на сторонѣ добра. то какъ бы ни было велико нападеніе, побѣда наша.

Этимъ, однакоже, не утверждается, будто вся сила побѣды отъ насъ, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть нашъ возстановленный духъ; сила же побѣдительная и разрушительная для страстей есть благодать. Она въ насъ одно созидаетъ, а другое разоряетъ, — но опять чрезъ духъ, или сознаніе и произволеніе. Борющійся съ воплемъ повергаетъ себя Богу, жалуясь на враговъ и ненавидя ихъ. и Богъ въ немъ и чрезъ него прогоняетъ ихъ и поражаетъ. *Держайте*, говоритъ Господь: *яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33). *Вся могу о укрѣпляющаго мя Христъ*, исповѣдуетъ Апостоль (Филип. 4, 13), — точно такъ, какъ безъ Него мы ничего не можемъ. Кто хочетъ побѣдить самъ, тотъ несомнѣнно падетъ или въ ту страсть, съ коею борется, или въ побочную. Предавшій же себя Богу, словно изъ ничего стяжываетъ побѣду. Этимъ опять-таки не отвергается свое противодѣйствіе, а показывается только, что, при всемъ противодѣйствіи, успѣхъ его или побѣда никогда не можетъ быть нашею, а если есть она, то всегда отъ Бога. Потому-то всевозможно противоборствуй и борись, но не оставляй возлагать всю печаль свою на Бога живого, Который говоритъ: „съ тобою есмь въ день золь,—не бойся.“

Какъ же долженъ дѣйствовать теперь человекъ, или какіе вообще способы пригодны къ покоренію страстей? Чтобы опредѣлить это, нужно разсмотрѣть и указать всѣхъ враговъ его, а равно и то, въ какихъ видахъ они являются и дѣйствуютъ; отсюда, само собою, опредѣлится и образъ брани съ ними. Успѣхъ въ брани много зависить отъ видѣнія всего ея состава.

Не бываетъ мирно преснѣяніе наше въ добръ, по-

тому что живы еще страсти и сильно подкрѣпляются подлежащимъ міромъ, суетнымъ, видимымъ, и темными силами, властвующими въ немъ. Вотъ источники возстающихъ въ насъ противъ добра движеній.

Человѣкъ весь страстенъ до обращенія. По обращеніи, духъ, исполнясь ревности, является чистымъ. Душа же и тѣло остаются страстными. Когда начнется ихъ очищеніе и врачеваніе, они упорствуютъ и возстаютъ за свою жизнь на гонящій ихъ духъ. Эти возстанія совершаются болѣе чрезъ тѣлесныя и душевныя силы и поражаютъ духъ, поколику имъ усвояются эти силы. Но бываютъ движенія, прямо устремленныя на духъ. Это разжечныя стрѣлы, кои врагъ пускаетъ изъ засадъ тѣлесно-душевности на избѣгшаго отъ его тиранства плѣнника. Отсюда, несмотря на то, что есть въ насъ часть уврачеванная или цѣлая, — возстанія грѣха и страстей выказываются и ощущаются на всемъ протяженіи нашего существа.

1) *Въ тѣлѣ*: источник ихъ начало—плотоугодіе, или упокоеніе плоти, съ коимъ въ непосредственной связи состоитъ разыграніе тѣлесной жизни и услажденіе чувственной. Гдѣ они есть, тамъ есть похоть блудная, чревоугодіе, сластолюбіе, лѣность, изнѣженность, блужданіе чувствъ, говорливость, разсѣянность, непосѣдность, вольность во всемъ, смѣхотворство, празднословіе, сонливость, дреманіе зѣницъ, жажда пріятнаго и всякаго рода творенія угодія плоти въ похоти.

2) *Въ душѣ*: а) *Въ умственной части*—своеуміе, вѣра въ свой только умъ, прекословіе, возстаніе на умъ Божій, сомнѣніе, дмѣніе и киченіе, пытливость, расхищеніе ума, блужданіе помысловъ. б) *Въ части жемтительной*—своеволие, непокоривость, властолюбіе, жестокость, предприимчивость, самонадѣянность, себѣприсвоеніе, неблагодарность, любообладаніе, лихоима-

ше. в) *Въ части чувствующей* — потрясающія покой и миръ сердца страсти, или разнаго рода пріятности и непріятности: гнѣвъ, зависть, ненависть, злоба, месть, осужденіе, презорство, славолюбіе, тщеславіе, гордость, тоска, печаль, скорби, уныніе, радости, веселости, страхи, надежды, ожиданія.

Источникъ всѣхъ сихъ душевно-тѣлесныхъ страстей—самолюбіе или самость, которая хотя побѣждена или отвержена вначалѣ, но часто возстаетъ и, облекаясь какою-либо страстію, вступаетъ въ брань съ духомъ. Эта оставшаяся самость, со всѣмъ полкомъ страстей, составляетъ тлѣющаго теперь плотскаго человѣка и именно есть тотъ *имъ законъ во удыхъ*, о коемъ упоминаетъ Апостоль (Римл: 7, 23), отъ котораго всегда возстаетъ что-нибудь противное тому, что изволяетъ духъ. Св. отцы, чтобы не развлекать вниманія духовнаго борца-христіанина, старались всѣ страсти свести къ началамъ, чтобы видѣть, на что должно мѣтить борющемуся. Съ этою цѣлью около исходница, самости, они помѣщаютъ три: сласть, любонманіе и гордость, а потомъ другихъ еще пять, кои происходятъ далѣе отъ сихъ. Ограничившись этимъ, они описывали ихъ возстаніе и указывали способъ боренія. Кто отсѣкъ сласть самоозлобленіемъ, любонманіе—нестяжательностію, гордость—смиреніемъ, тотъ побѣдилъ самость, ибо ее легче истреблять въ ея дѣтяхъ, нежели самому въ себѣ.

Все это — въ душѣ и тѣлѣ. Но и духъ, ожившій или, лучше; оживающій, несвободенъ отъ прираженій, которыя тѣмъ опаснѣе, что касаются исходница жизни и нерѣдко бываютъ незамѣчаемы, по своей тонкости и глубинѣ. И здѣсь такъ же, какъ въ душѣ и тѣлѣ, противъ всего состава духовной жизни внутренней есть противный рядъ движеній и состояній,

отгоняющій и заслоняющій его. Такъ, часто бываетъ, вмѣсто внутрь-пробыванія и собранности—изверженіе изъ себя, исходъ въ чувства; вмѣсто трехъ актовъ внутрь-пробыванія: вниманія, бодрности и трезвенія — расхищеніе ума, внутреннее смятеніе, суета, ослаба, льгота, опущеніе себя, вольность, дерзость, плѣнь, пристрастіе, уязвленіе сердца; вмѣсто сознанія духовнаго міра—забвеніе Бога, смерти, суда, всего духовнаго.

Какъ главное въ духѣ—сознаніе, зиждимое внутрь-пробываніемъ, то, когда оно падаетъ, падаетъ и жизнєдѣятельность. Отъ этого возстаетъ, вмѣсто страха Божія и чувства зависимости отъ него, безстрашіе, вмѣсто избранія и дороженія духовнымъ—равнодушіе къ нему, вмѣсто отрѣшенія отъ всего—себя упокоеніе (что себя нудить!), вмѣсто покаянныхъ чувствъ—нечувствіе, окаменѣніе сердца, вмѣсто вѣры въ Господа — самооправданіе, вмѣсто ревности — охлажденіе, вялость, невозбужденіе и, вмѣсто преданности Богу,—самодѣланіе.

Нападши на сознаніе или свободу, одно какое-нибудь изъ таковыхъ чувствъ или заграждаетъ совѣмъ, или сокращаетъ истокъ духовной нашей жизни и поставляетъ въ крайнюю опасность. Вотъ когда сторонняя помощь крайне необходима. Эти искусительныя движенія иногда человекъ самъ и не сознаетъ, ибо они принадлежатъ къ числу тончайшихъ помышленій. Душевныя и тѣлесныя страсти очевиднѣе, грубѣе, хотя и въ нихъ есть тонкія, какъ, на примѣръ, упокоеніе тѣла, или своеуміе и прекословіе. Въ словѣ онѣ понятны, но въ дѣлахъ часто сокрыты.

Вотъ полчище каждоминутно готовыхъ погасить нашу новую жизнь возстаній грѣха... Человекъ ходитъ по землѣ существа своего, какъ по трясинѣ, готовый

въ каждое мгновеніе провалиться. Когда идешь,—съ опасствомъ иди, да не преткнеши о камень ногу твою.

Пребывая, впрочемъ, внутри подъ гнетомъ новыхъ правилъ и порядка, при дѣятельности духа,—все сіи неpravыя движенія не такъ были бы свирѣпы, если бы не вспомошествованы были сосѣдствующими имъ родителями ихъ—міромъ и бѣсами.

Міръ есть осуществленный міръ страстей, или ходячія страсти въ лицахъ, обычаяхъ, дѣлахъ. Прикасаясь къ нему какою-нибудь частію, нельзя не растрезожить и соотвѣтственной въ себѣ раны, или страсти, по сходству ихъ и подобонастроенію. Потому всякій живущій въ мірѣ устремляется къ нимъ чрезъ посредство живущихъ въ себѣ страстей, по поводамъ и соблазнамъ.

Но есть нѣкоторыя возбужденія, собственно принадлежащія міру. Таковы: его прелестный видъ и во всемъ успѣшность, ужасающая сила—чувство оставленія и пустынство среди многихъ, во всемъ—препятствія, колкости, насмѣшки, презрѣніе, невниманіе, мученіе незаконными дѣлами. За этимъ слѣдуютъ потомъ притѣсненія, гоненія, озлобленія, лишенія, скорби всякаго рода.

И бѣсы, какъ источники всякаго зла, своими полчищами всюду окружая людей, научаютъ ихъ на всякій грѣхъ, дѣйствуя чрезъ плоть, особенно чувства и ту стихію, въ коей душа и самые бѣсы. Потому-то всякую страсть и всякое возстаніе грѣховное можно относить къ нимъ, какъ къ причинѣ. Но есть нѣчто въ грѣховномъ кругѣ, что бѣсы только одни и могутъ навѣять, къ чему, при всей порчѣ, естество представляется неспособнымъ: такъ, помыслы хульные—сомнѣнія, невѣрія, необыкновеннаго отвращенія, омраченіе, разнаго рода прелести и, вообще, искуше-

нія страстныя, дмящіяся, напрымѣръ: неукротимая блудная страсть, досмертная и упорная ненависть и проч. Кромѣ сихъ невидимыхъ бореній отъ бѣсовъ, есть нападенія отъ нихъ видимыя, осязаемыя чрезъ тѣло: это—разнаго рода привидѣнія, простирающіяся даже до власти ихъ надъ тѣломъ. Для распознанія всего коварства бѣсовъ, полезно прочитати житія Нифонта, Спиридона и другія.

Вотъ все, возстающее на новаго человѣка внутри и внѣ. Внимательные говорятъ, что и минуты не проходитъ безъ прираженія какого-нибудь изъ этихъ движеній, что и неизбѣжно; ибо видимъ, какъ внутреннее, ревнующее по добромъ, лице окружено враждебнымъ, со всѣхъ сторонъ, полчищемъ, погружено въ немъ, какъ въ морѣ. Впрочемъ, кромѣ видѣнія сего многовражія, для успѣха въ брани нужно еще знать и то, въ какомъ видѣ бываютъ эти нападенія.

Вообразимъ, гдѣ лице человѣка по обращеніи. Оно внутри, въ иномъ мірѣ, стоитъ и дѣйствуетъ иное. У него духовные предметы въ мысли и духовныя дѣла въ намѣреніи. Значить, онъ отошелъ отъ страстнаго, грѣховнаго. Когда потомъ построится благопріятствующій развитію добра порядокъ въ правилахъ, то можно будетъ видѣть, что онъ весь стоитъ въ области свѣта духовной, святой. Грѣховное, страстное устраниено изъ вниманія и лежитъ подъ гнетомъ правилъ. Оно выскакиваетъ изрѣдка, по временамъ, и оиять отбѣгаетъ, занимая или не занимая вниманія. Оно только показываетъ себя внутреннему оку, напоминаетъ о себѣ, хочетъ только, чтобы имъ занялись, о немъ подумали, помыслили. Потому главный видъ, въ какомъ является враждебное въ насъ, есть *помысль*. Когда врагъ успѣетъ занять нашу мысль худымъ помысломъ, онъ уже не безъ прибыли, а нерѣдко можетъ торже-

ствовать и побѣду, потому что къ помыслу скоро можетъ склониться и пожеланіе, а за пожеланіемъ рѣшеніе и на дѣло; а это уже грѣхъ и паденіе. На семъ основаніи св. отцы, внимавшіе себѣ, виды и степени возстанія страстей и увлеченія ими замѣчаютъ такіе: набѣгъ мысли, помысль, усажденіе, пожеланіе, страсть, влеченіе, рѣшеніе, а за нимъ и дѣло. Въ образѣ явленія своего иногда они развиваются постепенно, одно за другимъ, иногда же каждое является отдѣльно, какъ внѣ порядка, кромѣ *рѣшенія*, которое всегда есть актъ не непосредственный, а предшествуемый размышленіемъ и склоненіемъ свободы: пока его нѣтъ, чистота цѣла и совѣсть чиста. Потому всѣ до него акты обозначаются однимъ словомъ: *помысль*—просто, или съ приложеніемъ помысль простой, страстный, похотный; потому, что онъ является въ насъ или какъ просто помысль, представленіе только грѣховнаго предмета, или какъ похоть, вождельніе, желаніе, или, наконецъ, какъ страсть, какъ влеченіе. Всѣ они позываютъ, искушаютъ умъ или духъ на страстное, грѣховное; но это еще не зло, не грѣхъ, пока умъ не соизволяетъ на нихъ, вступаетъ съ ними въ борьбу каждый разъ, когда они появляются, пока не изгонитъ ихъ. Предѣлы брани—съ появленія помысла, похоти, страсти, влеченія, до ихъ исчезновенія и вычищенія всякаго слѣда ихъ; къ тому и направлены всѣ правила этой брани. Правда, міръ дѣйствуетъ совнѣ, равно какъ и сатана; но ихъ искусительныя дѣйствія доходятъ до нашего сознанія не иначе, какъ въ какомъ-нибудь изъ этихъ трехъ, ибо вся ихъ забота состоитъ въ томъ, чтобы поколебать внутреннее состояніе, склонить на нихъ. Сюда направляются всѣ ихъ хитрости, такъ что въ этомъ отношеніи не способъ, не дѣла, какія они обращаютъ на насъ, а то,

что они мѣтятъ возбудить въ насъ, то важно и цѣнно въ жизни и дѣятельности. Напримѣръ, въ гоненіяхъ не страданіе человѣка—цѣль, а помысль ропота или отчаянія или оставленія добродѣтели. Вслѣдствіе сего, въ отношеніи къ духовной брани, можно рѣшительно положить: несмотря на то, откуда и какъ возбуждается грѣховное, всю силу и все вниманіе обращай на это самое грѣховное, съ нимъ начинай дѣло и борись. Законъ этотъ превеликой важности: онъ будетъ держать человѣка внутрь, слѣдовательно, въ силѣ и, нѣкоторымъ образомъ, въ безопасности. Потому то у св. отцевъ всѣ правила обращены на помыслы, страсти, пожеланія, и примѣняются къ ихъ свойству; причины же не упоминаются, или если и упоминаются, то безъ приданія имъ особеннаго въ этомъ отношеніи значенія и нерѣдко безъ разграниченія. Ибо и мѣръ, и бѣсы, и похоть могутъ возбуждать и возбуждаютъ одну и ту же страсть; но она оттого не получаетъ особаго характера. Итакъ, вотъ куда должно быть обращено все вниманіе подвижника, внутрь себя:—на помыслы, пожеланія, страсти, влеченія,—преимущественно, впрочемъ, на помыслы, ибо сердце и воля не такъ подвижны, какъ мысль, а страсти и желанія рѣдко возстаютъ отдѣльно, большею же частію рождаются изъ помысловъ. Отсюда правило: отсѣки помысль—и все отсѣчешь.

Послѣ сего очень легко сдѣлать общій очеркъ духовной брани. Онъ достаточно изображенъ въ „Письмахъ о христіанской жизни“. Выписываемъ его отсюда *).

Изъ правилъ брани духовной, составляющихъ воинское искусство христіанина, одни способствуютъ къ

*) См. прибавленіе къ Письмамъ о хр. жизни въ новомъ изданіи, стр. 220—223.

предупрежденію нападеній, другіе къ легчайшему и успѣшнѣйшему окончанію брани, третьи къ прочнѣйшему утвержденію за собою плодовъ побѣды, или къ скорѣйшему истребленію слѣдствій пораженія,—и кои, потому, естественно раздѣляются на три класса: а) на правила, кои надо наблюдать прежде брани, б) во время самой брани и в) послѣ оной.

Прежде брани воинъ долженъ такъ дѣйствовать, чтобы дѣятельностью своею или предотвратить нападенія, или дать себѣ возможность замѣчать ихъ въ самомъ началѣ, или даже приуготовить побѣду. Посему первѣе всего онъ долженъ—стѣснить область грѣховныхъ движеній, свести ихъ въ одно мѣсто, ибо такимъ образомъ ему не только будетъ легче замѣчать возмущенія, но и виднѣе, куда направлять свои силы.

1) Внѣшній очеркъ области грѣховной вообще таковъ: утвердившись въ центрѣ жизни—сердцѣ, грѣхъ проникаетъ въ душу и тѣло по всѣмъ ихъ отправленіямъ, проходитъ потомъ во всѣ внѣшнія отношенія человѣка и набрасываетъ, наконецъ, свой покровъ на все окружающее его. Теперь и изгнанный изъ глубины сердца, онъ все еще витаетъ въ окрестностяхъ его, все еще питается тѣмъ, чѣмъ питался прежде: лица, вещи, случаи легко могутъ возбуждать тѣ же мысли и чувства, какія соединялъ съ ними человѣкъ, когда работалъ грѣху. Благоразумный воинъ долженъ теперь преградить это внѣшнее продовольствіе врага. А для сего ему необходимо: а) Перестроить все свое внѣшнее поведеніе, всему въ немъ дать новый видъ, новыя побужденія, новое время и проч. по духу новой жизни. б) Распредѣлить время свое такъ, чтобы не оставалось ни одного часа безъ должнаго занятія. Промежутки, свободные отъ необходимыхъ занятій,

должны быть наполняемы не чѣмъ-нибудь, но занятіями способствующими умерщвленію грѣха и укрѣпленію духа. Сколько въ этомъ отношеніи полезны нѣкоторыя тѣлесныя подвиги, противоположныя замѣченнымъ наклонностямъ, это можетъ испытать всякій. в) Связать свои чувства, особенно глаза, слухъ и языкъ, легчайшіе проводники грѣха изъ сердца вовнѣ и извнѣ въ сердце. г) Всему вообще, съ чѣмъ необходимо встрѣчаться, — вещамъ, лицамъ, случаямъ, — дать духовное знаменованіе и, особенно, мѣсто постоянного своего пребыванія исполнить вещами поразительнѣйшими для души, чтобы, такимъ образомъ, живя во внѣшнемъ, человекъ жилъ какъ бы въ нѣкоемъ Божественномъ училищѣ. Вообще, всю свою внѣшность должно такъ устроить, чтобы она, съ одной стороны, не требовала уже особеннаго вниманія и избавляла насъ отъ всякой о себѣ заботы, а съ другой — не только дѣлала насъ безопасными отъ нечаянныхъ возстаній грѣха, но питала и укрѣпляла возникающую новую жизнь по духу. При такомъ порядкѣ грѣхъ будетъ совершенно отгражденъ совнѣ, не будетъ уже получать отсюда себѣ пищи и подкрѣпленія.

2) Если теперь со внутренней стороны человекъ употребить все усиліе къ тому, чтобы сохранить себя, какъ есть, въ такомъ видѣ, какъ вышелъ изъ первой побѣды, — если, то-есть, будетъ постоянно възгрѣвать тѣ чувства и расположенія, какія возродились въ немъ тогда, то грѣхъ этимъ отградится и изнутри и останется здѣсь уже навсегда безъ опоры и твердости. Грѣхъ же, лишенный такимъ образомъ пищи и опоры, если не уничтожится вдругъ, то, по крайней мѣрѣ, долженъ слабѣть болѣе и болѣе, до совершеннаго истощенія. Послѣ сего брань со грѣхомъ, очевидно, сократится и вся сосредоточится въ брань съ помысла-

ми (кои особенно будутъ клониться къ разстроению новаго порядка), рѣдко со страстями и наклонностями, гдѣ остается только *тщательно блюстись*... Именно два бдительныхъ стража долженъ имѣть постоянно воинъ Христовъ: трезвеніе и благоразсмотрѣніе. Первый обращенъ внутрь, а послѣдній во внѣ; тотъ наблюдаетъ за движеніями, выходящими изъ самаго сердца, а этотъ предугадываетъ движенія, имѣющія возникнуть въ немъ по внѣшнему вліянію. Законъ для перваго: послѣ того, какъ память о Божіемъ присутствіи изгнано изъ души всякое помышленіе, стань у дверей сердца и тщательно блюди за всѣмъ входящимъ въ него и выходящимъ изъ него, особенно же не давай предупреждать дѣйствій чувству и желанію, ибо отсюда все зло. Законъ для втораго: съ начала каждаго дня сядь и расчисли всѣ возможныя встрѣчи и случаи, всѣ возможныя чувства и движенія, какія могутъ произойти по ихъ поводу, и предварительно заготовь въ себѣ должный противъ того оплотъ, чтобы не смутиться и не пасть при нечаянномъ нападеніи. Для того, впрочемъ, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать при самомъ нападеніи, полезно предварительно устроить намѣренную мысленную брань, мысленно поставлять себя въ тѣ или другія обстоятельства, съ тѣми или другими чувствами, при тѣхъ или другихъ желаніяхъ, и здѣсь изобрѣтать разные способы, какъ удержать себя въ должныхъ границахъ, и наблюдать, что особенно помогло намъ въ томъ, что — въ другомъ случаѣ. Такое предварительное упражненіе образуетъ воинственный духъ, приучаетъ безъ робости встрѣчать врага и безъ большихъ трудовъ побѣждать его, какъ бы по опытно узаннымъ приемамъ. Сверхъ того, прежде нежели приступимъ къ сраженію, должны предварительно узнать, когда дѣйствовать наступательно, ко-

гда оборонительно и когда отступательно. Кромѣ того, что употребленіе того или другого способа брани соотвѣтствуетъ степенямъ духовнаго возрастанія, сначала лучше всего отступать, то-есть укрываться подъ кровъ Господа, не противодѣйствуя. Далѣе, когда опытно уже узнаемъ враговъ и изучимъ ихъ нападенія, не теряя времени, можно отражать ихъ; но намѣренно давать свободу возбуждаться въ себѣ страстямъ, или поставлять себя въ такія обстоятельства, гдѣ онѣ должны дѣйствовать во всей силѣ, съ тѣмъ, чтобы имѣть случай къ брани и побѣдѣ, не должно. Есть особенныя страстныя возбужденія, кои можно побѣждать исключительно только тѣмъ или другимъ способомъ. Помыслы непременно надобно прогонять; но не всегда это возможно сдѣлать съ склонностями и страстями, особенно тѣлесными. Въ томъ и другомъ случаѣ можно потерять побѣду по одному невѣдѣнію. Наконецъ, никогда не должно выходить на брань безъ главной побѣждающей мысли, — это какъ бы побѣдоносное знамя. Какъ прежде она рѣшила дѣло между добромъ и зломъ въ пользу перваго, такъ и теперь, во время брани съ каждымъ въ частности грѣховнымъ движеніемъ души, она безъ затрудненія сдѣлаетъ насъ побѣдителями. Съ появленіемъ ея должны разсѣяться всѣ полчища враговъ, всѣ порочныя помыслы и желанія. Она имѣетъ силу воодушевлять и возносить человѣка надъ собою; потому надобно какъ можно чаще приводить ее въ сознаніе и доводить до чувства, — утвердить навсегда на мысленной тверди это свѣтило, прогоняющее мракъ. Ничто не можетъ сильнѣе възгрѣвать рвенія къ истребленію грѣха, какъ эта мысль — рвенія, этого быстрого потока живой воды, который, волнуясь, но не возмущаясь, дѣлаетъ незамѣтными всѣ волны отъ вверженія камней искушеній.

Съ такими предосторожностями и правилами иди, воинъ Христовъ, съ упованіемъ на брань. Впрочемъ, и во время самой брани тебѣ должно дѣйствовать по извѣстнымъ правиламъ, чтобы не уподобиться въ оборонѣ беспорядочно нападающимъ врагамъ. Часто одинъ порядокъ дѣйствованія, безъ особеннаго напряженія, можетъ увѣнчать тебя успѣхомъ. Замѣтивъ приближеніе врага—начинающееся возбужденіе или помысла, или страсти, или склонности, первѣе всего спѣши сознать, что это враги. Великая ошибка, и ошибка всеобщая—почитать все, возникающее въ насъ, кровною собственностію, за которую должно стоять, какъ за себя. Все грѣховное есть пришлое къ намъ; потому его всегда должно отдѣлять отъ себя, иначе мы будемъ имѣть измѣнника въ себѣ самихъ. Кто хочетъ вести брань съ собою, тотъ долженъ раздѣлить себя на себя и на врага, кроющагося въ немъ. Отдѣливъ отъ себя извѣстное порочное движеніе и сознавъ его врагомъ, передай потомъ это сознаніе и чувству, возроди въ сердцѣ неприязнь къ нему. Это — самое спасительное средство къ прогнанію грѣха. Всякое грѣховное движеніе держится въ душѣ чрезъ ошущеніе нѣкоторой пріятности отъ него; потому, когда возбуждена неприязнь къ нему, оно, лишаясь всякой опоры, само собою исчезаетъ. Впрочемъ это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гнѣвомъ помыслы, труднѣе — желанія, но еще труднѣе — страсти, ибо онѣ и сами суть сердечныя движенія. Когда это не помогаетъ, и врагъ не уступаетъ такимъ образомъ побѣды безъ сраженія, — мужественно, но безъ самовозношенія и самонадѣянности, вступай въ борьбу. Робость приводитъ душу въ смятеніе, въ нѣкую подвижность и расслабленіе, а неутвержденная въ себѣ, она легко можетъ пасть. Самонадѣянность

и самомнѣніе — сами враги, съ коими должно бороться: кто попустилъ ихъ, тотъ уже палъ, и еще предрасположилъ себя къ новымъ паденіямъ, потому что они поставляютъ человѣка въ бездѣйственность и оплошность. Началась брань, — храни преимущественно сердце: не давай доходить возникающимъ движеніямъ до чувства, встрѣчай ихъ у самаго входа въ душу и старайся поразить здѣсь. А для сего спѣши возставитъ въ душѣ убѣжденія, прстивоположныя тѣмъ, на коихъ держится смущающій помыселъ. Такія противобѣжденія суть въ мысленной брани не только щитъ, но и стрѣлы, — защищаютъ сердце твое и поражаютъ врага въ самое сердце. Съ тѣхъ поръ въ томъ и будетъ состоять брань, что возникшій грѣхъ будетъ постоянно ограждаться мыслями и представленіями защищающими его, а борющійся будетъ съ своей стороны уничтожать сіи оплоты мыслями и представленіями противоположными. Время продолженія ея зависить отъ многоразличныхъ обстоятельствъ, кои опредѣлить совершенно невозможно. Не должно только ослабѣвать и сколько-нибудь, даже въ мысли, склоняться на сторону врага, — и побѣда несомнѣнна, ибо грѣховное движеніе, какъ мы замѣтили прежде, не имѣетъ въ насъ твердой опоры и потому, естественно должно скоро прекратиться. Если и послѣ сего, добросовѣстнаго впрочемъ, дѣйствованія въ защиту себя врагъ все еще стоитъ въ душѣ, какъ привидѣніе, и не хочетъ уступить мѣста, то это явный знакъ, что онъ поддерживается стороннею силою; посему и тебѣ должно обратиться къ сторонней, земной или небесной помощи, — открыться своему наставнику и въ усердной молитвѣ призывать Господа, всѣхъ святыхъ и особенно Ангела-Хранителя. Преданность Богу никогда не оставалась постыжденною. Надобно,

впрочемъ, замѣтить, что иное дѣло — брань съ помыслами, иное — со страстями, иное — съ желаніями: и мысль отъ помысла, и желаніе отъ желанія, и страсть отъ страсти разнятся. Во всемъ этомъ должно употреблять особые приемы, кои предварительно должно опредѣлить или чрезъ размышленіе, или изъ подвижническихъ опытовъ и наставленій. Но не всегда должно строго браться за сопротивленіе: иногда одно презрѣніе прогоняетъ врага, а сопротивленіе только размножаетъ его и раздражаетъ. Врага должно преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока и слѣдовъ его не останется; иначе даже простой помысль, оставленный въ сердцѣ, какъ злое сѣмя, принесетъ свой плодъ, въ непримѣтномъ склоненіи къ себѣ души. Во время самой брани не должно предпринимать средствъ къ будущему предотвращенію ея. Придуманная здѣсь правила всегда бываютъ очень строги, и потому всегда необходимо бываетъ ихъ измѣнить и, слѣдовательно, представлять опытъ несостоятельности, столько вредной въ духовной брани и соблазнительной для воина.

Брань кончена. Благодари Господа за избавленіе отъ пораженія, но не предавайся чрезъ мѣру радости спасенія, не попускай безпечности, не ослабляй ревности.—врагъ часто притворяется только побѣжденнымъ, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, нечаяннымъ нападеніемъ тѣмъ легче поразить тебя. Потому не снимай бранныхъ оружій и не забывай предохранительныхъ правилъ. Будь всегда бодрымъ и бдительнымъ воиномъ. Сядь лучше и расчисли добычу; осмотри весь ходъ брани—ея начало, продолженіе и, наконецъ, что подало поводъ къ ней, что особенно усиливало и что положило ей конецъ. Это будетъ своего рода дань съ побѣжденныхъ, которая чрезвычайно облегчитъ будущія побѣды надъ ними; такъ стя-

жавается, наконецъ, духовная мудрость и опытность подвижническая. Не говори никому о побѣдѣ, — это сильно раздражитъ врага, а тебя обезсилить. Тщеславіе, котораго при семъ избѣжать нельзя, отворить двери душевнаго укрѣпленія и послѣ побѣды надъ однимъ врагомъ должно будетъ сражаться съ цѣлою ихъ толпою. Если же и пораженъ будешь, — сокрушайся, но не бѣгай отъ Бога, не упорствуй; спѣши умягчить сердце и довести его до раскаянія. Нельзя не падать, но можно и должно, упавши, возставать. Бѣгущій спѣшно, если и споткнется на что, спѣшно встаетъ и опять устремляется по пути къ цѣли, — подражай ему. Господь нашъ подобенъ матери, которая ведетъ дитя за руку и не покидаетъ его, хотя бы онъ очень часто спотыкался и падалъ. Лучше, вмѣсто бездѣйственнаго унынія, ободрись къ новымъ подвигамъ, извлеки изъ настоящаго паденія урокъ смиренія и осмотрительности, чтобы не ходить тамъ, гдѣ скользко и гдѣ нельзя не падать. Если не изгладить грѣха искреннимъ раскаяніемъ, то, получивъ нѣкоторую въ тебѣ крѣпость, онъ неминуемо повлечетъ тебя внизъ, на дно грѣшнаго моря. Грѣхъ возобладаетъ тобою, и тебѣ опять нужно будетъ начинать съ первой брани; но, Богъ знаетъ, будетъ ли возможно это. Можетъ быть, предавшись теперь грѣху, ты перейдешь черту обращенія; можетъ быть, послѣ уже не найдется ни одной истины, которая могла бы поразить твое сердце; можетъ быть, даже тебѣ не будетъ дарована и благодать. Тогда еще здѣсь ты будешь принадлежать къ числу осужденныхъ на вѣчное мученіе.

Вообще о правилахъ брани надобно замѣтить, что они въ существѣ своемъ суть не что иное, какъ приложеніе всеоружія къ частнымъ случаямъ, и что потому ихъ всѣхъ изобразить нельзя. Дѣло внутренней

брани непостижимо и сокровенно; случаи къ ней чрезвычайно разнообразны, лица воюющія слишкомъ различны: что для одного соблазнъ, то для другого ничего не значить; что одного поражаетъ, къ тому другой совершенно равнодушенъ. Потому одного для всѣхъ установить рѣшительно невозможно. Лучшій изобрѣтатель правилъ брани—каждое лицо само для себя. Опытъ всему научить,—надобно только имѣть ревностное желаніе побѣждать себя. Первые подвижники не учились изъ книгъ, и однакоже представляютъ собою образцы побѣдителей. Притомъ не должно слишкомъ полагаться на эти правила,—они представляютъ только внѣшнее очертаніе. То, что составляетъ существо дѣла, каждый узнаетъ только изъ опыта, когда станетъ сражаться самымъ дѣломъ. И въ этомъ дѣлѣ руководителями ему остаются только собственное благоразуміе и преданіе себя Богу. Внутренній ходъ христіанской жизни въ каждомъ лицѣ приводитъ на мысль древніе подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные. Вступая въ нихъ, испытуемый получаетъ нѣсколько наставленій въ общихъ чертахъ—тамъ сдѣлать то, тамъ другое, здѣсь по такой-то примѣтѣ, а здѣсь по такой-то, и потомъ оставляется одинъ среди мрака, иногда съ слабымъ свѣтомъ лампы. Все дѣло у него зависитъ отъ присутствія духа, благоразумія и осмотрительности и отъ невидимаго руководства. Подобная же сокровенность и во внутренней христіанской жизни. Здѣсь всякій идетъ одинъ, хотя-бы былъ окруженъ множествомъ правилъ. Только чувства сердца обученныя и особенно внушенія благодати для него суть всегдашніе, необманчивые и неотлучные руководители въ брани съ собою; все прочее оставляетъ его.

Таковъ ходъ брани со всякою страстію, пожелані-

емъ и помысломъ. Какъ страсти, пожеланія и помыслы, они все равны; слѣдовательно, касаться въ частности боренія съ каждымъ помысломъ нѣтъ особенной нужды. Сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній:

1) Есть помыслы *тонкіе* и тончайшіе, есть грубые и грубѣйшіе. Послѣдніе всякій можетъ замѣчать и самъ; первые незамѣтны въ часъ пребыванія своего въ сердцѣ, а открываются уже послѣ — изъ дѣла, и притомъ болѣе другимъ, нежели себѣ. Вотъ побужденіе не вѣрять своему покою, добротѣ и чистотѣ ни на одну іоту, а всегда ее подозрѣвать, — внимательно слѣдить за ходомъ дѣла и смотрѣть, какими помыслами они сопровождаются и оканчиваются, чтобы по сему судить потомъ, что первоначально лежало внутри. Лучше всего, впрочемъ, имѣть другого повѣреннаго, — привычный глазъ совнѣ тотчасъ укажетъ, что внутрь насъ кроется, хотя мы этого не замѣчаемъ. Когда говорится о тончайшихъ помыслахъ, то не разумѣются одни только духовные: бываютъ они со стороны тѣла и души. Отличительное ихъ свойство — незамѣчаемость, сокровенность въ глуби, такъ что человекъ думаетъ, что дѣйствуетъ чисто, безъ примѣси страсти, а на дѣлѣ — по страсти. Причина сего — неутвердившаяся еще чистота сердца, или, лучше, необразовавшееся разрѣшеніе естественнаго отъ пришлого. Когда это будетъ, тогда тонкое и тончайшее сдѣлается грубымъ и грубѣйшимъ, ибо тогда изострится вниманіе опытностію и обучатся чувства сердца къ различенію добра и зла.

2) Есть помыслы, пожеланія и страсти — приходяшіе въ видѣ набѣговъ и кратковременныхъ возмущеній. и есть постоянные, продолжающіеся дни, мѣсяцы и годы. Первые легки, но ихъ презирать не должно, а внимательно смотрѣть не только за ними, но и за

порядкомъ ихъ. У врага есть будто законъ—не вдругъ начинать со страсти, а съ помысла и часто повторять его. Прогнанный гнѣвомъ въ первый разъ, снисходительнѣе можетъ быть принять во второй, въ третій, потомъ родится желаніе и страсть, и отсюда—одинъ шагъ до согласія и дѣла. Продолжительные помыслы тяжелы, убійственны; имъ преимущественно принадлежитъ названіе *искушающихъ*. Знать касательно ихъ надобно то, что они не отъ природы, хотя и свойственны ей по свойству своему, а всегда отъ врага; что Господь попускаетъ ихъ съ особеннымъ, касательно нашего очищенія, намѣреніемъ, чтобъ испытать и утвердить нашу вѣрность, вѣру, постоянство и умѣнье созидать внутренняго человѣка,—потому должно благодушно терпѣть ихъ, хотя бы они слишкомъ были оскорбительны для новаго благодатнаго сердца, какъ-вы — хулы, отчаяніе, невѣріе. Главное дѣло — во все время никакъ не склоняться на нихъ, не усвоятъ себѣ и держать сердце въ свободѣ отъ нихъ, отдѣляя ихъ отъ себя и своей свободы мыслію и вѣрою.

3) Помыслы, съ которыми должно бороться, не всегда бываютъ худы, а нерѣдко и добры съ виду и очень часто безразличны. Касательно худыхъ одинъ законъ — тотчасъ гнать; послѣдніе же должно разбирать, или разсуждать. Сюда относятся всѣми восхваляемая опытность различать помыслы, какіе, то-есть, исполнять и какіе отвергать. Правила для сего предложить нельзя: всякій пусть учится самъ изъ собственныхъ своихъ опытовъ, ибо человѣкъ на человѣка не приходитъ, чтобы, то-есть, чужое годилось для насъ. Лучше такъ: заведенъ порядокъ дѣлъ — и ходи въ немъ, а все приходящее вновь, какъ бы благовидно оно ни казалось, гони вонъ. Если помысль ничего не представляетъ худого ни въ себѣ, ни въ по-

слѣдствіи, то и тогда не вдругъ склоняться на него, а терпѣть до времени, чтобы не быть опрометчивымъ. Иные пять лѣтъ ждали и не исполняли помысла. Главнѣйшій же законъ — не довѣрять своему разуму и сердцу и всякій помыслъ повѣрять своему руководителю. Нарушеніе сего правила всегда было и есть причиною великихъ паденій и прельщеній.

4) Худой помыслъ искушаетъ, а благовидный прельщаетъ. Кто увлекается первымъ, тотъ считается согрѣшившимъ, падшимъ, а кто увлекается послѣднимъ, тотъ состоящимъ въ прелести. Изобразить всѣ прельшенія въ ихъ началахъ и свойствахъ возможно ли? Къ свойству ихъ относится преимущественно то, что человѣкъ съ увѣренностью считаетъ себя такимъ, каковъ онъ не есть, — напримѣръ, воззваннымъ вразумлять другихъ, способнымъ къ необыкновенной жизни и проч. Источники ихъ — тончайшая мысль, что я значу нѣчто, и значу не малое... Ничтожный мнитъ о себѣ нѣчто. Къ этой-то тайнѣйшей гордынѣ прицѣпляется врагъ и опутываетъ человѣка. Впрочемъ, и всякій тонкій худой помыслъ, нами не замѣчаемый, держитъ насъ въ прелести; когда мы думаемъ, что водимся помысломъ добрымъ и благочестивымъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что минуты не проходятъ, когда бы мы не были въ прелести, ходимъ словно въ призракахъ, опутаны ими то въ томъ, то въ другомъ видѣ. Это потому, что зло еще внутри, не испарилось, а добро на поверхности, оттого въ глазахъ у насъ точно туманъ отъ испареній.

5) Что касается до каждаго въ частности помысла, то хорошо предварительно собирать о нихъ свѣдѣнія, имѣть, то-есть, понятіе о нихъ, причинахъ ихъ происхожденія, слѣдствіяхъ и способахъ прогонять. Это будетъ запасный магазинъ, очень годный на случай

брани,—именно: когда ненавистію не прогонится помысль и начинаетъ плодиться, соблазняя и убѣждая, то надобно и ему противопологать что-либо опровержительное. Но чтобъ это сдѣлать, надобно имѣть мысли въ запасѣ. Въ этомъ отношеніи св. отцы избрали главнѣйшія *восемь* страстей и ихъ въ образецъ описали, чѣмъ и можно пользоваться всякому ищущему. Впрочемъ, это не исключительные предметы брани, а только главнѣйшіе. Посему у другихъ находимъ описанія другихъ страстей и правила для нихъ. Богатѣйшее ихъ собраніе у Іоанна Лѣствичника.

6) Есть помыслы тѣлесные, есть душевные и духовные. Для всякаго очевидно, что они всѣ могутъ быть и во всякое время; но, естественно, вначалѣ замѣтнѣе быть тѣлеснымъ, далѣе открываться душевнымъ и духовнымъ. Соотвѣтственно сему должна переходить и брань, или мѣнять свои позиціи. Знать это должно для того, чтобы побѣдившему, на примѣръ, тѣло не предаться безопасности отъ чувства безопасности, потому что онъ можетъ быть побѣжденъ чрезъ душу, и умирившій душу можетъ быть пораженъ въ духѣ. Вообще, пока есть дыханіе, брань не прекратится, хотя можетъ стихать, и иногда надолго.

7) У св. Дороея говорится: „есть дѣйствующая страсть, есть борящая и есть побѣждающая“. Первый грѣшитъ, второй начинаетъ очищаться, третій близокъ къ безстрастію. Чѣмъ рѣшительнѣе кто возстаетъ на страсти, не уступая имъ даже помысла, а не только пожеланія и услажденія, или, если это случается, спѣшно исторгая ихъ изъ сердца подъ корень, доводя себя всегда до противочувствія, тотъ тѣмъ скорѣе достигаетъ чистоты. Чѣмъ кто уступчивѣе, снисходительнѣе къ себѣ, тѣмъ долѣе тянется дѣло, съ остановками, неровно-

стями. Это зависит от саможалѣнія, или неотдѣленія себя отъ страсти: жалѣя будто себя, человекъ лѣзетъ врага и вражить противъ себя самъ.

8) Слѣдствіемъ брани бываетъ чистота ума отъ помысловъ, сердца—отъ страстей, воли—отъ склонностей. Когда она образуется, человекъ поступаетъ въ безстрастіе. Его внутреннее становится чистымъ зеркаломъ, отражающимъ духовные предметы.

9) Мысленная брань съ помыслами, похотями и страстями не должна составлять исключительнаго, всѣ другія отстраняющаго и замѣняющаго средства къ очищенію нашихъ сквернъ, несмотря на всю рѣшительную необходимость, неизбѣжность и побѣдоносную силу. Съ нею должно быть поставлено въ непрерывной связи *дѣятельное побораніе страстей*, или искорененіе, погашеніе и истненіе ихъ посредствомъ противоположныхъ имъ дѣлъ. Причина сему та, что страстность проникала силы наши, и проникала потому, что мы дѣйствовали страстно. Каждое дѣло страстное полагало въ силу свою частичку страстности, и совокупностію всѣхъ дѣлъ переполнилась сила страстію, какъ губка водою, или какъ платье—вонью. Слѣдуетъ и обратно, для выжатія сей страстности, употреблять противоположныя первымъ дѣла, чтобы, такимъ образомъ, каждое дѣло, осаждаясь въ силу, вытѣсняло изъ нея соотвѣтственную часть страстности и множество такихъ дѣлъ, часто и непрерывно дѣлаемыхъ, всю страсть. Такое средство, если только употребляется надлежащимъ образомъ, такъ сильно, что дѣйствующіе по нему, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, начинаютъ уже ощущать умаленіе страстей, льготу и свободу, и нѣкоторый свѣтъ въ душѣ. Мысленная брань одна изгоняетъ страсть изъ сознанія; но она все еще остается живою, а только скрылась. Напротивъ, про-

тивоположнсе дѣло поражаетъ сего змія во главу. Изъ сего, однакоже, не слѣдуетъ, чтобы при дѣланіи можно было прекращать бореніе мысленное. Этому должно быть неотлучно при томъ, иначе оно можетъ остаться безъ всякаго плода и даже расплосать, а не умалять страстность, потому что, при дѣлѣ противъ одной страсти, можетъ прилипнуть другая, на примѣръ, при постѣ—тщеславіе. Если это оставить безъ вниманія, то, при всемъ усилии, не будетъ никакого плода отъ дѣланія. Брань мысленная въ связи съ дѣятельною, поражая страсть извнѣ и извнутри, истребляетъ ее такъ же скоро, какъ скоро погибаетъ врагъ, когда бываетъ обойденъ и побивается и сзади, и спереди.

10) Въ этомъ дѣятельномъ себя-исправленіи должно соблюдать извѣстный порядокъ и чинъ, въ построеніи котораго должно обращать вниманіе на свойство страстности вообще, на свой характеръ и на добродѣланіе, о которомъ упомянуто въ положительной дѣятельности. Въ первомъ случаѣ должно мѣтить на главнѣйшія страсти: удовольственность, любоиманіе и высокоуміе—и слѣдовательно, главнымъ образомъ упражнять себя въ самоозлобленіи и жестокостяхъ, въ расточеніи имущества и погубленіи вещей, въ подчиненіи и покореніи себя другимъ, или себя-невмѣненіи (смотри у Варсонофія). У святыхъ, дѣятельно взявшихъ очищать себя, всегда видны такого рода дѣла на первомъ планѣ. Во второмъ—на главную свою страсть. Эта главная страсть явится при обращеніи, во время познанія своей грѣховности и покаянія. Когда дается обѣтъ не грѣшить, — больше всего держится во вниманіи эта страсть. Потому и послѣ она должна составлять ближайшій предметъ противодѣйствія живущему въ насъ грѣху. Она заслоняетъ собою все стра-

сти, равно какъ и связываетъ ихъ около себя, или даетъ на себѣ точку опоры. Другія страсти и открытыя могутъ не иначе, какъ по ослабленіи и одолѣніи этой, и вмѣстѣ съ нею быть распуженными. Должно всею силою вооружиться противъ нея съ перваго раза, тѣмъ болѣе, что тутъ бываетъ и много ненависти къ ней, дающей силу противиться. И къ покоренію начальныхъ страстей нельзя перейти, не покоривъ ея. Въ третьемъ отношеніи самъ собою виденъ порядокъ добродѣланія. Именно сперва пойдутъ дѣла противъ господствующей страсти, далѣе противъ источныхъ страстей, а потомъ, когда стихнуть та и эти, добродѣланію остается свобода добывать остатки враждебнаго полчища, по своему усмотрѣнію, а болѣе по указанію внутреннему. Какая оживетъ и выкажется страсть, противъ той и назначать дѣла. Это — меты борительнаго дѣйствія, и ими должно заниматься по извѣстному закону. Кромѣ того, что должно соблюдать показанный порядокъ, — въ самомъ противодѣйствіи должна быть степенность, ровность, чтобы не перебѣгать отъ одного къ другому, подобно разсѣянному. Плода не будетъ истиннаго, а посѣется киченіе. Дѣйствовать рѣшительнѣе, неослабнѣе, — тѣмъ ближе къ концу и покою. Терпѣть въ начатомъ дѣланіи до явленія плода, ибо конецъ вѣнчаетъ дѣло... И другое, что дѣлателью явить опытъ, наблюдать должно. Кажется, такъ идетъ дѣло: прямо за обращеніемъ — сейчасъ дѣятельное бореніе страстей; изъ него или съ нимъ — тотчасъ и бореніе внутреннее; потомъ, далѣе, они во взаимно-подкрѣпленіи и усиленіи: растетъ внутреннее, растетъ и внѣшнее, — растетъ внѣшнее, растетъ и внутреннее; наконецъ, когда то и другое довольно окрѣпнетъ, человѣку приходятъ помышленія о подвигахъ и дѣлахъ къ рѣшительному погашенію

страстей, къ посѣченію ихъ въ корнѣ. Большихъ подвиговъ и дѣлъ не должно ни самому брать, ни другимъ совѣтовать. Дѣйствовать должно исподоволь, постепенно возрастаая и усиливаясь, чтобы было въ подъемъ и моготу. Иначе наше дѣяніе будетъ походить на новую заплату на старомъ платьѣ. Требованіе подвига должно изыти изнутри, какъ больному иногда рѣшительно-цѣлительное врачевство указываетъ позывъ и чутье.

11) Мысленное и дѣятельное бореніе страстей—и само по себѣ сильно; но несравненно успѣшнѣе, плоднѣе и скорѣе идетъ дѣло, когда оно ведется подъ руководствомъ другого. Самъ не всегда замѣтишь врага въ мысленной брани, не всегда сумѣешь дѣйствовать противъ него и сохранить ревность и рѣшительность къ тому, а главное—въ томъ и другомъ случаѣ не можешь имѣть одного плана, предварительнаго очертанія, чтобы по нему вести все воеваніе. Исполненіе этого совершенно невозможно самому. Нужно, чтобы кто-нибудь видѣлъ и наше настоящее, и наше будущее со стороны. Потому преданіе себя руководителю должно почитать лучшимъ и рѣшительнымъ средствомъ къ самоисправленію. Онъ будетъ употреблять надъ нами и въ насъ то же средство—брань дѣятельно-мысленную, но, главное—по своему усмотрѣнію, начертанію, съ усмотрѣніемъ цѣли, пути и распутиѣ. Итакъ, желающій и ищущій очищенія, обрѣти и вымоли у Господа руководителя отца, обрѣтши, Расскажи ему все о себѣ, что знаешь и что въ себѣ видишь. Потомъ предай ему себя всего и внутренно, и внѣшне,—предай, какъ матеріаль необработанный, чтобы онъ строилъ изъ него домъ Господу, человека новаго. Поступивъ такимъ образомъ, покинь уже всю заботу о себѣ и беспопечительно укрывай

вайся подь руку отца. Пусть ведетъ, куда и какъ хочетъ,—пусть заставляетъ дѣлать, что, когда и гдѣ хочетъ. — Съ нашей стороны ему — непрекословное повиновение, не размышляющее, вѣрующее, охотное и полное открытіе ему совѣсти или повѣданіе своихъ помысловъ, желаній, страстей, дѣлъ, словъ,—всего, что дѣлаемъ и что съ нами бываетъ. Этимъ дается ему способъ видѣть, гдѣ мы, и въ какомъ состояніи наше внутреннее устройство, и подается поводъ, соотвѣтственно тому, давать намъ совѣты и назначать намъ дѣла *). Открываніе помысловъ и повиновение отцу—это рѣшительные истинители страстей и побѣдители бѣсовъ. Всякій разъ, какъ дѣлается откровеніе и потомъ исполняется то, что назначено по сему поводу, это то же, что очищеніе раны и перемѣна пластыря. Врачевство спѣшное! Открывшійся извергаетъ вонь все нечистое и, чрезъ послушаніе, беретъ потомъ чистое, новую кладь, цѣлительную пищу, сокъ чистый,—какъ рвотное кто приметъ, и потомъ хорошую пищу. Но что главное—имъ подсѣкается самый корень страстей, именно: самость, я. Ведущій самъ собою брань все же ведетъ ее самъ и такимъ образомъ, въ то время, какъ дѣйствуетъ противъ самости, нѣкоторымъ образомъ питаетъ ее. При руководителѣ же наше я рѣшительно исчезаетъ въ волѣ его съ перваго раза, а съ тѣмъ вмѣстѣ, теряютъ опору и всѣ страсти, и послѣ наступаютъ и дѣйствуютъ уже безъ порядка, въ смятеніи; но и тутъ все ихъ коварство перехитряется и дѣлается безуспѣшнымъ посредствомъ откровенности. Вообще, это могущественный способъ убивать страсти и востекать скоро къ чистотѣ. Всѣ опыты святыхъ идутъ сюда; и примѣровъ безчисленное множество... Надобно еще замѣтить, что чѣмъ

*) Книга Варсонофія вся и состоитъ въ этомъ.

скорѣе, по обращеніи, найдется и изберется руководитель, тѣмъ лучше. Ревность жива и на все готова, и мудрый правитель чего не сдѣлаетъ съ нею, особенно когда не успѣло еще образоваться самодѣланіе, которое надѣляетъ упорствомъ, недовѣріемъ, прекословіемъ, поправками... Болящій имъ, и избравъ руководителя, долженъ быть прежде исцѣленъ отъ него, чтобъ поступить въ чинъ добраго сына, способнаго къ образованію. Бѣда, когда привыкнетъ душа все дѣлать по своему разумѣнію и хотѣнію.

12) Наконецъ, окончательная какъ бы перечистка всего нашего состава, очищеніе его какъ въ огнѣ, совершается Самимъ Господомъ. Именно: совнѣ — скорбями, извнутри — слезами. Пельзя сказать, чтобъ онѣ являлись лишь въ концѣ, а прежде ихъ не бывало. Нѣтъ, онѣ начинаются съ перваго раза съ самаго начала, и сопровождаютъ человѣка въ видѣ различныхъ непріятностей и сокрушенія сердечнаго, и чѣмъ болѣе возрастаетъ человѣкъ, тѣмъ онѣ болѣе усиливаются. Но тамъ Господь вводитъ ихъ въ насъ, попуская, и какъ бы благословляя, во благо намъ обыкновенное теченіе дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Къ концу же Онъ намѣренно устрояетъ ихъ, даетъ слезы, наводитъ скорби — или вмѣстѣ, или одно за другимъ, и то одно прежде, то другое, и даже одно у одного, а другое у другого. Скорби — огонь, — слезы — вода. Это — крещеніе *водою и огнемъ*. У св. Исаака Сирианина это изображается взятіемъ на крестъ, или окончательнымъ распятіемъ внѣшняго человѣка. Эта минута, какъ говорятъ, искусительнѣйшая, подобная той, какая была у Авраама, приносившаго сына въ жертву: въ умѣ — мракъ, въ сердцѣ — безотрадное томленіе, свыше — чаяніе гнѣва, снизу — готовый адъ; человѣкъ зреть себя гибнущимъ, висящимъ надъ безд-

ною. Отсюда одни выходятъ съ торжествомъ, другіе падаютъ и возвращаются вспять, чтобъ опять взбираться на эту гору. Прощедшіе эту ступень, какъ восшедшіе на небо, уже не земны, а небесны, берутся Духомъ Божественнымъ и носятся имъ, подобно колесамъ въ видѣніи Іезекииля. Богъ въ нихъ есть дѣйствующій. Состояніе ихъ непостижимо для мысли. Его узнаютъ только опытомъ, потому о немъ и не говорятъ прошедшіе его; оно и не полезно, а, можетъ быть, даже и не безвредно.

Такъ это въ концѣ. До того же времени, на ряду съ другими способами, какъ сильнѣйшее средство очищенія, должны быть ощущаемы постоянныя скорбности и непріятности, Богомъ устрояемыя, и духъ сокрушенія, Имъ же подаваемый. По силѣ оно равняется руководителю и, при недостаткѣ его, можетъ довольно его замѣнять, да и замѣняетъ у человѣка вѣрующаго и смиреннаго. Ибо въ такомъ случаѣ Самъ Богъ есть руководитель, а Онъ, безъ сомнѣнія премудрѣе человѣка. У св. Исаака Сиріанина подробно изображается, съ какою постепенностью Господь вводитъ очищаемаго все болѣе и болѣе въ скорби очистительныя и какъ разогрѣваетъ въ немъ духъ сокрушенія. Съ нашей стороны требуется только вѣра въ благое промышленіе и готовое, радостное, благодарное пріятіе отъ Него всего посылаемаго. Недостатокъ сего отнимаетъ очистительную силу у скорбныхъ случаевъ, не пропускаетъ ея до сердца и глубинъ нашихъ. Это—въ отношеніи къ скорбямъ. Въ отношеніи же къ сокрушенію—внимательное познаваніе своихъ грѣховъ, своего разстройства, чрезъ наблюденіе за собою и за тѣмъ, что бываетъ въ насъ, и потомъ частое исповѣданіе, съ искреннимъ раскаяніемъ и болѣзнованіемъ. Безъ внѣшнихъ скорбей трудно устоять человѣку противъ гор-

дости и самомнѣнія, а безъ слезъ сокрушенія, какъ избавиться отъ внутренняго эгоизма фарисейской самоправедности *)? Тотъ, кто не имѣетъ первыхъ, почитается у Апостола прелюбодѣйчищемъ. Такъ какъ онѣ не въ нашей власти, а въ рукахъ Божіихъ, то, опасаясь просить ихъ (внѣшнихъ скорбей) по недовѣрію къ своимъ силамъ и незнанію, устоимъ ли въ нихъ, по крайней мѣрѣ, никакъ не должно оставаться въ небреженіи о послѣднемъ (сокрушеніи).—Оно въ рукахъ нашихъ большею половиною, и молиться о немъ не воспрещается. Итакъ, сколько есть способовъ и мудрости, напрягайся, сколько можно чаще, сокрушайся предъ Богомъ въ раскаяніи, падая предъ Нимъ и моля о помилованіи. Видя трудъ, Онъ подастъ и непрестанное сокрушеніе и, если нужно, избыльныя слезы, коими омоется и, наконецъ, совершенно очистится, лицо души. Благополучіе должно вести не къ самонадѣянности и велехваленію, а къ опасенію, не оставилъ ли уже Господь, какъ ненужнаго, а потому—къ сильнѣйшему ревнованію о сокрушеніи сердечномъ, которое всегда есть жертва Богу пріятная. Даже можно сказать, когда нѣтъ у тебя внѣшняго скорбѣнія, то скорби внутренно, ибо къ этому какъ бы призываетъ тебя Богъ. Между тѣмъ, и наоборотъ, тому, кто скорбитъ внѣшне, Самъ Господь посылаетъ утѣшенія—минуты восхитительнаго радованія, заставляющія забыть скорби, залѣчивающія раны, при чемъ сѣтованіе и невозможно. Слезы при этомъ могутъ быть и не быть: все дѣло—въ болѣзнованіи предъ Богомъ о нечистотахъ своихъ.

Вотъ всѣ способы, коими въ насъ истребляются страсти—то собственнымъ нашимъ умнодѣлательнымъ трудомъ, то руководителями, то Самимъ Господомъ.

*) У св. Исаака Сиріанина внѣшнія скорби, слезы и сокрушенія восхваляются по всему пространству его словъ.

Уже было замѣчено, что безъ мысленнаго внутренняго боренія, бореніе внѣшнее не можетъ быть успѣшнымъ; то же самое должно сказать и о бореніи подъ руководствомъ, а также и о промыслительномъ очищеніи. Слѣдовательно, внутреннее бореніе должно быть непрекращаемо и неизмѣняемо. Само одно оно не такъ сильно: но когда нѣтъ его, всѣ другія—бездѣйственны, не въ пользу. И дѣлатели, и страдатели, слезники и послушники гибли и гибнутъ отъ недостатка внутренняго боренія или храненія ума. Если припомнить при этомъ и то, что сказано прежде о внутреннемъ положительномъ дѣланіи, именно, что въ немъ—цѣль и сила внѣшняго положительнаго дѣланія,—то во всей силѣ откроется все значеніе дѣланія внутренняго, и всякому будетъ видно, что оно—исходище, основа и цѣль всего подвижничества. Все дѣланіе наше можетъ быть сокращено въ слѣдующую формулу: собравшись внутрь себя, возставъ духовное сознаніе и жизнедѣятельность и въ этомъ настроеніи ходи по начертанному внѣшнему дѣланію подъ руководителемъ или Промысломъ; но при этомъ съ строгимъ и напряженнымъ вниманіемъ замѣчай и слѣди все возникающее внутри. Коль скоро родится страстное возстаніе,—гоня сего и поражай, мысленно и дѣятельно, не забывая возгрѣвать въ себѣ духъ сокрушенный и болѣзнующій о грѣхахъ своихъ.

Сюда должно быть сведено все вниманіе подвижника, чтобы, подвизаясь, онъ не разсѣявался и былъ какъ бы связанъ или препоясанъ по чресламъ помышленій своихъ. Хожденіе съ такимъ внутрь-пребываніемъ и храненіемъ есть хожденіе трезвенное, а наука о семъ есть наука трезвенія. Теперь понятно, почему всѣ подвижники главнѣйшею изъ добродѣтелей подвижническихъ считали добродѣтель трезвенія, и не имѣющаго

ея почитали бесплоднымъ. Потому оно и должно быть отмѣчено особенно. О немъ уже была рѣчь, но то — лишь начало. Тамъ говорено было о немъ для того, дабы показать, что исходить на дѣятельность самопротивленія и самопринужденія должно не иначе, какъ извнутри, или, лучше, ходить въ ней—утвердившись внутрь. Теперь ту же точку изберемъ для восхожденія вверхъ, ибо тамъ—цѣль, а внѣшнее—средство. Должно, то-есть показать: существенное тяготѣніе подвизающагося духа къ Богу, условія къ скорѣйшему приближенію къ Нему и состояніе приближеннаго или, лучше, способнаго къ тому, ибо само приближеніе—отъ Бога.

4. Начатки восхожденія къ живому Богообщенію.

Утвердившись внутрь, обратившійся всю силу ревности своей обращаетъ на дѣла самоисправленія себя отъ нечистотъ и страстей, на высвобожденіе своихъ силъ и укрѣпленіе ихъ въ дѣятельности Богоугодной. Эта работа поглощаетъ все его вниманіе, всѣ труды и все время. По мѣрѣ приученія себя къ этому дѣланію и, вмѣстѣ, упорядоченія и организованія своего внутренняго состоянія, онъ естественно болѣе и болѣе входитъ въ себя, собирается внутрь и полагаетъ начало неисходному въ немъ пребыванію. Это цѣль начального подвизанія, вступленіе въ себя.

Въ то же самое время, какъ человекъ начинаетъ утверждаться въ себѣ, мало-по-малу раскрывается предъ нимъ главная цѣль, которой долженъ искать и которая прежде какъ бы скрывалась за множествомъ дѣлъ. Но и само собою естественно, по мѣрѣ удаленія изъ области страстей, оказаться главному стремленію и тяготѣнію нашего духа, ради распространенія круга коего и предпринимается весь трудъ. Эта цѣль

и стремленіе есть тяготѣніе къ Богу, какъ верховному благу. Оно возможно подъ условіемъ ощущенія сладости жизни въ Богѣ или вкушенія—сколь благъ Богъ, потому является не вдругъ. Сначала, страхъ лежитъ на человѣкѣ: онъ служитъ какъ рабъ, по долгу, обязанности, которую созналъ въ минуту пробужденія. Потомъ страхъ стихаетъ и, не исчезая, даетъ мѣсто сладости въ работѣ Господу, ощущенію въ немъ пріятности. Явленіе это есть явленіе перваго оживленія души для Бога, узрѣніе свѣтлой своей цѣли. Когда это тяготѣніе явится, то начинаетъ расти уже само собою въ томъ же порядкѣ, среди котораго и родилось. Не должно, однакоже, ждать только его, а самимъ оставаться не дѣйствующими для него, — нѣтъ, человѣкъ долженъ самъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, дабы споспѣшествовать скорѣйшему раскрытію этого тяготѣнія. Къ этому въ прежнемъ порядкѣ, назначается преимущественно внутреннее положительное дѣланіе; но и всѣ дѣла такъ совершаемая, поколику будутъ совершаться, не выходя изнутри, способны подать помощь сему тяготѣнію, возвращать и укрѣплять, съ чаяніемъ всего отъ Бога и обращеніемъ всего во славу Божию. Это должно быть духомъ всего показаннаго дѣланія, иначе оно останется безплоднымъ, и, что особенно важно, человѣкъ не можетъ вынести его тяготы безъ этой внутренней силы, влагаемой въ него. Такъ прежніе подвиги могутъ развивать тяготѣніе къ Богу; но надобно направлять ихъ къ тому особымъ внутреннимъ настроеніемъ, какое должно держать проходя ихъ.

Восхожденіе къ Богу.

Восхожденіе ума къ Богу, или тяготѣніе къ Нему, образуется по мѣрѣ укрѣпленія внутреннихъ дѣланій.

Оно въ нихъ зарождается, какъ сѣмя, и зрѣеть на нихъ, какъ на почвѣ. Храня, потому, сіе внутреннее, для того, чтобы возбудить скорѣе тяготѣніе къ Богу, должно при этомъ:

1) Навыкать умомъ хожденію предъ Богомъ. Пусть человѣкъ напрягается непрестанно зрѣть Бога, яко одесную есть, и восходить до чувства, что онъ есть зримый Богомъ. Навыкновеніе въ этомъ есть дверь къ Богу, отверстіе неба уму.

2) Все творить во славу Божию и ни въ чемъ: ни во внѣ, ни внутри — не имѣть въ виду ничего, кромѣ сей славы: она должна быть мѣрою начинаній и налагать на нихъ печать свою.

3) Все дѣлать по сознанию на то воли Божіей, ходить въ этой волѣ и ей во всемъ повиноваться и вседушно покорствоваться (Лѣств. сл. 27, гл. 66). Дѣйствованіе по волѣ Божіей обнимаетъ все бывающее отъ человѣка, а покорность ей обнимаетъ все бывающее съ человѣкомъ. Что ни дѣлаешь, напрягайся увидѣть, что Богъ хочетъ отъ тебя сего дѣла; что ни встрѣтитя съ тобою, прими то, какъ отъ руки Господней. Лицо, вещь, случай, радость, горе, — все прими съ радостію, всему покорись съ охотою, миромъ, услажденіемъ, несмотря на противность.

Сими духовными дѣланіями все болѣе и болѣе умъ будетъ прозрѣвать къ Богу и утверждаться въ Богозрѣніи — навыкнетъ стоять умомъ въ зрѣніи Бога съ Его безконечными совершенствами. Это зрѣніе дается, большею частію, во время молитвеннаго Богу предстоянія и зрѣеть посредствомъ сего же молитвеннаго предстоянія Богу. Оно есть начатокъ восхожденія къ живому Богообщенію.

Современно съ Богозрѣніемъ является и совершенствуется благоговѣйное Богу поклоненіе духомъ, ко-

гда онъ, въ болѣзненномъ взываніи къ Богу, падаетъ предъ Нимъ въ самоуничженіи, яко тварь, не съ болѣзненнымъ, однакоже, чувствомъ, что онъ есть попираемый и отвергаемый, а съ сознаниемъ того, что онъ—пріемлемый, милуемый и ущедряемый.

Вслѣдствіе сего будутъ появляться неудержимыя влеченія внутрь и къ Богу восхищеніе.

Стремленіе къ Богу—цѣль. Но сначала оно—лишь въ намѣреніи, искомое. Должно сдѣлать его дѣйствительнымъ, живымъ, какъ естественное тяготѣніе, сладостное, охотное, неудержимое. Только такого рода тяготѣніе и показываетъ, что мы—въ своемъ чинѣ, что Богъ воспріемлетъ насъ, что мы идемъ къ Нему. Когда желѣзо тянется къ магниту, это значить, что прикасается къ нему сила магнитная; то же и въ духовномъ отношеніи: тогда только и видно, что Богъ касается насъ, когда есть это живое стремленіе,—когда духъ, минуя все, устремляется къ Богу, восхищается. Сначала не бываетъ этого,—человѣкъ ревнующій весь обращенъ на себя, хотя и для Бога; но это воззрѣніе на Бога есть только мысленное. Еще Господь не даетъ вкусить Себя, да и человѣкъ неспособенъ, потому что нечистъ. Онъ служитъ Богу, такъ сказать, безвкусно. Потомъ, по мѣрѣ очищенія и исправленія сердца, начинаетъ ощущать сладость въ Богоугодной жизни, съ любовію и охотою ходить въ ней,—она становится его улаждающею стихіею. Душа начинаетъ отрываться отъ всего, какъ отъ холода, и тяготѣетъ къ Богу, согрѣвающему ее. Полагаются начатки сего тяготѣнія въ духъ ревнующемъ Божественною благодатію. Ея же наитіями и руководствомъ и зрѣетъ оно среди указаннаго порядка, коимъ питается даже безъ вѣдома самого дѣйствителя. Знаменіе сего рожденія суть: охотное, тихое, ненапря-

женное внутрь-пребываніе предъ Богомъ, сопровождаемое чувствомъ благоговѣнія, страха, радости и т. п. Прежде внутрь себя втѣснялъ себя духъ, а теперь самъ устанавливается тамъ и стоитъ неисходно. Ему радостно быть тамъ одному съ Богомъ въ удаленіи отъ другихъ, или безъ вниманія ко всему внѣшнему. Онъ обрѣтаетъ внутрь себя царство Божіе, которое есть *миръ и радость о Духъ Святъ*. Такое погруженіе внутрь, или погруженіе въ Бога, называется умнымъ безмолвіемъ или восхищеніемъ къ Богу. Бываетъ оно преходящимъ, но должно сдѣлать его постояннымъ, потому что въ этомъ—цѣль. Богъ въ насъ, когда духъ нашъ въ Богѣ истинно, ибо это есть не мысленное общеніе, а живое, безмолвное, отчужденное отъ всего, погруженіе въ Бога. Какъ лучъ солнца уноситъ каплю росы, такъ и Господь восхищаетъ духъ, прикасаясь къ нему. *Взя мя духъ*, говоритъ пророкъ. Многіе изъ святыхъ бывали постоянно въ восхищеніи къ Богу, а на иныхъ духъ нападалъ временно, но часто. Такъ и зачинается, и зрѣеть, и совершенствуется такое тяготѣніе, или вступленіе въ Бога, Божественною благодатию въ томъ, кто ищетъ Бога искренно, добросовѣстно, усердно.

Существенное условіе для сего есть очищеніе сердца для принятія влекущаго Бога: *чистиі сердцемъ Бога узрятъ*. Потому всѣ, доселѣ указанные подвиги, упражненія и дѣла суть необходимое, неминуемое къ тому приготовленіе. Только всѣ они должны быть проходимы должнымъ образомъ, и именно съ направлениемъ къ сему. Главное здѣсь—храненіе сердца: хранилище ревнующаго духа—внутри; условіе дѣйствительности подвиговъ, упражненій и дѣлъ, когда они идутъ извнутри, успѣхи боренія только извнутри: лучшій способъ образованія тяготѣнія къ Богу—внутрен-

ній. Слѣдовательно, внутреннее дѣланіе есть центральное исходище духовной, истинно-христіанской жизни. Посему у св. отцевъ оно одно и поставляется единственнымъ путемъ къ совершенству. *Трезвитесь и бодрствуйте, бдите и молитесь*, говоритъ Господь. Трезвеніе, или храненіе сердца — главный подвигъ. У св. отцевъ сюда и направлено все: все — въ сердце, ибо что въ немъ, то и на дѣлѣ.

Рѣшительный же шагъ въ восхожденіи къ Богу, самое предверіе Богообщенія есть совершенное преданіе Ему себя, послѣ коего Онъ уже есть дѣйствующій, а не человекъ. Въ чемъ вся сила, или чего мы ищемъ? — Богообщенія, того, то-есть, чтобы Богъ вселился въ насъ и началъ ходить въ насъ, облекся какъ бы въ нашъ духъ, правилъ и его разумомъ, и волею, и чувствомъ, чтобы и *еже хотѣти и еже дѣяти въ насъ* было Его дѣломъ, чтобы Онъ былъ дѣйствующій все во всемъ, а мы сдѣлались бы орудіями Его, или дѣемыми отъ Него, и въ помышленіяхъ, и хотѣніяхъ, и чувствахъ, и словахъ, и дѣлахъ. Этого ищетъ Господь, Владыка всяческихъ, ибо Онъ одинъ все въ тваряхъ дѣлаетъ чрезъ твари же. Того же долженъ искать и понявшій себя духъ.

Условіе къ сему Боговселенію въ насъ и воцаренію, или пріятію вседѣйствія, есть отреченіе отъ своей свободы. Свободная тварь, по своему сознанию и опредѣленію, дѣйствуетъ сама отъ себя; но этому не должно быть такъ. Въ царствѣ Божіемъ не долженъ быть кто дѣйствующій самъ, но чтобы во всемъ дѣйствовалъ Богъ; а этого не будетъ, пока свобода сама стоитъ, — она отрицаетъ и отвергаетъ силу Божію. И тогда только прекратится это упрямство противъ силы Божіей, когда падетъ предъ Нимъ наша свобода, или самостоятельная и самоличная дѣятельность, когда въ

человѣкъ произнесетъ рѣшительное прошеніе: „Ты, Господи, твори во мнѣ, что хочешь, а я слѣпъ, и слабъ“.

Въ этотъ-то моментъ вступаетъ сила Божія въ духъ человѣка и начинаетъ вседѣйствіе свое. Итакъ, условіе Боговселенія въ насъ есть рѣшительное преданіе Ему себя.

Преданіе себя Богу есть внутреннѣйшій, сокровеннѣйшій актъ нашего духа, мгновенный, какъ и всѣ, но не мгновенно достигаемый, а зрѣющій постепенно, продолжительно или кратко, судя по умѣнью и благо разумію дѣлателя-христіанина. Начало его полагается въ первомъ обращеніи, ибо тамъ кающійся, полагая объѣтъ, непременно говоритъ: „буду бѣгать зла и творить благо; только Ты, Господи, не оставь меня Своею благодатною помощію“. Съ этимъ расположеніемъ онъ и вступаетъ на поприще подвижничества и ревностно дѣйствуетъ въ немъ, въ чаяніи пріятія Божіей помощіи. Но видимо, что здѣсь впереди идетъ его ревнованіе, Божіе же дѣйствіе послѣдуетъ за нимъ. Это необходимо и по настроенію начинающаго, и по намѣренію Божію. Начинающій хочетъ потрудиться ради Господа, услужить Ему—и трудится. Этимъ образуетъ у него благонадежность и какъ бы смѣлость воззрѣнія на Бога. Но, очевидно, что это не должно такъ оставаться. Необходимо, чтобы человѣкъ послѣдовалъ влеченію Божію, погасивъ самочинное ревнованіе. Слѣдовательно, человѣку не должно оставаться въ первомъ своемъ настроеніи, но, не ослабляя той же ревности, надлежитъ подчинять себя Богу, вводиться подъ Его мановеніе, приучиться послѣдовать Его внушеніямъ и влеченіямъ. Тайно о семъ намекается, когда говорится Петру: „когда ты былъ юнъ, поясался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ, а когда соста-

рѣшешь, *иъ ты поашеть и ведеть, а може не хочеш*“. Сначала самъ ревнуетъ человѣкъ, а потомъ говорить: „Самъ, Господи, имиже вѣси судьбами, устрой мое спасеніе. Какъ связанный буду идти, куда повелишь“. Это и есть актъ рѣшительной Богу преданности. Первый родъ дѣятельности такъ благовиденъ и красивъ, — сколько плодовъ! Потому-то онъ можетъ привязать къ себѣ навсегда. Но этого должно опасаться, потому что это будетъ то же, что потѣтъ надъ неблагодарною землею: много песку и камней, а нѣтъ жизненности. Надо стараться, отшедши отъ нея, перейти въ Богопреданность. Правда, она нѣкоторымъ образомъ и сама можетъ расти въ продолженіе перваго дѣланія, однакоже должно слѣдить за этимъ роженіемъ и способствовать ему, или, лучше, принимать образуемое и растимое. Собственно и тогда дѣйствующій есть Богъ, ибо безъ Него мы ничто; но человѣкъ говоритъ: „я избралъ, я хотѣлъ, я трудился, и Богъ помогъ“. И хотѣніе, и избраніе, и труды суть тоже добрыя дѣла и, слѣдовательно, Божіи; но человѣку, за хлопотами и усиліями, думается, что тутъ его сила. Потому совершающійся внутри переходъ отъ ревности къ Богопреданности ревностной есть не что иное, какъ раскрытіе и явленіе нашему сознанию дѣйствія Божія въ насъ, или въ устроеніи нашего спасенія и очищенія. Ревнующій вразумляется о семь частыми неуспѣхами при всемъ усиліи, — успѣхами нечаянными и большими безъ особаго напряженія, — ошибками и паденіями, особенно вразумительными, какъ отступленіями благодати. Всѣми ими приводится человѣкъ къ мысли и вѣрѣ, что онъ — ничто, а все — Богъ и Его всемогущая благодать. Это — послѣдняя точка пригиготительнаго къ Богопреданности курса. Она не иначе возможна, какъ когда человѣкъ восчув-

ствуешь, что онъ—ничто. Съ своей стороны человекъ можетъ приложить слѣдующее: разсмотрѣніе дѣлъ и случаевъ, какъ они строятся, чтобъ узрѣть силу Божию въ нихъ; углубленіе съ сильною вѣрою въ условія оправданія, до воззванія: „*имиже вѣси судьбами, спаси мя*“; зрѣніе безчисленнаго множества враговъ, сокрытіе пути, мракъ предъ лицомъ, неисчетность распутій, сокровенность опредѣленій Божіихъ. Эти мысленныя приготовленія получаютъ особенную силу отъ дѣятельнаго, именно: раздаяніе всего имѣнія, преданіе себя всеобщему поруганію (въ юродствѣ), затворъ, пустыничество. Это такіе повороты жизни, послѣ которыхъ некуда болѣе обращаться, какъ къ Богу. Вѣ такіе прямо повергають себя въ руки Божіи и Имъ пріемлются. Въ этомъ отношеніи неопѣненна помощь руководителя, если онъ, невидимо для руководимаго, поставляетъ его въ такія обстоятельства, изъ коихъ можетъ высвободить одна только невидимая помощь Божія. Древніе отцы говорили: должно послушникамъ доставлять вѣнцы. Лучшее всего это чувство ничтожества своего и Богопреданіе образуются непрестанными скорбями и особенно чрезвычайными, Богомъ посылаемыми, крестами. о коихъ мы упоминали выше.

Предавшій себя Богу, или удостоившійся сего дара, начинаетъ быть дѣйствуемый отъ Бога и пребывать въ Немъ. Свобода не уничтожается, а существуетъ, ибо самопреданіе не есть окончательный, утвержденный актъ, а непрестанно повторяемый. Человекъ повергаетъ себя Богу, и Богъ возьметъ его и дѣйствуетъ въ немъ, или его силами. Въ этомъ—жизнь духа нашего истинная, Божественная. Повергающій себя въ руки Божіи пріемлетъ отъ Бога и дѣйствуетъ тѣмъ, что пріемлетъ. Это—живой союзъ, жизнь въ

Богъ, утвержденіе въ Немъ все́мъ существомъ: мыслию, сердцемъ, волею. Оно является по самопреданію. Но какъ самопреданіе растеть постепенно и, именно, въ продолженіе еще перваго дѣйствованія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не возвышаться и сему Богопріятію и пребыванію въ немъ. Оно такъ и есть: оно и возвышается само. Но опять-таки и съ нашей стороны должно быть нѣчто въ содѣйствіе ей или спѣшнѣйшее созрѣваніе. Поприще Богообщенія, область, въ коей оно образуется и дѣйствуетъ, есть умная духовная молитва... Молящійся пребываетъ въ Богѣ и, слѣдовательно, очень готовъ и способенъ къ тому, чтобъ и Богъ сталъ пребывать въ немъ. Но эта молитва не то же, что молитвованіе; это—особое дѣйствіе духовное, не только руководимое, а болѣе безвѣстно зрѣющее и для руководимаго, и для руководящаго. Въ ней, можно сказать, послѣдній предѣлъ правилъ подвижничества *). Ибо, когда станетъ и утвердится эта молитва, Богъ есть едино съ духомъ нашимъ. И правила касаются только начатковъ ея; а что бываетъ въ ней по усовершенствованіи, то сокрыто, становится невиднымъ, какъ Моисей за облакомъ.

Живое Богообщеніе совершается въ состояніи безмолвія, приводящаго къ безстрастію.

У кого начали появляться эти невольныя влеченія внутрь и эти восхищенія къ Богу, и особенно у кого начали дѣйствовать совершенное преданіе себя Богу и непрестанная молитва, тотъ готовъ и способенъ вступить въ безмолвіе. Только онъ и силенъ вынести этотъ подвигъ и проходить его съ плодомъ. Удержатъ такого въ общежитіи и сожительствѣ съ другими невозможно.

*) См. у Симеона Богослова.

Что гнало Арсенія Великаго отъ людей? Это тяготѣніе внутрь предъ Бога. „Люблю васъ, говорилъ онъ, но не могу быть вмѣстѣ съ Богомъ и съ людьми“.— „Истинный безмолвникъ, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, не желая лишиться сладости Божіей, такъ удаляется отъ всѣхъ людей, безъ ненависти къ нимъ, какъ усердно другіе съ ними сближаются“.

Выписываемъ нужное къ понятію о безмолвіи изъ 27-го слова „Лѣствицы“:

„Есть безмолвіе вѣншее, когда кто, отъ всѣхъ отдѣлившись, живетъ одинъ; и есть безмолвіе внутреннее, когда кто въ духѣ одинъ съ Богомъ пребываетъ не напряженно, а свободно, какъ свободно грудь дышитъ, и глазъ видитъ. Они совмѣстны, но первому безъ послѣдняго нельзя быть. Посему собственно безмолвникъ тотъ, кто существо безтѣлесное, душу свою уснаивается удерживать въ предѣлахъ тѣлеснаго дома. Пусть келлія безмолвника заключаетъ въ себѣ тѣло его, а сіе послѣднее имѣетъ въ себѣ хранину разума“.

На безмолвіе не потянетъ того, кто не вкусилъ еще сладости Божіей; сладости же сей не вкуситъ тотъ, кто не побѣдилъ еще страстей. Недугующій душевною страстію и покушающійся на безмолвіе подобенъ тому, кто соскачплъ съ корабля въ пучину и думаетъ безбѣдно достигнуть берега на доскѣ.

Никто изъ тѣхъ, которые подвержены раздражительности и возношенію, лицемѣрію и памятозлобію, да не дерзнетъ когда-либо увидѣть и слѣдъ безмолвія, чтобы не впасть въ изступленіе ума.

„Вкусившій сладости Божіей стремится на безмолвіе, чтобы ненасытно насыщаться имъ, безъ всякихъ препонъ, и непрестанно порождать въ себѣ огонь огнемъ, раченіе раченіемъ и вожделѣніе вожделѣніемъ.“

Посему безмолвникъ есть земной образъ ангела; на хартіи вождельніа, рукописаніемъ тщанія, освободилъ онъ молитву свою отъ лѣности и нерадѣнія... Безмолвникъ—тотъ, кто духодвижно вопіеть: *готово сердце мое, Боже!* Безмолвникъ—тотъ, кто говоритъ: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ*“.

Такимъ образомъ, все занятіе безмолвника—быть съ Единымъ Господомъ, съ Коимъ и бесѣдуетъ онъ лицомъ къ лицу, какъ любимцы царя говорятъ ему на ухо. Это сердцевоє дѣланіе ограждается и охраняется другимъ,—блюденіемъ безмятежіа помысловъ. Благочиніе помысловъ и неокрадываемая мысль о Божественномъ составляютъ существо безмолвіа и еще безпеченіе. Сидя на высотѣ, наблюдай, если только знаешь это, и тогда увидишь, какъ и когда, откуда, сколь многіе и какіе тати хотятъ войти и украсть грозды винограда. Когда стражъ сей утрудится, то встаетъ и молится, а потомъ опять садится и принимается за первое дѣло съ новымъ мужествомъ.

Возлюбившіе блаженное безмолвіе проходятъ дѣланіе умныхъ силъ и подражаютъ образу ихъ жизни. Не насытятся они во вѣки вѣковъ, восхваляя Творца; такъ и восшедшій на небо безмолвіа не насытятся, воспѣвая Создателя.

Но ни молитвы безлѣнностной, ни храненія сердца неокрадомаго нельзя возымѣть, если не утвердилось напередъ въ сердцѣ совершенное безпеченіе. Нельзя съ разумомъ проходить первыхъ двухъ, кто не приобрѣлъ послѣдняго, подобно тому, какъ не выучивши буквъ, нельзя читать. „Малый волосъ смущаетъ око, и малое попеченіе губитъ безмолвіе“. Кто желаетъ представить Богу чистый умъ и смущаетъ себя попеченіями, тотъ подобенъ крѣпко сковавшему свои ноги и покушающемуся скоро идти. Посему истинное

безмолвіе и начинается по преданіи себя Богу и глубоко́мъ убѣжденіи сердца въ Его о насъ попеченіи.

Только тѣ, кои сочетались съ безмолвіемъ для наслажденія любовію Божіею, для утоленія жажды этой любви, будучи влекомы сладостію ея, суть настоящіе безмолвники. Такіе, если проходятъ безмолвіе съ разумомъ, скоро начинаютъ вкушать и плоды его, кои суть: умъ неволнуемый, мысль очищенная, восхищеніе къ Господу, молитва ненасытная, стража неокрадаемая, всегдашнія слезы и проч.

Такимъ образомъ влечетъ на безмолвіе влеченіе внутрь къ сладостному стоянію предъ Богомъ; путь къ нему пролагаетъ очищеніе отъ страстей всѣми подвигами, коими укрѣпляется въ насъ добро и истощается зло; непосредственное преддверіе его есть преданіе себя Богу въ безпопеченіи; существо его — ничѣмъ невозмутимое молитвенное стояніе предъ Богомъ умомъ въ сердцѣ, отъ коего огонь къ огню прилагается.

Горѣніе духа отъ Божія прикосновенія окончательно очищаетъ человѣка и возводитъ его въ состояніе безстрастія. Въ этомъ огнѣ переплавляется естество наше, какъ металлъ неочищенный въ горнилѣ, и является сіяющимъ небесной чистотою, дѣлающимъ его готовымъ Богу жилищемъ.

Такъ, на пути къ живому Богообщенію, стоитъ неминуемо безмолвіе, если не всегда какъ извѣстный образъ подвижническаго житія, то всегда какъ состояніе, въ коемъ внутрь собранный и углубленный духъ, огнемъ Духа Божественнаго, возводится къ серафимовской чистотѣ и пламенѣнію къ Богу и въ Богѣ.

Огонь этотъ внѣдряется въ минуты обращенія и

начинаетъ дѣйствовать, какъ только, по обѣтѣ, вступить человѣкъ въ трудъ; но это есть начальная теплота, то появляющаяся, то скрывающаяся. Она дѣйствуетъ во все продолженіе труда надъ очищеніемъ сердца; иначе не вынести человѣку трудовъ сихъ. Но всей силы своей она въ то время явить не можетъ, по причинѣ холода страстей, еще качествующихъ въ человѣкѣ. Всю силу свою являетъ она уже тогда, когда умолкнуть страсти. Первая теплота похожа на горѣніе дровъ сырыхъ и намоченныхъ, а вторая на горѣніе тѣхъ же дровъ, когда огонь изсушитъ ихъ и проникнетъ весь ихъ составъ. По другому сравненію, первая теплота похожа на ту, которая бываетъ въ водѣ, содержащей льдину, еще нерастаившую; теплота есть, но вода не вскипаетъ и не вскипитъ, пока не растаетъ льдина. Когда же растаетъ льдина, теплота, проникая всю массу воды, разгорячаетъ ее все сильнѣе и сильнѣе; отъ этого вода перекипаетъ и перечищается. Вотъ на это похожа вторая теплота. Послѣдніе два образа дѣйствій огня изображаютъ дѣйствія духовнаго горѣнія въ послѣднихъ степеняхъ совершенства христіанскаго, возводящаго къ совершенной чистотѣ и безстрастію.

Вещество страстей, будучи изнуряемо Божественнымъ огнемъ, потребляется; а по мѣрѣ того, какъ вещество искореняется и душа очищается, отходятъ и страсти (Лѣств. сл. 26, 63).

Вотъ значеніе безстрастія, по указанію „Лѣствицы“ въ словѣ 29-мъ: „безстрастіе есть воскресеніе души прежде воскресенія тѣла“.

Воскресеніемъ души должно называть исшествіе изъ ветхости, именно, когда произойдетъ новый человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ничего отъ ветхаго человѣка, по

сказанному: *и дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ* (Иезек. 36, 26; св. Исаакъ Сир. стр. 138).

Это полное и, между тѣмъ, всегда возрастающее совершенство совершившихся о Господѣ такъ освящаетъ умъ и восхищаетъ его отъ вещества, что часто отъ жизни въ тѣлѣ изступленіемъ возноситъ на небо къ видѣнію.

Безстрастіе показалъ Апостоль, написавъ: *умъ Господень и мамы* (1 Кор. 2, 16). Безстрастіе показалъ и тотъ сиріанинъ-подвижникъ, который взывалъ: „ослаби ми волны благодати Твоея!“ (Св. Ефремъ).

Безстрастный ко всѣмъ предметамъ, возбуждающимъ и питающимъ страсти, сталъ нечувствителенъ такъ, что они никакого дѣйствія на него не производятъ, хотя находятся предъ очами его. Это оттого, что онъ весь соединенъ съ Богомъ. Приходитъ онъ въ блудилище — и не только не чувствуетъ движеній страсти, но и блудницу приводитъ къ чистому и подвижническому житію (См. 26, ст. 5, 139).

Кто сподобился быть въ семь устроеніи, тотъ еще здѣсь, обложенный брэнною плотію, бываетъ храмомъ живого Бога, Который руководствуетъ и наставляетъ его во всѣхъ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ; и онъ, по причинѣ внутренняго просвѣщенія, познаетъ волю Господню, какъ бы слышалъ нѣкоторый гласъ, и, будучи выше всякаго человѣческаго ученія, говоритъ: *когда прииду и явлюся лицу Божію*, — ибо не могу болѣе сносить дѣйствій его вожделѣнія, но ищу той безсмертной доброты, которую Ты даровалъ мнѣ прежде, нежели я впалъ въ тлѣніе. Но что много говорить! Безстрастный не ктому живетъ себѣ, но живетъ въ немъ Христосъ (Галат. 2, 20), какъ сказалъ подвигомъ добрымъ подвизавшійся, теченіе скончавшій и вѣру православную соблюдашій.

Безстрастіе есть небесная палата небеснаго Царя.

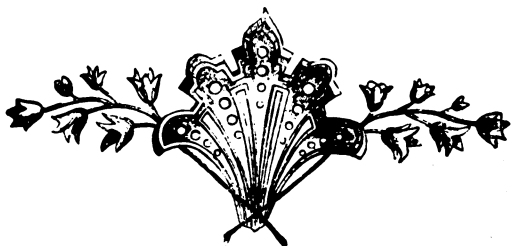
И вотъ, наконецъ, Богообщеніе и Боговселеніе — послѣдняя цѣль исканія духа человѣческаго, когда онъ бываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Исполняется, наконецъ, благоволеніе Господа и молитва Его, чтобы какъ Онъ въ Отцѣ и Отецъ въ Немъ, такъ и всякій вѣрующій едино былъ съ Нимъ (Іоан. 17, 21). Исполняется утѣшительное увѣреніе Его: кто слово Его соблюдеть, того возлюбитъ Отецъ Его, и Они къ тому придутъ и обитель у него сотворять (Іоан. 14, 23). Исполняется Апостольское опредѣленіе умершихъ безстрастіемъ, что животь ихъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ (Кол. 3, 3). Таковыя суть храмъ Божій (1 Кор. 3, 16), и Духъ Божій живетъ въ нихъ (Римл. 8, 9).

Достигшіе сего суть таинники Божіи, и состояніе ихъ есть то же, что состояніе Апостоловъ, потому-что и они во всемъ познають волю Божию, слыша, какъ бы нѣкій гласъ (Лѣств. 29, 11), и они, совершенно соединивъ чувства свои съ Богомъ, тайно научаются отъ Него словамъ Его (Лѣств. 30, 21). Знаменуется такое состояніе пламенемъ любви, по коей они съ дерзновеніемъ удостовѣряють: *кто ны разлучитъ?* (Римл. 8, 35). А любовь есть подательница пророчества, причина чудотвореній, бездна просвѣщенія, источникъ огня Божественнаго, который чѣмъ болѣе истекаетъ, тѣмъ болѣе распаляетъ жаждущаго (Лѣств. 30, 35).

Поелику такое состояніе есть плодъ безмолвія, когда проходятъ его съ разумомъ, то не всѣ безмолвники оставляются Богомъ въ безмолвіи навсегда. Достигающіе чрезъ безмолвіе безстрастія и чрезъ то удостоивающіеся приискренняго Богообщенія и Боговселенія изводятся оттуда на служеніе ищущимъ

спасенія и служить имъ, просвѣщая, руководя, чудодѣйствуя. И Антонію Великому, какъ Іоанну въ пустынѣ, гласъ былъ въ его безмолвіи, изведшій его на труды руководства другихъ на пути спасенія,—и всѣмъ извѣстны плоды трудовъ его. То же было и со многими другими.

Выше сего состоянія Апостольскаго мы не знаемъ на землѣ. Здѣсь—и конецъ обзорнiю порядка Богоугодной жизни *).

*) Желающіе знать о послѣднихъ степеняхъ христіанскаго совершенства, пусть читаютъ св. Псаака Сиріаннина, „Ісѣвнцу“ и „Добротолубіе“.

Святаго отца нашего Іоанна Златоустаго уроки о воспитаніи *).

1. Родить дѣтей есть дѣло природы; но образовать и воспитать ихъ въ добродѣтели—дѣло ума и воли.

2. Подъ долгомъ воспитать своихъ дѣтей я разумѣю не одно то, чтобы не допустить ихъ умереть съ голоду, чѣмъ люди, кажется, и ограничиваютъ свои обязанности по отношенію къ дѣтямъ. Для этого не нужно ни книгъ, ни постановленій: объ этомъ весьма громко говорить природа. Я говорю о попеченіи образовать сердца дѣтей въ добродѣтели и благочестіи,— долгъ священный, котораго нельзя преступить, не сдѣлавшись виновнымъ въ нѣкотораго рода дѣтубійствѣ.

3. Эта обязанность обща какъ для отцевъ, такъ и для матерей. Есть отцы, которые не щадятъ ничего, чтобы доставить дѣтямъ своимъ учителей въ удовольствіяхъ и потворствовать прихотямъ ихъ, какъ богатыхъ наслѣдниковъ; а чтобы дѣти были христіанами, чтобы упражнялись въ благочестіи, — до этого имъ мало нужды. Преступное ослѣпленіе!—Этой-то грубой невнимательности должно приписывать всѣ безпорядки, отъ которыхъ стонетъ общество. Положимъ, что вы приобрѣли для нихъ большое имущество, но если они не будутъ умѣть благоразумно вести себя, оно сохранится у нихъ недолго. Имущество будетъ расто-

*) Начало взято изъ „Хр. Чт.“ 1838 г. ч. IV, стр. 242—253, а туда извлечено изъ том. V Benedict. in Mund; vidua Eligatur.

чено; оно погибнетъ съ обладателями своими, оно будетъ самымъ печальнымъ для нихъ наслѣдіемъ.

4. Ваши дѣти всегда будутъ довольно богаты, если получать отъ васъ хорошее воспитаніе, способное устроить ихъ нравы и хорошо устроить ихъ поведеніе. Итакъ, старайтесь не о томъ, чтобы сдѣлать ихъ богатыми, но о томъ, чтобы сдѣлать ихъ благочестивыми, владыками своихъ страстей, богатыми въ добродѣтеляхъ. Приучите ихъ не вымышлять мнимыхъ нуждъ, и блага міра сего цѣнить такъ, чего они стоятъ. Внимательно наблюдайте за ихъ поступками, за ихъ сообществами, за ихъ связями—и не ожидайте отъ Бога никакой милости, если не исполняете сего долга.

5. Если Апостоль заповѣдуетъ намъ болѣе пещись о другихъ, чѣмъ о себѣ, и если мы бываемъ виновны, когда не радимъ о ихъ пользѣ, то не гораздо ли болѣе бываемъ виновны въ томъ случаѣ, когда это относится къ тѣмъ, кои къ намъ такъ близки? Не Я ли, скажетъ намъ Господь, далъ мѣсто симъ дѣтямъ въ семействѣ вашемъ? Не Я ли ввѣрилъ ихъ вашему попеченію, поставивъ васъ ихъ владыками, попечителями, судіями? Я далъ вамъ полную власть надъ ними; Я возложилъ на васъ всѣ заботы о ихъ воспитаніи. Вы скажете мнѣ, что они не хотѣли поклониться подъ иго, что они его свергли. Но это-то и надлежало предотвратить въ самомъ началѣ; вы должны были овладѣть первыми ихъ впечатлѣніями, наложить узду, когда они еще не имѣли силы разорвать ее; поклонить эту юную душу подъ иго долга, приучить ее къ нему, образовать ее по оному, обвязать рану, когда она только-что зарождалась; исторгнуть терніе, когда оно начинало только появляться около этого нѣжнаго растенія, а не ожидать, пока оно пуститъ глубокіе

корни, пока страсти, усилясь постепеннымъ развитіемъ, сдѣлаются необузданными и неукротимыми.

6. Премудрый говорить: *суть ли ти чада, накажи я, и преклони отъ юности выю ихъ* (Сир. 7, 25). Но Господь не только внушаетъ намъ это повелѣніе устами Своего Пророка, — но еще беретъ нашу сторону, обеспечивая исполненіе сей заповѣди страшнымъ наказаніемъ, коимъ угрожаетъ дѣтямъ, непокорнымъ власти своихъ родителей: *человѣкъ, иже аще зло речетъ отцу своему или матери своей, смертію да умретъ* (Лев. 20, 9). Онъ наказываетъ смертію тѣхъ, которые становятся виновными противъ васъ, а вы хладнокровно смотрите на тѣ вины, которыя они совершаютъ противъ самой верховной власти. Они возстаютъ противъ Самого Бога, преступая Его заповѣди, а вы на это взираете безъ всякаго негодованія, безъ малѣйшаго дѣтямъ укора. Что теряетъ Онъ отъ ихъ оскорбленій? Ничего. Но вы, чего вы не должны страшиться за самихъ себя? Потому что кто оставляетъ Господа, тотъ не станетъ уже уважать ни своего отца, ни себя самого.

7. Дѣти покорныя и вѣрныя Богу въ повиновеніи закону Его нашли бы обильный источникъ счастья, даже временнаго. Бѣдный съ христіанскими нравами заставляетъ уважать и любить себя, между тѣмъ, какъ при зломъ и развращенномъ сердцѣ, все ваше богатство не спасетъ отъ негодованія и отвращенія всѣхъ васъ окружающихъ.

8. Юноша, которому вы дадите доброе воспитаніе, мало того, что пріобрѣтаетъ себѣ всеобщее уваженіе, сколько онъ дѣлается милѣе для васъ самихъ! Ваша привязанность къ нему не будетъ однимъ простымъ влеченіемъ природы; она будетъ плодомъ его добродѣтели. За это, во время вашей старости, вы въ свою

очередь получите отъ него всѣ услуги сыновней любви; онъ будетъ вашею опорою. Потому что, какъ тѣ, кои не почитаютъ Господа, презираютъ и своихъ родителей; такъ, напротивъ, тѣ, кои чтутъ Бога, Отца всѣхъ человѣковъ, всегда будутъ всячески уважать и тѣхъ, отъ кого они получили жизнь.

9. Положимъ, что вы исполните заповѣди закона во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но, будучи невѣрны этой одной заповѣди, вы будете наказаны строго. Выслушайте на это доказательство, взятое изъ исторіи одного древняго народа. Вы тотчасъ увидите, какому страшному наказанію подвергаютъ себя отцы, небрежущіе о воспитаніи дѣтей своихъ. У Іудеевъ былъ одинъ священникъ, уважаемый за кротость своего нрава; онъ назывался Илій. Сей священникъ имѣлъ двухъ сыновъ, которые предавались всѣмъ порокамъ. Отецъ не заботился объ этомъ и едва обращалъ на то свое вниманіе; или ежели развратъ ихъ, доходя до высшей степени, заставлялъ его дѣлать имъ выговоры, онъ дѣлалъ это безъ должной ревности и власти. Ему слѣдовало бы строго наказать ихъ, прогнать ихъ съ своихъ глазъ, употребить мѣры строгія, чтобы прекратить ихъ безпорядки. Ничего такого не бывало: онъ ограничивался тѣмъ, что говорилъ имъ въ видѣ увѣщанія: *ни, чада, не творите тако; яко не благъ слухъ, егоже азъ слышу о васъ* (1 Цар. 2, 24). Это ли надлежало говорить? Они оскорбляли Бога, — и онъ называлъ ихъ своими чадами? Они забывали Того, Которому обязаны своимъ существованіемъ, а онъ признавалъ еще ихъ за свое семейство? Напрасно и бесполезно онъ дѣлалъ имъ увѣщанія. Нѣтъ, — здѣсь требовались не увѣщанія, но уроки сильныя, истязанія строгія, врачевство столь же крѣпкое, какъ и зло. Онъ долженъ былъ дѣйствовать страхомъ и исторгнуть

это юное сердце изъ его оцѣпенія. Увѣщанія! Дѣти Илія не имѣли въ нихъ недостатка. Безполезныя слова! Преступная кротость, которой они сдѣлались жертвами! Начинается война, несчастные дѣлаются добычею непріятели: отецъ, узнавъ о ихъ злополучіи, падаетъ на землю и, разбивъ голову, умираетъ.

10. Я сейчасъ говорилъ вамъ, что отцы, которые не заботятся дать христіанское воспитаніе дѣтямъ своимъ, суть чадоубійцы, убійцы собственныхъ дѣтей. Не правда ли? Кого долженъ винить Илій въ смерти своихъ дѣтей? Самого себя. Правда, мечъ врага умертвилъ ихъ, но безопасность лже-отца направила его ударъ; оставленные небесною помощію, они явились нагими противъ стрѣлъ филистимлянскихъ. Отецъ погубилъ и себя, и ихъ. Между тѣмъ мы ежедневно видимъ предъ собою то же самое. Сколько есть родителей, которые не хотятъ взять на себя труда исправить своихъ дѣтей, непокорныхъ и развращенныхъ! Они какъ будто боятся огорчить дѣтей, если будутъ строгимъ словомъ обуздывать порочныя наклонности, которымъ они предаются. Что же выходить? Безпорядки увеличиваются; безнаказанность доводитъ до государственныхъ преступленій; суды пробуждаются; несчастные умираютъ на мѣстѣ казни. Не исправляя ихъ—дѣлаетесь ихъ сообщниками. Вы отказались отъ личныхъ правъ своихъ надъ ними и подвергли ихъ строгости общественнаго наказанія; и вотъ человѣческое правосудіе употребило надъ ними свои строгія права. Вы страшитесь унизить ихъ легкимъ наказаніемъ въ вашемъ присутствіи; но какое ужасное безчестіе падетъ на васъ, когда сына вашего болѣе не станетъ, и отецъ, всюду преслѣдуемый взорами обвинителей, не осмѣлится уже нигдѣ показаться.

11. Итакъ, умоляю васъ, позаботьтесь о добромъ воспитаніи дѣтей вашихъ. Прежде всего помышляйте о спасеніи душъ ихъ. Богъ поставилъ васъ главами и учителями всего вашего семейства; вашъ долгъ, — наблюдать, и наблюдать непрестанно, за поведеніемъ своей жены и своихъ дѣтей. Послушайте св. Павла. Если жены ваши, говоритъ онъ, хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ о томъ у мужей своихъ. Воспитывайте дѣтей своихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ (1 Кор. 14, 35; Ефес. 6, 4). Подражайте Іову, который постоянно смотрѣлъ за дѣтьми своими и приносилъ умиловительныя жертвы за тайныя проступки, какіе могли они сдѣлать (Іов. 1, 5). Подражайте Аврааму, который менѣе заботился о приобрѣтеніи богатства, нежели о сохраненіи закона Божія всеми домашними своими, и о которомъ Господь свидѣтельствовалъ: *вѣмъ, яко заповѣсть сыномъ своимъ... И сохраняютъ пути Господни творити правду и судъ* (Быт. 18, 19). Давидъ, приближаясь къ смерти, хочетъ оставить Соломону самое прочное наслѣдство; онъ призываетъ его къ себѣ, чтобы повторить ему слѣдующія мудрыя наставленія: *еще сохранятъ сынове твои пути своя, еже ходити предо Мною во истинѣ всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душою своею, не искоренится тебѣ мужъ съ престола Израилева* (3 Цар. 2, 4). Вотъ образцы, которымъ мы должны подражать и во время жизни и при послѣднемъ издыханіи!

12. Если бы добрые отцы старались дать своимъ дѣтямъ доброе воспитаніе, то не нужны были бы ни законы, ни суды, ни судилища, ни наказанія. Палачи есть потому, что нѣтъ нравственности.

13. Мы не щадимъ ни трудовъ, ни издержекъ на то, чтобы обучить дѣтей свѣтскимъ наукамъ, чтобы выучить ихъ хорошо служить властямъ земнымъ. Без-

различно для насъ одно знаніе св. вѣры, одно служеніе Царю небесному. Мы позволяемъ имъ посѣщать зрѣлища; а чтобы они не убѣгали Церкви, чтобы не стояли въ ней неблагоговѣнно—о томъ мало заботимся. Мы заставляемъ ихъ давать отчетъ въ томъ, что они выучили въ своихъ свѣтскихъ училищахъ; почему же не требовать отъ нихъ отчета въ томъ, что они слышали въ дому Господнемъ?

14. *) Сдѣлавъ увѣщаніе, какъ нужно было, дѣтямъ, Апостоль обращается и къ отцамъ, говоря: *и отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни* (Еф. 6, 4). Хочешь ли, чтобы сынъ твой былъ послушенъ? Съ дѣтства воспитывай его въ наказаніи и ученіи Господнемъ. Не думай, чтобы слушаніе Божественныхъ Писаній было для него дѣломъ излишнимъ. Тамъ онъ услышитъ прежде всего: *«чи отца твоего и мать твою»*,—слова направленные къ твоей пользѣ. Не говори: „это слушаніе Писаній—дѣло монаховъ; ужели мнѣ его сдѣлать монахомъ?“ Нѣтъ надобности быть ему монахомъ. Сдѣлай его христіаниномъ. Ибо и мірянамъ весьма нужно внимать ученію, заключающемуся въ Писаніи, а особенно дѣтямъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ еще многого не знаютъ. Но, не зная Божественныхъ истинъ, они знаютъ нѣчто изъ сочиненій языческихъ, изучая въ нихъ жизнь дивныхъ, по ихъ понятіямъ, героевъ, которые служили страстямъ и боялись смерти. Каковъ примѣръ—Ахиллесъ, безутѣшный и умирающій за наложницу, или другой, предающійся пьянству, и проч. и проч.!—Итакъ, сынъ твой нуждается въ этомъ спасительномъ руководствѣ—въ наказаніи и ученіи Господни.

*) Отселѣ—изъ 21 Бесѣд. на посланіе къ Ефес.

15. Не безразсудно ли учить дѣтей искусствамъ, посылать ихъ въ училище, ничего не жалѣть для такого ихъ образованія, а о воспитаніи ихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ не заботиться? За то-то сами мы и пожинаемъ плоды такого воспитанія дѣтей своихъ, видя ихъ дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными! Не будемъ же поступать такимъ образомъ и послушаемъ увѣщанія блаженнаго Павла; станемъ воспитывать дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ, подадимъ имъ примѣръ благочестія, заставимъ ихъ съ ранняго возраста упражняться въ чтеніи Св. Писанія. Ахъ! Я постоянно говорю это; только мнѣ думается, не напрасно ли я теряю слова свои? Но, при всемъ томъ, я не перестану говорить объ этомъ: это—мой долгъ.

16. Отчего, скажите вы мнѣ, не подражаете древнимъ? Особенно вы, женщины, должны бы соревновать дивнымъ древнимъ женамъ. Родилось у тебя дитя,—подражай Аннѣ, матери Самуила. Послушай, какъ поступила она: она не замедлила представить свое дитя въ храмъ Божій. Кто изъ васъ не пожелалъ бы имѣть сына своего однажды навсегда Самуиломъ, нежели тысячу разъ царемъ всей вселенной?! Скажете: какъ это можно? Почему же невозможно? Ты только пожелай этого и поручи его Тому, Кто можетъ сдѣлать его таковымъ. Кто же, спросите, можетъ это сдѣлать? Богъ. Потому что (Анна) Ему и поручила своего сына. Самъ Илій не очень былъ способенъ къ тому, чтобы развить и образовать его; да и какъ онъ могъ это сдѣлать, когда не въ силахъ былъ управиться съ своими собственными дѣтьми? По вѣра женщины и ея усердіе всего достигли. Родивъ первенца, одного, и еще не зная, будутъ ли у нея другія дѣти, она не говорила: „подожду, вотъ вырастетъ ребенокъ;

пусть насладится жизнью; позволю ему провести у себя отроческія лѣта“. Нисколько не думая объ этомъ, она помышляетъ объ одномъ, какъ бы поскорѣе посвятить его Богу. Устыдимся мы, мужчины, такого любомудрія женщины; она представила сына своего въ храмъ Божій и тамъ его оставила. Это прославило и супружескій союзъ ея, потому что, принеши первый плодъ сего союза въ даръ Богу, она этимъ показала, что въ этомъ союзѣ она искала не чувственныхъ наслажденій, а Богоугожденія; поэтому-то и чрево ея сдѣлалось многоплоднымъ, и она, прежде неплодная, имѣла потомъ другихъ дѣтей; за то же, безъ сомнѣнія, она видѣла, какою славою и какимъ почетомъ отъ людей пользовался сынъ ея.

17. Все у насъ должно быть второстепеннымъ въ сравненіи съ заботой о дѣтяхъ и съ тѣмъ, чтобы воспитывать ихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ. Кто прежде всего научится быть любомудрымъ, тотъ чрезъ это пріобрѣтаетъ богатство, превосходящее всякое богатство и величайшую славу. Не такъ полезно образовывать сына, преподавая ему науки и виѣшнія знанія, посредствомъ которыхъ онъ станетъ пріобрѣтать деньги. Если хочешь сдѣлать его богатымъ, поступай такимъ образомъ. Богать не тотъ, кто заботится о большомъ стяжаніи имѣнія и владѣетъ многимъ, а тотъ, кто ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его; въ этомъ величайшее богатство. Не заботься о томъ, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ по виѣшной учености и доставить ему славу; но старайся о томъ, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; отъ этого онъ будетъ славнѣе и знаменитѣе. Это возможно сдѣлать и богатому, и бѣдному. Этому научаются не отъ свѣтскихъ учителей, и не при пособіи наукъ, а изъ Божественныхъ Писаній.

Не заботься, чтобы сынъ твой здѣсь пожилъ долго, но чтобы тамъ удостоился жизни безпредѣльной и нескончаемой; давай ему великое, а не малое. Внимай словамъ апостола Павла: воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни. Не риторомъ старайся сдѣлать его, а научи его любомудрію. Если онъ не будетъ риторомъ, отъ этого не произойдетъ еще никакого вреда: а при недостаткѣ любомудрія самое обильное риторство не принесетъ никакой пользы. Благоповеденіе нужно, а не остроуміе; нравственность, а не сила рѣчи; дѣла, а не слова: это доставляетъ царствіе, это даруетъ и дѣйствительныя блага. Не языкъ изощрай, но очищай душу. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы запретить свѣтское образованіе, но для того, чтобы не привязывались къ нему исключительно.

18. Не думай, будто однимъ монахамъ нужны наставленія въ Писаніи: весьма многія изъ этихъ наставленій потребны и для тѣхъ дѣтей, которыя должны вступить въ мірскую жизнь. Какъ при снаряженіи корабля нуженъ бываетъ кормчій и полное число пловцевъ не для того, кто всегда стоитъ на пристани, но тому, кто постоянно занимается мореходствомъ, точно то же должно сказать и относительно монаха и мірскаго человѣка. Первый, какъ бы находясь на необуреваемой пристани, проходитъ жизнь неозабоченную и устранившую отъ всякаго волненія, а послѣдній постоянно обуревается и плыветъ среди моря, сражаясь съ множествомъ тревоженій. Хотя бы онъ самъ (мірской человѣкъ) и не имѣлъ нужды (въ наставленіи), но ему оно можетъ быть нужно, чтобы, если случится, онъ былъ въ состояніи заградить уста другихъ.

19. Кто чѣмъ большимъ пользуется почетомъ въ

настоящей жизни, тѣмъ болѣе нужно для него такое образованіе. Служить ли кто въ царскомъ дворцѣ; — тамъ много эллиновъ философовъ, людей надменныхъ временною славою. Тамъ всѣ напыщены и надменны; а кто нѣтъ, тѣ стараются сдѣлаться такими. Каково же, подумай, если сынъ твой, вступивши туда, входить, какъ самый лучший врачъ, съ орудіемъ, которое въ состояніи укротить надменность каждаго, подходитъ къ каждому и разговариваетъ, врачуетъ больное тѣло, прикладываетъ пластырь изъ Писаній, расточаетъ любомудренныя доказательства.

20. Инокъ съ кѣмъ будетъ говорить? Развѣ со стѣной своей келліи, или съ кровлей? Съ пустыней или дѣбрями? Съ горами или деревьями?! Итакъ, для него не столько нужно подобное ученіе; несмотря на то, онъ старается усовершенствовать себя въ немъ, не съ тѣмъ, чтобы другихъ наставлять, а самого себя. Что же касается людей, живущихъ въ сей (мірской) жизни, то имъ весьма нужно такое ученіе; потому-что мірскому человѣку болѣе представляется соблазновъ ко грѣху, нежели монаху. И если тебѣ угодно, знай, что онъ съ такимъ образованіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ и самымъ пріятнымъ человѣкомъ; всѣ станутъ уважать его, когда увидятъ, что онъ невспыльчивъ и не домогается власти. Зная это, воспитывайте дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господни. А если кто нибудь бѣденъ? Пусть останется бѣднымъ. Что онъ не будетъ находится при дворѣ, этимъ онъ нисколько не будетъ хуже того, кто служитъ при дворѣ; напротивъ, можетъ сдѣлаться предметомъ удивленія. Ибо, если эллины, — люди стоящіе не болѣе трехъ пенязей, — циники, принявшіе такую же, стоящую не болѣе трехъ пенязей, философію (подлинно, такова греческая философія), или вѣрнѣе, — не самую фило-

софію, а только ея имя, облекшись въ мантию и опустивши волосы, посрамляютъ многихъ; то не къ большому ли способенъ истинный Любомудръ? Если одинъ ложный видъ, только тѣнь философіи такъ возвышаетъ, что сказать о томъ, если мы полюбимъ истинно свѣтлое Любомудріе? Не всѣ ли станутъ уважать его? Не поручать ли такимъ Любомудрцамъ, безъ всякаго опасенія, и домы, и женъ, и дѣтей.

21. Скажи мнѣ, какія изъ растений самыя лучшія? Не тѣ ли, которыя сами по себѣ содержатъ силу, и ни отъ дождя, ни отъ града, ни отъ стремленія вѣтровъ, ни отъ другихъ какихъ-нибудь подобныхъ причинъ, не терпятъ вреда, но, стоя открыто и не имѣя нужды ни въ кровлѣ, ни въ огражденіи, какъ бы всѣмъ пренебрегаютъ? Таковъ истинный Любомудръ, таково его богатство... Онъ ничего не имѣетъ, и имѣетъ все; и все имѣетъ, и ничего нѣтъ у него. Ибо стѣна не впути, а извнѣ, и ограда не отъ природы, а отвнѣ воздвигается. Еще скажи мнѣ также, какое тѣло бываетъ особенно крѣпко? То ли, которое здорово, которое удобно переноситъ голодь, не требуетъ пресыщенія, не терпитъ отъ стужи, равно какъ и отъ жара, или то, которое неспособно переносить всего этого и, кромѣ того, для своего здоровья нуждается въ поварахъ, ткачахъ, охотникахъ и врачахъ? Подлинно, только истинный Любомудръ, который не нуждается ни въ чемъ подобномъ, есть истинный богачъ. Поэтому - то блаженный Павелъ и говорилъ: воспитывайте ихъ (дѣтей) въ наказаніи и ученіи Господни. Итакъ, не во внѣшнихъ благахъ ищите огражденія для дѣтей своихъ, но воспитывайте ихъ по наставленію Апостола; въ этомъ заключается богатство, въ этомъ состоитъ слава.

22. Богатство вредитъ слишкомъ много, когда дѣ-

лаетъ насъ негодными къ перенесенію превратностей жизни. Итакъ, воспитаемъ дѣтей такъ, чтобы они могли переносить все и знали, какъ должно поступать среди несчастій; воспитаемъ ихъ въ наказаніи и ученіи Господни, и намъ воздастся великая награда. Въ самомъ дѣлѣ, если люди, занимающіеся изображеніемъ царей, пишушіе ихъ портреты, пользуются большимъ почетомъ, то мы, которые украшаемъ образъ Царя Небеснаго (ибо человекъ есть образъ Божій), не будемъ ли наслаждаться гораздо большими благами за то, что возстановляемъ Божіе подобіе? Именно съ этимъ можетъ сравниться добродѣтель души, когда научимъ дѣтей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлыми, готовыми на благодѣянія, чело-вѣколюбивыми (что все свойственно Богу), и когда наставимъ ихъ не дорожить земными благами. Итакъ, образовать и упорядочить себя и ихъ—вотъ наша обязанность! Иначе, какъ мы дерзнемъ предстать престолу Господню? Ежели тотъ, у кого дѣти необузданны, недостойны епископства, то, тѣмъ болѣе, онъ недостойны царствія небеснаго. Ужели, если наши дѣти будутъ безпорядочны, то мы будемъ подлежать за нихъ отвѣту? Да,—если это случится потому, что мы не употребили съ своей стороны строгихъ мѣръ, какія слѣдовало употребить.

23 *). Нерадѣніе о дѣтяхъ есть величайшій изъ всѣхъ грѣховъ и въ немъ крайняя степень нечестія. И что я такъ заключаю не безъ основанія, докажу это самымъ опытомъ, дабы знали вы, что хотя бы у насъ все, касающееся насъ, было устроено прекрасно, однакожь мы подвергнемся крайнему наказанію, если нерадимъ о спасеніи дѣтей. Вы знаете повѣсть о

*) Отселѣ изъ Слова къ вѣрующему отцу. Слова св. Іоанна Златоуста при „Хр. Чт.“ т. 3, стр. 145.

первосвященникъ Или, содержащуюся въ Божественномъ Писаніи. Если священника, престарѣлаго, знаменитаго, двадцать лѣтъ безпорочно начальствовавшего надъ еврейскимъ народомъ, жившаго во времена, не требовавшія великой строгости (въ жизни), ничто не могло оправдать,—напротивъ, онъ погибъ ужасно и бѣдственно за то, что не пекся о дѣтяхъ съ полнымъ стараніемъ, и виновность этой малопечительности, какъ сильная и великая вина, превысила всѣ эти преимущества и покрыла всѣ добрыя дѣла Илія,—то какое осужденіе постигнетъ насъ, которые живемъ во времена, требующія гораздо большаго любуудрія, но не имѣемъ и его добродѣтели, и не только сами не наставляемъ дѣтей, но и противъ желающихъ дѣлать это строимъ козни и вооружаемся, и поступаемъ съ чадами своими жестокае всякаго варварства? Ибо жестокость варваровъ доводитъ только до рабства, до опустошенія и плѣненія отечества, и вообще до бѣдствій тѣлесныхъ; а вы порабощаете самую душу, и, связавши ее, какъ какого-нибудь плѣнника, передаете такимъ образомъ злымъ и свирѣпымъ демонамъ и ихъ страстямъ. Точно это, а не другое что дѣласте вы, когда и сами не внушаете (дѣтямъ) ничего духовнаго, и другимъ дѣлать это не позволяете.

24. И никто не говори мнѣ, что многіе, и больше Илія нерадѣвшіе о своихъ дѣтяхъ, не потерпѣли ничего подобнаго Илію; нѣтъ, многократно потерпѣли, и многіе, и гораздо больше еще, и за этотъ самый грѣхъ. Ибо откуда преждевременныя смерти? Откуда тяжкія и продолжительныя болѣзни и у насъ, и у нашихъ дѣтей? Откуда потери, откуда несчастія, откуда огорченія, откуда безчисленное множество золь? Не оттого ли, что мы не стараемся исправлять по-

рочныхъ дѣтей своихъ? И для удостовѣренія въ томъ, что это не догадка, достаточно бы и бѣдствій этого старца (Илія); но я скажу вамъ еще слово одного изъ нашихъ мудрецовъ. Онъ, разсуждая о дѣтяхъ, вотъ какъ говоритъ: *не веселися о сынѣхъ нечестивыхъ; аше нѣсть страха Господня съ ними, не вѣруй животу ихъ* (Сир. 16, 1—3). Ибо зарыдаешь плачемъ преждевременнымъ и не ожидавши узнаешь о ихъ гибели. Итакъ, многіе, какъ я сказалъ, потерпѣли много подобнаго; если нѣкоторые избѣгли (наказанія), то не избѣгутъ навсегда; если и избѣгли здѣсь, то на погибель своей головы, потому что понесутъ жесточайшее наказаніе по отшествіи отсюда.

25. Не будемъ поступать безразсудно изъ-за того, что Богъ теперь не посылаетъ пророка и не предвозвѣщаетъ наказанія, какъ было съ Иліемъ: теперь не время пророковъ, а впрочемъ, Онъ посылаетъ ихъ и теперь. Откуда же извѣстно намъ? *Имутъ* (сказано) *Моисея и пророки* (Лук. 16, 29). Сказанное тѣмъ (при которыхъ жили Моисей и пророки) сказано также и намъ, и Богъ говоритъ не одному Ілію, но чрезъ него и его страданія, всѣмъ подобно ему согрѣшающимъ. Богъ нелицепріятенъ, и если Онъ такъ истребилъ со всѣмъ домою менѣе виновнаго, то не оставитъ безъ наказанія сдѣлавшихъ болѣе тяжкія преступленія.

26. Самъ Богъ имѣетъ великое попеченіе о воспитаніи дѣтей. Для того Онъ и вложилъ въ природу такое влеченіе (родителей къ дѣтямъ), чтобы поставить родителей какъ бы въ неизбѣжную необходимость пещися о дѣтяхъ. А впослѣдствіи, бесѣдуя къ намъ, поставилъ и законы касательно попеченія о нихъ, и, учредивъ праздники, повелѣлъ объяснять установленія ихъ. Такъ, сказавъ о Пасхѣ, Онъ при-

совокупилъ наставленіе: и возвѣстиши сыну твоему въ день онъ, глаголя: сего ради сотворилъ Господь Богъ мнѣ, егда исхождахъ изъ Египта (Исх. 13, 8). То же самое дѣлаетъ Онъ и въ Законѣ. Ибо, сказавъ о перворожденныхъ, опять прибавляетъ: аще спроситъ ты сынъ твой по сихъ, глаголя: что сіе, и речеши ему: яко рукою крѣпкою изведе насъ Господь изъ земли Египетскія, изъ дому работы. Егда бо ожесточися Фараонъ отпустить насъ, изби Господь всякаго первенца чловѣча до первенца скотія; сего ради азъ въ жертву приношу (Господу) всякое разверзающее ложесна (—14. 15). Всѣмъ этимъ Онъ повелѣваетъ вести дѣтей къ Богопознанію. Да и самимъ дѣтямъ Онъ заповѣдуетъ многое въ отношеніи къ родителямъ, награждая послушныхъ (дѣтей), а непризнательныхъ наказывая, и такимъ образомъ дѣлая ихъ еще болѣе драгоцѣнными для родителей. Въ самомъ дѣлѣ, когда кто сдѣлаетъ насъ господами надъ кѣмъ-либо, то этою честію онъ налагаетъ на насъ самое сильное обязательство пещись о немъ, такъ что это одно, безъ всего другого, въ состояніи убѣдить насъ, что вся судьба того чловѣка въ нашихъ рукахъ, и мы нескоро рѣшимся сдѣлать вредъ тому, кто ввѣренъ намъ такимъ образомъ. Когда же онъ, послѣ этого, еще и гнѣвается и негодуетъ болѣе, чѣмъ сами оскорбляемые, и является строгимъ карателемъ, то этимъ еще болѣе побуждаетъ насъ (къ исполненію долга). Такъ сдѣлалъ и Богъ. Къ этимъ (двумъ) Онъ присовокупилъ еще третье, естественное обязательство, а если хочешь, такъ—это первое. Именно, чтобы родители, получивъ повелѣніе воспитывать дѣтей, не пренебрегали Его заповѣдями, Богъ связалъ ихъ естественною необходимостію. А чтобы эта связь, бывъ оскорбляема со стороны дѣтей, не расторглась совсѣмъ, Онъ оградилъ ее наказаніями и

отъ Себя, и со стороны самихъ родителей, а такимъ образомъ и дѣтей подчинилъ родителямъ, и въ родителяхъ возбудилъ любовь къ дѣтямъ. Впрочемъ, не этимъ только, но и другимъ еще, четвертымъ способомъ Богъ крѣпко и тѣсно связалъ насъ съ ними. Онъ не только дѣтей злыхъ — въ отношеніи къ родителямъ — наказываетъ, а добрыхъ — награждаетъ, но то же самое дѣлаетъ и съ родителями, жестоко наказывая нерадящихъ о дѣтяхъ, а попечительныхъ удостоивая почестей и похвалъ. Такъ и этого старца (Шлія), во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойнаго хвалы, Онъ наказалъ за одну неопечительность о дѣтяхъ, а патріарха Авраама наградилъ за его попечительность не менѣе, какъ за другія добродѣтели. Ибо, говоря о тѣхъ многихъ и великихъ дарахъ, которые обѣщалъ дать ему, Богъ представляетъ причиною такого обѣщанія именно эту добродѣтель: *възмъ бо, говоритъ, яко заповѣсть (Авраамъ) сыномъ своимъ и дому своему по себѣ: и сохраняютъ пути Господни творити правду и судъ* (Быт. 18, 19).

27. Это мною сказано теперь для того, чтобы вы узнали, что Богъ не будетъ снисходителенъ къ нерадящимъ о тѣхъ, о которыхъ Самъ Онъ столько печется. Ибо невозможно, чтобы одинъ и тотъ же (Богъ) и столько дѣлалъ Самъ для спасенія этихъ (дѣтей) и оставлялъ безъ вниманія то, когда объ нихъ же небрегутъ родители. Такъ Онъ не оставитъ этого безъ вниманія, напротивъ, еще сильно вознегодуетъ и прогнѣвается, какъ и оказалось на самомъ дѣлѣ. Поэтому и блаженный Павелъ настоятельно убѣждаетъ, говоря: *отцы, воспитывайте чадъ въ наказаніи и ученіи Господни* (Еф. 6, 4). Если же мы *) обязаны неусыпно печься о душахъ ихъ, *яко слово воздати хотяще* (Евр. 13, 17);

*) Духовные наставники.

тѣмъ болѣе (обязанъ дѣлать это) отецъ, который родил сына, воспиталъ и постоянно живетъ съ нимъ. Ибо какъ не можетъ онъ найти себѣ извиненія и оправданія въ своихъ собственныхъ грѣхахъ, такъ же точно и въ поступкахъ дѣтей. И это также показалъ блаженный Павелъ. Предписывая, каковы должны быть принимающіе начальство надъ другими, онъ, сверхъ всѣхъ необходимыхъ для нихъ качествъ, требуетъ отъ нихъ и попечительности о дѣтяхъ, такъ что нѣтъ намъ никакого извиненія, когда дѣти у насъ развратны (1 Тим. 3, 4. 5). И совершенно справедливо! Если бы зло въ людяхъ было отъ природы, то всякій по праву прибѣгалъ бы къ извиненію; но такъ какъ мы бываемъ развратны и честны по собственной волѣ, то какое благовидное оправданіе можетъ представить тотъ, кто допустилъ до разврата и нечестія сына (любимаго) имъ больше всего? То ли, что не хотѣлъ онъ сдѣлать его честнымъ? Но ни одинъ отецъ не скажетъ этого: сама природа настоятельно и непрерывно побуждаетъ его къ тому. Или то, что онъ не могъ? Но и этого нельзя сказать; ибо все,—и то, что онъ взялъ сына на свое попеченіе еще въ нѣжномъ возрастѣ, и то, что ему первому и одному вручена власть надъ нимъ, и то, что онъ постоянно имѣлъ его при себѣ,—все это дѣлаетъ для него образованіе сына очень легкимъ и удобнымъ. Значитъ, развращеніе дѣтей происходитъ не отъ другого чего, какъ отъ безумной привязанности отцовъ къ житейскому; обращая вниманіе только на это и не считая ничего выше этого, они поневолѣ уже не радятъ о дѣтяхъ и о душѣ ихъ. О такихъ отцахъ скажу я (и никто не считай этихъ словъ порожденіемъ гнѣва), что они хуже даже дѣтоубійцы. Эти отдѣляютъ тѣло отъ души, а тѣ и то и другую вмѣстѣ ввергаютъ въ

огнь геенскій. Той смерти подвергаются необходимо и по естественному порядку, а этой можно было бы избѣжать, если бы не довела до нея безпечность отцовъ. Къ тому же смерть тѣлесную можетъ прекратить воскресеніе тотчасъ, какъ наступитъ оно, а потери души ничто уже не вознаградитъ; за нею слѣдуетъ уже не спасеніе, но необходимость вѣчно страдать. Значитъ, мы не несправедливо назовемъ такихъ отцовъ худшими дѣтубійць. Не такъ жестоко изострить мечъ и, взявъ его въ правую руку, погрузить его въ самое сердце дѣтица, какъ погубить и развратить душу, потому-что у насъ нѣтъ ничего равнаго ей.

28. Если бы зло только и ограничивалось тѣмъ, что родители не давали бы дѣтямъ никакихъ полезныхъ совѣтовъ, тогда зло не было бы такъ велико, Но вотъ вы, родители, побуждаете ихъ (дѣтей) еще и къ противному. Въ самомъ дѣлѣ, когда отцы убѣждаютъ дѣтей заниматься науками, то въ ихъ разговорѣ съ дѣтьми не услышишь ничего другого, кромѣ такихъ словъ: „такой-то,—говорять,—человѣкъ низкій и изъ низкаго состоянія, усовершенствовавшись въ краснорѣчіи, получилъ весьма высокую должность, приобрѣлъ весьма большое имѣніе, взялъ богатую жену, построилъ великолѣпный домъ, сталъ для всѣхъ страшенъ и знаменитъ“. Другой говоритъ: „Такой-то изучилъ латинскій языкъ, блистаетъ при дворѣ и всѣмъ распоряжается тамъ“. Иной опять указываетъ на другого, и всѣ—только на славныхъ на землѣ, а о прославившихся на небесахъ—никто не вспомнитъ и однажды; даже если иной и рѣшится напомнить объ нихъ, его преслѣдуютъ какъ человѣка, который все разстроиваетъ. Итакъ, вы, когда внушаете это дѣтямъ съ юныхъ лѣтъ, учите ихъ не другому чему, какъ

основанію всѣхъ пороковъ, вселяя въ нихъ двѣ самыя неистовыя страсти,—т. е. сребролюбіе и еще болѣе порочную страсть—тщеславіе. Каждая изъ нихъ и порознь можетъ низвратить все; а когда онѣ обѣ вмѣстѣ вторгнутся въ нѣжную душу юноши, то, подобно соединившимся бурнымъ потокамъ, губятъ все доброе и наносятъ столько тернія, столько песку, столько сору, что дѣлаютъ душу бесплодною и неспособною ни къ чему доброму. Какъ же ты думаешь, что сынъ твой легко можетъ избѣгнуть діавольскихъ сѣтей, будучи молодъ, живя среди Египта, или лучше среди воинства діавольскаго, не слыша между тѣмъ ни отъ кого полезнаго совѣта, и видя, что всѣ, а больше всѣхъ родители и воспитатели, ведутъ его къ противоположному? Какъ же могъ бы онъ сдѣлать это? При помощи ли твоихъ увѣщаній? Но ты внушаешь ему противное и, не позволяя ему вспомнить о любомудрії даже и во снѣ, напротивъ, постоянно занимая его настоящею жизнью и выгодами ея, только еще больше содѣйствуешь его потопленію. Или самъ собою? совѣмъ нѣтъ; юноша самъ по себѣ не имѣетъ довольно силъ къ совершенію добродѣтели, и если и породить что-либо доброе, то это доброе скоро, прежде нежели возрастетъ, погибнетъ отъ сильнаго дождя словъ твоихъ. Ибо какъ тѣло не можетъ жить долго, когда питается не здоровою, но вредною пищею, такъ и душа, получая такія внушенія, не можетъ и помыслить о чемъ-либо добромъ и великомъ; нѣтъ, будучи разстроиваема и расслабляема, какъ какою-нибудь заразою, она, наконецъ, неизбѣжно низвергается въ геенну и въ тамошнюю погибель.

29. Вѣдь вы, какъ будто намѣренно стараясь погубить дѣтей, приказываете имъ дѣлать только то, что дѣлая, невозможно спастись. Вотъ, посмотрите прежде всего. *Горе*, сказано, *слѣящимся* (Лук. 6, 25), а вы

подаете дѣтямъ множество поводовъ къ смѣху. *Горе богатымъ* (ст. 24), а вы только о томъ и стараетесь, чтобы они разбогатѣли. *Горе, егда добръ рекутъ вамъ вси челоѵцы* (ст. 26), а вы часто тратите все имущество изъ-за славы людской. Опять, поносящій брата своего *повиненъ есть гееннѣ* (Матѳ. 5, 22), а вы считаете слабыми и трусливыми тѣхъ, кто молчаливо сноситъ обидныя рѣчи отъ другихъ. Христосъ повелѣваетъ отвращаться брани и распри, а вы постоянно занимаете дѣтей этими злыми дѣлами. Онъ повелѣлъ во многихъ случаяхъ вырывать око, если оно ведетъ ко злу (ст. 29), а вы тѣхъ то особенно и дѣлаете ихъ друзьями, кто только можетъ дать денегъ, хоть бы научилъ крайнему разврату. Онъ не позволилъ бросать жену, развѣ только за прелюбодѣяніе (ст. 32), а вы, когда можно получить деньги, приказываете пренебрегать и этою заповѣдію. Клятву Онъ запретилъ совершенно (ст. 34), а вы даже смѣтаетесь, когда видите, что это запрещеніе соблюдается. *Любяй душу свою, сказалъ Господь, погубитъ ю* (Іоан. 12, 25), а вы всячески вовлекаете ихъ въ эту любовь. *Аще не отпустите, говоритъ Онъ, челоѵкомъ согрѣшеній ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ* (Матѳ. 6, 15), а вы даже попрекаете дѣтямъ, когда они не захотятъ мстить обидѣвшимъ, и стараетесь скорѣе привести ихъ въ состояніе сдѣлать это. Христосъ сказалъ, что любящіе славу,—носятся ли, молятся ли, подаютъ ли милостыню,—все это дѣлаютъ безъ пользы (Матѳ. 6, 1), а вы только и стараетесь о томъ, чтобы ваши дѣти получили ее. И для чего перечислять все? Если уже и сказанныя пороки, не только все вмѣстѣ, но и каждый самъ по себѣ, въ состояніи приготовить тысячу гееннъ, а вы, собравъ ихъ все вмѣстѣ и возложивъ на дѣтей эту невыносимо-тяжкую ношу грѣховъ,

съ нею посылаете ихъ въ огненную рѣку; то какъ же они могутъ спастись, неся столько пищи для огня?

30. И худо не это одно, что вы внушаете дѣтямъ противное заповѣдямъ Христовымъ, но и то еще, что нечестіе прикрываете благозвучными именами, называя постоянное пребываніе на конскихъ ристалищахъ и въ театрахъ свѣтскостію, обладаніе богатствомъ—свободою, дерзость — откровенностію, расточительность — человѣколюбіемъ, несправедливость — мужествомъ. Потомъ, какъ будто еще мало этого обмана, вы и добродѣтель называете противными именами: скромность—необразованностію, кротость—трусостію, справедливость—слабостію, смиреніе—раболѣпствомъ, незлобіе—бессиліемъ. Вы будто боитесь—какъ бы дѣти, услышавъ отъ другихъ настоящее названіе этихъ добродѣтелей и пороковъ, не убѣжали отъ заразы. Ибо названіе пороковъ прямыми и настоящими ихъ именами не мало способствуетъ къ отвращенію отъ оныхъ. Я знаю много и такихъ, которые этимъ способомъ были образумлены и, слыша поносныя себѣ названія, сдѣлались скромнѣе по жизни. Но вы отняли у дѣтей и это пособіе къ исправленію. И, что еще хуже, внушаете имъ зло не только словами, но и дѣлами, — строите великолѣпные дома, покупаете дорогія поля, окружаете ихъ и прочимъ блескомъ, и всѣмъ этимъ, какъ гнуснымъ какимъ облакомъ, омрачаете ихъ душу. Такъ чѣмъ же могу я убѣдиться, что имъ возможно спастись, когда вижу, что вы склоняете ихъ къ такимъ дѣламъ, за которыя Христосъ опредѣлилъ неизбѣжную гибель; когда вижу, что вы о ихъ душѣ, какъ о чемъ то пенужномъ, небрежете, а о томъ, что дѣйствительно излишне, заботитесь, какъ о необходимомъ и важнѣйшемъ. Вы все дѣлаете, чтобы былъ у сына слуга, конь и самая лучшая

одежда, а чтобы онъ самъ былъ хорошъ—объ этомъ и подумать не хотите; нѣтъ, простирая до такой степени заботливость о деревѣ и камняхъ, души не удостоиваете и малѣйшей части такого попеченія. Все дѣлаете, только бы на домѣ стояла чудная статуя и кровля была золотая, а чтобы драгоцѣннѣйшее изваяніе—душа была золотая, объ этомъ и помыслить не хотите.

31. Далѣе, желая ознакоми́ть дѣтей съ науками мы не только отдаляемъ препятствующее ученію, но и доставляемъ имъ все, что содѣйствуетъ этому: представляемъ къ нимъ нѣстунновъ и учителей, издерживаемъ деньги, освобождаемъ ихъ отъ всѣхъ другихъ занятій, и чаще чѣмъ учителя на олимпійскихъ играхъ, кричимъ имъ о бѣдности отъ неученія и о богатствѣ отъ ученія,—дѣлаемъ и говоримъ все, и сами, и чрезъ другихъ, только бы довести ихъ до окончанія предлежащаго имъ ученія; однакожь и привсемъ этомъ часто не успѣваемъ. А скромность правовъ и тщательность о честномъ поведеніи, по нашему мнѣнію, придуть сами собою и несмотря на столь многія къ тому препятствія? Что можетъ быть хуже этого неразумія,—на самое легкое обращать столько вниманія и заботъ, какъ будто бы иначе и нельзя успѣть въ этомъ,—а о гораздо труднѣйшемъ думать, что оно, какъ какая-нибудь пустая и ничтожная вещь, придетъ къ намъ, хоть бы мы и знали? Въдъ упражненіе души въ благочестивой жизни во столько разъ труднѣе и тяжелѣе изученія наукъ, во сколько неполнѣе труднѣе, чѣмъ говорить; во сколько дѣла труднѣе словъ.

32. Но для чего, скажешь, нашимъ дѣтямъ нужно любомудріе и строгое поведеніе? Вотъ это-то самое и сгубило все, что дѣло, столь необходимое и служа-

щее опорою нашей жизни, считается излишнимъ и ненужнымъ. Увидѣвши сына больного по тѣлу, никто въдъ не скажетъ, для чего нужно ему совершенное и крѣпкое здоровье? Напротивъ, всемѣрно постарается привести тѣло въ такое благосостояніе, чтобы болѣзнь болѣе уже не возвращалась. А когда у дѣтей больна душа, не нужно имъ, говорятъ, никакого лѣченія, — и послѣ такихъ словъ осмѣливаются называть себя отцами! Такъ что же, скажешь, — станемъ мы всѣ любомудрствовать, а житейское все погибнетъ? Нѣтъ, почтеннѣйшіе, не любомудріе, а уклоненіе отъ него погубило и разстроило все. Ибо кто, скажи мнѣ, разстроиваетъ настоящее положеніе дѣлъ, — тѣ ли, которые живутъ воздержно и скромно, или тѣ, которые изобрѣтаютъ новые и беззаконные епособы наслажденія? Тѣ ли, которые стараются захватить себѣ все чужое, или тѣ, которые довольствуются своимъ? Человѣколюбивые ли и кроткіе и не ищущіе чести у народа, или тѣ, которые отъ собратьевъ своихъ требуютъ ея болѣе всякаго долга и дѣлаютъ тысячу неприятностей тому, кто не встанетъ предъ ними, не скажетъ первый привѣтствія, не поклонится, не выскажетъ подобострастія? Тѣ ли, которые любятъ поинноваться, или тѣ, которые ищутъ власти и начальства, и для этого готовы сдѣлать и перенести все? Тѣ ли, которые почитаютъ себя лучше всѣхъ, и поэтому думаютъ, что имъ можно говорить и дѣлать все, или тѣ, которые считаютъ себя послѣдними, и этимъ укрощаютъ въ себѣ безумное своеволие страстей? Тѣ ли, которые сознаютъ немощь человѣческой природы, или тѣ, которые не хотятъ и узнать этого, но отъ чрезмѣрной гордости перестали считать себя и людьми? Тѣ ли, которые содержатъ блудницъ и оскверняютъ чужія ложа, или тѣ, которые воздерживаютъ

ваются и отъ своей жены? Первые не то же ли въ обществѣ человѣческомъ, что опухоли на тѣлѣ и бурные вѣтры на морѣ, и своею неводержностию не топляютъ ли тѣхъ, кои сами по себѣ могли бы спастись? А послѣдніе не такъ ли, какъ яркія свѣтила среди глубокаго мрака, призываютъ бѣдствующихъ среди моря къ своей безопасности, и, возжегши вдали на высотѣ свѣтильники любомудрія, не руководятъ ли такимъ образомъ всѣхъ, кто желаетъ, въ спокойную пристань? Не изъ-за тѣхъ ли возмущенія и войны, и брани, и разрушеніе городовъ, и плѣнь, и рабство, и лишенія свободы, и убійства, и безчисленныя бѣдствія въ жизни, — бѣдствія не только наносимыя людямъ отъ людей, но и всѣ насылаемыя съ неба, какъ-то: засухи, и наводненія, и землетрясенія, и топленіе городовъ, и голодь, и язвы, и все прочее, что оттуда насылается на насъ? Такъ, они-то низвращаютъ порядокъ общественный и губятъ общее благо; они-то причиняютъ безчисленныя бѣдствія и другимъ, они, которые возмущаютъ людей, ищущихъ спокойствія, влекутъ ихъ и разрываютъ со всѣхъ сторонъ. Для нихъ-то судилища и законы, и взысканія, и различные виды наказаній.

33. Если бы мы захотѣли образовать дѣтей съ самаго юнаго возраста и передать желающимъ воспитывать ихъ, они, конечно, могли бы стать въ первомъ ряду воинства; потому что Богъ не презрѣлъ бы такого усердія и ревности, но простеръ бы руку Свою и наложилъ бы ее на изваяніе. А когда дѣйствуетъ рука Его, тогда невозможно не имѣть успѣха въ дѣлахъ, или лучше—невозможно не дойти до высшей степени блеска и славы, только было бы выполнено то, что зависитъ отъ насъ. Если и жены могли преклонить Бога, чтобы Онъ помогъ въ вос-

питаніи дѣтей, тѣмъ болѣе мы могли бы сдѣлать это, если бы хотѣли. Чтобы не слишкомъ распространить слова, я пройду молчаніемъ прочихъ женъ, хотя и могъ бы указать на многихъ, а упомяну только объ одной. Была одна іудеянка—Анна. Эта Анна родила одного сына и уже не надѣялась имѣть другого, потому что и этого сдѣла получила, послѣ многихъ слезъ, по причинѣ своего безплодія. Хотя соперница ея часто оскорбляла ее за это безплодіе, она, однакожь, не поступила такъ, какъ поступаете вы, но, и получивъ того сына, держала его только до тѣхъ поръ, пока нужно было питать его молокомъ. А какъ скоро онъ уже не сталъ нуждаться въ этой пищѣ, она, взявъ его, тотчасъ посвятила Богу и не просила, чтобы онъ возвратился въ домъ родительскій, но оставила его жить постоянно въ храмѣ Божіемъ. И если когда, по чувству материнскому, хотѣла видѣть его, то не вызывала отрока къ себѣ, но сама съ отцомъ приходила къ нему и уже обращалась съ нимъ осторожно, какъ съ даромъ, принесеннымъ въ жертву Богу. Оттого и юноша сдѣлался столь доблестнымъ и великимъ, что когда Богъ отвратился отъ народа еврейскаго, за его крайнее нечестіе, не изрекалъ пророчествъ и не открывалъ видѣній, — онъ своею добродѣтелію опять привлекъ Бога и умолилъ даровать іудеямъ то же, что и прежде, и возобновить прекратившіяся пророчества. И это сдѣлалъ онъ, будучи не въ зрѣломъ возрастѣ, но еще малымъ отрокомъ. *И глаголь Господень, говоритъ Писаніе, бѣ честенъ въ тѣя дни, не бѣ видѣніе посылаемъ* (1 Цар. 3, 1); а между тѣмъ, ему (Самуилу) Богъ часто открывалъ волю Свою. Такъ-то полезно отдавать всегда свои стяжанія Богу и отказываться не только отъ денегъ и вещей, но и отъ самыхъ дѣтей. Ибо если это заповѣдано намъ дѣлать

по отношенію къ душѣ нашей (Мато. 10, 37), тѣмъ болѣе по отношенію ко всему прочему. Это сдѣлалъ и патриархъ Авраамъ, или, лучше сказать, гораздо больше этого, потому и получилъ сына съ большею славою. И подлинно, мы тогда-то особенно и имѣемъ при себѣ дѣтей своихъ, когда отдаемъ ихъ Господу. Ибо Онъ гораздо лучше насъ сохранить ихъ, потому что больше печется объ нихъ. Не видите ли, что такъ бываетъ и въ домахъ богачей? И тамъ низшіе слуги, живущіе съ отцами, не такъ уважаются и не имѣютъ такой силы, а тѣ, коихъ господа, взявъ отъ родителей, опредѣляютъ къ себѣ на службу и дѣлаютъ хранителями сокровищъ, пользуются большимъ благоволеніемъ и свободою. Если же люди такъ добры и благосклонны къ своимъ людямъ слугамъ, тѣмъ болѣе—безпредѣльная Благодать, т.-е. Богъ.

34. Позволимъ дѣтямъ служить Богу, вводя ихъ не въ храмъ только, какъ Самуила, но на самое небо (служить) вмѣстѣ съ Ангелами и Архангелами. Ибо что посвятившіе себя этому цѣломудрію дѣйствительно будутъ служить съ ними (Ангелами), это очевидно для всякаго. Притомъ такія дѣти будутъ предстательствовать съ великимъ дерзновеніемъ не только за себя, но и за насъ. Ибо, если нѣкоторыя (дѣти) получили помощь отъ Бога ради отцевъ, тѣмъ болѣе отцы могутъ получить ради дѣтей; потому что въ первомъ случаѣ правомъ на помощь служить только единство природы, а въ послѣднемъ—и воспитаніе, которое гораздо важнѣе природы. То и другое докажу вамъ изъ Божественнаго Писанія. Такъ Езекию, царя добродѣтельнаго и благочестиваго, но не имѣвшаго по своимъ дѣламъ дерзновенія стать противъ угрожавшей ему великой опасности, Богъ спасъ за добродѣтель отца, какъ говоритъ Самъ Онъ: *и защищу градъ*

сей, еже спасти его Мене ради, и Давида раба Моего (4 Цар. 19, 34). А Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею о родителяхъ сказалъ: *жена... спасется чадородія ради, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ* (1 Тимоѳ. 2, 15). И Юва Писаніе восхваляетъ какъ за то, что онъ *бѣ человекъ истиненъ, непороченъ, праведенъ, благочестивъ, удаляйся отъ всякія лукавыя вещи* (Юв. 1, 1), такъ и за попеченіе о дѣтяхъ (ст. 5). А это попеченіе состояло не въ собираніи для нихъ богатства, и не въ стараніи сдѣлать ихъ славными и знаменитыми, но въ чемъ? Послушай, что говоритъ Писаніе: *егда скончавашася дніе пира, посылаше Ювъ и очищаше ихъ, востая завтра, и приношаше о нихъ жертвы по числу ихъ, и тельца единого о грѣсѣхъ, о душахъ ихъ; глаголаше бо Ювъ: негли когда сынове мои согрѣшиша, и въ мысли своей злая помыслиша противу Бога* (Юв. 1, 5). Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, поступаая такъ небрежно? Ибо, если жившій прежде благодати и прежде закона и не слышавшій никакого ученія имѣлъ столь великое попеченіе о дѣтяхъ, что трепеталъ и за тайныя грѣхи ихъ; кто же оправдастъ насъ, которые живемъ во время благодати, имѣемъ столько учителей, столько примѣровъ и увѣщаній, а между тѣмъ не только не опасаемся за тайныя, но не обращаемъ вниманія и на явныя грѣхи, и не только сами не обращаемъ вниманія, но и желающихъ исправить оныя гонимъ? И Авраамъ, какъ я сказалъ прежде, отличался между прочими этою добродѣтелью.

35. Итакъ, имѣя столько примѣровъ, будемъ готовить Богу благочестивыхъ служителей и рабовъ. Если тотъ, кто воспитываетъ борцовъ для городовъ, или образуетъ воиновъ для царя, удостоивается великой чести, то какой даръ можемъ получить мы,

воспитывая для Бога столь доблестныхъ и великихъ мужей, или, лучше сказать, ангеловъ? Будемъ же дѣлать все, чтобы оставить имъ богатство благочестія, которое пребываетъ постоянно, сопровождаетъ насъ и по смерти и можетъ принести величайшую пользу не только здѣсь, но и тамъ. Богатство мірское не перейдетъ въ вѣчность вмѣстѣ съ людьми, но еще и здѣсь погибнетъ прежде ихъ, а часто погубляетъ и своихъ владѣльцевъ; но богатство благочестія и здѣсь и тамъ, и само пребудетъ постоянно, и стяжавшихъ его сохранить въ великой безопасности. Это дѣйствительно такъ: кто земное предпочитаетъ духовному, тотъ лишится и того и другого, а кто стремится къ (духовному) небесному, тотъ навѣрное получитъ и земное. Это не мои слова, но Самого Господа, Который обѣщаетъ подать сіи блага: *ищите*, говоритъ Онъ, *прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33). Что можетъ сравниться съ этою честію? Заботься, говоритъ, о духовномъ, а все прочее предоставь Мнѣ. Какъ сердобольный отецъ принимаетъ на себя все попеченіе о домѣ, управленіи слугами и всѣмъ прочимъ, а сыну совѣтуетъ заниматься только любомудріемъ, такъ точно поступаетъ и Богъ. Будемъ же послушны, станемъ искать царствія Божія, тогда и дѣтей вездѣ увидимъ почтенными, и сами прославимся съ ними, насладимся и настоящими благами, если только возлюбимъ будущія и небесныя. Если вы слушаете, то получите великую награду, а если будете противиться, и не слушаете, потерпите особенно тяжкое наказаніе. Ибо нельзя намъ оправдаться и говорить: „никто насъ не училъ этому“.

36 *). Юность неукротима и имѣетъ нужду во мно-

*) Отсѣлъ изъ 9 бес. на 1-е посл. къ Тимофею.

гихъ наставникахъ и учителяхъ, руководителяхъ, надсмотрщикахъ, воспитателяхъ. И только при такихъ усиляхъ возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что звѣрь неукротимый, — то же самое есть и юность. Поэтому, если вначалѣ и съ перваго возраста поставимъ для нея настоящіе предѣлы, то впоследствии не будемъ имѣть нужды въ великихъ усиляхъ; напротивъ, потомъ привычка обратится для нихъ въ законъ. Не позволимъ имъ дѣлать того, что пріятно и вмѣстѣ вредно; не будемъ угождать имъ, потому что они дѣти; ибо это болѣе всего приноситъ вреда юности. Но преимущественно будемъ сохранять въ цѣломудріи. Объ этомъ болѣе всего должны заботиться, къ этому мы особенно должны быть внимательны. Скоро будемъ брать для нихъ жень, чтобы они, имѣя чистое и нерастлѣнное тѣло, соединились съ невѣстами. Такая любовь бываетъ особенно пламенна. Кто былъ цѣломудреннымъ до брака, тотъ болѣею частію остается такимъ и послѣ брака. Напротивъ, кто до брака научился любодѣйствовать, тотъ и послѣ брака станетъ дѣлать то же самое. Ибо сказано въ Писаніи: *человѣку блудну всякъ хлѣбъ сладокъ* (Сир. 23, 23). Для того и возлагаются на голову вѣнцы, — въ знакъ побѣды, что они, не бывъ побѣждены, вступаютъ въ брачный чертогъ, — что они не были одолены похотью. Если же кто, увлеченный сладострастіемъ, предался блудницамъ, то для чего послѣ этого онъ имѣетъ и вѣнецъ на головѣ, когда онъ побѣжденъ? Это имъ будемъ внушать, этимъ будемъ ихъ вразумлять, устрашать, угрожать, дѣлая то—то, то другое.

37. Намъ ввѣренъ важный залогъ — дѣти. Будемъ поэтому заботиться объ нихъ и употребимъ все мѣры, чтобы лукавій не похитилъ ихъ у насъ. Между тѣмъ.

теперь у насъ все происходитъ наоборотъ. Мы употребляемъ всевозможныя усилія для того, чтобы поле было хорошимъ и чтобы ввѣрить его благонадежному человѣку. И погонщика ословъ и муловъ, и надзирателя, и повѣреннаго мы отыскиваемъ самаго искуснаго а на то, что для насъ всего дороже. именно—на то, чтобы поручить сына человѣку, который бы могъ его сохранить въ цѣломудріи, не обращаемъ вниманія, несмотря на то, что сіе стяжаніе цѣннѣе всѣхъ прочихъ и ради его приходятъ остальные блага. Объ имуществѣ для нихъ мы заботимся, а объ нихъ самихъ нѣтъ. Видишь ли, какое безуміе овладѣло нами! Прежде образуй душу сына твоего, а стяжанія онъ уже послѣ получить. Если душа у него нехороша, то онъ не будетъ имѣть ни малѣйшей пользы отъ денегъ; и наоборотъ, если ей дано правильное образованіе, то бѣдность нисколько не повредитъ ему. Хочешь ли оставить его богатымъ? Научи его быть добрымъ. Ибо для дѣтей, не получившихъ правильнаго образованія, бѣдность лучше богатства; даже, мимо ихъ воли, удерживаетъ ихъ въ предѣлахъ добродѣтели; между тѣмъ послѣднее, хотя бы даже кто и желалъ сего. не позволяетъ вести жизни цѣломудренной, но увлекаетъ, ниспровергаетъ и вводитъ въ безчисленное множество преступленій.

38. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми: попеченіе это для васъ нетрудно. Наблюдайте за тѣмъ, чтобы онѣ сидѣли дома, а прежде всего учите ихъ быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и не слишкомъ заботиться о нарядахъ. Такъ и въ замужество отдавайте ихъ. Если такъ образуете дочь вашу, то спасете не только ее, но и мужа, который возьметъ ее, и не только мужа, но и дѣтей, и не однихъ дѣтей, но и внуковъ. Если корень

будеть хорошъ, то и вѣтви будутъ лучше развиваться, и за все это получите награду. Поэтому все будемъ такъ дѣлать, какъ прилично заботящимся о благѣ не одной души, но и о благѣ многихъ чрезъ одну. Ибо онѣ (дочери), при вступленіи въ бракъ, должны такъ выходить изъ отеческаго дома, какъ выходятъ борцы изъ мѣста состязаній, т.-е. онѣ должны знать въ точности всю науку, помощію которой онѣ могли бы, подобно закваскѣ, все смѣшеніе возвести къ собственной красотѣ.

39. И сыновья опять до того должны быть скромны, чтобы скорѣе всего можно было узнать ихъ по ихъ благонравію и цѣломудрію, чтобы они заслужили великую похвалу и отъ людей и отъ Бога. Пусть они научатся воздерживаться отъ лишнихъ издержекъ, быть разсчетливыми, нѣжно любящими, пусть они научатся повиноваться власти. Ибо, такимъ образомъ, они могутъ доставить родителямъ великую награду. Тогда все будетъ направлено къ славѣ Божіей и нашему спасенію, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и причесно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	<i>Стр.</i>
Введеніе	V
I. Какъ начинается въ насъ христіанская жизнь?	9
а) Какъ начинается жизнь христіанская въ таинствѣ крещенія.	17

ОТДѢЛЪ II.

О началъ христіанской жизни чрезъ покаяніе, или о покаяніи и обращеніи грѣшника къ Богу.

II. Какъ начинается христіанская жизнь въ таинствѣ покаянія?	71
Состояніе грѣшника	74
Дѣйствіе Божіей благодати.	79
Пробужденіе грѣшника отъ грѣховнаго сна	80
Чрезвычайныя дѣйствія благодати Божіей въ возбужденіи грѣшниковъ отъ сна грѣховнаго.	83
Обыкновенный порядокъ стяжанія дара возбудительной благодати.	101
Восходъ до рѣшимости оставить грѣхъ и посвятить себя Богоугожденію. а) Восходъ до рѣшимости оставить грѣхъ.	133
б) Восходъ до объѣта посвятить себя Богу.	149
Облеченіе силою свыше на дѣло Богоугожденія въ таинствахъ покаянія и причащенія.	158
A) Кающемуся изрекается всенпрощеніе въ таинствѣ покаянія.	159
B) Кающійся приступаетъ къ таинству святаго причащенія.	167

ОТДѢЛЪ III.

О томъ, какъ совершается, зрѣть и крѣпнѣть въ насъ христіанская жизнь или, что одно и то же, о порядкѣ Богоугодной жизни.

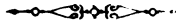
	<i>Стр.</i>
III. Какъ совершается, зрѣть и крѣпнѣть въ насъ христіанская жизнь	175
1. О храненіи духа ревности по Богу	203
а) Внутрь пребываніе	205
б) Зрѣніе другого міра	209
в) Стояніе въ чувствахъ, доведшихъ до рѣшимости	216
2. Указаніе упражненій, способствующихъ къ утвержденію въ добръ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣка	223
1) Упражнения, способствующія къ образованію душевныхъ силъ по духу христіанской жизни	231
А) Упражнения, образующія умъ, съ возгрѣваніемъ и жизни духовной	232
Б) Упражнения для образованія воли съ обращеніемъ и на возбужденіе духа	235
В) Образованіе сердца	238
2) Держаніе тѣла по духу новой жизни	247
3) Порядокъ внѣшней жизни по духу жизни новой	250
4) Благодатная средства воспитанія и укрѣпленія духовной жизни	255
Приближеніе къ непрерывному говѣнію	260
а) Касательно говѣнія	—
б) Касательно исповѣди	261
в) Касательно причащенія	263
3. Правила брани со страстями, или начала самопротивленія	266
4. Начатки восхожденія къ живому Богообщенію	298
Восхожденіе къ Богу	299
Живое Богообщеніе совершается въ состояніи безмолвія, приводящаго къ безстрастію	307
Святаго отца нашего Іоанна Златоустаго уроки о воспитаніи	315

ИСТОЛКОВАНИЕ
МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ

С Л О В А М И

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

Истоковывали молитву Господню—*Тертуллианъ* (до паденія), *св. Киприанъ*, *св. Григорій Нисскій*, *св. Кириллъ Герусалимскій* (въ 5 тайноводственномъ словѣ), *св. Златоустъ* (въ бесѣдахъ на Евангеліе отъ Матѳея, и въ бесѣдѣ на слова: *узкія врата* и проч.), *св. Кассіанъ*, въ 9 собесѣдованіи, *бл. Августинъ* (въ трактатѣ о нагорной бесѣдѣ Господа, въ словахъ 56, 57 и 58, и въ письмѣ 130) *св. Максимъ исповѣдникъ*, *бл. Теофиликтъ* (въ толкованіи Евангелій отъ Матѳея и Луки), *Симеонъ Солунскій* и нашъ новоявленный чудотворецъ, *святитель Тихонъ Воронежскій* (въ 3 т.). Все изреченное ими приводится здѣсь подъ каждымъ словомъ молитвы.

О МОЛИТВѢ ГОСПОДНЕЙ ВООБЩЕ.

ТЕРТУЛЛІАНЪ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ явилъ Себя и духомъ Бога, и словомъ Бога, и премудростію Бога: духомъ, коимъ такъ всемошно дѣйствоваль; словомъ, коимъ училь; премудростію, которую открылъ пришествіемъ Своимъ. И молитва, Христомъ Господомъ установленная, слагается изъ сихъ трехъ: изъ слова, коимъ изрекается; изъ духа, коимъ столь сильна; изъ премудрости, какая изъ ней исходитъ и воспріимается. Научаль и Іоаннъ учениковъ своихъ молиться; но все Іоанново предустроялось для Христа, чтобъ, возрастшу Ему, все дѣло сего предустроителя съ самымъ духомъ перешло къ Господу, какъ самъ же Іоаннъ предвозвѣстиль, говоря: *оному подобаетъ расти, мнѣ же малитися* (Ін. 3, 30). Потому и не сохранилось, какими словами научаль Іоаннъ молиться, что земное должно уступить мѣсто небесному *Сый отъ земли, говорить, отъ земли есть и отъ земли глаголетъ, грядый съ небеси, надъ всѣми есть и еже видѣти и слышати, сѣя свидѣтельствоуетъ* (Ін. 3, 31). И что не небесно изъ того, что изошло отъ Христа Господа,—какъ и сѣя молитва, или наука какъ молиться? Вникнемъ же, благословенные, въ небесную Его премудрость, во первыхъ въ заповѣди о молитвѣ втайнѣ, коею и вѣры требоваль Онъ отъ челоука, чтобъ вѣроваль, что и око и слухъ Бога всемогущаго присуши въ самыхъ тайныхъ и сокровенныхъ

мѣстахъ, и скромности вѣры отъ него желалъ, чтобъ предъ Тѣмъ Единымъ изъявлялъ онъ свои благоговѣйныя и молитвенныя чувства, въ Коего вездѣзрѣніе и вездѣ-слышаніе увѣрвалъ; и потомъ и въ слѣдующей затѣмъ заповѣди, подобной же вѣры и скромности требующей, заповѣди не многословить въ молитвѣ, чтобъ мы не приступали съ полчищемъ словъ въ молитвѣ къ Господу, въ Коего крайней попечительности о своихъ Ему увѣрены. Такова и установленная Имъ молитва. Она кратка; но краткость сія дастъ обильную и усладительную пищу толкованію. Сколько она сжата въ словахъ, столько же она пространна въ смыслѣ. Ибо не одно только то содержитъ, что должно быть изъявляемо въ молитвѣ, — благовѣиство предъ Богомъ, изліяніе къ Нему прошеній, но объемлетъ все ученіе Господа, и на память проводитъ всѣ Его уроки и наставленія, такъ что она воистину есть сокращеніе всего Евангелія.

св. киприанъ. Евангельскія заповѣди, возлюбленнѣйшіе братія, ничто иное суть, какъ божественныя наученія, основанія для созиданія упованія, твердыни для укрѣпленія вѣры, пища для услажденія сердца, кормила для направленія пути, вѣрныя средства къ полученію спасенія: благоустроая на землѣ послушныя (вѣрѣ) умы вѣрующихъ, онѣ приводятъ къ царству небесному. Многое благоволилъ Богъ возвѣстити и дать услышать и чрезъ рабовъ Своихъ—пророковъ; но сколько выше то, что говоритъ Сынъ, что слово Бога, бывшее въ пророкахъ, свидѣтельствуется собственнымъ гласомъ, — не уготовить еще только путь Грядущему повелѣвая, но уже Самъ шествуя и путь открывая и указывая, чтобъ намъ, которые прежде, блуждая во мракѣ смертномъ, ничего не видѣли и слѣпотствовали, теперь озареннымъ

свѣтомъ благодати, вѣрно держать путь жизни, подъ водительствою и управленіемъ Господа? Онъ между прочими спасительными наставленіями и божественными заповѣдями, споспѣшествующими людямъ ко спасенію. Самъ далъ и образецъ молитвы, Самъ наставилъ и научилъ о чемъ молиться. Давшій жизнь научилъ и молиться, — по той же благоугодности, по которой благоволилъ удѣлить намъ и прочіе дары, чтобъ обращаясь ко Отцу тою просительною молитвою, которой научилъ насъ Сынъ, мы были скорѣе слышимы. Прежде этого (преподаванія молитвы) Онъ сказалъ, что *грядетъ часъ, егда истинни поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истинно* (Ин. 4, 23) и теперь (давъ молитву) исполнилъ то, что обѣщавъ, — такъ что мы, пріявшіе Духа и истину отъ Его освященія, молясь молитвою Имъ преподавшею, дѣйствительно поклоняемся Отцу духовно и истинно. Ибо какая молитва можетъ быть болѣе духовна, какъ не та, которая предана намъ Христомъ, отъ Коего ниспосланъ намъ и Духъ Святой? Какое моленіе можетъ быть болѣе истинно у Отца, какъ не то, которое изречено устами Сына, Который есть истина? Такъ что иначе молиться, нежели какъ Онъ научилъ насъ, есть не невѣдѣніе только, но и преступленіе, послѣ того какъ Самъ Онъ положилъ и сказалъ: *разористе заповѣдь Божию за преданіе ваше* (Мѡ. 15, 6). Будемъ же, возлюбленнѣйшіе братія, молиться такъ, какъ научилъ насъ учитель—Богъ. Любезная и благопріятная молитва—просить Бога Его словомъ, доходить до слуха Его молитвою Христовою. Да познаетъ Отецъ словеса Сына Своего, когда творимъ къ Нему молитву. Кто обитаетъ внутри въ сердцѣ, Тотъ самый да будетъ и въ словѣ. Такъ какъ Его Единого имѣемъ мы ходатаемъ ко Отцу

о грѣсѣхъ нашихъ (1 Ин. 2, 1); то когда мы грѣшныя молимся о грѣхахъ своихъ, будемъ износить слова Ходатая нашего, ибо, когда Онъ говорить, что о чемъ бы мы ни просили Отца во имя Его, дастъ намъ (Ин. 16, 23); то не тѣмъ ли дѣйственнѣе испросимъ мы просимое во имя Христа, если будемъ просить Его молитвою?

св. григорій нисскій. Божіе слово преподаетъ намъ ученіе о молитвѣ, въ которомъ достойнымъ ученикамъ Своимъ, тщательно ищущимъ вѣдѣнія о молитвѣ, излагаетъ оно, какими молитвенными реченіями надлежитъ преклонять къ себѣ Божій слухъ. Когда великій Моисей приуготовлялъ Израильскій народъ къ тайноводству на горѣ, тогда не прежде удостоилъ ихъ Богоявленія, какъ предписавъ народу законъ объ очищеніи соблюденіемъ плотской чистоты и омовеніемъ. Да и послѣ сего не осмѣлились Израильтяне видѣть явленіе Божія могущества, но въ ужасъ приводило ихъ все видимое. огонь, мракъ, дымъ, трубы; и снова обратившись къ себѣ самимъ, просили законодателя стать ихъ посредникомъ предъ божественнымъ изволеніемъ. такъ какъ у нихъ не было достаточной силы приблизиться къ Богу и перенести Божіе присутствіе. А нашъ законодатель Господь Иисусъ Христосъ, намѣреваясь привести насъ къ божественной благодати, указываетъ намъ словомъ не гору Синайскую, покрытую мракомъ и дымящуюся огнемъ, не гласы трубъ, звучащихъ что-то невнятное и страшное, и не соблюденіе тридневной плотской чистоты, не водою омывающею скверны, очистивъ душу, и всю церковь оставивъ при подошвѣ горы, одному только позволяеть взойти на вершину, покрытую мракомъ сокрывающимъ въ себѣ божественную славу; а напротивъ того, сперва вмѣсто горы возводитъ на самое небо.

содѣлавъ оное для людей удобопроднымъ посредствомъ добродѣтели, потомъ содѣлываетъ не зрителями только, но и причастниками божественной силы, и приступающихъ къ Нему вводитъ нѣкоторымъ образомъ въ родство съ превышимъ естествомъ, и не мракомъ покрываетъ все превосходящую славу, чтобы неудобозримою была для ищущихъ, но, озаривъ мракъ яснымъ свѣтомъ ученія, содѣлалъ, что чистые сердцемъ въ полной ясности созерцаютъ неизреченную славу. Даетъ же и воду для окропленія, не изъ чуждыхъ потоковъ почерпаемую, но текущую въ насъ самихъ, будетъ ли кто разумѣть подъ нею источники очей, или чистую совѣсть сердца,—узаконивъ не допускать никакой тины порока; да и плотскую чистоту поставляетъ въ воздержаніи, не отъ законнаго только общенія супруговъ, но и отъ всякаго вещественнаго и страстнаго расположенія; и такимъ образомъ посредствомъ молитвы возводитъ къ Богу. Ибо такова сила реченій, изъ которыхъ не какіе либо звуки, произносимые въ слогахъ, познаемъ изъ Божія слова, но предначертаніе восхожденія къ Богу, успѣшно приводимое въ исполненіе высокою жизнію.

св. златоустъ. Давъ образецъ молитвы ученикамъ, Господь внушаетъ, что нужно говорить въ молитвѣ, научая при семь въ немногихъ словахъ и всякой добродѣтели; ибо эти слова заключаютъ въ себѣ не только наставленіе въ молитвѣ, но и наученіе севершенной жизни. Изслѣдуемъ же со всѣмъ тщаніемъ смыслъ ихъ, и будемъ хранить ихъ твердо, какъ законы Божіи.

св. максимъ исповѣдникъ видитъ въ сей молитвѣ „Богословіе, сыноположеніе во благодати, равночестіе Ангеламъ, вѣчной жизни причастіе, восстановление естества въ свойственный ему безстрастный чинъ, отложеніе за-

кона грѣховнаго и уничтоженіе тиранства лукаваго, владѣвшаго нами лестію.

РАЗДѢЛЕНІЕ.

простр. христ. катихизисъ. Чтобы удобнѣе разсмотрѣть молитву Господню, можно раздѣлить ее на *призываніе, семь прошеній и славословіе.*

ПРИЗЫВАНІЕ.

Отче нашъ. иже еси на небесахъ.

Отче.

св. григорій нисскій. *Кто дастъ ми крыль, яко голубинь (Пс. 54, 7)?* говоритъ въ одномъ мѣстѣ псалмопѣнія великій Давидъ. Осмѣлюсь и я сказать тоже слово: кто дастъ мнѣ оныя крыль, чтобы могъ я воспарить умомъ на высоту величія сихъ реченій, — и оставивъ землю, перейти весь разлитый въ срединѣ воздухъ, коснуться эфирной лѣпоты, достигнуть звѣздъ, увидѣть все ихъ украшеніе, да и на нихъ не остановиться, но миновать и это, стать внѣ сего движимаго и измѣняемаго, объять естество постоянное, силу неподвижную, въ себѣ самой водруженную и направляющую и поддерживающую все, что имѣетъ бытіе, все, что зависитъ отъ неизреченной воли Божіей премудрости, чтобы, ставъ мыслию вдали отъ всего измѣняемаго и превратнаго, въ непреложномъ и неуклонномъ состояніи души могъ я сперва сродниться мыслию съ Непреложнымъ и Неизмѣняемымъ, потомъ призывать самымъ родственнымъ наименованіемъ и говорить: *Отче!*

св. кипріанъ. О какое къ намъ снисхожденіе, какое обиліе благоволенія и благодати Господа, когда Онъ доз-

волилъ намъ, при совершеши молитвы предъ лицомъ Божіимъ, называть Бога отцемъ, а себя именовать сынами Божіими также, какъ и Христось есть Сынъ Божій! Никто изъ насъ не дерзнулъ бы употребить это имя въ молитвѣ, еслибы Онъ Самъ не дозволилъ намъ такъ молиться.

св. кирилль іерусалимскій. Въ молитвѣ, которую предалъ Спаситель ученикамъ Своимъ, мы, съ чистою совѣстію именуя Бога Отцемъ, говоримъ: *Отче нашъ!* Какое превеликое Божіе человѣколюбіе! Отпадшимъ отъ Него и дошедшимъ до крайности во злѣ, даруется такое забвеніе всего худаго, и такое причастіе благодати, что они именують Его Отцемъ: *Отче нашъ!*

св. златоустъ. *Отче нашъ!* О, какое чрезвычайное человѣколюбіе! О, какая превосходная честь! Какое слово будетъ въ состояши воздать благодарность Подающему намъ такія блага? Посмотри, возлюбленный, на уничиженность твоей и моей природы, вникни въ сродство ея,—въ эту землю, пыль, грязь, глину, пепель; потому что мы созданы изъ земли, и опять наконецъ разлагаемся въ землю. Представивъ это удивляйся неизслѣдимому богатству великой благодати къ намъ Божіей; по которой заповѣдано тебѣ называть Его *Отцемъ*.—земному—небеснаго, смертному—безсмертнаго, тлѣнному—нетлѣннаго, временному—вѣчнаго, бывшему вчера и прежде грязью—суцаго прежде вѣкъ Бога.

блж. августинъ. Во всякомъ прошеніи стараются прежде снискать благоволеніе того, къ кому обращаются съ прошеніемъ, и потомъ излагають самое прошеніе. Благоволеніе обыкновенно снискивается похвалою тому, кого просить намѣрены, и она поставляется всегда въ началъ прошенія. Въ семъ конечно смыслъ и Господь

повелѣлъ намъ въ началѣ молитвы возглашать: *Отче нашъ!*

Въ писаніи много есть реченій, коими изъясняется хвала Богу; но не найдешь, чтобъ Израилю предписано было взывать: *Отче нашъ!* Пророки, правда, именовали Бога отцемъ Израильтянь, даже отъ лица самаго Бога, какъ: *сыны родихъ и возвысихъ, ти же отвергошася Мене* (Ис. 1, 2),—и: *аще Отецъ Азъ есмь, то гдѣ слава Моя* (Мал. 1, 6)? но именовали такъ очевидно для того, чтобъ обличить ихъ, что они не хотѣли быть сынами Богу, работая грѣхамъ. Сами же они обращаются къ Богу, какъ къ отцу не дерзали; ибо находились еще въ состояніи рабовъ, хотя и предназначены были къ сыновству, какъ говоритъ Апостоль: *во елико время насльдникъ малъ есть, ничимже лучший есть раба* (Гал. 4, 1). Преимущество сіе даровано новому Израилю, — христіанамъ; имъ дана область чадами Божіими быти (Ин. 1, 12) и они пріяли духа сыноположенія, о немже вопіють: *Авви отче!* (Рим. 8, 15).

ТЕРТУЛІАНЪ. Когда говоримъ: *Отче нашъ;*—то и молимся Богу и вмѣстѣ вѣру изъясняемъ, коей плодомъ есть такое наименованіе. Ибо написано: *елицы пріяша Его, даде имъ область чадамъ Божіимъ быти вѣрующимъ во имя Его*, (Ин. 1, 12). Господь часто именовалъ Бога Отцемъ нашимъ; даже заповѣдалъ никого не называть на землѣ отцемъ, кромѣ Того, Котораго имѣемъ на небесахъ (Мѡ. 23, 9). Такимъ образомъ, взывая такъ въ молитвѣ, мы исполняемъ заповѣдь. Блаженны тѣ, которые познають въ Богѣ Отца.—Имя Бога Отца не было никому возвѣщено прежде; и даже вопрошавшій о немъ Моисей, услышалъ иное нѣкое имя; намъ же открыто оно въ Сынѣ. Ибо Сынъ уже наводитъ на новое имя

Богу—имя Отца. Но Онъ и прямо говорить: *Азъ приидохъ, во имя Отца* (Ин. 5, 43),—и опять: *Отче, прослави имя Твое* (Ин. 12, 28),—и яснѣе: *явихъ имя Твое челоукомъ* (Ин. 17, 6).

св. киприанъ. Человѣкъ новый, возрожденный и съ Богомъ своимъ благодатию Его воссоединенный, на первомъ мѣстѣ говоритъ: *Отче!* Потому что началъ уже быть сыномъ. *Во своя, сказано, прииде и свои Его не пріяша: елицы же пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти вѣрующимъ во имя Его* (Ин. 1, 11. 12). И такъ увѣровавшій и сдѣлавшійся сыномъ Божиимъ съ того долженъ начинать, чтобъ съ благодареніемъ исповѣдывать себя сыномъ Божиимъ, именуя Отцемъ себѣ Бога, *Иже на небесахъ*. Онъ долженъ первыми по своему новомъ рожденіи словами свидѣтельствовать, что отрекся отъ земнаго и плотскаго отца, и началъ знать и имѣть одного Отца, Который на небесахъ. И Господь въ Евангеліи своемъ заповѣдалъ не называть себѣ отца на землѣ, потому что у насъ одинъ Отецъ, Который на небесахъ (Мѡ. 23, 9).

блаж. августинъ. Взывая въ началѣ молитвы: *Отче нашъ!* наименованіемъ симъ и любовь свидѣтельствуемъ: ибо что для дѣтей сладостнѣе имени Отца? и увѣренность въ полученіи просимаго изъявляемъ, когда прежде всякаго прошенія представляемъ себя получившими уже ту великую милость, чтобъ именовать Бога Отцемъ своимъ. Ибо въ какомъ уже прошеніи откажетъ сынамъ своимъ Богъ, даровавъ имъ прежде область чадами Ему быти?

онъ-же. Говорите: *Отче нашъ*, если начали вы имѣть Бога отцемъ своимъ. Начинаютъ имѣть Бога отцемъ, когда рождаются отъ Него снова. Вы и рождены отъ

Него во утробѣ Церкви. Помните же, что Отца имѣете на небесахъ. Помните, что во Адамѣ вы рождены въ смерть, отъ Бога же Отца возрождены въ животъ. И что говорите, чувствуйте то въ сердцахъ своихъ. Что у молящагося на сердцѣ, по силѣ того пріемлетъ его и Слышашій молитву его.

св. златоустъ. *Снце молитесь*, говоритъ Спаситель, *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*. Смотри, какимъ образомъ Онъ тотчасъ ободрилъ слушателя, въ самомъ началѣ вспомняувъ о всѣхъ благодѣянiяхъ Божiихъ. Ибо тотъ, кто называетъ Бога Отцемъ, симъ однимъ наименованiемъ исповѣдуетъ и прощенiе грѣховъ, и освобожденiе отъ наказанiя, и правду, и освященiе, и искупленiе, и сыноположенiе, и наслѣдiе, и братство съ Единороднымъ, и дарованiе Духа. Поелику неполучившій всѣхъ сихъ благъ не можетъ назвать Бога отцемъ. И такъ Господь Иисусъ Христосъ двоякимъ образомъ воодушевляетъ своихъ слушателей, — именно, — достоинствомъ называемаго, и величiемъ благодѣянiй, которыя они получили.

св. кассiанъ. Молитва Господня предполагаетъ въ молящемся состоянiе возвышеннѣйшее и совершеннѣйшее, которое заключается въ созерцанiи единого Бога и въ пламенной любви къ Нему, и въ которомъ умъ нашъ, объятый и проникнутый сею любовiю, бесѣдуетъ съ Богомъ ближайшимъ образомъ и съ особенною искренностiю, какъ съ отцемъ своимъ. Что мы, тщательно должны стараться достигнуть сего состоянiя, это внушаютъ намъ слова молитвы сей. Мы говоримъ: *Отче нашъ!* Если такимъ образомъ Бога, Господа вселенной, собственными устами исповѣдуемъ Отцемъ своимъ, то вмѣстѣ съ симъ исповѣдуемъ и то, что мы изъ состоя-

нія рабства совершенно преведены въ состояніе усыновленныхъ чадъ Божіихъ.

св. максимъ исповѣдникъ. (Первое слово молитвы возводитъ къ исповѣданію Пресвятыя Троицы). Отець не послѣ стяжанное имѣеть имя (Отца). Но какъ не начинатьъ быть, такъ не начиналъ и Отцемъ быть. Если же всегда сущій Онъ всегда есть и Отець; то и Сынъ всегда Ему сосуществовать, изъ Него и въ Немъ сущи выше разума, но не послѣ Него начавъ быть, радц источности изъ Него. Итакъ, начиная молитву сію, мы побуждаемся возчествовать единосущную и пресущную Троицу, какъ творческую причину нашего бытія. Научаемся также исповѣдывать дарованную намъ область отъ Сына Божія, удостоиваться именовать Отцемъ Того, Кто по естеству есть Творецъ нашъ; чтобъ благовѣинствуя предъ именемъ Родителя своего по благодати, ревновали мы въ жизни своей явить черты Родившаго, свята имя Его на землѣ. Его Отцемъ себѣ, а себя чадами Ему, показывая дѣлами своими, и Сына Отца по естеству, Содѣтеля нашего сыноположенія, возвеличивая и тѣмъ что помышляемъ, и тѣмъ, что дѣлаемъ.

блаж. ѳеофилактъ. Ученики Христовы соревнуютъ ученикамъ Іоанновымъ и желаютъ научиться, какъ молиться. Спаситель не отвергаетъ желанія учениковъ, и научаетъ ихъ молитвѣ. *Отче нашъ*, говоритъ, *уже еси на небесѣхъ*. Примѣчай силу молитвы. Она тотчасъ возводитъ тебя къ горнему, и, поелику именуешь Бога Отцемъ, убѣждаетъ тебя всячески не терять подобія Отцу, но стараться уподобляться Ему.

онъ же. Слово— *Отче* показываетъ тебѣ, какихъ ты удостоился благъ, содѣлавшись сыномъ Божіимъ.

симеонъ солунскій. *Отче нашъ!* — И потому, что Онъ

есть Творецъ нашъ, изъ неsvищихъ приведеый насъ въ бытiе,—и потому, что по благодати есть Отець намъ, чрезъ Сына по естеству, содѣлавшагося подобнымъ намъ.

святитель тихонь. Изъ словъ: *Отче нашъ!* научаемся, что Богъ есть истинный Отець христіанъ, и *они суть сынове Божіи въроу о Христѣ Исусѣ* (Гал. 3, 26). Слѣдовательно, какъ Отца, съ упованіемъ должно Его призывать имъ, якоже дѣти плотскія родителей своихъ призываютъ и руки свои къ нимъ во всякихъ нуждахъ протираютъ.

Нашъ.

св. киприанъ. Учитель мира и наставникъ единства прежде всего не хотѣлъ, чтобы молитва было совершаема врозь и частно такъ, чтобы молящійся молился только за себя. Въ самомъ дѣлѣ мы не говоримъ: *Отче мой, иже еси на небесѣхъ,—хлѣбъ мой даждь ми днесь*. Каждый изъ насъ не проситъ также объ оставленіи своего только долга; и не объ одномъ себѣ молится, чтобъ не быть ввѣдену въ искушеніе и избавиться отъ лукаваго. У насъ всенародная и общая молитва, и когда мы молимся, то молимся за весь народъ, потому что мы всѣ составляемъ едио. Богъ—наставникъ мира и согласія, поучавшій единству, заповѣдалъ, чтобъ каждый изъ насъ—одинъ молился за всѣхъ, какъ Онъ одинъ носитъ всѣхъ. Этотъ законъ молитвы соблюли и три отрока, брошенные въ печь огненную, единоголосные въ моленіи, и едионодушные въ чувствахъ сердца. *Тогда ти, сказано, тріе яко едиными устами пояху и благословляху Боги* (Дан. 3, 51). Они взывали къ Богу какъ бы едиными устами,—и ихъ мирная, простая и духовная, молитва угодна была Господу.—По вознесеніи Господнемъ мы находимъ и апостоловъ съ учени-

ками молившихся подобнымъ же образомъ. *Син вси*, сказано, *бяху терпяще единодушно въ молитвъ и моленіи* (Дѣян. 1, 14). Они пребывали въ молитвѣ един одушно. показывая и напряженность молитвы и взаимное согласіе, потому что Богъ, *вселяющій единомысленныхъ въ домъ* (Пс. 67, 7), принимаетъ въ божественный и вѣчный домъ свой только тѣхъ, у коихъ молитва единодушна. О, какъ-вы, возлюбленнѣйшіе братія, тайны молитвы Господней! Сколь многое и сколь великое заключено въ краткомъ словами, но обильномъ духовною силою моленіи!—

„Говоримъ совмѣстно: *Отче нашъ*, т.-е., вѣрующихъ,— кои будучи освящены и возстановлены благодатнымъ духовнымъ рожденіемъ, стали быть сынами Божиими“.

св. златоустъ. Господь научаетъ насъ общую творить молитву о братіяхъ. Ибо не говоритъ: *Отче мой*, но— *Отче нашъ*, и симъ самымъ повелѣваетъ возносить молитвы за весь родъ человѣческой, и никогда не имѣть въ виду собственныхъ выгодъ, но всегда стараться о выгодахъ ближняго. А такимъ образомъ и вражду уничтожаетъ, и гордость низлагаетъ, и зависть истребляетъ, и вводитъ любовь, мать всего добраго; уничтожаетъ неравенство дѣлъ человѣческихъ и показываетъ великое равночестіе между царемъ и бѣднымъ, такъ какъ въ дѣлахъ высочайшихъ и необходимѣйшихъ мы всѣ имѣемъ равное участіе. Ибо какой вредъ отъ низкаго родства, когда по небесному родству мы всѣ соединены, и никто ничего не имѣетъ болѣе другаго, ни богатый болѣе бѣднаго, ни господинъ болѣе раба, ни начальникъ болѣе подчиненнаго, ни царь болѣе воина, ни философъ болѣе варвара, ни мудрый болѣе невѣжды? Ибо Богъ, удостоившій всѣхъ одинаково называть Себя Отцемъ, чрезъ сіе всѣмъ даровалъ благородство.

блж. августинъ. Внушается симъ, — *наиз* — чтобъ богатые и знатные въ мѣрѣ семъ, ставъ христіанами, не гордились предъ бѣдными и незнатными, такъ какъ и они тѣмже словомъ, какъ и тѣ взываютъ къ Богу: *Отче нашъ*! Что произносить искренно отъ сердца они не могутъ, если не сознаютъ себя братьями ихъ.

блж. ѳеофилактъ. Ты не говоришь: Отче мой, а *Отче нашъ*, потому что долженъ смотрѣть на всѣхъ, какъ на братьевъ, дѣтей одного Отца.

онъ же. Не Сказалъ (Господь въ молитвѣ) отче мой, но *Отче нашъ*, возбуждая тебя къ братолюбію, и понуждая всѣхъ любить какъ братьевъ вообще.

Иже еси на небесѣхъ.

св. златоустъ. Когда говоритъ Господь въ молитвѣ: *иже еси на небесѣхъ*, то симъ словомъ не заключаетъ Бога на небѣ, но отвлекаетъ молящагося отъ земли и поставляетъ его въ превыспреннихъ странахъ и горнихъ жилищахъ.

онъ же. Желая научить, чтобы мы оставили землю и земное и не преклонялись внизъ, а взяли крылья вѣры и, взлетѣвъ выше воздуха и поднявшись выше ээира, стремились къ именуемому Отцу, Онъ заповѣдалъ говорить: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ*, — не потому, чтобы Богъ находился только на небесахъ, но чтобы насъ, пресмыкающихся по землѣ, расположить къ стремленію на небеса и, озаривъ красотою небесныхъ благъ, обратить туда всѣ наши желанія.

блж. ѳеофилактъ. Сказавъ — *на небесѣхъ*, Господь не ограничиваетъ ими Бога, но слушателя возводитъ къ небесамъ и отводитъ отъ земнаго.

онъ же. Словомъ — *на небесѣхъ* указалъ тебѣ Господь

на твое отечество и на отеческій домъ: посему, если желаешь имѣть Бога Отцемъ, смотри на небо, а не на землю, какъ безсловесныя.

святитель тихонъ. Глаголется: *на небесѣхъ*,—не яко Богъ на небесѣхъ заключается, но молящагося отъ земли отводить и къ небеснымъ обителямъ возводить, глаголетъ св. Златоустъ; такжеже (и потому сказано сіе слово), понеже тамо отечество есть избранныхъ, и Богъ въ славѣ Своей тамо Себе показываетъ, и души святыхъ своихъ увеселяетъ. Иначе Богъ *существенно* на всякомъ мѣстѣ, и на небеси и на земли есть, якоже Псаломникъ поетъ: *Богъ нашъ на небеси и на земли* (Пс. 113, 11).

св. кассіанъ. Присовокупляемъ въ молитвѣ: *иже еси на небесѣхъ*, чтобъ всячески избѣгая заботливыхъ помышлений о настоящей земной жизни, какъ страннической и очень далеко насъ отъ Отца нашего отдаляющей, мы крайнимъ желаніемъ устремлялись въ ту область, въ коей, какъ исповѣдуемъ, обитаетъ Отецъ нашъ, и ничего не допускали такого, что, дѣлая насъ недостойными такого нашего чина и благородства такого всыновленія, лишало бы насъ, какъ выроdkовъ, отеческаго участія и подвергало всей строгости праведнаго суда Божія.

св. григорій нисскій. Словами: *иже еси на небесѣхъ*—напоминается намъ, изъ какого отечества мы низпали и какого благородства лишились. Повѣствованіемъ о юношѣ, оставившемъ отеческій домъ и предавшемся свинообразной жизни, писаніе, исторически описывая его удаленіе и распутную жизнь, показываетъ бѣдственное состояніе челоѳчества, и не прежде возвращаетъ сего юношу въ первоначальное состояніе, какъ по возчувствованіи имъ настоящаго бѣдствія, когда пришелъ въ себя и привелъ себѣ на мысль слова покаянія. А они согласны нѣ-

сколько съ словами молитвы. Ибо тамъ сказалъ юноша: *отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою* (Лк. 15, 21); но Онъ не упомянулъ бы въ исповѣданіи о грѣхѣ *на небо*, если бы не былъ увѣренъ, что небо его отечество, оставивъ которое онъ впалъ въ прегрѣшеніе. Посему-то помышленіе о такомъ исповѣданіи дѣлаетъ ему доступнымъ отца, который и спѣшитъ къ сыну, привѣтствуя его лобзаніемъ выи. Итакъ, какъ тамъ причиною оказаннаго юношѣ отцемъ человѣколюбія послужило возвращеніе его въ отеческій домъ (а это есть *небо*, согрѣшившимъ на которое признаетъ себя предъ отцемъ); такъ, кажется мнѣ, и здѣсь Господь, научая призывать отца, *иже на небесахъ*, дѣлаетъ тебѣ напоминаніе о благомъ отечествѣ, чтобы возбудивъ сильнѣйшее пожеланіе прекраснаго, поставить тебя на путь, снова ведущій въ отечество. Путь же, возводящій человѣческое естество на небо, не иное что, какъ отступленіе и бѣгство отъ земныхъ золь; а средствомъ къ отбѣжанію отъ сихъ золь не иное что, думаю, служить, какъ уподобленіе Богу; уподобиться же Богу значитъ сдѣлаться праведнымъ, святымъ, благимъ, и всѣмъ сему подобнымъ. Если кто, сколько возможно, ясно напечатлѣетъ въ себѣ черты сихъ совершенствъ, то какъ бы по естественному порядку, безъ труда, изъ земной жизни преселится въ страну небесную; потому что не мѣстное какое разстояніе у Божества съ человѣчествомъ, такъ что была бы намъ потребность въ какомъ нибудь орудіи или примышленіи, чтобъ эту тяжелую, обременительную и земную, плоть ввести въ образъ жизни нетѣлесной и духовной. Но по разумномъ отлученіи добродѣтели отъ порока, отъ одного человѣческаго произволенія зависитъ быть челоуку тамъ, куда преклоненъ пожеланіемъ. Посему, такъ какъ

никакого нѣтъ труда избрать доброе, а за избраніемъ слѣдуетъ и пріобрѣтеніе того, что къмъ избрано: то возможно немедленно быть на небѣ и тебѣ, объявшему умомъ своимъ Бога. Если, какъ говоритъ Екклесіастъ, *Богъ на небеси горъ* (5, 1), а ты, по слову Пророка, прилѣпился *Богови* (Пс. 72, 28): то по всей необходимости должно тому, кто въ единеніи съ Богомъ, быть тамъ, гдѣ Богъ.

св. кирилль іерусалимскій. Небесами могутъ быть и носящіе въ себѣ *образъ небснаго* (1 Кор. 15, 49), которымъ Богъ обѣтоваль: *въ васъ вселюся и похожду* (2 Кор. 6, 16).

симеонъ солунскій. *Иже еси на небестъхъ*. Ибо Богъ, какъ написано, будучи святъ, во святыхъ почиваетъ. Ангелы же, обитающіе на небесахъ, святѣе насъ, какъ и небо чище земли. Почему и думается, что Богъ есть паче на небѣ.

блаж. августинъ. Такъ новозавѣтный народъ новый, призванный къ вѣчному наслѣдію, да взываетъ: *Отче нашъ, иже еси на небестъхъ*, — то есть, — во святыхъ и праведныхъ. Богъ не ограничивается какимъ либо мѣстнымъ пространствомъ. Какъ ни представляется свѣтлымъ небо, все оно есть вещественная мѣстность, ограниченная. Еслибъ Богъ обиталъ только въ высшихъ частяхъ міра, то птицы были бы блаженнѣе насъ, потому что витають ближе къ Богу. Но не написано: близъ Господь къ поднявшимся высоко—высоко, или къ живущимъ на горахъ, а: *близъ Господь сокрушеннымъ сердцемъ* (Пс. 33, 19), что есть принадлежность смиренныхъ и униженныхъ. Какъ грѣшникъ названъ землею, когда ему сказано: *земля еси и въ землю пойдеши* (Быт. 3, 19), такъ по противоположности праведникъ можетъ быть

названъ небомъ. Праведнымъ сказано: *храмъ Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 17). Посему, если въ храмъ своемъ обитаетъ Богъ, а святые суть храмъ Его; то справедливо будетъ—слова: *иже еси на небесахъ* — понимать такъ: *иже еси* во святыхъ. Такое примѣненіе тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что въ духовномъ отношеніи праведные отстоятъ отъ грѣшныхъ, какъ небо отъ земли. Вотъ и къ востоку, гдѣ солнце восходитъ, обращаемся мы, становясь на молитву, не потому, чтобъ тамъ обиталъ Богъ, оставя прочія части міра: ибо Онъ вездѣ есть всегда, и во всемъ величій своемъ; но чтобы тѣмъ расположить духъ свой обращаться къ высочайшему существу, т.-е. Богу, когда тѣло его—земное—обращается къ тѣлу, высшему его — небесному. И съ степенями духовнаго возраста это (слово: *на небесахъ*) сообразнѣе, чтобъ въ молитвѣ сердца всѣхъ, по силамъ своимъ, исполнялись достойными Бога чувствами. Для тѣхъ, которые плѣняются еще видимыми красотами и не могутъ отрѣшенно помышлять о безтѣлесномъ,—такъ какъ они по необходимости предпочитаютъ небо землѣ, — болѣе подъ силу помышленіе, по коему Богъ вѣрится быть паче на небесахъ, нежели на землѣ, потому что они Бога вѣдаютъ еще тѣлесно. Но когда уразумѣютъ они, что душа достоинствомъ своимъ превосходитъ всякое даже небесное тѣло, тогда начнутъ полагать его въ душѣ паче, нежели въ какомъ либо тѣлѣ, хотя бы и небесномъ. Уразумѣвъ же, сколько отстоятъ души грѣшныхъ отъ душъ праведныхъ, они, какъ прежде, когда мудрствовали плотски не дерзали полагать Бога на землѣ, а полагали его на небѣ, такъ теперь, лучшимъ просвѣтившись вѣдѣніемъ и высшею вѣрою, станутъ полагать его и искать въ душахъ праведныхъ, а не грѣш-

ныхъ. И такъ справедливо слова: *иже еси на небесѣхъ разумѣть такъ, какъ бы сказано было: иже еси въ сердцахъ праведныхъ, какъ въ храмѣ своемъ. Произносящій сїи слова въ такомъ смыслѣ желать долженъ, чтобъ и въ немъ самомъ возобиталъ Тотъ, Кого онъ такъ призываетъ, желая же сего, держать праведную жизнь: ибо симъ только образомъ привлекается Богъ къ обитанію въ душѣ.*

Уроки изъ сего призванія.

св. киприанъ. Называя Бога Отцемъ, мы должны помнить и знать, возлюбленнѣйшіе братія, что намъ надлежитъ и поступать какъ сынамъ Божиимъ, чтобы какъ мы сами радуемся о Богѣ Отцѣ, такъ и Онъ радовался о насъ. Будемъ жить какъ храмы Божїи, дабы видно было, что въ насъ обитаетъ Богъ. Да не будутъ дѣйствія наши недостойны духа: начавши быть небесными и духовными, будемъ помышлять и дѣлать только духовное и небесное, имѣя въ виду сказанное Богомъ: *прославляющія мя прославлю, и уничижаяй мя безчестенъ будетъ* (1 Цар. 1, 30) и написанное блаженнымъ Апостоломъ въ посланіи его: *или не вѣсте, яко тѣлеса ваши храмъ живущаго въ васъ святаго Духа суть, его же имате отъ Бога, и нѣсте свои? Куплены бо есте цѣною. Прославите убо Бога во тѣлестѣхъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ, яже суть Божїя* (1 Кор. 6, 10. 20).

св. григорій нисскій. Произносящему — *Отчи* — какая потребна душа? Сколько нужно дерзновенія? Какую надобно имѣть совѣсть, чтобы сколько возможно познавъ Бога и уразумѣвъ, что естество Божіе есть благодать, святыня, радованіе, сила, слава, чистота, и все что подобнаго сему представляется мыслію о Божіемъ естествѣ.

потомъ уже осмѣлится выговаривать это слово, и такое существо наименовать своимъ Отцемъ? Явно, что, если имѣть кто сколько-нибудь разума, то, не усматривая въ себѣ того же, что въ Богѣ, не осмѣлится произнести къ нему слова сего и сказать: *Отче!* Ибо неестественно благому по сущности стать отцемъ злаго по дѣламъ. святому—отцемъ оскверненнаго по жизни, отцу жизни — отцемъ умерщвленнаго грѣхомъ, чистому — отцемъ опозорившихъ себя страстями *безчестія*. Если кто, видя себя имѣющимъ еще нужду въ очищеніи и порочную совѣсть свою признавая исполненною сквернъ, прежде очищенія отъ такихъ худыхъ свойствъ, включить себя въ родство съ Богомъ, и неправедный Праведному, нечистый—Чистому скажетъ: *Отче*, то реченіе сіе прямо будетъ оскорбленіемъ и злословіемъ. Посему, когда Господь учитъ насъ въ молитвѣ называть Бога Отцемъ, то не иное что, кажется мнѣ, дѣлаетъ, какъ узаконяетъ возвышенный и выпранный образъ жизни; потому что истина учитъ насъ не лгать, не говорить о себѣ того, чего въ насъ нѣтъ, не именовать себя тѣмъ, чѣмъ мы не были, но, называя Отцемъ своимъ Праведнаго и Благаго, родство сіе оправдывать жизнью. Поэтому видишь ли какая нужна намъ жизнь, чтобъ возымѣть дерзновение сказать Богу: *Отче?* Ибо если ты любишь деньги, озабоченъ житейскою прелестью, домогаешься людской славы, служишь наиболѣе страстнымъ пожеланіямъ, — и однакожь приемлешь въ уста такую молитву: то что, думаешь, скажетъ Тотъ, Кто видитъ твою жизнь и слышитъ молитву? Вотъ какія будто слышу я самимъ Богомъ изрекаемыя слова такому человѣку: „и ты, растлѣнный по жизни, называешь своимъ отцемъ Отца нетлѣнія? Для чего нечистыми устами оскверняешь чистое имя?

Для чего реченіе это употребляешь лживо? Если ты чадо Мое, то жизнь твоя должна носить на себѣ черты Моихъ свойствъ. Не признаю Я въ тебѣ образа Моего естества: черты твои противоположны. Иной отецъ злыхъ въ тебѣ свойствъ. Мои порожденія и украшаются добрыми отеческими качествами, сынъ милостиваго милостивъ, чистаго—чистъ, нетлѣннаго—чуждъ растлѣнія, благаго—благъ, праведнаго—справедливъ. А тебя не знаю, откуда ты“. Посему, предписавъ въ молитвѣ говорить, что Богъ—отецъ нашъ, не иное что повелѣваетъ, какъ благолѣпною жизнію уподобляться Отцу небесному; какъ и въ другомъ мѣстѣ яснѣе заповѣдуетъ то же самое, говоря: *будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѡ. 5, 48). Какъ явны признаки уподобленія Богу, такъ и у лукаваго нрава есть свои особые признаки, — и кто ихъ имѣетъ, тому невозможно быть сыномъ Божиимъ. Это—зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостыжательность, страстное пожеланіе, недугъ славобѣсія, — сими и подобными симъ чертами отличается образъ сопротивника. Посему если подобными сквернами очернившій душу свою будетъ призывать отца, то такой отецъ услышитъ его? Да будетъ же удалена отъ твоего образа такая нечистота. Божество не причастно зависти и всякой другой скверны, — и на тебѣ да не кладутъ пятна подобныя страсти, — ни зависть, ни кичливость, ни что-либо другое, оскверняющее богоподобную лѣпоту. Если сдѣлаешься такимъ, то смѣло призывай Бога и Владыку всяческихъ именуя Отцемъ своимъ. Онъ воззритъ на тебя отеческими очами и, облекши тебя въ божественную одежду, украсивъ перстнемъ. и ноги твои для шествія горѣ снабдивъ евангельскими сапогами возвратитъ тебя въ небесное отечество.

Св. Златоустъ. Не напрасно наученъ ты произносить это слово (*Отче нашъ!*), а для того, чтобы благоговѣя предъ именемъ Отца, произносимымъ собственнымъ языкомъ твоимъ, ты подражалъ Его благодати, какъ и въ другомъ мѣстѣ Онъ говорить: будьте подобны *Отцу вашему, иже есть на небесахъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѡ. 5, 45). Посему не можетъ называть человѣколюбиваго Бога Отцемъ своимъ тотъ, кто имѣетъ настроеніе души звѣрское и безчеловѣчное; потому что онъ не имѣетъ свойствъ благодати, какія есть у небснаго Отца, но измѣнился въ звѣрскій видъ и лишился божественнаго достоинства. Тотъ же, кто кротокъ и человѣколюбивъ къ ближнимъ и не мститъ согрѣшающимъ противъ него, но воздаетъ за обиды благодареніями, безукоризненно можетъ называть Бога Отцемъ. И вникни въ точность выраженія, какъ Онъ заповѣдуетъ намъ взаимную любовь, и соединяетъ всѣхъ дружелюбнымъ расположеніемъ. Онъ не повелѣлъ говорить: *Отче мой, иже еси на небесахъ*, но *Отче нашъ, иже еси на небесахъ*, для того, чтобы, научившись именовать общаго Отца, мы оказывали братское расположеніе другъ къ другу.

святитель тихонь. Симъ воззваніемъ: *Отче нашъ!* научаемся: 1) что всѣмъ христіанамъ *единъ есть Отецъ*—Богъ; слѣдовательно они суть братія между собою, яко единаго Отца имущіи; почему 2) должны христіане, яко братія духовные, любовь между собою имѣти, другъ за друга молиться къ Богу, и аки единъ гласъ отъ сердца испущати къ небесному своему Отцу: *Отче нашъ!* „Научаетъ симъ, глаголетъ св. Златоустъ на сіе слово, общую за братію творити молитву. Не глаголетъ бо: *Отче мой*, но *Отче нашъ*,—за общее тѣло возсылать молитвы, и не

свою только пользу, но и ближняго смотрѣти вездѣ“.

3) Когда христіане суть братія о Бозѣ, то вси едину честь и славу въ семь имѣють.—*вси*, глаголю,—господа и раби, славные и неславные, богатые и нищіе, сановитые и подлые, яко братія; и того ради не должны другъ друга презирать, яко *вси едино суть о Христвъ Исусъ* (Гал. 3, 28). „Тако, говорить св. Златоустъ на сіе мѣсто, неравенство отъ насъ выводитъ, и великое царя съ нищимъ равночестіе показуетъ.“

4) Если Богъ—Отець христіанъ, то какъ опасно отъ грѣховъ берещися, паче же добрыми нравами Богу подобитися должны они, яко сынове отцу своему, когда безъ зазрѣнія совѣсти хотятъ Его призывать и нарицати Отцемъ.

5) Видно изъ сего, что христіанинъ неисправный, пока не исправитъ и не очиститъ себя истиннымъ покаяніемъ, не можетъ Бога съ пользою своею призывать, много паче Отцемъ нарицати и сію молитву глаголати. Надобно неотмѣнно оставитъ грѣхи и прихоти плотскія, и покаяться, и отступити отъ неправды, по ученію Апостола: *да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне* (2 Тим. 2, 19). Како бо можетъ Ему сказать: *Отче нашъ*; а самъ скотамъ или діаволу нравами своими подобитися? Ибо которые Бога Отцемъ нарицають, и тако молятся: *Отче нашъ* должны быть сынами Божіими, а въ сынахъ должны быть свойства, подобныя отцу. Должно убо неотмѣнно, по подобію блуднаго сына, прийти въ себе, обратиться и возвратиться ко Отцу, и предъ Нимъ со смиреніемъ признать свой грѣхъ: *Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарешися сынъ Твой* (Лк. 15, 17—21),—и впредь не отлучаться отъ Отца небеснаго, нѣ Ему отъ чистаго сердца работать, и съ Его домашними, т. е.

истинными христіанами, участіе имѣть и тако съ ними купно сей общій испущати гласъ къ Нему: *Отче нашъ!*

СОВИРАТЕЛЬ. *Отче нашъ!* Какое сладостное воззваніе! Имя Отца и тепло и отрезвляюще. У кого есть отецъ, тотъ чувствуетъ себя состоящимъ подъ мощнымъ крыломъ, совершенно обезопасеннымъ и огражденнымъ: чувствуетъ также, что ему ни о чемъ нѣтъ нужды беспокоиться и хлопотать; все будетъ—и пища, и одежда, и кровь, и что ему стоитъ только обратиться къ отцу, когда чего захочетъ и все получить.

Такія же чувства и у того, кто съумѣетъ сознать и возчувствовать Бога Отцемъ своимъ. Какъ только возродится въ комъ удостовѣреніе, что Богъ есть Отецъ его, тотчасъ водворятся въ сердцѣ и тѣ чувства, какія обычно дѣти имѣютъ къ отцу, и въ безопасномъ кровѣ будетъ онъ себя чувствовать, и въ довольствѣ безпечительномъ, и въ твердомъ упованіи, что все ему будетъ, что ни попроситъ достойнаго.

Такъ вотъ въ чемъ вся сила! Взойти до чувства, что Богъ Отецъ нашъ есть. Какъ же это? Уясненіемъ отношеній, въ какія угодно было Богу поставить себя къ намъ. Разсуждай о томъ, что есть Богъ для насъ,—и дойдешь.

Первое. Богъ Отецъ нашъ есть и по естественному порядку. Ибо, творя челоуѣка, Онъ вдохнулъ въ лице его дыханіе жизни своей. Сіе дыханіе,—не плотское, а духовное,—не перестаетъ оживлять всѣхъ людей, и слѣды того, что въ немъ есть божественнаго, неизгладимы. Такимъ образомъ мы родственны Богу по естеству. Мысль сія хоть отвлеченна, однакожь недалеко отъ общаго чувства. И св. Павелъ не усумнился воспользоваться ею для вразумленія Аѳинянь, не приводя только имъ на память слова одного ихъ книжника: *того бо и родъ есмы*, но и

дѣлая изъ того очень внушительный выводъ: *родъ убо суще Божій...* (Дѣян. 17, 28. 29). До такого убѣжденія и всякой можетъ дойти, или скорѣе, возставитъ его въ себѣ, и затѣмъ сказать въ сердцѣ своемъ: родъ суще Божій, ты можешь и долженъ чувствовать себя родственнымъ Богу и Его имѣть родоначальникомъ и общимъ всѣмъ Отцемъ.

Второе. Богъ—Отецъ нашъ, по промыслительной попечительности о насъ. Ибо создавъ, хранить, держитъ въ десницѣ Своей, ведетъ къ концу, и всякимъ попеченіемъ окружаетъ, болѣе чѣмъ отецъ родной. Итакъ дойди до узрѣнія и возчувствованія Божіей попечительности не вообще только о всѣхъ, но и о тебѣ самомъ; тогда невольно взывать будешь: *Отче нашъ!*

До этого же какъ дойти? — Размышленіемъ. Изволь размыслить и прослѣдить все, что сдѣлалъ Богъ для рода человѣческаго; какъ помѣстилъ насъ въ раю на блаженство, какъ не оставилъ насъ въ паденіи, а промыслилъ образъ возвращенія намъ потеряннаго, какъ потомъ велъ къ принятію Возстановителя нашего, сначала всѣхъ одинаково, потомъ порознь—особо іудеевъ, и особо другіе языки,—какъ наконецъ пришелъ сей Возстановитель и совершилъ дѣло возстановленія, какъ затѣмъ пошло дѣло усвоенія сего возстановленія родомъ нашимъ, какъ при семъ Богъ обращалъ цѣлыя народы и привлекалъ неисчетное множество частныхъ лицъ, какъ обратилъ нашъ народъ и блюдетъ въ немъ возстановительныя силы. Если хочешь видѣть болѣе частныя дѣйствія попеченія Божія, прослѣди исторію Авраама, Іосифа, Іова, Давида, Езекии и другихъ мужей; посмотри нашу отечественную исторію и славныхъ ея мужей. Во всемъ этомъ не можешь не увидѣть, что Богъ много

думаетъ и много печется о насъ. Не Отецъ ли же Онъ есть рода нашего?

Затѣмъ переходитъ размышленіемъ къ себѣ самому и прослѣди все, что было съ тобою. Увидишь многократныя избавленія Божіи отъ бѣдъ и паденій, а во всей жизни особое благодѣтельное направленіе ея десницею Божіею. Сокровенныхъ Божіихъ благодѣній гораздо болѣе, нежели явныхъ. Сокровенны они потому, что невидимы бывають въ то время, когда даются и усматриваются послѣ,—и это до осязательной очевидности. Такое уразумѣніе и узрѣніе Божія попеченія, не видѣннаго въ свое время и усмотрѣннаго послѣ, даетъ убѣжденіе, что и въ настоящее время Богъ попечительно устрояетъ наше бытствованіе и благобытіе, хотя мы опредѣлительно указать того не можемъ. Отсюда нельзя не вынести убѣжденія, что око Божіе благопопечительно обращено на насъ, и десница Его держитъ, покрываетъ и руководитъ насъ, и по благому пути направляетъ теченіе жизни нашей. Когда возчувствуется сіе, тогда сердце само не удержиимо изречь: *Отче нашъ!*

Третье. Богъ Отецъ нашъ есть въ силу духовнаго возрожденія. Въ семъ отношеніи дивиться надо, какъ у насъ христіанъ мало или совсѣмъ нѣтъ чувства, что Богъ Отецъ нашъ. У христіанъ сіе чувство должно быть само собою въ сердцѣ, безъ особаго напряженія къ производству его. Ибо они рождены отъ Бога. Св. Евангелистъ Іоаннъ пишетъ: *елицы же прѣша Его,—Бога Слово, чрезъ воплощеніе пришедшаго въ своя,—даде имъ область чадомъ Божіимъ быти върующимъ во имя Его, иже ни отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Ін. 1, 12. 13). Когда родились? Когда, по увѣрованіи, крестились. Ибо въ крещеніи раж-

даются водою и духомъ. И кто не родится симъ образомъ, тотъ не можетъ вступить въ область чадства Богу, открытую воплотившимся Сыномъ Божиимъ. Будучи такимъ образомъ Божиимъ порожденіемъ въ духѣ, мы должны бы и чувствовать сіе духомъ, и въ духѣ имѣть Бога Отцемъ своимъ,—не размышленіемъ до того доходя, а непосредственно то чувствуя.

Отъ чего же слабо это чувство, или его и совсѣмъ нѣтъ? Отъ того надо полагать, что то состояніе, въ которое поставляетъ насъ рожденіе отъ Бога или совсѣмъ испарилось и прешло, или ослабѣло. Нѣтъ сего состоянія? Нѣтъ и чувства чадства Богу и отчества Божія.

Слѣдовательно, за чѣмъ дѣло? Надо возстановить въ силѣ состояніе возрожденія; тогда и чувство отчества Божія возстановится. Какъ же это?

Тутъ одного размышленія недостаточно. Размышленіе о томъ, чѣмъ должно бы намъ быть вслѣдствіе рожденія отъ Бога, и о томъ, какъ все сіе совершилось, можетъ быть только введеніемъ къ тому. Начни разбирать, чѣмъ бы долженъ ты быть по рожденію духовному, и сличи съ тѣмъ, что ты есть на дѣлѣ. Увидишь большое несогласіе одного съ другимъ, которое ложится на тебѣ большимъ покоромъ предъ совѣстію твоею христіанскою, предъ Богомъ и Ангелами Его. Покорь влечетъ осужденіе; за осужденіемъ слѣдуетъ наказаніе. Углуби сіи мысли,—истинное, непреложное дѣло показывающія,—и встрепенешься. Встрепенувшись, озаботишься, какъ бы избѣжать ожидаемаго взысканія. Отсюда придетъ покаяніе и рѣшеніе держать прочее себя достойно рожденія отъ Бога. Въ таинствѣ покаянія возвращается благодать возрожденія, или возочищается ея дѣйство на сердце. Надо бы тутъ тотчасъ родиться и чувству отче-

ства Божія. Оно и бываетъ у всѣхъ истинно кающихся. Помилованіе получивъ, или ощутивъ, не могутъ они не чувствовать отческихъ объятій, какъ въ притчѣ о блудномъ. Но потомъ это чувство проходитъ. Предлежитъ трудъ въ домѣ отца, то рабскій, то наемническій. Кто постоянствомъ въ трудѣ пройдетъ сіи степени, тотъ вступитъ наконецъ въ чинъ сына. Тогда и чувство отчества Божія поселяется во глубинѣ сердца его, и пребываетъ уже въ немъ *неотходно*.

Семь прошеній.

св. златоустъ. Упомянувъ о благородствѣ (нашемъ чрезъ сыноположеніе), о высшемъ семъ дарѣ, о единствѣ чести между брѣтїями и о любви, отвлекши слушателей отъ земли и поставивши ихъ на небесахъ, посмотримъ, о чемъ наконецъ повелѣваетъ Господь Иисусъ молиться. Конечно и наименованіе Бога Отцемъ заключаетъ въ себѣ достаточное ученіе о всякой добродѣтели; ибо кто Бога назвалъ Отцемъ и Отцемъ общимъ, тотъ необходимо долженъ такъ жить, чтобы не показаться недостойнымъ сего благородства, и показывать ревность, равную дару. Но Спаситель онымъ наименованіемъ не удовольствовался, но присовокупилъ и другія изреченія.

св. григорій нисскій. Законъ, *спнь имый грядущихъ благъ* (Евр. 10, 1), и нѣкими прообразовательными гаданіями провозвѣщающій истину, когда во святилище вводитъ священника для принесенія молитвы Богу, сперва очистительными нѣкими жертвами и окропленіями очищаетъ входящаго, потомъ, украсивъ священническою одеждою, благолѣпно испещренною золотомъ, багряницею и красками другихъ цвѣтовъ, возложивъ на него наперникъ и увясло, прицѣпивъ къ краямъ одежды звон-

ки съ пуговицами, а на раменахъ состегнувъ верхнюю одежду, и главу приукрасивъ діадимою, обильно изливъ муро на волосы,—вводитъ его наконецъ во святилище совершать таинственныя священнодѣйствія.

Духовный же законоположникъ, Господь нашъ Иисусъ Христось, обнажая законъ отъ тѣлесныхъ покрываль и приводя въ ясность гадательный смыслъ прообразовъ, вопервыхъ не одного только избравъ изъ цѣлаго народа, вводитъ въ собесѣдованіе съ Богомъ, но всякому равно даруетъ сіе достоинство, предложивъ желающимъ общую благодать священства; а потомъ незаимствованнымъ убранствомъ, найденнымъ въ какой либо краскѣ и ткацкомъ ухищреніи, придаетъ искусственную красоту священнику, но возлагаетъ свойственное и сродное ему украшеніе, вмѣсто разнообразно испещренной одежды, дѣлая цвѣтоноснымъ пріятностями добродѣтелей; и грудь украшаетъ не земнымъ золотомъ, но непорочною и чистою совѣстію, придавая лѣпоту сердцу. Къ увяслу же сему принаровляетъ и блескъ драгоценныхъ камней, а это, по мнѣнію Апостола, свѣтлости святыхъ заповѣдей. Да и надрагами обезопашиваетъ ту часть, которой украшеніемъ служить такой видъ одѣянія; конечно же не знаешь, что украшеніе такой части—покровъ цѣломудрія. Привѣсилъ къ рясамъ жизни духовные звонки, и пуговицы и цвѣты (Исх. 28, 34), а подъ ними иной справедливо можетъ разумѣть видимое въ добродѣтельной жизни, чтобы прохожденіе сей жизни содѣлалось славнымъ; а посему къ рясамъ симъ вмѣсто звонка придавъ благозвучное слово вѣры, а вмѣсто пуговицы—сокровенную готовность къ надеждѣ на будущее. прикрытую суровою жизнію и вмѣсто цвѣтовъ доброцвѣтную красоту; такимъ вводитъ его во святилище и внутренность.

храма. Святилище же это не неодушевленное и не рукотворенное, но сокровенная храмина нашего сердца, если дѣйствительно она непроницаема для порока и недоступна лукавымъ помысламъ. Главу украшаетъ небеснымъ мудрованіемъ, не изображеніе буквъ начертавъ на золотой дщицѣ, но самого Бога изобразивъ во владычественномъ умѣ. А на власы разливаетъ миро, душою внутри себя самой составленное изъ добродѣтелей; и уговоряетъ его къ принесенію Богу, въ таинственномъ священнодѣйствіи, въ благоуханіе и жертву не чего либо инаго, но себя самого. Такъ возведенный Господомъ въ сіе священство, умертвивъ плотское мудрованіе мечемъ духовнымъ, *иже есть глаголь Божій* (Еф. 6, 17), потомъ пребывая во святилищѣ, умилоствуетъ Бога таковою жертвою посвятивъ себя самого и представивъ *тѣло свое жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1).

Какъ надлежитъ приуготовлять себя посвящаемому, достаточно показано сіе словомъ въ изслѣдованномъ до-селѣ, остается же разсмотрѣть самое прошеніе, какое пребывающему внутри святилища Господь повелѣлъ возносить къ Богу.

Первое прошеніе.

Да святится имя Твое.

св. григорій нисскій. Мнѣ кажется, что изложеніе сихъ словъ молитвы просто, по первому взгляду, не доставитъ намъ удобопонятнаго смысла. Сказано: *Да святится имя Твое*. Какъ относится это къ моей потребности? скажетъ иной человѣкъ, или покаяніемъ наказывающій себя за грѣхи, или чтобъ избѣжать отъ возставшаго противъ не-

го грѣха, призывающій на помощь Бога, потому ^{что} всегда предъ очами у него борющій его врагъ. Здѣсь раздражительность выводитъ разумъ изъ упорядоченнаго состоянiя; тамъ пожеланiя неумѣстнаго расслабляютъ силы души; въ другой разъ наводятъ слѣпоту на зоркость сердца любостыжательность, кичливость, гордыня, ненависть и остальная толпа противоборствующаго намъ, и подобно полчищу окрестъ нападающихъ враговъ, ввергаютъ душу въ опасность. Заботящемуся, при Божіемъ содѣйствіи, избавиться отъ сихъ золь, какія всего пригоднѣе употребить слова? Не тѣ ли, которые употребить великій Давидъ, сказавъ: *да избавлюся отъ ненавидящихъ мя* (Пс. 68, 15), и еще: *да возвратятся враги мои вспять* (Пс. 34, 4), и еще: *даждь намъ помощь отъ скорби* (Пс. 59, 13), и другія имъ подобныя, которыми можно возставить Божіе противъ враговъ содѣйствіе?— Теперь же что говорить законъ молитвы? *да святится имя Твое*. Если и не будетъ это мною сказано, ужели возможно имени Божію не быть святымъ? Если же имя Божіе всегда свято, и въ святынѣ не требуетъ прибавленій во всемъ нескудный и совершенный: то что выражаетъ молитва словами: *да святится имя Твое?*

св. киприанъ отвѣчаетъ такъ: „мы говоримъ, *да святится имя Твое*, — не въ томъ смыслѣ, будто мы желаемъ Богу, да святится Онъ молитвами нашими; но мы просимъ у Него, чтобы имя Его свяtilось въ насъ. Ибо отъ кого же освятится Богъ, Который самъ всѣхъ освящаетъ?“

тертуллианъ прибавляетъ: „такъ молились мы не для того, чтобы людямъ прилично было благожелательствовать Богу, какъ бы было еще нѣчто, чего можно пожелать Ему, и въ чемъ Онъ будетъ недостаточествовать.“

если мы не поблагожелательствуемъ Ему того. Но такъ какъ намъ подобаесть *благословлять Бога* (Пс. 102, 22) на всякомъ мѣстѣ и во всякое время, всегда памятуя великія Его къ намъ благодѣнія, то это слово (да святится имя Твое) стоитъ здѣсь вмѣсто благословенія (т.-е. вмѣсто: да благословляется).—Ктому же, когда не свято и когда не святимо имя Бога само по себѣ, когда Онъ изъ себя освящаетъ всѣхъ? Но такъ какъ обстоящій Его сонмъ Ангеловъ непрестанно взываетъ: *святъ, святъ, святъ* (Ис. 6, 3. Апок. 4, 8); то и мы, кандидаты на Ангельскій чинъ, отселѣ еще научаемся такой же возсылать къ Богу небесный гласъ, здѣсь еще пріучаясь къ будущему торжествуванію. Итакъ первая здѣсь мысль—мысль о славѣ Божіей.

св. златоустъ. *Да святится имя Твое*, говорить (въ молитвѣ усыновленный Богу по благодати). Ничего не просить прежде славы Отца небеснаго, но все почитать ниже хвалы Его,—вотъ молитва, достойная того, кто называетъ Бога Отцемъ. Богъ имѣетъ собственную славу, исполненную всего величія и никогда не измѣняемую. Ее созерцая и Серафимы славятъ Бога взывая: *святъ, святъ, святъ*. (Ис. 6, 3).

онъ же. Пусть никто не имѣетъ безразсудной мысли, будто Богу даруется прибавленіе святыни словами: *да святится имя Твое*. Онъ — святъ и всесвятъ и святѣе всѣхъ святыхъ. И Серафимы приносятъ Ему такое пѣнопѣніе, непрестанно взывая: *святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ; исполнь небо и земля славы Твоея* (Ис. 6, 3). Какъ тѣ, которые приносятъ хвалы царямъ и называютъ царями и самодержцами, не даютъ имъ то, чего они не имѣютъ, но славословятъ то, что имѣютъ; такъ и мы не сообщаемъ Богу святости, какъ бы не бывшей

у Него, когда говоримъ: *да святится имя Твое* но прославляемъ находящуюся у Него: ибо *да святится* здѣсь сказано вмѣсто *да прославится*.

св. Кассіанъ. Достигши столь высокой степени сыновъ Божіихъ, мы не можемъ не горѣть свойственною добрымъ дѣтямъ любовію, которая заставитъ насъ во всемъ искать не своей пользы, но славы Отца нашего. Посему и говоримъ: *да святится имя Твое*, чѣмъ свидѣтельствуемъ, что наше чаяніе, наша радость — есть слава нашего Отца, послѣдую Тому, Кто' сказалъ: *ищай славы пославшаго Его, сей истиненъ есть, и нѣсть неправды въ немъ* (Ин. 7. 18).

святитель тихонъ. *Да святится имя*, т. е. да славится имя Твое, глаголетъ Златоустъ. Сіе значить, чтобы мы ничего инаго, какъ только славы Божіей ^{не}искали. Достойна молитва того, глаголетъ Златоустъ, который Бога Отцемъ нарицаетъ, — ничего не просить прежде славы Божіей, но всему предпочитать хвалу Ему. Имя Божіе свято и славно есть безъ нашего прославленія, но мы должны стараться, чтобы и въ насъ оно славилось.

собратель. Вторая мысль въ словѣ *да святится* есть—да благоговѣнно читается. Ибо что свято, то окружаемъ мы всякимъ почтеніемъ, предъ тѣмъ всегда благоговѣнствуемъ, къ тому относимся съ должнымъ страхомъ. *Да святится имя Твое* будетъ тоже что: страхъ Твой ведаи въ сердца насъ, поющихъ Тя!—И пристойно сему прошенію стоять на первомъ мѣстѣ: ибо благоговѣнный страхъ Божій есть источникъ духовной мудрости и богоугодной жизни. Кто его имѣетъ, тотъ имѣетъ и руководителя, и возбудителя и подкрѣпителя. Пока онъ есть, душа бываетъ полна несокрушимою силою

противъ всякаго грѣха и на всякое добро. Поелику такимъ образомъ онъ есть первое въ духовной жизни, то о немъ и первая молитва.

блж. августинъ. Сказано, кто—Тотъ, къ Кому обращаемся съ моленіемъ и гдѣ Онъ обитаетъ. (Это въ словахъ: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ*). Теперь посмотримъ, о чемъ надлежитъ молить Его. Первое изъ всего, что испрашивается есть: *да святится имя твое*. О семъ просимъ не въ томъ смыслѣ, будто бы имя Божіе не было свято, но въ томъ, да имѣется оно святымъ у людей: т.-е. такъ да вѣдомъ имъ будетъ Богъ, чтобъ они не почитали что-либо другое болѣе святымъ и что оскорбить болѣе боялись бы они, чѣмъ имя Его. Подобно сему, когда сказано: *въдомъ во Іудей Богъ, во Израилъ велие имя Его* (Пс. 75, 1), то сіе должно не такъ понимать, какъ бы въ одномъ мѣстѣ Богъ былъ менѣе великъ, а въ другомъ болѣе: но тамъ велико имя Его, гдѣ оно именуется по великости величія своего. Такимъ образомъ тамъ именуется имя Божіе, какъ святыня, гдѣ именуется со благоговѣніемъ и страхомъ оскорбить Его.

онъ же. Чего ради просишь.—да святится имя Божіе? — Оно свято. Что же и просить, да будетъ свято то, что уже свято есть?—ктому же когда просишь, да святится имя Его, не о Немъ ли Его просишь, а не о себѣ?—Но уразумѣй (какъ должно смыслъ слова, и увидишь), что о себѣ просишь. Ибо того просишь, чтобъ то, что само въ себѣ всегда свято, свяtilось въ тебѣ. Что значить *да святится*? Святымъ да имѣется, да не презирается. Видишь ли теперь, что себѣ добра желаешь, когда сего желаешь. Ибо для тебя пагубно, когда презришь имя Божіе, а не для Бога.

онъ же. Когда говоримъ: *Да святится имя твое*, то

самихъ себя убѣждаемъ желать и искать, чтобъ имя Его, которое всегда въ себѣ свято есть, святымъ имѣлось и у людей, т.-е. не было презираемо; что не для Бога потребно, а для людей спасительно.

Собиратель. Къ симъ двумъ мыслямъ, какъ дополненіе и приложеніе, можно прибавить слѣдующія двѣ.

Первая. Прославляется и благоговѣно читится имя Божіе, когда познаны бывають неизреченное всесовершенство Божіе, и величіе Его съ неумытною правдою и судомъ, превосходящія мѣру постиженія нашего. До познанія сего можно доходить и собственнымъ размышленіемъ при руководствѣ божественнаго откровенія. И смиренный Богомысленникъ не можетъ не заключать своего богомыслия—или славословіемъ Богу, предивному въ совершенствахъ своихъ, или паденіемъ предъ Нимъ въ страхъ и трепетъ, при представленіи Его величія необъятнаго и Его страшной правды и судовъ неумытныхъ. Но такія проявленія славословія и благоговѣинства, происходя отъ мѣры постиженія Божіихъ свойствъ и величія, и сами не восходятъ выше сей мѣры, и далеко бывають отъ мѣры Божіей. Кътому же они проявляются въ слѣдствіе натиска отъ ума на сердце, почему бывають поверхностны. Настоящія же славословіе и благоговѣинство бьютъ ключемъ изъ сердца, заставляя умъ только изумляться. Сіе производится дѣйствіемъ благодати Божіей. Она даетъ чувству вкусить сколь благъ и великъ Господь, и за сердцемъ вводитъ въ созерцаніе сего умъ. И бываетъ тогда истинное славословіе и благоговѣинство въ глубинѣ души. Бываетъ и то, что у нихъ однажды водрузившись, оно не отходитъ отъ нихъ никогда. И вотъ ѿ сего то благодатномъ воздѣйствіи и гласятъ слова молитвы: да святится имя Твое.

Даруй Господи, благодатию Твоею сердцу нашему вкусить, сколь благъ еси, дивенъ и великъ, и уму нашему войти въ созерцаніе сего, чтобъ наши славословіе и благоговѣнство, хоть мало, подходили въ мѣру Твою и, водворившись внутрь насъ, никогда не отходили отъ насъ!—Не потому ли и повелѣлъ Господь говорить: *да святится*, а не: да святимъ мы, что благодатныя славословіе и страхъ Божій, когда приходятъ, дѣйствуютъ сами собою, оставляя духъ нашъ быть только сознавателемъ происходящаго и вкушателемъ того.

Вторая. Да прославляется и да благоговѣнно чтится имя Твое всѣми людьми. Молящіеся о семъ конечно сами славословятъ Бога и благоговѣнствуютъ предъ Нимъ, сознавъ долгъ свой къ тому. Дѣти естественно и чтутъ и славятъ отца. Но самая любовь къ отцу не дастъ имъ довольствоваться славою и почитаніемъ отца только въ своемъ кругу; они желаютъ и ищутъ, чтобъ отецъ ихъ всѣми былъ славимъ и чтимъ. Такъ и въ отношеніи къ Богу, именующіе его Отцемъ своимъ не могутъ довольствоваться только своимъ Его прославленіемъ и чествованіемъ: но желаютъ, чтобъ и всѣ люди славили Его и благоговѣнствовали предъ Нимъ. Такъ какъ сіе иначе исполниться не можетъ, какъ распространеніемъ истиннаго познанія о Богѣ, чрезъ распространеніе божественнаго откровенія; то въ желаніи, чтобъ всѣ славили и чтили Бога—Отца нашего, естественно выражается желаніе и того, чтобъ распространялось благовѣстіе о Богѣ и всѣми было познано имя Его. Ибо Богъ нашъ таковъ, что только познай Его, и уже не можешь не славословить Его и не благоговѣнствовать предъ Нимъ. Блаж. Августинъ, выразивъ мысль, что въ словѣ *да святится* содержится моленіе о томъ, да благоговѣнно

читится имя Божіе, приложилъ: „и сіе—то совершаетъ нынѣ Евангеліе, возвъщаемое всѣмъ народамъ!—Св. Кассіанъ, послѣ приведенныхъ выше словъ о желаніи славы Отцу небесному отъ лица дѣтей, движимыхъ любовію къ Нему, присовокупляетъ: „сосудъ избранный, будучи исполненъ сими чувствованіями, желаетъ *отлученъ быти отъ Христа* (Рим. 9, 3), чтобъ только пріобрѣсть Ему многочисленное семейство. и присовокупить къ славѣ Отца своего спасеніе всего Израиля“.—Тертуллианъ туже мысль выражаетъ: „молимся, да 'святится имя Божіе не въ насъ только, кои уже присвоились Ему, но и въ прочихъ людяхъ, коихъ еще ожидаетъ Божія благодать. Мы повинuemся заповѣди, повелѣвающей намъ молиться за всѣхъ, и даже за враговъ нашихъ (Мѡ. 5, 44). Не говоря: да святится имя Божіе только въ насъ, мы тѣмъ самымъ говоримъ: да святится оно и во всѣхъ“. Такимъ образомъ молясь: *да святится...*, молимся да распространится во всемъ родѣ человѣческомъ истинное Боговѣдѣніе, чтобъ изъ всѣхъ людей составилось одно семейство Божіе, Бога именующихъ Отцемъ своимъ, славящихъ Его и благоговѣнно чтущихъ.

Есть еще *третья* мысль, —въ словѣ: *да святится...*, —которую можно признать и дополнительною, какъ двѣ предложенныя предъ симъ, и принимать, какъ прямую мысль молитвы именно: да прославляется Богъ жизнію нашею. Сію преимущественно мысль внушаютъ всѣ святые отцы.

св. Кассіанъ. Слова: *да святится имя Твое*—справедливо могутъ давать и ту мысль, что священіе Бога есть наше совершенство. Посему говоря ему: *да святится имя Твое*, мы говоримъ какъ бы слѣдующее: „Отче! сдѣлай насъ такими, чтобы мы могли разумѣть величіе

Твоей святости, или удостоиться пріятія оной, или, лучше, да открывается святость Твоя въ духовной жизни нашей“. А это только тогда исполняется дѣйствительно, когда люди *видятъ добрая дѣла наша, и прославляютъ Отца нашего, иже есть на небесахъ* (Мѡ. 5, 16).

св. кипріанъ. Такъ какъ Богъ сказалъ: *будьте святы, яко азъ святъ* есмь (Мѡ. 16, 2; 1 Петр. 1, 15); то мы просимъ и молимъ, чтобы освященные въ крещеніи, мы и пребыли такими, какими быть начали. И объ этомъ молимся ежедневно, потому что имѣемъ нужду въ ежедневномъ освященіи, чтобы ежедневные грѣхи наши очищать непрестаннымъ освященіемъ. Каково же освященіе, даруемое намъ Богомъ, по Его благодати, — это поясняетъ апостоль, говоря: *ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодни, ни сквернителн ни малакн, ни мужеложники, ни татіе, ни лихоимцы, ни пїяницы, ни досадители, ни хнщницы, царствїа Божїа не насльдятъ. И сими убо нщцыи бѣсте: но омыстеса, но освятитсеса, но оправдистеса именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6, 9—11). Онъ называетъ насъ освятившимися именемъ Господа нашего Іисуса Христа и Духомъ Бога нашего; и мы молимся, да пребудетъ въ насъ такое освященіе. А такъ какъ Господь и судья нашъ испѣленному и оживотворенному съ угрозою заповѣдалъ не грѣшить болѣе, чтобъ не было хуже (Ин. 5, 14), то мы непрестанною молитвою умоляемъ, днемъ и ночью просимъ, чтобы освященіе и оживотвореніе, принятое нами отъ Божіей благодати, и соблюдено было въ насъ божественнымъ охраненіемъ.

св. григорій нисскій. Писаніе подъ видомъ молитвы не учить ли, можетъ быть, чему либо такому: природа

человѣческая для пріобрѣтенія чего либо добраго немощна, и потому о какомъ бы добрѣ ни заботились, мы не достигали бы онаго, если бы не совершало сего въ насъ Божіе содѣйствіе. А главное для меня изъ всѣхъ благъ то, чтобы жизнію моею прославлялось имя Божіе.

Вразумительнѣе же дѣлается для насъ этотъ смыслъ чрезъ предположеніе противнаго. Слышу, что священное писаніе осуждаетъ гдѣ-то тѣхъ, которые дѣлаются виновниками хулы на Бога. Ибо сказано: горе тѣмъ, *иже ради имя Божіе хулятся во языцехъ* (Ис. 52, 5). А сіе значить: не увѣровавшіе еще слову истины взирають на жизнь пріявшихъ вѣру въ таинство (Евангелія); а посему когда иные носятъ на себѣ имя вѣры (христіанъ), а жизнь ихъ противорѣчитъ имени, или тѣмъ, что они идолопоклонствуютъ любостыжанію или тѣмъ, что безчинствуютъ въ пьянствѣ и на пиршествахъ, или тѣмъ, что на подобіе свиней валяются въ тинѣ распутства; тогда у невѣрныхъ тотчасъ готовъ отзывъ, осуждающій, не произволь худо пользующихся жизнію, но таинство (Евангеліе, — христіанство), какъ будто оно учитъ поступать такимъ образомъ, и будто бы такой-то человѣкъ, посвященный въ божественныя таинства, не сдѣлался бы или злорѣчивымъ, или любостыжательнымъ, или хищникомъ, или подверженнымъ иному какому пороку, если бы грѣшить не было имъ позволительно. Посему-то писаніе обращается къ таковымъ съ строгою угрозою, говоря: горе тѣмъ, *иже ради имя Мое хулятся во языцехъ*.

„Если это понято нами, то благовременно будетъ обратить вниманіе на то, что говорится съ противной стороны. Ибо прежде всего, думаю, надлежитъ молиться и главнымъ предметомъ молитвы поставить то, чтобы жи-

нію мою имя Божіе не хулилось, но прославлялось и святилась вѣра въ таинство (Евангелія). Посему молящійся говорить: во мнѣ *да святится* призываемое мною имя Твоего владычества, *да видятъ* челоуѣки добрыя дѣла, и прославятъ Отца, *уже на небесахъ* (Мѡ. 5, 16). А кто столько звѣроподобенъ и неразуменъ, что, въ вѣрующихъ въ Бога видя жизнь чистую, преуспѣвающую въ добродѣтели, свободную отъ всѣхъ сквернъ грѣха, чуждую всякаго подозрѣнія въ худомъ, сіяющую цѣломудріемъ, достойную уваженія за благоразуміе, мужественно отражающую прираженія страстей, ни мало не расслабляемую тѣлеснымъ сладострастіемъ, всего болѣе удаляющуюся отъ забавъ, нѣги и кичливой суетности, столько пользующуюся житейскимъ, сколько сіе необходимо, концами только ножныхъ перстовъ касающуюся земли, во время пребыванія на землѣ, не утопающую въ наслажденіяхъ удовольствіями сей земной жизни, но стоящую выше всякаго чувственнаго обольщенія и въ жизни во плоти соревнующую жизни безплотныхъ, признающую единственнымъ богатствомъ пріобрѣтеніе добродѣтели, единственнымъ благородствомъ усвоеніе себя (родство) Богу, единственнымъ достоинствомъ и единственнымъ владычествомъ обладаніе самимъ собою, и нераболѣпство челоуѣческимъ страстямъ, тяготящуюся продолжительностію жизни въ вещественномъ вѣкѣ, и подобно бѣдствующимъ на морѣ, поспѣшающую въ пристань срѣтить тамъ успокоеніе, кто, видя все сіе и сему подобное, не прославитъ Имени, призываемаго такою жизнію?

„Посему, кто говоритъ въ молитвѣ: *да святится имя Твое* во мнѣ, тотъ, по силѣ произносимыхъ имъ словъ, молится о слѣдующемъ: „при содѣйствіи Твоей помощи

да содѣлаюсь неукоризненнымъ, справедливымъ, благочестивымъ, буду воздерживаться отъ всякаго дѣла злаго. говорить истину, дѣлать правду; ходить по правотѣ. отличаться цѣломудріемъ. украшаться не растлѣніемъ. мудростію и благоразуміемъ: мудрствовать горнее, презирать земное, прославлять Ангельскимъ житіемъ“. Сіе и подобное сему содержитъ въ себѣ это краткое прошеніе, въ молитвѣ вызывающее къ Богу: *да святится имя Твое*. Ибо не иначе возможно Богу прославляться въ человѣкѣ, какъ развѣ, когда добродѣтель его свидѣтельствуешь, что причина благъ въ Божию моществѣ.

св. кирилль іерусалимскій. *Да святится имя Твое*. Имя Божіе по естеству свято, хотя говоримъ, или не говоримъ сіе. Но поелику иногда бываетъ оно въ согрѣшающихъ и поругано, по сказанному: *васъ ради присно имя Мос хулится во языцехъ* (Ис. 52, 5); то молимся, чтобы въ насъ свяtilось имя Божіе; не потому, что Онъ изъ не святаго дѣлается святымъ, но потому, что въ насъ оно бываетъ свято, когда мы освящены и дѣлаемъ достойное святости.

св. златоустъ. *Да святится*, значить да прославится. То есть сподоби насъ такъ чисто жить, чтобы чрезъ насъ всѣ Тебя славили, предъ всѣми являть жизнь столь неукоризненную, чтобы каждый изъ видящихъ оную возносилъ хвалу Владыкѣ. Это есть признакъ совершенной мудрости.

св. максимъ исповѣдникъ. Освящаемъ мы имя небеснаго Отца по благодати, когда умерщвляемъ всякое похотѣніе вещественнаго и очищаемъ себя отъ тлетворныхъ страстей: ибо святость есть совершенная неподвижность и мертвость похоти въ сердцѣ. Достигши сего, мы укро-

щаемъ и неподобные порывы гнѣва; потому-что не изъ-за чего ему возгараться, когда нѣтъ уже похоти, побуждающей его воевать за предметы своихъ сластей: ибо она умерщвлена силою святости. Будучи по естеству защитникомъ похоти, гнѣвъ обыкновенно перестаетъ бѣсноваться, когда видитъ, что она умерщвлена.

блж. Ѳеофилактъ. *Да святится имя Твое.* То есть, сдѣлай насъ святыми, дабы посредствомъ насъ прославилось имя Твое. Ибо какъ моими худыми дѣлами Богъ хуляется, такъ моими добрыми дѣлами святится, т.-е. прославляется какъ святой.

онъ же. *Да святится,*— вмѣсто да прославится. т.-е. устрой нашу жизнь такъ, чтобъ она была во славу Твою. Ибо какъ злыми хуляется имя Божіе, такъ ведущими добрую жизнь прославляется.

симеонъ архіепископъ солунскій. *Да святится имя Твое.* Такъ какъ Ты святъ еси, то освяти имя Твое и въ насъ, чтобъ содѣлавшись свойственниками Тебѣ, мы святили имя Твое, и чтобъ оно будучи проповѣдуемо нами, яко святое, и славимо было чрезъ насъ, а не хулилось насъ ради.

святитель тихонъ. Имя Божіе прославляется, когда слово Его чисто проповѣдуется, и мы по слову Его житіе наше исправляемъ, якоже глаголетъ Христось: *такъ да просвѣтитесь свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесахъ.* Сего сами мы, безъ Божіей благодати, чинить не можемъ; того ради просимъ небеснаго Отца, да тое милостиво намъ подастъ. Отсюду примѣчается немощь наша, что мы безъ Бога никакого добра не можемъ творить, якоже глаголетъ Христось: *безъ Мене не можетъ творити ничесоже.* Аще просимъ, да-

бы свяtilося и славилося имя Божіе, то не должно намъ нашему имени славы искать отъ дѣлъ добрыхъ. Кто иначе учить или живеть, какъ слово Божіе научаетъ, тотъ имени Божія не прославляетъ. Сего ради, чтобы до того самъ Богъ не допустилъ насъ, молимся Ему: *да святится имя Твое.*

ВТОРОЕ ПРОШЕНІЕ.

Да прійдетъ царствіе Твое.

СОВИРАТЕЛЬ. Царствіе сіе прямо есть будущее царствіе небесное, которое откроется по концѣ міра и страшномъ судѣ Божіемъ. Но чтобы искренно желать пришествія сего царствія, надо быть увѣреннымъ, что мы будемъ удостоены его вмѣстѣ съ тѣми, къ коимъ речено будетъ: *прійдите благословенніи Отца Моего, насльдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (МѠ. 25, 34). Достойнымъ же сего бываетъ тотъ, въ комъ въ сей еще жизни пресѣчено царство грѣха, страстей и діавола. Пресѣченіе этого царства совершается дѣйствіемъ благодати по вѣрѣ въ Господа Спасителя. Увѣровавшій передаетъ себя Господу, обѣщая Ему жить свято и непорочно. За сіе въ таинствѣ крещенія подается благодать Св. Духа, возраждающая его къ новой жизни; съ сей минуты уже не грѣхъ царствуетъ въ немъ, а благодать, научая всякому добру и укрѣпляя на совершеніе его. Это есть царствіе благодати, о коемъ сказалъ Господь: *царствіе Божіе внутрь васъ есть.* Будущее царствіе есть царство славы, а это—духовное есть царство благодати. Молитва совмѣстно объемлетъ то и другое царство. Иначе желающій скорѣйшаго пришествія будущаго царствія, не сдѣлавшись сыномъ царства благода-

ти, будетъ желать; чтобъ скорѣе пришелъ конецъ міра, и страшный судъ, на которомъ неизбежно онъ окажется на сторонѣ тѣхъ, кои услышатъ: *отыдите отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его*. Св. Отцы и учителя берутъ во вниманіе также совмѣстно оба царства; но иногда и одно какое,—болѣе послѣднее.

ТЕРТУЛІАНЪ. Царствіе, испрашиваемое нами у Отца небеснаго есть будущее царствіе по кончинѣ міра. Мы молимъ Его о скорѣйшемъ пришествіи сего царства, чтобъ намъ скорѣе вступить въ него и не быть надолго задержанными въ рабствѣ, порываясь *внѣсти въ оный покой* (Евр. 4, 11). Въ Апокалипсисѣ души подъ олтаремъ вопіють къ Господу: *доколь Владыко святой и истинный не судиши, и не мстѣши крови нашей отъ живущихъ на земли* (6, 10)?—Итакъ мы молимся: скорѣе, Господи, *да придетъ царствіе Твое*—сіе желаніе христіанъ, смятеніе язычниковъ, торжество Ангеловъ, ради коего страждемъ и коего неудержимо желаемъ.

СВ. КИПРИАНЪ. Мы просимъ о пришествіи къ намъ царства Божія въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ молимъ Бога, чтобы свяtilось имя Его—въ насъ. Ибо когда же Богъ не царствуетъ, или какое положимъ начало Его царству, когда оно всегда при Немъ было и не престанетъ быть? Мы просимъ да придетъ наше царство, обѣщанное намъ Богомъ, приобрѣтенное кровію и страданіемъ Христовымъ; просимъ, чтобы намъ, послужившимъ въ семь вѣкъ Христу Господу царствовать потомъ со Владыкою—Христомъ, какъ и самъ Онъ обѣщаетъ, говоря: *прѣидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѣ. 25, 34). И мы правильно испрашиваемъ царства Божія, т.-е.

царства небеснаго; ибо есть и царство земное. Но кто отрекся уже отъ міра, тотъ выше мірскихъ почестей и царства. Такимъ образомъ посвящающій себя Богу и Христу желаетъ не земнаго, но небеснаго царства. А при этомъ необходима непрестанная молитва и моленіе, да не отпадемъ отъ небеснаго царства такъ, какъ отпали Іудеи, которымъ оно было обѣщано прежде. Господь ясно говоритъ: *мнози отъ востока и запада придутъ и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Іаковомъ въ царствіи небесномъ: сынове же царствія изгнани будутъ во тѣмъ кромѣшную: ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ* (Мѡ. 8, 11. 12). Онъ показываетъ, что Іудеи были прежде сынами царства, доколѣ не переставали быть сынами Божиими; потомъ же, съ упраздненіемъ у нихъ имени Отцаго, упразднилось и царство. Потому-то мы, христіане, которые стали называть, въ молитвѣ, Бога Отцемъ, просимъ: да придетъ къ намъ царство Божіе.

св. григорій нисскій. Во вторыхъ молимся, чтобы пришло царствіе Божіе. Но ужели теперь только желательно, чтобы содѣлался Царемъ. Царь вселенной всегда Тотъ же, какимъ Онъ есть, для всякаго измѣненія непреложный, кому невозможно и найти что либо лучшее, во что могъ бы измѣниться? Посему что же значить молитва, призывающая царствіе Божіе?—Истинное о семъ понятіе вѣдомо тѣмъ, кому Духъ истины открываетъ сокровенныя тайны; мы же имѣемъ такое разумѣніе сего изреченія: выше всего одна истинная власть и сила, которая державствуетъ и царствуетъ во вселенной, не насиліемъ какимъ, не самоуправнымъ властительствомъ, не страхомъ, не принужденіями приводящая въ подчиненіе, что покорно ей; потому что добродѣтели надлежитъ быть свободною отъ всякаго страха, не по жестокому надъ собой

владычеству, но по добровольному разсужденію избирать доброе,—а главное во всякомъ добрѣ—состоять подъ животворною властію. Посему, такъ какъ природа человѣческая обманомъ введена въ заблужденіе, то въ произволеніи нашемъ произошла склонность къ противоположному, жизнь человѣческая преобладается всѣмъ худымъ. потому что смерть тысячами путей вмѣшалась въ природу: всякій видъ грѣха дѣлается какъ бы какимъ путемъ къ намъ смерти. Посему, такъ какъ состоимъ подъ такимъ самоуправствомъ, какъ бы какими исполнителями казней или врагами, прираженіями страстей поработены смерти: то хорошо молимся, чтобы пришло къ намъ царствіе Божіе. Ибо невозможно иначе свергнуть съ себя злое владычество тлѣнія, пока не восприметъ надъ нами снова владычества животворящая сила.

„Посему если просимъ, чтобы пришло къ намъ царствіе Божіе, то въ дѣйствительности умоляемъ Бога о слѣдующемъ: да избавлюсь я отъ тлѣнія, да освобождусь отъ смерти, да буду разрѣшенъ отъ узъ грѣха, да не царствуетъ болѣе надо мною смерть, да не будетъ болѣе дѣйствительнымъ надъ нами самоуправство порока, да не преобладаетъ мною врагъ, да не водить меня плѣнникомъ, поработая грѣхомъ; но *да придетъ* на меня *царствіе Твое*, чтобы отступили отъ меня, или, лучше сказать, обратились въ ничто преобладающія и царствующія нынѣ страсти. *Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ: и яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ* (Пс. 67, 3).—И дымъ, разлившись въ воздухъ, не оставляетъ по себѣ никакого признака собственнаго своего естества; и воскъ, побывавшаго въ огнѣ, уже не найдешь. Но и воскъ, напитавъ собою пламень, **претворил**ся въ паръ и въ воздухъ: и дымъ принесть въ совер-

шенное уничтоженіе. Такъ когда придетъ на насъ царствіе Божіе, тогда все, преобладающее нами теперь, обратится въ ничто; потому что тма не терпитъ присутствія свѣта: не остаются болѣзни по возвращеніи здравія, не дѣйствуютъ страсти при появленіи безстрастія; бездѣйственна смерть, исчезаетъ тлѣніе, когда воцаряется въ насъ жизнь, и начинаетъ обладать нетлѣніе.

„*Да придетъ царствіе Твое.* Какое сладостное изреченіе! Имъ ясно приносимъ Богу слѣдующее моленіе: да рассыплется сопротивная сила, да уничтожится дружина иноплеменниковъ, да прекратится борьба плоти съ духомъ, да не служитъ тѣло прибѣжищемъ непріятелю души, да явится на мнѣ царственное владычество, ангельская рука, тысячи исправляющихъ; тма помогающихъ съ правой руки, чтобъ съ противной стороны пала тма враждующихъ. Сопротивникъ силенъ; но онъ страшенъ и непреоборимъ лишь для лишенныхъ Твоей помощи, пока побораемый имъ одинъ. А коль скоро откроется Твое царство, *отбѣже и печаль и воздыханіе* (Ис. 35, 10), на мѣсто же ихъ входятъ жизнь, и миръ, и радованіе.

св. кирилль іерусалимскій. Чистой душѣ свойственно съ дерзновеніемъ говорить: *да придетъ царствіе Твое.* Ибо кто послушалъ Павла, сказавшаго: *да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ* (Рим. 6, 12), и очистилъ себя дѣломъ, и мыслию, и словомъ, тотъ скажетъ Богу: *да придетъ царствіе Твое.*

св. кассианъ. Вторымъ прошеніемъ умъ, достигшій высшей степени чистоты умоляетъ о томъ, *да придетъ* какъ можно скорѣе, царствіе Отца его, разумѣя подъ симъ или *то* всегданнее царствованіе Христа во святыхъ, которое наступаетъ тогда, когда, по истребленіи изъ сердець нашихъ смрадныхъ пороковъ, власть діавола

прекращается; и Богъ, по причинѣ благоуханія добродѣтелей, начинаетъ въ насъ владычествовать, — когда вмѣсто побѣжденной плотской похоти, воцаряется въ умѣ нашемъ чистота, вмѣсто подавленнаго гнѣва — мирность, вмѣсто поправной гордости — смиреніе — *или то* царство, которое въ предопредѣленное время обѣщано всѣмъ вообще достигшимъ совершенства и сдѣлавшимся сынами Божиими, когда Христосъ скажетъ имъ: *приидите благословенніи Отца моего, насльдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѣ. 25. 37). Къ сему то царствію бывають устремлены и какъ бы пригвождены взоры, желанія и ожиданія чистой души, когда она взываетъ къ Богу: *да приидетъ царствіе Твое!* Ибо она твердо увѣрена свидѣтельствомъ своей совѣсти, что тотчасъ насльдуетъ это царство, какъ скоро оно откроется. Напротивъ никто изъ беззаконниковъ не осмѣлится желать его; ибо тотъ конечно не захочетъ и видѣть престола судіи, кто знаетъ, что въ день пришествія Его получить онъ за свои дѣла не вѣнецъ и награду, а наказаніе.

св. златоустъ. *Да приидетъ царствіе Твое!* И сіи слова приличны доброму сыну, который не привязывается къ видимому, и не почитаетъ настоящихъ благъ чѣмъ либо великимъ, но стремится къ Отцу, и желаетъ будущихъ благъ. Сіе самое происходитъ отъ доброй совѣсти и души, свободной отъ всего земнаго. Сего и Павелъ желалъ каждодневно; посему и говоритъ: *и сами, начатокъ Духа имуще, воздыхаемъ всиновленія чающе, избавленія тѣлу нашему* (Рим. 8, 23). Кто имѣетъ такую любовь, не можетъ ни возгордиться среди благъ сей жизни, ни отчаяться среди горестей; но, какъ живущій на небѣ, свободенъ отъ той и другой крайности.

онъ же. Научены мы говорить въ молитвѣ: *да приидетъ*

царствіе Твое; потому что, претерпѣвая насиліе отъ плотскихъ страстей и подвергаясь безчисленнымъ искушеніямъ, мы имѣемъ нужду въ царствіи Божіемъ, *да не царствуютъ грѣхъ въ мертвеннымъ тѣлѣ нашемъ, во еже послушати его во похотелѣхъ его, и да не представляемъ уды наши оружія неправды грѣху, но да представимъ ихъ оружія правды Богови и воинствуемъ для Бога въковъ* (Рим. 6, 12. 13). Притомъ мы научаемся не слишкомъ прилѣпляться къ настоящей жизни, но презирать настоящее и желать будущаго, какъ постояннаго, и искать царства небеснаго и вѣчнаго, а здѣшними пріятностями не увлекаться, ни благообразіемъ тѣлеснымъ, ни обиліемъ богатства, ни множествомъ стяжаній, ни драгоцѣнностью камней, ни великолѣпіемъ домовъ, ни званіями градоправителей и военачальниковъ, ни багряницею и діадемою, ни яствами, сластями и всякаго рода роскошью, ни чѣмъ-либо другимъ изъ предметовъ, услаждающихъ наши чувства, но отказавшись отъ всего этого, непрестанно искать царствія Божія.

блж. августинъ. *Да придетъ царствіе Твое*. Кому это говоримъ мы?—Богъ всегда есть Царь. Онъ всегда облеченъ царственною властію, когда Ему служитъ всяческая тварь. О какомъ же царствѣ молимся? О томъ, которое откроется въ концѣ міра, и о которомъ написано въ Евангеліи: *придите благословенніи Отца моего, насльдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*. Вотъ о какомъ царствѣ помышляемъ, когда говоримъ: *Да придетъ царствіе Твое*. Но если не будемъ просить, ужели царствіе сіе не придетъ? Конечно придетъ. Но что пользы, если мы окажемся тогда стоящими ошуюю? Почему молясь такъ, выражаемъ желаніе, чтобъ царствіе то пришло для насъ, чтобъ и мы обрѣлись въ немъ, а

не вѣ его. Того желаешь ты, того ищешь молясь, да такъ живешь, чтобъ и тебѣ принадлежать къ царству, которое дано будетъ всѣмъ святымъ. Слѣдовательно, когда говоришь: *да придетъ царствіе Твое*, о томъ молишься, чтобъ тебѣ жить хорошо.—Да принадлежимъ къ царству Твоему, Господи, да придетъ оно и для насъ. имѣя приидти для Твоихъ святыхъ и праведныхъ.

онъ-же. Желаемъ, да придетъ царствіе Божіе. Придетъ, хотя бы мы и не желали того. Но желать и молиться, да придетъ царствіе, не что иное есть, какъ желать, да содѣлаетъ насъ Отецъ нашъ небесный достойными царствія Своего, чтобъ не случилось,—чего да не будетъ,—что оно придетъ, и не для насъ придетъ. Ибо для многихъ не придетъ сіе, имѣющее приидти, царство. Для тѣхъ придетъ, коимъ будетъ сказано: *приидите благословенніи Отца Моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра*. А для тѣхъ не придетъ, которые услышатъ: *отыдите отъ Мене, проклятіи во огнь вѣчный* (Мѡ. 25, 34. 41). Итакъ когда говоримъ: *да придетъ царствіе Твое*, молимся да придетъ оно для насъ. Что значить, да придетъ оно для насъ?—Да обрѣтетъ насъ добрыми. О томъ, слѣдовательно, молимся, да содѣлаетъ насъ добрыми Господь: ибо тогда уже всеконечно для насъ придетъ царствіе Его.

онъ-же. Говоря: *да придетъ царствіе Твое*, которое несомнѣнно придетъ, желаемъ ли мы того, или не желаемъ, — возбуждаемъ въ себѣ желаніе того царства, чтобъ оно пришло для насъ и мы достойными оказались участвовать въ немъ.

владж. ѳеофилактъ. *Да придетъ царствіе Твое*, т.-е., второе пришествіе: ибо человекъ съ спокойною совѣстію смѣло молится о пришествіи воскресенія и суда.

Грѣшникъ не молится о царствіи Божіемъ; ибо не желаетъ его пришествія, по причинѣ ожидающихъ его тамъ наказаній. Напротивъ праведникъ молить, чтобъ оно пришло скорѣе, дабы ему освободиться отъ здѣшнихъ искушеній и успокоиться.

СИМЕОНЪ СОЛУНСКІЙ. *Да приидетъ царствіе Твое.* Ты буди Царь надъ нами чрезъ добрыя дѣла, не врагъ Твой чрезъ дѣла злыя. И да приидетъ царствіе Твое,—последній день, когда Ты надъ всѣми воцаришься и надъ самыми врагами Твоими, и царствіе Твое будетъ вѣчно, какъ и есть. Но это (говорить въ молитвѣ прилично) достойнымъ и къ тому времени приготовившимся.

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОНЪ. По ученію св. Златоуста „Царствіе здѣ разумѣется небесное,—царствіе, котораго ожидаютъ истинные христіане, и молятся: *да приидетъ царствіе Твое.* И сіе, рече, благоразумнаго сына слово есть, что не прилѣпляется видимымъ, ниже за велико считаетъ настоящая, но къ Отцу спѣшить и къ будущимъ стремится. Кто царствія небеснаго желаетъ и молится тако: *да приидетъ царствіе Твое,* тому надобно 1) презирать земное царствіе, славу, честь, угѣхи и богатство. Иначе напрасно молится и глаголетъ: *да приидетъ царствіе Твое.* Надобно бо прежде презрѣть земная, и тогда небесныхъ желати. Надобно еще 2) имѣть чистую совѣсть, или очистить тую покаяніемъ, и тогда молиться: *да приидетъ царствіе Твое.* Иначе не можетъ желать того и просить, когда совѣсть, грѣхами оскверненная, судомъ Божіимъ и вѣчною мукою грозитъ. Како бо можетъ молиться и сказать: *да приидетъ царствіе Твое,*—а въ совѣсти ожиданіемъ вѣчныхъ мукъ смущается? Неотмѣнно убо требуется, чтобы оставилъ грѣхи, и тыя покаяніемъ, жалѣніемъ и вѣрою очистилъ, кто хочетъ

и просить, чтобы царствіе Божіе пришло. Царствіе бо Божіе праведнымъ и святымъ уготовано, и придетъ неотмѣнно, котораго напрасно ожидаетъ грѣхами оскверненный. Отъ совѣсти чистой, глаголетъ Златоустъ, сіе желаніе происходитъ, и души отъ земныхъ удаленной.

ТРЕТЬЕ ПРОШЕНІЕ.

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.

совиратель. Воля Божія есть *святость* наша (1 Сол. 4, 3). Богъ хочетъ, чтобъ исполняя святую волю Его, выраженную въ заповѣдяхъ, мы всѣ содѣлались святыми, и такимъ образомъ спаслись (1 Тим. 2, 4). Молясь, *да будетъ воля Твоя*, просимъ, чтобъ Отецъ нашъ небесный и далъ намъ уразумѣвать святую волю Его,—благу, угодную и совершенную (Рим. 12, 2),—и силами снабдилъ на совершеніе всего, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала* (Филип. 4, 8), чтобъ мы явились столь же совершенными на землѣ, сколь совершенны Ангелы Божіи на небеси, *сильніи крѣпостію, всегда творящии волю Божію* (Пс. 102). Изъ предъидущихъ двухъ прошеній, первое страхомъ Божіимъ пробуждаетъ отъ усыпленія, второе желаніемъ царствія возбуждаетъ энергію, а сіе, третье указываетъ самое дѣло, на которое надлежитъ устремить пробужденныя и напряженныя силы. Поелику все сіе отъ Господа; то молимся, да совершитъ Онъ все сіе въ насъ, по благоволенію Своему, предавая себя всецѣло Его вседѣйствію и управленію.

Тертуллианъ. Взываемъ, *да будетъ воля Твоя*, не потому, чтобъ могъ кто либо помѣшать быть волѣ Божіей,

но молимъ, да исполняется воля Его во всѣхъ насъ. Но чего другаго хочетъ Богъ, какъ не того, чтобъ мы шествовали по заповѣдямъ Его? Почему молимся, чтобъ Онъ и указалъ намъ волю Свою и подаль силу исполнять ее, да явимся спасенными и на небесахъ и на землѣ. Ибо сущность воли Его есть—спасеніе тѣхъ, которыхъ Онъ усыновилъ. И то есть воля Божія, что Господь совершилъ проповѣдію, дѣянiями и страданіемъ. Такъ самъ Онъ сказалъ, что 'творитъ не свою, но Отца Своего волю (Ин. 6, 39). И нѣтъ сомнѣнiя, что все, что Онъ дѣлалъ, дѣлалъ по волѣ Отца. И теперь Онъ насъ приглашаетъ послѣдовать примѣру Его, и пребывать въ волѣ Божіей даже до смерти. Но чтобъ могли мы сіе исполнить, имѣемъ нужду въ волѣ Божіей (въ благоволеніи Его и помощи). Почему говоря: *да будетъ воля Твоя*, выражаемъ желаніе, да совершается она въ насъ, въ увѣренности, что въ волѣ Божіей, ничего нѣтъ для насъ худаго, хотя бы пришлось и пострадать ради ея. И Господь предъ наступленіемъ страданиі, желая показать немоіць человѣческой плоти и во Своей плоти, сказалъ: *Отче, мимо неси отъ Мене чашу сію* (Лк. 22, 42)! Но тотчасъ присовокупилъ: *обаче не Моя воля, но Твоя да будетъ*. Онъ Самъ есть воля и сила Отца, и однакожь благоволилъ предать Себя волѣ Отца, въ показаніе необходимости предлежащаго страданія.

св. киприанъ. Говоря: *да будетъ воля Твоя*, не о томъ молимся, чтобъ Богъ дѣлалъ что хочетъ, но о томъ, чтобъ мы могли дѣлать, чего хочетъ Богъ. Ибо Богу кто можетъ воспрепятствовать дѣлать, что хочетъ? Но такъ какъ діаволь прештвуетъ намъ, чтобъ и духъ нашъ и дѣянiя наши во всемъ послѣдовали Богу; то мы просимъ и молимъ, да будетъ въ насъ воля Божія, по-

тому что, чтобъ она была въ насъ, мы имѣемъ нужду въ волѣ Божіей на то, т.-е., въ Его помощи и покровѣ: ибо своими силами никто не бываетъ огражденъ, а при Божіемъ благоволеніи и милосердіи всякій безопасенъ. — И Господь, показывая человѣческую немощь, которую носилъ въ Себѣ, говорилъ: *Отче мой, ище возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія*; а затѣмъ, подавая ученикамъ примѣръ, чтобы они исполняли не свою волю, но Божію, присовокупилъ: *обаче не якоже Азъ хочу, но якоже Ты* (Мѡ. 26, 39). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ Онъ: *сидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя Отца* (Ін. 6, 38). Если Сынъ такъ слушался, и творилъ волю Отца, не тѣмъ ли паче долженъ слушаться рабъ, и творить волю Господа своего, какъ и Іоаннъ въ посланіи своемъ убѣждаетъ и настраиваетъ творить волю Божію говоря: *не любите міра, ни яже въ мірѣ: ище кто любитъ міръ, нѣсть любви отци въ немъ; яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская и похоть очесъ, и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міри сего есть: и міръ преходитъ, и похоть его; а творяи волю Божію пребываетъ во вѣки* (1 Ін. 2, 15 — 17), какъ и Богъ пребываетъ во вѣки. Желая пребывать во вѣки, мы должны творить волю Бога, Который вѣченъ есть. Воля же Божія, — та, которую Христосъ сотворилъ, и которой научилъ, — есть смиреніе во взаимообращеніи, постоянство въ вѣрѣ, скромность въ словахъ, въ дѣйствіяхъ правда, въ дѣлахъ милосердіе, въ нравахъ благочиніе, — не умѣть причинить обиду, а причиненную мочь перенести, съ братьями держать миръ; Бога всѣмъ сердцемъ любить, любить Его, какъ Отца, и бояться, какъ Бога; Христу ничего не предпочитать, такъ какъ и Онъ ничего не предпочелъ намъ; всецѣло при-

лѣпляться къ Нему любовью, и подъ крестомъ Его стоять мужественно и вѣрно; когда предлежитъ подвигъ за Его имя и честь, изъявлять въ словѣ твердость, съ какою исповѣдуемъ Его, при допросѣ увѣренность, съ какою послѣдуемъ Ему, въ смерти терпѣніе, потому что чрезъ нее вѣнчаемся. Это есть желать быть сонаслѣдникомъ Христу: это есть творить заповѣдь Божию; это есть исполнять волю Отца.

св. григорій нисскій. Здоровьемъ для души служить исполненіе Божественной воли, равно какъ наоборотъ отпаденіе отъ благой воли Божіей есть болѣзнь души, оканчивающаяся смертію. Посему такъ какъ сдѣлались мы недужными, когда въ раю, оставивъ добрый образъ жизни, безъ мѣры вкусили яда преслушанія: то пришелъ истинный Врачъ, который по закону врачебнаго искусства, исцѣляя зло противоположнымъ ему, одержимыхъ недугомъ по причинѣ отступленія отъ воли Божіей, избавляетъ отъ сего недуга подклоненіемъ подъ иго воли Божіей, когда научаетъ говорить въ молитвѣ къ Отцу небесному: *да будетъ воля Твоя*. Эти слова молитвы служатъ врачевствомъ отъ постигшаго душу недуга.

„Посему, когда дойдемъ до того, чтобы сказать Богу: *да будетъ воля Твоя* и во мнѣ: тогда совершенно необходимо осудить прежде ту жизнь, которая была несогласна съ Божіею волею, и выразить сіе исповѣданіемъ: поелику во время протекшей жизни на зло мнѣ дѣйствовала во мнѣ противная Твоей воля, и я содѣлался служителемъ злаго мучителя и какъ бы исполнителемъ казни, приводящимъ въ исполненіе надъ самимъ собою приговоръ врага: то возбудившись жалостію къ моей гибели, даруй, чтобы со временемъ и во мнѣ совершалась воля Твоя. Ибо какъ въ мрачныхъ пещерахъ, когда вно-

сится туда свѣтъ, мракъ исчезаетъ: такъ когда Твоя воля будетъ во мнѣ совершаться, всякое злое и неумѣстное движеніе произвола обратится въ ничто. Цѣломудріе угаситъ невоздержное и страстное стремленіе плоти, смиренномудріе истребитъ кичливость ума, скромность уврачуесть болѣзнь гордыни, а доброта любви изгонитъ изъ души многочисленный сонмъ противоположныхъ золь: убѣгутъ отъ ней ненависть, зависть, негодованіе, гнѣвное движеніе, раздражительное расположеніе духа, злонамѣренность, притворство, памятованіе огорченія, жажда мщенія, воскипѣніе крови въ предсердечіи, недоброе око,—все это стадо таковыхъ золь уничтожится любительнымъ расположеніемъ. Да будетъ убо воля Твоя во мнѣ, чтобъ стала бездѣйственной воля діавола.

„Но почему просимъ у Бога, чтобы произволеніе наше сдѣлалось благимъ? Потому что естество человѣческое, однажды приведенное въ расслабленіе порокомъ, немощно для добра. Ибо человѣкъ не съ такою же легкостію, съ какою доходитъ до худаго, возвращается отъ него опять къ доброму; какъ подобный сему законъ можемъ примѣчать и въ тѣлахъ, потому что неодинаково, не съ равнымъ удобствомъ, здоровое тѣло дѣлается больнымъ, и заболѣвшее выздоравливаетъ. Посему, когда дѣйствуетъ въ насъ стремленіе ко злу, то не бываетъ потребности въ содѣйствующемъ, потому что порокъ самъ собою довершаетъ себя въ волѣ нашей. Когда же возникаетъ возжеланіе лучшаго; то потребно бываетъ, чтобы Богъ помогъ привести его въ исполненіе. Посему говоримъ: поелику цѣломудріе—Твоя воля, *азъ же плотяны есмь, проданъ подъ грѣхъ* (Рим. 7, 14), то Твоею силою да преуспѣетъ во мнѣ благая воля сія. То же говоримъ о справедливости, о благочестіи, въ отчужденіи отъ страстей.

Но что значить сіе прибавленіе: *яко на небеси и на земли?*—Слово сіе, какъ мнѣ кажется, указываетъ на одинъ изъ болѣе глубокихъ догматовъ. Вся разумная тварь дѣлится на естество безплотное и на облеченное плотію. Безплотное естество есть Ангельское, а другой видъ естества—мы люди. Первое духовно, какъ отрѣшенное отъ бременящаго тѣла, и проходитъ горній жребій, по легкости и удободвижности естества, пребывая въ странахъ легкихъ и эфирныхъ. А другое, по сродству нашего тѣла съ земнымъ, по необходимости получило въ удѣлъ жизнь земную.—Хотя вождѣленіе прекраснаго и добраго равномѣрно всуществлено въ томъ и другомъ естествѣ, и Правитель вселенной въ обоихъ содѣлалъ равными самоуправленіе, самовластіе и свободу отъ всякой необходимости, чтобы все, одаренное словомъ и разумѣніемъ, распорядилось собою по самозаконному нѣкому произволу: однакоже жизнь горняя во всемъ хранить себя чистою отъ порока, и съ нею несовмѣстно ничто представляющееся противоположнымъ добру, тогда какъ жизнь дольную приводитъ въ круженіе всякое страстное движеніе и расположеніе, которымъ подверженъ родъ человѣчскій. Посему житіе святыхъ силъ на небесахъ богодухновенное слово признаетъ не имѣющимъ порока и чистымъ отъ всякой грѣховной скверны. родъ же человѣчскій представляетъ оскверняющимся всякимъ зломъ, по причинѣ падкости его на худое и нерасположенія къ добруму. Если такимъ образомъ высшая жизнь безстрастна и чиста, а здѣшняя бѣдственная жизнь погружена во всякія страсти: то явно, что горнее житіе, какъ чистое отъ всего худаго, преуспѣваетъ въ благой волѣ Божіей, ибо гдѣ нѣтъ зла, тамъ по всей необходимости добро. А наша жизнь, утративъ общеніе въ добрѣ, отпала и отъ воли

Божіей. Почему и научаемся мы въ молитвѣ, въ такой мѣрѣ очищать нашу жизнь отъ худаго, чтобы какъ въ небесномъ жительствѣ, и въ насъ безпрепятственно управляла Божія воля, такъ чтобы можно было иному сказать: какъ въ престолахъ, началахъ, властяхъ, господствахъ, и во всякой премірной силѣ совершается Твоя воля, и никакой порокъ не препятствуетъ дѣйствию добра: такъ и въ насъ да совершается доброе, чтобы по истребленіи всякаго порока въ душахъ нашихъ, благоуспѣшно исполнялась во всемъ воля Твоя.

св. кирилль іерусалимскій. Божественные и блаженные Ангелы Божіи творятъ Божію волю, какъ сказалъ Псалмопѣвецъ Давидъ: *благословите Господа вси Ангели Его, сильніи крѣпостію, творящии волю Его* (Пс. 102, 20). Посему молясь: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*, мысленно говори: какъ въ Ангелахъ совершается воля Твоя, Владыко, такъ да будетъ и во мнѣ на землѣ.

св. златоустъ. *Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*. Видишь ли прекрасную связь? Онъ прежде повелѣлъ желать будущаго и стремиться къ своему отечеству; но доколѣ сего не будетъ, живущіе здѣсь должны стараться вести такую жизнь, какая свойственна небожителямъ. Ибо должно желать, говорить Онъ, неба и небеснаго; но и прежде достиженія неба надо землю сдѣлать небомъ, чтобъ и живя на ней такъ поступать и говорить, какъ бы находились на небѣ, и о семъ молить Господа. Ибо то, что мы живемъ на землѣ, ни мало не препятствуетъ намъ къ достиженію совершенства горнихъ силъ; но можно, и здѣсь обитая, все дѣлать такъ, какъ бы мы жили на небѣ. И такъ смыслъ словъ Спасителя таковъ: „Какъ на небѣ все безъ препятствія совершается, и не бываетъ того, чтобы Ангелы въ иномъ

повиновались, а въ другомъ не повиновались, но во всемъ повинуются и покарются, (ибо сказано: *сильнѣи крѣпостію творящій слово Его*—Пс. 102, 20); такъ и насъ челоуѣковъ сподоби не въ половину творить волю Твою. но все исполнять, какъ Тебѣ угодно.—Видишь ли еще, какъ при томъ Христосъ научилъ и смиратся, когда показалъ, что добродѣтель зависитъ не отъ одной только нашей ревности, но и отъ благодати небесной, и вмѣстѣ заповѣдалъ каждому изъ насъ во время молитвы принимать на себя попеченіе и о вселенной. Ибо не сказалъ: *да будетъ воля Твоя* во мнѣ, или въ насъ, но на всей землѣ, т.-е., чтобы истребилось всякое заблужденіе и насаждена была истина, чтобы изгнана была всякая злоба и возвратилась добродѣтель и чтобы такимъ образомъ ничѣмъ не разлилось небо отъ земли. Подлинно, еслибъ все сіе было такъ, то долѣе ничѣмъ не разлилось бы отъ горняго, хотя по свойству они различны. Тогда земля показала бы намъ другихъ Ангеловъ.

онъ же. Возбудивъ въ насъ предъ симъ любовь къ будущему и желаніе царства и пронзивъ насъ этимъ желаніемъ, Онъ заповѣдуетъ говорить: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*. Дай намъ, Господи, говорить. подражать жизни небесной, чтобы и мы желали того же, чего желаешь Самъ Ты; помоги нашей волѣ немощствующей и хотя желающей исполнять дѣла Твои, но удерживаемой немощію плоти; простри руку-стремящимся идти, но принуждаемымъ хромать; душа легка (духъ бодръ). но ее обременяетъ плоть; та быстро стремится къ небесному, а эта тяготеетъ къ земному; но при Твоей помощи и невозможное будетъ возможнымъ: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*.

св. Кассіанъ. Не можетъ быть молитвы выше той, ко-

торю мы желаемъ, чтобы земное удостоилось сравниться съ небеснымъ. Ибо что значатъ слова: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*, какъ не то, чтобы люди стали подобны Ангеламъ, и чтобы какъ сіи исполняютъ волю Божию на небѣ, такъ всѣ живущіе на землѣ творили не свою, а Божию волю (Другая мысль). И этого прошенія никто не можетъ произнести съ полнымъ чувствомъ, кромѣ одного того, кто вѣруетъ, что Богъ все, что кажется намъ несчастіемъ, устраиваетъ къ нашей пользѣ, и что Онъ болѣе промышляетъ и печется о нашемъ спасеніи и благѣ, нежели мы сами о себѣ.

блж. августинъ. *Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*. Служать Тебѣ Ангелы на небеси, да служимъ Тебѣ и мы на землѣ. Не оскорбляютъ Тебя Ангелы на небеси, да не оскорбляемъ Тебя и мы на землѣ. Какъ они творятъ волю Твою; такъ да творимъ и мы.— И здѣсь о чемъ молимся, какъ не о томъ, чтобы быть намъ добрыми? Ибо воля Божія тогда бываетъ въ насъ, когда мы творимъ ее; а это и значить быть добрыми.

онъ-же. Когда говоримъ: *да будетъ воля Твоя*, то испрашиваемъ себѣ у Отца небеснаго самого повиновенія волѣ Его, чтобы она также и нами была исполняема, какъ исполняется на небесахъ Ангелами Его.

онъ-же. *Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*; т.-е., какъ въ отношеніи къ Ангеламъ, сущимъ на небѣ, есть воля Твоя, чтобы они всячески къ Тебѣ прилѣплялись и Тобою наслаждались, такъ что никакое облако заблужденія не затемняетъ ихъ премудрости и никакая скорбь не возмущаетъ ихъ блаженства: такъ да будетъ и во святыхъ Твоихъ, сущихъ на землѣ, по тѣлу изъ земли сотворенныхъ и хотя въ небесное жилище, но отъ земли имѣющихъ быть взятыми.— *Да будетъ во-*

ля Твоя можно разумѣть и такъ: да будетъ оказываемо повиновеніе повелѣніямъ Твоимъ; а: *яко на небеси и на земли* — такъ: какъ Ангелами, такъ и людьми. Ибо что тогда бываетъ воля Божія, когда исполняются повелѣнія Его, это самъ Господь показываетъ, когда говоритъ: *мое бращіе есть, да сотворю волю пославшаго Мя* (Ин. 4, 34). И еще: *сподохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38). И такъ которые творятъ волю Божію, въ тѣхъ и бываетъ воля сія; потому что дѣлають то, чего хошетъ Богъ, т.-е. дѣйствуютъ по волѣ Его.

св. максимъ исповѣдникъ. Кто единою мысленною силою, отрѣшенною отъ похоти и гнѣва, таинственно приносить Богу служеніе, тотъ на землѣ, подобно чинамъ Ангельскимъ на небѣ, исполнивъ божественную волю, стать чрезъ сіе посему сослужителемъ и сожителемъ Ангеловъ, какъ нѣгдѣ говоритъ великій Апостоль: *наше жительство на небестхъ есть* (Фил. 3, 20). У таковыхъ пѣтъ ни похоти, которая сластію грѣховною растлѣваетъ мысленную силу, ни гнѣва, который неистово ярится и лаетъ на сродныхъ имъ; но простѣйшій (чистѣйшій) умъ, къ первому Уму естественно ведущій умныхъ, — коему единому радуется Богъ и коего единого требуетъ Онъ отъ насъ, рабовъ Своихъ.— На небѣ ничего нѣтъ, кромѣ умнаго служенія приносимаго св. Ангелами Богу. Ища и отъ насъ подобнаго же служенія, Онъ научилъ насъ говорить, когда молимся: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.*— Да подвигнется же и нашъ умъ ко възисканію Бога, наша сила вождельтельная—къ возжеланію Его, а сила раздражительная да подвизается въ охраненіи сего. Лучше же и истиннѣе сказать, — умъ нашъ да устроится чинно предъ Богомъ, укрѣпляемъ бу-

дучи зельною ревностію изъ силы раздражительной, и воспламеняясь крайнимъ возжеланіемъ изъ силы вождельтельной. Ибо такимъ образомъ, подражая небеснымъ Ангеламъ, мы явимся непрестанное Богу приносящими служеніе, на землѣ подобное Ангеламъ проходя житіе, подобно имъ ни къ чему послѣ Бога отнюдь не позволяя подвигаться уму своему.

блаж. Ѳеофилактъ. *Да будетъ воля Твоя*, какъ на небѣ у Ангеловъ, такъ и у насъ людей на землѣ. Какъ Ангелы исполняютъ волю Твою, такъ и намъ даруй исполнять ее. Ибо Ангелы всегда и во всемъ дѣйствуютъ по волѣ Божіей.

симеонъ солунскій. Настрой насъ подобно Ангеламъ, чтобъ какъ въ нихъ, такъ и въ насъ была воля Твоя, и нами была совершаема. Да не будетъ наша воля страстная и человѣческая, но Твоя да будетъ воля безстрастная и святая. Какъ благоволилъ Ты соединить земное съ небеснымъ, такъ благоволи, да и въ насъ, на землѣ сущихъ, будетъ небесное (житіе, служеніе, дѣйствованіе).

святитель тихонь. Воля Божія бываетъ и безъ нашего прошенія; того ради не просимъ, чтобы Богъ дѣлалъ, что хочетъ: но просимъ, чтобы мы могли дѣлать тое, что воля Его хочетъ. Отсюда видимъ, что воли Божіей безъ Бога творить мы не можемъ. Воля Божія исполняется, когда благочестіе цѣло хранимъ и до конца въ томъ пребываемъ, по реченному: *буди впренъ даже до смерти* (Апок. 2, 10), также, когда грѣшники отъ грѣховъ отстаютъ и каются; *Богъ хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины прийти*. Того ради, чтобы сіе было просимъ Бога: *да будетъ воля Твоя*. И да будетъ, — *яко на небеси и на земли*. То есть, якоже Ангели на небеси исполняютъ волю Божію и живутъ между собою

любовно, мирно, согласно; тако и мы на землѣ подражая имъ, да возможемъ творить волю Его и жить свято, чисто, мирно, любовно и согласно. Когда молимся: *да будетъ воля Твоя*, то своей воли отрещися и оставить ее должны.

СОБИРАТЕЛЬ. Въ словахъ: *да будетъ воля Твоя*—можно видѣть и выраженіе преданности въ волю Божию. На это намекають нѣкоторыя слова св. Кассіана и св. Кипріана. Исполненіе воли Божіей въ заповѣдяхъ выраженной, не можетъ явиться въ совершенствѣ безъ сей преданности, потому что бываетъ сопряжено съ лишеніями, иногда очень большими, и со страданіями, иногда очень чувствительными. Перенесеніе тѣхъ и другихъ неизбѣжно посредствуется преданіемъ себя своей участи, и всего дѣла своего въ волю Божию. Исполненіе заповѣдей, посредствуясь преданностію въ волю Божию, самую сію преданность укрѣпляетъ и возвышаетъ. И полная преданность есть верхъ нравственнаго совершенства христіанскаго.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРОШЕНІЕ.

Хлѣбъ нашъ насущный дождь намъ днесь.

СОБИРАТЕЛЬ. Съ четвертаго прошенія начинается поворотъ молитвы: то все были прошенія о внутреннемъ строѣ духовной жизни, которая заражаясь подъ дѣйствіемъ страха Божія, и воодушевляясь надеждою царства небеснаго, течетъ путемъ заповѣдей Божіихъ; теперь пойдутъ прошенія о неизбѣжныхъ соприкосновенностяхъ сей жизни. Какъ ограниченнымъ нужна намъ пища не для тѣла только, но и для души; какъ часто падающимъ по

немощи, нужно исповѣданіе и прощеніе; какъ окруженнымъ искушеніями и всегда врагомъ лукавымъ навѣтваемымъ нужны охраненіе и защита. О всемъ этомъ молимся въ слѣдующихъ четырехъ прошеніяхъ, которыя всѣ направлены къ тому, да устроитъ Отецъ нашъ небесный благопріятное для духовной жизни теченіе событий нашей жизни, и внѣшнихъ и внутреннихъ.

Хлѣбъ, о коемъ молимся въ четвертомъ прошеніи, есть вещественный хлѣбъ, необходимый для поддержанія жизни тѣлесной; при чемъ при немъ можно доразумѣвать испрашиваніе и другихъ потребъ, безъ коихъ жить нельзя, какъ то: одежды, крова. Но какъ и душа имѣетъ нужду въ духовномъ питаніи для поддержанія жизни духовной, то подъ хлѣбомъ можно разумѣть здѣсь и духовную для души пищу. Пища сія есть—*Слово Божіе*, питающее душу вѣдѣніемъ божественныхъ истинъ и вводящее ее въ созерцаніе невидимыхъ сокровищъ Божіихъ, одно умное видѣніе коихъ питательно и усладительно, и *благодать Божія* чрезъ таинства нисходящая въ душу, ее наполняющая, и насыщающая. По теченію нашей жизни Таинства сіи суть: покаяніе, и паче причащеніе св. Христовыхъ Таинъ, кои самъ Господь наименовалъ единственнымъ питательнымъ хлѣбомъ, сходящимъ съ небеси и дающимъ животъ міру. Помышленіе о всемъ этомъ умѣстно держать въ душѣ, произнося слова молитвы: *хлѣбъ нашъ засушный даждь намъ днесь.*

тертуллианъ. Какой прекрасной божественной премудростью дала порядокъ молитвеннымъ прошеніямъ,—когда послѣ небеснаго, т.-е., имени Божія, царства Божія, воли Божіей, дала мѣсто прошенію и о земныхъ потребяхъ, хотя и говорилъ Господь: *ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѣ.

6, 33)! Впрочемъ слова: *хлѣбъ нашъ насущный дождь намъ днесь*, будемъ разумѣть болѣе въ духовномъ смыслѣ. Ибо Христосъ есть хлѣбъ нашъ: Онъ есть жизнь наша и хлѣбъ жизни, какъ Самъ говорить: *Азъ есмь хлѣбъ животный* (Ин. 6, 53); и еще нѣсколько выше: *Отецъ мой дастъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесе. Хлѣбъ бо Божій есть сходяй съ небесе и дающій животъ міру*; и потомъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный, иже съедый съ небесе. И хлѣбъ, его же Азъ дамъ плоть моя есть, юже азъ дамъ за животъ міра* (Ин. 6, 32. 33. 51); такъ что въ хлѣбѣ есть и прие́млется тѣло Его. *Сие есть тѣло Мое* (Лк. 22, 19) говорить Онъ. О ядущихъ же тѣло Его и пьющихъ кровь Его Онъ сказалъ, что они въ Немъ пребываютъ, а Онъ въ нихъ (Ин. 6, 56). Такимъ образомъ, испрашивая хлѣба насущнаго, мы молимся о непрестанномъ пребываніи во Христѣ, чрезъ приобщеніе тѣла Его.—Но если и не въ духовномъ смыслѣ принять слова сіи, и тогда это не чуждо будетъ духовнаго назиданія. Ибо повелѣвается просить только хлѣба, который одинъ полагается необходимымъ для вѣрныхъ; о всемъ же прочемъ сказано: *вспяхъ сихъ языцы шуутъ* (Мѡ. 6, 32). Что самое и примѣрами подтверждаетъ и притчами внушаетъ Господь, когда говорить: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поверещи псомъ* (Мѡ. 15, 26). Также: *еда камень подастъ кто сыну, хлѣба просящему* (Мѡ. 7, 9)? — Ибо здѣсь указывается, чего дѣти ожидаютъ отъ Отца. Но и тотъ ношный толкатель просить лишь хлѣба (Лк. 11, 5). — Премудро приложилъ Господь: *дождь намъ днесь*, такъ какъ прежде Онъ уже внушалъ: *не пецѣтеся на утрей* (Мѡ. 6, 34). Къ чему и притчу приспособилъ о чловѣкѣ оножъ, коему *угобзися нива*, который, тогда какъ замышлялъ долго прожить въ без-

опасности и довольствѣ, умерь въ ту же ночь (Лк. 12, 16—20).

св. киприанъ. Продолжая молитву, мы произносимъ слѣдующее прошеніе: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*: что можно понимать и духовно и просто; такъ какъ и то и другое пониманіе пособствуетъ дѣлу спасенія.—Ибо хлѣбъ жизни Христосъ есть, и хлѣбъ сей не всѣхъ есть, а только нашъ. Какъ *Отче нашъ* говоримъ мы, потому что онъ есть Отецъ разумѣющихъ (истину) и вѣрующихъ: такъ и *хлѣбомъ нашимъ* называемъ мы Христа, потому что Онъ есть хлѣбъ тѣхъ, которые вкушаютъ тѣло Его (или вчиняются въ тѣло Его.—церковь). Хлѣбъ же сей давать намъ каждодневно просимъ мы, во храмѣ пребывающіе, и Евхаристію каждодневно въ снѣдь спасенія приѣмлющіе, въ томъ смыслѣ, чтобъ не привзошло какое тяжкое прегрѣшеніе, и намъ не было воспрещено приобщаться сего хлѣба небеснаго; тогда какъ Самъ Господь говоритъ въ наставленіе намъ: *Азъ есмь хлѣбъ животный, иже сшедый съ небесе. Аще кто съѣсть отъ хлѣба сего живъ будетъ во вѣки* (Ин. 6, 51). Итакъ, когда говоритъ Онъ, что во вѣки живъ будетъ только тотъ, кто снѣсть отъ хлѣба Его, такъ что тѣ только живутъ, которые вкушаютъ тѣло Его и безукоризненно причащаются евхаристіи; то бояться надобно и молиться, чтобы кто либо, будучи удержанъ и удаленъ отъ тѣла Христова, не сталъ далекимъ и отъ спасенія, какъ самъ Господь угрожаетъ, говоря: *аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пиете крови Его живота не имате въ себѣ* (Ин. 6, 53). Потому-то мы и просимъ каждодневно давать намъ хлѣбъ нашъ, т.-е. Христа, чтобъ намъ, пребывающимъ во Христѣ и живущимъ, не отступать никогда отъ освященія тѣломъ Его.

Можно это понимать и такъ: отречшись отъ вѣка се-го, и по вѣрѣ духовной благодати, отказавшись отъ его богатствъ и почестей, памятуя наставленіе Господа, Который говоритъ: *уже неотречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ* (Лк. 14, 33),—мы просимъ одной только пищи и пропитанія. Кто сдѣлался ученикомъ Христовымъ, тотъ, по слову учителя, отказываясь отъ всего, и долженъ просить только дневнаго пропитанія и въ молитвѣ не простираетъ далѣе своихъ желаній, имѣя въ виду заповѣдь Господа, сказавшаго: *не печьтесь на утрей, утренній бо собою печется: до-вльетъ дниви злоба его* (Мф. 6, 34). Итакъ ученикъ Христовъ, которому воспрещается заботиться о завтрашнемъ днѣ, праведно испрашиваетъ себѣ дневной пищи: было бы противорѣчіе и не сообразность въ томъ, еслибы мы искали въ семь вѣкѣ продовольствія на долгое время, когда просимъ о скоромъ пришествіи царства Божія. Блаженный Апостоль, поучая, и утверждая крѣпость надежды и вѣры нашей, дѣлаетъ намъ слѣдующее напоминаніе: *ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явъ, яко ниже изнести что можемъ. Имуже же пищу и одѣяніе сими довольни будемъ. А хотящии богатитися, впадаютъ въ напастн и стѣтн, и въ похоти многи не смысленны и вреждающія, яже погружаютъ чловѣка во всегубительство и погибель; корень бо встѣмъ злымъ сребролюбіе есть, его же нѣцымъ жемлюще заблудниши отъ вѣры и себе пригвоздиши болѣзнемъ многимъ* (1 Тим. 6, 7—10). Этимъ учитъ онъ, что не только надобно презирать богатства, но что онѣ опасны: въ нихъ корень лъстивыхъ золь, оболыцающихъ елѣпоту чловѣческаго ума скрытымъ коварствомъ. Потому то Богъ обличаетъ безумнаго богача, который помышлялъ о мірскихъ достаткахъ и хвастался чрез-

вычайнымъ изобиліемъ плодовъ. *Безумне*, говоритъ Онъ ему, *въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе, яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лк. 12, 20) Безумный, — онъ радовался о прибыли въ ту ночь, въ которую надлежало ему умереть; тотъ, кому мало уже оставалось жить, помышлялъ объ изобиліи плодовъ!

Господь учитъ, что тотъ вполне совершенъ, кто, продавъ все свое имѣніе и раздавъ нищимъ, заготавливаетъ себѣ сокровище на небѣ, тотъ, по словамъ Господа можетъ слѣдовать за Нимъ и подражать славѣ страданія Его, кто въ готовности и рѣшимости своей на то, не задерживается никакими сѣтями домашняго хозяйства, но, предпославъ свое имущество Богу, отрѣшенный и свободный, и самъ идетъ туда же (Мѡ. 19, 24). Вотъ такъ да научится всякой молиться, чтобы приготовить себя къ тому же; изъ закона молитвы да уразумѣтъ всякій, каковымъ ему должно быть самому. — Для праведника никогда не можетъ быть недостатка въ ежедневной пищѣ, какъ написано: *не убіетъ гладомъ Господь душу праведную* (Прит. 10, 3). И опять: *юнѣйшій быхъ и состарьхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ниже стѣмени его просяща хлѣбы* (Пс. 36, 25). Тоже обѣщаетъ и Господь говоря: *не пецѣтеся глаголюще: что ямы, или что тіемъ, или чимъ одждемся? Вспѣхъ бо сихъ языцы ищутъ: вѣсть бо Отецъ вашъ, яко требуете сихъ вѣспѣхъ. Ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. 6, 31—33). Онъ обѣщаетъ, что ищущимъ царства и правды Божіей вся приложатся: ибо такъ какъ все Божіе, то имѣющій Бога ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка, если самъ не отступитъ отъ Бога. Такъ Даніилу, когда онъ, по повелѣнію цареву, вверженъ былъ въ ровъ льви-

ный, изготовляется обѣдъ Промыслѣмъ Божиимъ, и—человѣкъ Божій насыщается среди звѣрей алчущихъ (Дан. 14, 30). Такъ Илія питается во время бѣгства: преслѣдуемый, онъ получаетъ пищу въ пустынѣ чрезъ врановъ,—птицы приносятъ ему пищу.

св. григорій нисскій. Въ повелѣніи просить насущнаго хлѣба предлагается намъ, думаю, ученіе, что довольство малымъ и умѣренность по закону безстрастія равняется тому, чтобы не имѣть ни въ чемъ нужды по естеству. Ангель не просить Бога въ молитвѣ о подаваніи ему хлѣба, потому что одаренъ естествомъ, неимѣющимъ нужды въ чемъ либо подобномъ; а человѣку повелѣно просить, потому что дѣлающееся пустымъ непремѣнно имѣетъ нужду въ наполняющемъ. Скоротеченъ и переходящъ составъ человѣческой жизни, вмѣсто отдѣливагося требуетъ возобновляющаго. Посему, кто въ служиваніи естеству, не увлекается сверхъ необходимости суетными заботами, тотъ не много ниже Ангельскаго чина по жизни, въ довольствѣ для себя малымъ подражая Ангеламъ, ни въ чемъ не имѣющимъ нужды. Посему повелѣно намъ помогать только достаточнаго къ сохраненію тѣлесной сущности, говоря Богу: *хлѣбъ нашъ даждь*,—т.-е. даждь не утѣхи, не богатство, не добродѣтныя багряницы, не золотые уборы, не блескъ камней, не серебряные сосуды, не обширныя помѣстья, не военачальство, не владѣнія городами и народами, не стада коней и воловъ, и множество многое другаго скота, не обиліе невольниковъ, не знаменитость на торжищахъ, не памятники, не изображенія, не шелковыя ткани, не увеселенія музыкой, ни ничто либо, сему подобное, чѣмъ душа отвлекается отъ божественной и болѣе досточестной заботливости, но *даждь хлѣбъ*.

„Видишь ли эту широту любомудрія? Сколько учений содержится въ семь краткомъ изреченіи? Словомъ—*хлѣбъ* какъ бы такъ говорить Господь внимающимъ: „перестаньте люди истощаться пожеланіями суетнаго! перестаньте на горе себѣ самимъ умножать поводы къ трудамъ! Не великъ твой естественный долгъ; обязанъ ты доставить плоти своей пищу; дѣло не большое и не трудное, если имѣешь въ виду потребность. Для чего умножаешь свои повинности? Для чего налагаешь на себя иго, неся столько долговъ?“ Проси же одного хлѣба для жизненной потребности; въ этомъ природа сдѣлала тебя должникомъ тѣлу. А что сверхъ того изобрѣтено изнѣженностію роскошныхъ, то изъ числа привсѣянныхъ плевель. Сѣяніе домовладыки пшеница, а изъ пшеницы дѣлается хлѣбъ, роскошь же—плевелы, которые врагомъ привсѣяны къ пшеницѣ. Но люди, переставъ служить природѣ необходимымъ, дѣйствительно, какъ говорить нѣгдѣ Писаніе (Мр. 4, 7. 19), бываютъ подавляемы раченіемъ о суетномъ, и остаются недостижими зрѣлости, потому что душа непрестанно занимаетъ себя сими суетностями. Ограничивайся необходимою потребностію. Предѣломъ заботливости твоей о жизни пусть будетъ удовлетвореніе нужды тѣмъ, что у тебя есть.

„Если и съ тобою Евинъ совѣтникъ вступить въ бесѣду о томъ, что прекрасно для взора и пріятно для вкуса, и ты при хлѣбѣ станешь искать снѣдей, приготовленныхъ съ приправами, а вслѣдствіе того прострешь пожеланіе далѣе предѣловъ необходимаго, то непременно опутаешься и сѣтями любостыжанія. Ибо отъ пищи необходимой перейдя къ лакомымъ снѣдямъ, перейдешь и къ тому, что пріятно для глазъ, будешь помогаться свѣтлыхъ домовъ, мягкихъ постелей, златотканыхъ

одеждъ, множества слугъ, свѣтильниковъ, курильницъ и прочаго: для сего всего надо много имѣть, т.-е. болѣть любостязаніемъ. Сверхъ того, когда наполнится чрево, чѣмъ было желательно, тогда вслѣдъ за симъ, по пресыщеніи, человѣкъ болѣе и болѣе вовлекается въ неистовство непотребства;—и это есть крайнее изъ золь человѣческихъ. Посему, чтобъ не происходило ничего этого, ограничивай молитву испрошеніемъ сего пособія—хлѣба, ища свѣди, приправленной тебѣ самою природою. Достаточно для тебя сею только потребностію занимать мысль свою. Скажи Тому, Кто изводитъ *хлѣбъ отъ земли* (Пс. 103, 14), Кто питаетъ врановъ (Пс. 146, 8), Кто даетъ *пищу всякой плоти* (Пс. 135, 25), отверзаетъ руку и исполняетъ всякое животное благоволенія (Пс. 144, 16): отъ Тебя моя жизнь, отъ Тебя да будетъ и средство къ жизни. Ты *даждь хлѣбъ*, т.-е. даруй имѣть пищу, отъ праведныхъ трудовъ“.

„Прекрасно и присовокупленіе слова: *днесь*. Ибо сказано: *хлѣбъ насущный даждь намъ днесь*. Въ этомъ словѣ заключается другое любомудріе; произнося это, долженъ ты признать, что жизнь человѣческая однодневна. Собственность каждаго—одно только настоящее, а надежда на будущее остается въ неизвѣстности; ибо не знаемъ, *что родитъ находяй день* (Прит. 27, 1). Для чего мучить себя неизвѣстнымъ, томить заботами о будущемъ? Указано *довлѣетъ днеси злоба его* (Мѡ. 6, 34). Для чего прилагаешь попеченіе объ *утри*? Господь тѣмъ, что повелѣваетъ говорить *днесь*, запрещаетъ тебѣ заботу объ *утри*, внушая тебѣ симъ словомъ: Кто далъ тебѣ день, Тотъ дастъ и потребное на день. Что было пользы отъ большаго заготовленія тому богачу, который, обольщая себя несбыточными надеждами, разорялъ, строилъ, соби-

раль? Не одна ли ночь обличила всю мечтательность его надеждъ? Жизнь тѣлесная ограничивается однимъ настоящимъ; а жизнь, предоставляемая надеждѣ, есть собственность души. Но человѣческое неразуміе погрѣшаетъ въ употребленіи той и другой, думая тѣлесную жизнь продлить надеждами, а жизнь душевную тратя въ наслажденіяхъ настоящимъ. Душа же, занимаясь видимымъ, по необходимости дѣлается чуждою надежды существенной и дѣйствительной, по надеждѣ опираясь на непрочное, и симъ не овладѣваетъ, и чего надѣялась, того не имѣетъ.

„Научимся же изъ настоящаго совѣта, чего надлежитъ просить сего дня, и чего въ послѣдствіи. Хлѣбъ—сегоднешняя потребность; а царствіе—уповаемое блаженство. Сказавъ же о хлѣбѣ, Писаніе разумѣетъ подъ симъ всякую тѣлесную потребность. Если сего станешь просить, уму молящагося будетъ явно, что забота его объ однодневномъ. Если же просимъ чего либо изъ душевныхъ благъ, то явно, что прошеніе имѣетъ въ виду всегда пребывающее и нескончаемое, на что Господь и повелѣваетъ наипаче взирать молящемуся, какъ на важнѣйшее, удовлетворяющее первой потребности. *Просите, говоритъ Онъ, царствія и правды, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. 6, 33)“.

св. кирилль іерусалимскій. *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.* Хлѣбъ обыкновенный не есть насущный, а сей святыи хлѣбъ (тѣло и кровь Господа) есть насущный, т.-е. имѣющій дѣйствіе на сущность души. Сей хлѣбъ сообщается всему твоему составу, къ пользѣ души и тѣла. А слово *днесь* употреблено вмѣсто ежедневно, какъ и Павелъ сказалъ: *дондеже, днесь, нарицается* (Евр. 3, 13).

св. златоустъ. Что такое *хлѣбъ насущный*? Дневной.—
 Такъ какъ Господь Иисусъ сказалъ: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли*, и такъ какъ бесѣдовалъ Онъ съ человѣками, обложенными плотію, которые подлежатъ необходимымъ законамъ природы, и не могутъ имѣть Ангельскаго безстрастія; то хотя и повелѣваетъ намъ такъ исполнять заповѣди, какъ и Ангелы исполняютъ оныя, однако наконецъ снисходитъ и немощи природы, и какъ бы такъ говорить: „Я требую отъ васъ равноангельской строгости жизни, впрочемъ не требую безстрастія; ибо сего не допускаетъ природа ваша, которая имѣетъ необходимую нужду въ пищу“. Смотри, какъ и въ тѣлесномъ много духовнаго! Спаситель повелѣлъ молиться не о богатствѣ, не объ удовольствіяхъ, не о многоцѣнныхъ одеждахъ, не о другомъ чемъ либо подобномъ сему, но только о хлѣбѣ, и притомъ о хлѣбѣ дневномъ,—такъ, чтобы намъ не заботиться о завтрашнемъ. Для чего и присовокупилъ: *хлѣбъ насущный*, т.-е. дневной. Даже и симъ словомъ не удовлетворился, но присовокупилъ послѣ сего и другое: *даждь намъ днесь*, дабы намъ не сокрушать себя заботою о наступающемъ днѣ. Ибо если не знаемъ, увидимъ ли продолженіе онаго, то для чего и пещись о немъ? Это Спаситель заповѣдалъ и въ послѣдствіи своей проповѣди: *не пещитесь*, говорить, *на утрій*. Онъ хочетъ, чтобы мы всегда были препоясаны и окрылены вѣрою, и не болѣе уступали природѣ, какъ сколько требуетъ отъ насъ необходимая нужда.

онъ же. Такъ какъ Онъ упомянулъ о землѣ, а существамъ, происшедшимъ изъ ней и живущимъ на ней, и облеченнымъ тѣломъ земнымъ, нужна соотвѣтственная пища, то по необходимости Онъ присовокупилъ: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь*. Онъ повелѣлъ про-

силь *хлѣба насущнаго*, не для объяденія, а для питанія, восполняющаго истраченное въ тѣлѣ и отклоняющаго смерть съ голода,—не роскошныхъ столовъ не разнообразныхъ яствъ—произведеній поваровъ, изобрѣтеній хлѣбопекровъ, вкусныхъ винъ и прочаго тому подобнаго, что услаждаетъ языкъ, но обременяетъ желудокъ, помрачаетъ умъ, помогаетъ тѣлу возставать на душу и дѣлаетъ этого жеребца непослушнымъ возницѣ. Не этого просить научаетъ насъ заповѣдь, но *хлѣба насущнаго*, т. е. обращающагося въ существо тѣла и могущаго поддержать его. Притомъ и его заповѣдано намъ просить не на великое число лѣтъ, а столько, сколько нужно намъ на настоящій день. *Не пецѣтесе убо*, сказалъ Господь, *на утрѣй* (Мѡ. 6, 34). И для чего заботиться о завтрашнемъ днѣ тому, кто можетъ быть и не увидить завтрашняго дня, кто предпринимаетъ трудъ, а не пожинаетъ плода? Надѣйся на Бога, Который *дастъ пищу всякой плоти* (Пс. 135, 15). Тотъ, кто даровалъ тебѣ тѣло, вдохнулъ душу, сдѣлалъ тебя животнымъ разумнымъ и приготовилъ для тебя всѣ блага прежде нежели создалъ тебя, какъ презрять тебя созданнаго, *иже сіяетъ солнце свое на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѡ. 5, 45). Итакъ, надѣясь на Него, преси пищи только на настоящій день, а объ завтрашнемъ предоставь заботу Ему, какъ и блаженный Давидъ говоритъ: *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ* (Пс. 54, 25), св. Кассіанъ, разумѣя подъ хлѣбомъ Господа Иисуса Христа, и пречистое тѣло Его съ Животворящею кровію, говоритъ: „*хлѣбъ нашъ насущный*, т. е. превысшій всякой сущности, или по другому Евангелисту, *ежедневный дождь намъ днесь*. Первымъ словомъ означаетъ существенное Его достоинство, по коему Онъ превышаетъ

всѣ сущности и превосходить всѣ твари высокою своею святостію, а вторымъ выражается употребленіе его и польза. Ибо когда говорится: *ежедневный*, то этимъ показывается, что безъ него мы не можемъ продолжать ни одного дня духовной жизни; а когда говорится *днесь*, то этимъ показывается, что надобно принимать его ежедневно, и что вчерашнее вкушеніе его недостаточно, если онъ подобнымъ образомъ не будетъ и нынѣ преподаанъ намъ. Но елику же нѣтъ дня, въ который бы не нужно было укрѣплять сердце внутренняго нашего человѣка принятіемъ и вкушеніемъ сего хлѣба; то таковая ежедневная потребность должнаго заставляетъ насъ во всякое время проливать о немъ молитву. Впрочемъ слово *днесь* можно принимать и въ значеніи настоящей жизни, т.-е. подавай намъ хлѣбъ сей, доколѣ мы находимся въ здѣшнемъ вѣкѣ; ибо знаемъ, что и въ будущей жизни онъ будетъ подаваемъ Тобою тѣмъ, кои заслужили его; но мы просимъ подавать намъ его еще *днесь*; ибо кто не удостоится принять его въ настоящей жизни, тотъ не можетъ причаститься его и въ будущей.

Блаж. августинъ, въ трактатѣ о нагорной бесѣдѣ Господа, говорить, что можетъ *хлѣбъ* имѣть три значенія, — можетъ означать и вещественный хлѣбъ со всѣмъ другимъ, необходимымъ для жизни, и таинство тѣла Христова, которое мы принимаемъ каждыйдневно (такъ было тогда), и пищу духовную, о коей Господь сказалъ: *давайте не брашно гнблющее, но брашно пребывающее въ животѣ вѣчный* (Ин. 6, 27). И въ другомъ мѣстѣ: *мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго мя и совершу дѣло Его* (Ин. 4, 34). Изъ сихъ трехъ значеній онъ иногда объ одномъ преимущественно разсуждаетъ, иногда о другомъ, но всегда имѣть во вниманіи всѣ три.

„Каждодневный хлѣбъ надлежитъ принимать здѣсь въ значеніи хлѣба духовнаго, т.-е. божественныхъ заповѣдей, въ которыхъ поучаться и которыя дѣломъ исполнять должно каждодневно. Ибо ихъ разумѣлъ Господь, когда сказалъ: *дѣлайте не брашно гнблющее*. Каждодневному называется это хлѣбомъ потому, что временная жизнь наша проводится при преемствѣ дней, изъ коихъ одинъ отходить, а другой приходитъ. Дѣломъ же cadaго изъ нихъ должно быть исполненіе заповѣдей. Такъ какъ расположеніе нашего духа то поднимается горѣ, то низпадаетъ долу, т.-е. то къ духовному обращается, то къ плотскому, подобно какъ тѣло то насыщается пищею, то чувствуетъ голодъ; то ему на всякъ день необходима оная духовная пища, которою подкрѣпляясь онъ поднимался бы опять горѣ всякой разъ, какъ низпадетъ. Какъ тѣло наше въ сей жизни, прежде, т.-е. жизни будущей, не подлежащей измѣненіямъ, бываетъ подкрѣпляемо пищею, когда чувствуетъ истощаніе: такъ и духъ, поелику, по причинѣ временныхъ страстей, подвергается истощанію въ своемъ устремленіи къ Богу, долженъ быть каждодневно подкрѣпляемъ пищею заповѣдей божественныхъ.—Сказано же: *даждь намъ днесь*, т.-е. *дондеже днесь нарицается* (Евр. 3, 13), то же что въ настоящей временной жизни. Ибо послѣ жизни сей, въ жизни будущей, мы во вѣки сыты будемъ духовною пищею, и тогда она не будетъ уже называться каждодневному хлѣбомъ. Тогда не будетъ этого теченія времени, въ коемъ дни смѣняются днями и производятъ каждодневность. Итакъ въ какомъ смыслѣ сказано: *днесь аще гласъ его услышите* (Пс. 94, 8),—какое *днесь* Апостоль въ посланіи къ Евреямъ истолковываетъ такъ: *дондеже днесь нарицается*: въ такомъ надобно принимать и:

даждь намъ днесь.—Если же кто хочет принимать здѣсь *хлѣбъ* въ значеніи необходимой тѣлесной пищи, или въ значеніи таинства тѣла Господня, то пусть уже принимаетъ его совокупно во всѣхъ трехъ значеніяхъ, т.-е. и какъ каждодневный хлѣбъ, необходимый для тѣла, и какъ таинственный хлѣбъ видимый, и какъ невидимый мысленный хлѣбъ слова Божія.

онъ же. Можно просто понимать, что молитву сію изливаемъ мы о каждодневномъ нашемъ содержаніи, чтобъ его было у насъ въ изобиліи, или если не въ изобиліи, по крайней мѣрѣ, не было въ немъ недостатка. *Насушный*—ежедневный сказалъ, въ смыслѣ—въ сей жизни, т.-е. *дондеже днесь нарицается* (Евр. 3, 13). Ежедневно встаемъ, ежедневно алчемъ, ежедневно насыщаемся. И молимся, да даруетъ намъ Отецъ нашъ небесный хлѣбъ на всякъ день.—Почему не сказать: и покровъ. Только намъ и нужно: содержаніе—пища и питіе, и покровъ—одѣяніе и кровь. Апостоль больше этого и желать не велить, когда говорить: *ничтоже внесохома въ міръ сей, явъ яко ниже изнести что можемъ: имуща же пищу и одѣяніе сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 7. 8). Поелику и это принадлежитъ къ необходимой потребѣ нашей; то не неумѣстно разумѣть и сіи предметы, когда говоримъ: *хлѣбъ нашъ засушный даждь намъ днесь*. И нечего дивиться, если именуя одинъ хлѣбъ разумѣемъ и прочія необходимыя потребности, какъ и Іосифъ, когда пригласилъ братьевъ своихъ, сказалъ: *со мною ясти, имутъ мужіе сіи хлѣбъ въ полудне* (Быт. 43, 16). Развѣ они одинъ хлѣбъ ѣли за трапезою сею!—Но подъ хлѣбомъ разумѣлось и все прочее. Такъ и когда молимся о насущномъ хлѣбѣ, испрашиваемъ и всего, что потребно для плоти нашей на землѣ.—Можно подъ хлѣбомъ разумѣть и боже-

ственное причащеніе, говоря какъ бы: божественное причащеніе подавай намъ всякой день, какъ хлѣбъ насущный. Вѣдаютъ вѣрующіе, что пріемяютъ, и благо имъ—принимать этотъ хлѣбъ насущный, столь необходимый въ жизни сей. Но какъ не всё оказываются всегда сего достойными, то и молятся, чтобъ имъ даровано было всегда пребывать добрыми, т.-е. вѣрными вѣрѣ и не укоризненными по жизни. Вотъ чего желаютъ они, вотъ о чемъ просятъ!—Ибо если не пребудутъ таковыми, то будутъ отлучены отъ онаго насущнаго хлѣба. Что же при такомъ пониманіи слова *хлѣбъ*, будетъ означать: *хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь?* Даруй намъ такъ жить, чтобъ никогда не быть отлучаемыми отъ алтаря Твоего.—И слово Божіе, которое ежедневно вамъ возвѣщается, и нѣкоторымъ образомъ преломляется для васъ, есть хлѣбъ насущный. И его умы алчутъ, какъ вещественнаго хлѣба чрево. Такъ и его мы просимъ въ молитвѣ Господней. Такимъ образомъ подъ хлѣбомъ насущнымъ разумѣется все для души и тѣла необходимое въ жизни сей.

Св. Максимъ исповѣдникъ, помянувъ мимоходомъ въ концѣ толкованія предыдущаго прошенія, что подъ *хлѣбомъ* здѣсь означается хлѣбъ съ неба спедый и дающій жизнь міру (Ин. 6, 33), продолжаетъ:—„Словомъ *днесь*. думаю, означается: настоящій вѣкъ; указывается мѣсто молитвы, какъ сказать иной пояснѣе: *хлѣбъ нашъ*—тотъ который отначала уготовалъ Ты чтобъ обезсмертить естество наше. *Дажь намъ днесь*, — намъ, пребывающимъ въ настоящей жизни смертной; чтобъ питаніе хлѣбомъ жизни и вѣдѣнія побѣдило смерть, грѣхомъ производимую: каковаго питанія всегда быть причастникомъ первому человѣку не попустило преступленіе божественной

заповѣди. Ибо еслибъ онъ не переставалъ насыщаться симъ божественнымъ питаніемъ, то не былъ бы плѣненъ смертію грѣха.

„Впрочемъ молящійся пріять хлѣбъ сей насущный, не всецѣло весь принимаетъ его, какъ онъ есть, но соотвѣтственно вмѣстимости пріемлющаго. Сей хлѣбъ животный преподаетъ себя всѣмъ просящимъ, яко челоувѣколюбець, но не всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ, а тѣмъ, которые совершили великія дѣла полнѣе, которые же скудны ими—скуднѣе,—всякому, какъ можетъ вмѣстить его по уму достоинство.

„Къ такому пониманію (въ духовномъ смыслѣ) предлагающаго реченія (хлѣбъ) привелъ меня самъ Спаситель: ясно повелѣвающій ученикамъ Своимъ не пецись о пищѣ чувственной. *Не пецѣтесе, говоритъ, душою вашею, что ясте, или что пѣете: ни тѣломъ вашимъ, во что облечетесе. Всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ. Ищите же прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѡ. 6, 25. 32. 33). Какъ бы сталъ онъ учить молиться о томъ, чего прежде заповѣдалъ не искать?—Очевидно, что молитвою не повелѣваетъ Онъ здѣсь того, чего не искать прежде внушалъ заповѣдію. Ибо того только можно просить въ молитвѣ, чего искать должно по заповѣди. Итакъ чего заповѣдію не повелѣно намъ искать, того не слѣдуетъ просить и въ молитвѣ. Если Спаситель заповѣдалъ искать одного царствія Божія и правды, то конечно его искать и въ молитвѣ внушаетъ Онъ ищущимъ божественныхъ даровъ, чтобы удостоивъ въ дарованіи того, что по свойству своему можетъ быть просимо въ молитвѣ, сочетать исканіе просящихъ съ волею Подающаго благодать, открывъ ей чрезъ такое единеніе путь къ проявленію себя дѣломъ.

„Если и такъ поймемъ, что здѣсь повелѣвается намъ испрашивать насущнаго хлѣба, которымъ обыкновенно поддерживается настоящая жизнь наша; то и при этомъ не позволимъ себѣ преступать предѣлы молитвы, — не будемъ, то есть въ любоиманіи простирать замыслы свои на многіе періоды лѣтъ, забывая, что мы смертны и что имѣемъ подобно тѣни преходящую жизнь; но будемъ, въ безпеченіи, испрашивать въ молитвѣ хлѣба на день, показывая, что мы, по христіанской философіи, помышленіе о смерти дѣлаемъ предметомъ жизни своей, неотходно стоя мыслию у предѣла естества еще прежде настоящаго смертія, и отрѣвая симъ способомъ душу отъ попеченія о тѣлесномъ, чтобъ она не прилѣпилась къ тлѣнному, превративъ естественное употребленіе вещественнаго въ страсть, и не навыкла любоиманію, которое лишаетъ прошенія благъ божественныхъ.

„Бѣжимъ же сколько силъ есть содружества съ веществомъ, и склонность къ нему, какъ прахъ, смоемъ съ умныхъ очей, довольствуясь тѣмъ однимъ, чѣмъ поддерживается, а не чѣмъ улаждается настоящая жизнь, и объ этомъ только какъ научены, моля Бога. — чтобъ сохранить душу свою непоработанною, совершенно ни чѣмъ изъ видимаго не обладаемою, чтобъ показать, что мы ѣдимъ, для того, чтобъ жить, а не быть укоряемыми, что живемъ для того, чтобъ ѣсть (ибо первое есть черта разумаго естества, а второе — безсловеснаго), — и чтобъ быть истинными блюстителями молитвы, самими дѣлами показывая, что за единую и единственную емлемся жизньъ духовную, и къ стяжанію ея направляемъ пользование жизнію настоящею, т.-е. на столько желаемъ пользоваться ею, чтобъ не отказываться поддерживать ее однимъ хлѣбомъ и хранить естественное ея теченіе

не разстроеннымъ не для того, чтобъ жить, но чтобъ жить для Бога“.

влад. ѳеофилактъ. Господь научаетъ просить хлѣба только *насущнаго*, т.-е., полезнаго для нашего существованія и для поддержанія жизни, отнюдь не лишняго, но необходимаго.

онъ-же. *Насушнымъ* называетъ хлѣбъ тотъ, который достаточенъ для сохраненія нашего естества въ силѣ. Словомъ же *днесь* устраняется забота о завтрашнемъ днѣ.—И тѣло Христово есть насущный хлѣбъ, о неосужденномъ причащеніи котораго намъ должно молиться.

симеонъ солунскій. Предъ симъ испрашивали мы небеснаго; но будучи смертны, и имѣя нужду для поддержанія жизни въ хлѣбѣ, просимъ и его, яко человекъ, зная, что и онъ въ десницѣ Твоей, Отче нашъ, и что Ты одинъ, не скуденъ, мы же всѣмъ скудны. Впрочемъ, прося хлѣба, не слишкомъ много его просимъ, а сколько требуется для употребленія *днесь*: ибо мы научены не пещись о завтрашнемъ днѣ, потому что Ты, Отче, какъ нынѣ Кормитель нашъ еси, такъ завтра и всегда будешь имъ.—И еще,—молясь о хлѣбѣ насущномъ, мы молимся и о живомъ хлѣбѣ небесномъ, всесвятомъ тѣлѣ Слова живаго, не вкушающій Котораго живъ не будетъ. И Онъ есть насущный хлѣбъ нашъ, какъ укрѣпляющій и освѣщающій душу и тѣло. Не вкушающій его не имѣетъ живота въ себѣ, а вкушающій живъ будетъ во вѣки (Ин. 6, 43. 58).

святитель тихонъ. Хлѣбъ насущный, по Златоустаго разумѣнію, разумѣется *повседневный*. Здѣ не только разумѣется хлѣбъ, но и все къ житію сему временному нужное, напримѣръ, питіе, одѣяніе, покой или домъ и прочая, какъ вѣкоторые толкуютъ. Не просимъ богатства, но просимъ нужнаго къ содержанію житія сего. Ни о

деньгахъ, ни о роскоши, ни о многоцѣнномъ одѣяніи, ни о иномъ подобномъ молиться повелѣлъ, но о хлѣбѣ только и о хлѣбѣ повседневномъ, да о утреннемъ не печемься, глаголетъ Златоустъ. Отсюда послѣдуетъ, что христіанину не должно пещись о богатствѣ, многоцѣнномъ одѣяніи, богатыхъ домахъ, богатой пищѣ и прочемъ сему подобномъ. Ибо христіанинъ всегда готовъ долженъ быть, когда его позоветъ Господь его, и тогда все сіе принужденъ будетъ оставить. Зоветъ же Господь всякаго къ себѣ чрезъ смерть. Хочетъ, глаголетъ Златоустъ, всегда намъ готовыми быть и тѣмъ довольствоваться, что естеству нашему нужно. Когда молимся: *хлѣбъ даждь намъ*, исповѣдуемъ, что мы нищии, убогіи и бѣдные, и потому всего у Бога просимъ, и что ни имѣемъ, Его благи приписывать должны, якоже Псаломникъ поетъ: *очи всѣхъ на Тя уповаютъ, и Ты дашеши имъ пищу во благовремени: отверзаеши Ты щедрую руку Твою и исполняеши всяко животно благоволенія* (Пс. 144, 15. 16). Когда глаголемъ: *хлѣбъ намъ даждь*, тѣмъ показуемъ, что не только о своемъ пропитаніи, но и о прочихъ просимъ отъ любви христіанской. Любовь бо христіанская требуетъ, чтобы мы не только о себѣ, но и о ближнихъ нашихъ старались. Извѣстно сіе, что Богъ, яко щедръ, не токмо христіанамъ, но и незнающимъ Его подаетъ временная благая; но христіанамъ должно всею вѣрою просити у Него, яко сынамъ у Отца, и тѣмъ показывать, что все тое есть Божіе добро, что они имѣютъ нужное къ житію, и тако пріемля благодѣяніе, благодарить Благодарителя.

ПЯТОЕ ПРОШЕНІЕ.

*Остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ
должникомъ нашимъ.*

ТЕРТУЛІАНЪ. Послѣ обращенія къ божеской щедрости, надлежитъ испрашивать и Его милосердія. Пища не все обнимаетъ намъ нужное и полезное. Зналь Господь, что одинъ Онъ всегда безгрѣшенъ. Почему научаетъ насъ молиться объ отпущеніи долговъ нашихъ. Это исповѣдь, испрашиваніе прощенія. Кто испрашиваетъ прощенія, тотъ исповѣдуетъ грѣхъ. Такъ доказывается, что Богъ пріемлетъ и покаяніе; его желаетъ паче, *нежели смерти грѣшника* (Иезек. 33, 11). Долгъ въ Писаніи есть образъ грѣха; и подлежитъ суду и истязанію, отъ котораго не избудетъ истязуемый, пока не воздастъ всего, какъ изобразилъ Господь въ притчѣ—*Мѡ. 18. 23—34*. Притча та вся относится къ истолкованію смысла настоящаго прошенія. Ибо то, что, тамъ, въ притчѣ, рабъ, помилованный господиномъ, не пощадилъ ради сего своего должника, и за то, по донесеніи о томъ господину, преданъ истязателю для взысканія съ него долга до послѣдняго кодранта, т.-е. до малѣйшаго остатка его, къ тому ведетъ, чтобъ расположить и насъ прощать должникамъ своимъ, для полученія прощенія отъ Господа. Съ тою же цѣлію Господь и въ другомъ мѣстѣ заповѣдалъ: *отпускайте и отпустятъ вамъ* (Лк. 6, 37). И когда Петръ спросилъ Его, отпускать ли до семи кратъ, сказалъ: не до семи только, но до семидесяти кратъ седмицею (Мѡ. 18, 22).

св. кипріанъ. По испрошеніи пищи испрашивается отпущеніе грѣховъ, чтобы человекъ, питаемый Богомъ,

и жить въ Богѣ, и не о временной только жизни заботился, но и о вѣчной, а къ ней можно достигнуть, если прощены будутъ грѣхи, которые Господь называетъ долгами, когда говорить въ Евангеліи: *весь долгъ отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ Мя еси* (Мѳ. 18, 32). И сколь необходимо, сколь промыслительно и спасительно напоминаніе, которымъ мы грѣшники побуждаемся къ моленію о грѣхахъ, чтобы, испрашивая милосердіе у Бога, духъ приходилъ въ самосознаніе! Для устраненія довольства собою, какъ бы невинными, для избѣжанія опасности погибнуть чрезъ высокомѣріе, намъ повелѣвается ежедневно молиться о грѣхахъ и тѣмъ дается напоминаніе и наставленіе, что мы и грѣшимъ ежедневно. То же указываетъ въ посланіи своемъ Іоаннъ, говоря: *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ и истинны нѣсть въ насъ. Аще исповѣдуемъ грѣхи наша вѣрность есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша* (1 Ін. 1, 8. 9). Въ посланіи своемъ онъ обнялъ и то, что мы должны просить о грѣхахъ, и то, что получимъ прощеніе, если будемъ просить. Ибо онъ назвалъ Господа вѣрнымъ, т.-е. вѣрно исполняющимъ свое обѣщаніе; а научившій насъ молиться о грѣхахъ и долгахъ нашихъ обѣщаль намъ милосердіе Отца и слѣдующее за тѣмъ прощеніе. Къ этому Господь ясно присовокупилъ и прибавилъ законъ, ограничивающій насъ извѣстнымъ условіемъ и обѣтомъ, по которому мы должны просить, чтобы намъ оставлены были долги, такъ какъ и мы оставляемъ должникамъ нашимъ, зная что не можетъ быть получено нами отпущеніе грѣховъ, если мы не сдѣлаемъ того же относительно должниковъ нашихъ. Потому-то и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ* (Мѳ. 7, 2). Да и рабъ, который

не захотѣлъ простить своему товарищу, тогда какъ господинъ простилъ ему самому весь долгъ, заключенъ былъ въ темницу: онъ утратилъ оказанное ему господиномъ снисхожденіе, потому-что не захотѣлъ оказать товарищу своему снисхожденіе. Это еще сильнѣе и съ большею строгостію своего суда излагаетъ Господь въ заповѣдяхъ своихъ. *И егда, говорить, стоите молящися, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отецъ вашъ, иже есть на небесяхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша: аще ли же вы не отпущаете, ни Отецъ вашъ, иже есть на небесяхъ не отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мр. 11, 25. 26). Итакъ тебѣ не остается никакого извиненія въ день суда: ты будешь судимъ по собственному своему приговору и съ тобою поступлено будетъ, какъ самъ ты поступишь съ другими.

„Богъ заповѣдуетъ, чтобы въ дому Его жили только мирные, согласные и единомышленные. Онъ хочетъ, чтобы возрожденные и оставались такими, какими Онъ сдѣлалъ ихъ вторымъ рожденіемъ;—чтобы ставшіе сынами Божиими пребывали въ мирѣ Божиемъ; — чтобы у насъ, у которыхъ одинъ духъ, было одно сердце и чувство, Онъ не принимаетъ жертвы отъ того, кто находится во враждѣ и повелѣваетъ таковому возвратиться отъ алтаря и прежде примириться съ братомъ, чтобы потомъ можно было умиловитъ Бога мирными моленіями. Для Бога большая жертва—напѣ миръ и согласіе братское, народъ соединенный въ единствѣ Отца и Сына и Святаго Духа. При первыхъ жертвоприношеніяхъ, принесенныхъ Авелемъ и Каиномъ, Богъ не смотрѣлъ на дары ихъ, но на сердца, такъ что тотъ и угодилъ Ему дарами, кто угодилъ сердцемъ. Мирный и праведный Авель, принесши въ невинности жертву Богу, далъ урокъ и дру-

гимъ, приносящимъ даръ къ алтарю,—приходить туда со страхомъ Божиимъ, съ простымъ сердцемъ, съ закономъ правды, съ миромъ согласія. Принесши Богу жертву съ такимъ расположеніемъ, онъ потомъ и самъ сдѣлался жертвою Богу, хранителемъ правды Господней и мира. Онъ первый, претерпѣвъ мученичество, славою своей крови предначалъ страданіе Господне. Таковыя наконецъ и увѣнчиваются отъ Господа! Таковыя въ день суда будутъ судить съ Господомъ! Напротивъ, кто находится во враждѣ и несогласіи, кто не имѣетъ мира съ братьями, тотъ, по свидѣтельству блаженнаго Апостола и святаго писанія, хотя бы претерпѣлъ смерть за имя Христово, все же останется виновенъ во враждѣ братской (1 Кор. 13, 3); а въ писаніи сказано: *всякъ ненавидяй брата своего, чловѣкоубійца есть* (Ин. 3, 15), — чловѣкоубійца же не можетъ ни достигнуть царства небснаго, ни жить съ Богомъ. Не можетъ быть со Христомъ тотъ, кто лучше захотѣлъ быть подражателемъ Іуды, нежели Христа.—Каковъ этотъ грѣхъ, когда не омывается и крещеніемъ крови?! Каково это преступленіе, когда его нельзя загладить и мученичествомъ?!

св. григорій нисскій. Слово, простираясь впередъ, возшло на самый верхъ добродѣтели. Ибо словами молитвы изображаетъ какимъ, по его требованію, долженъ быть приступающій къ Богу; показываетъ, что онъ уже внѣ предѣловъ естества чловѣческаго, и уподобляется по добродѣтели самому Богу, такъ что дѣлая то, что свойственно дѣлать одному Богу, повидимому и самъ дѣлается вторымъ богомъ. Ибо оставленіе долговъ есть Божіе свойство, и свойство преимущественное, какъ сказано: *никтоже можетъ оставлять грѣхи, токмо единъ Богъ* (Лк. 5, 21). Посему если кто въ жизни своей упо-

добился отличительнымъ чертамъ Божія естества: то самъ нѣкоторымъ образомъ дѣлается тѣмъ же, съ кѣмъ сходство показалъ въ себѣ точнымъ уподобленіемъ.

„Итакъ чему же учить слово сіе?—Вопервыхъ, съ дерзновеніемъ, на какое пріобрѣтено право предшествовавшей жизни, сознать въ себѣ уподобленіе Богу (что простилъ самъ), и тогда уже осмѣлиться, назвавъ Бога Отцемъ своимъ, просить прощенія въ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, потому что не всякому просящему возможно получить то, чего желаетъ, но тому, кто дѣлами пріобрѣлъ себѣ право просить съ дерзновеніемъ. Ибо сіе прямо внушаетъ намъ Господь въ настоящемъ изреченіи, а именно: приступая къ благодѣтелю, будь самъ благодѣтелемъ; приступая къ доброму, будь добрымъ; приступая къ правдивому, будь правдивъ; приступая къ долготерпѣливому, будь терпѣливъ; приступая къ человѣколюбивому, будь человѣколюбивъ; а также будь и всѣмъ инымъ приступая къ благосердому, къ благоволяющему, къ всещедрому, къ милующему всякаго, и если еще что усматривается божественнаго, во всемъ этомъ уподобляясь произволеніемъ, пріобрѣтай тѣмъ себѣ дерзновеніе на молитву. По семъ, какъ невозможно лукавому освоиться съ добрымъ, и покрытому нечистыми сквернами имѣть общеніе съ чистымъ и несквернымъ: такъ приступающаго къ Божію человѣколюбію отлучаетъ отъ онаго жестокосердіе. Посему, кто за долги держитъ человѣка въ своей власти и обходится съ нимъ жестоко, тотъ правомъ своимъ устранилъ себя отъ Божія человѣколюбія. Ибо какое общеніе у человѣколюбія со звѣрствомъ, у любительнаго расположенія со свирѣпостію? Какъ сдѣлавшійся добычею смерти уже не живъ, и наслаждающійся жизнію удаленъ отъ смерти: такъ приступающему къ Божію

человѣколюбію совершенно необходимо быть чуждымъ всякой жестокости. А кто сдѣлался чуждымъ всего разумѣмаго подѣ именемъ порока, тотъ нѣкоторымъ образомъ по такому нраву дѣлается богомъ, доводя до преспѣянія въ себѣ то, что разумъ признаетъ и о божественномъ естествѣ.

„Видишь, до какого величія Господь возвышаетъ слушателей словами сей молитвы прелагая нѣкоторымъ образомъ естество человѣческое въ божественное и узаконяя чтобы приступающіе къ Богу сами дѣлались богами! Но кто достойно раскроетъ все величіе Божія слова? Закрывающаяся въ немъ мысль превосходитъ словесное истолкованіе. Ту мысль, какая мнѣ приходитъ при семъ на умъ, смѣло и въ умъ держать, а еще смѣлѣе раскрыть ее въ словѣ. Ибо что сказано? Какъ преуспѣвающимъ въ добрѣ представляется въ подражаніе Богъ, по словамъ Апостола: *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1): такъ наоборотъ, требуется, чтобы твое расположеніе къ добру стало образцомъ для Бога; измѣняется нѣкоторымъ образомъ порядкомъ, и мы осмѣливаемся надѣяться, что, какъ въ насъ подражаніемъ Богу совершается доброе, такъ и Богъ будетъ подражать нашимъ дѣламъ, когда преуспѣемъ въ чемъ либо добромъ, — и ты можешь сказать Богу: „что сдѣлалъ я, сдѣлай и Ты; подражай рабу своему Ты,—Господь, убогому и нищему Ты царствующій надъ всѣмъ. Я отпустилъ грѣхи, не взыскивай и Ты! Я уважилъ просителя, не отвергни и Ты просящаго! Я отпустилъ должника своего веселымъ, таковъ пусть будетъ и Твой должникъ! Не дѣлай, чтобы Твой былъ грустнѣе моего! Пусть оба равно благодарятъ оказавшихъ милость! Пусть посредниками обоихъ подтверждено будетъ равное

отпущеніе и моему и Твоему должнику! Моимъ должникомъ такой-то, а Твоимъ я; какое рѣшеніе далъ я о своемъ должникѣ, такое же да возъмѣть силу и у Тебя: я разрѣшилъ, разрѣши и Ты! Я отпустилъ, отпусти и Ты! Я великую милость оказалъ соплеменнику; подражай и Ты, Господи, человѣколюбію раба Твоего.— Конечно, мои прегрѣшенія предъ Тобою тяжелѣе сдѣланныхъ предо мною моимъ должникомъ. Признаю это и я. Но возри и на то, сколько преимуществуешь Ты во всякомъ добрѣ. Тебѣ справедливо намъ согрѣшившимъ даровать милость, соразмѣрную преизбытку Твоего могущества. Малое человѣколюбіе оказалъ я; потому что большаго не вмѣщаетъ природа моя; а Ты сколько ни пожелаешь, могущество не воспрепятствуетъ щедродаровитости Твоей. “

„Но постараемся съ большею тщательностію выразумѣть предлежащее изреченіе молитвы: разсмотрѣніе смысла его можетъ быть и для насъ послужить нѣкимъ руководствомъ къ высокой жизни. Потому изслѣдуемъ, какіе тѣ долги, которымъ повинно естество человѣческое, и еще какіе тѣ долги, отпущеніе которыхъ въ нашей власти. Познаніе сего доставитъ намъ достаточное нѣкое уразумѣніе преизбыточества Божіихъ благъ. А потому сдѣлаемъ здѣсь перечисленіе человѣческихъ прегрѣшеній предъ Богомъ. Человѣкъ сталъ подлежать наказанію отъ Бога вопервыхъ за то, что отступилъ отъ Сотворшаго и передался противнику; вовторыхъ за то, что самовластную свободу промѣнялъ на лукавое рабство грѣху, и быть подъ тиранствомъ тлетворной силы предпочелъ сопребыванію съ Богомъ. Да и это—не взирая на красоту Создавшаго, а обратить лице къ гнусности грѣха, можно ли признать какимъ либо вторымъ изъ золь.

И какой родъ наказаній заслуживающимъ почетомъ должно презрѣніе божественныхъ благъ, предпочтеніе же при-
манокъ лукаваго? Заглаженіе образа, поврежденіе божес-
ственныхъ чертъ, отпечатлѣнныхъ въ насъ при началѣ
творенія, удаленіе отъ Отчей трапезы, освоеніе со зло-
вонною жизнію свиней, расточеніе драгоцѣннаго богат-
ства, и всѣ подобныя прегрѣшенія — исчислить ли
какое слово?

„Итакъ, поелику родъ человѣческой за таковыя вины
долженъ понести отъ Бога наказаніе, то мнѣ кажется,
что поэтому слово Божіе ученіемъ, изложеннымъ въ мо-
литвѣ, наставляетъ насъ—къ молитвенному собесѣдова-
нію съ Богомъ, хотя бы кто изъ насъ и всѣхъ болѣе
далекъ былъ отъ человѣческихъ прегрѣшеній, никогда
не приступать съ такимъ дерзновеніемъ, какъ будто бы
у него чистая совѣсть. Ибо иной, можетъ быть, подумаетъ,
что онъ, подобно одному богатому юношѣ, обра-
зовавъ жизнь свою по заповѣдямъ, въ правѣ, какъ и
тотъ, похвалиться своею жизнію и сказать Богу: *вся
сія сохранихъ отъ юности моея* (Мѣ. 19, 20), и даже
предполагать о себѣ, что ему, какъ ни въ чемъ не по-
грѣшившему противъ заповѣдей, крайне не прилично
прошеніе объ оставленіи долговъ, пригодное однимъ со-
грѣшившимъ. Оскверненному блудомъ, скажетъ онъ, при-
личны такія слова, или за любостыжательность обвиняе-
мому въ идолопоклонствѣ необходимо просить прошеніе,
и вообще всякому какимъ-либо прегрѣшеніемъ уязвив-
шему совѣсть души, прекрасно и сообразно съ нуждою
прибѣгать къ милосердію. А если онъ Илія великій, или
дѣйствуетъ *духомъ и силою Иліиною*. (Лк. 1, 17), или
Петръ, или Павелъ, или Іоаннъ, или другой кто изъ
тѣхъ, чье превосходство засвидѣтельствовано божествен-

нымъ Писаніемъ, то для чего употреблять подобныя реченія, коими испрашивается оставленіе долговъ тому, на комъ нѣтъ никакого грѣховнаго долга? — Для того (отвѣтимъ ему), чтобъ иной, имѣя въ виду что-либо подобное, не впалъ въ высокомѣріе, подобно оному фарисею, не знавшему и того, что онъ такое по естеству. Ибо еслибы зналъ, что онъ человѣкъ, то конечно естества своего не представлять чистымъ отъ скверны научился бы изъ св. Писанія, которое говоритъ: не найдешь у людей, чтобы жизнь одного дня могла быть безъ скверны—(Лов. 14, 4. 5). Посему чтобы у приступающаго съ молитвою къ Богу не произошло чего подобнаго съ душою, слово Божіе заповѣдуетъ не смотрѣть на преспѣваніе, но приводитъ себѣ на память общіе долги человѣческаго естества, въ которыхъ всякій, безъ сомнѣнія, и самъ участвуетъ, какъ участвующій въ естествѣ, и умолять Судію, чтобы даровалъ прощеніе прегрѣшеній.

„Ибо такъ какъ живетъ въ насъ Адамъ, и каждый изъ насъ—человѣкъ: то—пока видимъ въ естествѣ своемъ кожаные эти хитоны, и скоро увядающіе листья вещественной этой жизни, которые, обнажившись отъ вѣчныхъ и свѣтлыхъ ризъ, сшили мы себѣ ко вреду своему, вмѣсто божественныхъ одеждъ облекли себя въ забавы, славу, однодневныя почести, убійственныя услажденія плоти,—и пока взираемъ на это плотское мѣсто-пробываніе, на которомъ осуждены мы обитать, — какъ скоро обращаемъ въ молитвѣ взоръ *на востоки*, мысленно приводя себѣ при семъ на память изгнаніе изъ свѣтлыхъ восточныхъ странъ блаженства, справедливо тогда присовокупляемъ сіи реченія и мы, отгнѣяемые не доброю смоковницею жизни, отверженные отъ очей Божіихъ, самовольно предавшіеся змію, который ѣсть землю

и по землѣ ползаетъ, ходить на персехъ и на чревѣ своемъ, и намъ совѣтуетъ дѣлать тоже,—предаваться земнымъ наслажденіямъ, по землѣ пресмыкающимися и влачащимися мыслями занимать свое сердце и ходить на чревѣ, т.-е. заботиться о жизни сластолюбивой, въ такомъ находясь состояніи, подобно оному блудному сыну, послѣ долгаго бѣдствованія, въ которомъ пребывалъ, пася свиней, какъ скоро приходимъ, какъ и онъ, въ себя, и приводимъ себѣ на мысль небеснаго Отца, тогда прекрасно пользуемся такими реченіями: *остави намъ долги наша.*

„Посему хотя бы кто былъ Моисеемъ и Самуиломъ, и другимъ кѣмъ изъ прославившихся добродѣтелю, тѣмъ не менѣе, поелику онъ человѣкъ, почитаетъ для себя приличными слова сіи, какъ причастный Адамова естества, участникъ и его паденія.—Но сіе сказано, чтобъ иной при взглядѣ на болѣе общее могъ уразумѣть предлагаемое въ словѣ. Если же кто будетъ искать истиннаго смысла въ семъ изреченіи, то, думаю, не потребуется для насъ возводить понятіе къ общему взгляду на естество; потому что достаточно совѣсти, чтобы въ разсужденіи каждаго поступка въ жизни сдѣлать необходимымъ прошеніе о помилованіи.

„Поелику жизнь наша въ этомъ мірѣ подлежитъ многообразнымъ вліяніямъ, какъ по душѣ и разумѣнію, такъ и по чувствамъ тѣлеснымъ; то трудно, или и совершенно невозможно, не увлечься ко грѣху хотя одною какою-либо страстію. Напримѣръ, эта любящая наслажденія жизнь относительно къ тѣлу дѣлится по нашимъ чувствамъ, а относительно къ душѣ оказываетъ себя въ стремленіи разума и въ движеніи произвола: кто же столько возвышенъ и одаренъ такимъ благоразуміемъ, чтобы

по той и другой жизни избыть ему всякой скверны порока? Кто безгрѣшенъ окомя? Кто невиненъ слухомъ? Кто чуждъ этого скотскаго услажденія гортани? Кто чистъ отъ прикосновенія грѣху осязаніемъ?—Кому неизвѣстна эта предлагаемая Писаніемъ загадка: *взыде смерть сквозя окна* (Іер. 9, 21)? Окнами писаніе назвало чувства, посредствомъ которыхъ сообщаясь съ внѣшними предметами, душа по выбору занимается ими,—и онѣ—то пролагаютъ путь для входа смерти. Дѣйствительно многихъ смертей входомъ дѣлается часто глазъ: видитъ онъ оскорбившаго, и раздражается гнѣвомъ; видитъ благоденствующаго не по достоинству, и воспламеняется завистію; видитъ горделиваго и впадаетъ въ ненависть; видитъ какое-либо драгоценное вещество, или красивое лице и всецѣло поползается въ вожделѣніе правящагося. — И ухо отворяетъ окно смерти, когда вмѣстѣ съ тѣмъ, что слышитъ, принимаетъ въ душу многія страсти: страхъ, печаль, раздраженіе, удовольствіе, вожделѣніе, неумѣренный слухъ, и тому подобное. А услаженіе вкуса, какъ скажетъ иной, есть матеръ всѣхъ подъ рядъ золь. Ибо кому неизвѣстно, что корнемъ почти всѣхъ погрѣшностей въ жизни служитъ заботливость о гортани? Отъ нея зависятъ роскошь, пьянство, чревоугодіе беспорядочное поведеніе, многоядѣніе, пресыщеніе, разгульная жизнь, скотское и неразумное паденіе въ страсти безчестія. Подобнымъ образомъ чувство осязанія составляетъ крайній предѣлъ всѣхъ согрѣшеній; все, что ни дѣлается для тѣла сластолюбцами, принадлежитъ къ числу недуговъ осязательнаго ощущенія, подробное описаніе которыхъ было бы продолжительно. А весь рой погрѣшностей души и произвола въ состояніи ли и исчислить какое слово? Сказано: *изнутри исходятъ по-*

мысленія зла (Мѣ. 15, 19), и присовокуплень списокъ того, что оскверняетъ насъ въ помыслѣ. — Итакъ, если повсюду распростерты намъ мрежи грѣховъ всѣми чувствилищами и сердечными движеніями души, то *кто похвалится* какъ говорить Премудрость *чисто имѣти сердце* (Прит. 20, 9)? *Кто чистъ отъ скверны* (Іов. 14 4)?—А скверна для душевной чистоты есть удовольствіе. во многихъ видахъ и многими способами примѣшиваемое къ человѣческой жизни и душою и тѣломъ, помысленіями и чувствами, сердечными движеніями и тѣлесными дѣйствіями. Итакъ у кого душа чиста отъ этой скверны!

„Поелику же въ насъ есть все это, и всѣ, кто одного съ нами естества, всегда непремѣнно участвуютъ въ погрѣшностяхъ естества; то припадая въ молитвѣ къ Богу, просимъ по этому оставить намъ долги. Но не пріемлется таковой гласъ, и не достигаетъ божескаго слуха, если не вопіеть вмѣстѣ и наша совѣсть, что оказанною милостію дѣлиться съ другими—прекрасное дѣло. Ибо кто разсуждаетъ, что человѣколюбіе прилично Богу, отъ того справедливость требуетъ, собственными своими дѣлами подтвердить сужденіе о прекрасномъ дѣлѣ, чтобы самому не услышать отъ праведнаго судіи: *врачу исцѣлился самъ*. Меня умоляешь о человѣколюбіи, которымъ недѣлишься самъ — съ ближними. Просишь объ оставленіи долговъ; почему же самъ мучишь должника? Умоляешь, чтобы рукописаніе на тебѣ было изглажено. а самъ тщательно хранишь росписки занявшихъ у тебя долгъ? Просишь объ уменьшеніи счета долговъ, а самъ данное въ долгъ приращаешь лихвою? Твой должникъ въ темницѣ, а ты въ молитвенномъ домѣ? Онъ страдаетъ за долги, а ты испрашиваешь оставленія долга?—Твоя молитва не услышана, потому что заглушаетъ ее голосъ

страждущаго. Если разрѣшишь тѣлесный долгъ, разрѣшены будутъ тебѣ душевныя узы. Если простишь, прощено будетъ и тебѣ; самъ будешь своимъ судіею, самъ себѣ предпишешь законъ, расположеніемъ къ лежащему у ногъ твоихъ произнеся свыше приговоръ о себѣ“.

„Посему, если намѣреваемся принести Богу моленіе о милости и прощеніи, то, приуготовивъ дерзновеніе совѣсти, представимъ жизнь свою ходатайницею за произносимую молитву, чтобы во истину можно было сказать: *яко же и мы оставили должникомъ нашимъ*“.

св. кирилль іерусалимскій. *И остави намъ долги наша...* Ибо много у насъ грѣховъ; падаемъ и словомъ и мыслію, и весьма много дѣлаемъ достойнаго осужденія. Почему *еще речемъ, яко грѣха не имамы*, то скажемъ, какъ говоритъ Іоаннъ (1 Ін. 1. 8). *Якоже и мы оставляемъ...* И съ Богомъ вступаемъ въ договоръ, умоляя Его прощать намъ грѣхи, какъ мы прощаемъ долги ближнихъ. Поэтому, представляя въ умѣ, въ замѣнъ чего и что получаемъ, не становемъ ждаты и медлительными взаимнымъ другъ другу прощеніемъ. Поступки противъ насъ сдѣланные малы, неважны, удобозаглаждаемы; а грѣхи, сдѣланные нами противъ Бога, велики и имѣютъ нужду въ челоуѣколюбіи, свойственномъ одному Богу. Посему будь остороженъ и, по причинѣ неважныхъ и малыхъ прегрѣшеній противъ тебя, не загради для себя возможности получить отъ Бога прощеніе въ самыхъ тяжкихъ грѣхахъ.

св. златоустъ. Поелику случается грѣшитель и послѣ бани возрожденія, то Спаситель и касательно сего случая, показывая свое великое челоуѣколюбіе, повелѣваетъ намъ приступать къ челоуѣколюбивому Богу съ моленіемъ объ оставленіи грѣховъ нашихъ, и такъ говорить:

остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Видишь ли бездну милосердія Божія? Послѣ отгятія толикихъ золь, и послѣ неизреченнаго величія благодати, въ купели крещенія, дарованной намъ, опять согрѣшающихъ удостоиваетъ прощенія! А что сія молитва принадлежитъ вѣрнымъ, показываютъ, какъ уставы Церкви, такъ и начало молитвы Господней. Непросвѣщенный вѣрою не можетъ Бога называть Отцемъ. Если же молитва Господня принадлежитъ вѣрнымъ и если она повелѣваетъ симъ молиться объ отпущеніи грѣховъ, то явно, что и послѣ крещенія не уничтожается благодѣтельное употребленіе покаянія. Ибо если бы Христось не хотѣлъ показать сего, то не заповѣдалъ бы молиться о сѣмъ. Когда же Онъ упоминаетъ и о грѣхахъ и повелѣваетъ просить прощенія въ оныхъ, и научаетъ, какимъ образомъ мы можемъ получить сие прощеніе, и симъ самымъ содѣлываетъ для насъ легкимъ путь къ полученію онаго; то безъ сомнѣнія, ввелъ сей законъ молитвы потому, что и Самъ совершенно зналъ и намъ желалъ внушить, что и послѣ крещенія можно омыть грѣхи. Воспоминаніемъ о грѣхахъ внушаетъ намъ смиреніе: повелѣніемъ отпускать другимъ уничтожаетъ въ насъ злопамятство; а обѣщаніемъ за сие и намъ прощенія утверждаетъ въ насъ благія надежды, и научаетъ насъ размышлять о неизреченномъ человѣколюбіи Божіемъ.

Особенно же достойно замѣчанія то, что Онъ въ каждомъ вышесказанномъ прошеніи упомянулъ о всѣхъ добродѣтеляхъ, а симъ послѣднимъ прошеніемъ еще объемлетъ и злопамятство. И то, что чрезъ насъ святится имя Божіе, есть несомнѣнное доказательство совершенной жизни; и то, что совершается воля Его, показываетъ то же самое; и то, что мы называемъ Бога Отцемъ, есть

признакъ непорочной жизни. Во всемъ этомъ уже заключается и то, что должно оставлять гнѣвъ на оскорбляющихъ насъ, однако Спаситель симъ не удовольствовался; но желая показать, какое Онъ имѣеть попеченіе объ искорененіи между нами злопамятства, особо говорить о семъ; и послѣ молитвы припоминаетъ не другую какую заповѣдь, какъ сію: *аще оставите человекомъ согрѣшенія ихъ, оставитъ и вамъ Отецъ вашъ небесный* (Мѡ. 6, 14). Такимъ образомъ сіе отпущеніе первоначально зависитъ отъ насъ, и въ нашей власти состоитъ судъ, произносимый о насъ. Дабы никто изъ неразумныхъ, будучи осуждаемъ за великое или малое преступленіе, неимѣлъ права жаловаться на сіе, Спаситель тебя самого виновнаго дѣлаетъ судіею надъ самимъ собою, и какъ бы такъ говорить: какой ты самъ произнесешь о себѣ судъ, такой же судъ и Я произнесу о тебѣ. Если простишь своему собрату, то и отъ Меня получишь тоже благодѣяніе, хотя сіе послѣднее на самомъ дѣлѣ гораздо важнѣе перваго. Ты прощаешь другаго потому, что самъ имѣешь нужду въ прощеніи, а Богъ прощаетъ, тогда какъ ни въ чемъ не имѣеть нужды; ты прощаешь брату, а Богъ рабу; ты виновенъ въ безчисленныхъ грѣхахъ, а Богъ безгрѣшенъ. Съ другой стороны Господь показываетъ Свое человеколюбіе и тѣмъ, что хотя бы Онъ могъ и безъ твоего дѣла простить тебѣ всѣ грѣхи, но Онъ хочетъ и въ этомъ благодѣтельствовать тебѣ, во всемъ доставляетъ тебѣ случаи и побужденія къ кротости и человеколюбію, гонить изъ тебя звѣрство; погашаетъ въ тебѣ гнѣвъ и всячески хочетъ соединить тебя съ своими членами. Что ты скажешь на это?—То ли, что ты несправедливо потерпѣлъ отъ ближняго какое нибудь зло?—Если такъ, то конечно ближній согрѣшилъ противъ тебя; а если ты

потерпѣлъ по правдѣ, то сіе не составляетъ грѣха въ немъ. Но и ты приступаешь къ Богу съ намѣреніемъ получить прощеніе въ подобныхъ, и даже гораздо большихъ грѣхахъ. При томъ еще прежде прощенія мало ли получилъ ты, когда ты уже наученъ хранить въ себѣ человѣческую душу и наставленъ кротости? Сверхъ сего и великая награда предлежитъ тебѣ въ будущемъ вѣкѣ; потому что тогда не потребуется отъ тебя отчетъ ни въ одномъ грѣхѣ твоёмъ. Итакъ какого будемъ достойны мы наказанія, если и по полученіи такихъ правъ оставили безъ вниманія спасеніе наше? Будетъ ли Господь внимать нашимъ прошеніямъ, когда мы сами не жалѣемъ себя тамъ, гдѣ все въ нашей власти?

онъ же. Словами: *Хлѣбъ намъ... даждь... днесь*, научивъ насъ высокому любомудрію (*возвергать на Бога печаль свою*, въ увѣренности, что *Той печется о насъ*), и зная, что невозможно, чтобы мы, какъ люди облеченные смертнымъ тѣломъ, не падали, Господь научаетъ еще говорить въ молитвѣ: *и остави намъ долги наша...* Этими словами доставляются три блага вмѣстѣ: достигшихъ высоты добродѣтелей; Онъ научаетъ смиренномудрію и увѣщаетъ не полагаться на свои подвиги, но бояться, трепетать и помнить о прежнихъ грѣхахъ, какъ поступалъ и божественный Павелъ, который послѣ безчисленныхъ подвиговъ говорилъ: *яко Христосъ Іисусъ прииде въ міръ грѣшники спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ* (1 Тим. 1, 25). Не сказалъ: *я былъ*, но *есмы*, выражая, что онъ непрестанно воспоминалъ о грѣхахъ своихъ. Итакъ достигшимъ высоты добродѣтелей Господь доставляетъ этими словами безопасность въ смиренномудріи; а падшимъ послѣ благодати Святаго Крещенія не попускаетъ отчаяваться въ своемъ спасеніи, но научаетъ ихъ про-

силь у врача душъ врачевства прощенія. Кромѣ того эти слова научаютъ челоуѣколюбію. Онъ хочетъ, чтобы мы были кротки къ виновнымъ, незлопамятны къ согрѣшающимъ противъ насъ, прощеніемъ ихъ пріобрѣтали прощеніе себѣ и сами предуготовляли себѣ жѣру челоуѣколюбія. Ибо мы просимъ столько даровать намъ, сколько сами даемъ ближнимъ и испрашиваемъ себѣ такого же прощенія, какое даемъ своимъ должникамъ.

св. Кассіанъ. Неизреченно Божіе милосердіе! Оно не только предало намъ образъ молитвы, не только изложило намъ правила нравственности, чрезъ исполненіе коихъ мы можемъ угодить Богу, и не только исторгаетъ самыя корни гнѣва и печали, обязавъ насъ всегда молиться къ Нему предложенною Имъ молитвою; но еще подаетъ молящимся средство къ снисканію себѣ милости и любви въ день откровенія суда Божію и нѣкоторымъ образомъ сообщаетъ намъ власть смягчить опредѣленіе Судіи нашего и какъ бы обязать Его прощенію нашихъ согрѣшеній примѣромъ собственнаго нашего прощенія: *остави намъ*, говоримъ мы Ему, *якоже и мы оставляемъ*. Итакъ, въ надеждѣ на эту молитву смѣло можетъ просить отпущенія грѣховъ всякій, кто только отпустилъ своимъ должникамъ, но не должникамъ своего Господа. Ибо нѣкоторые изъ насъ (что всего хуже) бываютъ обыкновенно милостивы и весьма снисходительны къ тѣмъ поступкамъ, кои оскорбляютъ Бога, хотя бы они были великими преступленіями, и напротивъ являются жестокими и неумолимыми отмстителями за собственныя малѣйшія оскорбленія. Посему кто отъ всего сердца не отпуститъ согрѣшившему противъ него брату своему, тотъ сею молитвою будетъ испрашивать себѣ не помилованіе, а осужденіе. Ибо если эта молитва будетъ услышана, то

въ соотвѣтственность примѣру его что иное должно послѣдовать, какъ не гнѣвъ неумолимый и непремѣнное опредѣленіе наказанія? Итакъ, если мы хотимъ быть судими милостиво, то и сами должны быть милостивы къ тѣмъ, кои противъ насъ согрѣшили; ибо столько отпустится намъ, сколько мы отпустимъ тѣмъ, кои причинили намъ какой-либо вредъ своею недоброю. Нѣкоторые, страшась того, чтобы не показать, что произнесеніемъ этихъ словъ молитвы они болѣе обвиняютъ себя, нежели извиняютъ, молча пропускаютъ ихъ, тогда какъ весь народъ поетъ оныя въ церкви. Но напрасно стараются употреблять эти хитрости предъ Судіею всѣхъ, Который восхотѣлъ напередъ показать своимъ подсудимымъ, какъ Онъ будетъ судить ихъ, т.-е. Онъ показалъ намъ такой образъ суда, по коему не хочетъ явиться строгимъ и неумолимымъ, но какъ мы хотимъ отъ Него быть судимы, такъ должны судить и братій нашихъ, если они въ чемъ-либо согрѣшаютъ противъ насъ: *ибо судъ безъ милости будетъ не сотворшему милости* (Іак. 2, 13).

блж. августинъ. Долгами, очевидно, здѣсь называются грѣхи, какъ и въ другой разъ, когда возвѣстали о Галилеянахъ, которыхъ кровь Пилать смѣсилъ съ жертвами и объ осмнадцати побитыхъ падшимъ столпомъ Силомскимъ, Господь сказалъ: *мните ли, яко тѣи должнѣиши бязу, паче всѣхъ живущихъ въ Иерусалимѣ?* И потомъ прибавилъ: *еще не покаетесь, вси такожде погибнете* (Лк. 13, 1—5). Итакъ здѣсь не деньги оставлять должникамъ понуждаемся, а то, чѣмъ согрѣшили противъ насъ другіе. Деньги оставлять повелѣваетъ намъ заповѣдь, положенная выше: *хотящему судитися съ тобою и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (Мѡ. 5, 40). Но и здѣсь не поставляется въ необходимость

всякому денежному должнику оставлять долгъ, а тому, который не хочет отдавать съ такимъ нехотѣніемъ, что даже готовъ тягаться: *рабу же Господню не подобаетъ свиритися*, какъ говоритъ Апостоль (2 Тим. 2, 24). Итакъ, когда кто, ни самоохотно, ни по убѣжденію, не хочетъ отдать должныхъ денегъ, тому надо оставлять ихъ. Ибо если не хочетъ онъ отдать, то дѣлаетъ это по двумъ причинамъ, или потому что не имѣетъ, или потому, что скупъ и жаденъ до чужаго. Но то и другое обличаетъ скудость: первое — житейскую, а второе душевную. Почему кто отпустить такому долгъ, отпустить неимущему и сдѣлаетъ христіанское дѣло. Впрочемъ если кто, держа на сердцѣ готовность оставить то, чѣмъ ему кто долженъ, кротостію и дружелюбіемъ такъ подѣйствуетъ на своего должника, что тотъ отдастъ ему долгъ, — не столько о возвращеніи денегъ заботясь, сколько о томъ, чтобъ исправить этого человѣка, для котораго конечно пагубно — имѣть изъ чего отдать и не отдать; то онъ не только не погрѣшитъ, но еще сдѣлаетъ дѣло полезное, чтобы тотъ, присвоивъ себѣ чужія деньги, не потерпѣлъ вреда душевнаго, съ которымъ ни какой другой не можетъ идти въ сравненіе. Изъ сего можно однакожъ заключить, что и въ этомъ пятомъ прошеніи, хотя не о деньгахъ прямо говорится, а о всемъ томъ, чѣмъ кто погрѣшаетъ противъ насъ, но подъ этимъ можно разумѣть и денежный долгъ. Ибо тотъ, кто не отдастъ тебѣ должныхъ денегъ, когда имѣетъ изъ чего отдать, погрѣшаетъ противъ тебя. И если ты не отпустишь этого грѣха, то не можешь говорить: *остави намъ, якоже и мы оставляемъ*.

онъ же. Просимъ отпустить намъ долги; потому что всѣ мы должники предъ Богомъ, не деньгами, а грѣхами. Скажешь, можетъ быть: и вы? — Отвѣчаю: и мы. И

вы, святые епископы, должники? Да—и мы должники. Ужели и вы? Быть не можетъ, Владыко мой; не говори на себя неправды. Не неправду на себя говорю, а говорю истину: должники мы. *И аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣтъ въ насъ* (1 Ин. 8, 8). И крещены мы, и должники. Не потому, чтобъ оставалось что либо за нами, что не было бы отпущено въ крещеніи; но потому, что, живя, набираемся того, что имѣеть нужду въ каждодневномъ отпущеніи. Которые, только что окрестившись, отходятъ (изъ сей жизни), тѣ безъ всякаго долга восходятъ (горѣ) и проходятъ (въ небесныя обители). А которые, окрестившись, остаются жить въ сей жизни, тѣ, по немощи нравственной, набираютъ въ себя много такого, что хотя не причиняетъ крушенія (кораблю жизни), должно однакожь быть очицаемо (выкачиваемо). Ибо если не очищать (не выкачивать), то мало-по-малу внутрь столько найдеть, что весь корабль погрузится. Молитесь показаннымъ образомъ и значить—очищать себя (выкачивать изъ себя наплывшее). И еслибъ не дано было намъ такъ очищать себя каждодневно святою молитвою, то мы поставлены были бы въ большую крайность, несмотря на то, что въ банѣ пакибытія омыты всѣ грѣхи наши. Но се—благодареніе Господу! Милостыни и молитвы очищаютъ грѣхи наши, только бѣ не были учинены такіе, за которые слѣдуетъ лишить насъ хлѣба насущнаго (св. причащенія),—только бѣ избѣгали мы такихъ, которые подвергаютъ строгому осужденію.

„Никто изъ васъ да не почитаетъ себя праведнымъ, который не имѣлъ бы нужды говорить: *остави намъ долги наши*. Пусть далеки вы отъ идолопоклонства, отъ звѣздохотства, отъ волхвованій; пусть непричастны ере-

тичества и раскола; пусть отвращаетесь отъ челоуѣкоубійства, блуда, хищничества лжесвидѣтельства и всякихъ подобныхъ непотребствъ; но и кроуѣ этого есть многое, чѣмъ челоуѣкъ грѣшитъ. Возрѣвая съ вожделѣніемъ на недолжное, онъ грѣшитъ. Но кто удержать быстродвижность ока?—Глазъ впрочемъ тотчасъ закрыть можешь, если захочешь; а ухо и закрыть не всегда можешь, и оно набирается противъ воли рѣчей срамныхъ, нечистыхъ, соблазнительныхъ, злословныхъ и хульныхъ. Слыша женоподобное, не грѣшишь ли ухомъ, хотъ и не дѣлаешь того дѣломъ? И языкъ сколько учиняетъ грѣховъ, нерѣдко и такихъ, за которыя слѣдуетъ удалять отъ чаши? Празднословіе, пересуды, злословіе, хулы—его дѣло. Но пусть рука не дѣлаетъ ничего худаго, нога не течетъ на зло, око не направляется вожделѣніемъ, ухо не пріемлетъ непотребнаго, языкъ не говоритъ недолжнаго: кто удержать помыслы, скажи мнѣ? Не бываетъ ли часто, братія моя, что когда молимся, мыслями блуждаемъ незнать гдѣ, забывъ предъ Кѣмъ стоимъ и предъ Кѣмъ простершись лежимъ долу?—Если все подобное собрать вмѣстѣ, ужели это не должно тяготить совѣсти, хотъ каждое отдѣльно есть малость? Какая разность—свинець ли давить тебя или песокъ?—Свинець массою давить, а песчинки количествомъ. Каждая ничтожна, а когда много ихъ соберется, онѣ также давить могутъ, какъ и свинець.—Малы грѣхи!—Не видишь, какъ изъ капель составляются рѣки? Малы, да многочисленны.

„Итакъ будемъ всегда взывать и взывать искренно: *остави намъ долги наша, дѣломъ исполняя и то, что да- лѣе слѣдуетъ: якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. Богъ благоволитъ вступить съ нами въ уговоръ.*

Сіе глаголетъ тебѣ Господь Богъ Твой: „отпусти, и отпусти. Не отпустилъ ты: самъ противъ себя идешь, а не Я.“—Итакъ отпускайте все, что ни имѣеть кто въ сердцѣ своемъ противъ другаго. Отпусти отъ сердца,—будь увѣренъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ прощаются тебѣ всѣ грѣхи твои, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ совершенныя. Кто проживетъ на землѣ сей и не поймѣеть врага? Но напрягитесь любить ихъ. Самый ярый врагъ твой не можетъ причинить тебѣ такого зла, какое самъ ты себѣ причиняешь, если не любишь врага. Онъ можетъ вредъ нанести или полямъ твоимъ, или скоту твоему, или дому твоему, или рабу твоему, или рабѣ твоей, или сыну твоему, или супругѣ твоей, или—самое большое, если дана будетъ ему власть,—плоти твоей. Настолько ли все это разрушительно, насколько то, когда ты (не прощая ему) вредъ причиняешь душѣ своей? Простритесь же, возлюбленные, къ такому совершенству, умоляю васъ. И не думайте, чтобъ это было невозможно: я знаю, зналъ, на самомъ дѣлѣ видѣлъ христіанъ, которые любить враговъ своихъ. Чтобъ и намъ успѣть въ этомъ, вѣруйте, что это возможно. и молитесь, да будетъ въ васъ и въ семъ отношеніи воля Божія.—Что тебя раздражаетъ во врагѣ твоёмъ? Конечно не природа человѣческая. Ужели потому имѣешь его врагомъ, что онъ имѣеть душу и тѣло?—Ибо и у тебя то же: ты имѣешь душу, и онъ имѣеть душу, ты имѣешь тѣло, и онъ имѣеть тѣло. Онъ соестественникъ тебѣ: оба изъ земли сотворены и отъ Господа одушевлены. Онъ то же что и ты: усмотри же въ немъ брата своего. Первые двое—Адамъ и Ева, были родители наши: онъ отецъ, она мать. Стало быть, мы братья. Но оставимъ это первоначаліе наше; Богъ—Отецъ нашъ, церковь—мать. Стало,—мы братья. Да

врагъ мой—язычникъ, іудей, еретикъ, говоришь ты. Но молись, и онъ станетъ тѣмъ же, чѣмъ ты, и вмѣстѣ со всѣми другимъ исчезнетъ и вражество ваше.

„А вы все говорите: кто это можетъ? Кто такъ дѣлаетъ?—Богъ да совершитъ сіе въ сердцахъ вашихъ.— И я знаю, что немногіе такъ дѣлаютъ: но которые дѣлаютъ, тѣ велики, тѣ истинно духовны. Ужели таковы всѣ вѣрные въ церкви ко алтарю приступающіе, и Тѣло и Кровь Христовы приѣмлющіе? Ужели таковы всѣ?—И однакоже всѣ говорятъ: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Богъ праведно скажетъ имъ, что просите вы, чтобъ Я сдѣлалъ то, что обѣщать, когда сами не исполняете того, что Я заповѣдалъ? Что Я обѣщаль?—Отпустить долги ваши. Что заповѣдалъ?—Чтобъ и вы отпущали должникамъ своимъ. Но какъ можно сказать, что вы это исполняете, когда не любите враговъ вашихъ?—Что же намъ дѣлать, братіе! До какой малости сокращается стадо Христово? Если одни тѣ должны говорить: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*, которые любятъ враговъ; то и не знаю, что дѣлать, не знаю, что сказать. Сказалъ бы вамъ: если не любите враговъ вашихъ, то и не молитесь. Но не смѣю, а паче говорю: молитесь, чтобъ полюбить. Не сказать ли вамъ: если не любите враговъ вашихъ, то не говорите въ молитвѣ Господней этого прошенія: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*?—Но если не будете этого говорить, грѣхи ваши на васъ будутъ. И выходить: если не будете говорить, не отпустятся, если будете говорить и не дѣлать, тоже не отпустятся. Остается одно: и говорить и дѣлать, чтобъ отпущены были.

„Отпущайте и отпустятъ вамъ, сказалъ Христосъ

Господь (Лк. 6. 38). И вы что говорите въ молитвѣ?—*Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.* Такъ остави, Господи, какъ мы оставляемъ. Это говорите: такъ остави намъ, Отче, иже еси на небесѣхъ, долги наша, какъ и мы оставляемъ должникамъ нашимъ?—Это и дѣлать должны вы; и если не будете дѣлать, погибнете. Когда врагъ просить прощенія, тотчасъ отпусти ему. И этого будто много для васъ?—Много было бы любить врага, когда онъ злобствуетъ и злодѣйствуетъ. Но ужели много для тебя—любить человѣка, обращающагося къ тебѣ съ смиренною мольбою? Но я желалъ бы, чтобъ ты и тогда (когда онъ злобствовалъ) благорасположенно смотрѣлъ на него; желалъ бы, чтобы, перенося его злобу, ты воспоминалъ Господа, рекшаго: *Отче, отпусти имъ, не вѣдаютъ бо, что творятъ* (Лк. 23, 24). Этого наипаче желать бы я,—чтобъ и въ то время, когда врагъ злокознствуетъ противъ тебя, ты возрѣвалъ на Господа Бога Твоего, изрекшаго такія слова. Можетъ быть скажешь: Онъ сдѣлалъ такъ, какъ Господь, какъ Христось, какъ Сынъ Божій, Единородный, какъ Слово, плоть бывшее; мнѣ же, человѣку худому и немощному, куда такъ?—Если много для тебя подражать Господу Твоему, приведи на мысль сораба своего. Св. Стефанъ былъ побиваемъ камнями, и подъ ударами камней, преклонивъ колѣна, молился говоря: *Господи, не постави имъ грѣха сего* (Дѣян. 7, 60). Чѣ камни пускали въ него, не прощенія просили; а онъ молился о нихъ. Таковымъ быть желаю тебѣ. Поднимись немного. Что всегда долу—по землѣ влачишь сердце свое? слышишь: *горь имѣемъ сердца?* Поднимись же, полюби врага. Если не можешь любить, когда онъ злобствуетъ, полюби по крайней мѣрѣ, когда просить прощенія. Люби человѣка, который го-

ворить: братъ, согрѣшилъ я, прости мнѣ. Если въ это время не простишь, то не говорю, что молитву изглаждаешь ты изъ сердца своего;— но что себя изглаждаешь ты изъ книги живота.

„Итакъ когда просить прощенія врагъ, отпусти ему,— отпусти непріязнь къ нему изъ сердца: непріязнь, говорю, отпусти изъ сердца, а не одно взыскаііе долга.— Скажешь, можетъ быть: онъ притворяется, обманываетъ.— О, судія сердца чужаго! Скажи мнѣ помышленія отца твоего, скажи твои собственныя вчерашнія помышленія. Умоляетъ, просить прощенія; отпусти, совсѣмъ отпусти. Если не отпустишь, не ему повредишь, а себѣ. Не отпустишь ты сорабъ сорабу своему; такъ онъ пойдетъ къ Господу—своему и твоему—и скажетъ Ему: Владыко мой! просилъ я сораба своего, чтобъ онъ отпустилъ мнѣ; не хотѣлъ отпустить. Ты отпусти!— И Онъ всеконечно отпуститъ. Такимъ образомъ тотъ отойдетъ отъ Господа своего разрѣшеннымъ, а ты останешься связаннымъ. Какъ связаннымъ? Придетъ время молитвы, наступитъ минута, когда ты скажешь: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*; и Господъ отвѣтитъ тебѣ: *рабе лукавый, весь долгъ онъ отпустилъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси: не подобаше ли и тебѣ помиловати клеветна твоего, якоже и азъ тя помиловашъ* (Мѣ. 18, 32. 33). Изъ Евангелія эти слова, а не изъ моего сердца. Но если ты, умоленъ будучи, простишь просящему прощенія; то смѣло уже можешь говорить молитву ту. Хоть ты не силенъ еще любить врага своего; но молитву ту можешь говорить: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*.

ОНЪ-ЖЕ. *Остави намъ долги наша*, говоримъ мы, и бу-

демъ говорить: ибо говоримъ правду. Кто изъ живущихъ во плоти сей, не имѣеть долговъ? Кто изъ людей такъ живетъ, чтобъ ему не нужна была молитва эта? Надмиться такъ онъ можетъ; но въ правду быть такимъ не можетъ. — Добрѣ намъ есть подражать мытарю, а не надмеваться, какъ фарисей, который, вошедши въ храмъ, хвастался своими заслугами, а раны прикрывалъ. Но тотъ лучше зналъ, зачѣмъ вошелъ въ храмъ, кто говорилъ: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному* (Лк. 18, 10—13). — Разеудите, братія мои. Такъ молиться научилъ Господь Иисусъ учениковъ Своихъ, — тѣхъ великихъ первыхъ Апостоловъ Своихъ, предводителей нашихъ. Если же предводители наши молятся объ отпущеніи грѣховъ своихъ, не тѣмъ ли паче должно это дѣлать намъ? — И въ Символѣ Вѣры, между другими благами домостроительства спасенія, вы именуете и оставленіе грѣховъ (чрезъ св. крещеніе). Отпущеніе грѣховъ одно есть такое, которое единожды дается, другое же такое, которое дается каждодневно. То единожды даемое, дается во св. крещеніи, а это, каждодневное, испрашивается въ молитвѣ Господней, пока живемъ здѣсь. Почему и говоримъ: *остави намъ долги наши*.

„Богъ вступилъ съ нами въ завѣтъ и договоръ, скрѣпивъ его крѣпкимъ рукописаніемъ, когда научилъ насъ говорить въ молитвѣ: *якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Кто хочетъ имѣть дѣйственными слова: *остави намъ долги наша*, пусть дѣлаетъ, чтобъ истинны были слова: *якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*. Но если онъ эти послѣднія слова или не говоритъ, или говоритъ лживо; то все говоритъ и первыя. Почему я и внушаю вамъ непрестанно: отпускайте все, что имѣете въ сердцахъ своихъ на кого либо; отпускайте тамъ, гдѣ видитъ Богъ. Бываетъ, что иной отпускаетъ

устами; а сердцемъ удерживаетъ: отпускаетъ устами людей ради, а сердцемъ удерживаетъ, не боясь очей Божиихъ. Отпустите всецѣло. Что ни удерживали вы доселѣ, все отпустите теперъ. Не надлежало никогда солнцу заходить во гнѣвъ вашемъ; а сколько разъ заходило оно такимъ образомъ? Не думайте, что гнѣвъ—ничто. *Смятеся*, говоритъ пророкъ, *отъ ярости око мое* (Пс. 6, 8). Но у кого око смущено, тотъ не можетъ видѣть солнца: не можетъ видѣть умнаго Солнца и тотъ, у кого смущено гнѣвомъ око ума. Что есть гнѣвъ? Жажда мести. Грѣшный человѣкъ жаждетъ отмщенія,—тогда какъ Христосъ Господь не былъ отмщенъ, и св. мученики не были отмщаемы! Еще ожидаетъ Божіе долготерпѣніе, да обратятся враги Христовы, да обратятся враги мучениковъ. Мы же кто такіе, что ищемъ отмщенія?—Еслибъ Богъ восхотѣлъ разыскать его отъ насъ, куда бы намъ дѣваться? Но и Онъ, ни въ чемъ неповинный, не ищетъ отмщенія; а мы во всемъ виновные, и повседневно Бога оскорбляющіе, ищемъ его. Итакъ отпускайте, отпускайте отъ сердца. Разгнѣвался ты, не согрѣшай, какъ учить Пророкъ: *гнѣвайтесь и несогрѣшайте* (Пс. 4, 5). Гнѣваетесь вы, яко человѣки, бывъ побѣждаемы раздраженіемъ; но не согрѣшайте, удерживая въ себѣ гнѣвъ. Если удержите, дойдете до ненависти, которая есть застарѣлый гнѣвъ. Гнѣвъ, когда дѣлается застарѣлымъ, называется ненавистію, и есть. Что было гнѣвомъ, когда было ново, стало ненавистію, когда застарѣло. Гнѣвъ—спица; а ненависть—бревно. Если мы, осуждая гнѣвающагося, сами держимъ на сердцѣ ненависть; то къ намъ приложимы слова Господа: *что видиши суцецъ, иже во оцъ брата твоего, бревна же, еже есть во оцъ твоємъ, нечуждиши* (Мѡ. 7, 3)? Отъ чего спица выросла до того, что стала брев-

номъ? Отъ того, что не тотчасъ была исторгнута. Попустивъ солнцу столько разъ восходить и заходить во гнѣвъ твоемъ, ты сдѣлалъ его застарѣлымъ. Набравъ къ гнѣву множество лукавыхъ подозрѣній, ты полилъ сѣлицу; поливши напиталъ; напитавши возрастилъ и сдѣлалъ ее бревномъ. Устрашишь покрайней мѣрѣ слѣдующаго приговора: *всякъ ненавидяй брата челоѣкоубійца есть* (1 Ин. 3, 15). Пусть не извлекалъ ты меча, не наносилъ ударовъ, не дѣлалъ ранъ на тѣлѣ брата; но коль скоро есть помысль ненависти въ сердцѣ твоемъ, ради его одного ты считаешься челоѣкоубійцею. Настолько ты виновенъ предъ Богомъ. Братъ и живъ; а ты все же убійца. Ты уже убилъ въ себѣ того, кого возненавидѣлъ. Исправься же, очисти себя. Если въ домъ къ вамъ заберутся скорпионы, сколько трудитесь вы, чтобъ очистить отъ нихъ жилище свое, и жить въ чувствѣ безопасности? — На сколько лицъ вы разгнѣвываетесь, и оставляете гнѣвы сіи застарѣвать въ сердцахъ своихъ; столько у васъ бываетъ ненавистей, столько и скорпионовъ и змѣй. Чего же ради не стараетесь вы очистить отъ сего дома Божія, сердца своего? Поступайте же такъ, какъ говорите: *якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*, — чтобъ съ увѣренностію говорить и: *остави намъ долги наша*. Безъ долговъ нельзя намъ прожить на землѣ. Но иные изъ нихъ суть тѣ великія прегрѣшенія, которыя омываются крещеніемъ, и которыхъ вы всегда должны быть чужды; а иные — повседневные грѣхи, безъ которыхъ челоѣкъ прожить не можетъ, и ради которыхъ необходимо это каждодневное прошеніе съ приложеннымъ къ нему условіемъ.

св. максимъ исповѣдникъ. Въ Богѣ живущій и Имъ, яко хлѣбомъ насущнымъ, питающійся, Божескимъ пре-

исполняется долготерпѣніемъ. Почему благодушно перенося и оставляя другимъ всѣ ихъ противъ себя неправды, и самъ, когда просить у Бога оставленіе своихъ повседневныхъ, яко чловѣка, прегрѣшеній, съ смиреннымъ дерзновеніемъ взываетъ: *остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ*, умоляя Бога быть къ нему таковымъ, каковъ самъ онъ бываетъ къ другимъ. Если онъ желаетъ, чтобъ, какъ онъ оставляетъ долги другимъ, согрѣшившимъ противъ него, такъ и ему оставлены были Богомъ его Богу долги; явно, что какъ Богъ безстрастно оставляетъ, кому оставляетъ, такъ и онъ, безстрастнымъ пребывая въ отношеніи къ тому, что съ нимъ случается, оставляетъ согрѣшившимъ противъ него, не попуская быть въ умѣ печатлѣмой памяти нѣкоей о прилучившихся ему прискорбностяхъ, чтобъ отсѣкая себя въ сердцѣ отъ естества чловѣческаго въ лицѣ оскорбившихъ, не отсѣчь себя отъ Бога. Богъ въ благоволеніи къ намъ соображается съ нашимъ къ людямъ благорасположеніемъ. И невозможно намъ инымъ способомъ получить божеское неизреченное къ себѣ снисхожденіе. Богъ желаетъ, чтобъ мы прежде устроили искреннее другъ съ другомъ примиреніе, не для того, чтобъ отъ насъ научиться, какъ примиряться съ согрѣшающими предъ Нимъ и прощать имъ многія и страшныя ихъ вины, но чтобъ понудить насъ очистить себя отъ страстей и такимъ образомъ явить себя сообразными въ расположеніи съ свойствомъ испрашиваемой благодати. Кто возымѣетъ такое расположеніе, въ сердцѣ того не будетъ средостѣнія, отдѣляющаго его отъ Бога, и препятствующаго излиться на него Его благостыни.

блж. еоофилактъ. Поелику мы грѣшимъ и послѣ крещенія, то Господь повелѣваетъ молиться, да оставитъ

Онъ намъ грѣхи наши,—оставить такъ, какъ и мы оставляемъ другимъ. Ибо если мы злопамятствуемъ, Онъ не оставляетъ намъ. Богъ поставляетъ насъ какъ бы въ примѣръ Себѣ; такъ что какъ мы поступаемъ съ другими, такъ и Онъ поступаетъ съ нами.

симеонъ, архиеп. солунскій. Въ этомъ весь смыслъ и вся сила божественнаго Евангелія. Ибо для того, чтобы оставлены были намъ беззаконія наши и грѣхи, Богъ—Слово снизшелъ на землю и, воплотившись, кровь Свою излилъ. Для оставленія грѣховъ учреждены Имъ божественныя таинства. Все Самъ сдѣлалъ Онъ для сего; и отъ насъ требуетъ только одного, чтобъ и мы прощали другимъ. Почему законоположилъ: *отпущайте и отпустятъ вамъ* (Лк. 6, 37). И Петру, вопрошавшему, сколько разъ въ день прощать согрѣшающему,—прощать ли до семи разъ, сказалъ, что надо оставлять семьдесятъ разъ седмерицею,—вмѣсто—непрестанно. Такимъ образомъ рѣшителемъ успѣха молитвы поставилъ Онъ самого молящагося: такъ что если онъ прощаль, и ему прощено будетъ; если самъ отпущаль, и ему отпущено будетъ, и какъ самъ отпущаль, такъ и ему отпущено будетъ. Сдѣланное брату возводится къ Сотворшему насъ: ибо въ немъ—образъ Божій. А между собою всѣ мы равны естествомъ, всѣ равно рабы Богу. Предъ Нимъ всѣ согрѣшаемъ много, и другъ предъ другомъ согрѣшаемъ не много. Но оставляя сіе небольшое, множайшее получаемъ, когда, прощая людямъ, сподобляемся прощенія отъ Бога.

святитель тихонь. *И остави намъ долги наша*. Долги здѣсь разумѣются *грѣхи*—слова, дѣла и помышленія, закону Божію противныя. Откуда Лука святой въ своемъ благовѣстїи написалъ: *остави намъ грѣхи наша* (Лк. 11, 4). Называются же грѣхи долгами того ради, что какъ въ

гражданствѣ бываетъ, что долги обдолжаютъ должника къ отдачѣ заимодавцу, и когда не отдастъ долговъ должникъ, то въ темницу за долги заключается и держится въ ней. доколѣ не отдастъ долговъ; такъ и грѣхи обдолжаютъ насъ къ удовлетворенію правдѣ Божіей (всякій бо грѣхъ бываетъ противу правды Божіей), и когда не имѣеть чѣмъ удовлетворить, то заключаютъ насъ въ вѣчную темницу. Сихъ долговъ заплатить сами чрезъ себе мы не можемъ, того ради прибѣгаемъ къ заслугамъ Христовымъ и къ милосердію Божію, чтобы ихъ туне намъ оставилъ, и просимъ Его о семъ: *остави намъ долги наша*. Когда просимъ тако: *остави намъ долги наша*, чрезъ сіе показуется, что мы не только за себе, но и другъ за друга молиться, и другъ другу отпущенія грѣховъ просить должны. Симъ словомъ: *остави намъ долги наша*, показуется ясно, что и самыя святіи согрѣшаютъ, и потому должны себѣ отпущенія грѣховъ просить, якоже написано: *за то т.-е. за оставленіе грѣховъ, помолится къ Тебѣ всякъ преподобный во время благопотребно* (Пс. 31, 6). Молитва бо сія есть святыхъ, ибо кто Бога Отцемъ истинно и отъ сердца нарицаеть, надобно тому быть святымъ и чадомъ Божіимъ, и Духа Божія въ себѣ живущаго имѣти, о Немъ же вопіють вѣрніи: *Авва Отче* (Гал. 4, 6). Въ отношеніи къ святымъ грѣхи здѣ разумѣются не тыя, которые отъ произволенія и предразсужденія бываютъ, какъ то: блудъ, воровство, хищеніе, злоба, лукавство, лесть и прочая,—отъ сихъ грѣховъ удаляются святіи,—но разумѣются немощи, которыхъ ради слабости своей убереніи не могутъ, хотя и тщатся о томъ. О сихъ грѣхахъ молятся святіи: *Отче! остави намъ долги наша*.

„Глаголется: *якоже и мы оставляемъ должникомъ на-*

шимъ. Сиямъ словомъ научаемся, чтобы мы и сами оставляли грѣхи ближнимъ нашимъ, когда отъ Бога просимъ и получаемъ оставленіе грѣховъ. Онъ намъ отъ милосердія прощаетъ грѣхи,—и мы, подражая Ему, отъ милосердія должны прощать грѣхи братіи нашей. Когда оставляемъ грѣхи братіи нашей,—оставляетъ и Богъ намъ грѣхи наши; не оставляемъ мы,—не оставляетъ и намъ Богъ, якоже Христось придаетъ: *аще отпущаете чело-вѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. Аще ли не отпущаете чело-вѣкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ согрѣшеній вашихъ* (Мѡ. 6, 5. 6).

„Кто отъ грѣшниковъ, которые во грѣхахъ находятся и не оставляютъ ихъ, хочетъ молиться и грѣховъ оставленія у Бога просити, тому должно прежде самому оставить грѣхи своя, и тако оставивши просить Бога, чтобы благодатію своею оставилъ ихъ, и отъ казни, которой грѣхи грѣшника предають, избавилъ его. Ибо не оставляетъ и Богъ намъ грѣховъ, когда мы сами ихъ не оставляемъ. А когда намъ грѣхи не оставляются, то не иное что оттуду послѣдуетъ, какъ казнь за грѣхи, якоже случается должнику, которому долга заимодавецъ не оставляетъ; ибо заключаетъ его въ темницу и держитъ доколѣ отдастъ долгъ свой; тако и грѣшникъ, которому грѣхи неоставляются, заключится судомъ Божіимъ въ вѣчную темницу, и будетъ правдѣ Божіей за долги грѣховныя платить казню, но никогда не заплатитъ. За прегнѣваніе и оскорбленіе *вѣчнаго и безконечнаго* Бога праведно воздается *вѣчное и безконечное* наказаніе. Ибо правда Божія того требуетъ, чтобы грѣшникъ не покавшийся достойное воспріялъ наказаніе. Но за разореніе *вѣчнаго* закона Божія и тѣмъ оскорбленіе *безконеч-*

наго величества Божія ничѣмъ инымъ человѣку удовлетворить невозможно, какъ вѣчною казнію и страданіемъ. Чтоже кающимся, перестающимъ грѣшить, жалѣющимъ за грѣхи, и просящимъ отпущенія, грѣхи отъ Бога оставляются, то дѣлаеть Богъ отъ единого милосердія Своего и ради заслугъ Христовыхъ, ради которыхъ въ словѣ Своемъ обѣщаль всѣмъ кающимся и вѣрующимъ во Христа подать отпущеніе грѣховъ, якоже сіе милосердіе Божіе изображается во псалмѣ 102-мъ: *Благослови, душе моя, Господа.*

„Но хотящему каятися, и ради страданій и смерти Христовой получить отпущеніе грѣховъ, должно неотмѣнно оставить грѣхи свои. Ибо гдѣ нѣтъ оставленія грѣховъ, тамо нѣтъ истиннаго покаянія; гдѣ нѣтъ истиннаго покаянія, тамо заслуги Христовы мѣста не имѣютъ; гдѣ заслуги Христовы мѣста не имѣютъ, тамо нѣтъ отпущенія грѣховъ; гдѣ нѣтъ отпущенія грѣховъ, тамо слѣдуетъ наказаніе и вѣчное за грѣхи во адѣ страданіе. И тако грѣшникъ, когда не оставятся ему грѣхи (не оставится же ему, яко самъ ихъ оставить не хочетъ), за тѣ грѣхи, яко за долги должникъ, которыми предъ Богомъ всѣ одолжился, истязанъ будетъ; и понеже не имѣеть чѣмъ искупитися, будетъ вѣчною смертію удовлетворятн. Надобно убо хотящему каятися и тако спастися, отъ грѣховъ отстать и прибѣгнуть къ милосердію Божію, и исповѣдать со смиреніемъ и жалѣніемъ виноватымъ предъ Богомъ, прощенія просить ради изліянной крови Христовой, которая за всякаго грѣшника изліянна есть, и всякой грѣхъ очищаетъ; надобно съ блуднымъ сыномъ оставить чуждую незаконную страну, и возвратитися ко Отцу съ жалѣніемъ и уничиженіемъ себе самого, и повергнуть себе, яко недостойнаго, предъ милосердыми очами Его и призвать:

Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, и уже нѣтъ достоинъ нарециса сынъ Твой: сотвори мя яко единого отъ наемникъ Твоихъ (Лк. 15, 18. 19). Помилуй мене благодатию и человѣколюбіемъ единороднаго Сына Твоего, Который какъ за всѣхъ, такъ и за мене грѣшнаго кровь Свою изліялъ и умеръ; ради Его неповиннаго страданія и смерти, мнѣ повинному прости и остави долги моя. Тако обратившемуся, и со смиреніемъ и съ жалѣніемъ исповѣдающему грѣхи свои и просящему милости, оставятся безъ сумнѣнія всѣ долги его отъ Отца небеснаго, не по какимъ его заслугамъ, но по единой благодати. Ибо самая кровь Сына Божія, ради грѣшника изліянная, вопіеть, да вси ему долги оставятся и не помянутся кому. Узнаеть на себѣ такой грѣшникъ милость Отца небеснаго, якоже блудный сынъ, возвратившійся узналъ на себѣ милость благоутробнаго отца своего. Увидитъ грѣшника таковаго Отець небесный пришедшаго къ Себѣ, и воззритъ на него милостивыми Своими очами, и миль Ему будетъ. Не услышитъ выговора отъ Отца за своевольство, удаленіе и житіе развращенное: но услышитъ единый благоутробнаго Отца гласъ: *измѣните, одежду первую, и облецыте его и дадите перстень на руку его, и сапоги на нозь его: и приведше телецъ упитанный заколите и ядите веселимся: яко сынъ мой сей мертвъ бы и оживе, и изгубль бы, и обрѣтесе* (Лк. 15, 22—24). И тако по словеси Христову, *радость будетъ предъ Ангелами о единомъ грѣшникѣ кающемся* (—7).

„Но такъ великую отъ Бога получившему грѣшнику милость, должно и самому являть милость ближнему своему, и прощать ему согрѣшенія его, да не тоежде узнаеть на себѣ, что узналъ должникъ оный евангель-

скій, тьмою талантъ царю своему одолжившійся, который, получивши отъ царя своего милость, не хотѣлъ клеветы своего помиловать, и, великаго долга своего по единой царя своего милости свободившися, не хотѣлъ малаго долга своему брату оставить,—чего ради гнѣву царя своего подпалъ, и долгъ свой тяжкій паки на себѣ увидѣлъ, но еще съ выговоромъ: *рабе лукавый! весь долгъ оный отпустихъ тебѣ, понеже умолилъ мя еси: не подобаше ли и тебѣ помиловать клеветы твоего, якоже и Азъ тя помиловахъ?—И прогнѣвався Господь его: предаде его мучителямъ, дондеже воздастъ весь долгъ свой. Тако, заключаетъ Христосъ притчу тую, и Отецъ мой небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ согрѣшенія изъ (Мѣ. 18, 32—35).*

ШЕСТОЕ ПРОШЕНІЕ.

И не введи насъ во искушеніе.

ТЕРТУЛЛІАНЪ. Къ пополненію столь спасительной молитвы (*остави намъ*) прибавилъ Господь: *не введи насъ во искушеніе*, научая насъ не о томъ только молиться, чтобъ оставлены были намъ грѣхи наши, но и о томъ, чтобъ они совсѣмъ предотвращены были. *Не введи насъ во искушеніе*, значить—не попусти намъ быть введенными въ искушеніе тѣмъ, кто искушаетъ. Да не будетъ намъ думать, будто Богъ искушаетъ,—ни въ томъ смыслѣ, чтобъ узнать вѣру нашу, какъ бы не зная ея, ни тѣмъ паче въ томъ, чтобъ порадоваться нашему паденію: невѣдѣніе и злоба суть принадлежности діавола. Богъ повелѣлъ Аврааму принести въ жертву сына не для узнанія его вѣры, а для показанія ея, чтобъ въ немъ

дать намъ образецъ повиновенія повелѣнію Божію, какъ только оно получено, не ставя дороже Бога самыхъ кровныхъ своихъ. Господь, попустивъ быть Себѣ искушаему отъ діавола, указаль тѣмъ, кто предсѣдатель и художникъ всякаго искушенія. Это подтвердилъ Онъ, и когда послѣ сказалъ: *молитесь, да не внидите въ напастъ* (Лк. 22, 40). Они уже были искушены, потому что оставили Господа (одного молиться), возжелавъ паче ея (напасти), чѣмъ молитвы. Сему соотвѣтствуетъ и заключеніе молитвы: *но избави насъ отъ лукаваго*, истолковывая, кто есть вводящій во искушеніе.

св. киприанъ. Еще заповѣдуетъ намъ Господь говорить въ молитвѣ: *и не введи насъ во искушеніе*. Этимъ прошеніемъ показывается, что врагъ ничего не можетъ сдѣлать намъ, если не попуститъ Богъ, чтобъ такимъ образомъ весь нашъ страхъ, все наше благоговѣніе и вниманіе обращены были къ Богу, когда въ искушеніяхъ нашихъ ничего не можетъ противъ насъ врагъ, если не будетъ дана ему на то власть свыше. Доказываетъ сіе Божественное Писаніе, когда говоритъ: *принде Навуходносоръ, царь Вавилонскій на Терусалимъ и воеваше на нь и даде его Господь въ руку его* (Дан. 1, 1. 2). Дается же лукавому власть надъ нами по грѣхамъ нашимъ, какъ написано: *кто даде на разграбленіе Іакова и Израиля плъняющимъ его? Не Богъ ли, Ему же согрѣшиша и не восхотѣша въ путехъ Его ходити, ни слушати закона Его? И наведе на нь гнѣвъ ярости своея* (Ис. 42, 24. 25). Также, когда Соломонъ согрѣшилъ и отступилъ отъ заповѣдей и путей Господнихъ, сказано: *и воздвиже Господь противника Соломону* (3 Цар. 11, 23). — Дается сія власть на насъ по двумъ причинамъ: или для наказанія, когда грѣшимъ; или для сла-

вы, когда испытываемы бываемъ, какъ это видимъ учиненнымъ надъ Іовомъ, по свидѣтельству самого Бога, Который говорить: *се вся елика суть ему, даю въ руку твою, но самага да не коснешися* (Іов. 1, 12). И Господь въ Евангеліи своемъ, во время страданія, говоритъ: *не имаети власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше* (Ін. 19, 11). Да вѣдаемъ при семъ, что молясь, да не ввидемъ въ искушеніе, убѣждаемы бываемъ въ своей немоци и своемъ безсиліи тѣмъ самымъ, что такъ молимся, чтобъ никто не возносилъ себя въ высокоуміи, никто въ гордости и надменіи не присвоилъ себѣ что либо, никто не приписывалъ себѣ самому славы исповѣдничества или мученичества, тѣмъ паче, что самъ Господь, научая насъ смиренію, сказалъ: *бдите и молитесь, да не ввидите въ напасть: духъ убо бодръ, плоть же немощна* (Мр. 14, 38). Когда такимъ образомъ будетъ предпосылаемо смиренное исповѣданіе (своей немоци), и все всецѣло предаемо Богу, тогда смиренно со страхомъ и благоговѣнствомъ испрашиваемое у Бога всеконечно будетъ даровано Его благостынею.

св. кирилль іерусалимскій. *И не введи насъ во искушеніе*, Господи. Ужели Господь научаетъ насъ молиться о томъ, чтобы вовсе не быть искушаемыми? Какже сказано въ другомъ мѣстѣ: *Иже неискусися, мало вѣсть* (Сир. 34, 10),—и еще: *всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искушенія впадете различна* (Іак. 1, 2).— Но, можетъ быть, войти въ искушеніе значить погрязнуть въ искушеніи? Ибо искушеніе какъ бы подобно нѣкому потоку, чрезъ который трудно перейти. Посему одни, непогрязая въ искушеніяхъ, минуютъ ихъ, какъ бы сдѣлавшись нѣкими искусными пловцами, и ни ма-

ло неувлекаясь ими. А другіе не таковы, — входятъ и погрязаютъ. Какъ, напримѣръ, Іуда, вошедши въ искушеніе сребролюбія, не переплылъ пучины, но прогрязъ и погибъ тѣлесно и духовно. Петръ же вошелъ въ искушеніе отреченія, но вошедши не погрязъ, а мужественно переплывъ пучину, избавился отъ искушенія. Послушай еще, какъ въ другомъ мѣстѣ ликъ дошедшихъ до совершенства святыхъ благодарить за избавленіе отъ искушенія: *искусилъ ны еси, Боже, разжегъ ны еси, яко же разжизается сребро. Ввелъ ны еси въ стѣть: положилъ еси скорби на хребтъ нашемъ. Возвелъ еси человѣки на главы наша: проидохомъ сквозь огонь и воду, и извелъ еси ны въ покой* (Пс. 65, 10—12). Видишь, съ какимъ дерзновеніемъ говорятъ, что прешли искушенія и не изнемогли. Сказано: *и извелъ еси ны въ покой*. Войти же въ покой значитъ избавиться отъ искушенія.

св. григорій нисскій. *Не введи насъ во искушеніе*. Какая, братіе, сила сказаннаго? Господь многообразно и различно именуеть лукаваго (врага нашего), по разности его лукавства называя его многими именами: діаволомъ (Мѡ. 13, 39), веельзевуломъ (Мѡ. 10, 25), мамоною (Мѡ. 6, 24), княземъ міра (Ін. 14, 30), человѣкоубійцею (Ін. 8, 44), лукавымъ, отцемъ лжи (Ін. 8, 44), и другими подобными именами. Посему, можетъ быть однимъ изъ разумѣмыхъ о немъ именъ есть и это: *искушеніе*. И такую нашу догадку подтверждаетъ само словосочиненіе въ сказанномъ; ибо Господь послѣ словъ: *не введи насъ во искушеніе*, присовокупляетъ прошеніе объ избавленіи отъ лукаваго, какъ будто тѣмъ и другимъ означается одинъ и тотъ же предметъ. Если кто не входитъ *въ искушеніе* (или *напастъ*), тотъ непремѣнно внѣ вла-

сти лукаваго; а кто *въ искушеніи* (или *напасти*), тотъ необходимо бываетъ во власти лукаваго: то слѣдуетъ, что *искушеніе* (или *напасть*) и *лукавый* по значенію одно и то же. Что же внушаетъ намъ такое ученіе молитвы?—То, чтобъ стать внѣ того, что усматривается въ мірѣ семъ, — о чемъ сказано: *міръ весь во злѣ лежитъ* (1 Ін. 5, 19). Кто хочетъ стать внѣ (подвергающей искушеніямъ области (лукаваго), тотъ всеконечно долженъ выдти изъ міра сего. Ибо искушенію невозможно коснуться души, если врагъ, подобно приманкѣ, возложивъ на коварную уду свою прелести міра, не простретъ ихъ (предъ очами видящихъ), чтобъ возбудить вождельніе ихъ. Но гораздо болѣе ясною для насъ сдѣлается мысль сія изъ другихъ примѣровъ. Море не рѣдко бываетъ страшно своими волненіями, но не для тѣхъ, которые живутъ вдаль отъ него. Огонь истребительнъ, но только для подложеннаго въ огонь вещества. Война ужасна, но для однихъ вступившихъ въ воинскіе ряды. Кто желаетъ избѣжать бѣдствій, какія постигаютъ на войнѣ, тотъ молится, чтобы не впасть въ необходимость воевать. Кто боится огня, тотъ молится, чтобъ не быть ему въ огнѣ. Кто страшится моря, тотъ молится, чтобы не было ему нужды пуститься въ мореплаваніе. Такъ и тотъ, кто страшится прираженій лукаваго, пусть молится, чтобъ не быть ему въ области лукаваго (т.-е. не быть опутану мірскими суетностями и страстями). По велику *міръ во злѣ лежитъ* и въ мірскихъ дѣлахъ заключаются поводы къ искушеніямъ: то молящійся о невнѣнтіи въ искушеніе, не другаго чего испрашиваетъ, какъ того, чтобы не быть ему увлечену прелестями міра. Ибо кто избѣжитъ сего, тотъ минуетъ приманки вражіей, прикрывающей уду, не повлечетъ ее къ себѣ, чтобъ

поглотить, и такимъ образомъ не попадетъ во власть уловляющаго.

св. влатоустъ. *И не введи насъ во искушеніе.* Здѣсь Спаситель явно показываетъ наше ничтожество и низлагаетъ гордость, научая насъ не отказываться отъ подвиговъ (претерпѣнія скорбнаго), и произвольно не спѣшить къ нимъ: ибо такимъ образомъ и для насъ будетъ побѣда блистательнѣе, и для діавола поражение чувствительнѣе. Какъ скоро мы вовлечены въ борьбу, то должны стоять мужественно; а если нѣтъ вызова къ оной, то должны находиться въ покоѣ и ожидать времени подвиговъ, дабы показать себя и нещеславными и мужественными.

онъ же. *Не введи насъ во искушеніе.* Подлинно много скорбей причиняется намъ отъ діавола, много и отъ людей, или явно оскорбляющихъ, или тайно злоумышляющихъ. И тѣло, иногда возставая на душу, наноситъ тяжкій вредъ; а иногда подвергается различнымъ болѣзнямъ, причиняетъ намъ скорби и страданія. Посему такъ какъ многія и различныя бѣдствія нападаютъ на насъ со многихъ сторонъ, то мы научены испрашивать у Бога всѣхъ избавленія отъ нихъ. Ибо при его запрещеніи прекращается всякое смятеніе, буря превращается въ тишину и пристыжденный лукавый удаляется; какъ нѣкогда, оставивъ людей, онъ удалился въ свиней, даже не осмѣлившись сдѣлать и это безъ приказанія (Мѡ. 8, 31). А кто не имѣетъ власти даже надъ свиньями, тотъ какъ можетъ овладѣть людьми, охраняемыми Богомъ?

св. кассіанъ. При семь рождается не маловажный вопросъ! Если мы молимся, чтобъ не подвергнуться искушенію, то какъ можемъ доказать добродѣтель своей

твердости, коей требуетъ Св. Писаніе? *Иже не искуси-ся*, говоритъ оно, *мало вѣсть* (Сир. 34, 10). И еще: *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе* (Іак. 1, 12). И такъ, слова молитвы: *не введи насъ во искушеніе*, не то значать, что — не попусти намъ когда-либо искушае-мымъ быть, но — не попусти намъ быть побѣжденными въ искушеніи. Искушаемъ былъ Іовъ, но не введенъ въ искушеніе, ибо *не даде безумія Богу* (Іов. 1, 22), и не осквернилъ устъ богохуленіемъ, къ чему хотѣлъ при-вестъ его искушитель. Искушаемъ былъ Авраамъ, иску-шаемъ былъ Іосифъ; но ни тотъ, ни другой изъ нихъ не введенъ былъ въ искушеніе: ибо ни одинъ не испол-нилъ воли искушителя.

блж. августинъ. Не Самъ Богъ вводитъ въ искушеніе, но попускаетъ быть введenu въ него тому, кого лишаетъ Своей помощи, по сокровеннѣйшимъ намѣреніямъ Своимъ, потому что онъ того заслуживаетъ. Иного впрочемъ и по явнымъ причинамъ считаетъ Богъ достойнымъ Сво-его оставленія и пощенія введenu быть ему въ иску-шеніе. Но иное есть — введenu быть въ искушеніе, и иное — быть искушену. Безъ искушенія никто не можетъ сдѣлаться испытаннымъ ни самъ себѣ, какъ написано: *иже не искуси-ся, мало вѣсть* (Сир. 34, 10) ни другому какъ Апостоль говоритъ: *и искушенія моего, еже во плоти моей не уничтожите* (Гал. 4, 14): ибо изъ сего Апо-столь позналъ, сколь они тверды, когда тѣми искушенія-ми, какія случались съ нимъ по плоти, они не были отторгнуты отъ любви къ нему. Богу же мы вѣдомы прежде всякихъ искушеній, потому что Онъ все вѣдаетъ прежде событія. — Что написано: *искушаетъ васъ Господь Богъ, еже узвѣдѣти, аще любите Господа Бога вашего всѣмъ сердцемъ вашимъ и всею душою вашею* (Втор.

13, 3); то здѣсь слова: *еже увѣдѣти*, положены вмѣсто: да дасть вамъ увѣдать подобно тому, какъ иной день называемъ мы радостнымъ, потому что онъ дѣлаетъ насъ радостными, холодъ—лѣнивымъ, потому что онъ дѣлаетъ лѣнивыми;—и много есть подобныхъ выражений, встрѣчаемыхъ и въ простой рѣчи, и въ рѣчи ученыхъ, и въ Писаніяхъ Святыхъ. Чего не разумѣя еретики отвращаются отъ Ветхаго Завѣта, полагая, что словами: *искушаетъ васъ Господь Богъ вашъ*, приписывается Богу невѣдѣніе; будто не знаютъ, что въ Евангеліи написано о Господе: *сіе же глаголаше искушая его: самъ бо видяше, что хочетъ сотворити* (Ин. 6. 6). Если Онъ зналъ сердце того, кого искушалъ, то что же хотѣлъ увидѣть, искушая его? Очевидно, что такъ сдѣлано для того, чтобъ самъ себя позналъ тотъ, кто былъ искушаемъ, и осудилъ свое безнадееіе, увидѣвъ какъ изъ рукъ Господа нѣсколькими хлѣбами насытилось такое множество народа тогда, какъ онъ думалъ, что имъ нечего будетъ ѣсть.

Молимся же мы не о томъ, чтобы не быть искушаемыми, но чтобы не быть введенными въ искушеніе: такъ какъ на примѣръ, кто-либо, бывъ поставленъ въ необходимость быть испытаннымъ огнемъ, молится не о томъ, чтобъ не коснулся его огонь, но о томъ, чтобъ не быть сожжену. *Сосуды скудельниччи искушаетъ печь*; а людей праведныхъ—напасти (подоб. Сир. 27, 5). Иосифъ искушенъ былъ прельщеніемъ блуднымъ, но не былъ введенъ въ искушеніе. Была искушена Сусанна, но тоже не была введена въ искушеніе. И многіе другіе обоего пола также были искушены, но не введены въ искушеніе: особенно же Іовъ. Многихъ соблазняетъ то, что сатана просить искусить Іова. Но не написано ли подоб-

ное и въ Евангеліи: *се сатана проситъ вы, дабы съялъ якоже пшеницу* (Ин. 22, 31)?—Этимъ означается, что сатана никакой не имѣетъ власти искушать кого-либо; и если искушаетъ, искушаетъ по поущенію Божію. Божіе же поущеніе бываетъ или для наказанія людей за грѣхи ихъ, или для обученія ихъ и доставленія имъ опытности. И бываетъ большая разность, въ какое кто впадаетъ искушеніе. Не въ такое впалъ искушеніе Иуда, продавшій Господа, въ какое впалъ Петръ, когда отъ страха отрекся Христа—Господа. Но каково бы ни было искушеніе, для всѣхъ одинъ законъ, какъ пишетъ Апостоль: *вѣрнѣ Богъ, иже не оставитъ васъ искустися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмоуи вамъ понести* (1 Кор. 10, 13).—Этимъ изреченіемъ Апостоль ясно показываетъ, что молиться должно не о томъ, чтобы не быть искушаемыми, но чтобы не быть введенными въ искушеніе. Введенными бываемъ мы въ искушенія, когда случатся съ нами такія, которыхъ мы не можемъ понести. Но какъ опасныя искушенія, въ которыя впадать пагубно; бываютъ по причинѣ счастія или несчастія въ вещахъ временныхъ: то ихъ тяжестію не бываетъ надломленъ никто изъ тѣхъ, которые не имѣютъ пристрастія ко временному.

онъ-жѣ. Въ книгѣ Іова читаемъ: *не искушеніе ли житіе чловѣку на земли* (Іов. 7, 1)? О чемъ же молимся, говоря: *не введи насъ во искушеніе?* О чемъ?—Послушайте. Апостоль Іаковъ говоритъ: *никтоже искушаемъ да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ естъ* (1, 13). Есть искушеніе на зло, когда кто, бывъ прельщенъ, впадаетъ въ грѣхъ, и подчиняется діаволу. Въ этомъ смыслѣ говорить Апостоль, что Богъ никого не искушаетъ. Но есть

другое искушеніе, которое называется испытаніемъ. У немъ написано: *искушаетъ васъ Господь Богъ, еже утѣдѣти, аще любите Господа Бога вашего.* Это еже утѣдѣти тоже есть, что: да дастъ вамъ познать: ибо Самъ Онъ зналъ то. Такимъ искушеніемъ, чтобы кто прельщенъ былъ и палъ, Богъ никого не искушаетъ. Но бываетъ, что, по высшимъ и сокровеннымъ судамъ своимъ, Онъ оставляетъ иного. И когда оставить кого, тогда искушитель находитъ возможность сдѣлать ему что-либо: ибо въ такомъ случаѣ онъ не противоборца уже встрѣчаетъ, а покорнаго послушника въ томъ, кого оставилъ Богъ. Итакъ, чтобы не оставлялъ насъ Богъ, молимся *не введи насъ во искушеніе.* — *Кійждо искушается, отъ своея похоти влекома и прельщаемъ,* говоритъ тотъ же Апостоль Іаковъ. *Таже похоть зачещи раждаетъ грѣхъ: грѣхъ же содѣланъ раждаетъ смерть* (1, 14. 15). Чему это учитъ онъ насъ? Тому, чтобы мы боролись съ похотію своею. Во святомъ крещеніи грѣхи всѣ прощаются; а похоти остаются чтобы, возрождены бывъ, вы вели съ ними борьбу. Внутри васъ самихъ остается столкновеніе. Нечего бояться внѣшняго врага: себя побѣди, и—міръ побѣжденъ. Что можетъ сдѣлать тебѣ внѣшній искушитель,—діаволь, или слуга діавола? Пусть, напримѣръ, ктонибудь предлагаетъ тебѣ какую выгоду, чтобы прельстить тебя и склонить на худое дѣло, что онъ сдѣлаетъ тебѣ, когда въ тебѣ самомъ не дано мѣста любостыжанію? Но если въ тебѣ самомъ дано мѣсто любостыжанію; то, увидѣвъ прибыль, разгорись вожделѣніемъ ея и будешь плѣненъ тенетами грѣшнаго яства, каковыя тенета попусту пролежать простертыми предъ тобою, если ты неподатливъ на любостыжаніе. Пусть также искушитель подведетъ для искушенія тебя

красивѣйшую женщину. Если внутри тебя водворена любовь къ цѣломудрію, то ты лѣгко преодолѣешь это внѣшнее нападеніе, чтобы не плѣнила тебя приманка красоты жены чуждой, побори внутри себя свою похоть; не врага своего ощущаешь ты, но свою похоть чувствуешь. Побѣди внутри, что тамъ чувствуешь. Борись и побѣдишь. Возродившій тебя—Судія твой: Онъ предложилъ тебѣ состязаніе,—и готовить вѣнецъ. Но какъ безъ сомнѣнія ты побѣжденъ будешь, если не будешь имѣть Его помощникомъ себѣ, когда Онъ оставитъ тебя; того ради и взывать наученъ ты въ молитвѣ: *не введи насъ во искушеніе*. — Нѣкоторыхъ гнѣвъ Судія предаль похотямъ ихъ, какъ говоритъ Апостоль: *предаде ихъ Богъ похотямъ сердецъ ихъ* (Рим. 1, 24). Какъ предаль? Не понудивъ, а оставивъ ихъ.

онъ же. *Не введи насъ во искушеніе*. Оставь намъ грѣхи надѣланные, и не дай намъ впасть въ другіе такіе же: ибо кто побѣждается искушеніемъ, тотъ впадаетъ въ грѣхъ. Апостоль Іаковъ говоритъ: *кїйждо искушается, отъ своя похоти влекомъ и прельцаемъ. Таже похоть, зачениши раждаетъ грѣхъ*. Чтобы не быть тебѣ увлечену похотію, не соглашайся съ нею. Ей не откуда зачать, какъ отъ тебя. Согласился: тоже что — поспалъ съ нею въ сердцѣ своемъ. Возстала похоть: откажи ей въ себѣ, не слѣдуй ей. Она непотребна, растлѣнна, срамна, отъ Бога тебя отчуждаетъ. Не давай ей объятій согласія, чтобы не оплакивать порожденіе отъ того: ибо если согласишься, то есть, примешь ее въ объятія, она зачнетъ. Но *похоть зачениши раждаетъ грѣхъ*. Не бойся этого? *Грѣхъ содѣянъ раждаетъ смерть*. Хоть смерти побойся. Если не бойся грѣха, побойся того, куда приводитъ грѣхъ. Сладокъ грѣхъ, но горька смерть. Она

—крайнее бѣдствіе людей, для чего грѣшати они, то, умирая, оставляютъ здѣсь, а самые грѣхи берутъ съ собою. Грѣшишь изъ-за денегъ: здѣсь оставишь ихъ. Грѣшишь изъ-за другихъ стяжаній: здѣсь оставишь ихъ. Грѣшишь изъ-за жены: здѣсь оставишь ее. И что бы то ни было, изъ-за чего грѣшишь, все то, смежая очи на смерть, здѣсь оставишь, а съ собою возьмешь только самые грѣхи, учиненные тобою изъ-за того.

св. максимъ исповѣдникъ. Поставляя сіе прошеніе въ связь съ предыдущимъ, научаемся, что кто не прощаетъ отъ души согрѣшающимъ, противъ него и не представляетъ Богу сердца чистымъ отъ всякаго на другихъ неудовольствія, сіяющимъ свѣтомъ примиренія съ ближними, тотъ лишается Божіей благодати и праведно предается искушенію отъ лукаваго, чтобы поставлень бывъ въ необходимость свои очищать паденія, научился быть снисходительнымъ и къ другимъ. Искушеніемъ же называется здѣсь законъ грѣха, котораго не имѣя пришелъ въ бытіе первый человѣкъ; а лукавымъ называется дьяволъ, примѣшавшій его къ естеству человѣческому тѣмъ, что, прельстивъ человѣка, увлекъ его отъ позволеннаго перенестись желаніемъ души къ запрещенному и нарушить заповѣдь Божію: плодомъ чего было лишеніе дарованнаго по благодати безсмертія. Или: искушеніемъ названо влеченіе произволенія душевнаго на страсти плотскія; а лукавымъ—дѣйственная причина, возбуждающая такое влеченіе: отъ чего праведный судія не избавляетъ никого, коль скоро кто не оставляетъ долговъ должникамъ своимъ, хотя онъ и проситъ его о томъ въ молитвѣ; но оставляетъ такого жестокосердаго и непримирительнаго и оскверняется закономъ грѣховнымъ, и побѣждаему быть отъ лукаваго, какъ такого, который

страсти безчестія, коихъ всѣятель есть діаволь, предпочель требованіямъ чистаго естества человѣческаго, коего содѣтель есть Богъ. Равнымъ образомъ и на страсти плотскія склоняться не препятствуетъ Онъ такому и отъ дѣйственной причины, побуждающей къ такому склоненію не избавляетъ его, какъ такого, который неестественныя страсти предпочель естеству, делѣя первыя и знать не хотя послѣднее: тогда какъ ему, слѣдуя требованіямъ естества, надлежало знать что есть законъ естества, и что—тиранство страстей, привзошедшее чрезъ уклоненіе произволенія отъ естества, а не естественно въ немъ сущее; и первый (законъ естества) делѣять, удовлетворяя естественнымъ его требованіямъ, а послѣднее (тиранство страстей) подальше гнать отъ произволенія, и дѣйствіемъ ума охранять естество, которое само въ себѣ чисто и непорочно, понуждая произволеніе сшествовать естеству, и ничего не привноситъ такого, чего не требоваль бы законъ естества, чтобы такимъ образомъ, не допуская въ себѣ гнѣва и никакого раздѣленія съ соестественниками своими, бывать ему слышимаему, когда возносить молитву Господню, и вмѣсто одной двоякую получаль отъ Бога благодать—оставленіе прилучившихся уже прегрѣшеній и охраненіе и избавленіе отъ будущихъ, чрезъ непопущеніе внити въ искушеніе и недопущеніе порабощену быть лукавымъ,—за одно отъ всего сердца оставленіе долговъ ближнимъ своимъ.

„Итакъ, если желаемъ быть избавленными отъ лукаваго и не внити въ искушеніе, повѣримъ Богу и оставимъ долги должникамъ нашимъ: ибо *еще не отпускаете, говоритъ, человекъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ нашъ отпуститъ вамъ согрѣшенія вашихъ* (Мѡ. 6, 15); чтобы такимъ образомъ не только получить отпущеніе прегрѣ-

шеній, но и законъ грѣха побѣдить, не будучи попускаемы внити въ искушеніе его, и попрасть родителя его— змія лукаваго, объ избавленіи отъ коего молимся,—подъ воеводствомъ Христа Господа, міръ побѣдившаго, законами заповѣдей во всеоружіе насъ облакающаго, отложеніе страстей въ свой чинъ естество наше возставляющаго и ненасытное въ насъ возбуждающаго стремленіе къ себѣ, яко ко хлѣбу жизни, премудрости, вѣдѣнія и правды, чрезъ исполненіе воли Отца Небеснаго сослужителями Ангеловъ дѣлающаго насъ, благоподражательно являющихъ небесную въ устроеніи нравовъ своихъ жизнь, благоугодную Богу, а оттуда (отъ ангелоподобія) возводящаго на крайнюю степень восхожденія къ божественному,—къ Отцу свѣтовъ,—и содѣлывающаго насъ общниками божественнаго естества чрезъ причастіе благодати Духа, коею бываемъ чадами Божіими, неописанно облакаясь въ самага Содѣтеля сей благодати, Сына Отчаго по естеству, изъ Коего, чрезъ Коего, и въ Коемъ имѣемъ и будемъ имѣть бытіе, движеніе и жизнь.

„Къ сему-то таинственному обоженію, какъ къ послѣдней цѣли, да будетъ устремлена молитва наша, да явимъ, изъ какихъ какими содѣлало насъ снисхожденіе во плоти Единороднаго, откуда и куда вознесла насъ мощная десница Человѣколюбиваго,—насъ въ низшія всего области низпадшихъ подъ тяжестію грѣховною,—и паче возлюбимъ столь премудро уготовавшаго намъ таковое спасеніе, дѣломъ показывая, что молитва исполняется на насъ и возвѣщая своимъ состояніемъ что воистину имѣемъ Отцемъ Бога, а не лукаваго, посредствомъ страстей всегда покушающагося тирански деспотствовать надъ нами, и вмѣсто жизни въ смерть низводящаго: ибо каждый изъ сихъ властителей (т.-е. Богъ и діаволь) тѣмъ,

кои предають себя имъ, обычно передають свое:—одинъ жизнь вѣчную подаетъ любящимъ его, а другой смертію напаяетъ отдающихся ему произвольно подъ дѣйствіемъ искушеній.

„Искушеній, по Писанію, два рода: одни бываютъ чрезъ то что пріятно, а другіе чрезъ то что скорбно и болѣзненно; однѣ произвольныя, другія невольныя. Отъ тѣхъ рождается грѣхъ, и о невнѣтїи въ нихъ-то повелѣно намъ молиться, по заповѣди Господа, преподавшаго намъ говорить въ молитвѣ: *и не введи насъ во искушеніе*, и внушавшаго: *бдите и молитесь, да не внидите въ напасть* (Мѡ. 26, 41). А эти суть казнители грѣха, наказующіе грѣхолобивое расположеніе наведеніемъ невольныхъ тяжелыхъ прискорбностей, каковыя, если кто претерпитъ,—особенно изъ тѣхъ; кои не крѣпко пригвождены гвоздьми грѣха,—къ себѣ найдетъ приложимыми слова великаго Іакова, который взываетъ: *всяку радость имѣйте, братья моя, егда во искушенія впадаете различна, впадяще, яко искушеніе вашае вѣры содѣлываетъ терпѣніе: терпѣніе же дѣло совершенно да имать* (Іак. 1, 2. 3). За обоими такими искушеніями злоумышленно подсматриваетъ лукавый, и во время первыхъ ухищряется, посредствомъ всѣянїя и возбужденїя плотскихъ сластей, соблазнить душу отстать отъ боголюбиваго настроенїя, а во время вторыхъ покушается обманомъ склонить душу, подавляемую тяжестію скорбей и бѣдъ, принять помыслы ропота и возведенїя неправды на Создавшаго.

„Мы же, зная козни лукаваго, при вольномъ искушенїи, будемъ молиться, да не дано будетъ намъ отпасть отъ боголюбиваго настроенїя; а когда попуститъ Богъ найти на насъ искушенію невольному, будемъ мужественно претерпѣвать его, да явимъ, что естеству (изнемогаю-

щему подъ тяжестію скорби) предпочитаемъ Создателя естества. Буди же всѣмъ намъ, призывающимъ имя Господа нашего Иисуса Христа, здѣсь не увлекаться прелестными сладостями лукаваго, въ будущемъ вѣкѣ избавиться тамошнихъ мукъ и причастниками явиться неизреченныхъ благъ, кои отчасти лишь прозрѣваемъ въ самомъ Христѣ Господѣ нашемъ, отъ всей твари славимомъ со Отцемъ и Святымъ Духомъ.

блж. ефеофилактъ. Не входитъ въ искушеніе значить не порываться на искушенія. Ибо намъ должно молить Бога не о томъ, чтобъ Онъ наслалъ на насъ искушеніе, но о томъ, чтобы отвратить оное: а если постигнетъ, должно съ мужествомъ переносить оное. Нужно сказать, что искушеній два вида. Одни произвольныя, напримѣръ: пьянство, убійство, прелюбодѣяніе, и прочія страсти. Ибо симъ искушеніямъ мы сами подпадаемъ произвольно. Другія искушенія—невольныя, коимъ подвергаютъ насъладыки и сильныя. Отъ произвольныхъ-то искушеній, т.-е. отъ страстей намъ должно убѣгать, молиться объ избавленіи отъ нихъ и говорить: *не введи насъ*, непусти намъ впасть *во искушеніе*, т.-е. въ произвольную страсть.

онъ же. Мы люди слабыя, посему не должны подвергать себя искушеніямъ; но если впади во искушеніе, то должны молиться, чтобъ оно не поглотило насъ и чтобы Богъ даровалъ намъ помощь и терпѣніе. Ибо только тотъ вовлекается въ бездну напасти, кто побѣжденъ: но кто впасть въ искушеніе и побѣдилъ его, тотъ достоинъ вѣнцевъ и славы“.

симеонъ, архіепископъ солунскій. *И не введи насъ во искушеніе*. Ибо много навѣтниковъ, полныхъ зависти и всегда враждебныхъ, и много искушеній отъ демоновъ, отъ людей, отъ тѣла, отъ невниманія души, которыя

встрѣчаютъ всѣхъ,—и ревностно подвизающихся и нерадивыхъ,—только искушенія праведныхъ обращаются имъ во благо, служа къ испытанію ихъ и преспѣванію. И праведные *терпѣнія имутъ потребу* (Евр. 10, 36); потому что *духъ бодръ, плоть же немощна* (Мѡ. 26, 41). Отъ искушеній же такихъ, презришь, на примѣръ, брата, или обидишь его, или скорбь ему причинишь, божественное что презришь, или понерадишь о немъ,—кто бываетъ свободенъ?—Почему молясь о прощеніи того, въ чемъ погрѣшаемъ противъ Бога и брата, потому что сами прощаемъ и милуемъ, праведно молимся и о томъ, да не внидемъ въ искушеніе. Будь и праведенъ кто, не должно ему дерзать о себѣ; ибо смиряться, миловать и прощать и есть праведность.

святитель тихонъ. Искушеніе бываетъ намъ къ добру, или ко злу. Искушеніе къ добру отъ Бога есть, которымъ искуситися Давидъ и прочіи святіи просятъ. *Искуси мя Боже: и увѣждь сердце мое, и стяжи мя, и разумѣй стези мои* (Пс. 138, 23). Такъ искушаемъ былъ Авраамъ (Быт. 22 гл.). Не о семъ искушеніи здѣ слово.—Искушеніе ко злу, или прельщеніе, бываетъ или *отъ діавола*, который всякимъ образомъ ищетъ насъ уловить, прельстить, ко грѣху привести и погубить; или *отъ плоти*, которая страстями и похотями боретъ насъ; или *отъ міра*, который прелестію, суетою и соблазнами ко злу поощряетъ насъ. О семъ искушеніи есть слово здѣ. Богъ, яко благо, ко злу никого не искушаетъ. *Никто же искушаемъ да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ естъ; Богъ бо нѣсть искуситель злымъ, и не искушаетъ Той никого же. Кійждо же искушается отъ своя похоти влекомъ и прельщаемъ* (Іак. 1, 13. 14).

„Симъ словомъ: *не введи насъ во искушеніе*, молимъ

Бога, чтобы насъ отъ искушенія міра, плоти и діавола Своею благодатію сохранилъ. А хотя и впадемъ во искушенія, о томъ просимъ, чтобы не попустилъ оними быть намъ побѣжденными, но помогъ бы намъ ихъ одолѣть и побѣдить. Отъ сего видно, что мы безсильны и немощны сами въ себѣ безъ Божіей помощи. Аще бы сами могли мы противитися искушенію, не бы повелѣно намъ было помощи въ себѣ просити. Симъ научаемся, коль скоро почувствуемъ искушеніе на насъ находящее, тотчасъ Богу молитися и просить отъ Него помощи. Учимся паки отъ сего на себе и свою силу не надѣяться, но на Бога. Когда молимся: не введи насъ во искушеніе, то не должны сами себе вдавять во искушеніе. Егда, рече Златоустъ святой, влечемся на подвигъ, мужественно стоять должно; а не позываемы молчать должны и времени подвига ожидать, да и суетныя славы нехотѣніе и мужество покажемъ.

СЕДЬМОЕ ПРОШЕНІЕ.

Но избави насъ отъ лукаваго.

св. киприанъ. Послѣ всего къ концу молитвы привходитъ заключеніе, кратко выражающее всѣ наши моленія и прошенія. Въ концѣ говоримъ: *но избави насъ отъ лукаваго*, разумѣя подъ тѣмъ всякія бѣды, которыя въ семъ мірѣ замышляетъ противъ насъ врагъ и противъ которыхъ у насъ будетъ вѣрная и крѣпкая защита, если избавителемъ отъ нихъ будемъ имѣть Бога, если, по нашему прошенію и моленію, Онъ будетъ подавать намъ свою помощь. За тѣмъ, послѣ словъ: *избави насъ отъ лукаваго*, — не о чемъ уже болѣе и просить: мы просимъ полнаго покровительства Божія противъ лукаваго, а получивши такое покровительство, мы уже безопасны и

защищены отъ всѣхъ козней діавола и міра. Въ самомъ дѣлѣ, чего бояться со стороны міра тому, кому въ этомъ мірѣ защитникъ Богъ?

св. григорій нисскій. Воставъ речемъ Богу: не введи насъ *въ напасть*, т.-е. въ бѣдствіе настоящей жизни, *но избави насъ отъ лукаваго*, пріобрѣтшаго силу въ этомъ мірѣ, отъ котораго да избавимся и мы по благодати Христа Господа.

св. златоустъ. Лукавымъ здѣсь называетъ Господь діавола, и повелѣваетъ намъ вести противъ него непримиримую брань, показывая, что онъ таковъ не по природѣ. Ибо зло зависитъ не отъ природы, но отъ свободы. А что преимущественно діаволь называется лукавымъ, то это по чрезвычайному множеству зла въ немъ находящагося, и потому что не бывъ ничѣмъ обиженъ отъ насъ ведетъ противъ насъ непримиримую брань. Посему Спаситель не сказалъ: *избави насъ* отъ лукавыхъ, но—*отъ лукаваго*; и симъ самымъ научаетъ насъ никогда не гнѣваться на ближнихъ за тѣ оскорбленія, какія мы иногда терпимъ отъ нихъ, но всю вражду свою обращать на діавола, какъ на виновника всѣхъ золъ“.

св. кассіанъ. Наконецъ слѣдуетъ: *но избави насъ отъ лукаваго* т.-е., не попусти намъ искушеннымъ быть отъ діавола сверхъ нашей силы, но *сотвори со искушеніемъ и избытіе, яко возмоути намъ понести* (1 Кор 10, 13).

блж. августинъ. *Но избави насъ отъ лукаваго*, можетъ принадлежать къ тому же предыдущему прошенію, такъ какъ бы въ томъ и другомъ объ одномъ и томъ же просимо было. Почему и частица: *но* поставлена, чтобъ показать, что все это изреченіе: *не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго*—выражаетъ одну и ту же мысль. Какимъ образомъ? Вотъ какимъ: избавляя насъ

отъ лукаваго, Господь не вводитъ насъ въ искушеніе, а не вводя въ искушеніе избавляетъ отъ лукаваго.

„Но, возлюбленные, бываетъ у насъ въ сей жизни одно страшное искушеніе,—такое искушеніе, въ которомъ подвергается опасности, и искушенію то самое, чрезъ что можемъ заслужить себѣ прощеніе, если падемъ отъ другихъ искушеній. Страшно это искушеніе, потому что отнимаетъ у насъ то, чрезъ что можемъ быть уврачеваны отъ ранъ, причиненныхъ другими искушеніями. Вижу, что вы не понимаете меня. Но послушайте и поймете.—Положимъ, что кто-либо побѣжденъ какимъ-либо искушеніемъ: ибо и добрый борець получаетъ раны. Побѣдила, на примѣръ, кого-либо скупость (хоть онъ и добрый борець), и онъ учинилъ что-либо въ угоду своекорыстію. Но страсть прошла, грѣхъ сознанъ,—и онъ молится: *остави*. Если онъ самъ оставляетъ другимъ, тотчасъ оставляется ему. Или, возрѣлъ кто на жену, принявъ вождельніе и усладился имъ. Но опомнился вовремя, и укротилъ похоть. До грѣха не дошло; но тѣмъ самымъ, что допущено услажденіе плотское, учинено нѣчто грѣховное, что поставляетъ его въ необходимость молиться: *остави*. И здѣсь тоже, если онъ самъ оставляетъ другимъ, тотчасъ оставляется ему. Такъ и при всѣхъ другихъ искушеніяхъ. Коль скоро кто оставляетъ другимъ, то въ какомъ бы искушеніи ни поткнулся онъ, если въ раскаяніи обратитъ ся къ Богу и воззоветъ: *остави*, тотчасъ оставится ему, если же не оставляетъ онъ другимъ, то и самаго лѣйшее прегрѣшеніе не оставится ему. И вотъ то страшное и пагубное искушеніе, о коемъ я говорю, — когда лукавый, зла источникъ, успѣетъ всѣять въ сердце наше злобу, прощенія незнающую и требующую отмщенія. И отъ сего-то наипаче быть избавленными да молимся,

когда говоримъ *избави насъ отъ лукаваго*. Ибо чрезъ сіе лишень бываешь ты того, чрезъ что могъ бы получить отпущеніе во всѣхъ другихъ грѣхахъ. Какими чувствами и какими пожеланіями и дѣлами ни погрѣшилъ бы ты, во всѣхъ получилъ бы прощеніе, если бы самъ прощаль. Но вотъ лукавый поджигаетъ тебя къ отмщенію, и отнимаетъ у тебя не только возможность получить прощеніе, но и дерзновеніе говорить въ молитвѣ: *якоже и мы оставляемъ должникакомъ нашимъ*. А когда потерялъ ты это, то все остается за тобою, ничто не оставляется.

„Смотрите же, братія мои; смотрите, дѣти мои; смотрите, чада Божіи; смотрите, умоляю васъ. Боритесь съ сердцемъ своимъ и въ сердцѣ своемъ съ лукавымъ, сколько силъ есть. Когда увидите, что гнѣвъ возсталъ въ васъ и злость снѣдаетъ сердце ваше, молитесь противъ нихъ Богу, да содѣлаетъ Онъ васъ побѣдителями сего искушенія и избавитъ отъ лукаваго, въ васъ дѣйствующаго. Оставьте внѣшнихъ враговъ; съ внутренними вступайте въ борьбу и молитесь. Близъ Господь, и помощь Его готова. Воззовите и избавитъ“.

онъ-же. Послѣ того, какъ скажемъ: *и не введи насъ во искушеніе*, слѣдуетъ: *но избави насъ отъ лукаваго*. Кто желаетъ быть избавленнымъ отъ лукаваго, тотъ свидѣтельствуеть симъ, что объять лукавствомъ. Почему Апостоль говоритъ: *искупующе время, яко дніе лукави суть* (Еф. 5, 16). Но кто есть человекъ, хотяй животъ, любяй дни видѣти благи?—Когда у всякаго человекъ, плоть носящаго, дни жизни сей лукавы, то кто есть не хотяй сего? Если же хочешь, то дѣлай то, что далѣе слѣдуетъ: *удержи языкъ твой отъ зла и устнѣ твои, еже не глаголати лъсти: уклонися отъ зла и сотвори благо, възми мира и пожени и* (Пс. 33, 13—15). Сдѣ-

лай такъ; и пресѣчешь дни лукавы, и исполнится на тебѣ: *избави насъ отъ лукаваго*

онъ-же. Молиться надобно не о томъ только чтобъ не быть намъ введенными въ искушеніе на зло: о чемъ просимъ въ шестомъ прошеніи, но и о томъ, чтобъ избавленными быть отъ того, въ какое уже введены. И когда это будетъ получено, тогда не останется уже ничего для насъ опаснаго и нечего уже будетъ бояться какого-либо искушенія. Чего впрочемъ въ этой жизни, въ коей пребываемъ обложенными страстностію, съ того момента, какъ низринула насъ въ нее прелесть змѣиная, ожидать нельзя. Однакожь должно надѣяться, что это будетъ нѣкогда. И сіе-то есть предметъ чаянія того, чего не видимъ, какъ говорить Апостоль: *упованіе видимое нѣсть упованіе* (Рим. 8, 24). Но въ мудрости, яко доступной и въ сей еще жизни, рабамъ Божиимъ отчаяваться не должно. Она же состоитъ въ томъ, чтобъ съ наистрожайшимъ вниманіемъ убѣгать того, чего, какъ уразумѣли мы изъ Божественнаго Откровенія, убѣгать должно, и съ пламенною любовію желать того, чего, какъ уразумѣли мы изъ того же Божественнаго Откровенія, желать должно. Такимъ способомъ когда въ самой смерти сложимъ съ себя все бремя смертности, удостоимся внити во всестороннее, ничѣмъ нерушимое блаженство, котораго начатки полагаются еще въ сей жизни, возжигая всеусердное желаніе сподобиться его, во всей его полнотѣ, нѣкогда и тамъ“.

БЛАЖ. ѲЕОФИЛАКТЪ. *Но избави насъ отъ лукаваго.* Ибо онъ наводитъ невольныя и вольныя искушенія. Посему, когда ты невольно терпишь искушеніе отъ человѣка, не человѣка сего считай виновнымъ твоего искушенія, но

лукаваго. Ибо онъ наущаетъ человѣка яриться на тебя и неистовствовать.

онъ-же. Не сказалъ отъ лукавыхъ людей избави: ибо не они дѣлаютъ намъ зло, но лукавый возбуждаетъ ихъ на то и дѣлаетъ зло и намъ и имъ. Посему не людей, а злыхъ духовъ намъ должно ненавидѣть и проклинать.

симеонъ архіепископъ солунскій. *Но избави насъ отъ лукаваго* Ибо онъ Твой и нашъ врагъ, неукротимый, неусыпный, горящій злостію. Мы безсильны устоять противъ него, потому что онъ естества тончайшаго, чѣмъ мы, лукавъ и сна не знаетъ, изобрѣтая и сплетая безчисленные противъ насъ козни. И если Ты, Творче и Владыко всяческихъ, и самаго этого діавола съ клеветрами его, равно какъ и Ангеловъ и насъ, если Ты не исхитишь насъ, то кто силенъ избавиться отъ него? Нѣтъ у насъ силъ бороться съ невещественнымъ, и притомъ злючимъ, завистливымъ и всезлокозненнымъ.

святитель тихонъ. По ученію св. Златоуста, лукавый здѣ разумѣется діаволь. Лукаваго, рече, здѣ глаголетъ діавола, повелѣвая намъ неусыпную съ нимъ вести брань. Онъ тако называется по превосходству ради великія злобы его, яко неусыпно на насъ вооружается, и всякія бѣды, какъ тѣлесныя, такъ и духовныя, на насъ навести тщится, якоже глаголетъ Апостоль: *трезвитесь и бодрствуйте, зане супостатъ вашъ діаволь, яко левъ рыкающій ходитъ искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). — Симъ молимся Отцу небесному, чтобы Самъ насъ отъ него защитить, отъ котораго сами-чрезъ себе сохранитися не можемъ. — Наконецъ дабы въ часъ смерти нашея, гдѣ онъ наипаче противу вѣрныхъ подвизается, сохранилъ насъ отъ него, и по блаженной кончинѣ души наши въ небесное отечество поять, и тако бы, какъ

отъ него, такъ и отъ всѣхъ бѣдъ, отъ него возставляемыхъ, избавивши, вѣчное подавъ намъ блаженство, которое обѣщавъ вѣрующимъ во имя Его. — Симвъ словомъ: *избави насъ отъ лукаваго*, къ молитвѣ насъ возбуждаетъ Спаситель нашъ, и молитвою отъ него избавлятися научаетъ. Поминая о врагѣ, глаголетъ Златоустъ, къ подвигу насъ приуготовляетъ, и лѣность отъ насъ отсѣкаетъ. Моляся: *не введи насъ, а не мене во искушеніе*, также: *но избави насъ, а не мене, отъ лукаваго*, научаемся и увѣщаваемся другъ за друга молиться, и другъ другу отъ Бога помощи, защищенія, избавленія и спасенія просити.

С Л А В О С Л О В І Е.

Яко Твое есть царство, и сила, и слава, во вѣки. Аминь.

св. златоустъ. Напоминаніемъ о врагѣ, — въ словахъ: *избави насъ отъ лукаваго*, — содѣлавши насъ осторожнѣйшими и пресѣкши всякую безпечность нашу, онъ воодушевляетъ насъ далѣе, представляя намъ того Царя, подъ властію Котораго мы воинствуемъ, и показывая, что Онъ могущественнѣе всѣхъ. *Яко Твое есть*, говорить Спаситель, *царство и сила и слава*. Итакъ, если Его царство, то не должно никого бояться; такъ какъ никто ему не сопротивляется и никто съ Нимъ не раздѣляетъ власти. Ибо когда Спаситель сказалъ: *Твое есть царство*, то показываетъ, что и онъ врагъ нашъ подчиненъ Богу, хотя повидимому еще и сопротивляется, по попущенію Божію. Ибо и онъ изъ числа рабовъ, хотя и осужденныхъ и отверженныхъ; посему не дерзнетъ нападать ни на одного изъ рабовъ, не получивъ

прежде власть свыше. И что я говорю, ни на одного изъ рабовъ? даже на свиней не дерзнуть онъ напасть до тѣхъ поръ, пока Самъ Спаситель не повелѣлъ: ни на стада овецъ и воловъ (Иовлевыхъ), доколѣ не получилъ свыше власти и силы. И такъ, хотя бы ты былъ и весьма немощенъ, однако долженъ дерзать, имѣя такого Царя, Который и чрезъ тебя легко можетъ совершать всѣ славныя дѣла. — Словомъ: *и слава*, показывается, что сей Царь не только освобождаетъ тебя отъ угрожающихъ тебѣ золь, но еще можетъ дѣлать тебя и славнымъ, и знаменитымъ; ибо какъ сила Его велика, такъ и слава Его неизреченна, и все сіе безпредѣльно и безконечно. Видишь ли, какъ Спаситель отовсюду укрѣпляетъ и ободряетъ подвижника?

онъ-же. Въ концѣ молитвы Онъ выразилъ царство и силу и славу Божию, сказавъ: *яко Твое есть царство и сила и слава во вѣки*. Этого, говорить, я прошу у Тебя потому, что знаю, что Ты царь всего, имѣешь вѣчную державу, можешь сдѣлать все, чего не захочешь, и обладаешь неотъемлемою славою.

в. лаж. еоофилактъ. Здѣсь ободряетъ насъ: ибо если Отецъ нашъ есть Царь славный и сильный, то при твердой вѣрѣ мы, безъ сомнѣнія, побѣдимъ лукаваго и въ послѣдствіи прославимся, т.-е. когда Онъ будетъ воздавать всѣмъ по дѣломъ.

симеонъ солунскій. Мы немощны. Самъ Ты, Отче, избавь насъ отъ лукаваго. *Яко Твое есть царство, и сила, и слава во вѣки. Аминь*. И кто посмѣетъ напасть и оскорбить тѣхъ, надъ которыми царствуешь, Ты Владыко и Господи, и надъ Ангелами господствующій? И кто противустанетъ силѣ Твоей?—Никто. Ибо Ты какъ всѣхъ создалъ, такъ и хранишь всѣхъ. Или кто противу славы

Твоей постоить или дерзнуть умалить ее, всѣ концы объемлющую? Ибо ею исполнены небеса и земля; и она была присуща Тебѣ прежде бытія небесъ и Ангеловъ. Ты одинъ присносущъ и вѣченъ, и слава Твоя, Отца и Сына и Святаго Духа, равно какъ и царство, и сила, во вѣки. *Аминь*. То-есть—истинно, исповѣдуемо, всенесомнѣнно Ты Царь и сильный, и преславный во вѣки.

св. кириллъ іерусалимскій. По совершеніи молитвы говоришь: *Аминь*; словомъ *Аминь*, которое значить: *да будетъ*, запечатлѣвая изреченное въ богопреданной молитвѣ.

святитель тихонь. *Яко Твое есть царство...* Сіе слово есть заключеніе молитвы Господней, которымъ означается упованіе и дерзновеніе къ милосердому небесному Отцу. Ты царствуеши надъ всѣми, Котораго власти вся повинуются; Ты сильнѣйшій паче всѣхъ, противу Котораго никто не можетъ стоять; отсюда имени Твоему слава будетъ, что мы, бѣдные грѣшники, получимъ просимое отъ Тебе. И такъ отъ сердца возблагодаримъ Тебѣ, (и здѣ, а паче въ будущей жизни, прославимъ имя Твое со избранными Твоими. Дерзновеніе, говоритъ св. Златоустъ, намъ подаетъ и возставляетъ насъ, поминая о Царѣ, Которому подчинены мы, и показываетъ Его отъ всѣхъ сильнѣйшаго, глаголя: яко Твое есть царство и проч. Убо, аще Его есть царство, никого не подобаетъ бояться, понеже никто не можетъ противу Его стоять и власти Его противитися. Егда глаголетъ: *Твое есть царство*, показываетъ, что и противникъ-нашъ Ему подчиненъ, хотя и противится, попущеніемъ Божиимъ. Ибо и онъ отъ числа рабовъ есть, хотя отверженныхъ и прогнѣвляющихъ, и не дерзнетъ ни на кого нападати, аще прежде не приметъ позволеніе свыше, и не токмо ни на какого чловѣка, но ниже на свиней, овецъ и воловъ найти не

можетъ безъ поущенія Божія. Убо хотя и немощенъ еси, долженъ дерзати, толикаго имѣя Царя, Который все удобно и чрезъ тебе можетъ дѣлати.

ПРАВОСЛАВНОЕ ИСПОВѢДАНІЕ. Двѣ части имѣетъ сіе славословіе. Впервыхъ, подобно тому, какъ призываніе (т. е. *Отче нашъ...*), даетъ напередъ удостовѣреніе, что несомнѣнно получимъ то, о чемъ просимъ, потому что просимъ отъ Отца нашего,—и славословіе сіе удостовѣряетъ, что получимъ то, о чемъ молились, потому что весь міръ Отца нашего есть, и Онъ надъ нимъ царствуетъ, и всякое созданіе Ему покорствуеетъ. Его есть сила и слава, которой ничто противиться не можетъ, ни на небесахъ, ни на землѣ. Почему Онъ силенъ сотворить все, о чемъ молили мы Его съ вѣрою и надеждою; и не ради другаго чего, а ради присносущныя славы Своея, какъ показываютъ слова: *слава во вѣки*. Вторую часть славословія составляетъ одно слово: *Аминь*. Симвъ и умоляемъ, *да будетъ* такъ все, о чемъ помолились съ вѣрою и надеждою, и свидѣтельствуемъ удостовѣреніе, что несомнѣнно будетъ намъ все, о чемъ молились по волѣ Господа, какъ говоритъ Апостолъ: *и сіе есть дерзновеніе, еже имамы къ Нему, яко аще чесо просимъ по воли его, послушаетъ насъ: и аще вѣмы, яко послушаетъ насъ, еже аще просимъ, вѣмы, яко имамы прошенія, ихже просимъ отъ Него* (1 Іо. 5, 14. 15).

ПРОСТРАННЫЙ КАТИХИЗИСЪ. Сіе славословіе присоединено къ молитвѣ Господней, впервыхъ, для того, чтобы мы, прося себѣ отъ Отца небеснаго милостей, въ то же время воздавали Ему справедливое почитаніе; вовторыхъ для того, чтобы мыслию о Его вѣчномъ царствѣ, силѣ и славѣ болѣе и болѣе утверждались въ надеждѣ, что Онъ даруетъ намъ просимое потому, что сіе въ Его вла-

сти и относится къ Его славъ. Слово же: *Аминь*, означающее: *истинно* или *да будетъ*, прилагается къ славо-словію въ показаніе того, что молитва приносится съ вѣрою и безъ всякаго сомнѣнія, какъ учить Апостоль Іаковъ, *да просимъ съ вѣрою, ничтоже сомняся* (Іак. 1, 6).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЯ МЫСЛИ.

ТЕРТУЛЛІАНЪ. Молитва Господня, въ краткихъ словахъ сколькихъ касается изреченій пророческихъ, евангельскихъ, апостольскихъ, словесъ самаго Господа, Его притчей и заповѣдей? Сколькихъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанностей исполнителями она насъ представляетъ?—Что Бога чтимъ—въ словѣ: *Отче нашъ*,—что дѣлами свидѣтельствуемъ вѣру въ *да святится имя Твое*, что приносимъ Ему покорность: *да будетъ воля Твоя*, что ищемъ въ немъ жизни въ: *хлѣбъ нашъ... даждь*. что исповѣдуемъ грѣхи въ прошеніи оставленія долговъ, что блюдемся отъ искушеній во взысканіи защиты и покрова свыше,—Богъ одинъ могъ научить насъ, какъ желательно Ему, чтобы мы молились. Почему установленная Имъ благоговѣйная молитва сія, духомъ Его движима будучи (въ сердцахъ нашихъ), и исходя какъ бы изъ устъ Его, какъ тогда какъ была преподана въ первый разъ, въ силу сей привилегіи, восходить на небеса и благоволенію Отца предлагаетъ то, чему научилъ Сынъ. Впрочемъ такъ какъ Господь, нуждъ человѣческихъ Провидѣць, послѣ преподанія такого правила молитвы, особо повелѣлъ: *штите и обряцете* (Лк. 11, 9), и есть многое, о чемъ каждый, по обстоятельствамъ своимъ, предпославъ сію

закономъ опредѣленную молитву, какъ фундаментъ, имѣть нужду помолиться: то позволительно, къ прошеніямъ сей молитвы прилагать другія соотвѣтственно текущимъ потребностямъ жизни, подъ условіемъ однакожь памятованія и исполненія заповѣдей, чтобы сколь далеки будемъ отъ заповѣдей, не были столь же далеки отъ ушей Божіихъ и прошенія наши. Исполненіе заповѣдей устрояетъ молитвѣ нашей путь къ небу, и главнѣйшая изъ нихъ есть — не приступать къ олтарю Господню, не помирившись напередъ съ братьями, съ коими случилось разладить и войти въ непріятности (Мѡ. 5, 23). И какъ въ самомъ дѣлѣ, приступить къ Богу мира безъ мира съ братомъ, — къ оставленію долговъ своихъ съ удержаніемъ братнихъ? И какъ благоугоденъ будетъ Отцу гнѣвающійся на брата?

св. кипріянь. Что дивнаго, возлюбленнѣйшіе братія, что Господь преподаль намъ такую молитву, учительскою властію своею совмѣстивъ кратко въ спасительной рѣчи всякое прошеніе наше. Это уже чрезъ Исаію пророка прежде предсказано было, когда онъ, силою Духа Святаго исполненный созерцанія величія Божія и любви, говорилъ: *Слово совершая и сокращая правдою, яко слово сокращенно сотворитъ Господь во всей вселенной* (Ис. 10, 23). И вотъ, когда Слово Бога, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, пришелъ для всѣхъ, и, собирая ученыхъ равно какъ и неученыхъ, для всякаго пола и возраста преподавалъ заповѣди спасенія, то благоволилъ сдѣлать всѣхъ Своихъ заповѣдей драгоцѣнное сокращеніе, чтобы память учащихся не была обременяема небесною наукою, но скоро заучивала, что необходимо для простой вѣры.

Не словами же только, но и дѣлами Господь училъ насъ молиться, потому что Самъ часто возсылалъ къ Богу

молитвы и моленія, показывая тѣмъ, что и намъ должно дѣлать. Такъ написано о Немъ: *Той же бѣ отходя въ пустыню и моляся* (Лк. 5, 16). И опять: *изыде въ гору помолитися, и бѣ обнощъ въ молитву Божию* (Лк. 6, 12). Если Онъ молился, будучи безгрѣшенъ, не тѣмъ ли паче должно молиться грѣшникамъ? Если Онъ обнощъ всю бодрствуя, непрестанныя совершалъ молитвы, не тѣмъ ли паче надлежитъ бодрствовать ночью намъ, для учащенной молитвы? Господь молился и просилъ не о Себѣ,—ибо что о себѣ молиться невинному?—но о нашихъ грѣхахъ, какъ и Самъ объявляетъ, когда говоритъ Петру: *се сатана проситъ, васъ, дабы съязъ яко пшеницу. Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ въра твоя* (Лк. 22, 31. 32). И потомъ молится о всѣхъ къ Отцу, говоря: *не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ: Якоже Ты, Отче во мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ* (Ин. 17, 20. 21). Велика Господня о спасеніи нашемъ благодѣтельность и благоволеніе, что Онъ, не довольствуясь тѣмъ, что искупилъ насъ кровію Своею, еще и большаго испрашивалъ намъ, молясь пространно! Когда же молился, смотрите, какое было у Него желаніе? — то, чтобъ какъ Отецъ и Сынъ едино суть, такъ и мы пребывали въ подобномъ единеніи; чтобъ отсюда уже можно было уразумѣвать сколько погрѣшаетъ тотъ, кто разсѣкаетъ единеніе и миръ, когда объ этомъ-то особенно и молился Господь, желая, чтобы народъ Его, спасаясь въ Немъ, жилъ въ мирѣ: ибо вѣдать, что раздоръ не идетъ къ царству Божию.

Когда же стоимъ мы на молитвѣ, возлюбленнѣйшіе братія, то должны бодрствовать и всѣмъ сердцемъ прилежать моленію. Всякое плотское и мірское помышле-

ніе да отступитъ, и духъ ни о чемъ другомъ да не помышляетъ, кромѣ того одного, о чемъ молится. — Къ сему и священникъ, прежде молитвы, какъ бы предисловіе нѣкое предпосылая, приготовляетъ умы братій, говоря: *горь имѣмъ сердца*; чтобъ народъ, отвѣтствуя: *имамы ко Господу* симъ самымъ самъ себя внушалъ, что ему отсель ни о чемъ другомъ не должно помышлять, какъ о Господѣ. Да будетъ закрыто для врага сердце и открыто единому Господу, и да не попускаетъ оно во время молитвы подступать къ себѣ врагу Божию! Ибо онъ часто изподтишка, подкрадываясь, проникаетъ внутрь и тонкимъ обманомъ отвлекаетъ молитвы наши отъ Бога, такъ что иное бываетъ у насъ на сердцѣ и иное на языкѣ, тогда какъ молиться не звукъ голоса долженъ, а умъ и сердце, съ искреннимъ устремленіемъ вниманія къ Богу. — Какая однакожь это небрежность — отходить вниманіемъ инуды и увлекаться нелѣпыми и суетными помыслами, когда молишься Господу, какъ будто есть что либо, о чемъ, въ сіе время болѣе тебѣ должно помышлять, чѣмъ о томъ, что бесѣдуешь съ Богомъ? И какъ хочешь ты быть услышаннымъ отъ Бога, когда самъ себя не слышишь? Какъ хочешь, чтобы Богъ помянулъ о тебѣ молящемся, когда ты въ это время самъ себя не помнишь? — Это значитъ, молясь Богу, оскорблять величіе Божіе небрежною молитвою. Это значитъ глазами бодрствовать, а сердцемъ спать, тогда какъ христіанину должно бодрствовать сердцемъ даже въ то время, когда спитъ очами, какъ написано въ Пѣснѣ Пѣсней отъ лица церкви: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ* (5, 2). Почему и Апостоль такъ внушительно убѣждаетъ: *въ молитвъ терпите, бодрствующе въ ней* (Кол. 4, 2), показывая, что только тѣ могутъ испросить

у Бога то, что просить, которыхъ Богъ видитъ бдящими въ молитвѣ.

При томъ молящимся не должно приходиться къ Богу съ безплодными и голыми моленіями. Прошеніе бываетъ безплодно, когда умоляетъ Бога молитва безплодная. Ибо какъ всякое древо, не творящее плода, посѣкается, въ огонь ввергается (Мѡ. 7, 19): такъ и молитва, плода не имѣющая, не имѣетъ цѣны у Бога, какъ неплодная никакимъ благимъ дѣланіемъ. Посему - то божественное писаніе научаетъ насъ говоря: *блага молитва съ постомъ и милостынею* (Тов. 12, 8). И Тотъ, Кто въ день суда имѣетъ воздать за дѣла милостивыя и нынѣ благоволительно выслушиваетъ того, кто приступаетъ къ молитвѣ съ подобнымъ дѣланіемъ. Такъ, когда молился симъ образомъ Корнилій Сотникъ, то удостоился услышанъ быть. Ибо былъ *творилъ милостыни многи людемъ и моляйся Богу всегда*. Ему, въ часъ девятый дня молящемуся, предсталъ Ангель, и воздавая свидѣтельство его дѣланію, сказалъ: *Корниліе! молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память предъ Богомъ* (Дѣян. 10, 1 — 4). Скоро восходятъ къ Богу молитвы, которыя цѣнными предъ Нимъ дѣлають дѣла наши... И Самъ Господь чрезъ Исаію убѣждаетъ насъ, говоря: *разрѣшай всякъ союзъ неправды, разрѣшай обдолженія насильныхъ писаній, отпусти сокрушенныя въ свободу и всякое писаніе неправедно раздери. Раздробляй алчущимъ хлѣбъ твой и нищія безкровныя введи въ домъ твой. Аще видиши нага, одѣй, и отъ свойственныхъ племени твоего не презри. Тогда разверзется рано свѣтъ твой и исцѣленія твоя возсіяютъ, и предыдетъ предъ тобою правда твоя, и слава Божія обыметъ тя. Тогда воззовеши и Богъ услышитъ тя, и еще глаголющу*

ти речеть: се придохъ (Ис. 58, 6 — 9). Онъ общаетъ предстать, услышать и защитить тѣхъ, которые, разрѣшая въ сердцѣ всякій союзъ неправды, и милостыни домочадцамъ Божиимъ по заповѣди Его творя, и тѣмъ являя послушаніе тому, что заповѣдалъ Богъ, и сами заслуживаютъ быть услышанными отъ Бога. Кто милуетъ нищихъ, Богу въ заимъ даетъ, и кто подаетъ меньшимъ братіямъ, Богу даръ приноситъ, — духовно приноситъ Богу въ жертву *вою благоуханія* (Филип. 4, 18).

св. Кассіанъ. Итакъ видите, какой образъ молитвы предложенъ намъ отъ самаго Судіи, коего мы должны умолять оною. Здѣсь нѣтъ прошенія и даже воспоминанія ни о богатствѣ, ни о почестяхъ, ни о власти, ни о тѣлесномъ здравіи или временной жизни. Творецъ вѣчности не хочетъ, чтобы мы просили у Него чегонибудь суетнаго, маловажнаго и временнаго. Посему тотъ нанесетъ величайшее оскорбленіе Его величеству и благодати, кто презрѣвъ сіи вѣчно благія прошенія, захочетъ умолять Его о чемъ либо скоропреходящемъ и тлѣнномъ: такой человекъ маловажностію прошеній скорѣе навлечетъ на себя негодованіе Судіи своего, нежели привлечетъ Его благоволеніе.

Хотя предложенная молитва, будучи изречена или постановлена Самимъ Господомъ, повидимому, заключаетъ въ себѣ всю полноту совершенства; впрочемъ присныхъ своихъ она руководитъ къ тому возвышеннѣйшему состоянію, къ той пламенной и весьма не многими дознанной и испытанной, неизглаголанной молитвѣ, которая превосходя всякое человѣческое понятіе, не можетъ быть выражена ни звуками голоса, ни движеніями устъ и никакимъ сочетаніемъ словъ, но которую умъ, озаренный блистаніемъ небеснаго свѣта, произноситъ не чело-

вѣческой слабою рѣчью, но. отъ избытка чувствованій преизобильно изливаетъ какъ бы изъ нѣкаго обильнѣйшаго источника, и неизъяснимо отрыгаетъ ко Господу; то износя въ этотъ кратчайшій моментъ времени, чего не только выразить неудобно, но чего умъ, въ себя пришедъ, и обозрѣть не въ силахъ.

блж. августинъ. Надо поимѣть во вниманіи и то, какое находится различіе между сими седмью прошеніями.—Такъ какъ нынѣ проходитъ у насъ временная жизнь и чается вѣчная, и такъ какъ вѣчное первѣйшее есть по достоинству, хотя къ нему переходятъ по совершеніи напередъ временныхъ дѣлъ; то испрашиваемое въ первыхъ трехъ прошеніяхъ, хотя начало получаетъ въ сей жизни, въ вѣкѣ семь проводимой, но въ совершеніе приходитъ въ жизни будущей, гдѣ и будутъ пребывать въ силѣ и совершенствѣ три сія. Тамъ и имя Божіе будетъ святиться непрестанно и царствію Его не будетъ конца, и воля Его явится во всемъ всецѣло дѣйствующею и исполняемою. Итакъ эти три въ полное совершеніе пріидутъ и въ нераздѣльномъ союзѣ явятся въ той жизни, которая намъ обѣщается. — Прочія же четыре прошенія принадлежать, мнѣ кажется, къ сей временной жизни. Первое изъ нихъ есть — *хлѣбъ, нами насущный даждь намъ днесь*. Но тѣмъ самымъ, что хлѣбъ сей названъ здѣсь насущнымъ — повседневнымъ, — показывается, что онъ принадлежитъ къ настоящему времени, которое означено словомъ: *днесь*, разумѣть ли подъ нимъ хлѣбъ духовный-мысленный (слово Божіе) или таинственный (тѣло и кровь Господа) или вещественный: не потому (такъ говорю), что духовная пища не вѣчна, но потому, что та духовная пища, которая названа повседневною — насущною, преподается душѣ въ Писаніяхъ, или членораздѣль-

ною рѣчью, или подъ какими-либо временными знаками: чего всего не будетъ тогда, когда всё будутъ научаемы Богомъ (Ис. 54, 13; Ин. 6, 45), и неизреченный свѣтъ истины почерпать непосредственно чистымъ умомъ. И грѣхи здѣсь только оставляются намъ, какъ и мы здѣсь же оставляемъ долги наши: тамъ же не будетъ мѣста оставленію грѣховъ. Равно искушеніями наполнена лица временная сія жизнь; тогда же, когда исполнится написанное: *скрыши ихъ въ тайны лица Твоего* (Пс. 33, 21), — ихъ уже не будетъ болѣе. Наконецъ и зло, отъ котораго избавиться желаемъ и самое избавленіе отъ него тоже принадлежитъ къ сей же жизни.

„Мнѣ кажется, что седмиричное число прошеній имѣеть соотношеніе съ седмию дарами Св. Духа и съ соотвѣтствующими имъ блаженствами. Страхъ Божій есть то, чѣмъ содѣваются *нищіе духомъ* — *блаженные, яко тѣхъ есть царство небесное*; почему просимъ, да святится имя Твое въ человѣцѣхъ, силою чистаго *страха Божія, пребывающаго въ вѣкъ вѣка* (Пс. 18, 10). Благочестіе есть то, чѣмъ содѣваются *кроткіе*, — *блаженные, яко тѣи наследуютъ землю*; почему молимся, да приидеть царствіе Божіе, или здѣсь—въ насъ самихъ, да укротимся и перестанемъ Ему противиться, или во второмъ славномъ пришествіи Господа, коимъ возрадуемся и восхвалимся, когда Онъ скажетъ: *приидите благословенніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложеніе міра* (Мѡ. 25, 34). Ибо *о Господь*, говоритъ пророкъ, *похвалится душа моя, да услышатъ кротціи и возвеселятся* (Пс. 32, 2). Вѣдѣніе есть то, чѣмъ содѣлываются *плачущіе*—*блаженные, яко тѣи утѣшатся*; почему молимся, да будетъ воля Божія, яко на небеси и на земли: ибо когда тѣло, яко земля, во всемъ согла-

соваться будетъ съ духомъ, яко небомъ, тогда не будемъ болѣе плакать; потому что ничто въ вѣкѣ семя бывающее недостойно столько плача какъ то, что эти двѣ части наши, — тѣло и духъ, — воюють одна противъ другой, и вынуждаютъ насъ говорить: *вижду инъ законъ во удыхъ моихъ, противовоюющъ закону ума моего* и сѣтованіе наше о томъ такимъ плачевнымъ выражать голосомъ: *окаяненъ азъ человекъ, кто мя избавитъ отъ тла смерти сая* (Рим. 7, 23. 24). Крѣпость (сила мужества) есть то, чѣмъ *блаженны* бываютъ *алчущіе и жаждующіе правды, яко тѣ насытятся*; почему молимся, да будетъ подаваемъ намъ *днесь хлѣбъ нашъ насущный*, чтобъ, будучи имъ подкрѣпляемы и поддерживаемы, могли мы достигнуть полнѣйшаго онаго насыщенія. Совѣтъ есть то, чѣмъ *блаженны* бываютъ *милостивые, яко тѣ помилованы будутъ*; почему, отпуская долги должникамъ нашимъ, молимся, да будутъ оставлены и намъ долги наши. Разумъ есть то, чѣмъ содѣваются *чистые сердца*, — *блаженные, яко тѣ Бога узрятъ*; почему молимся, да не будемъ введены въ искушеніе, чтобъ не имѣть раздвоеннаго сердца, не одинаго ища блага, къ коему относили бы все, что ни дѣлаемъ, но гоняясь вмѣстѣ и за земнымъ и временнымъ. Премудрость есть то, чѣмъ *бываютъ блаженны миротворцы, яко тѣ сынове Божіи нарекутся*; почему молимся, да избавлены будемъ отъ лукаваго: ибо избавленіе сіе содѣлаеть насъ свободными, т.-е. сынами Божіими, чтобъ въ духѣ всыновленія вопіять: *Авва Отче!* (Рим. 8, 15; Ин. 4, 6).

„Не должно упускать изъ виду и того, что изъ всѣхъ прошеній, съ какими заповѣдалъ намъ Господь обращаться къ Богу въ молитвѣ, особенное судиль Онъ остановить вниманіе на томъ, въ коемъ испрашивается отпу-

щеніе грѣховъ. Онъ хочетъ сдѣлать насъ милосердными, указывая въ этомъ единственное средство самимъ получать милость и избывать отъ своей главнѣйшей нужды (тяготы грѣховъ). Почему ни одного прошенія не возносимъ мы къ Богу, такъ, какъ бы вступали съ нимъ въ условія и уговоръ, какъ въ э́томъ: ибо говоримъ: *остави намъ... яко же и мы оставляемъ*. Если оказываемся мы лживыми въ этомъ уговорѣ, то и отъ всей молитвы никакого не бываетъ плода. Ибо говоритъ Господь: *еще отпускаете чело́вкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: еще ли не отпускаете чело́вкомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мѡ. 6, 14, 15).

онъ-же. Какія бы другія слова ни говорили мы, которыя обыкновенно молящійся или напередъ подбираетъ для выраженія своего молитвеннаго движенія, или потомъ присовокупляетъ для возвышенія сего чувства,—ничего не можемъ мы сказать, что не содержалось бы въ молитвѣ Господней, если молимся правильно и какъ слѣдуетъ. Кто говоритъ, на примѣръ: *яко же предъ нами (языками) освятился еси въ насъ, такожде предъ нами возвеличился въ нихъ* (Сир. 36, 4), что другое говоритъ, какъ не *да святится имя Твое!*—Кто говоритъ: *Господи Боже силъ обрати ны, и просвѣти лице Твое, и спасемъ* (Пс. 79, 8), что другое говоритъ, какъ не: *да приидетъ царствіе Твое?*—Кто говоритъ: *стопы моя направив по словеси Твоему, и да не обладаетъ мною всякое беззаконіе* (Пс. 118, 133), что другое говоритъ, какъ не: *да будетъ воля Твоя; яко на небеси и на земли?* Кто говоритъ: *богатства и бѣдности не даждь ми: устрой же ми потребная и самодовольная* (Прит. 30, 8), что другое говоритъ, какъ не: *хлѣбъ нашъ засушный даждь*

намъ днесь?—Кто говорить: *помни Господи Давида и всю кротость его* (Пс. 131, 1), или: *Господи Боже мой, аще сотвори хъ сѣ, аще естъ неправда въ руку мою, аще воздахъ воздающимъ ми злая...* (Пс. 7, 45), что другое говорить, какъ не: *остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ?* — Кто говорить: *чрева похоть и блудодѣянїя да не обымутъ мя, и безстыднѣи души не предаждь мене* (Сир. 23, 5), что другое говорить, какъ не: *и не введи насъ во искушенїе?* Кто говорить: *изми мя отъ врагъ моихъ Боже, и отъ возстающихъ на мя избави мя* (Пс. 58, 2), что другое говорить, какъ не: *избави насъ отъ лукаваго?*—И если ты просмотришь всѣ словеса святыхъ молитвъ, думаю, ничего не найдешь въ нихъ, что не содержалось бы въ молитвѣ Господней? Почему свободно тебѣ такими или другими словами одно и то же однакожъ изрекать въ молитвѣ; но другое изрекать не должно быть у тебя свободы.—Кто, на примѣръ, говорить въ молитвѣ: *Господи, умножь мое богатство, или дай мнѣ его столько, сколько далъ тому-то и тому-то; или увеличь почести мои и сдѣлай меня въ вѣкѣ семъ сильнымъ и славнымъ, или, что другое подобнаго рода, и говорить это, похотствуя такихъ вещей, яко благъ, прямо для себя, а не то имѣя въ виду, чтобъ помощію ихъ принести по Богу благо людямъ, тотъ, думаю, не найдетъ въ молитвѣ Господней ничего, чѣмъ бы могъ оправдать такія свои воздыханїя. Почему да будетъ стыдно по крайней мѣрѣ просить того, чего не стыдятся желать. Если же и это сознается стыднымъ, только не достаетъ силъ побѣдить такое пожеланїе, то что приличнѣе въ такомъ случаѣ, какъ не молиться объ избавленїи отъ злаго сего похотѣнїя Тому, Коему говоримъ: *избави насъ отъ лукаваго?**

„Имѣешь такимъ образомъ вѣрное указаніе, о чемъ должно тебѣ молиться, не отъ меня, но отъ Того, Кто благоволилъ всѣхъ насъ научить тому.—Блаженной жизни надобно искать, испрашивая ее у Господа Бога. Что есть—быть блаженнымъ, многими обдумывано и многообразно рѣшено; но намъ какая нужда идти къ симъ многимъ и за симъ многимъ? Въ писаніи Божиємъ кратко, но совершенно опредѣленно, сказано: *блаженни людие, имже Господь Богъ ихъ* (Пс. 143, 15). Чтобъ и намъ быть среди сихъ людей и сподобиться жить съ ними во вѣки, *конецъ завѣщаній, любви отъ чиста сердца, и со- вѣсти благія, и вѣры нелицемѣрной* (1 Тим. 1, 5). На этихъ трехъ добросовѣстное покоится упованіе. Итакъ вѣра, надежда и любовь приводитъ Богу молящагося, который, вѣруя, надѣясь и желая, тому, чего проситъ у Господа, научается изъ молитвы Господней. Постъ и воздержаніе отъ другихъ плотскихъ удовольствій, особенно же милостыня много помогаетъ молитвѣ.

„Есть и еще нѣчто, о чемъ, можетъ быть, родится у тебя вопросъ, именно: почему апостоль сказалъ: *о чемъ бо помолимся, якоже подобаетъ не вѣмы* (Рим. 8, 26)? Ибо никакъ нельзя думать, чтобы онъ и тѣ, къ которымъ онъ писалъ это, не знали Господней молитвы. Почему онъ сказалъ такъ, и сказалъ надо полагать, не неразумно, и не ложно? Не почему другому, какъ потому, что прискорбности и тревоженія временныя очень много для насъ душе- спасительны, то тѣмъ, что врачуютъ гордую надменность, то тѣмъ, что испытываютъ терпѣніе и даютъ ему упраж- неніе, а ему испытанному и обученному опытомъ гото- вится славнѣйшая и богатѣйшая награда, то тѣмъ, что ими наказываются и очищаются грѣхи; мы же, не зная, какую именно приносятъ онѣ пользу, молимся объ избав-

леніи отъ всякой прискорбности. Сего невѣдѣнія апостоль и себя не выставляеть чуждымъ, какъ видно и изъ того, что, когда за преможество откровеній да не превозносится, данъ былъ ему пакостникъ плоти, аггелъ сатанинъ, да ему пакости дѣетъ, онъ трикраты молилъ Господа, да возметъ сей отъ него, не зная, конечно, о чемъ молился, якоже подобаеть. Въ отвѣтъ на то, почему не услышана молитва, когда молился такой мужъ, и почему не полезно было услышаніе, слышимъ: *довлѣтъ ти благодать моя, сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 7—9).

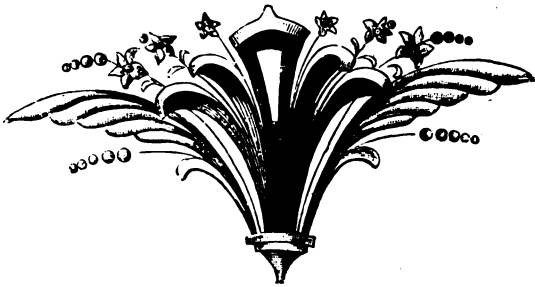
„Такъ въ этихъ прискорбностяхъ, которыя могутъ и пользу принестъ и вредъ, о чемъ помолимся, якоже подобаеть, не вѣмы: и однакожь, такъ какъ онъ чувствительны и тяжелы, то, по общечеловѣческой немощи, молимся, да взяты будутъ онъ отъ насъ. Но при этомъ должны мы по крайней мѣрѣ ту являть благопокорливость Господу Богу нашему, чтобъ, если онъ не возьметъ ихъ отъ насъ, не думать, что презрѣна молитва наша, но паче облекаться въ благодушное терпѣніе золь въ чаяніи большихъ за то благъ: ибо симъ образомъ сила Божія въ немощи совершается. Нѣкоторымъ впрочемъ нетерпѣливымъ Господь Богъ уступалъ то, о чемъ просили, въ гнѣвѣ, какъ напротивъ апостолу отказалъ въ благоволеніи. Такъ читаемъ въ книгѣ Числь (гл. 11), чего просили и какъ получили Израильтяне, но когда насытилось похотѣніе ихъ, послѣдовало тяжкое наказаніе нетерпѣливости. Далъ Онъ и царя просящимъ по сердцу ихъ, а не по сердцу своему, какъ написано (1 Цар. 8, 5—7). Далъ Онъ даже то, что діаволь просилъ, для прославленія испытаннаго раба своего (Іов. 1, 12, 2, 6). Услышалъ Онъ и нечистыхъ духовъ, когда, по

прошенію ихъ, послалъ въ свиней цѣлый ихъ легионъ (Лк. 8, 32). Это написано, чтобъ никто не считалъ себя за нѣчто великое, когда услышанъ бываетъ: потому что, можетъ быть, испросилъ въ нетерпѣливости своей то, чего не испросить было бы гораздо полезнѣе; а если не будетъ услышанъ, чтобъ не падалъ духомъ, и не отчаявался въ Божіемъ къ себѣ милосердіи: ибо, можетъ быть, онъ испрашивалъ того, что получивъ подвергся бы горькимъ страданіямъ, или бы совсѣмъ разорился и сдѣлался несчастнымъ. Вотъ въ какихъ случаяхъ *о чемъ помолимся, якоже подобаетъ не вѣмы*. Посему если случится что, противное прошеніямъ нашимъ, терпѣливо должно сносить то и о всемъ благодарить, въ томъ убѣжденіи, что несомнѣнно спасительнѣе для насъ, да будетъ во всемъ воля Божія, а не наша. Ибо и такого рода примѣръ преподалъ намъ Ходатай нашъ, когда сказалъ: *Отче, аще возможно, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія*, а потомъ волю свою человѣческую волѣ Отчей подчиняя, прибавилъ: *обаже не якоже Азъ хочу, но якоже Ты* (Мѡ. 26, 39). Отсюда — *послушаніемъ единого праведни быша мнози* (Рим. 5, 19).

„Кто того единого просить отъ Господа и того единого взыскиваетъ (Пс. 26, 4), да будетъ все по волѣ Его, тотъ просить вѣрнаго и безопаснаго блага, и нечего ему бояться, не повредило бы испрашиваемое, когда получено будетъ. Безъ сей воли не бываетъ пользы отъ того, что ни получилъ бы кто прилежною молитвою своею. Въ преданіи себя въ волю Божію—единая истинная и блаженная жизнь. Имѣющій его, что ни взыщеть, получить: ибо уже не будетъ искать ничего, что не было бы угодно волѣ Божіей.

Кто таковъ, надъ тѣмъ умножить милость свою Гос-

подъ, и онъ въ кровѣ крылу Его надѣянъ имѣть.
упіется отъ тука дому Его, и потокомъ сладости Его
напоенъ будетъ: ибо у Него источникъ живота, и во
свѣтъ Его узримъ свѣтъ (Пс. 35, 8—10).

Толкованіе молитвы Господней.

1) О молитвѣ вообще	351
2) Раздѣленіе	356
А) Призываніе	—
Б) Семь прошеній	378
Первое прошеніе	380
Второе прошеніе	393
Третье прошеніе.	402
Четвертое прошеніе.	413
Пятое прошеніе.	433
Шестое прошеніе	467
Седьмое прошеніе	484
В) Славословіе	490
3) Заключительныя мысли	494

12-

20

GENERAL LIBRARY - U.C. BERKELEY

8000216531

